

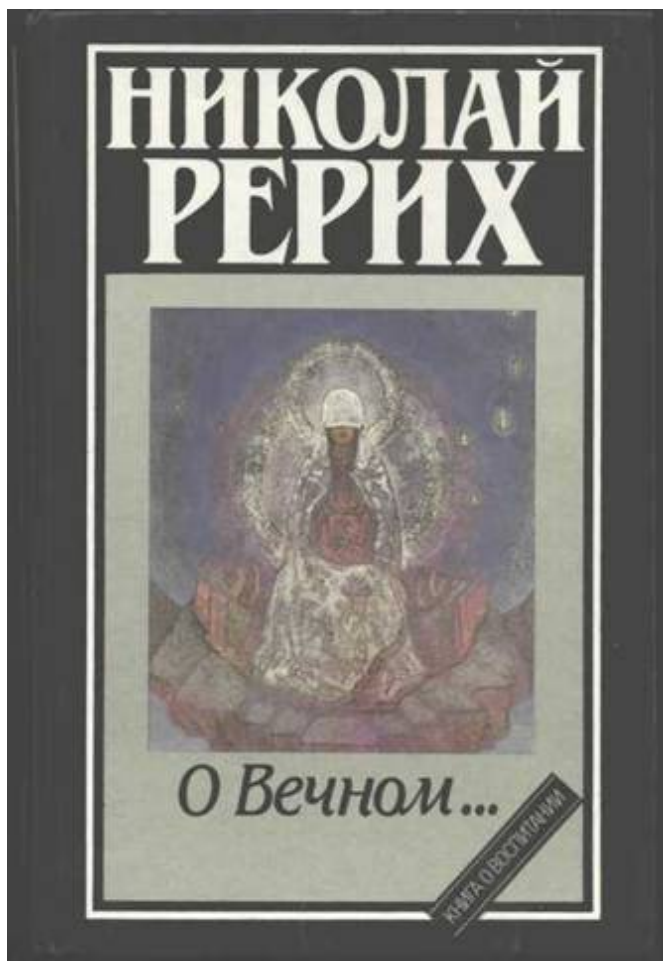
НИКОЛАЙ РЕРИХ

О Вечном...

Москва

Издательство политической литературы

1991

Рерих Н. К.

О Вечном ... — М.: Политиздат, 1991.— 462 с.: илл.

В сборнике представлены произведения русского мыслителя, художника и общественного деятеля Николая Константиновича Рериха, в которых рассматриваются вопросы педагогики, воспитания и самовоспитания человека.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся вопросами духовного, эстетического и морально-нравственного воспитания подрастающего поколения. При подготовке к публикации настоящего сборника по возможности максимально сохранялись орфография и пунктуация автора.

ББК 87.717
ISBN 5-250-01437-2

СОДЕРЖАНИЕ

[С. Н. Рерих. Слово об отце](#)

[Г у р у - У ч и т е л ь](#)

[Племя молодое](#)

[Познавание Прекрасного](#)

[Благословенная Иерархия](#)

[Чары Финляндии](#)

[Народный Учитель](#)

[Врата в Будущее](#)

[Учительство](#)

[Школы](#)

[Ожидания молодежи](#)

[Корни Культуры](#)

[Институт Объединенных Искусств](#)

[Творящая Мысль](#)

[Письмо](#)

[Академия](#)

[Достоинство](#)

[Русский язык](#)

[Небесное зодчество](#)

[Общее дело](#)

[Терпимость](#)

[Мастерство](#)

[Живая Мудрость](#)

[Молодежь](#)

[Труд](#)

[Молодому другу](#)

[Сотруднику](#)

[Повторения](#)

[Все тихо](#)

[Священные Основы](#)

[Красный Крест Культуры](#)

[Твердыня Пламенная](#)

[П р е к р а с н о е](#)

[Культура — почитание Света](#)

[Пути Благословения](#)

[Адамант](#)

[Прекрасное](#)

[Культура-Победительница](#)

[Истоки](#)

[Каменный век](#)
[Творчество](#)
[Счастье](#)
[Звезда Матери Мира](#)
[Женскому Сердцу](#)
[Огни очага](#)
[Дом Милосердия](#)
[Знамя Мира](#)
[Пашня Культуры](#)
[Постоянная Забота](#)
[Знамя](#)
[Мир](#)
[Вандалы](#)
[Охранителям Культурных Сокровищ](#)
[Шовинизм](#)
[Подвиги](#)
[Договор](#)
[К дальним](#)
[Охраните!](#)
[Огрубение](#)
[К Будущему](#)
[Знамя Мира](#)
[Друзьям Знамени Мира](#)
[Credo](#)
[Культура](#)
[Иконы](#)
С т у п е н и
[Открытые Врата](#)
[Ступени](#)
[Держава Света](#)
[Сказки](#)
[Легенды](#)
[Великая Матерь](#)
[Майтрейя](#)
[Скрыня](#)
[Древние источники](#)
[Письмена Азии](#)
[Чандогия Упанишады](#)
[Мир и Культура](#)
[Мир всему живущему](#)
[Маха Бодхи](#)
[Песни Монголии](#)
[Китаб-Эль-Иган](#)
[«Град Светлый»](#)

[Душа народов](#)

[Риши](#)

[Семь Святых](#)

[За Великой Стеной](#)

[Адамант](#)

[Любовь Непобедимая](#)

[Слово на освящение часовни Св. Преподобного Сергия](#)

[Шри Рамакришна](#)

[Великий Облик](#)

[Бесстрашие](#)

[Свобода познания](#)

[Взлеты](#)

[Борьба с невежеством](#)

[«Совершенно новое»](#)

[Следы Мысли](#)

[Свет опознанный](#)

[Потустороннее](#)

[Особенное](#)

[Знак Эры](#)

[Сожжение тьмы](#)

[Вперед](#)

[Лада](#)

В о с х о ж д е н и е

[Монсальват](#)

[Молодое Движение](#)

[Слово друзьям](#)

[Естество](#)

[Испытания](#)

[Сущность](#)

[Огни испытания](#)

[Неприязнь](#)

[Справедливость](#)

[Чуткость](#)

[Помощь](#)

[Будем радоваться](#)

[Польза Доверия](#)

[Благожелательство](#)

[Бережливость](#)

[Значительность](#)

[Труд](#)

[Доверие](#)

[Скорее!](#)

[Corason](#)

[Синтез](#)

[Содружество](#)
[Строитель](#)
[Сближение](#)
[Взаимность](#)
[Рождение скуки](#)
[Желанный труд](#)
[Питание](#)
[Соппротивление злу](#)
[Самоотвержение зла](#)
[Черта Мира](#)
[Оружие Света](#)
[Нерушимое](#)
[Неисчерпаемость](#)
[Истинная Сила](#)
[Огонь Претворяющий](#)
[Подвиг](#)
[Чайка](#)
[Напутствие](#)
П и с ь м е н а
[«Тридешатое царство»](#)
[Детская сказка](#)
[Гримр-викинг](#)
[Старинный совет](#)
[Великий ключарь](#)
[Замки печали](#)
[Цария Небесная](#)
[Миф Атлантиды](#)
[Знамения](#)
[Страхи](#)
[Клад](#)
[Города пустынные](#)
[Граница царства](#)
[Властитель ночи](#)
[Подвиг](#)
[Священные Знаки](#)
[На последних вратах](#)
[Завтра?](#)
[Время](#)
[К нему](#)
[Наш путь](#)
[Капли](#)
[Не открою](#)
[Пора](#)
[Нам?](#)

[Веселися!](#)
[Улыбкой?](#)
[Молитва Гайатри](#)
[Сон](#)
[Свод](#)
[О бедном](#)
[Свечи](#)
[Обернись](#)
[Зов](#)
[Встретим](#)
[Полночь](#)
[В пути](#)
[Монеты](#)
[Священные Знаки](#)
[Оставляю](#)
[М а л ь ч и к у](#)
[Вечность](#)
[Свет](#)
[Жезл](#)
[Послан](#)
[Украшай](#)
[В землю](#)
[Не можем](#)
[Не убить?](#)
[Не считай](#)
[Не закрой](#)
[Под землею](#)
[Тогда](#)
[Поможет](#)
[Бог даст](#)
[При всех](#)
[О вечном](#)
[Повторяешь](#)
[Детские замки](#)
[Не убьют](#)
[Вижу я!](#)
[Захочешь](#)
[Подвиг!](#)
[Пламя](#)
[Милосердие](#)
[Наставление ловцу, входящему в лес](#)
[Примечания](#)
[Толковый словарь](#)
[Библиография](#)

С. Н. Рерих. Николай Константинович Рерих. 1942 г.

С. Н. РЕРИХ.

Слово об отце¹

Как описать жизнь моего отца, как охарактеризовать ее и как воздать ей должное? Когда я думаю о своем отце, я вспоминаю свое длительное близкое общение с ним, я вижу, как над всеми его замечательными достижениями, его вкладом в нашу культуру возвышается личность художника, его неповторимая индивидуальность.

Добрый и терпеливый, никогда не терявший попусту ни секунды времени, гармонично сочетавший ощущения напряженности и благожелательства, всегда думавший о благополучии окружающих его людей, он как личность являет собой совершенный образец человека, для которого жизнь стала великим подвигом, высоким служением. Всю свою жизнь он щедро дарил свой талант, и лишь в будущем можно будет понять все сделанное им.

Когда я думаю о своем отце, меня переполняет невыразимое чувство любви и уважения к нему за то, что он дал и продолжает давать нам. Он был истинным патриотом и горячо любил свою Родину, но он принадлежал и всему миру.

Весь мир был полем его деятельности. Каждая страна представляла для него особый интерес и особое значение. Каждая философия, каждое учение жизни были для него путем к совершенствованию, и жизнь для него была великими вратами будущего. Его прекрасная картина «Приказ Учителя» — это глубокий символ его огромных

¹ Настоящая статья представляет собой сообщение С. Н. Рериха на научной конференции в Академии художеств СССР, посвященной 100-летию со дня рождения Н. К. Рериха (24—25 ноября 1974 г.), дополненное текстом интервью С. Н. Рериха для фильма В. Жданова и Ю. Белянкина «Рерих» (текст дан в отточиях).

достижений и необыкновенной жизни. Он во всем стремился к прекрасному: и в живописи, и в литературе, и в общественной жизни — это великолепное воплощение необыкновенной, возвышенной мысли.

Вторая половина его жизни была тесно связана с Индией, и его заслуженно называли мастером гор.

Мой отец и моя мать были людьми, которые понимали высокие идеалы жизни и прошли свой путь как образец взаимопреданности и совершенствования.

Мы знаем много примеров, когда художники достигали величия, но очень мало можно найти примеров, когда великий художник оказывался еще более великим как человек.

Мне выпало счастье видеть этот живой пример в лице моих отца и матери. Их светлые образы навсегда останутся для меня источником величайшего вдохновения, великим источником счастья.

...В старинных книгах часто упоминалось: счастлив тот, кто на своем пути в жизни может встретить мудрого старца. Старца, который и его направил бы на правильный, скорейший, кратчайший путь и, может быть, устранил бы те трудности, которые перед ним будет ставить жизнь.

В лице моего отца я встретил этого мудрого старца. Он был для меня не только отцом и учителем, он был кем-то гораздо большим. А именно — наставником жизни. Через него и через мою матушку я научился ценить те прекрасные страницы, которые раскрывает перед нами жизнь. В этом именно наставник играет такую первенствующую роль. Николай Константинович был именно тем мудрым наставником, с которым меня связывало не только ближайшее родство, но именно тождество мысли, потому что я полностью разделял не только его мысли, но и образ жизни.

Я хочу послать мой самый сердечный, горячий привет (...) всем, кто несет в сердце желание узнать больше о Николае Константиновиче и так или иначе присоединиться к его работе. Мы очень ценим тот большой широкий интерес, который проявляют все наши друзья, товарищи к Николаю Константиновичу Рериху на нашей Родине, в Советском Союзе...

Хотя в 1974 году мы отпраздновали первое столетие со дня рождения моего отца, я чувствую, что с истечением времени каждые сто лет народы будут отмечать этот юбилей еще более тонко, с пониманием и глубочайшей признательностью. Сейчас мы возжигаем лишь первый огонек той дани, которую отдаем великой жизни. Но за ним в отдаленном будущем разгорится яркое пламя благодарности и признания.

...Можно очень много сказать о Николае Константиновиче, чтобы показать тот замечательный образ человека, который посвятил свою жизнь самоусовершенствованию, несению красивых идей и мыслей.

Платон говорил, что от красивых образов мы перейдем к красивым мыслям, от красивых мыслей мы перейдем к красивой жизни, от красивой жизни — к абсолютной красоте. Это то, к чему стремился Николай Константинович. Его знания были настолько широкими, что трудно найти те уголки, куда не проникал его пытливый ум. Он был тем возвышенным человеком, которого описывал Конфуций, говоря о более совершенном человеке...

Я хотел бы осветить некоторые интересные и знаменательные периоды жизни Николая Константиновича, сравнительно малоизвестные.

Это, прежде всего, период с 1916 по 1923 год, то есть период, когда Николай Константинович оказался за границей и так или иначе оторвался от России.

В 1916 году Николай Константинович заболел воспалением легких. Болезнь затянулась, и доктора, которые его лечили, после долгих консультаций решили, что Николаю Константиновичу нужно уехать из Петербурга и поехать туда, где более сухой, более здоровый климат. После совещания было решено, что подходящим будет климат Сердоболя (Сортовалы) на севере Ладожского озера.

Мы вошли в контакт с ректором университета Сердоболя профессором Реландером, который очень любезно предоставил Николаю Константиновичу свое имение «Юхенлахти» около Сердоболя. Мы приехали туда только на время, чтобы переменить климат и дать возможность Николаю Константиновичу поправить свое здоровье. Климат там действительно был очень здоровый, сухой, и на чистом воздухе здоровье Николая Константиновича стало быстро поправляться. Ладога дала ему много новых устремлений, идей. Там он начал писать этюды ладожских шхер, Валаам. Николай Константинович, будучи неутомимым работником, все время писал картины из прекрасной серии «Карелия», написал много стихотворений. И климат северной Карелии очень ему помог восстановить силы.

...В Карелии Николай Константинович написал много замечательных картин, которые не только отражают его мысли о Карелии, но явились как бы прогнозом будущей творческой работы...

В это время события первой мировой войны отрезали нашу семью от Петербурга, от России. Германский фронт проходил через Выборг, и германское командование захотело захватить всю эту территорию для десантов и операций против Петербурга. Мы оказались отрезаны от России.

Жизнь в Сердоболе значительно осложнилась. Стало трудно получать припасы. Николай Константинович должен был принять какое-то решение, чтобы выйти из создавшегося положения. Всегда полный энергии, он немедленно решил, что лучше всего будет поехать в Скандинавские страны.

В 1914 году в Мальме состоялась большая выставка русского искусства, и там осталось много картин Николая Константиновича. На этой основе организовали выставку в Швеции, в Дании и попутно в Гельсингфорсе. Так из Финляндии мы переехали в Швецию и затем дальше — в Норвегию, где прожили в общем недолго. Выставки картин Николая Константиновича прошли с большим успехом, многие картины были приобретены музеями и частными коллекционерами, и наиболее насущные вопросы разрешились.

Следующий этап — Англия. Дягилев очень хотел, чтобы Николай Константинович приехал в Лондон; в театре Ковент-Гарден Дягилев как бы начал новый русский сезон. Мы поехали в Англию. Николай Константинович организовал там свою выставку, которая прошла с очень большим успехом, и ему заказали целую серию декораций и костюмов к постановке русской оперы. Так начался новый период деятельности Николая Константиновича. Он всегда и во всем работал «на русской ниве». В данном случае это были русские оперы «Снегурочка», «Князь Игорь», «Царь Салтан» и другие постановки. Они шли с большим успехом.

Жизнь Николая Константиновича как художника, как общественного деятеля, как большого деятеля культуры, конечно, нашла в Лондоне новое претворение. К нему тянулись очень многие люди разных течений, и опять забила вокруг него обильная художественная жизнь.

Пробыли мы в Лондоне приблизительно год, не больше. Одним из главных устремлений в мыслях, в творчестве Николая Константиновича была Индия. Он мечтал о том, что когда-нибудь сможет осуществить свою мечту — посетить Индию, познакомиться с ее культурой и искусством.

В Лондоне произошла встреча Николая Константиновича с Рабиндранатом Тагором, который получил международную премию и путешествовал по Европе и Америке. Именно Тагор дал первую оценку произведений Николая Константиновича для Индии. Тагор был великим поэтом, и не только великим поэтом: он был замечательно богатой личностью, человеком большой культуры, и, конечно, его внутренняя духовная жизнь нашла самый живой отклик у Николая Константиновича. Тагор горячо убеждал Николая Константиновича посетить Индию, и хотя Николай Константинович тоже об этом мечтал, в то время это было трудно осуществить. Поэтому Николай Константинович

принял предложение доктора Харше, директора Чикагского университета, приехать в Америку для показа своих произведений. И вот в 1920 году мы добрались до Америки. Там у Николая Константиновича началась очень кипучая и плодотворная творческая деятельность.

Одной из первых сотрудниц Николая Константиновича в Америке стала Зинаида Григорьевна Фосдик. (...) Всю свою жизнь она была верным стражем его начинаний, внимательно следила за их продвижением, за его творчеством и действительно во многом помогала Николаю Константиновичу.

Николай Константинович создал в Америке целый ряд учреждений культуры. Зинаида Григорьевна занимала видное место во всей этой работе. Она заведовала Институтом объединенных искусств, который основал Николай Константинович в Нью-Йорке. Она была вице-президентом других учреждений.

Николай Константинович основал эти учреждения культуры на новых началах. Он хотел воплотить свои идеалы, чтобы искусство вошло в жизнь, вошло широко, было доступно народу. Он хотел, чтобы осознанная красота стала бы ведущим началом в жизни. Он верил, что мы должны всячески украшать нашу жизнь, стремился вводить искусство в повседневный быт, чтобы все питалось им и отражало бы красоту и гармонию.

Он говорил и писал, что если мы украсим, обогатим нашу жизнь, введем искусство в больницы, тюрьмы, то у нас не будет тюрем, а больницы станут прекрасными домами исцеления. Он хотел, чтобы именно искусство было ведущим началом в жизни.

Поэтому наши учреждения организовывали в США выставки в школах, госпиталях, всюду, где только можно было продвинуть идею искусства и красоты. Впоследствии из культурных учреждений, возникших по идее Николая Константиновича, был основан музей его имени.

Жизнь Николая Константиновича была очень богата контактами. Я знаю, например, что он чит художника Рокуэлла Кента, но также почитал и Сарджента из-за его замечательной техники. Сарджент часто бывал на выставках Николая Константиновича. У нас бывали многие молодые художники, которых Николай Константинович так любил.

В Лондоне главным для него был контакт с Рабиндранатом Тагором, с семьей Тагора. С Тагором мы также встречались и в Америке.

Частым гостем в наших учреждениях был Альберт Эйнштейн. Он был членом комитета «Пакта Рериха», почетным советником по науке. Николай Константинович с большим уважением относился к Эйнштейну, потому что Эйнштейн был не только большим математиком, но и очень большим человеком.

Кроме того, в Америке мы поддерживали контакты с Сергеем Сергеевичем Прокофьевым. Он тогда писал оперу «Любовь к трем апельсинам». Я очень живо помню встречи с Прокофьевым, он к нам приходил довольно часто, играл на рояле, показывал свои последние этюды. Моя матушка очень любила его «Бабушкины сказки» и другие произведения. Поддерживали мы контакты с Рахманиновым, который был прекрасным человеком. Он был не только замечательным пианистом, может быть, одним из наиболее блестящих пианистов мира. Он был разносторонним музыкантом, обладал огромной внутренней музыкальностью.

В 1920-е годы культурная жизнь Америки широко развивалась, после войны возникало много интересных начинаний, и, конечно, зов Николая Константиновича к более прекрасной жизни находил большой отклик.

Замечательный период деятельности Николая Константиновича начался с 1923 года, когда он осуществил свою мечту поехать в Индию. На этот период приходится путешествия не только по Индии, но и в Центральную Азию, в Тибет, на Алтай. Затем следует возвращение в Индию, основание института гималайских научных исследований «Урусвати», последующая жизнь и работа на Востоке.

...У нас были очень близкие и теплые встречи со всей семьей Неру в 1941 — 1942 годах. Неру пробыл в Кулу нашим гостем десять дней. У него были постоянные встречи и беседы с Николаем Константиновичем и Еленой Ивановной о том, как можно было бы сблизить Советский Союз и Индию, дать новое направление их отношениям. Тогда были совсем другие условия — Индия была колонией Великобритании. Наша дружба продолжалась до смерти Неру...

Яркой нитью в деятельности Николая Константиновича прошла его борьба за охрану памятников культуры. Эта его деятельность как бы раскинулась по всему миру и вошла в жизнь Индии и всей Азии.

...Основная идея Пакта зародилась у Николая Константиновича очень давно, во время его путешествий, поездок, когда он наблюдал замечательные памятники древности, которые так или иначе были подвержены разрушению, страдали от распрей и войн. У него постепенно формулировались идеи — необходимо защитить то самое главное, самое прекрасное в жизни, что принадлежит всем, общее достояние всего человечества — искусство, памятники древности — все, что дала нам наша культура. Николай Константинович работал над этими идеями с самого начала этого столетия. Так началась «одиссея» Пакта.

Знак Пакта, этого орудия мира, как бы отвечает Красному Кресту культуры. Он представляет из себя три сферы, которые заключены в круг, то есть прошлое, настоящее и будущее, которое держится бесконечностью и вечностью. Николай Константинович думал этим знаком оградить то, что является достоянием всего человечества.

Николай Константинович прекрасно понимал, что никакие пакты и договоры не могут остановить человечество, если оно хочет разрушений. Но он думал, что Пакт может оградить людей воспитанием, то есть дать людям понятие, что есть нечто такое, что является их общим, священным достоянием. И в этом была главная задача этого Пакта, который был принят уже после второй мировой войны, в 1954 году, и стал общим достоянием народов.

Мы можем гордиться, что идея этого Пакта зародилась у русского, что именно у русского человека была задача объединить человечество возвышенной идеей защиты его от разрушения...

По результатам совершенного в эти годы можно судить о том, сколько сделано Николаем Константиновичем. Однако его огромная общественная деятельность не посягала на время, которое он уделял искусству. И по какой бы стране он ни путешествовал, в каких бы условиях ни находился, он всегда писал картины. И не только картины, но и свои книги и свои дневники. Конечно, это было возможно только благодаря строгой самодисциплине. Николай Константинович всегда верил, что труд очищает жизнь, что человек через труд разрешает насущные проблемы и поднимается на следующую ступень эволюции. Сам Николай Константинович был как бы олицетворением этой мысли — он трудился всю свою жизнь.

Творческая работа Николая Константиновича никогда не прекращалась. До самых последних дней он всегда работал, и если не писал картин, то писал свои многочисленные статьи, которые широко расходились по Индии и многим странам.

День его начинался очень рано — он вставал в 5 часов утра и приступал к работе над картинами. Если же были другие задания, он включался в жизнь текущего дня. Надо отметить, что Николай Константинович никогда не торопился, не суетился, всегда работал размеренным темпом. Например, когда он писал, то писал медленно, но мысль его была так сгармонирована со скоростью писания, что он излагал законченную мысль без какой-либо поправки или оговорки. Когда он создавал свои картины, то у него были определенный план и ритм. План был всегда основательно разработан, и он ему строго следовал. Он никогда не торопился, но всегда поспевал все сделать и поспевал сделать гораздо больше, чем другие, которые торопились как можно быстрее что-то написать или что-то сделать.

У него, так же как у Елены Ивановны, не было светской жизни, эта жизнь их совершенно не интересовала, поэтому они не тратили время впустую. С самого утра и до позднего вечера их день был занят полезной работой. Днем были встречи, которые входили в орбиту общественной жизни отца, он делал также свои записи, в перерыве слушал музыку — это его освежало — и затем до позднего вечера продолжал свою работу. И так всегда его день был полностью занят кипучей творческой деятельностью. Когда он путешествовал, то был вынужден отрываться от налаженной работы. Путешествия физически были очень трудными, хотя и очень интересными. Когда Николай Константинович прибывал на стоянку, то пока разбивали лагерь, он немедленно садился записывать свои впечатления. Таким образом, у него день никогда не был потерян, и благодаря этой замечательной дисциплине он смог оставить такое богатое наследие.

Николай Константинович обладал совершенно изумительной памятью: если он что-то услышит или прочитает, то это навсегда оставалось при нем, он мог вспомнить самые сложные тексты, какое-нибудь стихотворение, которому его учили в детстве, он помнил полностью всю жизнь. Эта богатая одаренность вместе с дисциплиной, которую он считал необходимой для каждого человека, помогли ему подняться на высшую ступень творчества.

Николай Константинович всегда думал, что, в конце концов, главная задача жизни — это самоусовершенствование. Искусство или какие-либо другие творческие достижения могут быть очень большими, но в центре внимания всего остается жизнь самого человека, его личность. Он считал, что его творческая жизнь, его искусство — это только пособия самоусовершенствования. Он всегда работал над самим собой прежде всего. Он хотел подняться над тем, кем он был, и закончить свою жизнь более совершенным человеком. И в этом он преуспел. Он стал совершенно исключительным человеком, человеком мудрым, замечательных личных качеств. Я очень много встречал людей во всем мире, но другого такого человека, как Николай Константинович, встретить мне не пришлось.

...Николай Константинович мечтал посетить Советский Союз. Он хотел опять прикоснуться к той священной земле, из которой вышел. Но, к сожалению, этому не суждено было осуществиться. И он ушел на Гималаях, на Гималаях, которые он тоже любил.

Николай Константинович оставил после себя замечательное наследство. И пройдет много времени, пока все это будет освоено и оценено. Но будем работать над этим — вводить это наследство в нашу каждодневную жизнь...

Гуру-Учитель

Племя молодое

«Здравствуй, племя младое, незнакомое...» Да разве уж такое незнакомое? Если вспомним о лучших устремлениях, о доверчивости, о желании что-то сделать полезное, то и незнакомство отпадет. А все молодое — доходчиво и любит движение. С молодых лет судьба поставила нас близко к учащейся молодежи. В этом — великое благо. Два десятка лет перед нами проходили ежегодно самые разнообразные учащиеся. Среди них были самые неожиданные и, казалось бы, трудные характеры, но все же нельзя назвать их племенем незнакомым.

Лучшее жизненное испытание оказывается в общении с молодыми. Если хотите остаться молодым, то не прерывайте этих светлых общений. Молодежь хочет победить житейские трудности. Молодежь имеет запас мужества, который потом часто растрачивается и сменяется слабованием и сомнением. Считается, что смена поколений происходит через двадцать лет. Но, кроме того, каждый год кто-то подходит обновляющий, мятущийся, ищущий. Хорошо, что пришлось иметь дело именно с трудящейся молодежью. Ее было в нашем окружении больше, нежели обеспеченной и богатой. Показательно было наблюдать, как и в самых трудных бытовых условиях молодые дарования стойко развивались. Такие наблюдения тем дороже, что в них заключается не сентиментальное предположение, но самая светлая действительность.

Трудовая молодежь отдавала свои дарования не только станковой живописи, но и решительно всем проявлениям народного искусства. Мы всегда указывали, что нелепое название «художественная промышленность» должно быть отставлено и заменено широким понятием искусства. Сколько раз приходилось указывать, что пуговица, сработанная Бенвенуто Челлини, будет гораздо выше, нежели множество холстов в широчайших золотых рамах. В распространении правильного понимания искусства помогала нам фабричная молодежь. Она приходила к нам уже оттуда с желанием внести в ту же фабрику высокие художественные понимания.

Прошедших школу фабрика повышала в должностях, и их утонченный вкус позволял им совершенно иначе отнестись к понятию труда. Только таким народным посевом можно создавать племя молодое, новое и знакомое по общим устремлениям к высокому качеству труда. Народам опять придется вернуться к основе высокого просвещения и творчества. После войны, после обороны и защиты главное внимание сосредоточится на строительстве во всех областях жизни. Племя молодое, племя народных художников будет оплотом многих достижений.

Здравствуй, племя младое, нам знакомое...

1939

Познавание Прекрасного

Платон заповедал в трактатах о государственности:

«Трудно представить себе лучший метод воспитания, чем тот, который открыт и проведен опытом веков; он может быть выражен в двух положениях: гимнастика для тела

и музыка для души». «Ввиду этого воспитание в музыке надо считать самым главным; благодаря ему Ритм и Гармония глубоко внедряются в душу, овладевают ею, наполняют ее красотой и делают человека прекрасно-мыслящим... Он будет упиваться и восхищаться прекрасным, с радостью воспринимать его, насыщаться им, и согласовать с ним свой быт». Конечно, слово «музыка», в данном случае, мы не должны понимать в качестве общепринятого теперь музыкального образования в тесном значении. У афинян музыка, как служение всем музам, имела гораздо более глубокое и обширное значение, нежели у нас. Это понятие обнимало не только гармонию тонов, но и всю поэзию, всю область высокого чувства, высокой формы и творчества вообще в лучшем смысле.

Служение Музам было настоящим воспитанием вкуса, который во всем познает прекрасное. Вот к этому действительно прекрасному нам и придется опять вернуться, если только идеи высокого строительства не отринуты человечеством.

Гиппиас Майор (красота) диалога Платона не есть облачная отвлеченность, но поистине живущее благородное понятие. Прекрасное в себе! Ощутительное и познаваемое. В этой познаваемости заключается вдохновляющее, поощряющее напутствие к изучению и внедрению всех заветов прекрасного. «Философская мораль» Платона одухотворена чувством прекрасного. И разве сам Платон, проданный в рабство ненавистью тирана Дионизия, а затем живущий, восстановленный в садах Академии, не доказал примером своим жизненность прекрасного пути?

Конечно, и гимнастика Платона вовсе не современный нам футбол или кулачное антикультурное разбитие носов. Гимнастика Платона это тоже врата к Прекрасному, дисциплина гармонии и возвышение тела в сферы одухотворенные.

Мы говорили о введении в школах курса Этики жизни, курса искусства мыслить. Без воспитания общего познания прекрасного, конечно, и два названные курса опять останутся мертвою буквою. Опять в течение всего нескольких лет высокие живые понятия Этики обратятся в мертвенную догму, если не будут напитаны прекрасным.

Многие живые понятия древнего мира приобрели в нашем обиходе вместо, казалось бы, заслуженного расширения, наоборот, умаление и обеднение. Так обширное и высокое служение музам обратилось в узкое понятие игры на одном инструменте. Ведь когда вы слышите сейчас слово «музыка», вы себе прежде всего представляете урок музыки, со всеми наслоившимися ограничениями. Когда вы слышите слово «Музей», вы понимаете его как складочное место тех или иных редких предметов. И как всякое складочное место, это понятие вызывает в вас некоторую долю мертвенности. И это ограниченное понятие музея — хранилища, складочного места, так глубоко вошло в наше понимание, что, когда вы произносите понятие в первоначальном его значении, а именно Музейон, то никто уже не понимает, что вы хотите этим сказать. Между тем каждый эллин вовсе даже не самого высокого образования понял бы, что Музейон есть прежде всего Дом Муз.

Прежде всего Музейон есть Обитель всех родов Прекрасного и вовсе не в смысле лишь сохранения тех или иных образцов, но в смысле жизненного и творящего применения их. Потому часто вы можете слышать, что люди не могут понять, каким образом Музей, как таковой, может заниматься всеми родами Искусств, может заниматься воспитанием вкуса и распространением чувства Прекрасного в существе.

В данном случае мы вспомнили Заветы Платона. Так же точно мы могли бы вспомнить и Пифагора с его Законами о Прекрасном, с его незыблемыми основами светлых мировых утверждений. Древние Эллы дошли до того утончения, что возглавили свой Пантеон Алтарем Неведомому Богу. В этом возвышении Духа они приблизились к утонченно несказуемому понятию древних Индусов, которые, произнося «Неги, Нети», вовсе не хотели этим сказать какое-либо отрицание; наоборот, говоря «Не То, не То», они лишь указывали несказуемое величие непронизуемого Понятия.

При этом эти великие понятия не были чем-то отвлеченным, чем-то живущим лишь в разуме и рассудке, нет, они жили в самом сердце, как нечто живое, живородящее,

неотъемлемое и неистребимое. В сердце пылал тот же огонь священный, который слагал огненные Заветы и Синаитских отшельников. Тот же огонь сложил драгоценные облики св. Терезы, св. Франциска, св. Сергия и отцов Добротолюбия ², много знавших и в конце концов мало понятых.

Мы говорим о воспитании вкуса, как об акте действительно государственного значения. Когда мы говорим о Живой Этике, которая должна стать любимым часом каждого ребенка, тогда мы и взываем к современному сердцу, прося его расшириться, хотя бы до размеров Заветов Древности.

Разве можно считать естественным фактом, что понятие, ярко выраженное уже во времена Пифагора и Платона, могло бы так сузиться и потерять истинное значение после всех веков так называемого развития. Пифагор уже в пятом веке символизировал собою целую стройную «жизнь Пифагорейскую». Пифагор утвердил музыку и астрономию как сестер в науке. Пифагор, названный ханжами шарлатаном, должен ужасаться, видя, как вместо стройного развития разбита и искривлена наша современная жизнь, не знающая прекрасного гимна солнцу — свету.

В наши дни даже в печати иногда сообщаются странные формулы, как, например, недавно сказанная формула о том, что расцвет интеллектуальности является признаком вырождения. Формула очень странная, если только автор не придает слову «интеллектуальность» какое-то особо суженное понятие. Если, конечно, мы возьмем интеллектуальность лишь как выражение одного условного засушенного рассудка, то, конечно, эта формула справедлива. Но опасно одно, а именно, не считает ли автор интеллектуальность как интеллигентность, которая должна быть связана прежде всего с воспитанием вкуса, как действенного в жизни начала.

На наших глазах создалось на Западе новое перенятое слово - «интеллигенция». Сперва на этого новопришельца несколько косились, но затем оно вошло в литературу. Является вопрос, предполагается ли это понятие как выражение интеллекта, или же оно по древним Заветам символизирует вообще сознательное воспитание вкуса?

Если оно есть символ сознания и утонченного и расширенного, то будем приветствовать всякое такое нововведение, которое, может быть, еще раз напомним нам о древних прекрасных корнях.

В письме о «синтезе» вспоминались различия понятий Культуры и Цивилизации. Оба эти понятия достаточно обособлены даже в обычных словарях. Потому не будем возвращаться к этим двум последовательным понятиям, даже если бы кто-то и удовлетворялся одним низшим понятием Цивилизации, не мечтая о Культуре.

Но, вспомнив про интеллигенцию, позволительно будет спросить, принадлежит ли это понятие к Цивилизации, как к выражению интеллекта, или же оно захватывает и высшую ступень, а именно, входит уже в состояние Культуры, в которой действуют уже сердце, дух. Конечно, если бы мы предположили, что слово «интеллигенция» должно относиться лишь к стадии рассудка, то его не стоило бы вводить в новый обиход. Можно допустить нововведение там, где оно действительно вносит что-то новое или, по крайней мере, достаточно обновляет древние Заветы в рамках современности.

Конечно, всякий согласится с тем, что интеллигенция, эта аристократия Духа, принадлежит к Культуре и только в случае такого объединения можно приветствовать это новое литературное понятие.

В таком случае воспитание вкуса, конечно, принадлежит прежде всего интеллигенции, и не только принадлежит, но является ее обязанностью, не выполняя которую интеллигенция не имеет права на существование и сама себя осуждает на одичание.

Воспитание же вкуса не может быть чем-то отвлеченным. Прежде всего, это есть

² *Добротолюбие* — свод поучений наиболее выдающихся христианских подвижников первых веков, энциклопедическое руководство православной аскезы.

действительный подвиг во всех областях жизни, ибо где же может быть граница служению Музам древних Эллинов? Если древние понимали во всем действенном объеме это служение и приложения в жизнь этих прекрасных начал, то нам-то разве не будет стыдно, если мы в предрассудках и в ханжестве обрежем все лучезарные крылья огненно сверкающих ангелов.

Когда мы предлагаем этику как школьный предмет, как предмет наиболее увлекательный, обширный, полный созидających начал, мы тем самым предполагаем и преобразование вкуса как защиту от безобразия.

Андромеда говорит: «И я принесла тебе Огонь». И древний Эллин вслед за Эврипидом понимает, какой этот Огонь и почему он так драгоценен. Мы же в большинстве случаев будем твердить эти вдохновляющие, ведущие слова, как фосфорную спичку. Мы наклеили высокое понятие Фосфора — носителя Света на спичку и зажигаем ею наш охлаждающийся очаг, чтобы сварить похлебку на сегодня. А где же оно завтра, это светлое, чудное Завтра?

Мы забыли о нем. Мы забыли, потому что мы утратили поиски, утратили утонченный вкус, который устремляет нас к улучшению, к мечтам, к сознанию. Мечты для нас сделались снами преходящими, но ведь неумеющий мечтать и не принадлежит к жизни будущей, не принадлежит к роду человеческому с высоким образом.

Даже та простая истина, что мечта о будущем есть первое отличие человека от животного, уже превратилась в трюизм. Но сам трюизм сделался не общепринятой истиной, как должно было бы быть, но стал синонимом истины, о которой не следует думать. Тем не менее, несмотря ни на что, даже во время самых больших трудностей, не отложим мысль о воспитании вкуса, не отложим мысль о предмете живоносной Этики. Не забудем об искусстве мышления и будем помнить о сокровище сердца.

«Некий отшельник оставил свое уединение и вышел с вестью, говоря каждому встречному: «Имеешь сердце». Когда же его спросили, отчего он не говорит о милосердии, о терпении, о преданности, о любви и всех благих основах жизни, он отвечал: «Лишь бы не забыли о сердце, остальное приложится». Действительно, можем ли обратиться к любви, если ей негде пребывать? Или где поместится терпение, если обитель его закрыта? Так, чтобы не терзаться неприложными благами, нужно создать для них сад, который откроется среди осознания сердца. Станем же твердо на основе сердца и поймем, что без сердца мы шелуха погибая. «Так заповедуют Мудрые». Так и примем и приложим.

Без неустанного познания прекрасного, без неутомимого утончения сердца и сознания мы сделаем и законы земного существования и жестокими и омертвелыми в человеконенавистничестве. Иначе говоря, будем способствовать самой низменной гибели.

Сказано!

24 мая 1932 г. Гималаи

Благословенная Иерархия

Привет Молодым Дружбам

«Здравствуйте, Господин доктор Лукин!

Вы меня не знаете, но я Вас знаю, только не видел. Тетя говорила, что вы председатель Общества Друзей Музея Имени Рериха. Я тоже его друг, он меня тоже не видел. Я Сережа Витол, и мне семь с половиною лет. И я хочу, чтобы вы сделали общество для детей, только чтоб не болтать, а научиться, как хорошо жить и быть хорошим. Я хотел к вам прийти, но не могу, потому что еду в Литву. Я там живу. Я приеду в марте и приеду к Вам, а там сообщу Вам большую тайну.

Уважающий Вас Сережа Витол».

Так пишет молодой друг Сережа Витол Президенту нашего Латвийского Общества д-ру Лукину. При этом д-р Лукин, со свойственной ему отзывчивостью и добротой, замечает, что мы должны быть готовы ответить на такие запросы. Когда вспоминаю множество таких же заявлений от известных, а также неизвестных нам юных друзей, то истинно безотлагательно должны мы исполнять благородное устремление этих искателей улучшения жизни. Обратите особое внимание на слова Сережи Витола: не болтать, но лучше жить. Это прекрасная формула, о которой мы, взрослые, всегда мечтаем и которая опять и опять растворяется в болтании, клевете и сплетнях.

Как это прекрасно, если наши молодые друзья выкажут твердое стремление к поискам, как лучше жить. Обратите внимание: наш друг говорит не о забаве, не о приятном времяпрепровождении, но об улучшении жизни. Он приходит к этому запросу необходимости улучшения жизни так просто. И в этой простоте есть та действенность, которая может оживить любую бесплодную пустыню. Не зная лично этого молодого друга, я чувствую, что он не удовлетворится играми и нашим опошленным понятием детского сада, в котором часто, вместо позитивного прогноза, внедряются зачатки предрассудков. Наш друг и те другие молодые друзья, которых мы знали, хотят настоящее общество для улучшения жизни. Он хочет серьезную работу, ибо, как уже мне приходилось говорить, младшие особенно бережно стараются выполнить порученную им работу старших. Даже в домохозяйстве младшие глубоко серьезно участвуют в доверенных им поручениях. Вспоминаем, как необыкновенно заботливо пятилетний Олаф накрывал стол, он даже становился на стул, чтобы сверху посмотреть, все ли на своем месте, а семилетний Володя с такою ревностью чистил ружье, ибо ему было доверено вычистить ружье не игрушечное, но самое настоящее; и как Аллеи заботился о картинах и разговаривал с ними о самых серьезных вещах, а маленький Жером стремился в своем приготовительном классе ввести начало законной общественности. Можно приводить нескончаемое число примеров истинного и проникновенного сотрудничества молодых друзей. Я не забываю, что картина моя в Музее Канзас-Сити приобретена по подписке школьников и сама картина была выбрана их голосованием, а картина эта была «Владыка» — ожидание прихода Вышнего Владыки. Не сказалось ли в этом внутреннее сознание юных друзей об Иерархии? К этому самому ценному понятию в строительстве, которое так часто впоследствии загрязняется и испаряется, в собрании юных друзей был предложен вопрос о проекте города будущего. Один участник собрания заявил, что в его городе не будет тюрем, другой сказал, что его город начнется с постройки госпиталя, третий заявил, что в середине города будет Храм, четвертый имел в виду сады на крышах, еще один проектировал особые крыши для опускания аэропланов. Никто из присутствовавших не думал о столь милых сердцу взрослых водевилях и забавах. При этом заметьте, что участвовавшие вовсе не были худосочными пессимистами, но были крепкими, жизнерадостными и веселыми. Но ни гольф, ни разбитие скул кулаками, ни опошленные пляжи не входили в молодые мечты.

Мне приходилось видеть множество детских рисунков. За малыми, очевидно, навеянными семейными обстоятельствами исключениями, я не помню ни одного карикатурного или пошлого сюжета. Помню, как маленькая Стефани изображает историю Жанны д'Арк; помню какие-то фантастические города, цветы, животных. Помню о всевозможных коллекциях. Помню сочинения пяти- и шестилетних об экспедициях и о наблюдениях естественноисторических, об открытии новых земель, звезд и нового солнца. Помню целые книги, составленные во время младших классов школ, об орнитологии, о породах деревьев, о минералах. Помню целые художественные поучительные коллекции открытых писем. При этом — назидание для взрослых — не было ни одного пошлого сюжета, которые обильно издаются будто бы по требованию толпы. Вспомним театры, устраиваемые юными друзьями, со всеми приспособлениями, чтобы походить на серьезный театр. Помню, как один юный друг, созвав своих сверстников, предоставил им подаренных ему игрушечных солдат, а сам сидел с книгой,

ответив на удивленный вопрос: пусть они занимаются, если их интересует, а я пока почитаю. При постройках примерных флотов далеко не всегда эти многопарусные суда направляются с целями войны, наоборот, часто они везут важные вести, открывают новые земли, перевозят какие-то полезные машины или защищают свой берег.

Когда вы погружаетесь в воспоминание о саморазвитии сознания юных друзей, вы находите нескончаемое множество глубоко радостных фактов и сопоставлений. Если бы искривленные сознания жизни не отменяли развитие этих сознаний, сколько бы истинных возможностей прогресса возникало и сколько бы пошлого и подлого исчезало бы из жизни.

Сколько раз взрослые своим легкомысленным и вздорным отношением к основам жизни, к религии, навсегда отвращали справедливо устремленный инстинкт младшего поколения. Иногда при несправедливом обвинении детей матери идут якобы посоветоваться с Богом, и — о, ужас, — этот Бог дает несправедливое решение, или же на глазах у юных церковь превращается в клуб, думая, что молодые глаза не заметят этого. Но зорек молодой глаз, он запечатлевает многое, что впоследствии проходило бы незаметно. Ведь учение первых лет гораздо интенсивнее последующих. Милый Сережа Витол! У вас хорошая тетя, которая дала вам адрес д-ра Лукина!

Милый Сережа и все те, которые различно заявляли о своих сердечных серьезных намерениях, мы будем всячески помогать вашим обществам с целью, как жить лучше. Мы будем считать среди радостей наших, если друзья наши откроют самые светлые врата. Мы будем радоваться вместе с вами, если вы найдете радость творческого труда и осознаете мощь мысли.

Вы говорите о ваших тайнах, но тайна сердца вашего не разрушительна. Она созидательна и благостна. Вы хотите знать о хорошем и намереваетесь идти к этому по кратчайшему прямому пути. Это хорошее и дастся вам, если вы придете к нему, если вы в полной и светлой вере возьмете его. Эта вера, это непреложное знание поведет вас к хорошему, к тому прекрасному, которое завершается единым всепобеждающим Светом. Получать сведения о ваших обществах, о стремлении к хорошему будет нашим радостным днем.

Так будем увеличивать запас радостей наших. Будем утверждаться в радости творческого труда, в радости сотрудничества, в радости познания, во всех тех радостях, которые приведут нас к великому познанию Культуры.

Гималаи, 1931 г.

Чары Финляндии

Финскому Обществу Имени Рериха

Друзья!

Радуюсь получить ваше славное письмо от 6-го октября 1930 г., принесшее мне избрание Почетным Президентом нашего Финского Общества.

Охотно принимаю это избрание, так близкое мне. Сообщите Посланнику Финляндии и Генеральному Консулу мое глубокое сочувствие большой строительной работе, производимой финским народом. Также прошу передать доктору Реландеру, генералу Ман-нерхейму. Акселю Галлен-Каллела, Сааринену и другим моим друзьям в Финляндии мои лучшие чувства. Мы никогда не забываем время, проведенное в имении д-ра Реландера, и приветствие от Финского Правительства, сообщенное мне Акселем Галлен-Каллела к открытию моей выставки в Гельсингфорсе. Я всегда чувствую, что моя картина в Атенеуме является послем моего благожелания Финляндии.

Сердечно вспоминаю я, как в Америке я имел радость приветствовать великого строителя Финляндии Сааринена, создавшего незабываемый стиль в строительстве. Я сказал ему: Где же тот мост, который делает наши встречи такими дружественными? Где же тот ключ, который открывает наши сердца? И где же те крылья, которые через все препятствия несут нас во имя самого благородного и самого творческого? Прекрасное

ведет нас через все мосты. Прекрасное открывает наиболее тяжкие затворы. Прекрасное тклет светоносные крылья и объединяет души человеческие в их стремлении к единому Свету.

Когда я вспоминаю замечательные Музеи искусства, археологии и этнографии, созданные Финляндией, я чувствую, с какою заботою и самопознанием Финны собирали свои сокровища. И мы знаем, как глубоки финские корни. Уважаемый финский ученый Тальгрэн напомним нам, как глубока древняя культура Финляндии. Истинно слово «Культура» близко и легко произносимо на финской земле.

В моей книге «Шамбала» я воздал привет Финляндии в статье, озаглавленной «Гуру — Учитель».

Однажды в Финляндии, на берегах Ладоги, я сидел с крестьянским мальчиком. Кто-то, средних лет, прошел мимо, и мой маленький друг вскочил и с искренним почтением снял свою шапочку. Я спросил его: «Кто этот человек?» Необычайно серьезно мальчик ответил: «Это Учитель». Я снова спросил: «Это ваш Учитель?» - «Нет, — ответил мальчик, — это учитель из соседней школы». — «Вы знаете его лично?» — «Нет», — ответил мой юный друг. «Почему же вы его приветствовали так почтительно?» Еще более серьезно малыш ответил: «Потому, что он Учитель».

Истинно в этом мальчике, снявшем шапку перед учителем, заключено здоровое зерно народа, знающего свое прошлое и сознающего значение слова «созидать».

Когда мы плыли по незабываемым финским озерам, вызывая образы мудрого Вайнемайнена, Айно и Сампо, мы видели и развалины седых замков и древние храмы и знакомились с такими же древними обычаями, и мы чувствовали так ясно, почему Калевала стоит в первом ряду вечных человеческих творений.

Я уверен, что вы, дорогая наша сотрудница, Эллен Кеттунен и президент Финского Общества господин Г. Тэслеф, внесете в жизнь Общества те здоровые творческие и героические основы, которыми так богата славная Финляндия.

Лучший привет!

Гималаи, 1930 г.

Народный Учитель

На недавнем съезде английского национального союза учителей председательствовал народный учитель Браун из Соммерсета. Одно это обстоятельство, что народный учитель из далекого местечка избирается председателем, уже показывает всеобщее уважение к этому педагогу. Действительно, в своем президентском обращении этот народный учитель высказал несколько положений, имеющих приложение во всем международном объеме. Приведем несколько положений из этой речи:

«Полагаю, что должно быть государство, в котором будет приложено справедливое распределение справедливого блага, касаясь ли богатства, отдыха, счастья, здоровья. Но затем и еще более существенно, это должно быть такое государство, в котором все жертвуют и планомерно, и глубоко кооперируют в создании и в росте этого «общего блага».

Это не может быть совершено в одном поколении. Оно нуждается в усилии твердом и мудро распределенном. Нужно образовывать народ — если хотите пропагандою — и возбуждать энтузиазм.

Должна быть законодательная планомерность, промышленная планомерность, торговая планомерность, здравоохранение и, поверх всего, образование в его широчайшем значении — лишь это сделает народ готовым для мира, в котором он живет, и образует в народе желание и способность совершенствования. Я обращаюсь о планомерности образования для будущего.

Когда некая политическая или все политические партии поставят образование не только на первое место в их программах, но на первейшее место в их практике? Вместо ничемных мудрствований о настоящем, почему они не могут твердо и благородно

утвердить план для будущего?

Обычный человек и женщина желают лучшей жизни для своих детей, нежели та, в которой им пришлось жить. Они, конечно, подавляюще благожелательно ответят на справедливое воззвание. Энтузиазм для великого образовательного движения может быть легко поднят. Средства могут найтись. Они должны быть мобилизованы и использованы. Религия, искусство, наука, здравый смысл — все будет участвовать. С церковных кафедр, с платформ, в прессе, на сцене, через радио разум будет убежден и сочувственно пробужден.

Общественная политика в образовании — когда бы мы такое имели — была бы сознательной политикой для приложения будущего поколения к нуждам настоящего. Но, поистине, следовало бы заботиться о том, чтобы дать каждому новому поколению способность встретиться на новых путях, с новыми условиями. Если мы действительно хотим образовывать народ, это должно быть признано.

Также должна совершиться не только перемена в политике, но и перемена в самом сердце. Идея, что дети разных общественных классов должны быть воспитываемы в школах разного типа, утверждает касту и делает народность недостижимой. Обычно это не что иное, как глубокий снобизм. Вы не можете образовать народ, воспитывая его на классовых предрассудках и утверждая классовые различия.

Можно сказать, что способ образования, даваемый в начальных школах, должен быть дан в лучших методах и установлен так, чтобы образовать всего человека — тело, разум и дух. Но это препятствуется многими несовершенными условиями и не очень-то продвигается. Удалите эти неудобства, и получится образование, пригодное для ваших будущих граждан, которое даст им более полную и лучшую жизнь».

Не знаю, сошлись ли бы мы с педагогом-председателем во всех деталях, но основная его мысль должна быть близка всему миру. Действительно, школьное образование в сущности своей не должно привязывать учащихся только к прошлому, но должно делать их вполне вооруженными, чтобы светло встретить улыбку грядущего. Как раз эту мысль утверждали мы в советах нашему Институту Объединенных Искусств и Международному Центру Искусств³.

Самое страшное — это повернуть голову человека назад, иначе говоря, удушить его. В старину говорили, что дьявол, овладевая человеком, всегда убивает, повернув его голову назад. То же самое выражено и в обращении жены Лота⁴ в соляной столб. Она, вместо того чтобы устремляться в будущее, все-таки обернулась назад и мысленно и телесно окаменела. Та же мысль выражена и во множестве других убедительных образов. И, несмотря на все, в практике жизни и в школьном образовании она никогда почти не применяется.

Следует приветствовать каждый голос, который так или иначе устремляет нас в будущее. Также справедливо говорит английский педагог, что начальное образование, конечно, должно быть единообразным. Так же точно единообразно, от младенчества, нужно закладывать в юные сердца светлые основы прошлых достижений, но в устремлении их в грядущее. Истинный сын своей страны тот, кто хочет ее улучшения и совершенствования, который понимает, что без совершенствования будет лишь отступление и регресс. Или двигаться вперед, или отступать. Стоять на месте невозможно, это сказано и повторено.

Главное же, нужно взаимно утвердиться в доброжелательных поступательных

³ *Институт объединенных искусств и Международный центр искусств* — организации, основанные Н. К. Рерихом в 20-х годах в Нью-Йорке.

⁴ *Лот* — ветхозаветный праведник, предупрежденный Богом через ангелов о приближающейся гибели Содома и покинувший вместе с семьей обреченный город. Жена Лота превратилась в соляной столп при бегстве из Содома за то, что она оглянулась на гибнущий город вопреки запрету Бога.

намерениях. В подробностях всегда можно сговориться. Если человеку от малых лет будет внушена светлая терпимость, он всегда найдет основу уважения к своим сотрудникам. Стоит лишь восчувствовать эту общую созидательную и поступательную основу, как и все прочие проблемы покажутся лишь техническими подробностями.

Мне уже приходилось не раз отмечать прекрасные суждения педагогов Америки, Индии и Европы, произнесенные во время всевозможных съездов и конвенций. Также приходилось горестно отмечать все те утеснения, которые так часто выпадают на долю учителей. И в этом нужно найти общий фронт, чтобы пребороть всякие темные трудности.

Английский педагог правильно замечает о том, что не только формальное законодательство должно быть изменено, но должны произойти и благие перемены в самом сердце, в сердечных чувствованиях. Без этих здоровых сердечных устремлений каждое законодательство — форма — останется лишь мертвым грузом. Но чтобы могло совершиться это чудесное изменение самого сердца человеческого, нужно всем, кто мыслит о культуре, всем нужно объединиться и поддержать друг друга в светлом образовательном движении.

Общественное мнение нужно воспитывать и образовывать. Общественное мнение закладывается в школах от первых школьных занятий. Итак, если все учителя мира помыслят о том, что так неотложно нужно всему человечеству, то и построится тот храм общественного мнения, тот Музейон всех Муз, который всегда будет светлым маяком для ждущих, ищущих и совершенствующихся.

Привет английскому педагогу, привет всем учителям, идущим к той же вершине труда, терпимости и совершенствования.

Уэльс⁵ правильно замечает:

«Ни один завоеватель не может изменить сущность масс, ни один государственный деятель не может поднять мировые дела выше идей и способностей того поколения взрослых, с которым он имеет дело. Но учитель — я употребляю это слово в самом широком смысле — может совершить больше, нежели завоеватели и государственные главы. Они, учителя, могут создать новое воображение и освободить скрытые силы человечества».

Именно учителя, в стремлении к миру всего мира — к Культуре — могут совершить завоевание, мирное и великолепное.

31 мая 1935 г.

Цаган Куре

Врата в Будущее

Друзья! Разбирая старые бумаги, мы нашли набросок моих мыслей о значении культурных учреждений. Перепишем для Вас эту памятку, которую сохраните в архивах. Исполнилось пятидесятилетие нашей встречи для совместной работы, и Вам, знаю, будет близко вспомнить об основных, изначальных мыслях о культуре.

«Впишем на Щитах Культурных Просветительных Учреждений Заветы старинные, но всегда живые, ибо в них должно быть утверждено единение всех творческих сил, ведущих к преуспеянию. Скажем:

«Искусство объединит человечество. Искусство едино и нераздельно. Искусство имеет много ветвей, но корень един. Искусство есть знамя грядущего синтеза. Искусство

⁵ Уэльс — здесь Герберт Уэллс.

— для всех. Каждый чувствует истину красоты. Для всех должны быть открыты врата «священного источника». Свет искусства озарит бесчисленные сердца новою любовью. Сперва бессознательно придет это чувство, но после оно очистит все человеческое сознание. И сколько молодых сердец ищут что-то истинное и прекрасное. Дайте же им это. Дайте искусство народу, куда оно принадлежит. Должны быть украшены не только музеи, театры, школы, библиотеки, здания станций и больницы, но и тюрьмы должны быть прекрасны. Тогда больше не будет тюрем...»

«Предстали перед человечеством события космического величия. Человечество уже поняло, что происходящее не случайно. Время создания культуры духа приблизилось. Перед нашими глазами произошла переоценка ценностей. Среди груд обесцененных денег человечество нашло сокровище мирового значения. Ценности великого искусства победоносно проходят через все бури земных потрясений. Даже «земные» люди поняли действительное значение красоты. И когда утверждаем: Любовь, Красота и Действие, мы знаем, что произносим формулу международного языка. Эта формула, ныне принадлежащая музею и сцене, должна войти в жизнь каждого дня. Знак красоты откроет все «священные врата». Под знаком красоты мы идем радостно. Красотою побеждаем. Красотою молимся. Красотою объединяемся. И теперь произнесем эти слова не на снежных вершинах, но в суете города. И, чуя путь истины, мы с улыбкою встречаем грядущее».

Именно только единением, дружелюбием и справедливым утверждением истинных ценностей можно строить во благо, в улучшение жизни. Многие исконные понятия затмились в обиходе. Люди произносят слово Музей и остаются далеки от мысли, что Музей есть Музейон, по-гречески Дом Муз. Обиталище всех Муз, прежде всего, является символом Объединения. В классическом Море понятие «Муз» вовсе не было чем-то отвлеченным, наоборот, в нем утверждались живые основы творчества здесь — на Земле, в нашем плотном мире. Так издавна, от самых далеких веков утверждались основы единства. Все человеческие примеры ярко говорят о том, что сила в союзе, в доброжелательстве и сотрудничестве. Швейцарский лев крепко держит Щит с начертанием: «В Единении Сила».

Когда мыслим о созидании школы Объединенных Искусств, со всеми к тому образовательными предметами, мы имеем в виду именно дело живое. Всякая отвлеченность, всякая туманность и необоснованность не должны входить в созидательный план. Туманности — не для созидания. Для постройки нужен свет, чтобы в ярких лучах иметь возможность находить прочные и прекрасные материалы. Каждый труд должен быть обоснован. Цель его должна быть ясна, прежде всего, самому творящему, трудящемуся. Если труженик знает, что каждое его действие будет полезно человечеству, то и силы его преумножатся и сложатся в наиболее убедительном выражении. Труд всегда прекрасен. Чем больше он будет осмыслен, тем и качество его вознесется и сотворит еще большее общественное благо. В труде — благодать.

Каждая школа есть просветительное приготовление к жизненному труду. Чем больше школа вооружит ученика своего на избранном им поприще, тем она будет жизненнее, тем она станет любимее. Вместо формального холодного окончания школы ученик навсегда останется ее другом, ее верным сотрудником. Основание школ есть дело поистине священное. Примат Духа залежится среди правильных, освобожденных от предрассудков оснований. Там же, где вознесется прочно примат Духа, во всей своей великой реальности, там произрастут лучшие цветы возрождения и утвердятся очаги, просвещенные Светом Знания Неугасимым.

Школа готовит к жизни. Школа не может давать только специальные предметы, не утвердив сознание учащегося. Потому школа должна быть оборудована всевозможными полезными пособиями, избранными предметами творчества, обдуманно составленными книгохранилищами и даже кооперативами. Последнее обстоятельство чрезвычайно важно в осознании современного общественного строя. От юных лет легче воспринять условия

разумного обмена; легче не погрузиться в корысть, в утаивание и самость. Школьное товарищество закладывается естественно. Дети и молодежь любят, когда им поручается серьезная работа, и потому по способностям каждого должны быть открываемы широко врата будущих достижений.

Начало сотрудничества, кооперации может быть жизненно приложено и в построении самих школьных зданий, этих Музейонов всех Муз. Могут ли быть общежития при школьных зданиях? Конечно, могут. Даже желательно, чтобы люди, приобщившиеся к благим задачам Культуры, могли иметь между собою возможно большее общение. Если бы в таких кооперациях пожелали находиться и вновь подошедшие посторонние люди, то это должно быть лишь приветствовано. Приобщившийся к Культуре неминуемо должен получить тот или иной дар ее. Таким образом, строение школьное будет не только прямым светорассадником для молодежи, но и сделается широким распространителем знаний для всех желающих подойти. Ведь вне возраста вечное обучение. Познавание беспредельно, и в этом красота беспредельная!

Все должно быть жизненно и потому должно и в плотном отношении стоять прочно. Для этого все расчеты просветительных построений должны быть сделаны с величайшей точностью. Если все города полны бесчисленными доходными домами, значит, строение, даже в житейском смысле, признается доходным и верным. Если даже без культурных заданий, лишь в желании обогащения строятся дома, то, конечно, при правильном расчете будут также доходны такие просветительные строения, с общежитиями, школами, Музеями, книгохранилищами и кооперативами. Не от великого знания, но от инженерно-финансового расчета зависят соотношения частей таких объединений. Все примеры нашей современности говорят о том, что существуют доходные дома, богатеют издательства, процветают кооперативы, находят средства музеи и школы, существуют галереи для продажи художественных произведений, лекторы получают гонорары и даже существуют платные библиотеки, себя окупающие.

Мы сами на своем веку удостоверились, как одно дело художественных открытых писем, в течение самого короткого срока, давало огромные доходы. Мы видели прекрасные результаты выставок. Мы знали, как школа взносами части учащихся могла давать бесплатное обучение шестистам неимущим. Мы видели, как процветали в самый короткий срок кооперативы. Можем свидетельствовать, как самодеятельность полезных учреждений не только содержала их самих, но и позволяла широко уделять на благотворительность. Культура не может быть чем-то необоснованным, отвлеченным. Если Культура есть следствие лучших накоплений знаний, есть утверждение Примата Духа, есть стремление к Красоте, то она же будет утверждением и всех правильных расчетов построений.

Всякая корысть уже не культурна, но заработок и оплата труда есть законное право. Право на жизнь, право на знание, право на достоинство личности. Будут всегда колебаться условные ценности. Неизвестно, какой металл будет признаваем наиболее драгоценным. Но ценность труда духовно-творческого во всей истории человечества оставалась сокровищем незыблемым и всемирным. Целые страны живут этими сокровищами. Всякие перевороты, в конце концов, лишь подтверждают эти ценности; люди приглашают почетных гостей на эти пиры Культуры. Учреждаются целые министерства во имя этих неизменных ценностей. Разумно люди стараются охранить и сберечь такие всемирные памятники Культуры. Красный Крест бережет здоровье, но будет Знак, берегущий Культуру! Будет Лига Культуры! ⁶

Неотложно нужно, чтобы среди мировых смущений и смятений возникали твердины, маяки Культуры. Если кто-то подумает, что и Школ, и всяких Просветительных

⁶ *Лига Культуры* — международная общественная ассоциация, созданная по инициативе Н. К. Рериха в середине 30-х годов и прекратившая свою деятельность в период второй мировой войны. В настоящее время рериховская Лига Культуры возрождается в движении «Мир через Культуру».

Учреждений уже достаточно — он ошибается. Если бы было достаточно просвещения, то человечество не стояло бы на пороге ужасных разложений и разрушений. Все видели достаточно мрачных развалин. Каждая газета говорит о крушениях и о набухающих несчастьях. Издавна сказано, что в основе всякого ужаса и разрушения лежит невежество. Потому-то ближайший долг человечества есть внесение усиленного Просвещения. Мир через Культуру. А кто же не стремится в сердце своем к миру, к возможности мирного и творящего труда, к претворению жизни в Сад Прекрасный?

И опять, никакой сад не будет цвести и благоухать, если не было над ним надзора неусыпного. Землю надо улучшить, надо выбрать лучшие сроки для посева, отобрать лучшие зерна и рассчитать лучший день сбора. Следует настаивать на правильных расчетах. Инженер, строитель знает эти расчеты, чтобы основы башен соответствовали завершению. Сердце человеческое знает и другое неперенное основание. Оно знает, что общественность, народ должны всемерно сочувствовать культурным построениям. Если благотворительность является священной обязанностью людей, то тем более просвещение, как основание здоровых поколений, всей земной эволюции, является ближайшим и священнейшим долгом каждого обитателя Земли. Культура не есть удел богатых, культура есть достояние всего народа. Решительно каждый в своей мере, в своем добром желании может и должен вносить свое зерно в общую житницу. Сотрудничество, как основа бытия, является и взаимопомощью. Если один отдел заболевает неустойчивостью, то остальные придут ему на помощь.

Культура не выносит злоречие и злонамеренность. Зло есть грубейшая форма невежества. Зло, как тьма, надо рассеивать. Внесенный Свет уже разгоняет тьму. Каждое сотрудничество во имя Света своим существованием уже противоборствует темному хаосу. Работники Культуры в справедливости должны наблюдать, чтобы никто из приобщившихся к делу Просвещения не пострадал. Отзывчиво и сердечно они должны протянуть друг другу руку истинной помощи. Опять-таки это не будет отвлеченным благожеланием, каждый кооператив предусматривает возможность и надобность такой помощи.

Мы всегда стояли за общественное начало. В свое время в России, принимая руководство обширным Просветительным Учреждением, я прежде всего поставил условием установление Совета Профессоров, облеченного правом решающего постановления. Общее дело должно и решаться общественно. Также и вся финансовая сторона находилась в руках особого Комитета, составленного из испытанных финансистов. Кроме того, строжайшая Ревизионная Комиссия ведала всеми отчетами. Семнадцать лет работы лишь подтвердили, что общественное начало должно лежать в основе общего дела. Сейчас мне приходилось в разных странах встречать наших бывших учащихся. По их настроению и воспоминанию вижу, что бывшее ими оценено сердечно.

Было у нас и издательство, были выставки, были лекции и беседы, были многие мастерские, в которых дети местных фабричных работников получали первые основы своей будущей работы. Была и врачебная часть. Были собеседования и консультации по разным вопросам Искусства и Педагогики. Был Музей,— всегда помню просвещенного директора-основателя Д. В. Григоровича. Помните повести его из народной жизни? Эту любовь к народу принес он и в стены Хранилища Искусства, внушая доступность и целебность источников красоты. Есть о чем вспомнить.

Итак, мысля о строении, вооружимся духом несломимым. Напишем на Щите слова, от которых не отречемся. Будем смотреть на сотрудников, на учащихся, на всех приобщающихся как на ближайших деятелей и друзей. Не будем огорчаться трудностями, ибо без трудностей нет и достижения. И будем всегда твердо помнить, что все труды должны быть истинно полезны человечеству. Потому и качество этих трудов должно быть высоко. Должно быть высоко и качество взаимосердечности, ибо неразделимы сердце и Культура».

На том знаменательном слове кончалась

моя запись. Вы знаете, как мы, основная группа сотрудников, вносили эти же основы и в построение Просветительных дел в Америке. Никто не скажет, что мыслили мы о плохом, о ненужном. Основы Этики и Культуры всюду нужны. Без этих целительных оснований угрожает возвращение в звериность и хаос. «С оружием Света в правой и левой руке». Все это не отвлеченность, но великая основная реальность. Сегодня первый день 1936 года. Шлю Вам наши старинные мысли, как основу новых нерушимых построений. Со всем мужеством в добрый путь!

Дума о Культуре есть Врата в Будущее.

*1 января 1936 г.
Урусвати*

Учительство

Перед нами лежит сведение из Чикаго о невыплате жалованья школьным учителям. Странно звучит это накануне открытия Всемирной Юбилейной Чикагской Выставки.

В «Литературном обозрении» за март 1933-го под заглавием «Битва учителей за школу» среди многих сведений даются следующие поразительные факты:

«Образование должно быть понижено — так гласит приказ экономистов». «Мы стоим на поле битвы», — возглашают тысячи воспитателей, собравшихся на конвенцию в Миннеаполисе, в «Отделе наблюдения за национальным образованием» д-р Купер замечает: «Уже тысячи детей остаются в действительности без образования. Двести отделов в Арканзасе могут давать лишь шестьдесят школьных дней в год, то есть в течение восьми лет лишь два года образования. Подобное же положение в Алабаме, Оклахоме, Айдахо...» «Мы предпочли бы личные жертвы, — продолжает проф. Нортон, — нежели допускать отрицание прав на образование. Лояльность в этом вопросе создала учителям уважение общин и родителей и укрепила деятельное сотрудничество в деле защиты школ...» «Где же будет польза для нации, если мы будем заботиться о промышленных корпорациях и забрасывать образование детей Америки?» — так спрашивает доклад комитета в Толедо, Охайо...

В последнем номере журнала Учителей, издаваемого в Нью-Хевене, заключается целый ряд знаменательных сведений все о том же бедственном положении учительского дела. В руководящей редакторской статье говорится: «Кризис, встречаемый школами, достиг такого бедственного положения, что мы не затруднимся сказать, что подошли к такому пункту, когда каждое угрожающее нависшее решение может быть фатальным». Статья кончается призывом к усиленной справедливости. Следующая статья «Права Человеческие против Прав Денежных» говорит, что и плательщики налогов стонут под тяжестью расходов правительства по сравнению с уменьшением их прихода». «Стало очевидным, что то, что прежде называлось «депрессией», теперь сделалось «паникой банкиров». Третья статья того же журнала «Конференция граждан об образовательном кризисе», знаменательная для нашего смятенного времени, дает «Декларацию политики», утверждающую значение образования в государстве, протестующую против вторжения политики в школьное дело и снова взывающую о соответствии гонорара с дороговизною жизни. Декларация должна твердить старые истины, очевидно, имея достаточное основание для их повторения. Так, параграф четвертый декларации говорит: «Образование есть необходимость, а не роскошь, ибо рост ребенка не может быть

отложен или задержан на время экономических затруднений». А параграф 33 справедливо замечает: «Если государство желает иметь при будущем поколении учреждения, достойные государственных нужд, оно не должно немудро ослаблять человеческие основы таких учреждений».

Так знаменательно говорит случайно увиденный нами номер Учительского Журнала, но и без него за последние месяцы мы читали бесконечный список всяких сведений о сокращениях и урезываниях именно в образовательных учреждениях. Действительно, не в одной стране, а во многих как будто люди согласились не думать более о будущем и прекратить образовательные начинания. Положение Учительского персонала, постоянно подверженного всяким урезываниям, очень часто совершенно неожиданным, делается окончательно необеспеченным и тем вносит пагубную нервность в дело образования молодежи.

Всюду имеются особые министерства народного просвещения, департаменты наук и искусств, и странно видеть, что эти установления, казалось бы, самые насущные в жизни культурного государства, так часто и всюду подвергаются прежде всего всяким сокращениям. Точно бы они действительно были какою-то роскошью, а не самым насущным делом, без которого все остальные министерства и департаменты вообще не могут существовать. Люди не решаются говорить об урезывании многих других содержаний, но предложить сокращение скудного жалованья учителя действительно сделалось каким-то общепринятым фактом. Учитель, обычно не имеющий никаких сбережений, должен существовать каким-то чудом, и при этом он должен показать полное добродушие, удовлетворенность, уравновешенность, словом, все те качества, которые прежде всего потребуются от педагогов. Удрученный заботами о насущном существовании, педагог должен сохранить маску долготерпения и улыбку мудрости, в то время как семья его, может быть, не знает, как заключить счета завтрашнего дня. Почему же именно от педагога требуется такое исключительное гражданское геройство? Почему же мы будем ожидать от людей действительно нуждающихся постоянных бесконечных жертв?

Государство, направленное к созиданию, к позитивному решению житейских проблем, не может игнорировать положение учителя. Игнорируя положение педагога, государство будет игнорировать положение всего своего юношества. Конечно, педагог, погруженный в образовательную, требующую сосредоточения работу, является наименее протестующим элементом, разве он будет вынужден какими-либо безысходными бедствиями. Ведь люди хотят, чтобы учитель не только преподавал хорошо, чтобы не только обладал постоянно пополняемыми сведениями, но чтобы учащиеся любили своего учителя. Любовь неразрывна с уважением, и само государство обязано создать для педагогов особо уважаемое положение. Невозможно резко делить педагогов на низших и высших, ибо синтез науки всюду высок, и надо положить много времени и сосредоточенных усилий, чтобы усвоить и остаться на гребне этого синтеза знания.

Педагог есть друг позитивного творящего правительства, ибо учитель существует для постоянного создания и утверждения человеческого достоинства. Кто же скажет молодому поколению о самом прекрасном, о самом творческом, о самом мощном, о геройском, о самом познавательном. Действительно, от учителя мы ожидаем ведения самых высоких понятий. Мы ожидаем от него и терпения, и неустанного труда, и постоянного обновления, и в то же время мы не заботимся о том, чтобы эти высокие условия и запросы были достаточно обеспечены.

Мне самому около двадцати лет пришлось стоять во главе образовательного учреждения. Среди тысяч учащихся и сотен профессоров и преподавателей можно было наблюдать всю разнообразную меру взаимоотношений. Высоко дело учительства, но и трудно оно. В постоянной текучей волне школьного элемента надо соблюдать великое равновесие и постоянно неисчерпаемо давать радость молодому духу, который должен вступить в жизнь, полный обоснованных надежд и светлых стремлений, утвержденных

знанием руководителя. Понятие «учитель» далеко проникает во всю жизнь за пределами школьного общения; как драгоценно, если на всю жизнь мы можем сохранять любовь и почитание к нашим первым учителям-руководителям. Если бы школьники, войдя в жизнь, впоследствии осознали, что учителя их незаслуженно страдали и были отягощены сверхмерно, то ведь многие угрызения шевельнулись бы во имя любви и дружелюбия, которые должна создавать школа. Для этих устоев общественности, иначе говоря, для проникновения основами культуры следует обратить внимание на образовательное дело, как на самое драгоценное, как на самое священное. Если в хорошие, в благополучные времена государство вправе ожидать всевозможного улучшения положения педагогов, то во времена материальных и духовных кризисов положение тружеников просвещения должно быть сугубо охранено.

Охранение основ образования должно быть первейшим условием Лиги Культуры. Без заботы об образовании само существование Лиги Культуры бесцельно. Объединяться можно во имя знания, во имя прекрасного, во имя сердечного сотрудничества. Потому следует просить всех членов Лиги, чтобы каждый в своей деятельности, каждый в своем поле обратил самое сердечное внимание на положение дела образования. Не будем утешаться, что образование все же существует и учителя как-то существуют. Этого мало. Образование должно существовать прекрасно, и учителя должны быть благоустроены, как достойно в прогрессивном позитивном государстве. Если каждый в своей мере приложит мысль и заботу к этому насущному предмету, то, уверяю Вас, многое благое совершится, во благо дела истинно государственного.

В моей книге «Шамбала» я воздал привет Учителям в статье, озаглавленной «Гуру — Учитель».

Однажды в Финляндии, на берегах Ладоги, я сидел с крестьянским мальчиком. Кто-то, средних лет, прошел мимо, и мой маленький друг вскочил и с искренним почтением снял свою шапочку. Я спросил его: «Кто этот человек?» Необычайно серьезно мальчик ответил: «Это Учитель». Я снова спросил: «Это ваш Учитель?» — «Нет, — ответил мальчик, — это учитель из соседней школы». — «Вы знаете его лично?» — «Нет», — ответил мой юный друг. «Почему же вы его приветствовали так почтительно?» Еще более серьезно малыш ответил: «Потому, что он Учитель».

Истинно, в этом мальчике, снявшем шапку перед учителем, заключено здоровое зерно народа, знающего свое прошлое и сознающего значение слова «созидать».

Ж. Сент-Илер ⁷ в «Криптограммах Востока» приводит трогательное сказание о почитании Учителя:

«Маленький Индус, познавший Учителя. Мы спросили его: «Неужели солнце потемнеет для тебя, если увидишь его без Учителя?»

Мальчик улыбнулся: «Солнце останется солнцем, но при Учителе мне будут светить двенадцать солнц!»

Солнце мудрости Индии будет светить, ибо на берегу сидит мальчик, знающий Учителя».

Закончу письмо строками из книги Востока «Мир Огненный»:

«Мать говорила сыну про великого Святого: «Даже щепоть праха из-под следа его уже велика». Случилось, что тот Святой проходил селением. Мальчик усмотрел след его и взял щепоть земли этой, зашил ее и стал носить на шее. Когда же он отвечал урок в школе, он всегда держал рукою ладанку земли. При этом мальчик преисполнялся таким воодушевлением, что ответ его был всегда замечателен. Наконец, учитель, выходя из школы, похвалил его и спросил, что он всегда держит в руке? Мальчик отвечал: «Землю из-под ног Святого, который прошел нашим селением». Учитель добавил: «Земля Святого служит тебе лучше всякого золота». При этом присутствовал сосед лавочник и сказал самому себе: «Глуп мальчик, собравший лишь щепоть золотой земли. Дождусь

⁷ Ж. Сент-Илер — один из псевдонимов Е. И. Рерих.

прохождения Святого, соберу всю землю из-под ног его, получу самый выгодный товар». И сел лавочник на пороге, и тщетно ждал Святого. Но Святой никогда не пришел. Корысть не свойственна Огненному Миру...»

«Срам стране, где учителя пребывают в бедности и нищете. Стыд тем, кто знает, что детей их учит бедствующий человек. Не только срам народу, который не заботится об учителях будущего поколения, но знак невежества. Можно ли поручать детей человеку удрученному? Можно ли забыть, какое излучение дает горе? Можно ли не знать, что дух подавленный не вызовет восторга? Можно ли считать учительство ничтожным занятием? Можно ли ждать от детей просветления духа, если школа будет местом принижения и обиды? Можно ли ощущать построение при скрежете зубовном? Можно ли ждать огней сердца, когда молчит дух? Так говорю, так повторяю, что народ, забыв учителя, забыл свое будущее. Не упустим часа, чтобы устремить мысль к радости будущего. Но позаботимся, чтобы учитель был самым ценным лицом среди установлений страны. Приходит время, когда дух должен быть образован и обрадован истинным познанием. Огонь у порога...»

«Нужно смягчить сердце учителей, тогда они пребудут в постоянном познании. Детское сердце знает, что горит и что потухло. Не урок заданный, но совместное с учителем стремление дает мир чудесный. Открыть глаза ученика — значит вместе с ним полюбить великое творение. Кто не согласен, что для устремления вдаль нужно стоять на твердой почве? Стрелок подтвердит. Так научимся заботиться обо всем, что утверждает будущее. Огонь у порога...»

«Всякое поругание Спасителя, Учителя и Героев повергает в одичание и погружает в хаос. Как разъяснить, что хаос очень близок; для него не нужно переплывать океан. Также трудно пояснить, что одичание начинается от самого малого. Когда сокровище торжественности потеряно и жемчуг знания сердца рассыпан, что же остается? Можно вспомнить, как глумились над Великою Жертвою. Разве весь Мир не ответил на такое одичание? Можно видеть, как отражается оно на измельчании. Хуже всего это измельчание! Говорю — будьте благословенны энергии, лишь бы не впасть в маразм разложения. Так будем помнить все Великие Дни!...»

«Можно представить себе, как прекрасно может быть сослужение множеств людей, когда сердца их устремляются в одном восхождении. Не скажем — невозможно или отвергнуто. У Силы можно заимствовать и от Света можно просветиться. Только бы понять, в чем Свет и Сила. Уже хохочет кто-то, но он хохочет во тьме. Что же может быть ужаснее хохота во тьме! Но Свет будет с тем, кто хочет его».

Школы

Главное, не забудем о школах и сотрудничестве. Сейчас под сотрудничеством понимаю кроме взаимного содействия и устройство всяких кооперативов. При каждом нашем Обществе может быть если не целая просветительная школа, то хотя бы действенная помощь уже какой-либо школе существующей.

Школьные цветы нуждаются в тщательной поливке. Кроме преподавательских и родительских комитетов, могут быть с великою пользою и друзья той или иной школы. Тогда как преподаватель и родители в известной степени будут субъективны, эти друзья школы всегда смогут принести нечто новое и неожиданно полезное. Кроме того, и сами учащиеся часто хотели бы выслушать или обменяться мыслями с кем-то новым, вне уже сложившегося обихода. Как ни странно, но часто слово доброжелательного друга будет выслушано даже с большим вниманием, нежели совет каждодневного преподавателя. Потому-то друзья школьного дела могут принести особую пользу.

Также в образовании всяких полезных кооперативов и артелей при наших обществах будет заключаться здоровый рост просветительного дела. Помню, как мы радовались, когда при Латвийском Обществе появилась идея кооперативной хлебопекарни на оздоровленных основах. Привожу этот пример именно потому, что мне

приходилось слышать изумление: какое-де имеет отношение хлебопекарня к искусству и науке? Тогда приходилось опять вспоминать о соотношении хлеба телесного и духовного. Покойный председатель Латвийского Общества доктор Лукин, как незабвенный друг и сотрудник, прекрасно оценивал такие, для некоторых людей неожиданные, сочетания. Если мы говорим, что наука и искусство - для всей жизни, то и вся жизнь, в высоком ее качестве, будет для науки, для творчества, для красоты, для всего Наивысшего.

Отдельные дружественные гильдии, артели, кооперативы могут лишь укреплять понимание общности творческого начала. С одной стороны, люди собираются для собеседований и чтений и разнообразных проявлений искусства. Это непременно нужно. Оно изощряет мышление и спаивает в дружественных схождениях. Но, кроме того, полезен и какой-либо совместный труд, освященный теми же высокими понятиями.

В былое время в Школе Общества Поощрения Художеств мы имели среди двух тысяч учащихся добрую половину из детей рабочего класса, а не то и самих рабочих различных фабрик. При этом обнаруживалось одно замечательное следствие. Все эти рабочие люди, являясь на свои фабрики с новыми данными, приобретенными в нашей вольной школе, получали наибольшее к себе внимание и лучшие должности. Итак, мы имели еще один яркий пример, насколько приобретенное просвещение немедленно же способствовало получению более ответственной, высокой работы.

Кроме разнообразных прикладных мастерских и художественных классов, весь этот рабочий люд оставался в близком общении с прекрасными образцами Музея Общества и, видя эти былые достижения, возвышал свое сознание.

Такое воздействие образцов искусства следует, особенно сейчас, очень напомнить. Может быть, кому-то приходилось услышать даже от лиц, окончивших высшие учебные заведения, о том, что нужно ли существование Музеев при наличии такого множества безработных? Конечно, такое суждение показало бы полную неосведомленность о путях просвещения. Ведь и безработица, ныне обострившаяся, прежде всего, происходит от недостаточного или неправильного просвещения. Значит, тем более все наши Просветительные Общества должны озаботиться, чтобы искоренять такие суждения, происходящие от неосведомленности. При этом следует сообразить, каковы же эти высшие учебные заведения, которые, устремляя лишь к узкой специальности, не дают широкого взгляда о путях образования? Разве возможны школы без существования библиотек, музеев, лабораторий — всего того, что на незаменимом примере показывает высшие формы действительности?

Кому-то покажется странным, что сейчас приходится говорить о пользе вещественных примеров. Но жизнь дает нежданно печальные показания, которые доказывают необходимость и этих утверждений даже для лиц, окончивших высшие учебные заведения.

Мы всегда поощряли лекции и классы в самих музейных и лабораторных помещениях. Сама атмосфера этих хранилищ, наполненных образцовыми примерами, уже напрягает сознание. Во всей жизни мы не были сторонниками отвлеченного. Наоборот, все наиболее жизненное, наиболее нужно применимое, могло давать непосредственную радость познания. К той же жизненности должны быть направлены и все наши Общества. Мы не будем их ограничивать одною программю. Ведь каждая страна, каждое сообщество, каждые формы образования вызовут и особые возможности. Если в одном месте будут заботиться о хлебопекарне, то в другом, может быть, захотят иметь печатню или какую-нибудь совершенно неожиданную, приложимую к жизни работу.

Мы уже имели выставки в госпиталях, в тюрьмах, в школах. Постоянно следствием этих выставок являлись самые трогательные запросы. Из этого можно видеть, насколько нуждается и стремится народное сознание к пище просветительной. Лишь бы давать ее доброжелательно, легко, свободно, в полном взаимном уважении и сочувствии. Всякие такие полезные начинания могут быть производимы в любом размере. Главное же, они требуют, прежде всего, добрую волю, не нуждаясь в каких-либо особых затратах. По

нынешним временам это последнее обстоятельство имеет особое значение. Мир, потрясенный моральными и материальными кризисами, сейчас очень скуп на все просветительное. Потому служителям просвещения приходится, прежде всего, думать о путях, не требующих особых расходов.

На этих путях добрых сколько истинной радостной пользы может быть творимо всеми, кто щедро, с улыбкою, поделится своим опытом. Опять же не будем думать, что если библиотеки, музеи, театры, лаборатории существуют, значит, уже что-то сделано в достаточной мере. Все это существует, как готовое пособие, которое должно быть внесено в народное понимание в наиболее прекрасной и полезной форме.

Экспедиции исследователей проходят страны одним своим путем. Но это еще не значит, что вся эта область уже исследована. Прорезана нить познания, но все обширное, вдалеке лежащее, все же не исследовано. Так же точно и всевозможные научные и художественные манифестации в народонаселении освещают лишь один слой народа, а сколь многое остается недостижимым. Если даже в сравнительно образованных людях вы можете встречать признаки абсолютного неведения, то всевозможные удаленные поселения, поистине, лишены оживляющих сведений. Посмотрите на их развлечения, на заполнение досугов, и вы поймете, насколько неотложно нужны принесения полезных сведений. Добрые сестры и братья должны неутомимо входить во все слои жизни и в великом терпении приносить живоносные истины.

У нас сейчас восемьдесят восемь самых различных культурных учреждений ⁸. Каждое из них, большое или малое, может образовать группы преданных делу людей, которые, помимо взаимных встреч и самообразования, предпримут полезные хождения по всем местам, где они смогут принести освежающую пользу. Все эти организации делались не для эгоцентричности, наоборот, они должны были служить лишь как возможность новых многочисленных побегов.

Как радостны могут быть встречи таких сотрудников, когда каждый может сообщить, куда ему удалось принести нечто полезное. Никакие кризисы не могут воспрепятствовать этим полезным осведомлениям. Сколько освещающих возможностей может быть подсказано людям, которые по неведению, может быть, уже близки к отчаянию.

Уже одно то обстоятельство, что среди помянутых учреждений столько находится в различных странах, может служить еще одним средством для полезности обмена. Там, где любовь к делу, там и безграничны возможности. Там, где терпение, там не может быть поражения в светлых задачах. Там, где мужество, там нет запертых врат.

Итак, в годы кризиса будем говорить о доступном для всех строении. Если бы все и везде было хорошо и благополучно, то и не требовались бы эти SOS, спасительные лады по всем направлениям. Пусть никто не подумает, что это было бы в пределах гордыни, если он пожелает нести приобретенный им опыт на общественную пользу. Не гордыня это, но священная обязанность. Ведь никому не позволено быть скупцом и зарывать серебро в землю, чтобы оно там почернело. Как говорят на Востоке: «От зарытого серебра почернеет и лицо твое».

Пусть каждый в добром сотрудничестве, в истинном дружелюбии вокруг себя просветительно улучшит все возможное. Пусть он не задается мыслью о том, будет ли это велико или мало, пусть оно будет полезно. Принести пользу обязан каждый.

Желавших добро ввергали в тюрьмы, поносили и всячески пытались оклеветать. Но высоким знаком добра даже из узилищ они выходили укрепленными и светлыми. Точно бы эти стигматы, нанесенные им темными элементами, явились признаком чести и

⁸ У нас сейчас восемьдесят восемь самых различных культурных учреждений... — Н. К. Рерих имеет в виду, что к середине 30-х годов в самых различных частях света им самим и его последователями было создано более восьмидесяти культурно-просветительских обществ, образовавших широкое всемирное общественное движение.

добротворчества. Старо было бы повторять о полезности препятствий, но не убоимся подтвердить эту древнюю истину еще и еще. Ведь те наши друзья, которые будут пытаться широко нести полезное осведомление, наверно, встретят многие препятствия, иначе и быть не может. Но именно тогда они и вспомнят ярко и просветленно Завет: «Благословенны препятствия — вами мы растем». А расти они будут на истинное просвещение народов.

Среди всех наших начинаний обратите особое, спешное внимание на школы и кооперативы. В сущности, и то и другое будет лишь обширной школой жизни.

22 апреля 1935 г.
Цаган Күре

Ожидания молодежи

При различных учебных заведениях молодежь основывает художественные кружки. Рисуют с натуры, делают эскизы, читают рефераты, полны желания приобщиться и узнать многое о красивой старине. При Академии художеств и при ее Архитектурном отделении, правда, еще нет такого кружка, но при Институте гражданских инженеров художественный кружок уже работает.

Вопреки традициям, наперекор стихиям «инженерная» молодежь поняла, что вне искусства не может стоять никакое строительство; без художественного смысла не может существовать ни одно сооружение, хотя бы и «гражданское», хотя бы и «инженерное».

Уже давно принимались многие меры, ставшие традицией института, чтобы отделить гражданское строительство от задач Академии художеств, чтобы растолковать, что в академии изучают «прихоти» искусства, а в институте готовят для «трезвой», будничной жизни.

Целое поколение инженеров поняло эти границы и начало заливать города ужасными сооружениями. Над немногими мечтателями из Академии художеств весело смеялись, упрекали их в неприложимости к обыденной жизни; считали себя инженеры истинными создателями обиталищ «гражданина».

Многое упрощалось, многое могло стать в будущем очень «выгодным», но тут молодежь попортила заведенные пружины.

Молодежи потребовалось искусство; потребовалось это опасное предприятие, так трудно уложимое в ясные рамки «здоровой» жизни. Молодежь захотела читать об искусстве, захотела знать верные сведения о старине, захотела сама паломничествовать к святыням древности, пришла к убеждению о необходимости учиться рисовать — словом, бесповоротно захотела приобщиться к подлинному искусству. Несносная, хлопотливая молодежь!

Не помогли ни легкие запрещения, ни препятствия. Без средств, без оснастки художественный кружок бодро вышел в море.

Каким путем, несмотря на традиции, молодежь вышла на путь искусства? Откуда именно среди инженерного студенчества появилось такое непреложное сознание о необходимости настоящего познания искусства, о необходимости глубоких забот о прекрасной старине?

Как будто сама жизнь подсказала будущим инженерам, что именно в их руках лицо отечества. Не столько созданием отдельных памятников, сколько строительством всей обыденной жизни можно добиться оживления художественно-культурных начал.

Бесконечно правы студенты-инженеры в своем обращении к искусству. Большинство городских хозяйств зависит от руки инженера; физиономию города создает инженер; до сих пор особенными врагами памятников старины оказывались всегда инженеры. Им первым теперь надлежит исправлять ошибки прошлого поколения. Им первым придется взять на себя часто неблагодарную, жестокую задачу — твердить об искусстве обывателю. Твердить во всех концах земли и быть готовыми к

невежественному поношению. Трудный, но прекрасный путь!

С особенным радостным чувством приветствую художественный кружок Института гражданских инженеров. Кружку нужна помощь. Нужны настоящие сведения об искусстве, о древности. Я убежден, что все истинные ревнители старины горячо отзовутся на запросы кружка, которому приходится начинать дело вне всяких традиций.

Часто мы затрудняемся в решении, из кого составятся будущие отряды поборников красивой старины и культуры. Лучшим материалом для такого ответственного дела могут быть художественные кружки молодежи. Их горение сильно и светло; им хочется дела достойного и большого.

В художественные кружки молодежи понесем лучшие сведения об искусстве и старине. Не мертвые правила, которые сейчас вырабатываются, но живых и сильных работников могут дать нам кружки молодые, жаждущие лучших сведений.

Художественным кружкам поможем.

1909 г.

Корни Культуры

*К десятилетию Института Объединенных Искусств
Музея Рериха*

Уже прошло десять лет, как мы положили основание Институту Объединенных Искусств. Как незаметно прошло это десятилетие, ибо, когда много обстоятельств и происшествий, тогда время идет особенно быстро.

Как вчера, представляется, что мы с М. М. Лихтманом спешим снять помещение в Отеле Артистов в Нью-Йорке. Случайно по дороге задерживаемся, и, благодаря этой случайности, при входе в подземную железную дорогу к нам бросается греческий художник с неожиданным возгласом: «Уже три месяца ищу вас — не нужна ли вам большая мастерская?» — «Конечно нужна, где она?» - «В доме Греческой Церкви, на 54-й улице». — «Хорошо, завтра же пойдем осмотреть ее».

«Нет, невозможно, не могу больше держать ее. Если хотите видеть, идемте сейчас же».

И вот вместо Отеля Артистов мы сидим у отца Лазариса, Настоятеля Греческого Собора, который уверяет меня, что я духовное лицо. Тут же решаем снять помещение, и под крестом Греческого Собора полагается начало давно задуманному Институту Объединенных Искусств. Мастерская большая, но всего одна комната.

Говорят нам: «Неужели вы можете мечтать иметь Институт Объединенных Искусств в одной студии?»

Отвечаю: «Каждое дерево должно расти. Если дело жизненно, оно разрастется, если ему суждено умереть, всё равно умирать придется в одной комнате».

Итак, раздаются первые фортепианные этюды и реализуются первые мечты о живописных, вокальных и скульптурных классах. Скоро студию пришлось разделить на три помещения, и сама жизнь поддержала идею объединения.

Вот с нами такие опытные творческие руководители, как Джайлс, Сач, Мордкин, Лихтманы, Грант, Германова, Бистран, Андога, Вагенер, Апия...

Уже семьдесят сотрудников работают по разным отраслям, и сотни учащихся наполняют классы и аудитории. Уже растет новое поколение преподавателей, и Кеттунен, Фрида Лазарис, Лида Капобиянка и другие наши ученики составляют уже вторую наступательную линию. Двенадцать лет тому назад, на основании долгого школьного опыта, я брал решимость утверждать следующее:

«Искусство объединит человечество. Искусство едино и нераздельно. Искусство имеет много ветвей, но корень един. Искусство есть знамя грядущего синтеза. Искусство — для всех. Каждый чувствует истину красоты. Для всех должны быть открыты врата священного источника. Свет искусства озарит бесчисленные сердца новою любовью.

Сперва бессознательно придет это чувство, но после оно очистит все человеческое сознание. И сколько молодых сердец ищут что-то истинное и прекрасное. Дайте же им это. Дайте искусство народу, куда оно принадлежит. Должны быть украшены не только музеи, театры, школы, библиотеки, здания станций и больницы, но и тюрьмы должны быть прекрасны. Тогда больше не будет тюрем...»

Помню, что тогда некоторые друзья улыбались между собою, перешептываясь: прекрасные мечты, но как отзовется на них жизнь?

Но главный наш принцип: допущение и доброжелательность. Мы и наши сотрудники не любим мертвого «нет» и пытаемся при каждой возможности сказать «да». Недаром все народы выражают утверждение открытым звуком, а для отрицания избрали немое, полужвериное «нет».

Какие же еще соображения подтвердил опыт последнего десятилетия?

Жизнь подтвердила, что всякое объединение полезно. Подтвердила, что практически (не убоимся и этого слова) иметь под одной крышей разные отрасли искусства, имея общую библиотеку, общую канцелярию, общее художественное выступление, общее руководство и ближайший обмен между отдельными отраслями. Жизненно дать возможность учащимся пробовать свои силы в разных отраслях, пока они не остановятся на окончательном избрании. Жизненно, чтобы происходило общение музыкантов, живописцев, декораторов. Жизненно оказать преподавателю полное доверие, предоставив ему выявить в жизни свои методы. Результаты покажут, прав ли он, ибо, как и во всей жизни, мы должны судить по следствиям. Жизненно дать возможность учащимся как можно скорее пробовать свои силы в жизни, уча их мужеству и охраняя от вульгарности. Жизненно, как делали Джайлс и Бистран, дать музыку во время живописных классов и давать лекции, своим художественным и философским содержанием поднимающие и объединяющие дух всей художественно-рабочей гильдии. Жизненно давать примеры из истории искусства, которая еще раз научит, насколько искусство являлось творческим мирным началом во всей государственной жизни. А главное — меньше отрицать, помня, что большинство отрицаний имеет в основе невежество.

Таким образом преподаватели обращаются в руководителей, передавая учащимся не только технику, но и жизненный опыт и делаясь с ними ценными накоплениями, которые окажутся для подрастающих крепким щитом.

Сколько раз запутавшееся в проблемах человечество пыталось отрицать значение Учителя. В упадочной эпохе иногда точно бы удавалось потрясти это основное понятие духовной иерархии. Но недолго держалась эта темнота. С расцветом эпохи неминуемо опять кристаллизовалось великое учительство, и люди опять начинали чувствовать лестницу восхождения и благословенную руку Водящего. Малые умы не раз смущались, не будут ли они подавлены личностью Учителя. Те, кому мало чего терять, те особенно часто беспокоятся, не потерять бы. В этом отношении сейчас мы вступаем опять в очень значительную эпоху. Дух отрицания только что успел в некоторых слоях человечества возбудить протест против Учителя. Но как и всегда бывает, отрицание может возвыситься лишь кратковременно и творческие начала человечества опять выводят странников жизни на путь утверждения безбоязненного искания — на путь творчества и красоты. Люди опять вспомнили об Учителях. Конечно, эти Учителя не должны быть дедушкиным кабинетом, со всеми окаменелыми пережитками. Учитель Тот, Кто открывает, умудряет и ободряет. Тот, кто скажет: «Благословенны препятствия — ими мы растем». Тот, кто вспомнит прекрасные Голгофы знания и искусства, ибо в них творящий, созидующий подвиг. Тот, кто сможет напомнить, научить подвигу, тот не будет отвергнут сильными духами. Тот и сам осознает ценность иерархии знания и в постоянном движении своем создает восходящие исследования.

Сколько школ и полезных распространений знания может быть организовано при наших обществах. Всем им можно дать тот же совет: каждое древо может быть посажено лишь в малом отростке. Лишь в постепенности оно привыкнет и обоснует прочные корни.

Потому, если где есть сердечное желание помочь распространению знания и красоты, пусть его выполняют безотлагательно. Пусть не стесняются малыми возможностями. Жизненность не в размере, но во внутренней субстанции зерна.

Гималаи, 1931 г.

Институт Объединенных

Искусств

Записанное вчера о школах и кооперации, конечно, прежде всего, относится и к нашему Институту Объединенных Искусств. Кроме существования различных мастерских и классов по разным областям искусства, нужно подумать об экспансии Института и на внешних полезных полях. Не случайно учреждение называется институтом, а не мастерскими. Понятие мастерских заключалось бы именно в работах в них, тогда как Институт действует, как внутри, так и внешне.

О наших внутренних программах было своевременно уже говорено. Их следует выполнять в пределах создавшихся обстоятельств. Если что-то, в силу не зависящих от Института обстоятельств, не могло еще быть проведено в жизнь, то это еще не значит, что оно вообще отставлено. Конечно, не отставлено, но ожидает ближайшую возможность.

Теперь же следует подумать еще планомернее о внешней работе Института.

Всегда было радостно слышать о выступлениях директора и деканов Института с лекциями и демонстрациями в посторонних, как нью-йоркских, так и иногородных учреждениях. В архивах Института хранится длинный ряд всевозможных признательностей, запросов и предложений, связанных с такими выступлениями.

Также было радостно слышать об образовании ученической гильдии и некоторых других внутренних групп, объединенных полезными идеями.

На основе того, что уже было сделано, особенно легко ввести внешнюю работу Института в планомерность, которая бы была отражена как в отчетах, так и в будущих предположениях учреждения.

Как из среды преподавательского состава, так и из старших учащихся следует готовить кадры наставников. Эти подвижные носители основ творчества в различных областях искусства и знания будут выступать во всевозможных образовательных, промышленных, деловых и прочих установлениях с живым словом о задачах творчества и познания. Естественно, что в тех случаях, где слово может быть сопровождено музыкальной, вокальной или какой-либо иной демонстрацией, это всегда будет полезно. Вопрос вознаграждения, конечно, будет индивидуален, в зависимости от возможностей приглашающего учреждения.

Повторяю, что многое в этом смысле уже делалось, и это лишь подтверждает насущность планомерности такой внешней работы Института. Такая работа, помимо своей абсолютной полезности, может создавать и всякие другие созидательные возможности.

Среди имеющихся классов имеется класс журнализма. Желательно, чтобы, наряду с журнализмом, также преподавались бы и основы общественных выступлений. Такая тренировка совершенно необходима, ибо в ней испытуемые получают ту убедительность и энтузиазм, которые так нужны в живых просветительных выступлениях.

Эта внешняя работа Института, для которой могут быть приглашаемы и лица, не входящие в состав преподавателей или учащихся, может сделаться как бы значительной частью институтской программы. Нести свет познания и утверждать основы творчества всегда радостно. Потому можно себе представить, что при планомерности этой работы, эта часть занятий Института найдет своих искренних энтузиастов.

За годы существования Институт, конечно, имеет в своем распоряжении, кроме действующих кадров, также и значительное число окончивших, бывших учащихся, из которых так же точно могли бы быть почерпаемы полезные деятели для предположенных

внешних выступлений. Будет ли то в народных школах, или в больницах, или в тюрьмах, или в храмах, или на удаленных фермах — все это будет теми высокополезными посевами, которые входят в нашу общую обязанность. Если мы уже видели, что врачи благожелательно способствуют такому общению, если мы имели многие выступления в церквях, то также будет приветствовано и агрикультурными управлениями хождение со светочем творчества в удаленные фермы.

Кроме новых познаний, эти беседы могут положить основу возрождения кустарной, домашней промышленности. Каждое сельское хозяйство имеет такое сезонное время, когда всякие домашние изделия являлись бы великолепным подспорьем. Входя в старинный дом германского или французского крестьянина, мы поражаемся отличному стилю домодельных предметов. Эти старинные сельские изделия сейчас имеют большую ценность на антикварных рынках. А ведь творились эти предметы в часы досуга сельского. В них закреплялось врожденное чувство творчества и домостроительства. Вместо бегства в отравленные города создавался свой самодельный прекрасный очаг. Можно легко себе представить, насколько такие художественно-промышленные эмиссары будут желанными гостями на трудовых фермах. Сколько утончения вкуса и качества работы может быть вносимо так легко и естественно.

Когда же мы заботимся о сохранении культурных ценностей, то такие прогулки по всем весям государства будут и живыми хранителями традиций Культуры. Там, где вместо разрушения, порожденного отчаянием, вновь пробудится живое домостроительство, там расцветет и сад прекрасный.

Сказанное не есть отвлеченность. Эти утверждения испытаны многими опытами в разных частях света. Всюду сердце человеческое остается сердцем, и питается оно прекрасною пищею Культуры.

Вспоминаю прекрасную персидскую сказку о том, как несколько ремесленников в пути должны были провести очень томительную ночь в дикой местности. Но каждый из них имел при себе свой инструмент, а в развалинах нашлось упавшее бревно. И вот во время дозорных часов каждый из ремесленников приложил к обработке этого куска дерева свое высокое искусство. Резчик вырезал облик прекрасной девушки, портной сшил одеяние. Затем она всячески была украшена, а в результате — бывшее с ними духовное лицо вдохнуло в созданное прекрасное изображение жизнь. Как всегда, сказка кончается благополучием, в основе которого лежало мастерство в различных областях.

Другая же сказка рассказывает, как один из калифов, будучи пленен и желая дать весть о месте своего заточения, выткал ковер с условными знаками, по которым он был освобожден. Но для этого спасения калиф должен был быть и искусным ткачом.

Также еще вспомним мудрый завет Гамалиила, что «не давший сыну своему мастерства в руки готовит из него разбойника на большой дороге». Не будем вспоминать множества других высокопоэтических и практических заветов и безотлагательно направим внимание Института на такие возможности внешней высокополезной работы.

Эта запись дойдет до Вас к лету. Кто знает, может быть, уже и среди ближайшего лета что-нибудь удастся сделать в этом направлении. Но, во всяком случае, с будущей осени уже можно принять этот вид работы планомерно — и тем еще раз исполнить девиз Института. Эту задачу мы все добровольно возложили на себя пятнадцать лет тому назад. Тем своевременнее будет развивать работу и на новых полях.

23 апреля 1935 г. Цаган Куре.

Творящая Мысль

Обращение к студентам

Ховарда Джайльса

Когда я вхожу в мастерскую во время работы и вижу, как мой друг Джайльс вдохновляет учеников, я всегда радуюсь в сердце своем. Знаю, что ученики получают настоящий совет. Они слышат об основных законах, которые в глубине всего Бытия. Я чувствую присутствие мысли творящей. А там, где явлена мысль творящая, там нет страха за будущее. Говоря о мыслях творящих, я не имею в виду тенденцию, описательную историю, сухой сюжет. Я представляю себе великолепный творческий синтез. Эволюция наша неизбежно приближается к благословенному синтезу. Имею в виду неограниченную творческую мысль, которая в прекрасных формах и красках творит крылья человечества. Эта творящая мысль, украшенная всеми основами, всеми красотами созидательных законов, ведет человечество ввысь, готовится его к принятию эволюции, и от меньшего сердца до сердца государства и части Света устанавливает великое понятие Прекрасного, которое в существе своем свойственно всем векам и народам.

Из этого чувства Прекрасного рождается и благородство духа, постоянное творчество, героизм и подвиг. Из того же источника истекает и оптимизм, так необходимый, ибо каждое отрицание не творяще.

Все человечество разделено на «да» и «нет». Мы же пребудем всегда с теми, в природе которых звенит открытое светлое «да». Берегитесь утверждать «Я» и «нет».

Поистине, каждый свидетельствует о себе. В тайных мыслях он оформливает будущее действие. Лжец боится быть обманутым. Предатель в сердце своем особенно страшится измены. Невер в сердце своем трепещет от сомнения. Героическое сердце не знает страха. Да, мысль управляет миром. Прекрасно сознавать, что, прежде всего, мы ответственны за наши мысли.

Часто мы твердим слово «мысль». Мы лепечем его во время обедов и ужинов. Мы не скупимся на него в припадке подозрения и злобы. Мы механически бормочем это слово даже тогда, когда мы не имеем в себе определенной мысли. Если мы могли осознать, что, повторяя это священное слово, мы произносим формулу величайшей мощи! Но редко мы признаем динамическую силу мысли; так же редко мы можем обуздывать ее и направлять по правильным руслам. Малые и отвратительные мысли часто летают в нашей ауре, как ядовитые насекомые. Если бы мы могли снять фотографии наших аур (и такие снимки были уже сделаны), мы могли бы заметить, что излучения наши наполнены черными и серыми пятнами. Ведь эти пятна не что иное, как пятна невежества и возвращенной им тьмы.

Если бы только мы могли сознавать непобедимую мощь устремленной, благостной мысли! Если бы могли начать исследовать условия, которые могут укреплять в нас подобные мысли, мы могли бы тогда постепенно стереть эти физические отложения тьмы. На одной фотографии два неожиданных луча света блеснули из плеч. Было проверено, что именно особенное случилось в этот момент? И было найдено, что именно в это время зародилась прекрасная, бескорыстная мысль. Мысль была бескорыстна и творяща, и она немедленно отразилась в виде прекрасных лучей Света. Кто знает, может быть, скоро мы будем иметь снимки соискателей на выборах на государственные должности и будем, вместо измышленных письменных свидетельств, иметь истинный неоспоримый сертификат. Тогда мы будем иметь перед собою лишь факты, и, познавая, что существует лишь Единый Свет, мы научимся и следовать за этим Светом.

Жизнь не в состоянии будет разочаровать нас, ибо мы увидим, что восход един и едино позорное низвержение. Все подвижно. Обратите внимание на условие восхождения; по основному закону каждое восхождение соединяется с творческим состоянием ума. История показывает, что ни один человек, имевший творческий ум, не был забыт.

Я не говорю о каком-либо ограниченном проявлении мысли, как на полотне или в камне, или в других материалах, но я имею в виду все Прекрасное — это значит

выражение Прекрасного во всей жизни. Иногда это выражение закреплено на холсте или на другом материале, но очень часто оно выявлено в мысли. Этими благородными мыслями мы украшаем пространство и соединяем дальние миры, ибо для мысли нет ни пространства, ни времени. Указывается, что человек, насыщенный мыслью, даже разнится в весе. Может быть доказано, что в момент сильнейшей, творящей мысли человек становится легче. Святая Тереза, и святой Иоанн Креста, и святой Франциск возносились на воздух. Это не есть необъяснимое чудо. Может быть, и из вас кто-нибудь видел опыты, когда, благодаря силе мысли, отмечалась потеря веса и даже левитация. Таков физический, творящий закон. Так мы видим, что, приближаясь к этим созидательным законам, мы ближе подходим и к основным законам Вечности. Понятно, если вас наполнила высшая форма мысли, то вы вступаете в сотрудничество с Высшим Сознанием. Разве не чудесно иметь в вашем сознании прекрасную мысль, что вы сотрудничаете с Прекрасным, с Высшим? В этом сознании ваша мощь, ибо в час непосредственного приближения к Высшему вы создаете что-то достойное эволюции, для будущих жизней. Вечен Зов устремляться к этому достижению. В этом Зове выражен закон Прекрасного!

Никто не может принуждать вас к одному определенному выражению в искусстве. Вы не можете творить без вашего внутреннего осознания формы синтеза. Ведь все имеет назначение и достижение. Но помните только одно, что это назначение должно быть прекрасно.

Часто мы слышим жалобы на неразрешимые проблемы жизни, семейные, домашние, общественные и государственные. Если вы наполните вашу жизнь и жизнь ваших ближайших драгоценным чувством прекрасного так, что все безобразное должно будет скрыться, этим вы создадите постоянную жизнь в энтузиазме Прекрасного. Это суждено всем, не только каким-то избранным; мы можем сказать, что даже тюрьмы должны быть прекрасны, тогда мы не будем иметь более тюрем! Конечно, мы предполагаем не только физические тюрьмы, но и темницы духа. В этих мыслях мы можем мечтать о совместной созидательной жизни.

Когда говорят о прикладном искусстве, часто употребляется отвратительное слово «коммерческое искусство». Это отвратительное выражение должно быть изъято. Что же в сущности искусство, как не выражение Прекрасного? Вы можете иметь нечто прекрасное или безобразное. Если вы имеете перед собою предмет обихода, сделанный Бенвенуто Челлини, ведь это будет творение великого искусства. Во всех проявлениях искусства мы должны руководиться только одним основанием — Прекрасным! И мы должны помнить, как применять искусство в нашей каждодневной жизни. Даже полы могут быть вымыты прекрасно. Ибо нет ничтожного искусства в том, что истинно. Постоянно повторяя как заклинание — прекрасное, прекрасное, прекрасное, вы становитесь уже творящим в существе своем. Безобразные отрицания есть символ невежества, и подобное невежество также должно быть изъято. Не убоимся постоянно иметь перед собою эту великую мысль.

Новичок постоянно смущается, как ему творить? Он предполагает сначала: я изучу только законы, потом познаю краски, а там, когда-то в будущем, начну творить. Но ведь каждый должен творить изначала. В раннем детстве дети должны быть научены именно творчеству. Изучающий искусство должен знать вечный закон созидательный для вечной мысли. Пусть законы наполнят ум, а не только изошрят руки. Итак, предлагая, чтобы вы изучали основные законы, мы только желаем помочь вам, ибо верим, что вы прирожденные художники и уже понимаете значение творческой мысли.

Так часто мы не умеем обращать внимание на подробности нашей жизни. Поставьте перед собою простейший предмет, внимательно рассмотрите его, а затем закройте глаза и постарайтесь представить себе его. Скажите искренно, насколько ярко и ясно останется в вас этот отпечаток? Обычно люди не помнят ни определенного цвета, ни точной линии. Таким образом, нужно повторять этот простой эксперимент каждый день. Если вы имеете несколько минут, поставьте перед собою что-нибудь простое, но цветное и пробуйте перенести этот отпечаток в ваш так называемый третий глаз. В этом нет

ничего сверхъестественного, и, сосредоточивая внимание, вы постепенно заметите, как отпечаток становится ярким и точным.

Каждый слышал о графе Сен Жермене ⁹, который предупреждал Францию перед революцией. Читали ли его биографию? Указывается как исторический факт, что он мог вести три разговора и писать обеими руками одновременно два разных письма. Но ведь даже в этом нет ничего сверхъестественного. Это лишь доказывает, что его сознание было необычайно развито и утончено. Каждый пианист действует обеими руками различно, и в то же время он может вести разговор. Так, приучаясь устремлять сознание на определенные предметы, вы можете производить так называемое «чудо». Но кто-нибудь скажет вам, что это невозможно. Тогда скажите ему о чуде пианиста, а может быть, улавливающего и второй разговор во время игры. Поистине, многие проявления, возведенные как феномены, как нечто сверхъестественное, в сущности очень просты и жизненны, и они могут и должны быть выявляемы. Когда мы научимся направлять наше сознание, в то же время и ум наш сумеет сосредоточиваться на определенном. Человечество спешно готовится для эволюции, и ближайшею обязанностью его является мыслить об этой грядущей эволюции, мыслить о будущих поколениях. Вы ответственны за будущее поколение, и неизбежна для вас ответственность эта. Мы можем получить великое счастье посредством прекрасной мысли.

Когда в следующий раз мы встретимся, пусть каждый из вас расскажет мне что-либо необычное из своей жизни. Пусть каждый обдумает свою жизнь, и я уверен, что если он обернется на жизнь свою честно и искренно, то каждый из нас найдет нечто необычное. Недавно, обращаясь к группе театральной молодежи, я тоже спросил их о необычном в их жизни. Прежде всего, они ответили, что с ними ничего необычного не случилось, ибо жизнь их протекает в печальной обычности. Они сказали мне, что, конечно, у меня во время горных путешествий наверно были прекрасные необычности, но что же необычного могло случиться с ними в суматохе города? Но я настаивал, давая им время подумать и убеждая, что каждый человек вспомнит что-то и прекрасное и необычное. Затем, после момента стыдливого молчания, одна из присутствовавших сказала, что в минуту смерти ее тетки они слышали странный колокольчик и некоторые из присутствовавших видели словно облачко, прошедшее над их головами. Лед был сломан, не прошло получаса, как и все остальные припомнили самые замечательные случаи, все вдохновились и повеселели, а через три недели каждый участник этой группы стремился рассказать мне интереснейшие и замечательные факты их жизни. Значит, нам нужно только заглянуть внутрь себя честно и непосредственно, чтобы заметить множество прекраснейших наблюдений. Каждый стремится быть честным, но редко факты сообщаются без личной окраски, это случается даже и с учеными, которые, казалось бы, должны уметь обращаться с фактом, как таковым. Мало кто умеет усматривать факт вне предрассудков и без суеверий. Если кто-либо начинает видеть чудесные цвета, звезды и искры, ему говорят, что он должен начать носить очки и, таким образом, механическое стекло должно прекратить свет незримый. Но мы должны, наконец, научиться оценивать явление непосредственно!

Часто люди жалуются на своих родственников, губящих их жизнь. Но если сознание их будет расти, они поймут, что их родственники и друзья, все же существа человеческие, и они попытаются открыть их сердца. Иногда это очень легко, но часто это трудно. Если же ключ ваш не действует, будьте уверены, что он еще недостаточно прекрасен. Ведь каждый человек имеет сердце. И каждое сердце есть все же сердце. Итак, если вы не в состоянии открыть это затвердевшее сердце, то, верно, наш ключ не годится для этого ларца. И конечно, мы должны найти для него нужную формулу. Часто слышим,

⁹ *Сен-Жермен* (XVIII в.) — известный оккультист и политический деятель. Его происхождение и предполагаемая смерть покрыты тайной. Предание наделяет его даром предвидения и бессмертием.

что в некоторых домах искусство вообще не может быть введено. Слышим от обитателей этих темных домов, что все прекрасное не нужно. В этих случаях как вы можете показать им, что именно прекрасное имеет огромную ценность?

Во время восстаний и революций, когда собственность и деньги были уничтожены, именно предметы искусства оставались единственными ценностями и даже целая страна могла временно существовать благодаря сокровищам искусства. Помните это и в нужный час скажите вашим окаменелым друзьям, что единственная ценность, возрастающая даже во время войны и революции, в конце концов, будет предметом искусства. Попросите вашего друга назвать вам точно цену акций, он затруднится это сделать, и недавние потрясения, как нельзя более, подтвердили это. Все видели стремительное низвержение бумажных ценностей. Пусть каждый получает доказательство по мозгам своим. Даже окаменелые друзья вспомнят, как на их же глазах предмет, считавшийся ничтожным, вдруг получал огромную цену и, наоборот, непоколебимые ценности, с точки зрения обыденности, оказались грудой бумажного сора. За время революций мы не однажды видели, как банкиры и финансовые деятели оказывались сметенными, тогда как выживали именно художники и собиратели искусства. Сама жизнь показывает, что все, связанное с творчеством, выживает: живут научные открытия и неистребимо живет мысль. Итак, научимся направлять все наши мысли к Прекрасному.

Надеюсь через год увидеть вас опять, уже далеко подвинувшимися на творческой лестнице. Надеюсь почувствовать на работах ваших отображение осознания Прекрасного. Останусь уверенным, что вы неустанно будете расти и творить.

Во всех сказках мы слышим о закрытых вратах, о скрытых Сокровищах, которые могут быть открыты лишь чудесным, сужденным ключом. В нас самих гнев и раздражение собирают и отлагают вреднейший яд, и, чтобы очистить сердце свое, мы должны признать и гнев и раздражение разрушительными и непрактичными. Так же образуется и рак и многие другие бичи человечества, неся за собою непоправимое разложение. Но знаем, что подобные бедствия излечиваются психической энергией. Для этого, прежде всего, научитесь изгнать все ядовитые мысли, научитесь осветлить и устремить вверх сознание ваше, тогда вы научитесь творить для будущего человечества и, проснувшись, в радости увидите в руках ваших чудесный ключ от Врат Сокровенных.

Нью-Йорк, 1930 г.

Письмо

В письме вашем вы сообщаете о новых культурных начинаниях. Радостно слышать, что и в наши отемненные, напряженные дни возможны новые труды на поле просвещения. Напряженность текущих дней понуждает особенно четко различать людей по их внутреннему сознанию.

Действительно, примечательно, когда видевшие и прикоснувшиеся разбегались и отрекались, а уже наполненные сосуды, от одной молнии, делались мощными вестниками. Еще раз можно видеть, как заблаговременно наполняются такие сосуды. Насильно их наполнить нельзя. От насилия они начнут раздраженно расплескиваться, а в такие минуты всегда возможно и одержание. Думаю, в свое время вас никто не принуждал искать знание. Несмотря на всякие житейские трудности, вы неукоснительно устремлялись ко всему Светлому и бережно доносили засвеченные лампы.

Внимательность и бережность только отчасти может быть воспитываема. И то и другое должно быть образовано многими накоплениями. Разве не поразительно видеть иногда даже в людях, выросших в очень тяжелых условиях, необыкновенную внимательность и устремленность.

Всем нам приходилось встречать малышей, которые, полные внутреннего горения, горячо устремлялись к новому человеку, чтобы еще что-то узнать. Внутри их были уже

такие накопления, которые лишь искали оформления. Каждая открытая струя благая непосредственно устремлялась в чашу накоплений. Как быстро преуспевали такие малыши! Преуспевали не только в механических познаниях, но в осознании всего окружающего.

Несломимые борцы образовывались из них на жизненном поле Курукшетра¹⁰. Ничего в них не было ни грубого, ни небрежного, наоборот, они всегда были готовы к новым восприятиям, были всегда и бодры, и дозорно бодрствовали во всем сиянии духа. Ведь не отвлеченность это. Каждый из нас в своей жизни видел такие примеры и удивлялся, как, каким образом даже в удаленном захолустье могли складываться светочи просвещения? Ведь часто в огромных центрах, при всех пособиях, при возможности поучительных встреч многие оставались просто вульгарными обывателями.

Действительно, не от насилия, но от внутреннего горения складывается преуспевание. Нужно давать возможность, нужно открыть окна и на стук отпереть запоры дверей, но именно на стук, на зов. «Стучитесь и откроется вам». В этом кратчайшем слове рассказан великий принцип живой этики. Никакая омертвленность не коснется живого, возвышенного искания.

Очень часто приходится слышать, что кем-то овладел мрак. Эти соображения уже становятся каким-то общим местом. Все равно как если бы услышать, что кто-то опять поскользнулся на той же самой ступеньке и наставил себе еще один рог на лбу. Конечно, каждый спросит, неужели он так беспамятен и зачем же именно на этой ступеньке он опять был так неосмотрителен? Зачем же ему точно бы нравилось самому себе наставлять рога? И зачем вообще преувеличивать преуспевания сил темных? Если будем допускать их особое преуспевание мысленно, то ведь тем самым мы будем им давать новую силу.

Сами знаем, что темные очень организованны и изысканны. Тем не менее не будем преувеличивать их вездесущие. Темные, несмотря на все свои мрачные попытки, прежде всего будут ограниченными. О том их свойстве нужно помнить, ибо в нем их конечное поражение. Они сами знают о своей ограниченности и очень опасаются, когда такое их неизбежное свойство замечено.

Если кто-то будет настаивать на одолении силами темными, то ему нужно предложить, прежде всего, осмотреть, каков таков сам одолеваемый? Не сам ли он какою-то раздражительностью, или грубостью, или сомнением, иначе говоря, тоже ограниченностью, вырастил чертополох, в котором укрываются всякие черти? У вас большой запас духовной силы. Сами знаете, как накаплился этот запас, как обширно и разностепенно, и мужественно вы искали эти достижения.

Конечно, вы согласны со мною, что вредно приукрашать свойства сил темных хотя бы мысленным допущением возможности их воздействия. Потому поставим себе за правило беседовать о силах Светлых, пренебрегая всякими темными ухищрениями. Невольно мы будем знать и о них и даже будем чувствовать их толчки. Но бросаемые ими осколки будут переплавляться в горниле добра.

Рассеивать тьму невежества нужно. Выметать каждый сор необходимо. Нужно водворять чистоту ежедневно — это простое правило гигиены. Но ведь выметающий сор и не много думает о нем, просто он убирает вредных зародышей. Мне лишь хотелось бы подчеркнуть, что некоторые, усиливая какие-то воздействия сил темных, как бы стараются оправдать или себя, или своих близких, подпавших под крыло тьмы. Но оправдания тут не может быть никакого. Можно сожалеть, можно ожидать час, когда одолеваемый вдруг, при свете солнца или при блеске молнии, озарится сознанием, что союз с тьмою, прежде всего, губителен.

Как только такое озарение стукнет по темени, одолеваемый затрепещет и бросится открывать окна и стучаться, всеми силами достучиваться к знанию. Там, где он только что

¹⁰ *Курукшетра* — поле великого сражения, описанного в «Бхагавадгите». Иносказательно символизирует духовную борьбу высшего «я» человека со своими низменными страстями.

недавно был груб и нем для всего возвышенного, там сердце его, в новом трепете, заставит прислушиваться к мыслям и к словам блага и восхождения.

Главное же — воздерживаться от всяких предрассудков. Ведь это они своею мертвенностью влагают в мозг предрешенные, несправедливые, ограниченные соображения. Если бы написать историю каждого предрассудка, то праотцем его оказался бы очень слабый, колеблющийся и неистовый в раздражениях человек. Предрассудок, как таковой, уже есть нечто несправедливое. Ведь это не предвидение, но именно предрассудок. Нечто придуманное, и придуманное лишь для какого-то умаления или искажения, на основе и по причине самости.

Каждый стремящийся к искажению уже будет человеком неверным. А ведь так нужна верность, так нужна вера как претворение и приближение великой реальности. Каждая верность всегда была истинным украшением. Всеми лучшими поэтическими символами прославлена верность, благая верность, самоотверженная верность — героизм.

Письма проходят через всякие неверные руки. Но пускай и они лишний раз прочтут о верности, о добре и о силах Света. В одном из недавних писем, от очень славного человека, именно была высказана эта мысль. Пусть вскрываются письма. Пусть еще кто-то прочтет слова о добре и о строении. Может быть, если он чрезмерно погрузился во тьму, они вызовут в нем лишь яростную гримасу ужаса, но может быть, сердце его еще не совсем окаменело и оно вздохнет о Знании, о Строении, о Прекрасном.

12 июля 1935 г.

Наран Обо

Академия

Спрашиваете, в чем смысл нашей Академии? ¹¹ Прежде всего, она — народная. Искусство принадлежит народу. Каждому ищущему в областях художества двери открыты, он получит совет и наставление. Если размеры его таланта не доведут его до мастерства, то во всяком случае он станет культурным сеятелем искусства. Пашня культуры очень нуждается в таких устремленных, самоотверженных деятелях-сеятелях.

В Академии будут приняты во внимание жизненные условия поступавшихся. Наверно, среди них будут рабочие, труженики, у которых остаются свободными лишь вечерние часы. Все, что может быть сделано бесплатно, и должно быть так сделано. Молодость и бедность дают лучшие цветы художества.

Дружеский, опытный совет будет дан в пределах искусства разных областей и в решении бытовых проблем, так трудных подчас. Академия не есть сухо формальный класс, но школа жизни. В ней испытанный пловец подаст твердую руку начинающему.

Академия не нуждается в роскошных помещениях. Центр Академии может быть в одной студии, откуда могут излучаться советы по всем прочим отделам. Гораздо лучше, если члены Академии могут работать в своих мастерских, придавая занятиям свой индивидуальный колорит. Этим будет сохранен стиль давних гильдий, когда ученик бывал истинным сотрудником мастера.

Руководители могут собираться на совещания, обсуждая лучшие меры. Члены Академии могут иметь мастерские в разных, даже удаленных городах. Тем самым пашня будет и шире и плодоноснее. Сотрудничество должно быть развито во всех видах. Самые различные виды искусства могут взаимно помогать и давать осведомления новым кругам народа.

Кооператив есть полезнейший вид общественности. Это свободное начало должно быть применяемо с первых лет образования.

Школа есть начало образования, которое будет развиваться в течение всей жизни.

¹¹ Академия — здесь Академия искусств в Нью-Йорке, созданная ближайшими сотрудниками Н. К. Рериха в США в конце 30-х годов.

Учащие и учащиеся — прежде всего сотрудники. В этих дружеских многообразных трудах выковывается здоровое поколение, здоровое творчество. Нет разделения на прикладное и высокое искусство. Всякое хорошее искусство и высоко и жизненно. Искусство есть двигатель культуры. Дайте народу его истинное достоинство.

1941 г.

Достоинство

Даже в низших школах учащиеся уже слышат о многих династиях, в десятках сменявшихся в разных странах. Эпически спокойно упоминаются эти коренные смены, точно бы это было свивание новых спокойных гнезд. Никто не говорит о том, что одинаково можно было бы сказать: или десятки смен династий, или десятки трагедий.

Много ли можно припомнить совершенно мирных смен правления? Почти каждое из них сопровождается потрясениями или убийствами и всякими ужасами. Именно настоящая трагедия лежала в основе каждой такой смены. Ведь не только она касалась главы правительства, вместе с главным управлением; обычно сменялись и целые классы, сменялась психология народа, сменялась цель устремлений.

Болезненно наслаивались новые ритмы. Крик и ужас сопровождали их, а теперь, в смене веков, в школах спокойно говорится о смене династий. Не только ученики, но и профессора сами подчас забывают, что скрывается под этою эпикой. Когда говорится о войнах, о морах, о всяких других катастрофах, то, естественно, трагическая сторона запечатлевается в самом выражении, в самих словах. Но смена династий звучит очень мелко и спокойно. Смена условий жизни в представлении народа тоже звучит спокойно, а между тем под этими эпически ясными словами скрыта целая буря, часто многолетняя, со многими ужасами разрушений.

Потому-то даже среди начальных школьных курсов следует усвоить более точную и выразительную номенклатуру. Выразительные определения давних исторических событий укрепят сознание молодежи. С одной стороны, они посеют зерна энтузиазма и героизма, а с другой стороны, охранят от отчаяния.

«Всякое отчаяние есть предел, сердце есть беспредельность». «Красота заключена в каждом участии в построении. Это истинная область сердца. Желанное очищение жизни дает торжественность, как свет неугасимый». «Где же то чувство, где же та субстанция, которой наполним Чашу Великого Служения? Соберем это чувство от лучших сокровищ. Найдем части его в религиозном экстазе, когда сердце трепещет о Высшем Свете. Найдем части в ощущении сердечной любви, когда слеза самоотвержения сияет. Найдем среди подвига героя, когда мощь умножается во имя человечества. Найдем в терпении садовода, когда он размышляет о тайне зерна. Найдем в мужестве, пронзающем тьму. Найдем в улыбке ребенка, когда он тянется к лучу Солнца. Найдем среди всех уносящих полетов в Беспредельность. Чувство Великого Служения беспредельно, оно должно наполнить сердце, навсегда неисчерпаемое. Священный трепет не станет похлебкою обихода. Самые лучшие Учения превращались в бездушную шелуху, когда трепет покидал их. Так среди битвы мыслите о Чаше Служения и принесите клятву, что трепет священный не оставит вас».

«Древние заветы о священном трепете должны быть поняты в большом сознании. Именно теплота и жар этого трепета охраняют сердце от холода, от того самого страшного мертвенного холода, который прекращает всякое общение».

«Сколько можно наблюдать совершенно мертвых двуногих, мертвецов бродячих, которые одним своим приближением уже опоганивают и оскверняют даже такие места, где уже слышалось и ценное, и возможно прекрасное. Именно, не отвлеченный приказ, но терпеливо вложенное новое понимание может остеречь заболевающих страшною эпидемией разложения. Действительно, ужасно зрелище разлагающегося тела. Но ведь и во время жизни такое разложение бывает. Если чисто физические меры могут

предотвращать такое состояние, то сколько духовных воздействий могут быть как лучшая профилактика».

«Духовные лечения помогут не только предотвратить и телесные осложнения, они не только остановят разложение духа, но, в действительности своей, они дадут иссушенному духу здоровое, поступательное движение. Ведь дух, как тончайшая субстанция, так близок к пространственным вибрациям, так близок к движению».

Если подсказать вовремя начинающему деятелю жизни, какие сложности, как прекрасные, так и ужасные, заключены в краткие формулы эпики, то такая трансмутация навсегда укрепит направление этого путника. Если он поймет всю трагедию причиненной боли и скорби, то он в своих действиях найдет более достойные, можно сказать, более культурные пути выполнения. Само чередование оборотов спирали эволюции будет строиться с большим сохранением достоинства человеческого. В сердце своем человек ощутит и горечь трагедий, и высокий восторг служения и героизма.

10 января 1935 г.

Пекин

Русский язык

«Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины,— ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!» — на склоне лет сердечно выразился Тургенев о русском языке.

Истинно, великому народу дан и великий язык. Звучен язык Вергилия и Овидия, но ведь не свободен он, ибо принадлежит прошлому. Певуч язык Гомера, но и он в пределах древности. Есть соревнователь у русского языка — санскрит праотец. Но на нем даже в Индии уже не говорят. А ведь русский язык жив. Он живет для будущего. Он может обогащаться всеми новыми достижениями и сохранять свою певучую прелесть. Он не останется в пределах Пушкина, ведь слишком много вошло в жизнь и требует своего выражения. Тем более нужно подтвердить основную красоту русской речи. И для всех славянских наречий русский язык останется кормилом.

Но скажут ли достаточно в русских школах о красоте своего языка? Скучные правила пусть придут после, а сначала, от первого дня, пусть будет сказано о красоте русской речи, о богатстве, о вместимости, о подвижности и выразительности своего родного языка. Нужно знать иностранные языки. Чем больше, тем лучше. Познавая их, русский человек еще более утвердится в сознании, какой чудесный дар ему доверен. В ответственности за красоту и чистоту своей речи человек найдет лучшие средства, как выразить вновь сложные понятия, которые стучатся в новую жизнь.

Язык видоизменяется с каждым поколением. Только в суете быта люди не замечают этих пришельцев. Но пусть будут они достойны великого языка, данного великому народу. Многие отличные определения оказываются временно загнанными, ибо их твердят, не придавая истинного смысла. Во время душевных смятений человек уже не может осознать всю красоту им произносимого. В столах и воплях нарушается песнь. Но пройдет боль, и человек опять почувствует не только филологически, но сердечно, какое очарование живет в красоте речи. Прекрасен русский язык. И на нем скажут лучшие мысли о будущем.

1939 г.

Небесное зодчество

От самых ранних лет небесное зодчество давало одну из самых больших радостей. Среди первых детских воспоминаний прежде всего вырастают прекрасные узорные

облака. Вечное движение, щедрые перестроения, мощное творчество надолго привязали глаза ввысь. Чудные животные, богатыри, сражающиеся с драконами, белые кони с волнистыми гривами, ладьи с цветными золочеными парусами, заманчивые призрачные горы — чего только не было в этих бесконечно богатых, неисчерпаемых картинах небесных. Без них и охота и первые раскопки не были бы так привлекательны. И в раскопках и в большинстве охот глаз все-таки устремлен вниз, и это не наскучит, лишь зная, что вверху уже готова заманчивая картина. Сколько раз из-за прекрасного облака благополучно улетал вальдшнеп или стая уток и гусей спасалась неприкосновенно. Курганы становились особенно величественными, когда они рисовались на фоне богатства облаков. На картине «Морской бой» первоначально все небо было занято летящими валькириями, но затем захотелось их убрать, построив медно-звучащие облака, — пусть сражаются незримо. Картины «Небесный бой», «Видение», «Веление неба», «Ждущая. Карелия» и многие другие построены исключительно на облачных образованиях. Прекрасна и небесная синева, особенно же когда на высотах она делается темно-ультрамариновой, почти фиолетовой.

Когда мы замерзали на Тибетских нагорьях, то облачные миражи были одним из лучших утешений. Доктор говорил нам, прощаясь вечером: «До свидания, а может быть, и прощайте,— вот так люди и замерзают». Но в то же время уже сияли мириады звезд, и эти «звездные руны» напоминали, что ни печаль, ни отчаяние неуместны. Были картины «Звездные руны», и «Звезда героя», и «Звезда Матери Мира», построенные на богатствах ночного небосклона. И в самые трудные дни один взгляд на звездную красоту уже меняет настроение; беспредельное делает и мысли возвышенными.

Люди определенно делятся на два вида. Одни умеют радоваться небесному зодчеству, а для других оно молчит, или, вернее, сердца их безмолвствуют. Но дети умеют радоваться облакам и возвышают свое воображение. А ведь воображение наше — лишь следствие наблюдательности. И каждому от первых дней его уже предполагается несказуемая по красоте своей небесная книга. Была и картина «Книга голубиная».

1939 г.

Общее дело

Во время моей выставки в Музее Канзас-Сити местная жительница Холмс возымела увлекательную мысль, чтобы одна из моих картин — «Властитель Ночи» — была бы поднесена музеем от имени молодежи. Для этого она обратилась в местные школы, где ее предложение было встречено с большим восторгом. Дети любят, когда их привлекают к серьезному делу больших. Как мне писали, при этом произошли многие трогательные выступления. Были даже какие-то детские шествия и газетные обращения, и это общее дело прошло под знаком полного успеха.

Мне лично такое участие молодежи было необыкновенно радостно. Никто не заставлял и не застрашивал молодые головы какою-то необходимостью условною. Наоборот, была брошена лишь живая идея, и молодежь разных возрастов в полном единении отозвалась. Конечно, немало существует всяких общественных начинаний. Но как бы много их ни было, все-таки хочется, чтобы общественность проявлялась в еще более обширном размере. Прежде всего, широкие круги молодежи должны быть привлекаемы к серьезным общественным построениям. В конце концов, для кого же все строится, собирается, запечатлевается? Прежде всего, для той же молодежи, для будущих поколений. Если всегда и во всем именно молодое поколение будет привлекаться к действительному сотрудничеству, то легче всего образуется живая связь с будущим.

Очень много всегда говорилось о различии и даже о коренном непонимании разновременных поколений. Но дряхлость восприятий обозначается вовсе не поколениями, но совсем другими обстоятельствами, которые нетрудно превозмочь. Каждый знал молодых стариков и очень дряхлых юношей. Дело не в возрасте, а в

состоянии мышления. Но чем больше от юных лет человек будет привлекаться к общим делам, чем больше научат его думать об общем благе, тем продолжительнее сохранится молодость всех восприятий.

Государственные строи современности открывают широкий доступ для всего населения ко всем деятельным виявлениям. Но следует, чтобы люди не только чувствовали себя допущенными, но и ощущали бы себя содеятелями. Именно сознание содеятельности во всем ее труде и ответственности приносит здоровое мышление. В этом образе мышления люди научатся и радоваться прекрасному. Создавайте содеятелей!

1937 г.

Терпимость

Надпись Царя Ашоки ¹² гласит: «Не унижение других верований, не беспричинное обесценивание других, но надлежит воздание почитания всем верованиям за все, что в них достойно почитания». Великий Акбар ¹³ с мудрой Джод-бай ¹⁴, создавая храм Единой Религии, мыслили о том же великом вмещении, преисполняясь терпимости.

Когда Бхагаван Рамакришна ¹⁵ принимал участие во всех религиях и выполнял работы всех каст, он делал это для того же великого чувства уважения ко всему сущему, во имя великой терпимости, которая открывает Врата к светлым построениям Будущего. И Преподобный Сергей ¹⁶, предлагая Великому Князю прежде военных действий истощить весь запас мирных предложений и дружественной находчивости, делал это во имя того же великого Завета. Разве не оставляет во всех нас одно и то же тягостное чувство всякое проявление тупой нетерпимости? Разве не довольно всех бесчисленных примеров истории, когда величайшие наследия разрушались невежественной нетерпимостью? Ведь это темное порождение можно связывать мысленно лишь с невежественностью, дочерью тьмы.

«Агни Йога» в отделе «Сердце» говорит: «Нетерпимость есть признак низости духа. В нетерпимости заключаются задатки самых дурных действий. Нет места явлению роста духа, где гнездится нетерпимость. Сердце неограниченно, значит, какое же скудное сердце должно быть, чтобы лишить себя беспредельности! Нужно искоренять каждый

¹² *Ашока* — в 268—232 гг. до н. э. правитель государства, охватившего территорию почти всей Индии и части современного Афганистана. Способствовал утверждению буддизма как господствующей религии в Индии.

¹³ *Акбар* (1542—1605) — наиболее выдающийся правитель Могольской империи в Индии. Объединитель страны. Талантливый архитектор, покровитель наук и искусств. Основатель теософской религиозно-философской системы, синтезировавшей основы всех великих мировых религий: индуизма, буддизма, христианства, ислама...

¹⁴ *Джод-бай* — супруга Акбара.

¹⁵ *Рамакришна* (наст. имя Гададхар Чаттерджи) (1836—1886) — индийский религиозный мыслитель, подвижник и общественный деятель. Идеолог адвайта-веданты (индийского учения о единстве космоса). Пламенный проповедник духовного родства всех религий и человеческого равенства без различия рас и сословий. Оказал огромное влияние на формирование индийского национального движения.

¹⁶ *Сергий Радонежский* (ок. 1321 — 1391 или 1392) — наиболее выдающийся из русских святых, известный своим духовным подвигом, многочисленными «чудесами» и энергичными усилиями по объединению и сплочению русских княжеств. Духовный наставник Дмитрия Донского, благословивший русской войско на Куликовскую битву и утвердивший закон престолонаследия Великих князей московских. Почитается народом и русской церковью как «от Бога данный России воевода».

признак, который может вести к идолу нетерпимости. Человечество изобрело разные преграды к восхождению. Темные Силы всячески пытаются ограничить эволюцию. Конечно, первым натиском будет действие против Иерархии.

Слышали все о силе Благословения, но по невежеству превратили это благодатное действие в суеверие. Между тем сила магнита и есть усиление благословением. Много говорят о сотрудничестве, но при каждом созидании нужно утвердить сознание. И что же непосредственнее укрепляет мощь, нежели луч «Иерархии!» Действительно, поучительно видеть, против чего прежде всего устремляется тупая нетерпимость. Прежде всего ненавидит она сотрудничество и Иерархию. В ее низком понятии мощное слияние сотрудничества с Иерархией делается совершенно несовместимым, между тем на чем же ином можем мы строить преуспевание? Особенно странно видеть, как преисполненные нетерпимости, сами того не замечая, они устанавливают свою Иерархию. Если даже она будет Иерархией разрушения, то все же она останется, как таковая. Иерархия темных есть тирания, тогда как Иерархия Света прежде всего основана на сознательном сотрудничестве. Тирания — насилие, страх, ужас, рабство. В истинной Иерархии созидательство, в котором каждая положительная способность находит свое применение и растет в постоянном совершенствовании.

Не подумает ли кто, что и мы допускаем нетерпимости в какие-то высшие, абстрактные сферы... Кроме того, терпимость вовсе не означает терпимость зла и преступности, но, конечно, будет распространяться по всем бесчисленным отраслям созидания.

И не будем относить понятия терпимости или нетерпимости в какие-то высшие, абстрактные сферы. Не будем сопричислять их и к чему-то громадному, великому, за пределами обыденности. Зачем так далеко, когда оба свойства выражаются именно в обиходе каждодневности. В малых обыкновенных действиях следует искать выражения нашей сущности.

«На это сказал Иисус: некоторый человек шел из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам, которые сняли с него одежду, изранили его и ушли, оставив его едва живым.

По случаю один священник шел тою дорогою и, увидев его, прошел мимо.

Также и левит, быв на том месте, подошел, посмотрел и прошел мимо.

Самаритянин же некто, проезжая, нашел на него и, увидев его, сжалился и, подошед, перевязал ему раны, возливая масло и вино; и, посадив его на своего осла, привез его в гостиницу и позаботился о нем; а на другой день, отъезжая, вынул два динария, дал содержателю гостиницы и сказал ему: позаботься о нем; и если издержишь что более, я, когда возвращусь, отдам тебе.

Кто из этих троих, думаешь ты, был ближний попавшемуся разбойникам?

Он сказал: оказавший ему милость. Тогда Иисус сказал ему: иди, и ты поступай так же» (Евангелие от Луки, 10, 30-37).

Не с престола возливал милосердный Самаритянин свой целебный бальзам в раны неизвестного путника. Нет, библейский пример дан в окружении обыденности. Пустынная дорога, погибающий одинокий раненый. Немало людей обошло раненого и поспешило скрыться. Ведь кто знает, кто он таков? Может быть, не нашего вероисповедания? Может быть, помощь ему вовлечет в неприятную историю? Один из служителей церкви признался, что не мог помочь больной, ибо не знал, к какой вере принадлежит она. Но Самаритянин своим примером укорил всех ханжей нетерпимости. Да и Святой Мартин, когда отдал плащ свой нагому нищему, вряд ли предварительно учинил допрос о вере и общественном положении.

Примеры всех Заветов говорят о высшей, прекраснейшей терпимости.

Нетерпимый человек, прежде всего, и не милосерден, значит, и не великодушен, и не знает доверия. Всякий зачаток нетерпимости должен быть искореняем с детства, с первых дней пробуждения сознания. Опытный воспитатель должен подмечать, в чем проявится первое отрицание, и немедленно заменить его действенным вмещением. Какое

множество предрассудков и суеверий будет изъято из жизни. Сколько новых приветливых взглядов и сердечных сочувствий будет создано. Сколько домашних драм будет разрешено благодетельными заветами «совмещения».

В каждой школе, по любой специальности, с первого же дня терпеливо и заботливо будет вводиться просвещенное всевнимание и вмещение. Безысходность, исчадие нетерпимости, заменится беспредельностью познания и созидания. Темное «нельзя» заменится светлым «можно», облагороженным истинным просвещением.

Стары напоминания о нетерпимости, как первые страницы Заветов, но невнимание к ним делает их новыми, точно бы сложенными на день завтрашний. Как не много усилий требуется, чтобы это завтра оказалось сияющим многими достижениями, возможными при сердечном сотрудничестве.

Даже и в наше нетерпимое время возможны такие объединительные учреждения, как всемирный Почтовый Союз или Красный Крест. Никто из самых нетерпимых ханжей не протестует против этих учреждений. Значит, какой же незначительный сдвиг сознания требуется, чтобы достичь и всего прочего доверия и сотрудничества. И разве это так трудно?

Псалмы и песни народные издревле воспевают самые объединительные чувства человеческие, самые лучшие подвиги. Молодые очи, разве не сияют они от слова о подвиге прекраснейшем? И никакою машиною, никаким стандартом не задавить священный трепет сердца перед прекрасною беспредельностью. Пусть в школах еще больше говорят о подвиге, о великодушии, о творчестве мысленном и действенном. Маленький сдвиг покажет из-за тени сияние света. И превратится сдвиг в подвиг.

Вспомним поучительный пример китайской легенды о художниках. «Знаменитый художник был приглашен ко двору Императора, чтобы написать возможно лучшую картину свою. Велики были затраты на оплату и на издержки приезда художника, но Покровитель Искусства Император хотел иметь его лучшее произведение и предоставить все лучшие условия. Художник назначил срок в течение одного года. В отведенном ему помещении художник проводил день за днем в сосредоточенном обдумывании, так что, наконец, придворные обеспокоились, когда же, наконец, начнется сама картина. Все материалы были давно приготовлены, но художник, видимо, и не думал приступать к заполнению холста. Наконец спросили художника, ввиду приближения окончания срока, им назначенного, но он сказал: «Не мешайте». И за два дня до окончания года он встал и, быстро принявшись за кисти, закончил лучшее свое произведение, сказав после: «Сделать не долго, но нужно раньше увидеть то, что сделаешь».

Казалось бы, уже достаточно много времени прошло, чтобы человечество могло увидеть всю непрактичность, низость и ничтожество нетерпимости. Будем надеяться, что многие века уже научили увидеть и осознать этот вред, взаимно непрестанно наносимый. Будем думать, что по Завету мудрого китайского художника — «увидеть долго, но сделать быстро». Итак, сдвиг опять может превратиться в подвиг.

А чтобы не огорчаться на пути к подвигу, можно вспомнить известное многоопытное изречение Благословенного. Когда Ананда ¹⁷ спросил, зачем тратить дыхание перед собранием, которое не желает понять поучение, Благословенный ¹⁸ сказал: «Зима приходит. Если кто и не думает о ней, она тем не менее придет. Ничто не мешает мне посвящать себя проповеди истины, даже если кто-то не нуждается в том, что я говорю».

Гималаи, 1932 г.

¹⁷ Ананда — любимый ученик Будды Гаутамы.

¹⁸ Благословенный — один из определительных эпитетов Будды Гаутамы.

Мастерство

Гёте говорил своему другу, что всеми своими трудами он не мог заработать право сказать то, что он думает. Да, этот сильный, независимый человек в своих замечательных писаниях мог лишь давать намеки. Мудрая бережность и целесообразность доказывали размеры мыслителя. Иначе он не был бы воспринят современниками и, быть может, был бы закинут в темницу, где надолго были бы запечатаны полезные достижения.

В соизмерении возможностей мыслитель был сходен со многими мыслителями Востока, туда причисляется и Эллада. И теперь можно встречать таких много знающих, но не скажущих словами. Даже при доверии многое покроеется молчанием, ибо ведом вред разбрасывания знаний в неверные руки.

В любом мастерстве достижения выскажутся лишь там, где они будут обережены и применены разумно. И в искусстве можно наблюдать, как мудрый учитель сообщит свою опытность по частям тем ученикам, которые могут воспринять лучшие заветы.

Не пресловутые тайны, но реальные знания могут нарастать лишь целесообразно. Ценно наблюдать, как свободная наука расширяет свои кругозоры. Многие осмеянное и отвергнутое опять пересматривается, и тончайшие аппараты дают свое неоспоримое показание. Кое-что получит иное наименование — разве в имени сущность?

Каждая сводка научных известий приносит весть о познании тончайших энергий. Обследуются человеческие секреты, открывается новая связь элементов, изучается пространство, и человек вооружается новой мощью для борьбы с преждевременным распадом. Лучшие ученые делаются и умелыми популяризаторами, народное сознание крепнет и расширяется. Равномерно нарастает ритм работы. А ведь еще недавно о значении трудового ритма и не думали.

Индивидуальность понята и оценена в народном хозяйстве. Экономика делается всеобщим достоянием. Соревнование и сотрудничество стали основой продвижения. Народы понимают, что не в золоте дело, а в живом преуспевающем труде.

И творчество нарастает в мощном, огненном ритме. Народы отметят вехи своих восхождений творчеством во всех областях. Не в наименованиях дело, а в сущности, о которой возрадуются народы. Приди, радость!

1941 г.

Живая Мудрость

Ассоциации Спинозы при Обществе Имени Рериха

Одним из наиболее драгоценных для меня впечатлений останется центр Спинозы при нашем Обществе. Во времена беспокойства и смятения, во дни крушения механической цивилизации каждый знак духовного подъема особенно ценен.

Я вспоминаю, с какою устремленностью и упорностью д-р Кетнер пришел ко мне и какую пламенность я почувствовал в его приходе во имя великого философа Спинозы. Также драгоценно было для меня ознакомиться с устремленною группой молодых работников, объединенных великими идеями Спинозы, под руководством д-ра Кетнера. Не преувеличиваю, но только свидетельствую.

Конечно, великая духовная радость будет творяща для последующего. Представьте себе рабочую молодежь, бедную материально, трудами содержащую себя, но духовно объединившуюся вокруг великого имени и посвящающую все свободное время действительному изучению высокой философии. И не для отвлеченности изучают они. Нет, этим изучением они преображают жизнь свою, и через свет их сердец начинают жить высокие идеалы. Эти светочи самоотверженности пробивают окружающую тьму и создают еще одну твердыню против невежества. А ведь мы знаем, как воинственно невежество и как заразительна тьма!

Руководитель группы д-р Кетнер является истинным учителем, ибо он не только

ведет собрания и читает лекции, но к нему приходят за советом во всех житейских дилеммах. И он вооружает прочным доспехом молодых воинов. Он говорит им, как практично Благо и как постыдно и разрушительно Зло. Он же скажет, что Благо там, где творчество, созидательность и духовность. В Благе — и вмещение, и преданность, и любовь. Высшее — в свете самопожертвования и низшее — в тьме предательства. Отвлеченное, для ограниченных мозгов, понятие эволюции и подвига таким порядком становится жизненным краеугольным камнем каждодневности. Эти основы явлены там, где жизнь так трудна, там, где борьба иногда выбивает из строя лучшие силы.

Разве не трогательно видеть, как многочисленная группа молодежи избрала щитом своим высокую философию? Они объединили и укрепили себя именем Мудреца, который так безбоязненно и самоотверженно вносил в жизнь обновленное понятие Бытия. В его прозорливом понимании материя была возвышена и заняла должное место. А ведь всякое возвышение есть благородное действие. В возвышении всего мы неизбежно возвышаем и самих себя, ибо мы устремляем энергию вверх; от начала и до конца все будет восходить в том же направлении. Этим благородным подъемом приходит к нам нужное качество терпимости. Если мы будем вводить терпимость лишь условно и поверхностно, получится лишь лицемерие — одна из наиболее темных масок. Только благородным подъемом Духа в неустанном, осознанном труде приходит этот чудесный гость — просвещенная терпимость. Именно это качество, выросшее естественно, приносит с собою и улыбку мудрости. Говорю о той улыбке мудрости, с которою Мудрец выслушивает искателя. В его ободряющих глазах и молчаливом кивании выражено: «Пытайся, мой сын! Ничего не значит, если временно ты идешь боковою тропой. Лишь иди вперед, не оглядываясь, не страшась камней и терний. Помни, если крутой всход будет слишком гладок, то восхождение тебе будет еще более трудным. Камни не только не мешают тебе, но даже поддерживают тебя. Не забывай это и благословляй эти камни, ибо каждый может быть употреблен как ступень».

Вспоминаю, как однажды на Востоке ученый Раввин сказал: «Вы тоже Израиль. Ведь каждый ищущий Света — Израиль». В этих кратких словах была выражена Мудрость незапамятных веков. В них звучала не только возвышенность, но и терпимость.

Когда вы, соучастники Центра Спинозы, сходитесь на собрание, вы одеваетесь в праздничные одежды, ибо, как я знаю, эти собрания для вас истинный праздник. Такое обыкновение является уже ручательством истинного понимания, следствием которого будет и терпимость и вмещение. Вы знаете, как великий Спиноза страдал в своей жизни только потому, что он самоотверженно стремился выразить Истину. Но мы знаем, что мученичество есть нагнетание энергии. В этом нагнетании вы получаете право стучаться во все врата, где может быть укреплено полезное созидание. Повторяю, вы перенесли философию из абстракции в жизнь. В этом действии вы явили основы истинной эволюции, ибо все Учения, все философии были даваемы для жизни. Нет такого высокого Учения, которое не было бы практичным в высшем смысле этого слова. Мы можем разрешить бесчисленные проблемы современных смятений лишь осознанием Прекрасного и Высшего. Лишь прекрасный Мост будет достаточно прочен для перехода от берега тьмы на сторону Света. Вы знаете, какое глубокое значение в священных Учениях соединяется с символом Моста. Через этот Мост придет Вышний во Славе!

Знаю, что Центр Спинозы будет расти, ибо он был зачат на здоровых основах в жизненно ощутимой реальности. Не туман, но Свет в основе эволюции. Если мы понимаем, что Свет есть цвет и звук, мы также поймем, насколько все прекрасное необходимо для построения храма эволюции. Даже Джинны помогали Царю Соломону строить Храм. Призывая Свет и Прекрасное, мы также заставим даже Джинов помогать в этом великом созидании.

Во имя великого Знания и прекрасного Подвига приветствую вас!

Гималаи, январь 26, 1931 г.

Молодежь

Много нападают на молодежь. «Она поглощена спортом». «Она отшатнулась от гуманитарных предметов и погрузилась в условные техникумы». «Она не бережет чистоту языка и наполняет его всякими нелепыми, выдуманными выражениями». «Она уходит от семьи». «Она предпочитает танцы». «Она избегает лекций». «Она не хочет читать». Мало ли что говорят про молодежь. В каждом случае, наверное, были какие-то поводы высказать одно из приведенных тяжких обвинений. Даже в ежедневной прессе постоянно можно встречать факты, как бы подтверждающие сказанное. Допустим, что все это так и есть. Но если мы посмотрим в причины происходящего, то ведь прежде обвинения молодежи нужно призвать к ответу старшее поколение.

Много ли сердечности в семье? Притягательна ли домашняя обстановка? Есть ли возможность серьезных устремлений среди быта современности? Есть ли что-то ведущее и восхищающее в трудной домашней обстановке? Прилежит ли само старшее поколение гуманитарным предметам? Кем указана дорога в техникумы? Кто прокурил дом свой? Молодежь ли наполнила домашнее вместилище спиртными напитками? Хотят ли в семье говорить с молодежью? Устремлена ли семья к будущему? Где именно рождается равнодушие к добру и злу? Где начинается рассадник осуждения? Где впервые услышала молодежь анекдоты кошунственные? Где впервые слышат много разрушительного и очень мало созидательного? Потому, вместо осуждения молодежи, посмотрим, так ли она плоха, как часто досужие языки болтают?

Спросим себя: «Знаем ли мы молодежь, истинно трудящуюся?» Конечно, знаем. «Знаем ли мы молодежь, несущую в семью все свои заработки?» Конечно, знаем. «Знаем ли мы молодежь, сердечно мечтающую о будущем?» Конечно, знаем. «Знаем ли мы молодежь, устремленную к серьезным книгам и обсуждениям?» Конечно, знаем. «Знаем ли мы молодежь, которая умеет жить в согласии?» Конечно, знаем. «Знаем ли мы молодежь, устремленную к поискам прекрасным?» Конечно, знаем. И так, мысленно перебирая все лучшие высоты человеческие, мы на каждой из них найдем и прекрасное выражение молодежи. Эти труды молодежи не будут относиться лишь к одной какой-то стране. Они будут раскинуты по всему миру.

С радостью вспоминаешь, как в Париже сходятся просвещенные молодые труженики. Как глубоко устремлены они именно к высоким человеческим задачам. Мы знаем, как им безмерно трудно, знаем, как им приходится преобороть и условия страны и домашнего быта, и, тем не менее, они находят в себе неисчерпаемые силы идти путями верхними. Находят в себе неутомимость утверждать добрые вехи. И все это благо творится среди несказуемых трудностей. И все-таки благо творится, и все-таки, когда вы хотите вспомнить о чем-то радостном, вы вспоминаете о таких утверждениях молодого поколения.

Вспоминаем и другое, где содружества молодежи нередки. Тоже все трудящиеся, добывающие хлеб упорной и тяжелой работой, а по вечерам ободренные и приодетые, слетаются они, чтобы омыться в живой воде философии, науки, искусства. Они так привыкают жить общими стремлениями, что даже пробуют селиться вместе маленькими общинами.

Помнятся три комнаты. Живут в них восемь девушек. Все трудящиеся. Кто продавщица, кто секретарит, кто стенографит или работает на фабрике. Спрашиваем:

— Давно ли живете вместе?

— Три года.

— А много ли раз ссорились? — Смеются...

— Не приходилось.

Разве это по нынешним временам не чудо, чтобы люди могли собраться из разных областей. Могли бы, после трудной работы, утомленные, сходиться вместе и не только не ссориться, но и оживлять и обогащать друг друга высокими возможностями! А сколько вдохновенных и убежденных суждений можно слышать именно от молодежи. А кто же

так сердечно встает за правду и возмущается несправедливостью, как не молодые сердца!

Как только посмотримся без предубеждений, так сейчас же найдутся во множестве прекрасные знаки и самоотвержения, и стремления к познанию и любви к прекрасному. Тем, кто вообще осуждает молодежь, нужно оберечься от брюзжания. Наверное, они видят, что во многих областях современная жизнь мятется и безобразится непониманием. Но когда осудители начинают искать виновных, то очень часто они устремляются по случайно ближайшему пути. Они видят только последствия, но избегают помыслить о причине. И причины не так уж страшны, если их осознать и общественно начать изживать эти пыльные наросты.

Если каждый непредубежденный обозреватель найдет так много прекраснейших и трогательных примеров среди молодого поколения, то не так уж трудно подтягивать общественное мнение именно к этим проявлениям настоящего блага. Если молодые люди, иногда еще и неопытные, все же так мужественно и вдохновенно противостоят темным силам, то как же бережно нужно поддержать их тем, кто считает себя уже умудренным. А поддержать можно лишь примерами жизни. Никакие разглагольствования отвлеченные не дадут жатвы. Только действия в делах, пример жизни, могут быть убедительными.

Если молодежь сама познает радость труда и вдохновительного общения, то ведь уже умудренные жизнью должны прежде всего ободрять именно эту радость. Невозможно осудительствовать там, где столько прекрасных примеров находимо. Если по условиям времени всем трудно, то нужно думать лишь о том, чем преобразить эти трудности в радость. Молодые сердца знают это. Потому всячески поможем молодым сердцам встречаться на путях блага и вдохновения.

Можно равняться по худшему, и такое равнение будет деградацией. Всякое же равнение по лучшему будет ростом. Разными народами хранилась легенда о том, что даже ради одного праведника был сохранен целый город. Эта легенда, так многообразна и прекрасно заповеданная, указывает, что во всем важно качество, а не количество. Потому каждый добрый пример покрывает собою множества отрицательных показаний.

Ценно, что печать века творится многими народами, и потому тем легче собрать добрые злаки. В разных наречиях, в различных обычаях эти иероглифы добра особенно вдохновительны.

Малыш тянется опустить в почтовый ящик письмо. Прохожий хочет помочь ему и видит на домодельном конверте каракули: «Николе Чудотворцу». Спрашивает:

— Что это?

— Мама помирает, а никто не хочет помочь.

И таким путем сердце малыша молит Николу Чудотворца, который и помог.

19 февраля 1935 г.

Пекин

Труд

«Если кто не хочет трудиться,
тот и не ешь»

Сколько раз это мудрое речение употреблялось и сколько раз оно толковалось ложно. Каждый пытался пояснить значение труда по-своему. Сапожник понимал, что труд — это есть сапожное дело, кузнец в себе знал, что истинный труд заключен в кузнечном молоте. Жнец потрясал серпом, как единственным орудием труда. Ученый, естественно, понимал, что труд — в его лаборатории, а воин настаивал о труде военных познаний. Конечно, все они были правы всегда, но, судя в самости, они, прежде всего, хотели понять о себе, а не о другом.

Чужой труд смотрелся через уменьшительные стекла. Никто не хотел искренно понять, насколько все виды труда зависят и сотрудничают друг с другом.

Ведь это просто? Конечно, просто. Ведь это всем известно? Всем, от мала до велика, известно. Это применяется в жизни? Нет, не применяется.

Получились самовольные разделения труда на высший и низший. И никто толком не знает, где именно граница оценки труда? О качестве труда по нынешним временам часто, вообще, судят очень странно. Наряду с развитием механических производств, люди начали всецело полагаться на машины. Но ведь и в любой машине будет лежать в основе качество труда, в зависимости от умения применять эту машину.

Не раз говорилось о том, что даже машина иначе работает в разных руках. Больше того, достаточно известно, что одни мастера благотворны и для самой машины, другие же как бы носят в себе какое-то разрушительное начало. Люди издавна понимают значение ритма в труде. Приходилось видеть, как для общественных работ присоединялись местные оркестры для вящей успешности. Даже в далеких гималайских лесах дровосеки носят деревья под удары барабана. Всем это известно, и тем не менее сознательная согласованность труда все-таки является чем-то ненужным и неопознанным в глазах большинства.

Уже не будем говорить о том, что некоторые стороны труда, очень тяжкие, требующие большой подготовки, часто совершенно игнорируются.

Взять хотя бы труд народного учителя. Всегда он был и несправедливо мало оплаченным, и всегда оставался под сомнением ото всех сторон. В то же время решительно каждому известно, что воспитание детей может быть поручаемо лишь человеку, действительно образованному, имеющему в своих предметах основательные познания и вполне обеспеченному, чтобы не рассеиваться в отыскании побочной работы. Не правда ли, все согласится с необходимостью сказанных условий? Тем не менее и в общественных, и в государственных масштабах народный учитель остается в прежнем бедственном положении. Мало того, если в казначействе не окажется наличных сумм, то, вероятно, прежде всего, народный учитель, врач, ученый будут исключены из бюджета. Уже не говорим о писателях, художниках и прочих лицах свободных профессий, которые так необходимы для народного образования и вызывают наименьшие заботы государства. Скажите, что это не так?

В основе всяких таких прискорбных и продолжающихся недоразумений все же лежит невежественное понимание о труде. Естественно, все желают, чтобы их государство преуспевало. Все довольны, когда общественные начинания кем-то похвалены. Вместе с тем обычно, лишь как исключение, люди понимают всю меру ценностей труда. Апостольское речение безусловно правильно. Никакие дармоеды и паразиты не имеют права на существование. Но при этом насколько нужно воспитать народное сознание в истинном понимании, что такое труд во всеобщее благо.

Не случайно человечество знает многие поучительные житейские примеры. Великий пример сапожника Беме, или мастера телескопических линз Спинозы, примеры некоторых епископов, бывших превосходными ткачами, и другие такие же поучительные житейские опыты должны бы достаточно показать оценку качества труда. Наконец, мы всегда имели пред собой, потрясающий в своей убедительности, пример Преподобного Сергия Радонежского, который не принимал даже куска хлеба, если не считал его заработанным.

Такие ясные, зовущие примеры должны бы быть рассказаны вполне убедительно во всех школах. Тем самым внеслось бы равновесие трудовых оценок. Стерлись бы многие гордыни, но, с другой стороны, и сердечно понялась бы радость о каждом прекрасно исполненном труде. Если все это так не ново, то почему же оно много где не применяется?

Почему же до сих пор министерства народного просвещения или трудовой промышленности и сельского хозяйства, иначе говоря, всего, что связано с мирным

преуспеянием, находятся на третьих и четвертых местах. А иногда даже вообще поглощаются какими-либо другими соображениями. Ведь это так, и никто не может уверять, что сказанное есть преувеличение.

Сказанное не только не есть преувеличение, но оно недостаточно повторено. Из того, что некоторые люди вообще избегают мыслить о культурных ценностях, избегают хранить их и поставить на должное, в цивилизованном государстве, место, уже из этого одного видно, насколько люди мало берегут то, что лежит в основе мирного труда и творчества.

Заслуженно твердо сказано о нежелающих трудиться и тем самым не признающих значения труда. Они могут и не есть, они не нужны для жизни, они — сор и мусор. Вот как оценивается небрежение к понятию труда.

В настоящее время, во дни всяких механизаций, требуется тем большее внимательное отношение к труду, требуется справедливость к труженикам всех родов и всех областей. Люди уже догадались, что увлечение роботами не есть высшее достижение. Тем самым будет осознано и качественно творческое начало каждого труда.

Опять-таки, посмотрите, как живут и трудятся истинные труженики. Каждый день, в полном порядке, в полной прилежности и терпении они создают что-то, и создают не для себя, но для чьей-то пользы. В этой анонимности заложено так много величия. Заложено много понимания, что все это есть, в конце концов, условный иероглиф, как каждое имя, каждое понятие. Эти имена становятся вполне именами собирательными. Когда произносится Эдисон, то уже не думается о Томасе Эдисоне, но как о мощном собирательном понятии изобретательности на пользу человечества. Так же точно, будет ли произнесено имя Рафаэля или Рубенса, оно уже не будет чем-то чисто личным, оно попросту будет характеристикой эпохи.

На старинных китайских изделиях имеются своего рода марки. Они тоже не имеют в себе ничего личного. Они стали тою печатью века, о которой так много говорилось.

Пусть будет печать нашего века широкое и справедливое осознание труда. Пусть не будет забыт каждый полезный, творящий работник. Пусть во всех государствах вопросы образования, просвещения, труда будут на первом месте.

4 мая 1935 г. Цаган Куре

Молодому другу

Мой молодой друг, вы спрашиваете о методах работы. Не терзайте себя методами, лишь бы вам вообще хотелось работать. Работайте каждый день. Непременно каждый день должно быть что-то сделано. По счастью, работа художника так многообразна, и в любом настроении можно сделать что-то полезное. Один день будет Удачен для творчества. Другой — для технических выполнений. Третий — для эскизов. Четвертый — для собирания материала. Мало ли что понадобится для творчества! Главное — чтобы родник его не иссякал.

Если же начатое не понравится — отставьте. Не уничтожайте. Под настроением можно порешить и нечто пригодное. Пусть постоит у стены. Придет час, и этот осужденный изгнанник может понадобиться. Многооко восприятие. Вчера взглянулось одним оком, сегодня глаз увидел нечто неожиданное, а завтра покажется что-то совсем новое. Не судите сразу. Пусть в ходу будет несколько разных вещей. Одну отбросили, другую вытащили. Да и когда можем мы сказать, что вещь кончена? В конце концов, она никогда не кончена. Лишь обстоятельства заставят расстаться с ней.

Главное, чтобы в саду художества росли многие виды растений. Не бойтесь постоянной работы. Напрасно сидеть у берега и ждать попутного вдохновения. Оно приходит мгновенно и неожиданно. И не знаете, какой луч света, или звук, или порыв ветра зажжет его. Всему — милости просим. Вода — на мельницу! Лишь бы колесо крутилось и жернова работали.

Колесо жизни. Или как индусы скажут: сантана — «поток жизни». И столько кругом чудесного, что не перестанете радоваться. И не постареете. И творчество будет постоянным отдыхом. Хорош удел художника! Так называемые муки творчества — самые сладкие муки. И не забивайте себя в безысходный угол.

Веселей любите труд. В самом несовершенстве работы заключен источник следующего творения. Кто знает, где самодовление и где импровизация? Одно рождается из другого. Вы же, как пчела, собирайте мед отовсюду. Будьте всегда сами собою. Поймите, что в творчестве нашем и отдых, и обновление, и радость.

Дайте радость и кому-то вам неведомому. Дать радость — это как увидеть восход солнца. Будьте проще и любите природу. Проще, проще! Вы творите не потому, что «нужда заставила». Поете, как вольная птица, не можете не петь. Помните, жаворонок над полями весною звенит в высоте! Рулите выше!

8 апреля 1940 г.

Сотруднику

Дорогой сотрудник, только сейчас дошло Ваше сердечное письмо от 20 мая и Ваш прекрасный доклад. Наверное, он будет напечатан, и тогда пришлите мне несколько копий. Вы видите, как медленно сейчас действует почта, могу представить себе, сколько времени потребуется, чтобы это мое письмо дошло до Вас. Как всегда, при мировых потрясениях, прежде всего страдает культура во всех ее видах. Тем радостнее мне было прочесть в Вашем письме, что Вы читали доклад Ваш в таком избранном собрании, и это еще раз доказывает, что Болгария, которая всегда была близка сердцу русскому, [отзывается] на искусство. Привет всем Вашим сотрудникам и добрым слушателям. Вероятно, и молодежь горит тем же устремлением к прекрасному творчеству. В этом будет успех ее преуспеяния.

Вы спрашиваете о методах художественного преподавания. Главное будет в широком раскрытии возможностей. Лучший учитель сумеет усмотреть особенности индивидуальности ученика и любовно толкнет его по пути правильных поисков. В моем очерке о творчестве, который, помнится, я посылал Вам, я касался неисчерпаемого источника творения. В Академиях наших бывала довольно обычная ошибка, когда молодежь учили рисовать и писать, пренебрегая композицией. Каждому из нас известны примеры, когда человек, углубившийся в рисунок или краски, забывал о том, для чего он изучает эти средства. Конечно, и рисунок требует постоянного совершенствования, а краски, как упражнения для скрипача, должны быть утончаемы непрестанно. Но и то и другое приложимо тогда, когда развито чувство композиции. Говорю не об условных методах композиции, не о всяких пирамидальных или сферических построениях, но имею в виду естественную композицию, которая дает произведению качество убедительности. Невозможно земными словами выразить, что есть убедительность. Только сущность человеческая звучит на нее, и тогда произведение остается жизненным навсегда. Композиция лежит в основе всех художественных задач. Будет ли это пейзаж, или портрет, или сложное историческое задание, или так называемое отображение реальной жизни, решительно во всем будет необходимо чувство композиции. Оно поможет увидеть задание красиво. Оно поможет избежать условную красоту и найти черты красоты. Задание уложится так, что нельзя будет ни передвинуть, ни отяготить ничем лишним. К сожалению, понятие композиции, как и многие человеческие понятия, часто искажено и осложнено.

Творчество должно быть свободно, как песнь. Естественно, что и каждая песнь должна иметь свой ритм, свою стройную дисциплину, так должно быть во всех видах творчества. Истинный учитель откроет ученику широкое понимание искусства вне условных, преходящих форм. Будет почтено старое искусство, будут и в новейшем найдены наиболее удачные, убедительные выражения. Дешевая формулировка, или, как

говорят французы, «легкая формула» пусть будет избегнута учениками. Пусть они находят свой стиль, но не впадут в шаблон почерка и в потворство вульгарности. Знаем многочисленные примеры, когда «легкая формула» навсегда пресекала здоровые поиски. Пусть полюбят начинающие процесс труда, ибо труд неразрывно связан с совершенствованием и творчеством. Каждый вступающий на путь художника, конечно, знает, как нелегок этот путь, сколько на нем утесов и острых скал и гибельных потоков. Но недаром искусство называлось священным. Без него человечество не вышло бы из животного состояния. Невежды до сих пор считают искусство роскошью, но само понятие роскоши безобразно. В нем — распад и разврат. В происходящем переустройстве мира все разрушительные атрибуты роскоши должны быть отвергнуты.

Радость труда, радость творчества для совершенствования и истинного украшения жизни должна одержать победу. Именно во дни войны мы должны особенно бережливо отнестись ко всей культуре во всех ее проявлениях. Нередко замечаемый распад происходит и оттого, что человечество высмеяло все лучшие устои бытия. Невежественное отрицание отвергло и достоинство человеческое. Вместо того чтобы облагородить механические открытия и изобретения последнего времени, человечество в заблуждении своем обратило эти мощные возможности лишь на разрушение. Но не будем останавливать мысль на разрушении, а подумаем о том, какое светлое обновление жизни в руках нового поколения. Порадуемся, что творчество должно лежать в основе этих сужденных преуспеваний. Будьте бодры и радуйте меня добрыми вестями.

29 июля 1940 г.

Повторения

«Не брани меня за это, читатель, потому что предметы бесчисленны, и память моя не может вместить их так, чтобы знать, о чем было и о чем не было говорено в прежних заметках, тем более, что я пишу с большими перерывами, в разные годы жизни».

Кто же мог так просто и полно сказать? Да все тот же друг всех творцов, исканий, исследователей — Леонардо да Винчи. Каждый деятель может припомнить эти слова. В водоворотах жизни не избежать как бы повторений. Но не будут ли они лишь кажущимися? В новых сочетаниях, в неожиданных явлениях жизни многое из бывшего вспомнится, конечно, в новых очертаниях.

В волнах жизни и не может быть точных повторений. Узор волны, и пены, и блеска будет будто бы схожим с пробежавшими валами, но это будет лишь кажущееся сходство. В тех же законах произошло действие, но природа обогатила и обновила его.

Иногда невнимательным людям кажется, что целые племена все на одно лицо. Только поверхностный взгляд не увидит индивидуальное различие. Потому повторение будет лишь еще одним подходом к явлению жизни. Каждый день различен, и каждое поминание будет в особом тоне. К лику прибавится еще некая черточка. Событие сопоставится с новым соседством и тем обновится.

Не убоимся новых сопоставлений во времени и в месте. Если о чем-то опять вспомнилось, значит, тому была неповторимая причина. В мозаике прибавился еще один камень, нанесена черта под новым освещением.

Даже умышленная копия все же не вполне отвечает оригиналу. Да и вопрос, каков был оригинал первоначально? Часто копиисты стараются передать вовсе не основу, а случайные наслоения времени. Причуда лаковых покрытий дает мираж, и тщетно пытаются отличить первое выражение произведения. Можно возвращаться к тому же предмету, но невозможно точно повторить первоначальное. Неизбежно возвращение к однажды уже затронутым предметам, но это не может быть повторением. Леонардо возвращался к излюбленным наблюдениям, но ведь не повторял их.

1943 г.

Все тихо

Некий наставник предоставил Ученикам своим самодеятельность. Сказано: «Пылайте сердцами и творите любовью». Вернувшись, наставник спросил, что было сделано, как протекало творчество и как прекрасно пылала любовь.

Ученики ответили: «Мы не поссорились».

— Но ведь я вас спрашиваю о добротворчестве и об укреплении любовью.

— Мы не поссорились.

— Не ссорятся и на кладбище. Я вас спрашиваю не о ссорах, которые вы уже давно предоставили диким зверям. Спрашиваю о том, что сделано. Что помыслено доброго и неотложного? Что приложено в жизнь?

— Мы все-таки не поссорились.

— Не хватало, чтобы вы без меня начали сквернословить и дурно относиться друг к другу. У вас уже достаточно одно сердце. Вы уже достаточно можете думать не о себе, но о других.

— Мы могли поссориться и не поссорились.

— Оставьте навсегда ваши рассуждения о ваших взаимных ссорах. Тот, кто говорит о том, что он не поссорился, уже носит в себе зачаток ссоры. У человека добротворствующего вообще нет ссоры даже в рассуждении. Повторяю, спрашиваю вас не о ссорах, но о творчестве.

— Мы собирались и беседовали.

— Это уже хорошо, если беседы имели доброе последствие. Если беседы возвышали вас и побуждали к усиленному добротворчеству.

— Мы много часов провели вместе и часто возвышались духом.

— Прекрасно, если вместе проведено много часов и пространство наполнено добрыми полезными мыслями. Были ли эти мысли о вещах неотложных?

— Мы беседовали о разных возвышенных предметах и в тишине гармонии возносились духом.

— Тишина очень хороша, если она не напоминает тишину кладбища. Мы столько раз говорили с вами о действии, что, кроме гармонической тишины, хочется знать, что было сотворено среди окружающих.

— Мы старались всячески сохранить свое настроение.

— Сохраняющий только себя и не мыслящий о других — уже ограничивает себя. Что же в том, что мы только не ссоримся, или только пребываем в тишине; если в соседних жилищах будет свирепствовать пожар, то ведь вы не останетесь в тихих посылках, но устремитесь к посильной помощи. Вы не будете отрицать, что вокруг много злых пожаров. Пламя их может пожрать самое нужное. Что же будет, если мы сохранимся для тихой беседы в то время, когда вокруг нас произойдут губительные разрушения. Кто позволит нам думать лишь о самосохранении, когда стихийные бури сметают жилища ближних. Тот, кто говорит: «Все тихо» — глубоко заблуждается. Наоборот, кругом все гремит в столкновениях, и пространство вопиет о неслыханных ужасах. А вы пребывали в тишине и достигли великого нахождения — не поссорились. Дорогие мои, не будем подражать кладбищу. Не будем заимствовать с кладбища никаких настроений. Вам сказано: «Пылайте сердцами — творите любовью». Хотите, можете сказать этот Завет наоборот, и он все же останется таким же нужным и неотложным. И не думайте так много о себе. Как невод забросьте ваше помышление в даль, где требуется всякая помощь, а более всего помощь духовная. Если мы добьемся только того, что все будет тихо и мы не поссоримся, то ведь в этом проявится много самости. Кому же нужна будет такая тишина и велик ли подвиг в том, что вы не поссорились. Совсем не о том спрашиваю. Вам доверен огонь и чаша благая. А вы стараетесь уверить, что все тихо и совершилось великое дело: вы между собою не поссорились. Особенно все тихо на кладбище. Жители кладбища ушли от земных ссор. Вы же лучше шумите, но сделайте.

25 мая 1935 г. Цаган Куре

Священные Основы

Обращение к Академии Творческих Наук

Дорогой г-н Шрак и друзья!

Вместе с ароматом цветов, покрывающих нагорья Гималаев, донеслась ко мне ваша сердечная весть. С тою же сердечностью могу сказать вам, что с самого начала вашей Академии я сочувствовал вам и незримо для вас помогал. В основах ваших заключено несколько ценнейших понятий, которые накрепко сближают нас.

Вы не убоились понятия Академии, которое так часто понимается в смысле окаменелости и условности. Не убоились вы потому, что к обычному понятию Академии вы добавили всеоживляющее понятие творчества. Прежде всего вы подумали о великом творческом начале. Вы поняли творчество как ведущее начало жизни, иначе говоря, вы помыслили о том, что лежит в самом основании грядущей эволюции. Честь вам!

Вы не убоились и другого понятия, которое для ничтожных душ часто является устрашающим. Вы не убоились произнести понятие Учителя. Как многие, лишенные индивидуальности, лишенные творческой мысли, страшатся этого понятия великой Иерархии. Для ничтожных понятие Учителя является синонимом поработителя, удушителя, является понятием тисков условности, из которых стремится вырваться будто бы молодое сердце. Но такое сердце именно уже не молодое. Оно уже дряблкое, отравленное ядовитой слюной бессилия. Обращаясь к жизнеописаниям, мы увидим, что для сильных творцов Учитель был незабываем, ибо он являлся для них не оковами, но крыльями. Это он знал код магического ключа, который научал открывать сложные замки сердца. Он пробуждал творчески мыслить и творить, творить, творить неустанно и денно и ночью, ибо творчество не требует ни времени, ни пространства. Оно вне этих измерений, и язык его прежде всего выражается языком сердца, который богаче и прекраснее всех языков. Недаром в древней мудрости Востока считалось, что если человек утверждает, что сказанное им лишь от себя, то он есть мертвое дерево, не имеющее корней. В этом синтезе представления об Иерархии заключены заветы творческой жизни. Дерево без корней обречено лишь на гниение; лишь корни, проникающие глубоко до самой, сущности первичных минералов, могут удержать в равновесии и в расцвете мощный ствол и украсить его изысканным творчеством ветвей и цветами благоуханными. Итак, вы не убоились понятия Учителя. Значит, сердце ваше свободно, значит, в вас нет рабского начала, значит, в вас живет творчество жизни. Честь вам!

В даянии получаете. Вы не убоились сходить и выявлять мечты о творчестве, об украшении, улучшении жизни, о сотрудничестве, о взаимной помощи. Малые души, может быть, еще недавно пришедшие из животного царства, всегда боятся сотрудничества. Для них животное «я» оказывается превыше всех эволюции и всего Космоса. Это животное «я» приучает их скрывать, утаивать, клеветать и ссориться, с таким же нечеловекообразным присвистом и брызгами слюны, как неистовствуют обезьяны и другие животные. Но не будем чрезмерно обижать и обезьян, ибо часто злобный яд человечества бывает куда отвратительнее, нежели прыжки раздраженных животных. Ведь у них нет возвышенного сознания, но есть сознание, и притом затемненное ненавистью и завистью, которое является самым отвратительным веществом. Разве не подскажет прежде всего просветленное сознание, что «мы» сильнее, нежели «я»? Поистине, светоносный доспех подвига бесконечно прочнее ржавых чешуи подлости, злобной вульгарности и зависти. Вы не убоились сотрудничества. Этим опять сопричислили себя к истинному воинству эволюции. Вы как бы поклялись самым священным творить каждодневно, трудиться и не ссориться, предоставляя ссоры и свары тем, ничтожным, которым суждено уйти в космический сор. Поистине, несовременно продолжать разъединение и разложение. Мировое положение не позволяет, чтобы кто-нибудь мог позволить себе мерзость разрушительных забав. Решительно во всем

чувствуется поворот рычага эволюции. Или предстоит быстрое одичание и разрушение, или возможно чудесное преображение жизни. Среди трудов каждого дня, преоборевая личные трудности, вы нашли время и энергию к сотрудничеству, к выявлению совместно самого ценного, благородного, прекрасного. Честь вам!

В самом названии вашего начинания, в упоминании священного слова «творчество» уже заключается залог того, что вы не пойдете омертвелыми обычными путями. Вы широко раздвинете рамки возможностей. Вы поймете и отоплите каждую индивидуальность. Вы обогреете каждое наболевшее от невыраженных чувств сердце. Ведь в этих священных болях крепнет зерно прекрасных достижений. Вы твердо помните, что творчество, искусство выразимы во всевозможных материалах как духовно-физических, так и духовных. Один выражает убедительность творчества в звуке, другой в цвете, третий в форме, четвертый в творческой мысли, которая так же напитывает пространства миров, как и все прочие выражения. Произнося понятие «творчество», вы не убоились венчающего понятия Беспредельности. Только у некоторых животных построение скелета таково, что они не могут смотреть вверх. Вы не убоились взять на себя ответственность и понести священное понятие «творчество». Вы не убоились показаться для ничтожных энтузиастами, ибо вы знаете, что энтузиазм творческой мысли непобедим. Честь вам!

Сказанные основы, избранный вами завет существования вашего, куда будет свято храним вами, убережет вас от распада. Действительно, стыдное и унижительное есть в понятии разложения и распада; оба эти стыдные для человечества понятия соединены с гниением и падением. Поистине было бы стыдно подражать этим темным началам.

Вы называете меня учителем и лидером, и мы все знаем, какую ответственность налагают эти понятия. Вы также дадите мне наименование Адамантиус. Конечно, этим вы хотите выразить всю непреклонность, которая должна быть явлена в деле защиты Культуры и Света. В этой борьбе с темнотою вы встретитесь со всеми чудовищами невежества и двуличными клеветами. С каждым годом творческой работы вы поймете, насколько это качество Адамантиус является необходимым, чтобы противостоять бездне темного невежества. В обмен могу и я выразить уверенность в том, что будет день, когда и мне позволено будет приложить и к вам и к Академии Творческих Искусств то же наименование Адамантиус. Кроме того, слово «Адамантиус» вызывает во мне одно драгоценное воспоминание, о чем поговорим при личном свидании.

Итак, будем вместе во имя творчества, во имя понятия Учителя, во имя сотрудничества, во имя Беспредельности, во имя Света, во имя Культуры.

Всем опытом, всем помыслом буду рад помочь вам.

Красный Крест Культуры

Читаем в газете телеграмму из Нью-Йорка о 800 тысячах безработных в одном этом городе. В Штатах число безработных превысило двенадцать миллионов. При этом мы знаем, какое множество интеллигентных работников, конечно, не включено в эту цифру, но испытывают нужду, безработицу не меньшую. Такие цифры истинное несчастье; они показывают, что кризис не только вошел во все слои общества, но уже является разрушительным фактором. В той же почте сообщается о том, что само существование «Метрополитен Опера» находится в опасности. Письма сообщают не только о новых урезываниях Просветительных Учреждений, но и о многомиллионных потерях такими людьми, которые считались незыблемыми столпами финансовой мудрости.

Когда на наших глазах потрясаются основы этой многожитейской мудрости, то не является ли это знаком, что эти материалистические основы дошли до какого-то предела и уже изживаются? И не является ли это знамение еще одним свидетельством о том, что нужно из праха поднимать забытые, запленные знамена духа, чтобы противопоставить

очевидному для всех разрушению ценности незыблемые?

Когда же, как не теперь, должны быть зажигаемы сердца детей свидетельствами о подвигах, об истинном образовании и познании. Может быть, еще не было такого времени, когда самым спешным порядком нужно входить в трудности семьи и, на основании всех исторических примеров, указывать, чем именно были преоборены многократно возникавшие в истории человечества кризисы.

Ведь нельзя более скрывать, что кризис произошел, невозможно утешаться тем, что какой-то новый однодневный сбор накормит всех безработных и голодающих. Совершенно очевидно, что случившееся гораздо глубже.

Уже давно народная мудрость сказала: «Деньги потеряны — ничто не потеряно, но мужество потеряно — все потеряно». Сейчас приходится вспомнить об этой мудрой пословице, ибо о кризисе стало принято говорить: и пострадавшие и почему-то мало пострадавшие стали одинаково ссылаться на кризис, одинаково подрезая все инициативные, творческие устремления.

Так, если не будут приняты основные противодействия, то, быть может, этот кризис явится лишь прологом чего-то еще более грандиозного.

Мы, оптимисты, прежде всего, должны предотвращать всякую панику, всякое отчаяние, будет ли оно на бирже или в священнейшем Святилище Сердца. Нет такого ужаса, который, вызвав к жизни еще большее напряжение энергии, не мог бы претвориться в светлое разрешение. Особенно ужасно слышать, когда отягощенные кризисом люди, не очень плохие сами по себе, начинают говорить, что сейчас не время даже помышлять о Культуре. Мы уже слышали подобные недопустимые в робости и отчаянии своем голоса.

Нет, милые мои, нужно именно сейчас спешно думать не только о Культуре, как таковой, но прилагать этот источник жизни молодому поколению. Можете себе представить, во что превращается едва начавшее слагаться мирозерцание юношества, если оно будет слышать и в школах и в семье своей лишь ужасы отчаяния. Если оно будет слышать лишь о том, что нужно отказаться от самого животворного, что нужно забыть о самих источниках жизни и прогресса.

Эти ужасные «нельзя», «не время», «невозможно» приводят молодое сознание в тюрьму беспросветную. И ничем, ничем на свете вы не осветите эти потемки сердца, если они, так или иначе, были допущены. И не только о юношестве должны мы мыслить, в то же время мы должны думать и о младенчестве. Каждый воспитатель знает, что основы мирозерцания, часто неизгладимые на всю жизнь, складываются вовсе не в юношеские годы, но гораздо, гораздо раньше. Часто лишь молчаливый взгляд дитяти говорит о том, что окружающие обстоятельства для него вовсе не так уж недоступны, как кажется гордыне взрослых. Сколько основных проблем разрешается в мозгу и сердце четырехлетнего, шестилетнего ребенка!

Каждый наблюдавший развитие детей, конечно, припомнит те замечательные определения, замечания или советы, которые совершенно неожиданно произносились ребенком. Но кроме этих гласных выражений, какое множество искр сознания освещает молчаливый взгляд детей! И как часто эти малыши отводят свой взгляд от взрослых, точно бы оберегая какую-то решительную мысль, которую, по мнению детей, старшие все равно не поймут.

Вот этот прозорливый ум ребенка и нужно занять именно сейчас самыми светлыми мыслями. Не пустыми надеждами, ибо идеализм, повторяю, не в туманной пустоте, но в том непреложном, что может быть доказано историками, как самая точная математическая задача.

Разве не время именно сейчас в школах, начиная от низших классов, прийти с увлекающей и вдохновляющей вестью о подвигах человечества, о полезнейших открытиях и о всем светлом Благе, которое, конечно, суждено и лишь по неосмотрительности не подобрано.

Мы начали с упоминания о Нью-Йорке, пораженные последним газетным сообщением, пораженные тем, что в, казалось бы, богатейшем городе Городскому Управлению неотложно нужны десятки миллионов, чтобы предотвратить голод. Повторяем это газетное сообщение, ибо оно не только недалеко от истины, но, по существу, оно даже не выражает всю истину. Сообщенное о Нью-Йорке, конечно, относится и ко всем городам, и не только Америки, но всего мира. Часто эти сведения закрыты или условными ограничениями, или беспросветною пылью извержений. Сейчас пишут из Южной Америки, приводя отчет аэропланов, посланных в пораженные катаклизмом местности, — «ничего не видно». Действительно, из многих мест земного шара «ничего не видно». А когда мгла извержения рассеивается, то мы видим еще большее смятение духа человеческого.

Тот, кто усматривает сейчас несомненность кризиса, вовсе не есть Кассандра ¹⁹ в зловещих пророчествах (которые в случае Кассандры оправдались). Подающий сигнал о кризисе сейчас просто подобен тому стрелочнику на железной дороге, который, усмотрев неминуемость крушения, поднимает флаг предупреждения машинистам, всем сердцем надеясь, что они бодрствуют и увидят эти сигналы. Уподобимся этому стрелочнику.

Поднимем Знамя Охранения Культуры! Вспомним о предложенном еще в прошлом году Всемирном Дне Культуры, о школьном дне, когда сказания о лучших достижениях человечества, вместо обычных уроков, светлую вестью могут зажечь молодые сердца. Если в прошлом году мы мыслили о Лиге Молодежи и хотя бы об одном Дне, выявляющем Сад Прекрасный человечества, то теперь мы видим, что спешность этого выявления лишь умножилась. Один день уже не укрепит все то сознание, которое расшатано общественными и семейными невзгодами. Чаше нужно говорить о спасительном, творящем, вдохновляющем начале.

Воспитать — это не значит только дать ряд механических сведений. Воспитание, формирование мирознания достигается синтезом, и не синтезом невзгод, но синтезом радости совершенствования и творчества. Если же мы пресечем всякий приток этого радостного осветления жизни, то какие же мы будем воспитатели? Какое же образование может дать педагог, распространяющий вокруг себя печаль и отчаяние? Но недалеко от отчаяния подделка под радость, и потому всякая насильственная улыбка недаром называется улыбкою черепа. Значит, и нам самим нужно убедиться в том, насколько нужна и жизненна программа Культуры, как оздоровляющее начало, как жизнедатель.

Из медицинского мира мы знаем, что так называемые лекарства-жизнедатели не могут действовать скоропостижно. Даже для самого лучшего жизнедателя нужно время, чтобы он мог проникнуть во все нервные центры и не только механически возбудить их (ведь каждое возбуждение влечет реакцию), но должен действительно укрепить и оздоровить нервное вещество. Если мы видим на всех примерах жизни нужность известного времени для процесса оздоровления, то как же неотложно нужно подумать и начать действовать под знаком, подобным Красному Кресту Культуры.

Человечество привыкло к знаку Красного Креста. Этот прекрасный символ проник не только во времена военные, но внес во всю жизнь еще одно укрепление понятия человечности. Вот такое же неотложное и нужное от малого до великого и должен дать, подобный Красному Кресту, знак Культуры. Не нужно думать, что возможно помыслить о Культуре когда-то, переваривая пищу вкусного обеда. Нет, именно в голоде и холоде, как тяжелораненым светло горит Знак Красного Креста, так же и голодным телесно и духовно будет светло гореть Знак Культуры.

Время ли препятствовать, протестовать, не соглашаться и привязываться к

¹⁹ *Кассандра* — в греческой мифологии дочь царя Трои Приама, получившая от Аполлона пророческий дар. Аполлон, отвергнутый Кассандрой, сделал так, что ее прорицаниям перестали верить. Так, троянцы не вняли словам Кассандры, предостерегавшей Париса от похищения Елены, что привело к Троянской войне и гибели Трои.

мелочам? Когда по улице следует повозка Красного Креста, то для нее останавливают все движение. Так же и для неотложного Знака Культуры нужно хоть немного поступиться привычками обыденности, вульгарными осадками и всеми теми пыльными условностями невежества, от которых все равно, рано или поздно, придется очищаться.

Людам, не прикасавшимся близко к вопросам воспитания, Знак Культуры может показаться интересным опытом; конечно, не скрою, что этим самым такие люди покажут лишь свое недостаточное историческое образование. Но, если кому-то это покажется опытом, согласимся и на том, ибо никто не скажет, что этот опыт может быть разрушительным или разлагающим. Созидательность мышления о Культуре настолько очевидна, что смешно говорить об этом.

Во время серьезной опасности на корабле следует команда: «Действовать по способности».

Вот и сейчас, мысля о Культуре, нужно сказать и друзьям и врагам, будем действовать по способности, то есть положим все силы наши во славу неотложного в своей живоносности творческого понятия Культуры.

«И свет во тьме светит и тьма его не объят».

Пусть светит Знамя охранения всего Прекрасного. Пусть сияет Знамя Мира!

1932 г.

Твердыня Пламенная

В книге «Сердце» старая китайская сказка говорит о великане заоблачном и о карлике пересмешнике. Уявлен великан, стоящий головою выше облаков, и карлик надсмехается, что великан не видит мира земного. Но великан сносит все насмешки, говоря: «Если захочу, могу ползти по земле, но ты никогда не заглянешь за облака».

На одном университетском торжестве Крукс ²⁰ сделал известный доклад свой о мировоззрении с точки зрения великана и карлика. Ученый провел замечательные параллели преломления законов в возможностях антиподов. Также антиподные суждения образуются и около понятия творчества в личном преломлении. Но как и во всем лишь наибольшие меры соответствуют вершинному понятию жизни. Мысля о творчестве, надо признать наибольшее, наисветлейшее и наисвязующее.

Субстанция есть чувство. Также и творчество есть выражение сердечной энергии. Как прекрасно, когда эта могущественная энергия осознана, воспитана и приведена в действие. Сколько неосознанных и непримененных возможностей расплескивается в бездну хаоса. Не часто люди отдают себе отчет, что творчество выражается не только в механических проявлениях, но гораздо больше могущественное вечное мысленно изливается во благо мира. Стрелы благие и прекрасные часто понимаются лишь как какой-то древний символ! О значении и мощи мысли начали думать так недавно! О сердце и излучениях наука лишь начинает мыслить!

«Дети, любите друг друга» — так заповедуют Высшие и Лучшие. Для любви надо открыть и воспитать сердце. Но где же доступ, кроме ключа Прекрасного? Духовность, религиозность, подвиг, героизм, доброжелательство, мужество, терпение и все прочие огни сердца, разве не расцветают они в Саду Прекрасном?

Не для слез и отчаяния, но для радости духа созданы красоты Вселенские. Но радость должна быть осознана, а без языка сердца где же раскинет радость светоносный шатер свой? Где же, как не в сердце, твердыня радости?

Осознавший область сердца неминуемо пристает к берегам творчества. Как бы этот путник духа ни выражал свое творительство, оно будет в основе своей тем же единым

²⁰ Крукс Уильям (1832—1919) — английский физик и химик, президент Лондонского королевского общества, член Теософского общества (был лично знаком с Е. П. Блаватской), известный своими увлечениями в области таинственных свойств человеческой психики.

самоцветным камнем, о котором поют все лучшие сказания человеческие. Благочестивый Мейстерзингер ²¹ Вольфрам фон Эшенбах поет о том же драгоценном камне, о котором говорит и незапамятная мудрость Тао.

Ведь неизбежно нужно где-то и как-то встретиться! Ведь когда-то нужно покинуть звериные привычки. Ведь сердце-то тоскует по Храму Прекрасному, по Иерусалиму Небесному, по Светлому Китежу и по всем горным Обителям Духа.

Каждое отвращение от Прекрасного, от Культуры приносит разрушение и разложение. Наоборот, каждое обращение к культурному строительству создавало все блестящие эпохи ренессанса.

«Повторять об одном и том же мне не тягостно, а для вас полезно»,— пишет Апостол Павел. И звучит эта черта знания духа человеческого не как гробовой укор, но как улыбка мудрости. Именно до рисунка на мозгу нужно твердить о насущности Культуры. Нужно твердить во всех возрастах, во всех положениях, во всех народах.

Пока Культура лишь роскошь, лишь пирог праздничный, она еще не перестроит жизнь. Может ли сознание среди каждодневности обойтись без книг, без творений красоты, без всего многообразного Музейона — Дома Муз?

Культура должна войти в ближайший, каждодневный обиход, как хижины, так и дворца. В этом очищенном мышлении понятно станет, где оно, самое нужное, неизбежное, и где лишь наносы преходящих волн. Как благостно касание крыла Культуры, благословляющего колыбель на подвиг и несущего отходящего путника в просветленном сознании. В несказуемых, неизреченных мерах облагораживается он касанием Культуры. Не смутный туманный оккультизм и мистицизм, но Свет Великой Реальности сияет там, где произошло просвещение Культуры.

С песнею входит друг. Художник являет качество духа своего в картине. Взаимно убеждаемся и радуемся на всех проявлениях творчества.

Если даже звери преклоняются перед звучанием, то насколько же оно нужно сердцу людей и в звуке, и в цвете, и в форме.

Не может человечество продолжать низвергаться по пути расчленения и ненависти, иначе говоря, спешить к одичанию. Стойте, стойте, уже и пропасть близка!

Соберемся вокруг понятия Культуры, вокруг Великого Служения Свету. Познавая единность Высшего Света, найдем и способность не укорять, не унижать, не злословить, но славословить Красоте Всевышней.

Разрушительная критика дошла до пределов. Словарь зла и поношения и унижения возрос до непереносимости. Но дух человеческий и в темнице своей взыскует о радости, о строении, о творении.

Помню, как Пювис-де-Шаванн ²² находил искреннее благое слово для самых различных произведений. Но не забуду, как известный художник Р. обходил выставку лишь с пеною поношения. Однажды бросилось в глаза, что Р. останавливается гораздо дольше около поносимых им произведений. По часам я заметил, что три четверти часа ушло на ругательство и всего одна четверть на радость. Провожая художника, я заметил: «Знаю, чем задержать вас дольше! Лишь ненавистными для вас вещами». При этом ругательства Р. были весьма изысканны, а похвалы очень бедны и сухи. Конечно, в творчестве Пювис-де-Шаванн был несравненно выше Р. Не из благодати ли творческой исходила благость суждений Пювиса?

Зачем разделяться и злодействовать там, где заповедан общий восторг, общая радость творчества.

Бесчисленны от незапамятных времен заповеди о Прекрасном. Целые государства,

²¹ *Мейстерзингеры* — немецкие средневековые поэты-певцы из ремесленно-цеховой среды.

²² *Пювис-де-Шаванн* (Пюви де Шаванн) (1824—1898) — французский живописец, мастер монументально-декоративной живописи. Представитель символизма. Сильно повлиял на становление творчества молодого Рериха.

целые цивилизации складывались этим великим Заветом.

Украсить, улучшить, вознести жизнь — значит, пребывать в добре. Всепонимание и всепрощение, и любовь, и самоотвержение создаются в подвиге творчества.

И разве не должны стремиться к творчеству все молодые сердца? Они и стремятся. Нужно много пепла пошлости, чтобы засыпать этот священный пламень. Сколько раз одним зовом: «Творите, творите!» — можно открыть новые врата к Прекрасному.

Сколько дряхлости сказывалось в ледящей программе. Сперва научусь рисовать, потом перейду к краскам, а уже затем дерзну на сочинение. Бессчетно успевал потухать пламень сердца, прежде чем ученик доходил до запретной двери творчества!

Но зато сколько радости, смелости и бодрости развивалось в сознании с малых лет дерзнувших творить. Как заманчиво увлекательны бывают детские сочинения, пока глаз и сердце еще не поддались всепожирающим условиям стандарта.

Где же условия творчества? В непосредственности, в повелительном трепете сердца, позвавшего к созиданию. Земные условия безразличны для призванного творца. Ни время, ни место, ни материал не могут ограничить порыв творчества. «Хоть в тюрьму посади, а все же художник художником станет», — говаривал мой учитель Куинджи. Но зато он же восклицал: «Если вас под стеклянным колпаком держать нужно, то и пропадайте скорей! Жизнь в недотрогах не нуждается!» Он-то понимал значение жизненной битвы, борьбы Света со тьмою.

Пришел к учителю с этюдами служащий; художник похвалил его работы, но пришедший стал жаловаться: «Семья, служба мешают искусству».

— Сколько вы часов на службе? — спрашивает художник.

— От десяти утра до пяти вечера.

— А что вы делаете от четырех до десяти? То есть как от четырех?

— Именно от четырех утра.

— Но я сплю.

— Значит, вы проспите всю жизнь. Когда я служил ретушером в фотографии, работа продолжалась от десяти до шести, но зато все утро от четырех до девяти было в моем распоряжении. А чтобы стать художником, довольно и четырех часов каждый день.

Так сказал маститый мастер Куинджи, который, начав от подпаса стада, трудом и развитием таланта занял почетное место в искусстве России. Не суровость, но знание жизни давало в нем ответы, полные сознания своей ответственности, полные осознания труда и творчества.

Главное, избегать всего отвлеченного. Ведь, в сущности, оно и не существует так же, как и нет пустоты. Каждое воспоминание о Куинджи, о его учительстве, как в искусстве живописи, так и в искусстве жизни, вызывает незабываемые подробности. Как нужны эти вехи опытности, когда они свидетельствуют об испытанном мужестве и реальном созидательстве.

Помню, как после окончания Академии Художеств, Общество Поощрения Художеств пригласило меня помощником редактора журнала. Мои товарищи возмутились возможностью такого совмещения и пророчили конец искусству. Но Куинджи твердо указал принять назначение, говоря: «Занятый человек все успеет, зрячий все увидит, а слепому все равно картин не писать». Помню также, как однажды Куинджи раскритиковал мою картину «Поход». Но полчаса спустя он, сильно запыхавшись, вновь поднялся в мастерскую. «Вы не должны огорчаться, пути искусства бесчисленны, лишь бы песнь шла от сердца», — улыбаясь говорил он.

И другой мой учитель, Пювис-де-Шаванн, полный благожелательства и неистощимого творчества, мудро звал всегда к самоуглублению, к труду и к радости сердца. Не погасла в нем любовь к человечеству и радость творения, а ведь первые шаги его не были поощрены. Одиннадцать лет его картины не были принимаемы в Салон. Это был достаточный пробный камень величия сердца!

И третий мой учитель, Кормон ²³, всячески поощрял меня к самостоятельной работе, говорил: «Мы становимся художниками, когда остаемся одни».

Благословенны Учителя, когда ведут они благою, опытною рукою к широтам горизонта. Сладостно, когда можем вспоминать Учителей своих со всем трепетом сердечной любви.

Учительство старой Индии, углубленное понятие Гуру — Учителя, особенно и трогательно и вдохновительно. Именно вдохновительно видеть, что свободное осознанное почитание Учителя существует и до сегодня. Истинно, оно составляет одну из основных красот Индии. Без сомнения, то же понятие жило и среди старых мастеров Италии и Нидерландов, и среди русских иконописцев. Но там сейчас оно уже в прошлом, тогда как в Индии оно еще живет и не умрет, надеюсь.

Всякое духовное обнищание стыдно. Из тонкого мира печально смотрят великие мастера, жалея о неразумно затрудненных возможностях. В «Духовных ценностях», в «Переоценке», в «Огне Претворяющем» ²⁴ мы достаточно говорили обо всем том, что не должно быть утеряно на перепутьях и перекрестках. Но не могу не вспомнить покойного друга моего поэта Блока и его глубокие слова о Несказуемом. Блок прекратил посещение религиозно-философского общества, ибо: «Там говорят о Несказуемом». Именно, есть предел слов, но нет границы чувств и вместимости сердца. Всюду прекрасное. Все путники добра, все искатели искренние приставали к этому берегу. Как бы ни ссорились, как бы ни озверели люди, они все же объединенно замолкают при звуках мощной симфонии и прекращают препирательства в музее или под сводами Парижской Богоматери.

Та же любовь сердца вспыхивает, когда мы читаем о молниях красоты во всех заветах.

Трогателен персидский апокриф о Христе: «Когда проходил Христос с учениками, на пути оказался труп собаки. Отшатнулись ученики от тления. Но Учитель и здесь нашел красоту и указал на белизну зубов животного».

В час отхождения вспоминает Будда: «Как прекрасна Раджагриха и скала коршуна! Прекрасны долины и горы. Вейсали, какая это красота!»

Каждый Бодхисатва среди прочих своих выявлений должен быть совершенен и в искусстве.

Говорит рабби Гамалиель: «Изучение закона есть благородное дело, если оно соединяется с каким-либо искусством. Занятие ими отвлекает нас от греха. Всякое же занятие, не сопровождаемое искусством, ни к чему не приводит». А рабби Иехуда добавляет: «Не учащий сына своего искусству, готовит из него грабителя на большой дороге». Спиноза, достигнув значительного совершенства в искусстве, поистине отвечал завету гармонизации и облагораживания духа.

Конечно, и высокие заветы Индии утверждают тоже основное значение творческого искусства. «В древней Индии Искусство, Религия, Наука были синонимами Видья, или Культуры». «Сатъям, Шивам и Сундарам, или Вечное Троичное выявление Божественности в человеке,— Непреложное, Благостное и Прекрасное».

Вспомним Музейон — Дом Муз — Пифагора, Платона и всех тех великих, которые понимали краеугольные камни основ жизни. Плотин ²⁵ — о Прекрасном!

Из глубин тяжких переживаний Достоевский взывает: «Красота спасет мир»! Ему

²³ *Кормон Фернан* (1845—1924) — французский живописец и педагог, в парижской мастерской которого Н. К. Рерих занимался по окончании Петербургской Академии художеств.

²⁴ «Духовные ценности», «Переоценка», «Огонь Претворяющий» — статьи Н. К. Рериха.

²⁵ *Плотин* (ок. 204—270) — греческий философ, основатель неоплатонизма. Сыграл большую роль в развитии античной диалектики.

вторит Рескин ²⁶, одухотворяющий камни прошлого. Знаменитый Иерарх, смотря на картину, восклицает: «Молитва земли небу!»

Старый друг всех творящих искателей Леонардо да Винчи говорит: «Тот, кто презирает живопись, презирает философское утонченное созерцание мира, ибо живопись есть законная дочь или, лучше сказать, внучка природы. Все, что есть, родилось от природы и родило в свою очередь науку о живописи. Вот почему говорю я, что живопись внучка природы и родственница Бога. Кто хулит живопись, тот хулит природу.

Живописец должен быть всеобъемлющ. О, художник, твоё разнообразие да будет столь же бесконечно, как явление природы. Продолжая то, что начал Бог, стремись умножить не дела рук человеческих, но вечные создания Бога. Никому никогда не подражай. Пусть будет каждое твоё произведение как бы новым явлением природы».

«Упрямая суровость» Леонардо, разве не была она укреплена ясною радостью о дальних мирах, непоколебимою молитвою сердца в Беспредельности?!

Сколько лучших людей утверждало о молитве сердца, о молении красотою, о красоте творчества, о победах Света! Со всех земель, от всех веков все заповедует о значении творчества, как ведущего начала жизни. Древние памятники сохранили славные лики Египта, Индии, Ассирии, Майев, Китая. Все сокровища Греции, Италии, Франции, Бельгии, Германии разве не являются живыми свидетелями о значении высокого творчества!

Как чудесно, что и сейчас, среди всяких духовных и материальных кризисов, мы можем утверждать царство Прекрасного. Притом можем это не как отвлеченные идеалисты, но именно вооруженные опытом жизни, укрепленные всеми историческими примерами и духовными заветами.

Вспомнив о значении творчества, человечество должно вспомнить и о языке сердца.

Разве не этим языком созданы притчи Соломона, и псалмы, и Бхагават Гита ²⁷, и все пламенные заветы отшельников Синаитских ²⁸?

Прекрасно сознавать, что все заветы ведут не к разделению, не к ограничению, не к одичанию, но к восхождению и укреплению и очищению духа!

Д-р Бритон напомнил мне, что, отъезжая из Америки в 1930 году, я сказал ему: «Берегитесь варваров». С тех пор многие варвары ворвались в области Культуры. Под знаком финансовой подавленности совершались многие неисправимые злодеяния.

Списки темных подавителей, как скрижали стыда, неизгладимо запечатлелись на хартиях образования и просвещения. Некультурные ретрограды бросились урезать и искоренять многое в области образования, науки, искусства!

Стыд, стыд. В Чикаго будто бы нечем заплатить городским учителям. В Нью-Йорке церковь продана с аукциона. В Канзас-Сити продан с торгов Капитолий. А сколько музеев и школ закрыто! А сколько тружеников науки и искусства выброшено за борт! Но все-таки на скачки приехало пятьдесят тысяч человек! Стыд, стыд!

Камни древних памятников могут возопить против всех отступников от культуры, которая была истоком всего благословенного и драгоценного. Попиратели Культуры, разве не попирают они свое собственное благосостояние? Даже слепые видят больше этих затемненных служителей тьмы.

«Берегитесь варваров»!

²⁶ *Рескин Джон* (1819—1900) — английский писатель и теоретик искусства, апологет художественного творчества во всех областях человеческой деятельности.

²⁷ *Бхагават Гита* (Бхагавадгита) — часть 6-й книги «Махабхараты», относится к I тысячелетию до н. э., является философской основой индуизма.

²⁸ *Отшельники Синаитские* — Рерих имеет в виду монахов Синайского полуострова первых веков христианства.

Все же не на изменчивом денежном знаке можем сойтись. Все-таки можем соединиться лишь на ступенях Культуры, во имя всего вдохновенного, творческого, прекрасного. Все же благим и благородным делом будет поддержание всего творческого и просвещенного. Входя на эти ступени, мы и сами просвещаемся.

Собираясь вокруг знака Культуры, вспомним, как мы обращались к Женщине: «Когда в доме трудно, тогда обращаются к женщине. Когда более не помогают расчеты и вычисления, когда вражда и взаимное разрушение достигают пределов, тогда приходят к женщине. Когда злые силы одолевают, тогда призывают женщину. Когда расчетливый разум оказывается бессильным, тогда вспоминают о женском сердце...»

И теперь трудно во всемирном доме Культуры. И опять надеемся, что сердце женщины поймет боль о творчестве, о культуре. Поймет она боль о духовных сокровищах и придет на помощь во всех областях Прекрасного.

Молодежь не должна воспитываться на воплях отчаяния. Когда мы писали о сужденных садах прекрасных, мы вовсе не завлекали в призрачные области. Наоборот, мы звали в твердыни, утвержденные жизнью.

Особенно в дни трудные мы должны твердить молитву сердца о прекрасном. Мы должны помнить об общедоступности этого прекрасного.

Стать из пастушонка почитаемым мастером, как Куинджи, или из захолустного крестьянина светилом науки, как Ломоносов, ведь было нелегко. Ничто не помогало, казалось бы! Наоборот, все были против, и тем не менее «Свет победил тьму».

В детстве мы любили книгу Гастона Тиссандье «Мученики науки». Должны бы быть изданы и книги «Мученики духа», «Мученики искусства», «Мученики творчества».

Жизненные драмы Ван Гога, Гогена, Райдера, Врубеля, Мареса и множества мучеников за Прекрасное составили бы еще один незабываемый завет, ведущий юношество.

Когда перелистываю книгу «Строители Америки», сколько прекрасных убедительных примеров встает навсегда в памяти. Эдисон, Белл, Форд, Армор, Карнэги, Истман, Шифф, Хаммонд — целое воинство самоделов и самоцветов. Сколько земных потрясений прошли они, лишь утверждая истину непобедимости труда и творчества. Раскрывая историю искусства Америки, разве не умилился сильным характерам Райдера, Сарджента, Уистлера, Тера, Беллоца, Рокуэла Кента, Джайлса, Дэвиса, Мельчерса и всех тех, кто своим творческим достижением складывал стены Капитолия Славы Америки.

«Признательность есть добродетель больших сердец». Не только вспомним славные имена с благодарностью, но вооружимся всем их опытом для противостояния всем разрушительным силам тьмы.

Опыт творчества кует те непобедимые «Оружия Света», о которых говорит Апостол.

Сейчас именно час спешный, когда нужно запастись всем бывшим опытом, чтобы не отступить от твердынь Культуры.

Сейчас время осознать все духовное сокровище творчества, чтобы этим «Оружием Света» отразить темные силы невежества и двигаться безбоязненно.

Разве не радость, что мы можем, не стесняясь фракциями, обращаться к каждой искренней художественной группе с сердечным приветом, говоря:

«Все-таки теперь, после всевозможных разъединений, дух человеческий опять оборачивается к положительному построению, в котором ценно каждое искреннее сотрудничество. Разве не растут на весеннем лугу цветы всевозможные, великолепные своим разнообразием? Это творческое разнообразие в аромате своем разве не являет Праздник Весны, почитаемый всеми народами от времен незапамятных!»

Ничто не заменит Божественного разнообразия. Так же и в земном отражении Божественности, в искусстве разнообразие означает щедрость народного духа. Среди смятений человечества тем яснее ощущаем ценность творчества.

Пусть звучит строительство и прекрасное желание Блага, иначе говоря, то именно,

что должно лечь в основу всех действий культурного человечества. Каждому мыслящему тесно в условиях разделенных, страшных в ничтожестве своем, душно от смрада невежества, от яда некультурности, которые разлагают и отравляют все сущее.

Все, кому дорого достоинство человеческое, все, кто стремится к поистине сужденным совершенствованиям, естественно должны работать вместе, отбросив, как постыдную ветошь, словарь злобы и лжи и памятуя, что в словаре Блага много неотвлеченных, но действительно жизненно применимых понятий. И как неотложно должны прилагаться понятия в жизни, чтобы слово перестало быть звуком пустым, но являлось бы действенным укрепителем творческой мысли.

Каждый, стремящийся ко Благу, знает, насколько ценны и все так называемые препятствия, которые являются для мужественного духа силомерами и в нагнетении вырабатывают лишь новую и преображенную энергию.

Ведь не вчерашний день утверждается. Можно утверждать лишь осязательность Будущего. Покуда сами мы, в сердце своем, не убедимся в этом светлом созидательном Будущем, до тех пор оно будет оставаться в туманной отвлеченности. Для Будущего насаждались деревья при путях и ставились путевые вехи. Не стал бы строитель пути складывать памятные столбы, если бы в сердце своем не знал, куда должен вести путь этот.

Говорим — путь поведет к знанию, к Прекрасному, но ведь знание это будет освобожденным от предрассудков, будет нестесненно преследовать цели Блага. Говорим — путь этот поведет к красоте; и не роскошь, не прихоть, но надобность ежедневная, воздух сердца, составят стремление и осуществление Прекрасного на всех путях. Не убоимся понятия действительности. Устремившиеся мужественно знают все условия пути.

Как говорят Мудрые: «Перед отходом, не произносят дурных слов». Слабые скажут — истомилось сердце, но не истомится и не переполнится то, что живет в Беспредельности любви, в ведущем познании, в дисциплине духа и во всей красоте. Нагнетением, нагружением сердца умножаем опыт. Будем напутствовать себя словами прекрасной Мудрости Востока:

«Утомляйте Меня ныне, нагружайте лучше, подав тягость Мира, но умножу силы.

Слышишь ли: тягость расцветет розами, и трава облечется радугю утра.

Потому утомляйте Меня. Когда иду в Сад Прекрасный, не боюсь тягости». В Мудрости все реально, и утро реально, и Сад Прекрасный реален, и нагружение, и тягость Мира, и преображенный подвиг тоже действительны.

Нельзя лучше заключить настроение о творчестве, как словами обращения гр. А. Толстого «К Художнику»:

*Слух же духовный сильнее напрягай и духовное зрение.
И как над пламенем грамоты тайной
Неясные строки вдруг выступают,
Так выступят пред тобою картины.
Станут все ярче цвета, осязательней краски,
Стройные слов сочетанья в ясном сплетутся значеньи.
Ты ж в этот миг и смотри и внимай, притаивши дыханье,
И, созидая потом, мимолетное помни виденье.*

Гималаи,
24 июля 1932 г.

Прекрасное

Культура – почитание Света

«Культура есть почитание Света. Культура есть любовь к человеку. Культура есть благоухание, сочетание жизни и красоты. Культура есть синтез возвышенных и утонченных достижений. Культура есть оружие Света. Культура есть спасение. Культура есть двигатель. Культура есть сердце.

Если соберем все определения Культуры, мы найдем синтез действенного Блага, очаг просвещения и созидательной красоты».

Осуждение, умаление, загрязнение, уныние, разложение, все порождения невежества не приличны Culture. Ее великое древо питается неограниченным познанием, просвещенным трудом, неустанным творчеством и подвигом благородным.

Камни великих цивилизаций укрепляют твердыню Культуры. Но на башне Культуры сияет алмаз-адаманти любящего, познающего, бесстрашного Сердца.

Любовь открывает эти Врата прекрасные. Как всякий настоящий ключ, и любовь эта должна быть подлинная, самоотверженная, отважная, горячая. Там, где истоки Культуры, там источники горячи и бьют они из самых недр. Где зародилась Культура, там ее уже нельзя умертвить. Можно убить цивилизацию. Но Культура, как истинная духовная ценность, бессмертна.

Потому и радостна пашня Культуры. Радостна даже в самых крайних трудах. Радостна даже в напряженных битвах с самым темным невежеством. Зажженное сердце неограниченно в великой Беспредельности.

Праздник труда и созидания. Звать на праздник этот — значит, лишь напомнить о нескончаемом труде и о радости ответственности, как о достоинстве человеческом.

Труд работника Культуры подобен работе врача. Не одну болезнь знает истинный врач. Не только врач спасает от уже случившегося, но он мудро предусматривает на будущее. Не только изгоняет болезнь врач, но он работает над оздоровлением всей жизни. Сходит врач во все подвалы темнейшие, чтобы помочь осветить и согреть их.

Не забывает врач о всех улучшениях, украшениях жизни, чтобы порадовать дух поникающий. Знает врач не только старые эпидемии, но готов распознать и симптомы новых несчастий, вызванных гниением устоев.

Имеет здоровое слово врач и к ребенку и к старцу, для каждого готов его совет одобряющий. Не прекратит врач познания свои, иначе он не ответит действительности. Не утерять врач терпение и терпимость, ибо ограниченность чувств оттолкнет от него болящих.

Не устрасится врач видом язв человеческих, ибо он мыслит лишь об исцелении. Собирает врач всяческие травы и камни целебные, знает он об изыскании их благого применения. Не утомится врач поспешить на помощь к больному во все часы дня и ночи.

Работнику Культуры присущи те же качества. Так же точно готов он на помощь во благо в любой час дня и ночи. Подобно скаутскому зову, работник Культуры доброжелательно отвечает: «Всегда готов». Он открыт сердцем ко всему, где опыт и

знание его могут быть полезны. Помогая, и сам он вечно учится, ибо «в даянии мы получаем». Он не устрашается, ибо знает, что страх открывает врата тьмы.

Работник Культуры всегда молод, ибо не дряхлеет сердце его. Он подвижен, ибо в движении сила. Он зорек на постоянном дозоре во Благо, в Познание, в Красоту. Знает он, что есть сотрудничество.

Нитями сердечными объединены работники Культуры. Горы и океаны не препятствия для этих сердец возденных. И не мечтатели они, но строители и пахари улыбающиеся.

Посылая привет о Культуре, нельзя послать его без улыбки, без зова дружбы. Так и сойдемся, так и соберемся и потрудимся во Благо, во Знание, в Красоту. И сделаем это неотложно, не упустив ни дня, ни часа для строительства доброго.

Пути Благословения

I

Как пчелы собираем мы знание и укладываем нашу кладь в причудливые соты. По прошествии года, обремененные вещами, мы пересматриваем наши «сокровища». Но кто успел подсунуть нам столько ненужного? Когда успели мы так затруднить путь свой? Но среди случайного и подлежащего, как печной перегар, уничтожению всегда высятся вехи драгоценные нашему духу. Это они ведут человечество через все расы, через все круги достижений. Ступени ко храму.

«Истинно, истинно! Красота есть Бог! Искусство есть Бог. Знание есть Бог. Вся слава, все великолепие, все величие есть Бог. Истинно, истинно!» — воскликнул индусский Святой, возвращаясь из состояния Самадхи. И придет новый путь красоты и мудрости. Лучшие сердца уже знают, что красота и мудрость не роскошь, не привилегия, но радость, сужденная всему миру на всех ступенях достижения. Лучшие люди уже понимают, что не твердить только они должны о путях красоты и мудрости, но действительно вносить их в свою и общественную повседневную жизнь. Они знают, что европейский костюм не является признаком культурного человека. Они знают, что в наши дни, во дни смертельной борьбы между механической цивилизацией и грядущей культурой духа, особенно трудны пути красоты и знания, особенно тягостны нападения черной пошлости. Но они и не скрывают, что борьба тяжела и за ней уже растут крылья освобожденного Духа. Вы знаете, что лучшие красоты природы создались на месте бывших потрясений земли. Вы знаете восторг перед скалами, пропастями, живописными путями старой лавы. Изумляетесь кристаллам и морщинам каменных цветных наслоений. Бесконечную красоту дают конвульсии космоса.

— Подумайте, сколько знамений явлено!

— Залила кровью мир война. Засухи, ливни нарушали людское устройство. Ушли озера. Обрушилась вершина Монблана. Явил лик голод. Сколько условностей отживающей расы уже развалилось.

И среди развалин людских условностей уже возникает новая жизнь. И даже самые тупые начинают сознавать, что многое, зримое ими, не случайно. Новый мир идет!

Идет среди изумленных и потрясенных взоров. И в новом мире, в его новых храмах сложится новая жизнь, и в ней искусство и знание поддержат престол любви Божества.

— Благословенные ведут нас этими путями. Среди чудовищных умственных нагромождений изжитой ветоши видны уже признаки синтеза.

Узнавая будущее значение красоты и мудрости, люди поймут и пути их возникновения.

Сейчас надо мыслить об искусстве. Надо ощутить и утвердить высший проводник Духа Утешителя. Смотрите, в конце прошлого столетия истерлись старые стили. Жизнь наполнилась мертвенными подделками. Творения красоты стояли одиноко.

Обстановка жилищ, вещи обихода, средний уровень картин и ваяния дошел до предела фальшивого безразличия, и тогда немедленно появилась реакция. Но насколько отвратительна была подделка, настолько уже оскорбительна была реакция.

Возненавидели старых. И ненависть породила злобную беспомощность. Брызгая ядовитой слюной разложения, бросились создавать новые теории.

Точно неумелые дрогисты, они распределили искры Божества по склянкам и наклеили этикетки. Итак, на смену спесивому безразличию жизнь наполнилась всякими *post'* и *ex'*ами. И снова раздробленность дошла до предела. И снова стражи истинного искусства, как Роден, Пювис, Ван Гог, Гоген, Сезанн, остались одинокими, а вокруг них шла суматоха распятия красоты. Какой сюжет для старого Брейгеля или Босха. То они были поработаны сюжетом, то они искали лишь фирму, то они искали лишь краски. Они самовольно и глупо разделили искусство на высшее, декоративное, прикладное, коммерческое. Они извратили понятие реальности. Они разрубили единое древо. Они изогнули все, за что могли схватиться судорожные их руки, «Бедные они», — как сказал о них один большой художник.

Они забыли то, что звучит в каждом атоме звездного неба, перед чем их слепые теории кажутся жалкими заплатами. Они забыли о гармонии. Они не хотели знать, что близится время гармонизации центров. Они забыли, что таинственная прелесть искусства — его убедительность, кроется в путях его возникновения. Откуда придет, на том языке и говорить будет. В таинственных обобщающих путях искусства есть тот международный язык, который свяжет все человечество.

— Это не общее место. Не трюизм ²⁹. Это надо подчеркнуть и выявить всеми силами духа, ибо люди забыли совершенно простой путь света и творчества.

— Язык людской, яркий и мощный в осуждении, стал дряблым и бледным при хвале и утверждении.

Но не примите сказанное за отрицание. Мы отрицаний не терпим. Ведь все «новаторы» пытались сломить пошлость. И тем даже неудачная попытка должна быть оправдана. Все борцы против пошлости — в одном стане. Конечно, чем шире форма — тем вместительнее она. Не обойти великий закон вмещения.

И руководители жизни творят неусыпно. И можно радоваться ужасающим пределам нашего хаоса. Так из-под пены бури снова возносится омытый, сверкающий утес; — уже близится творчество созидания и обобщения. И мы знаем не предсказания. Мы уже видим светлые признаки. Одинокие люди, разделенные горами и океанами, начинают мыслить о соединении элементов, о творческой гармонии. И мысли единства пролетают над миром. Молодежь уже пишет на своем трудовом щите:

«Cor Ardens» recognizes art as the universal medium of expression and evidence of life. It realises the phenomenon that ideals in art manifest themselves simultaneously in all parts of the world and therefore acknowledges the creative impulse irrespective of heritage. Art should be created with honest mind and from genuine necessity. Cor Ardens is a concrete move to bring together, at least in spirit sympathetic isolated individuals.

We must walk the rising road of grandeur, enthusiasm and achievement with all the power of our spirit» ³⁰.

²⁹ Трюизм (англ.) — общеизвестная, избитая истина.

³⁰ «Cor Ardens (лат. — Плающее Сердце) признает искусство универсальным средством выражения и свидетельства жизни. Оно выражает явления таким образом, что идеалы в искусстве выявляются сами одновременно во всех частях мира, и тем самым подтверждает созидательный импульс вне зависимости от церкви. Искусство должно твориться чистым духом во всей своей непреложности. Cor Ardens являет реальное движение к объединению, хотя бы и разделенных, но духовно близких людей.

Мы должны восходить по пути благородства, энтузиазма и побед всеми силами нашего духа» (пер. с англ.).

Разве в этих словах не звучит победа духа? Разве хаос не открыл врата единения? Разве разъединенные физически души не начинают понимать друг друга языком высшего благословения?

Друзья невидимые! Знаю вас. Знаю, как нечеловечески трудно вам превозмочь все условности жизни и не погасить ваш светоч. Знаю, как болезненно для вас идти под презрением тех, кто построил свою жизнь на темных понятиях денег. Знаю вас — одинокие — перед огнем, который кажется вам одиноким. Мои молодые друзья! Всегда молодые. Разве не видите, что около того же вашего огня сидят многие? И не одиноки сидящие у одного огня. И если рука ваша еще не ощутила пожатия, то дух ваш уже принял поцелуй брата.

Какие гигантские массы сдвинуты братскими усилиями. И каждое напряжение в направлении красоты и знания сияет сознанием, что единый луч духа ведет нас — тот луч, перед которым вспыхивает экстаз духа, а тело трепещет в предчувствии.

Не дрожи, не бейся так, бедное сердце! Еще раз, опять после долгого срока ты научишься владеть мощностью, которая так близка. Купель Красоты!

Велико значение искусства для будущей жизни! — Новый мир идет!

«Оставьте все предрассудки — мыслите свободно» — так Благословенный ³¹ сказал.

II

Я знаю тебя, гомункулус. Это ты подсунил нам в дороге столько ненужных вещей. Это ты советовал нам не доверять всему молодому и «неопытному». Это ты подставил внешние факты вместо фактов духа и сущности. Это ты позолотил рамы на картинах. Ты проник в советы и лиги и прикрыл стремление к совершенству обязанностью могильщиков. Ты очень трудишься. И в твоей незримой империи растет славное человеконенавистничество.

— Но как бы мал ты ни был, уже рассмотрели тебя. И узнали твои привычки. Ты боишься талисмана любви. И любовь подсекает твои создания. Любовь творческого совершенства. Ты мечтаешь засыпать ее старыми вещами. Ты думаешь, что пламя любви потухнет? Но ты забыл таинственное качество пламени. Оно зажжет любое количество светочей и не уменьшится.

— Где же тебе бороться! И если бы ты даже проник во все лиги наций, то ведь за нациями стоит человечество. И здесь трудолюбивый гомункулус не достигнет успеха. Ибо человечество все-таки, хотя и медленно, идет к гармонии.

Не кажется ли вам странным, друзья, что даже в наши дни, в дни наибольшей суматохи и страха, все-таки могут быть действительно выявляемы такие еще далекие понятия, как любовь, благо, совершенство, то есть все спутники гармонии. Гармонию часто не понимают. Смешивают с унисоном. Не понимают. Так же, как не понимали Нирвану. Но гармония не есть отвлеченное песнопение. Гармония, гармонизация центров, есть выявление деятельности, во всей ее мощи, во всей ее ясности и убедительности. Познавая, чего мы хотим, мы слагаем все наши центры в одно напряжение и даже преодолеваем все установления рока. Но дух-то наш знает лучше всего, где правда. И каждый наш поступок оценен духом воистину.

И вот этот дух также знает, что любовь и совершенство будут применены в жизни, в простоте и ясности творчества. Если простота выражения, ясность желания будут соответствовать неизмеримости величия Космоса — то это путь истинный.

И этот Космос, не тот недостижимый Космос, перед которым только морщат лоб профессора, но тот великий и простой, входящий во всю нашу жизнь, творящий горы, зажигающий миры — звезды на всех неисчисленных планах.

Простота — неперменное качество гармонии. Творчество будущего будет осенено

³¹ Благословенный — здесь махатма Мориа.

простотою. Конечно, вы не смешаете простоту с примитивизмом, с нарочитостью.

Здесь разница так же велика, как между искусством и штампом. И часто в золотых рамках висит коммерческий штамп, а в плакате под вихрем и снегом треплется истинное искусство.

Но дух-то, хотя бы в молчании, знает, где штамп, где пошлость и где радость и творчество.

— Молчаливо спрашивайте дух ваш, внося каждый предмет в дом ваш. Произнося заклинания против гомункулуса, обдумайте, зачем и как пришли вы к мысли приобщить к вашему очагу нового гостя.

Ведь эти молчаливые гости могут быть истинными друзьями, но могут стать и врагами вашего дома.

В осознании предметов лежит гармония их. И опять дух ваш знает врага и друга.

Знаем непреложные исцеления музыкой и красками. Вспомним мощь пения. Вспомним высокие подъемы в храмах, в музеях. Дом Божий! Дом Великой Тайны! И таинство Духа имеет подножием лишь красоту.

Конечно, вы любите искусство. И вы хотите о многом расспросить меня. Вы хотите знать, что лучше для гармонии дома: картины или стенопись. Лучше ли закрепить обстановку в неподвижности. Или жизненное — идея Китая и Японии, где каждый день на стене комнаты помещается одна картина?

Наверно, вы хотите спросить, правильна ли идея наших современных выставок, где за обликом храма искусства притаился ларек торговца?

Учитель ³² изгонял торгашей из храма. Учитель знал, конечно, что в нашей жизни без торгашей еще нельзя. Но Он их изгонял именно из храма.

Так и в деле искусства. Конечно, торговля должна остаться. Но она должна быть вынесена из храма. Пусть будет честный праздник; пусть будет честная лавка. Но лавка во храме и личина храма в лавке вносят внутренний разврат среди творящих и цинизм среди посещающих. Благоухание храма скует жест даже отъявленного циника, и гомункулусу приходится бежать.

Правда, гомункулус, вам все-таки придется уйти из жизни. Бессчетные молодые сердца просят вас уйти.

Очистив принцип обмена искусства, возможно ввести его в дом. Внести как бы свечу, зажженную во храме. И мысль стенописи, и ценная смена впечатлений Востока — все найдет свое место. Ибо правда бесконечна. И каждый отдельный случай утверждения искусства устанавливается сознанием духа. Кондуктор думает, что люди лишь ездят. В представлении сапожника люди лишь ходят. В представлении современного человека люди только терзаются. В знании Благословенного люди должны радоваться.

Правда, именно сейчас радость об искусстве звучит странно. Много говорят об искусстве и так мало вносят искусство в свою жизнь. И всегда находят превосходные отговорки и оправдания. Всегда виноваты самые убедительные обстоятельства. Все виновато, но лишь не виноват «цивилизованный человек», ходящий смотреть на бой быков или на уличную драку, обставленную правилами «бокса».

Здесь открыты и сердца и кошельки.

Но расспросите этих людей, много ли они сделали для искусства? И много ли они внесли искусства в свою жизнь? Они будут удивлены, и окажется, что пещерный человек каменного века имеет все преимущества перед этими завоевателями земли. В наши дни и об этом приходится говорить. Как же не говорить, когда именно сейчас некоторые правительства пытаются обложить свободное искусство особыми налогами. И тем еще больше затруднить тернистый путь красоты. Здесь опять работа гомункулуса!

И в то же время лишь около десятой части населения вносит искусство в свою жизнь и что-то знает об искусстве. Двадцать процентов только говорит об искусстве и не применяет его. А семьдесят процентов вообще не знает, или, лучше, не помнит уже, что

³² Учитель — здесь Иисус Христос.

такое искусство...

Но лучше, хотя бы механически, твердить: «Благо, благо, благо», нежели, хотя бы с усмешкой, повторять: «Зло, зло, зло». Этот относительный принцип уже усвоен многими. Так вот этим путем будем хотя бы один раз в неделю спрашивать себя, что мы за семь дней сделали для искусства?

Пусть и политики, и конгрессисты, и многие клирики и банкиры, и «деловые люди», и все гордые своей часто сизифовой работой, пусть тоже усвоят себе эту нетрудную привычку. Там, где нельзя идти путем радости сознания, там пусть протянется мостовая указанной дороги. Но усилия нужны. Иначе наши дни грозят особым бедствием для достижений, искусства. Искусство должно цвести, и музыка духовного призыва должна звучать вне состояния биржи и вне заседаний Лиги Наций. И еще одно тоже «необщее место». Со стыдом вспомним о том, о чем поистине необходимо вспомнить, и признаемся. В воспитании ребенка все еще забыто развитие творчества. Сперва стараются внушить ребенку массу условных понятий. Сперва ему преподают полный курс страха. Затем ребенка знакомят со всеми домашними ссорами. Потом ему покажут фильмы, где зло так изобретательно и блестяще, а добро так бездарно и тускло. Потом покажут детям все пошлые заголовки ежедневной прессы. Потом ребенка окунут в так называемый спорт, чтобы молодая голова привыкла ощущать удары по лицу и привыкла думать об ударах физических и о разбитых членах. Итак, сперва займут все время юноши, дадут ему наиболее пошлые и извращенные формулы. А потом он, засоренный и заржавленный, может начинать творить.

Это одно из самых глубоких преступлений.

К любой машине люди бережливее относятся, нежели к ребенку. Еще бы, за машину заплачены «всесильные» деньги. Ее нельзя запылить или залить грязью. А за детей деньги не платят. Но если машина портится от пыли и грязи, то как же разрушительно действует грязь духовная на нежный, молодой аппарат. В смертельной тоске ищет света маленькая голова. Смертельно болезненно чувствует всю оскорбительность. Болеет, затихает и часто поникает навеки. И творческий аппарат замирает и отпадают все провода. Мы часто восхищаемся неожиданностью детского рисунка или мелодией детской песни, или мудростью суждения детского. Там, где еще открыто,— там всегда прекрасно бывает. Но потом мы замечаем, как ребенок перестает петь, перестает рисовать, и суждения его уже напоминают так называемые нарочно для детей сделанные книги. Значит, зараза пошлости уже проникла, и все симптомы этой ужасной болезни уже появились. Появилась скука, появилась условная улыбка, появилось преклонение перед противным, наконец, появился страх одиночества. Значит, что-то близкое, руководящее, всегда присущее — отошло, отодвинулось.

Не изгоняйте детей из храма. Ведь самые трудные вещи всегда так просты.

Откройте в школах пути к творчеству, к великому искусству. Замените пошлость и уныние — радостью и прозрением. Развивайте инстинкт творчества с самых малых лет ребенка. Уберегите от гримасы жизни. И дайте ему счастливую, смелую жизнь, полную деятельности и светлых достижений.

Бичи человечества — пошлость, одиночество и тягость жизнью минуют молодую душу творящего.

Откройте пути благословения.

III

Как же вносить искусство в жизнь? Где же эти благословенные пути? Может быть, они недоступно трудны? Или требуют неисчислимых средств? Или только гиганты духа дерзают на эти пути?

Все уверения будут неубедительны. На эти сомнения можно ответить лишь страницей подлинной жизни.

Расскажу вам, друзья, о тех собирателях, которые сохраняли цветы искусства не для роста капитала, не для имени своего, а именно из любви, выросшей свободным сознанием.

Возьму четыре портрета моих друзей. Все они уже ушли от нас. Из них только один был богат средствами, а трое были богаты лишь своим светлым духом.

Богатый собиратель был московский коммерсант Третьяков. Ничто в семье не располагало его к искусству. Старый купеческий род скорее подозрительно смотрел на непонятное ему влечение. Но неожиданно молодого Третьякова потянуло к новому пути. И ошупью, руководясь личным чутьем, он начал собирать картины русской школы. Шел он одиноко, лишь иногда выслушивал совет знакомого художника. И не случайно начала складываться теперь знаменитая Третьяковская галерея в Москве. Подлинным чутьем любителя Третьяков понял, что правительство обычно пополняет свои музеи чаще всего официальными произведениями, минуя лучшие вещи художников. И этот казенный лик музея не может отразить течение школы нации. Так было всегда. Так, боюсь, еще будет. Искусство всегда цвело личным, горячим порывом. Он поймет, и найдет, и сохранит, и даст всему народу. И вот купец Третьяков понял государственную задачу искусства. И нашел свежие художественные силы и облегчил путь их. И окружив чистым восторгом, сохранил их творения. Но свою радость он сделал народной радостью и при жизни еще отдал городу Москве все свое замечательное собрание. И не малую задачу он себе поставил. Не просто собрал воедино массу ценных творений, а отразил в своем собрании всю русскую школу. Все новое, яркое, значительное было усмотрено Третьяковым. Этот молчаливый седой человек, в большой шубе, неумоимо посещал все выставки, и ничто не останавливало его, если он считал произведение значительным. К начинающему молодому художнику он поднимался по крутой лестнице в студию. Он был первым — при окончании картины. Он был первым — при открытии выставки. И за то он первый имел лучшие, характерные вещи.

Случилось так, что награда высших художественных учреждений считалась ничем, сравнительно с приобретением Третьякова. И судьба начинающего работника решалась не академиею, но именно этим молчаливым, искренним человеком. — Когда не хватило стен дома, Третьяков построил еще здание рядом. Если это было нужно, то оно должно было быть сделано. И искусство не должно было терпеть ущерб.

Конечно, кто-то может сказать, что с большими средствами Третьякова было возможно собирательство в таком огромном масштабе. Он мог избирать лучшее и мог получить столько, чтобы представить у себя всю русскую школу. Правда, средства дали этот масштаб, но качество собирания, любовь к делу и живое творчество в самом выборе вещей и людей — все это шло не от количества средств, а от бездонного богатства духа.

Так, один человек, сильный духом, сделал бесконечно важное государственное дело. И теперь, если бы правительство пожелало повторить Третьяковскую галерею, оно было бы бессильно, ибо порыв духа создал неповторяемую комбинацию красоты.

Это — пример идейного созидания в пределах государственных. Теперь другой духовный лик. Та же сила духовного устремления при всей полноте борьбы со средствами.

Известный поэт и культурный деятель и гофмейстер двора Императора граф Голенищев-Кутузов. В этом случае традиции рода способствовали развитию устремлений к искусству. Были большие исторические познания, был особый, глубокий поэтический дар.

Собрание состояло из картин старинных голландской, нидерландской и итальянской школы. Основное отличие собрания: не погоня за условным именем, но правда выявления чудных творений. Собиратель понимал, что имена Рембрандта, Рубенса, Ван-Дейка являются именами чисто собирательными (коллективными). Что только низший тип коллекционера гонится в темноте за пустым для него звуком. Но лучшее знание искусства открывает нам бесчисленное количество художников,

поглощенных так называемыми крупными именами. И задача культурного собирателя — разобраться в этих забытых именах во имя правды. Если на признанной отличной картине Рембрандта найдется подпись Кареля Фабрициуса, его ученика, — разве превосходная картина станет от этого хуже? Или мог ли Ван-Дейк писать две тысячи портретов в год? Конечно нет, но у него было до двухсот учеников. Я знаю, как огорчен был бы граф, узнав, что одна из его любимых картин, принадлежащая неизвестному нидерландцу Haselaer'у, висит сейчас в Metropolitan Museum в Нью-Йорке под именем Иоахима Патинира.

Во имя правды граф Голенищев-Кутузов раскрывал истинные имена и, насколько мог, исправлял грехи своекорыстной человеческой истории. И какую любовью, интимностью дышало его изысканное собрание. При этом каждая картина была добыта с трудом, с лишением. Каждый новый член собрания возбуждал неодобрение многих родственников, жалевших трату денег. А средства были так скудны. Небольшое придворное жалованье не хватало на жизнь. И уходил отсюда этот собиратель, окруженный своими истинными друзьями — картинами. И завещал, чтобы его собрание разошлось и дало новую радость новым ищущим душам.

У всех вещей есть своя аура. Чуткий дух подбирает в окружающих предметах близкую ауру. Каким хорошим светом светилось собрание Голенищева-Кутузова.

Это тип утонченного собирателя, который, работая и радуясь новой красоте и правде, посылает ее вновь служить облагорожению духа человеческого.

Теперь тип молодого собирателя. Собиратель по инстинкту еще со школьной скамьи. У мальчика, вместо свойственных возрасту радостей, растет стремление к художественным произведениям. Он с малых лет, не имея личных художественных способностей, отличается образованием и развитым вкусом. Его привлекает все прекрасное. Дух его стремится восходить. Он, наверно, когда-то был художником³³.

Какая радость была проводить время с молодым Слепцовым. Еще со скамьи Лицея он начал собирать картины. Не хаотичная, не случайная покупка это была. Он знал, что делал. И все деньги, данные юноше матерью на удовольствия, шли на благородное влечение. И если иногда был недостаток в деньгах, то энтузиазм общей задачи никогда не страдал от этого.

А общая задача была красива. Юноша полюбил определенных, очень тонко избранных художников и решил каждого из них представить во всех периодах деятельности. Сохранить и передать потомству полный лик творческой человеческой жизни. В будущем юноше грезилось: каждому художнику будет предоставлена отдельная комната, и вся обстановка комнаты будет отвечать характеру данного творчества. И мебель, и обработка стен, потолка, характер освещения и покрытия пола. Из этого можете заключить, какая тонкость восприятия была заложена в молодом духе и какая проникновенная любовь и забота окружала каждого представленного художника. В этих особых комнатах иногда должно было раздаваться избранное пение и музыка. Или должны были быть читаемы соответственные произведения. Словом, должна была быть осуществлена мечта о единстве искусства, о гармонии.

Радостно было слушать, как избиралось новое произведение для собрания. Какие тонкие и правдивые соображения высказывались, чтобы выделить и найти новую достойную черту в творчестве художника. И вы видели в употреблении искусства не прихоть, но реальную культурную потребность. И эта тонкость культуры заражала окружающих. И мысль, и разговор очищались светлым восхождением духа.

Слепцов мечтал передать свое собрание народу. Не заботясь об имени своем. — Но слишком рано ушел он от нас. И ушел он необыкновенно. Он уехал верхом и не вернулся. Перешел неожиданно, среди природы, прислушиваясь к гармонии Космоса. Завидный

³³ Он, наверно, когда-то был художником... — см. в данном издании «Толковый словарь» — *Перевоплощение*.

переход — переход к новой прекрасной работе. Это тип чуткой души с заложенными ощущениями будущей гармонии и единства.

Теперь еще один трогательный тип собирателя.

Очень бедный армейский офицер, служащий в отдаленной провинции,— рвется всей душой к искусству. Лишая себя во многом, полковник Крачковский, всегда деятельный, горящий энтузиазмом, всегда приветливый, стремится собрать коллекцию образцов русской живописи. Конечно, он не может собирать крупных вещей. Он собирает небольшие размерами картины, эскизы, этюды, рисунки. Но по внутренней ценности его собрание становится очень значительным. Он стремится к лучшим художникам: он понимает, что часто эскиз ценнее самой картины. Он стремится выявить лик художника в чертах наиболее типичных. Это не покупатель дешевых картин — это истинный собиратель. При этом сам он часто нуждается в десяти рублях, и для него величайший вопрос, заплатить десятью рублями больше или меньше. И он просит художника отдать вещь и настойчиво убеждает уступить.

И слово его действовало, и ему отдавали эскизы. И он радовался светлой радостью ребенка и писал восторженные письма о новом сокровище. Как любил он искусство и каким высоким значением окружал он понятие истинного творчества. В завещании он оставил все свое собрание в общественное пользование. Но мало того, он завещал продать все его скромное имущество, все его обиходные вещи и на вырученную сумму приобрести еще художественных предметов и приобщить их к собранию.

Это тип внешне незаметного, но глубоко значительного работника в пользу будущей культуры. Его пример останавливал внимание многих. И если бы вы читали его письма, писанные с поля сражений! Полковник Крачковский ушел от нас во время последней войны. Чистая душа!

Я мог бы показать еще много ликов, полных благородных исканий в разных областях искусства. Но и эти четыре лика уже устанавливают уровень культурных стремлений, так нужный человечеству.

Так бывает не в мечтаниях, но в жизни. Бывает искренне и действенно.

И улыбка радости сопровождает такие светлые задачи. До чего близки искания искусства достижениям духа.

Пора понять и запомнить и применить к жизни эти чудесные проводники.

И когда искусство войдет действенно и неуклонно и просто во все духовные, общественные проявления, тогда оно будет внесено и во всю современную жизнь.

И по этим каналам приблизятся ко всякому человеческому сердцу истинные пути благословения.

IV

«Скажи, кто твои враги, и я скажу, кто ты есть».

Друзья, любите ли вы врагов ваших?

Умейте «гордиться» не только друзьями, но и врагами. Напрасно вы не любите врагов ваших. Вы должны их любить. Они такие старательные существа. Они так трудятся для вас. Они знают о вас больше, чем вы сами знаете. В старательстве своем они вам приписывают такие тонкие выдумки. В их представлении вы делаетесь и всемогущим и вездесущим. И часто враги помогают вам — вашим лучшим идеям. И удары врагов так часто дают новых, невидимых друзей ваших. Окончив свои «дела», осмелевшие враги сядут в советы и митинги и будут без вас решать о вас. Но творчество жизни обернет все их решения. Как Миме у Вагнера, милые враги не будут знать, что именно они говорят. Потом они придут с разъяснениями, но все-таки врагами останутся. Пока не почувствуют удары искры - стрелы. Тогда, обедневшие, они делаются и осторожными и зрячими. И бывает все, как должно быть. Враги часто сердятся. А кто гневается, тот уже бессилен и неопасен. Истоив крик свой, они стараются замолчать вас, но как приятна работа в

молчании. И криком и молчанием они полезны вам. Ах, милые враги, если бы вы иногда посмотрели, какой малюсенький человечек натравливает вас. Даже самые грубые сердца были бы сконфужены таким руководителем и союзником. Я уже не говорю обо всем том, когда явные враги заставили вас осмотреться, проверить ваше знание и двинуться с новым упорством.

Да будут благословенны враги!

«Но почему вы занимаетесь врагами? Разве мало вам всех друзей ваших?» — спрашиваете вы. Конечно, я говорю не для себя и, может быть, не для вас. Но говорю я для младшего поколения. Оно часто не знает, как поступить с первыми врагами, и, вместо простого перехода через реку, — нагромождает утесы, теряя драгоценное творческое время. А ведь каждую минуту кто-то может быть научен и обрадован. Обрадован не деньгами, но радостью познания новых далей. Ведь если бы весь мир возрадовался хотя бы на одну минуту, то все Иерихонские стены ³⁴ тьмы пали бы немедленно. Но до радости мира еще далеко. Часто мы так твердо заучили что-нибудь, что если бы это было вовсе не так на самом деле, мы все равно будем настаивать на своем; вместо третьего глаза отказываемся от двух обычных.

Попробуйте на лесной дороге, опередив спутника, незаметно скрыться в чащу и пропустить его вперед. Потом вы можете окликать его сзади, а он будет ускорять ход и будет слышать зов впереди. Ибо мозг его знает, что вы должны быть впереди.

Отчего люди не видят синюю лошадь или зеленое лицо? Потому что, вопреки очевидности, их связанный мозг знает то, чего нет на самом деле.

Сколько споров о жизни, о религии, о знании, о красоте породили связанные мозги. Связанные оковами школ-тюрем. Вот и ваши враги так многое знают непреложно, что они даже помогут будущей культуре. Помогут для себя неожиданно. Они ведь решили задавить вас своими «великолепными» материальными достижениями и вещами. Они водрузили стандарт свой оконченной жизни, оконченной расы. В гордости сознания законченности они обрезают все «ненужные» провода. Что значит «бедный дух» перед мощью складов, набитых хотя бы гнилой мануфактурой?

Враги уже готовы торжествовать и петь гимны своего отрицания. Но происходит «глупая» вещь. Кто-то не хочет взять их товары. Время портит их заготовки. А по видимости они не могут даже рядом лежать с изделиями самых древних эпох. И из-за груды хлама победоносно и неоспоримо покажутся лишь творения Духа. Взглянем на музеи нашей планеты, хотя бы через одну тысячу лет. Что именно найдут потомки от наших дней, — они, которые уже будут давно знать и атомическую энергию и мощь гармонии. Книги, газеты, бумаги, ткани стали уже пылью. Цемент и железо уже давно превратились в труху. Все краски стали желтыми и серыми. Многие изваяния развалились. Остатки кладбищ стали местами убожества. И рядом с этим печальным ликом еще останутся монолиты древних эпох, уже не однажды знающие, что такое тысячелетие.

Много изделий врагов ваших унесет время. Правда, в битве очищения погибнут и некоторые друзья. Но те, которые поймут, что есть гармония, те сохранятся. Ибо они знают, что гармония заключается в соответствии всех частей и всех материалов. Кто знает, для чего творит он и что выражает, тот создает и соответствие материалов. Он поймет, как охранить книги — скрижали знания. Он поймет, что нелепо ставить цементное изваяние или писать картину заведомо плохими красками на гнилом холсте.

Мало-помалу люди поймут, что именно должно сохраниться и как именно сохранить это. Охранить — как след искры божественной энергии.

Но для того чтобы знать, надо помыслить, надо создать моменты этого подъема,

³⁴ *Иерихон* — город VII — II тысячелетий до н. э. в Палестине. Разрушен еврейскими племенами. По библейскому преданию, стены Иерихона рухнули от звуков специально изготовленных труб завоевателей.

этого узнавания. Много людей в конце недели ходят в церковь. Много людей в конце недели вспоминают, сколько они должны заплатить по счетам. Но не много людей хотя бы один раз в неделю вспомнили, что за семь дней они внесли в область красоты и знания. И тщетно искусство стучится в эти запертые двери. Этот стук сердца беспокоит мозг не более стука ветра. И еще плотнее притворяют ставни и завешивают шелковыми тканями всякий доступ воздуха.

Любить искусство никто не обязан. Большинство разговоров об искусстве поддерживается не любовью, но лишь приличием. Но тем не менее искусство и знание идут.

Постепенно усиливаемый электрический ток дает возрастающий свет. Затем свет вспыхивает особенно ярко и для нас погасает, но аппарат работает еще усиленной. Это значит, что зрение наше уже не воспринимает вибраций такого напряжения, но незримый свет растет.

Или перед вашими глазами начинает двигаться цепь товарных вагонов и заслоняет чудный пейзаж, вагоны ускоряют свой бег. В промежутки между ними начинают мелькать очертания природы. Поезд понесся быстро, и вы начали видеть, как бы сквозь него, весь связный пейзаж. Препятствие физического тела исчезло.

Во тьме часто мы не видим растущий свет. Но зато, если достремиться, то снова, сквозь нашу физическую оболочку, мы начнем видеть истинный мир в его истинном движении.

Так и сейчас часто мы не можем воспринять усиленных вибраций мировых движений. Но сквозь цепь товарных вагонов мы уже начинаем различать вершину гор, к которым рок нас движет. Мы вспомнили о современных условиях творчества. Вспомнили все Голгофы трудностей и подвиги достижения. Конечно, условия искусства и знания в современной жизни ненормальны. Конечно, мы должны знать это и ежечасно помнить об этом. Но если все движимо творческою любовью, чудом красоты и премудростью знания, то этот треугольник вы все же не опрокинете, ибо каждая сторона его выявляет две следующих.

И теперь, если мы знаем, что молодое поколение вспоминает о мощи устоев, то, конечно, оно перенесет это сознание через все трудности жизни. И произнося слова «братство», «любовь», «гармония», мы произносим не смешные, неуместные слова, но говорим слова ближайшей практики жизни.

«Чудо творится среди жизни, среди действия, среди напряженной гармонии. Ночные видения претворяются не в сказку, но в явления счастливых общений с путями Благословенных. Окно во тьму открытое приносит ночные голоса, но зов любви принесет ответ Возлюбленного».

Новый мир идет.

Santa Fe, 1921 g.

Адамант

Мы много увидели и много узнали...

Кто разрешит задачу построения могучего водопада? А между тем в пене и накипи скрыт великий творческий рисунок. В волнах мирских потрясений часто стираются дела, но зато начинает властвовать сущность Сознания.

К священным сознаниям народов в наши дни особо повелительно прибавляется лозунг искусство и знание. Об особом значении этих великих понятий для нашего и для будущего времени надо сказать именно сейчас. Тем, чьи глаза и уши еще не засорены мусором обихода. Чьи сердца еще не остановлены рычагом машины «механической цивилизации».

Искусство и знание. Красота и мудрость. О вечном и обновленном значении этих понятий говорить не надо. Еще вступая на жизненный путь, ребенок уже инстинктом

понимает всю ценность украшения и познания. И лишь впоследствии под гримасой обезображенной жизни эта молитва духа затемняется, а в царстве пошлости она даже кажется или несвоевременной, или уже ненужной. Да, современность доходит даже до такой чудовищности.

Много раз мне приходилось стучаться в эти врата. Говорю:

«Среди ужасов, среди борьбы, среди столкновений народных масс сейчас более всего на очереди вопрос знания, вопрос искусства». Не удивляйтесь. Это не преувеличение, не общее место. Это решительное утверждение.

Вопрос относительности человеческих знаний всегда был болезненным вопросом. Но теперь, когда все человечество испытало последствие заградительной проволоки, когда в жизнь вошло столько знания,— этот вопрос стал насущным. Люди привыкли не только думать, но и бесстыдно говорить о предметах, которые они явно не знают. Самые «почтенные» люди болезненно повторяют мнения, ни на чем не основанные. И такие суждения вносят в жизнь великий вред. Часто неизгладимый. Бесчисленны лживо знающие и почитающие себя.

Должны мы сознаться, что за последние годы европейская цивилизация сильно потрясена.

Конечно, то, чего еще не достигло теперь человечество,— ему суждено. Трудом и самоотверженностью придется строить основы культуры. Ведь цивилизация еще не культура.

Знания, затворенные в хранилищах и заключенные в умах учителей, опять мало проникают в жизнь. Опять не рожают действенных подвигов созидания.

Жизнь наполнена еще скотскими велениями брюха. Мы приблизились к черте страшного, заколдованного круга. Заклясть его темных хранителей, вырваться из него можно только талисманом истинного знания и красоты.

И пришло время этого исхода.

Сознаемся, что человечество сильно одичало. Нужды нет, что оно еще носит европейский костюм и по привычке произносит особенные слова. Но под костюмом — дикое побуждение, а смысл произносимых слов, часто великих, трогательных, объединяющих, уже затемнен. Пропадает руководящее знание. Люди незаметно привыкают к темноте.

Без ложного стыда, без ужимок дикарей — сознаемся в этом. Сознание есть уже ступень преуспеяния.

Мало знания. Мало искусства. В жизни мало тех устоев, которые, единственно, могут привести к золотому веку единства. Чем больше мы знаем, тем яснее наше незнание. Но если мы вообще не знаем, то даже и ощущения незнания нет. И двигаться нечем. И двигаться некуда. Тогда уже неизбежно — крошечное царство пошлости.

Молодые поколения еще не приготовлены заглянуть смело, со светлой улыбкой в ослепительное лицо знания и красоты. Откуда же придет познание сущности вещей? Откуда придут мудрые взаимные отношения? Откуда придет единение? То единение, которое служит верным залогом наступательных, твердых движений. Только на почве истинной красоты, на почве подлинного знания установятся отношения между народами. И настоящим проводником будет международный язык знания и красоты искусства.

Только эти проводники могут установить глаз добрый, так необходимый для будущего созидания.

Путем вражды, грубости, поношения все равно никуда не прийти. Ничего не создать. Но сущность человека все же стремится к справедливому познанию.

Вот скажу не общее место, не пустое слово. Скажу убежденное устремление подвига: «Единственная опора жизни — искусство и знание. Именно в наши трудные дни, в наше тяжелое время будем твердо помнить об этих светлых двигателях. И в испытаниях и в боях будем исповедовать всеми силами духа».

Вы говорите: «Трудно нам. Где же думать о знании и красоте, когда жить нечем.

Далеко нам до знания и до искусства. Нужно устроить раньше важные дела». Отвечаю: «Ваша правда, но и ваша ложь. Ведь знание и искусство не роскошь. Знание и искусство не безделье. Пора уже запомнить. Это молитва и подвиг духа. Неужели же, по-вашему, люди молятся лишь на переполненный желудок или с перепоем? Или от беззаботного безделья? Нет, молятся в минуты наиболее трудные. Так и эта молитва духа наиболее нужна, когда все существо потрясено и нуждается в твердой опоре. Ищет мудрое решение. А где же опора тверже? А чем же дух зажжется светлее?»

Ведь не голод ощущаем. Не от холода сотрясаемся. Дрожим от колебания нашего духа, от недоверия.

Вспомним, как часто, трудясь, мы забывали о пище, не замечали ветра и холода и зноя. Устремленный дух окутывал нас непроницаемым покровом.— «Оружие не рассекает его. Огонь не палит его. Вода его не мочит. Ветер его не сушит. Ибо нельзя ни рассечь, ни высушить его: постоянный, всепроницающий, устойчивый, незыблемый, извечный он. Один почитает его за чудо; другой говорит о нем, как о чуде; третий слышит о нем, как о чуде, но и услышав никто не знает его».

Великая мудрость всех веков и народов о чем говорит? О человеческом духе. Вдумайтесь в глубокие слова и в вашем житейском смысле. Вы не знаете границы мощи вашего духа. Вы не знаете сами, через какие непреодолимые препятствия возносит вас дух ваш, чтобы опустить на землю невредимыми и вечно обновленными. И когда вам трудно и тяжело и будто бы безысходно, не чувствуете ли вы, что кто-то помогающий уже мчится к вам на помощь. Но путь его долог, а малодушие наше быстро. Но ведь он идет и несет вам и «Меч мужества» и «Улыбку смелости». Говорили о семье, покончившей жизнь угаром от отчаяния. Ведь это нестерпимо малодушно. Ведь при будущей победе духа они, ушедшие самовольно и боязливо, будут терзаться, ибо не приложили труда своего к тому, к чему должны были. Не все ли равно, какой труд. Утопающий борется с волной всеми мерами. Но если силен дух его, то и сила духа его умножится безмерно.

Но чем же вызовете дух ваш? Чем вскроете то, что у многих засыпано обломками обихода? Твержу. Повторяю: красотой искусства, глубиной знания. В них, единственно в них заключены всепобедные заветы духа. И очищенный дух вам укажет, которое знание истинно, которое искусство подлинно. Верю, что вы сумеете призвать себе на помощь дух ваш. Он, ваш руководитель, покажет вам лучшие пути. Он поведет вас к радости и победе. Но и к победе он поведет вас... путем, ступени которого скованы лишь знанием и красотой...

Всему миру приходит трудное испытание. После средневековых испытаний огнем, водой и железом предстоит испытание восприятием культуры, но если сила духа возносила людей против огня и железа, то та же сила вознесет их на ступени знания и красоты. Но это испытание труднее древних искусств. Готовьтесь к подвигу, творимому в жизни ежедневно. А теперь отнеситесь бережно ко всему, что двигает культуру. С особой признательностью подойдите ко всему, что выявляет ступени красоты. Ведь сейчас все это особенно трудно. И с особой заботливостью и нежностью мы должны произносить имена, проводящие в жизнь то, чем мы гордимся по праву. Много серьезных вопросов, но среди них вопрос культуры будет краеугольным.

Что может заменить вопрос культуры. Продовольствие, промышленность — тело и брюхо. Но стоит лишь временно устремиться к вопросам тела и брюха, как интеллект неизменно падает. Весь уровень народа понижается.

Во всей истории человечества ни продовольствие, ни промышленность не строили истинной культуры. И надлежит особенно бережно обойтись со всем, что еще может повысить уровень духа. Не мечтаю, но утверждаю.

При всех новых созиданиях, при новом строительстве линия просвещения и красоты должна быть лишь повышена, но не забыта ни на мгновение. Это не отвлеченное суждение — наоборот, ближайший распорядок.

Миру предстоит славное строительство. Подрастающее поколение вне всяких

повседневных нужд должно готовиться к подвигу истинного, веселого труда.

Во внутреннем строительстве нашем, неумоимо мы должны, под благим знаком просвещения, вносить красоту и знание в широкие народные массы, вносить твердо и деятельно, помня, что сейчас предстоит не идеология, не формулировка, но именно дело, творчество, сущность которого понятна и ясна без многословия.

Не слова, но дело. Мы должны помнить, что лик красоты и знания излечит народ от распушенности мысли, внушит ему основы достояния личного и общественного, откроет сущность труда и в лучшем понимании укажет народу путь высоких достижений духа. Но для этих простых основных усвоений, народ должен подвижнически выявить: взаимное благожелательство, единение и уважение к многообразным путям духовных поисков, к сотрудничеству.

Народ должен навсегда духовно оборониться от пошлости и дикости, должен из обломков и из самородков, с любовью найденных, слагать Кремль великой свободы, высокой красоты и глубокого знания.

Знаем, что эти пути красоты и знания особенно трудны сейчас. Знаем, что материальная сторона предательски овладела человечеством, но мы и не скрываем, что надо искать путь подвига.

И в Лондоне уже было утверждаемо: «Всячески надо стремиться возглашать и широко проводить в жизнь задачи подлинного искусства и знания. Помня, что искусство и знание лучший международный язык. Помня, что сила народная заключается в его духовной мощи, которая крепнет из источников живой воды. Помните народную мудрость — сказку: источник мертвой воды, то есть все, что для тела, связал, соединил члены разрубленного тела, но оживить тело можно было лишь из источника живой воды. Те священные источники должны быть открыты для исцеления мира. Нет зрителей — есть только работники».

Сейчас приходится говорить простыми, ясными словами, точно на площади, приходится твердить и повторять без устали. Сейчас жизнь наполнена старыми знаменами, изношенными, как стертые, негодные лики монет. Сейчас жизнь наполнилась условными, бесчисленными наименованиями. Сейчас забыт «Человек». Просты и ясны слова человеческие, но еще проще и яснее общечеловеческий язык творчества со всей его таинственной убедительностью.

Молодежи предстоит подвиг истинного внесения в жизнь творчества и знания. Так замкнутые книгохранилища, как обернутые к стене картины, так вне жизни стояло часто искусство и знание. Но поколение молодежи должно подойти действенно и жизненно. И труд, самый простой труд обихода, должен озариться исканиями и победами. Ведь пути искусства, в их вековых наслоениях, так углублены и бесчисленны, а истоки знания так бездонны. Какая веселая трудовая жизнь предстоит вам, начинающим работать.

Красота и мудрость.— Именно молитва духа вознесет страны на ступени величия. И вы, молодежь, можете всеми мерами требовать открытия этого пути. Это ваше священное право. Но для осуществления этого права вы должны научиться открыть глаза и уши и отличать правду от лжи. Не идеология, а действенное усилие необходимо. Железо ржавеет. Даже сталь разъедается и распадается, если ее не обновлять живительно. Так и мозг человеческий костенеет, если не дадите ему совершенствоваться неумоимо. А потому учитесь подойти к искусству и знанию. Эти пути, легкие потом, часто трудны вначале. Превозможите! И вам, молодежи, предстоит одна из наиболее сказочных работ — возвысить основы культуры духа, заменить механическую цивилизацию — культурой духа, творить и создавать. Конечно, вы присутствуете при мировом процессе разрушения механической цивилизации и при созидании основания культуры духа. Среди народных

движений первое место займет переоценка труда, венцом которого является широко понятое творчество и знание. Отсюда ясно, что в поколениях народа первое место займет искусство и наука. Кроме того, эти два двигателя являются тем совершенным международным языком, в котором так нуждается мятущееся человечество. Творчество — это чистая молитва духа. Искусство — сердце народа. Знание — мозг народа. Только сердцем и мудростью может объединиться и понять друг друга человечество. Новые правительства напишут на знаменах своих: Молитва труда, искусство и знание, и поймут, что вносящий истинную государственность не может ни на минуту забыть о подвиге жизни. Иначе строителю нет путей, и его ожидает разрушение.

Повторяю, твержу, как заклинание: Вы, молодежь, имеете право всеми мерами требовать от правительств путей искусства и знания. Со спокойной совестью, вы должны иметь возможность сказать, что даже в самые тяжкие минуты вы помнили о великих устоях — о красоте и мудрости. Вы не только помнили, но и по мере сил вносили в жизнь этот подвиг, который заменяет радость разрушения истинной радостью созидания. И в таком сознании — залог вашей будущей светлой жизни. Ведь вы знаете: вне искусства далека государственность. Вне искусства темна наука. Вы ведь знаете, что подвиг духа жизни творится не одними пустынноиками и столпниками. Подвиг творится здесь среди нас во имя того, что считается самым священным, самым близким Великому Духу. И сознание подвига жизни раскроет вам путь нескончаемо прекрасный.

И вот теперь обращаюсь к вам со словами об искусстве и знании. Ведь вы рыцари народа — рыцари духа, не останетесь во граде мертвых. Не разрушением, а созиданием должно кончаться всякое слово. Знаем, что такое мощь созидательной мысли. И вот теперь перед ликом великих поисков мы должны сказать слова, идущие из источника самого лучшего: «Оставьте все предрассудки, мыслите свободно». А все помысленное во имя красоты и мудрости будет прекрасно.

И еще скажу вам: «Помните, сейчас пришло время гармонизации центров», — это условие будет краеугольным в борьбе против «Механической цивилизации», которую, ошибочно, иногда называли культурой. Заброшенный мелочами обихода, варварски искореняемый дух уже восстает. И растут его крылья. И мы не одиноки в нашей борьбе. Мощный проводник Суами Вивекананда ³⁵ говорит о значении искусства: «Dont you see, I am, above all, a poet». «That man cannot be truly religious, who has not the faculty of feeling the beauty and grandeur of Art». «Non appreciation of art is cross ignorance» ³⁶.

Rabindranath Tagore кончает статью «What is Art» ³⁷ словами: «In art the person in us is sending its answer to the Supreme Person, who reveals Himself to us in a world of endless beauty across the lightless world of facts» ³⁸.

Друзья, сохраняйте вашу светлую, творческую волю. Нет иного пути.

И вы, друзья, в рассеянии сущие. Пусть и к вам просочится зов мой. Соединимся невидимыми проводами духа. Вас зову. К вам обращаюсь. Во имя красоты и знания, для борьбы и труда соединимся.

London, 1920 г.

³⁵ Вивекананда (1863—1902) — индийский мыслитель-гуманист, религиозный реформатор и общественный деятель, ближайший ученик и наследник Рамакришны. Основал монашеский орден «Матх Рамакришны» и всемирную философскую и благотворительную общественную организацию «Миссия Рамакришны».

³⁶ «Вы не видите, что я, прежде всего, поэт». «Не может быть истинно религиозным тот, кто не способен воспринимать красоту и величие Искусства». «Пренебрежение искусством есть воинствующее невежество» (пер. с англ.).

³⁷ «What is Art» (англ.) — «Что есть Искусство».

³⁸ «В искусстве личность в нас посылает свой ответ Великой Индивидуальности, которая открывает Себя нам в мире бесконечной красоты через неосвещенный мир фактов» (пер. с англ.).

Прекрасное

Приветствие Школе Дальтона

Какая разница Востока от Запада? Когда этот вопрос был предложен мне в Индии, я ответил: «Самые прекрасные розы Востока и Запада одинаково благоухают». Мы говорили о неразрешимых проблемах, о непреодолимых пропастях, тогда как перед нами великий Свет открывает прямой путь: Закон Прекрасного, закон ведущий и благостный, могущий все объединить в свете всепонимания.

Если мы не достигаем порога Прекрасного, скажем — «моя вина», осознаем, что только мы сами виноваты, ибо мы не нашли силы прислушаться к великому закону совершенствования. Если мы не глухи, не слепы, не поражены умственным параличом, мы должны различить, где та эволюция, которая будет достойна доблестных примеров прошлого, которая может обеспечить действительное счастье наших потомков.

Наблюдать устремленное шествие героев всех веков — это значит оказаться перед беспредельными далями, наполняющими нас священным трепетом. По существу нашему, мы не имеем права отступать. Вы, молодежь, которая готовится строить твердыню жизни вашей, вы хотите счастья, и, обращаясь к вашим старшим, вы спрашиваете их:

«Как же сложить наш очаг?»

Я работал сорок лет, и прошел более двадцати пяти стран, и на этом опыте могу дать совет вам: «Только Прекрасным!»

Даже ужасающий Хаос разделений, уходов, ограничений, претворится в Свет и гармонию там, где прикасается луч Прекрасного. Замечаете, что я не употребляю слово Красота, но говорю Прекрасное, этим я хочу выразить не только физические выявления, осязательные в Красоте: музыку, живопись, драму, танец, но я хочу подчеркнуть понятие Прекрасного, которое проникает всюду. Вы, молодые друзья, поймите же невидимый великий смысл этого основного понятия и сделайте его устоем вашей жизни, это обязанность ваша.

Часто мы слышим: «Он потерял прямой путь». Спросим себя, был ли очаг этого несчастного беглеца прекрасным внешне и духовно? Возможно ли вводить Прекрасное в нашу каждодневную обычность? Но разве работа нашего каждого дня не истинная молитва? И сознательная дисциплина, разве это не есть истинная свобода? Скажут нам: «Конечно, подобная мечта увлекательна, но каким образом можно украсить жизнь?»

Лишь в невежестве мы думаем, что Прекрасное суждено только богатым и недоступно трудящимся. В превратном мышлении мы, пожалуй, придем к опасному заключению, что Прекрасное есть не что иное, как роскошь. Нужно раз навсегда понять, что одухотворяющая сущность Прекрасного не имеет ничего общего с роскошью. Прекрасное — это не есть праздничный отдых, это не есть гость случайный. Прекрасное — это благородный водитель всей нашей жизни! Беспредельно Прекрасное твердит нам о мудрости утверждения, сердечного и объединяющего, и предостерегает не поддаваться звериному отрицанию, враждебному и свирепому. В мудром утверждении выражено величие самосознания.

Благородно служить Прекрасному, это не значит быть мячом судьбы. В разных странах мы видели, какими непреложными средствами можно возделывать плодоносные пашни Прекрасного. Люди бедные получают богатую жатву, как, например, собиратели искусства. Вспоминаю трогательный пример. Собираатель — полковник армии, вы знаете, как скромно вознаграждение полковника, и не было у него личного состояния. Но жила в нем любовь к Прекрасному, он был природный собиратель. Конечно, он не мог надеяться составить собрание картин. Но он знал, что, кроме картин, существуют предшествующие им эскизы. Будучи истинным ценителем, он знал, что иногда первая мысль, зажегшая

художника, бывает вдохновеннее условно законченного выражения. И так наш собиратель начал коллекцию эскизов. Он приходил в наши мастерские и с достойной удивления настойчивостью находил наши первые наброски. Он был удивительно настойчив, и в результате десяти лет он составил замечательное собрание, которое подарил нации. В некоторых отношениях эта коллекция эскизов была даже более ценной, нежели собрание законченных картин.

И не только составил он собрание истинных выражений искусства, но устремление его создало вокруг этой коллекции атмосферу преданности и успеха. Вы знаете, как близки понятия преданности и любви понятию победы.

Основная задача поощрять всячески развитие внутреннего сознания Прекрасного, этого истинного щита против тьмы невежества.

Не все обладают способностью внешнего выражения искусства, но каждый имеет в существе своем возможность осознания Прекрасного. Очень часто создание мысленное гораздо выше выраженных при посредстве внешних средств искусства. Не забудем эту простую истину, ибо она поможет нам понять те возможности, которые скрыты в существе нашем. Не однажды вы слышали: «Моя жизнь окончена, я не могу даже мечтать о чем-либо Прекрасном, я не имею времени сосредоточиться мечтать». Точно мысль нуждается в каком-то особенном времени. Часто вы замечаете очень одаренного, который носит в себе замечательные идеи, полон своеобразных понятий, которые он выражает с силою, как только его эгоистические жалобы смолкают. Он глубоко способен посылать полезные мысли в пространство. Трудно понять, что все мысли, являющиеся следствием нагнетения энергии, запечатлеваются в пространстве и подлежат общим физическим законам. Потому мы должны дисциплинировать себя в творческом мышлении и в этом прекрасном творчестве сотрудничать со всем Космосом. Указывают, что мысль может изменять вес; человек, озаренный глубокою мыслью, теряет в весе. Для этого, прежде всего, нужно иметь мысль, истинно сильную. Напряженная мысль имеет все качества магнита.

В самопожертвовании, в творении бескорыстного создания красоты, на котором мы сосредоточим высшую духовную силу, мы станем истинными сотрудниками Вышнего.

Посетив все континенты, изучая народы Азии с их многообразными обычаями, с их древнейшими символами, мы знаем, до какой степени ценна сила развития мысли для построения будущего.

Вместо того чтобы доступы Красоты и Искусства в жизнь вымучивать, нужно лучше понять, что просвещенная жизнь есть выражение Прекрасного.

Кто-то спросил нас: «Как могли вы провести пять лет без театра, без музыки?» Ответили с улыбкою: «Каждый день мы имели театр в жизни; ибо сама жизнь есть музыка, радость духа есть песнь, изображать природу — это значит воздать лучшее приношение Создателю».

В пустыне Монголии, в Центральной Гоби, мы слышали прекрасную песнь, но когда мы просили Монгола повторить ее, он отказался: «Невозможно, эта песнь лишь для пустыни».

Мы стараемся сделать наше искусство жизненным. Не показывают ли нам лучшие эпохи истории, что именно жизнь была направляема Прекрасным?

Мы часто задаем себе вопрос, как ввести театр в жизнь? Вспомните мою картину священных танцев в Монголии. В пустыне висят гигантские знамена, великолепно расцвеченные, мощные трубы сливаются с величественными хорами. С утра и до вечера протекают священные танцы. День за днем огромные толпы принимают участие в священных обрядах. Они вносят в жизнь осознание Прекрасного, утверждают в необычном.

Дельфийские Мистерии, священные обряды Египта уже так далеки от нас, что делаются принадлежностью хроники и исторической книги. Но когда вы оказываетесь

свидетелем мощных проявлений Красоты в современной жизни, вы чувствуете, как многое еще может быть достигнуто. Еще раз вы понимаете, почему мудрые люди придавали такое значение живописности и музыкальности всех общественных обрядов. Поистине, обязанность наша вводить Прекрасное во всем и всюду; если это трудно иногда, но все же возможно. Убедимся, что во все времена и во всех странах были те же трудности, но и те же возможности. Каждая трудность есть и возможность.

Осознать эти благословенные трудности будет значить уже понять, как улучшить жизнь. И разве не наша первейшая обязанность заслуженно оценить мощь мысли?

Мы часто легкомысленно говорим о силе воли. Если бы только мы могли применять эту силу с благостной целью! Часто мы очень изобретательны в разрушении, очень изысканны в отрицаниях, но как слабы мы бываем в созидании, в даянии, в помощи!

Иногда мы даже не знаем слов благословения. И все же незыблем закон, что лишь в даянии мы получаем.

Когда мы говорим о телепатии, о ясновидении и яснослышании, нам кажется, что мы говорим о чем-то отвлеченном, даже сверхъестественном, феноменальном. Но феноменальное и оккультное существуют лишь для тех, кто не знает этих явлений. Не считают ли дети телефон очень таинственным предметом? Еще недавно не был ли славный изобретатель фонографа Эдисон называем шарлатаном? Наше суеверие, наши предрассудки поистине безграничны. Необходимо создать панацею против этих болезней, так опасных. Высшая наука, самые вдохновенные знаки всегда будут подозреваемы невеждами. Очень поучительно наблюдать, насколько истинные творцы и ученые обладают всепониманием и терпимостью, потому что они действительно знают. Они знают, что существуют безграничные возможности, они прикасаются к едва ощутимым мощным энергиям. Не преступление следовать великому закону Истины.

Великие Истины не должны быть ограничены воскресною Службою, но предназначены для совершенствования жизни. Осветить работу лучами Прекрасного, не значит ли превратить в праздник все дни недели? Не радостно ли заменить туманные и печальные призраки невежества светлыми и полезными находжениями знания? Столько превосходных открытий дается каждый день человечеству. Мы можем видеть, насколько они изменяют все условия жизни. В горах Азии много говорят об Агни Йоге — Учении Огня. Эта Йога синтезирует все предыдущие Йоги. Как вы должны знать, все Йоги не имеют ничего в себе сверхъестественного. Они лишь учат, как пользоваться природными нашими силами. После всех открытий в области электричества, магнетизма, радио и дальнорезия, которые нам предлагаются механическими усовершенствованиями, не удивительно ли слышать, как на Востоке почитают всепроникающую стихию — Огонь Пространства. Вы слышите, как они говорят: «Приближается век Огня», и рассуждают об этой стихии поистине научно. При этом вы вспоминаете, что профессор Милликан недавно открыл так называемый Космический луч и устремляется применить эту новую силу. Самые древние Учения Азии, на пространстве многих веков, говорят о великолепной стихии Огня. Говорится, что если бы люди сумели овладеть благостно этою стихией, то планету ожидала бы счастливая Эра. Но в противном великий Огонь может стать опасным и разрушительным. Со времен Будды упоминаются железные птицы Огня, которые будут служить человечеству. Глубочайшая древность знает железных змиев, полезных людям. Как замечательно находить в Риг-Ведах и в других тысячелетних Учениях факты точной науки, сокрытые в символах. Может быть, язык их нам сразу покажется странным, нас удивят метафоры и сравнения, но если мы честно разберем эти длинные мудрые свитки, не впадая в предрассудки, мы можем различить множество полезных указаний.

Главная наша задача — изучать факты честно. Мы должны почитать науку, как истинное знание, без предпосылок, ханжества, суеверия, но с уважением и мужеством. Могут ли некоторые ученые утверждать, что они умеют относиться к фактам и умеют

упоминать их с полной честностью? Но мы должны брать факты так, как они есть, без эгоистического перетолкования. Разве мы не являемся иногда еще более суеверными, нежели люди пустынь? Свет разгоняет Тьму. Радостно осознать, что имеются такие ученые, как Эйнштейн, Милликан, Бродли, и мы чувствуем себя безопасными под ученым руководством этих испытанных пилотов. Вы следили за чудесными опытами Бродли над электронами, над трансмутацией энергии и материи. Вы читали, как Милликан приближается к первичным энергиям, и вы удивлялись, какая широта зрения лежит в основе его изысканий. Вы рукоплескали теории Эйнштейна. Эти ваши рукоплескания уже показали, что вы освобождены от суеверий. Эти великие открытия входят в сферу Прекрасного; в момент подобных открытий ученый вибрирует высоким вдохновением. В момент высшего открытия исследователь испытывает высший экстаз: он, поистине, у порога Вечности!

Все новейшие школы должны иметь лаборатории, посвященные естественным наукам. Вы уже знаете, что электрон рождается от скрещения двух энергий. Это прекрасный момент, когда две энергии, еще невесомые, производят уже что-то измеримое, нечто физическое. Вы видите, как важно выявлять вашу собственную потенциальную энергию. Вам говорят о научных энергиях, об оккультных энергиях, об энергии Огня и о множестве прочих. Не есть ли все они грани той же творческой энергии, которая заключена и в каждом из нас. Большое заблуждение думать, что только какие-то особенные ученые и художники ею обладают.

Каждый созидатель, каждый работник может совершенствовать эту природную способность, поскольку он будет действовать сознательно. Это сознание приобретается не только через учение. Творческий опыт развивается самостоятельностью, осознанием силы, неуклонно волею. Из этого же понимания происходит и терпимость. Не забывайте о ней, она вам будет так нужна в жизни вашей! Как мы уже говорили, нетерпимость есть невежество, которое уже разрушило такое множество дел, полезных и прекрасных. Посмотрев на невежество, вы приходите к заключению о единстве науки и искусства, энтузиазма и творческого экстаза. Единство Света, разве это сознание не будет для нас источником постоянной радости?

Иногда нам кажется, что мы устали. Но это тоже призрак своего рода невежества. Попросту мы слишком много утруждали один нервный центр. Достаточно переменить работу, чтобы заставить действовать другие центры. Эта простейшая перемена труда принесет нам отдых. Ибо не следует думать, что только сон или бездействие восстанавливают нервы.

Раздражение и злоба отравляют существо наше. Мы не должны забывать, что каждое раздражение оставляет в нашем организме физические отложения, известные многим врачам. Они знают, насколько опасен этот отравленный кристалл гнева, как его, между прочим, называют и в Азии.

Если вы осознаете всю опасность гнева, не только физическую, но и духовную, вы избегнете всякую возможность раздражения. Если вы осознаете, что кто-то пришел с целью раздражить вас, ведь вы его встретите улыбкою. Велика сила знать, что именно вы хотите. При этом стрела улыбки гораздо более могущественна, нежели стрела гнева. Кроме того, подойдя совсем близко к врагу, вы ему не дадите возможности метнуть отравленное копьё.

Надеюсь, что вы меня не обвините в том, что я говорил вам о чем-то отвлеченном, оккультном или мистическом. Что называют мистицизмом? Нечто туманное и непонятное. Но мы не имеем ничего общего с туманами, мы занимаемся фактами, точными и светлыми. Эти дела Света претворяют всю жизнь вашу и облегчат и украсят ее.

Когда мы спрашивали иногда молодежь: «Что вы считаете самым существенным в жизни вашей?», они шептали в ответ: «Нет у нас ни существенного, ни замечательного. Сера наша жизнь», «Я служу в банке», «Я работаю на фабрике», «Я занят на телеграфе...»

Молодежь, неужели вы забыли Великого Плотника?

На земном плане знаменитый английский хирург Джон Хентер провел годы молодости на фабрике мебели. Он всегда приписывал замечательную верность руки столярному опыту. Знаменитый эльзасский философ Яков Беме был сапожником. Он обдумывал свои философские системы, делая сапоги. Сколько замечательных людей исполняли, казалось бы, скромную работу! Перечтете ли их подвиги?

Каждая истинная работа имеет свою красоту.

Наша каждодневная жизнь есть Пранаяма совершенствования. Но будет действительна эта Пранаяма, если вы проведете ее в полном осознании. Совершенный ремесленник неотделим от художника, даже если он начнет складывать рисунки паркета. Изысканность и четкость Японцев разве не принадлежит к области Красоты?

Когда человек выделяется в исполнении работы своей, мы, естественно, думаем: «Надо доверить ему что-либо более значительное». И из совершенства работы рождается чудо,— работа протекает в постоянной радости, потому что работник ощущает законную гордость совершенства. Велико несчастье прикасаться к работе без любви к ней, с единственным желанием поскорее от нее отвязаться. Работающий в сердечном увлечении не чувствует усталости, энтузиазм умножает его силы, он не нуждается ни во сне, ни в пище, лишь бы не нарушить своего возрастающего устремления.

Когда вы ищете совершенствования, вы забываете себя во имя творимого вами, вы отрешаетесь от эгоизма, и в этом самоотречении заключается один из видов Прекрасного.

В Музеях вы видите много анонимных произведений искусства. Имя, как лист отсохший, унесено вихрями времени. Но живет Прекрасное, оно лишь умножается временем. Имя может пережить художника на несколько веков, но творение может жить тысячелетия.

Истинно, самоотречение является одной из форм Прекрасного. Всякое Я, в существе своем, обособлено, ограничено. Всякое Мы сильно и безгранично. Это благостное Мы, как истинное сотрудничество, ложится в основу жизненного начинания. Во все эпохи возрождения, и на Западе и на Востоке, можно встречаться с многозначительным понятием Учителя — Гуру. Выбрать Учителя и следовать ему не было рабством, но было осознанием Иерархии Знания и чувством сотрудничества. Это значило стать звеном беспредельной Цепи, от несведующего до Всезнающего, это значило приобщиться к бесконечным созвучиям всеобъединяющим. Восходите путем энтузиазма, блага, жизни, сотрудничества!

Не думайте о себе в работе, но ощущайте всю ответственность перед теми, кто следует за вами. Никогда не забывайте бедствий, наносимых озлоблением, страхом, ленью, эгоизмом, этими порождениями невежества.

Осознание единения врожденно всем народам. Каждый народ имеет сказание, традиции, которые выражают эту истину.

Мы слышали, что Азия и Америка когда-то составляли один континент; в красивой сказке люди Азии расскажут вам о катаклизме, разделившем эти континенты, и вы почувствуете, что образ Азии не менее прекрасен, нежели образ Атлантиды.

Знание преображается в легендах. Столько забытых истин сокрыто в древних символах. Они могут быть оживлены опять, если мы будем изучать их самоотверженно.

Как народы Пустыни умеют говорить об искусстве и о художниках! Хотелось бы, чтобы наши критики искусства обладали такими же образными и благостными словарями, оценивая творчество.

В дальних Кучарах, в Центральной Азии, нам рассказывали: «Однажды принес художник картину заимодавцу, чтобы получить под нее ссуду. Заимодавец отсутствовал, но оставшийся за него мальчик восхитился картиной и выдал за нее большую сумму художнику. Вернулся хозяин, в гнев услышал случившееся и закричал: «Сумасшедший, ты дал столько тысяч саров за какую-то капусту, никогда не увижу моих денег более». И обозленный хозяин выгнал мальчика, и забросил в угол картину, а на ней была действительно капуста и бабочки. Кончилось время залога, и художник принес взятую

сумму, требуя картину обратно. Но осмотрев картину, он отказался принять ее, сказав: «Это не моя картина, на ней была капуста и бабочки, а на этой одна лишь капуста». Заимодавец в ужасе заметил, что бабочки действительно исчезли. В конце концов, художник сказал ему: «Ты изгнал мальчика, оказавшего мне услугу. Но только он может избавить тебя из затруднения. Найди его, может быть, он согласится помочь тебе». Мальчик был найден и сказал хозяину: «Искусство этого художника так высоко, что во всех его произведениях отображены все законы природы. Картина была принята нами летом, теперь же зима: бабочки не могут жить без тепла и солнца. Поставьте картину у огня, и под нею тепла опять возродятся бабочки». Так и случилось, у благотельного пламени бабочки вновь ожили и опять окружили капусту. Настолько искусство этого художника было совершенно. Мальчик же был принят обратно и сделался великим, полезным человеком, ибо дух его мог проникнуть в прекрасные тайны Искусства».

Разве не прекрасно, что народ в далеких пустынях в таких изысканных сравнениях мыслит о прекрасном совершенстве?

В жизни вашей оставайтесь верными Прекрасному, храните энтузиазм. Растите в себе творческие мысли, помня, что по мощи ничто не сравнится с силою мысли. Действие лишь выражает мысль, потому мы ответственны не только за наши действия, но еще более за мысли. Даю вам жизненный совет: Имейте мысли чистые и сильные. Наполняйте жизнь вашу несломимым энтузиазмом и тем обращайтесь ее в постоянный праздник. С улыбкою истинного познания внушайте детям вашим непобедимое желание созидать. Эта бесконечная цепь труда, совершенствования и блага приведет вас к Прекрасному.

Нью-Йорк, 1930 г.

Культура-Победительница

Итак, вам понравилось мое определение культуры и цивилизации ³⁹. Надо отдать справедливость, что и в Индии, и в Китае такое определение понятия культуры и цивилизации было понимаемо очень легко и приветствовано, как нечто вполне естественное.

Но так было не везде. Иногда мне вообще предлагалось исключить слово «культура», так как цивилизация будто вполне выражает оба понятия. Мне приходилось доставать с полок всякие толковые словари, чтобы, даже формально, доказать различие этих двух слов. Конечно, оппоненты меня не убедили, но и не уверен, убедились ли сами. Может быть, в силу каких-то предрассудков они продолжают считать, что цивилизация есть нечто осязаемое, а культура нечто эфемерное — отвлеченное. Может быть, несмотря на все доводы, кто-то все-таки полагает, что присутствие крахмального воротничка или модного платья уже является залогом не только прочной цивилизации, но, может быть, и культуры. Ведь так часто внешние, условные признаки легкомысленно принимались за неоспоримое достижение.

Но в культуре нет места легкомысленности. Именно Культура есть сознательное познание, духовная утонченность и убедительность. Между тем как условные формы цивилизации вполне зависят даже от проходящей моды, Культура, возникнув и утвердившись, уже неистребима. Могут быть различные степени и методы ее выявления, но, в существе своем, она незыблема и, прежде всего, живет в сердце человеческом. Случайная фраза рассудка может удовлетвориться и механической цивилизацией, тогда как просветленное осознание может дышать лишь в культуре. Казалось бы, уже давно сказано, что культура есть то прибежище, где дух человеческий находит пути к религии и ко всему просветительному и прекрасному.

Культура есть уже ручательство в невозможности отступления. Если вы где-либо услышите о каких-то торжествах культуры, о праздничных днях, культуре посвященных, а затем узнаете, что на следующий день там же творилось и допускалось нечто

³⁹ См. статью «Культура — почитание Света».

антикультурное, то не верьте в эти торжества. Они были лишь суесловием и лжесловием. Они лишь опоганивали светлое понятие культуры. Теперь много где бывают объявленные дни культуры, на которых люди клянутся друг другу в том, что не допустят более некультурных проявлений. Торжественно свидетельствуется преданность всему культурному и отрицается все грубое, отрицательное, разлагающее. Как было бы хорошо, если бы все эти клятвы были искренними и неизменными. Но посмотрите через малое время на листы тех же газет, и вы будете потрясены, увидев, что методы выражений и устремлений не только не очистились, но как бы стали еще мерзостнее и лживее. Не значит ли это, что многие из тех, которые только что всенародно свидетельствовали свое причастие к культуре, вероятно, даже и не понимали истинного значения этого высокого понятия. Ведь клятва культурою обязывает. Нельзя зря или злоумышленно произносить большие слова. Недаром апостол напоминал ефесянам: «Также сквернословие, и пустословие, и смехотворство не приличны вам, а, напротив, благодарения». «Всякое раздражение, и ярость, и гнев, и крик, и злоречие со всякою злобою, да будут удалены от вас». Он же предостерегал: «Дорожите временем, потому что дни лукавы».

Как безобразно сквернословить около понятия культуры. Тут уже ничем не оправдаетесь. Сколько бы ни пытались забывать о самом слове «культура» и ограничивать ее цивилизацией, все же, даже на низших ступенях цивилизованной общественности, всякая грубость уже исключается. Кто-то скорбно замечает о существовании цивилизованных дикарей. Конечно, всякие формы одичания возможны. С одной стороны, можно было видеть, как люди, поставленные даже в высшую степень уединения, не только не теряли, но даже возвышали свое человекообразие. И наоборот, очень часто даже среди так называемых цивилизованных форм жизни люди впадали в одичание, в звероподобность. Не будем называть примеры, ибо таковых у каждого достаточно. Все это лишь доказывает, насколько хрупки признаки цивилизации и как необходимо вспомнить о принципах культуры. И не для лжедней культуры, но для внесения ее основ в жизнь каждого дня. Нельзя откладывать на какие-то долгие сроки истинные дни культуры. Иначе лжеторжества могут кому-то показаться уже достаточными. Ведь одно повторение слова «культура» еще не значит основание и применение этого понятия.

Существует много анекдотов о смехотворном применении разных научных терминов. Также невозможно профанировать и то великое понятие, которое должно улучшить и обновить сумерки современного существования. Если огни кинематографических вывесок яркие, если газетные отчеты изобилуют оценкою ударов, то ведь это еще не значит, что дни культуры приблизились.

Молодежь часто имеет полное право спросить старших о степени культурности их времяпрепровождения. Это не будет какой-то недозволенный бунт молодежи. Это будет просто вопрос о благообразном построении жизни. Часто именно молодой ум пылливо устремляется за пределы условной цивилизации. Часто дети неутолимо хотят знать о том, о чем они получают такие скудно-формальные ответы старших. Да еще иногда будет прибавлено «ergo bibamus» — итак, выпьем. Чем подчеркивается полная несостоятельность мышления.

Жизнь во всех ее новых формах уже перерастает понятие условной цивилизации. Проблемы жизни, нарастающие с каждым днем, повелительно устремляют людей к высшим решениям, для которых уже невозможно отговориться условными, изжитыми формами. Или все вновь преображенные возможности сочетаются прекрасным истинно культурным решением, или пережитки цивилизации потянут слабовольных к одичанию. Тогда никакие лжеторжества культуры не вдохновят и не удержат ложь и разрушения.

Но, хотя бы в меньшинстве, хотя бы гонимые, как издревле принято, все же пусть некоторые соберутся и в истинных торжествах культуры, где без суемыслия, без пышного празднословия они несомненно поклянутся друг другу следовать именно путями культуры, путями духовного совершенствования. Пусть будет так в разных странах, во всех углах мира, где бьется сердце человеческое.

Истоки

Кто назвал горы и реки? Кто дал первые названия городам и местностям? Только иногда доходят смутные легенды об основаниях и наименованиях. При этом нередко названия относятся к какому-то уже неведомому, неупотребляемому языку. Иногда название неожиданно соответствует наречию из совсем иных стран. Значит, путники, переселенцы или пленники, запечатлели на пути свои имена.

Вопрос географических названий сплошь и рядом выдвигает энигмы⁴⁰ неразрешимые. Конечно, если люди обычно уже не знают, как сложилось название их дедовского поместья, то насколько же невозможно уловить тысячелетние причины. Такие же задачи ставит и изменение самих наречий.

Если мы возьмем словари, изданные даже на нашем веку, то за десятки лет можно видеть самые необычайные изменения. Сложились и вторглись новые слова. Расчленились прежние. Даже само толкование значений колеблется в течение одного поколения. Когда люди говорят о сохранении чего-то старого,— нужно отдать себе полный отчет, о каком именно старом предполагается?

Те же поучительные наблюдения дают песни и мелодии народные. Если в творческих формах самые новаторы часто невольно обращаются к урокам древности, то вполне естественны вообще одинаковые выражения чувств. Посмотрим ли мы на историю орнамента, которая сохранена в издревле дошедших образцах гончарства, мы видим, конечно, подобное естественное выражение человеческих украшательных чувств.

Исследователи нередко удивлялись, что в каменном веке на различных разделенных материках оказывалась та же техника и те же приемы орнаментации. Конечно, не могло быть предположения о сношениях этих древних аборигенов. Просто мы свидетельствуем одинаковое выражение человеческих чувствований. Сопоставляя эти аналогии, можно получать поучительные психологические выводы о тождестве человеческих выражений. Значит, и пути к вызыванию этих выражений должны быть тождественны. Только что сообщалось из Англии о большом открытии в музыкальном мире.

«Мелодии, раздававшиеся среди холмов Уэльса тысячу лет тому назад, теперь воспроизводятся на арфах и других современных инструментах. Ведь это, может быть, те самые мелодии, раздававшиеся вокруг костров древних бриттов до появления цезарских легионов.

Эта исконная музыка сохранилась в одном древнем манускрипте, и Арнольд Долмеч, который уже полстолетия работал над возрождением старинной музыки на старинных же инструментах, теперь воспроизводит эти мелодии.

Он говорит, что недавняя находка манускрипта, который содержит более 90 страниц этих мелодий, является величайшим музыкальным открытием, когда-либо сделанным. Особенно интересно отметить, что настоящие национальные песни Уэльса, так же, как и других английских провинций, мало отличаются от древних мелодий. Найденный ценный документ подтверждает, что Уэльс многие столетия тому назад уже имел свою несравненную музыку. Если бы не находка этого древнего манускрипта, то, конечно, древние мелодии не могли бы быть утверждаемы».

Конечно, такие древние документы необыкновенно ценны. Могли они сохраниться лишь совершенно случайно. Нам приходилось видеть источенные червями как музыкальные, так и другие исторические документы, с навсегда погибшими датами и конкретными указаниями. Кроме того, у некоторых народностей инструмент и голос обозначались своеобразно, например, волнистыми линиями. Вполне установить их точное

⁴⁰ Энигма (греч.) — загадка.

значение можно, прислушиваясь к пока еще живущему фольклору.

Но ведь во многих местах фольклор уже не сохраняется; разве где он попал в недвижимые отделы музейные, и лишь случайно на него наткнется музыкант или писатель, пожелавший оживить эти пергаменты и свитки. Каждый из нас знает, как в наше же время уничтожались ценнейшие музыкальные черновики и исторические письма.

Такое же небрежение к домашним артистам, конечно, бывало во все времена. Когда мы однажды хотели обратиться к семье, дед которой был замечательный художник, то один умудренный друг наш сказал: «Не теряйте времени искать в семьях. Наверное, там уже ничего не осталось». Само собою, что суждение не всегда правильно, но горькая истина о небрежении к близкому, к сожалению, ведома многим народам. Потому-то так трудно бывает искать на местах. И всякая неожиданная, счастливая находка является особенно ценной.

Так же точно, как в орнаментах люди выражали однообразно свои чувства, так же, как крик радости или ужаса будет извечным выражением, так же и мелодии человечества будут свидетельствовать о вечных истинах.

С начала текущего столетия в разных странах появились прекрасные общества по изысканию и старинной музыки, и старинной литературы. Всем приходилось слышать отличные оркестры, исполнявшие на старинных инструментах мелодии уже вековые. И это вовсе не было чисто археологическим занятием. Это было радостным прикосновением к душе народов.

Так же, как и в нашем современном орнаменте можно указать невольно повторенные древнейшие сочетания, так же и в старинных мелодиях и музыкальных статьях часто звучит вовсе не примитивность, но тонкое и убедительное выражение чувств. Эти свидетельства заставляют нас еще бережнее заглядывать в прошлое и наблюдать чисто психические задания и выражения.

Только немногие невежды скажут: «Что нам до наших истлевших праотцев!» Наоборот, культурный человек знает, что, погружаясь в исследования выражения чувств, он научается той убедительности, которая близка всем векам и народам. Человек, изучающий водохранилища, прежде всего заботится узнать об истоках. Так же точно желающий прикоснуться к душе народа должен искать истоки. Должен искать их не надменно и предубежденно, но со всей открытостью и радостью сердца.

Пекин, 18 марта 1935 г.

Каменный век

Спрашиваете, отчего мы углубились именно в каменный век, изучали его и собирали. Причин несколько. Красота камня, высокое качество отделки его, малоизученность русского каменного века, наконец, таинственная международность культуры камня.

Разве не удивительна тождественность культуры каменного века во всех частях света? Повсюду встречаете ту же технику, тончайшую, доселе неразгаданную. Кроме множества находок в пределах России, мы собирали каменные поделки во Франции, в Швейцарии, в Италии, в Египте, в Монголии, в Китае, в Индии, в Америке... Только сопоставляя, можно было изумляться общечеловечности творчества, давшего одинаковую и неповторимую технику каменного обихода.

Поистине поразительна «международность» мысли и воли, приведших самых различных насельников к единообразному творческому выражению. Не было путей сообщения, молчали все надземные каналы, а человек творил единообразно. Такая международность мало отмечена в литературе.

Каменный век вообще оставлен в пренебрежении. Точно в нем не были заключены глубокие проблемы биологии и психологии. По современным вырожденцам-дикарям

приписывали дикость и всему каменному веку — вернее, всем неисчислимым каменным векам. Так ли? Изыскная техника, высокая пропорция поделок говорят о другом.

По сравнению с несчетными каменными тысячелетиями, кажутся мимолетными века металла. Таинственность, неразгаданность привлекают. Радует высокая техника каменная. Все предложенные разгадки ее пока не помогают, ибо сами разгадчики не могут произвести камнем о камень ничего подобного.

Древний не только умел осилить изящество техники, он знал и ценил качество материала, и в этом было выражено врожденное чувство красоты. А там, где это высокое чувство проявляется, там уже не дикость, но своеобразная культура. [...]

7 июля 1944 г.

Творчество

Лизипп ⁴¹, прежде чем сделаться ваятелем, был подмастерьем кузнеца. Печаль мыслящей души и горести голодного тела не иссушили сердца великого художника. Нет той засухи, которая может уничтожить зерно творчества, готовое процвести. В самых тяжких трудах народная песня звучит призывом к обновленному творчеству. Заложено оно в качестве каждого труда. Искусство, знание, труд — сыны того же творчества, ведущего, возводящего.

Задачи искусства с древнейших времен характеризованы самыми различными словами. Как бы ни были разнообразны эти определения, но сущность их всюду сквозит одна и та же. От искусства прежде всего требуется убедительность. Говорят, что для убедительности нужно увидеть красиво. Так оно и есть. Увидеть красиво — это значит и понять наилучшую композицию. Что же такое есть эта композиция? Много говорилось об условном, умышленном сочинении. Говорилось о тенденции, о претенциозной сюжетности, вообще, много раз люди хотели выразить свое справедливое негодование против чего-то, что, по их мнению, отягощало и обескряливало высокое понятие творчества.

Действительно, бывает условное сочинение. Такая композиция всегда будет, в конце концов, утомлять и надоедать. Это будет искусственная композиция. Но существует и другая композиция, естественная и словами нереченная. Художник может увидеть так четко и строительно, что из его песни, как говорится, слова не выкинешь. Именно так, как бывает в природе, когда самые разнообразные элементы сочетаются в полном согласии. Когда рассматриваешь группу кристаллов, то всегда можно удивляться, как даже при неожиданности форм они образуют стройное, убедительное целое. Так бывает и во всем художественном творчестве. Произведения бывают так естественно кристаллизованы, что даже рассуждения о композиции вообще отпадают. В таком кристалле творчества выразится и та убедительность, которая может быть очувствована, но слова будут бессильны ее выразить и дать о ней какой-нибудь рецепт. Картину, естественно построенную, вы не урежете и не прибавите. Вы не передвинете ее части не оттого, чтобы не нарушить «симметрию», но чтобы не лишить ее жизненного равновесия. Вам захочется жить с такой картиной, ибо в ней вы будете находить постоянный источник радости. Каждый предмет, источающий радость, уже представляет истинную драгоценность. Вам безразлично, к какой школе или к какому течению будет относиться этот предмет искусства, — он будет убедительным проводником Прекрасного и даст вам часы, в которые вы полюбите жизнь. Вы будете признательны тому, кто помог вам улыбнуться жизни, и будете беречь этот иероглиф Красоты. И вы станете добрее, не сухим приказом морали, но творческим излучением сердца. В вас пробудится Творец, сокрытый в недрах

⁴¹ *Лизипп* (Лисипп) — древнегреческий скульптор, крупнейший мастер второй половины IV века до н. э.

сознания.

Наука, в ее лучших открытиях, оказывается уже искусством. Такие поразительные научные синтезы навсегда запечатлеваются в человеческом мозгу как нечто покоряюще убедительное. Тогда наука уже не является условной синхронизацией фактов, но победительно устремляется в область новых познаний и ведет за собою человечество.

Творчество, будет ли оно в знании или в искусстве, словом, во всех областях, руководимых музами классического мира, оно будет увлекательно, то есть убедительно. Наука уже входит в такие необъятные области, как мысль. При этом обнаруживается, что мысль действует по каким-то законам, еще не произнесенным человеческими словами, но уже ощущаемым в ряде производимых сейчас опытов. Ум мыслителя будет творческим.

От искусства постоянно требовали, чтобы оно было творческим. Это требование более чем справедливо. В конце концов, искусство и не может быть не творческим. Будет ли то сложнейшая картина, будет ли это пейзаж, будет ли это портрет, но раз это произведение выйдет из-под руки подлинного художника, оно будет творческим. В сложности современных понятий, может быть, и само понимание творчества раздробилось. Иногда люди начинают полагать, что творчество должно выражаться в формах, не имеющих ничего общего с реальностью. Все еще помнят шутку, подстроенную на одной французской выставке, где картина оказалась написанной хвостом осла. В поисках творчества люди иногда начинают вместо освобождения (ибо творчество должно быть свободно) искать каких-то новых ограничений и условных рецептов. При этом забывается самое основное условие творчества — творчество прежде всего не терпит ничего условно навязанного и самоограничительного.

Для примера вспомним хотя бы Гогена. Можно ли его назвать условным и нарочитым? Именно в свободе творчества Гоген перешагнул за все рамки сюжета или каких-либо ограничительных технических правил. Гоген всегда остается творческим художником, иначе говоря, всегда остается убедительным подлинным мастером. Сила убедительности Гогена не в каких-либо рецептах и рассудочно придуманных правилах. Он творил так же, как поет птица, которая не может не петь, ибо ее песнь есть выражение ее сущности. Убедительность Гогена живет в том, что он был способен увидеть каждую свою картину, как часть творческой природы.

Таинственное видение картины, именно так, как нужно, именно так, как убедительно, будет всегда далеко, за пределами технических правил. Творцы всех времен и народов создавали произведения, не только интуитивно увидев его в лучшем выражении, но они распространяли свое творчество и на самый материал, из которого они работали. Ваятель, уже увидев глыбу мрамора, творил из нее в лучших пределах. Художник-резчик пользовался каждым качеством куска дерева, чтобы слить его с образами, явившимися творческому глазу. Живописец интуитивно выбирал красочный материал для каждого своего выражения. Художник не мог бы потом объяснить, почему именно ему требовалась масляная живопись или темперная, или акварельная, или пастель. Так было нужно. Почему оратор повышает и понижает свои интонации? Почему музыкант находит те несказуемые чарующие гармонии, которых он и сам не может уже повторить?

Сейчас много говорят об интуиции. Пишутся труды об интуитивной философии. Ищутся решения проблем не только в вычислениях, но и в интуитивном синтезе. Один художник говорил: «Сделайте так, чтобы поверили». Другой, рассуждая о некотором реалисте, говорил, неужели он должен изобразить даже и всю придорожную грязь, потому что она в реальности существует? Но в то же время не будем говорить и против реализма. Ведь реализм есть стремление к действительности. А действительность дает и ту убедительность, которую нужно увидеть красиво.

За последнее время также много говорилось о синтезе искусства. В изобразительных искусствах синтез есть не что иное, как конденсация всех добрых возможностей. Однажды Брюллов в шутку говорил, что искусство чрезвычайно легко:

«Стоит взять нужную краску и положить ее в нужное место». Мастер и большой техник, в сущности, сказал правду. Именно, нужно положить краску и сделать так, как нужно. А нечто подскажет, что есть «нужно». Мастер знает, что иначе и нельзя было бы сделать, а когда вы спросите его, по каким таким законам и правилам он сделал именно так, а не иначе, то никакой художник не объяснит вам, в силу каких законов он поступил так.

Сопоставляя произведения разных времен и народов, мы видим, что нередко самые, казалось бы, разнородные произведения отлично уживаются в общем сочетании. Можно легко себе представить, как некоторые примитивы и персидские миниатюры, и африканское искусство, и китайцы, и японцы, и Гоген, и Ван Гог могут оказаться в одном собрании и даже на одной стене. Не материал, не техника, но нечто другое позволит этим совершенно различным произведениям ужиться мирно вместе. Все они будут истинно творческими произведениями. При этом все роды искусства: и скульптура, и живопись, и мозаика — словом, решительно все, в чем выразился творческий порыв мастера, будут друзьями, а не взаимно исключаящими врагами. Каждый из нас нередко слышал взаимоисключающие суждения. Кто-то говорил, что он понимает лишь старинную школу. Кто-то запальчиво возражал, что все должно быть в движении, и потому он радуется лишь модернистам, хотя бы и в резких их проявлениях. Кто-то почитал лишь масляную живопись, а другие преклонялись перед легкой акварелью. Кто-то уверял, что он любит лишь «законченные картины», а другие говорили, что для них дороже всего эскизы, как первые одухотворенные порывы творца. Кто-то хотел восхищаться лишь монументальными творениями, но другие любовно улыбались миниатюрам. Одни ограничивали себя грандиозом, а другие находили отдых души и в малых художественных библиотечках⁴². Означают ли всякие такие ограничения и ограниченность души любителя? Или же, может быть, эти любители просто засорили свои возможности?

Очень часто и любование, и собиранье зависят от какого-то случайного первого толчка. Когда-то человек, может быть, услышал о том, что картина писана масляными красками, и это выражение запало в его мозг. Ребенок в семье услышал поразившее его слово об акварели — может быть, ему дали ящик с акварельными красками,— и из случайного начала потом сложилось внимание именно к этому материалу. Во всех проявлениях жизни, а в особенности в художественных импульсах, часто приходится встречаться с начальной случайностью. Конечно, эти «случайности» часто оказываются далеко не случайными. Человек зазвучал именно на то, а не на другое, и в этом, может быть, выразились его спящие накопления. Пришла весна, и, естественно, распустились почки, долго спавшие в зимних холодах. Началось новое творчество!

Какое прекрасное слово «творчество»! На разных языках оно звучит зовуще и убедительно. Оно в самом себе уже говорит о чем-то скрыто возможном, о чем-то победительном и убедительном. Настолько прекрасно и мощно слово «творчество», что при нем забываются всякие условные преграды. Люди радуются этому слову, как символу продвижения. Веление творчества покрывает собою все рассудочные шептания о правилах, о материалах, обо всем том, о чем часто рычит пресекающее слово «нельзя». Творчеству все можно. Оно ведет за собою человечество. Творчество есть знамя молодости. Творчество есть прогресс. Творчество есть овладение новыми возможностями. Творчество есть мирная победа над косностью и аморфностью. В творчестве уже заложено движение. Творчество есть выражение основных законов вселенной. Иначе говоря, в творчестве выражена красота.

Сказано: «Красота спасет мир». Этой формуле улыбаются и сочувственно, и осудительно, но опровергнуть ее никто не мог. Есть такие аксиомы, которым можно удивляться, но ниспровергнуть их нельзя. Человечество мечтает о свободе, оно пишет этот великий иероглиф на фронтонах зданий. В то же время человечество пытается всеми мерами ограничить и снизить это понятие. Великая свобода мысли явлена в истинном творчестве. Истинным же будет то, что прекрасно и убедительно. В тайниках сердца, за

⁴² Библио — книжные иллюстрации.

которые ответствен сам человек, заложено верное суждение о том, что есть истинная убедительность, что есть творчество, что есть Красота.

«Не картина, но правда»,— говорил Веласкес.

1937 г.

Счастье

Радиостанция в Дели просила дать беседу о счастье. Что есть счастье? Счастье — есть радость, а радость — в красоте. Она есть очаг всех творческих сил человека. Не в золоте счастье. Многие примеры, как глубоко несчастны бывают богачи. Не в золоте красота жизни. В золоте — роскошь. Но ведь роскошь — обычно антипод красоты.

Так же, как благодать, счастье — пугливая птичка. Легко отогнать волну счастья. Легко не почуять, откуда повеяло благодатное дуновение. В рутине каждодневного труда нелегко распознать крыло счастья. Осудить ли тех, кому вообще о счастье не приходилось слышать? Всем утесненным, всем огорченным в желчи и неприязни даже само слово о счастье покажется насмешкой.

Скажут, «счастье» катается в блестящих моторах. «Счастье» упивается и нажирается в раззолоченных палатах. «Счастье» имеет власть притеснять, умять, неправедничать и ломаться над слабым. «Счастье», как мрачный призрак, нависает и поганит каждый вздох и улыбку о прекрасном. Сказали ли в школах об этом размазеванном вампире, который в обиходе называется «счастьем» мещанским?

О жертвенности не сказали. Зато показали и воспели всю ложную позолоту прозябания. Да, показали и ухмылялись, называя наслаждение достижением. Много подделки, но особенно страшна подделка счастья. Как осуждать тянущихся к наслаждению, когда им и не говорили о жертвенности и о красоте подвига? А подвиги старых времен поставлены были под усмешку.

Больно видеть, как невежество топчет лучшие цветы. Мало утешения в том, что вандализм происходит по незнанию. Миллионы лет человеческой жизни дали множество достижений. Почему же отринуть их? Целесообразность учит бережности. Соизмеримость напоминает о гармонии, ритме. Они — путь к счастью.

Не опасайтесь твердить о красоте. Необходима поливка Сада Прекрасного. Засуха погубит все живое. Но если даже пустыни могут ожить под заботливою рукою, то и обиход может зацвести редчайшими цветами. Семья, вдохновенная искусством, будет прочным оплотом государства. Целые страны живы хотя бы воспоминанием о своих творческих продвижениях. Даже далекое достижение не ржавеет и спасает народ от разложения. Никто не дерзнет сказать, что о красоте творчества уже достаточно сказано и сделано. Совершенствование, познание, любование — беспредельны. Велик магнит счастья.

Хороша радость о прекрасных произведениях. Подъемы счастья возникают и преображают все окружающее. Первая ступень будет собирательство: «мои вещи», «моя радость». Но затем образуется и следующая ступень, когда условие самости уже отойдет. Почему вещь «моя»? Надолго ли? Пусть она несет радость всем. При таком мышлении зародится и третья ступень, возникнет расширение сознания. Вот где истинная, нестесненная радость: «Взлеты счастья!»

«Когда говорим о сердце, говорим о прекрасном». «Сердце несет в себе красоту бытия». Сердце как творческий магнит несет в себе огненные энергии. Можно ли без этих максимум касаться области радости и счастья? Чувствознанием утверждается радость. Не возрадуется человек безобразию, если пылает его сердце. Вдохновительно, что, говоря о счастье, должно утверждать и радость и сердце — талисманы против отчаяния, скуки, падения, разложения. «Пусть сознание влечется в самый Прекрасный Сад».

«Час утверждения красоты в жизни пришел. Пришел в восстании народов. Пришел в грозе и молнии».

Счастье — в гармонии, в равновесии. Но это равновесие зиждется на ритме. И солнце работает взрывами. Так же и эволюция полна взрывных революций. Сложны ритмы мироздания. Трудно расширенному сознанию, когда оно окунется в беспредельность.

Недаром малые по своему размеру сознания чувствуют себя по-своему более счастливыми. Но счастье беспредельно, и оно знает неизбежность творческих полетов. Да совершится скорей!

Не легок путь к счастью, к равновесию энергий. И хорошо, что эти твердыни одолеваются в трудах. Велико мгновенное озарение, но нужно уметь охранить этот огненный цветок, чтобы он преобразил всю жизнь. Пусть светит всему кругозору. Не страшны тогда ужасы и призраки. В счастье искореняется страх. Учат ли о том, как надо искоренять страх? Мужество есть щит счастья. Но такой щит должен быть выкован в огне подвига. В любом обиходе, в каждом труде может коваться доспех подвига. Мудро произнесено: «Герои труда». Битва за лучшее будущее не только на полях сражений. Неутомимость, терпение, достижение лучшего качества испытывается в жизни каждого дня. Подвиг человечности нарастает в трудах.

Счастье — в сознательном труде. Песнь труда есть великое созвучие всех взыскующих.

Многи препоны в потоках жизни. Многи опасные камни и стремнины. У счастья много врагов. Всякие злобы, уныния, зависти, клеветы, сомнения, мало ли что выползает и грызет корни счастья. Среди мрачных врагов будет и чрезмерная механизация нашего века. Механизация может глушить народное творчество. Механизация может разрушать культуру. Даже цивилизация может страдать от непомерной механизации.

Вот усиленно развивают передачу энергии без проводов. На первый взгляд польза несомненна и для телевидения, и для радио, и во многих новейших изобретениях. Но кто же знает, насколько можно нагнетать пространство насильно уловленными энергиями? Уже знаем, как переполняется пространство противными радиопередачами. Сбиваются токи и глоснут в непомерном напряжении. Доколе?

Конечно, беспроводная передача энергии помогает осознать позабытые силы человека. Энергия мысли до сих пор лишь частично признается, а для невежд остается в пределах какого-то колдовства. Беспорядочное, хаотическое мышление тоже будет в рядах врагов счастья. Учат ли в школах о значении мысли? Или же эта великая наука остается в числе запрещенных познаний? Доколе?

Натолкавшись и наблуждавшись, опять придут к красоте. Старая поговорка «Красота спасает мир» опять оживет. Можно ли в дни Армагеддона говорить о красоте? И можно и должно. В красоте — не сантимент, но реальность, мощная, поднимающая, ведущая. В глубинах сознания нечто уже было известно, но нужна была искра, чтобы заработала машина. Блеснет искра, осияет блеском прекрасным, и умаявшийся труженик опять восстанет, полный сил и желаний. Захочет и совершит. А препоны и трудности окажутся возможностями.

Но не блеснет красота подслеповатому глазу. Нужно захотеть увидеть красивое. Без красивости, но в величии самой красоты. Счастье в том, что красота неиссякаема. Во всяком обиходе красота может блеснуть и претворить любую жизнь. Нет запретов для нее. Нет затворов пресекающих. На крыльях красоты обновляются силы, и взор владеет пространством.

Счастье — в радости. Радость — в красоте.

1941 г.

Н. К. Рерих. Звезда утра. 1932 г.

Звезда Матери Мира ⁴³

Семизначное созвездие под именем Семи Сестер, или Семи Старцев, или Большой Медведицы привлекло сознание всего человечества. Библия славословит это созвездие. Буддийская священная Трипитака ему же посылает пространное моление. Древние Майи и Египтяне на камнях его запечатлели. К нему же обращалась «черная» вера шамана дикой тайги. Другому чуду неба, созвездию Ориона, посвящены древние таинственные храмы Средней Азии. Ему же сознание астрономов подносит название «Трех Магов». Как два сверкающих крыла, раскинулись по небу эти два созвездия. Между ними неудержно сейчас несется к Земле звезда утра — светлая обитель Матери Мира. И своим подавляющим светом, своим знаменательно небывалым приближением предугадывает новую великую эпоху человечества.

Давно запечатленные сроки исполняются в звездных рунах. Прозрения египетских иерофантов облекаются в действия перед нашими глазами. Поистине замечательное время для зрячих.

Так же предначертанно и неудержно нисходит на человечество спутница Матери Мира — живая ткань красоты. Как пелена высшего очищения знак красоты должен освятить каждый очаг.

«Простота, красота и бесстрашие». Так заповедано. Бесстрашие есть наш водитель. Красота есть луч постижения и возвышения. Простота есть ключ от врат Тайны грядущей.

И не «простота» ханжества и униженности. Но великая простота достижения, осеянная складками Любви. Простота, отворяющая самые тайные, самые священные врата каждому, принесшему светильник искренности и немолчного труда.

И не «красота» условности и лживости, затаившая червей разложения. Но красота духа истины, отбросившая все предрассудки. Красота, озаренная истинною свободой и подвигом, в сиянии чуда цветов и звуков.

И не подкрашенное бесстрашие. Но бесстрашие, знающее необъятность Создания, отличающее самоуверенность в действии от чванного самомнения. Бесстрашие,

⁴³ Звезда Матери Мира — Венера.

владеющее «мечом мужества» и поражающее пошлость во всех ее видах, хотя бы парчою прикрытую.

Понимание этих трех заветов и действенное выявление их в жизни создает «убедительность», создает оплот Духа.

За прошлое десятилетие все пришло в движение. Тронулись самые заскорузлые громады. Наконец даже самые тупоумные поняли, что без Красоты, Простоты, Бесстрашия невозможно никакое строительство новой жизни. Невозможно обновление религии, политики, науки, переоценки труда. Без Красоты, как сухие опавшие листья, будут унесены вихрем жизни исписанные листы бумаги, и вопль духовного голода по-прежнему будет потрясать пустынные в своем многолюдстве города.

Мы видели революции. Мы видели толпы. Мы прошли через толпы революции. Но лишь там видели над ними знамя мира, где вспыхивала Красота и молнией своей чудесной мощи родила общее понимание.

Мы видели, как в России именно носители и собиратели Красоты пережили потрясение легче всех прочих. Художники всех отраслей были приветствованы народом. И собиратели, именно личные собиратели, не случайные наследственные владельцы, были отличены толпою. Мы видели, как самая огненная молодежь настораживалась молитвенно под крылом красоты. И останки Религии возвышались там, где не умерла Красота. И щит Красоты был самым прочным.

«Master Institute of United Arts»⁴⁴ и Международный Центр Искусства «Corona Mundi»⁴⁵ в Нью-Йорке имеют на щите своем утверждения:

«Искусство объединит человечество. Искусство едино и нераздельно. Искусство имеет много ветвей, но корень един. Искусство есть знамя грядущего синтеза. Искусство — для всех. Каждый чувствует истину красоты. Для всех должны быть открыты врата «священного источника». Свет искусства озарит бесчисленные сердца новою любовью. Сперва бессознательно придет это чувство, но после оно очистит все человеческое сознание. И сколько молодых сердец ищут что-то истинное и прекрасное. Дайте же им это. Дайте искусство народу, куда оно принадлежит. Должны быть украшены не только музеи, театры, школы, библиотеки, здания станций и больницы, но и тюрьмы должны быть прекрасны. Тогда больше не будет тюрем...» («Paths of Blessings»⁴⁶. Santa Fe. 1921).

«Предстали перед человечеством события космического величия. Человечество уже поняло, что происходящее не случайно. Время создания культуры духа приблизилось. Перед нашими глазами произошла переоценка ценностей. Среди груд обесцененных денег человечество нашло сокровище мирового значения. Ценности великого искусства победоносно проходят через все бури земных потрясений. Даже «земные» люди поняли действенное значение красоты. И когда утверждаем: Любовь, Красота и Действие, мы знаем, что произносим формулу международного языка. Эта формула, ныне принадлежащая музею и сцене, должна войти в жизнь каждого дня. Знак красоты откроет все «священные врата». Под знаком красоты мы идем радостно. Красотою побеждаем. Красотою молимся. Красотою объединяемся. И теперь произнесем эти слова не на снежных вершинах, но в суете города. И чуя путь истины, мы с улыбкою встречаем грядущее». («New Era»⁴⁷. 11 July 1922).

На жизненных примерах можно утверждать, что эти слова не утопия мечтателя. Нет, это синтез опыта, собранного на мирных и на бранных полях. И не внес разочарования этот многообразный опыт. Наоборот, он укрепил веру в сужденные, в

⁴⁴ «Master Institute of United Arts» (англ.) — Институт объединенных искусств.

⁴⁵ «Corona Mundi» (лат.) — Венец Мира.

⁴⁶ «Paths of Blessings» (англ.) — «Пути Благословения».

⁴⁷ «New Era» (англ.) — «Новая Эра».

близкие, в светлые возможности. Именно опыт построил уверенность в тех новых, которые спешат помочь строительству Храма, и радостные голоса их уже слышны за холмом.

Этот же опыт обратил глаза на детей, которые даже ненаученные, но лишь допущенные, уже расцветают, как цветы чудесного сада. И очищаются мысли их, и просветляются глаза, и дух стремится выявить слово подвига. И все это не в заоблачных храмах, а здесь на земле. Здесь, где забыто так много прекрасного.

Кажется невероятным, чтобы люди добровольно могли забыть лучшие возможности. Но это бывает чаще, нежели можно представить. Люди утратили ключ к символам Риг-Вед. Люди забыли смысл Каббалы. Люди обезобразили прекрасное слово Будды. Люди золотом принизили божественную простоту Христа. И забыли, забыли, забыли лучшие ключи от врат.

Теряют люди легко, а как же находят? Пути нахождения позволяют каждому надеяться. Почему нет, если наполеоновский солдат в траншее нашел Розеттский камень⁴⁸ — ключ к пониманию всего иероглифа Египта. Сейчас, когда бьет поистине час последний, люди — еще немногие из них — начинают спешно вспоминать о кладах им принадлежащих давно. И снова начинают греметь у пояса ключи доверия. И сны четко и властно зовут к покинутой, но существующей красоте. Только примите. Только возьмите и увидите, как изменится внутренняя жизнь ваша. Как затрепещет дух в сознании беспредельных возможностей. И как легко осенит Красота и Храм, и дворец, и каждый очаг, где греется человеческое сердце.

Часто не знают, как приступить к Красоте? Где же палаты достойные, где же ткани и торжество красок и звуков? Ведь бедны мы.

Но не заслоняйтесь призраком бедности. Там, где созрело желание, там расцвело и решение. Как же начнем Музей строить?

Просто, ибо все должно быть просто. Любая комната будет музеем, и если желание было достойно, то в скорейший срок вознесется и отдельное здание, и храм. И придут новые издалека, и постучатся. Лишь стук не проспите.

Как же начнем собирать? Опять просто, без богатства, лишь с сознанием несокрушимым. Мы знаем очень бедных и очень замечательных собирателей, которые, стеснясь в каждом гроше, составляли художественные собрания, полные большого внутреннего значения.

Как же мы можем издавать? Так же точно мы знаем обширные художественные издательства, начатые с ничтожными средствами. Большое идейное издательство художественных открытых писем Св. Евгении было начато с пятью тысячами и через десять лет давало сотни тысяч дохода. Но не денежным доходом измерялось значение этого дела. Значение измерялось количеством широко разбросанных художественных воспроизведений, привлечших к пути Красоты множество новых, молодых сердец. Цветная открытка, изданная художественно и в определенной системе, проникла в новые круги народа и образовала молодых энтузиастов. Сколько новых собирателей родилось. И, получив доступ к сердцам, издательство послало в мир воспроизведение самых прогрессивных творений. Так из бесстрашия, в простоте ясности рождались дела Красоты.

Как же мы можем открывать школы и учить? Тоже просто.

Только не будем ждать отдельных домов. Не будем воздыхать о примитивности или недостатке материалов. Самая маленькая комнатка — не более келий Fra Beato Angelico во Флоренции — может вместить наиболее ценные украшения об искусстве. Самый малый набор красок не умалит художественной сущности творения. И самый бедный холст может принять Лик самый священный. Если есть сознание неотложной

⁴⁸ *Розеттский камень* — базальтовая плита с параллельным текстом на греческом и древнеегипетском языках, дешифровка которого положила начало чтению древнеегипетских иероглифов.

важности учения искусству, то надо его начать без всякого замедления. Надо знать, что средства придут, если явлен энтузиазм уверенности. Отдайте знания и получите возможность. И чем больше отдачи, тем богаче получка. Посмотрим, как пишет хранитель Эрмитажа в Петербурге Сергей Эрнст о школе, которая в свое время частною инициативною началась в одной комнате, а затем имела две тысячи учащихся ежегодно.

«В пригожий майский день большой зал на Морской являет взору широкий, веселый праздник — чего, чего тут только нет: целая стена занята строго сияющими иконами, столы заполнены пестрым, нарядным роем майоликовых ваз и фигур, тонко расписанных украшений чайного стола. Дальше богато лежат шитые шелками, золотом и шерстью ковры, подушки, ширинки, бювары. Стоит уютная, украшенная «хитрым рукоделием» мебель. В витринах разложены красивые мелочи. На стенах расположены проекты самых разнообразных предметов убранства дома, начиная с архитектурных проектов и кончая композицией фарфоровой статуэтки. Архитектурные обмеры и изображения памятников старинного художества. Интересные иллюстрации графического класса. На окнах колоритными, сочными пятнами красуются создания класса цветного стекла. Дальше перед зрителем белая толпа творений класса скульптуры, рисунки класса рисования с животных, а наверху ждет целая галерея работ маслом и рисунков с натуры. И вся эта масса разносторонних творений живет, движется, полная молодого энтузиазма. Все счастливые находки искусства наших дней получают в ней должный отклик, и развитие ее идет в контакте с художественными запросами современности. А что же лучше и почтеннее может рекомендовать художественную школу, нежели этот драгоценный и редкий контакт».

В этом контакте энтузиазма и бережливости всех драгоценных достижений легко растет школьное дело, и новые силы ежегодно формируются, как лучшие стражи грядущей культуры Духа.

Как же мы можем достать этих новых? Это самое простое. Если на деле будет сиять Знак простоты, красоты и бесстрашия, то новые силы придут быстро. Придут обездоленные молодые головы, ждущие чуда прекрасного. Лишь бы не пропустить этих искателей. Лишь бы в сумерках не упустить еще одного из них...

Как же нам самим приблизиться к Красоте? Это самое трудное. Можно картины издать, можно выставку сделать, можно любую мастерскую открыть. Но куда же поступят картины с выставки и куда проникнут изделия мастерской. Легко говорить, но труднее допустить Красоту в обиход жизни. Но пока мы сами не допустим Красоту в жизнь, какую же ценность будут иметь все наши утверждения?! Они будут пустые знамена у пустого очага. Допуская Красоту в дом, надо решить бесповоротное изгнание всякой пошлости, напыщенности, всего, что противоречит прекрасной простоте. И час утверждения Красоты в жизни пришел. Пришел в восстании духа народов. Пришел в грозе и молнии. Настал час перед приходом Того, Чьи шаги уже слышны.

У каждого имеются «весы за пазухой». Каждый сам себе отмеривает Карму. И вот сейчас, в щедрости, всем опять предложена живая ткань Красоты. И каждое живое мыслящее существо может получить из нее одеяние. И бросьте этот нелепый страх, шепчущий, что нечто не для вас. От серого страха будней надо лечиться. Ведь все для вас, только проявите желание из чистого источника. И помните, что на льду цветы не растут. Сколько льдинок мы разбрасываем, подмораживая лучшие стремления. Из-за подлой испуганности и отрицаний. Иные — малодушные — все-таки тихонько думают, что неприменима Красота среди серых шлаков современности. Но лишь малодушие шепчет это. Малодушие косности. Еще при нас люди твердили, что от электричества слепнут глаза, что телефон губителен для слуха и что моторы не пригодны для проезжих дорог. Так же точно невежественно опасение о неприменимости Красоты.

И вообще, выведите, наконец, из обихода это нелепое, немое «н е т» и замените его даром дружества, драгоценностью духа «д а». Сколько косности неумолимой в «нет» и сколько светлого открытого достижения в «да».

Только стоит сказать «да», и камень снимается, и недоступное еще вчера станет близким и исполнимым сегодня.

Помним трогательный случай, когда малыш, не зная, как помочь умиравшей матери, написал, как смог, письмо Николаю Чудотворцу и пошел опустить его в почтовый ящик. Прохожий «случайный» хотел помочь ему дотянуться до ящика и увидел необычайный адрес. И правда, помощь Николая Чудотворца пришла к бедному очагу.

И усилиями неба и земли, в открытом сознании, в жизненном применении, снова живая ткань красоты сойдет человеку.

Люди, встречавшие в жизни Учителей, знают, как просты и гармоничны и прекрасны Они. Эта же атмосфера красоты должна окутывать все, что касается Их области. Искры Их сияния должны проникнуть в жизнь людей, ожидающих приход скорый. Чем встретить? — Конечно самым лучшим. Как дожидаться? — Погружаясь в красоту. Как охватить и вместить? — Наполняясь бесстрашием, которое дается сознанием красоты. Как поклониться? — Как перед красотой, которая и врагов восхищает.

В глубоких сумерках, когда невиданно ярко загорается звезда Матери Мира, снизу опять несется волна священного лада. Опять тибетский иконописец на бамбуковой флейте играет перед неоконченным Ликом Будды, Майтрейи ⁴⁹. Тому, Кого ждут, этот человек с длинной черной косою тоже, по-своему, приносит свое лучшее умение, украшая образ всеми символами благой мощи.

Так и принесем красоту народу просто, красиво и бесстрашно.

Иногда вы спросите: зачем вы повторяете определенную мысль? Но гвоздь вбивается лишь повторными ударами. Принцип японской борьбы — повторный удар. Потому не бойтесь, если и вам придется твердить.

Ведь не «сидение на тучах», и не «играние на арфах», и не «гимны неподвижности», но упорный и озаренный труд сужден. Не маг, не учитель под деревом, не складки хитона, но рабочая одежда истинного подвига жизни приведет к вратам прекрасным. Приведет в полной находчивости и непобедимости.

8 мая 1924 г. *Talai Pho-brang*

Женскому Сердцу

*Трехмиллионному воинству Федерации женских клубов
в Америке*

Когда в доме трудно, тогда обращаются к женщине. Когда более не помогают расчеты и вычисления, когда вражда и взаимное разрушение достигают пределов, тогда приходят к женщине. Когда злые силы одолевают, тогда призывают женщину. Когда расчетливый разум оказывается бессильным, тогда вспоминают о женском сердце. Истинно, когда злоба измельчает решение разума, только сердце находит спасительные исходы. А где же то сердце, которое заменит сердце женское? Где же то мужество сердечного огня, которое сравнится с мужеством женщины у края безысходности? Какая же рука заменит успокоительное прикосновение убедительности женского сердца? И какой же глаз, впитав всю боль страдания, ответит и самоотверженно, и во Благо? Не похвалу женщинам говорим. Не похвала то, что наполняет жизнь человечества от колыбели до отхода. «Кому же давали венки? Издревле венки давались героям и были принадлежностью женщин. И женщины древности, в гадании, снимали эти венки и

⁴⁹ *Майтрейя* — наиболее почитаемый в буддизме бодхисаттва, грядущий преемник Будды Гаутамы, предсказанный им самим. С его приходом буддисты связывают окончательную битву сил света и тьмы и победу Нового Мира.

бросали их в реку, при этом всегда думая не о себе, а о ком-то другом». Если венок-венец есть символ геройства, то именно запечатление этого геройства, именно когда он снимается во имя чего-то или кого-то другого. И это не только бездеятельное самоотвержение. Нет, это действенный подвиг! И опять не будет похвалою, но действительностью, когда мы сопоставляем женщину с подвигами.

Ушло средневековье с унижением и умалением женского достоинства. Люди опять осознали грядущую эпоху Матери Мира. И опять меч подвига в руке Жанны Д'Арк. И опять сияние, но не зарево костра, а пылание сердца. Сколько тьмы, сколько уродливых порождений злобы и невежества сожжет это сердце пылающее! Сколько пошлости, сколько безумных умалений достоинства человеческого смятет луч сердца женского, осознавшего венок-венец, ей врученный.

Когда мы говорим о Культуре, разве мы не имеем в виду прежде всего женщину, которая неудержно, широко понесет Знамя утонченной возвышенной Культуры во все концы, от колыбели до трона.

Когда в доме трудно, зовут женщину. И в телесных, и в духовных болях призывают именно ее. И кому же произнести эти слова «трудно, тяжело», как не к женщине?

А ведь сейчас трудно, очень трудно в большом доме планеты. Смутился дух человеческий, смутился во взаимовредительстве. И даже сами силы природы словно бы возмутились. Землетрясения, извержения, потопа, смещения климатом — все вносит еще больше смущения и в без того смятенный дух человеческий. Но история знала такие периоды, и человечество уже знает и панацею в бедствиях этих. И эта панацея — Культура. Там, где рука и мозг обессиливают, там непобедимо сердце, а сердце есть Держава Света, есть средоточие Культуры.

Ваше трехмиллионное воинство женское одобрило и приняло наше Знамя Культуры и Мира. Сердце женское живет не одними словами, но подвигом. Так было во всей истории человечества. Потому понимаем, что, одобрив и приняв Знамя Культуры и Мира, женщины и понесут его так же действенно, как может пылать священным огнем женское сердце.

Не только благодарить хочу Вас, женщины,— воинство Матери Мира за принятие Знамени Культуры и Мира. Но настоящим хочу отметить исторический факт, как три миллиона женщин Америки поняли и приняли Знамя Культуры, как нечто неотложное и нужное во общее спасение, в воссоздание традиций Света и Красоты.

Радостным будет для меня день, когда мне доведется быть лично на собрании Вашем и лично приветствовать Вас, но пока от гор Гималайских позвольте послать Вам мое сердечное сотрудничество, Вам, воинству Матери Мира!

Особенно драгоценно приветствовать все действия во имя Культуры. Не могу не выразить моих лучших чувств за все ваши фактические выступления, так необходимые, когда все относящееся к области Культуры, к области Искусства и Знания подвергается особым утеснениям.

В огрубении нравов люди иногда доходят до кощунственных восклицаний: «К черту Культуру — деньги на стол». При этом они не хотят осознать, что даже и деньги, как таковые, иначе говоря, благосостояние, пришли лишь из источника Культуры. Попробуем на минуту вынуть из мира все открытия, все мудрые и прекрасные творческие достижения, и мир неминуемо погрузится в темноту обнищания в полном значении этого слова.

Мы не устанем твердить, что эпохи расцвета, эпохи возрождения, эпохи благосостояния вытекали из благодатных источников Культуры. Пытаться разъединить так называемую материальную жизнь от всех прекрасных завоеваний Культуры — это значило бы пытаться представить себе живущего человека без сердца.

Не мне говорить это вам, которые, конечно, согласны с этим, ибо иначе вы бы не действовали во имя Культуры. Но при каждом случае мы обязаны напивать пространство императивным зовом, сердечным молением о Культуре, ибо тем самым

наполняется резервуар источников, питающих высшую человеческую энергию.

Однажды какой-то женский голос в печати заподозрил меня в лести после моих обращений к Женщине, как Носительнице Заветов Культуры. Меньше всего будет лести или преувеличения в том, что все-таки именно женщина от очага до Правительства насаждает основы Культуры. Какая же лесть в том, если мы не забудем, что первое слово о Культуре ребенок в той или иной форме услышит от матери. Какое же преувеличение в том, если мы не забудем, что именно женщина наиболее самоотверженно, без личного эгоистического начала вносит культурные основы в строение как своей малой семьи, так и великой семьи народов.

Утверждать действительность не есть преувеличение — это есть лишь отмечание ступеней уже пройденных, чтобы тем сознательнее и легче были ступени будущего. Сказано мудрым: «Мир без женщины есть скала, лишенная цветов». В этом безымянном Завете не может быть ни лести, ни преувеличения. Тем более что общеизвестно: «Если бы лишить землю цветов, то две трети ее жизнеспособности исчезнет».

Потому будем брать действительность так, как она есть. Эта же действительность ежедневными сообщениями говорит нам, что, несмотря на огромные достижения культурные, уже добытые человечеством, многие из них остаются недостаточно осознанными в известных кругах. Если грамотный человек, претендующий на цивилизованное состояние, может посылать культуру к черту, значит, он вообще не дошел до степени цивилизации.

Каждому из нас, в своей области, к сожалению, приходится встречаться с подобными заявлениями, в большей или меньшей грубой форме. Кто-то мечтает о возобновлении подавленной торговли, не желая вспомнить, что без широких умозрительных соображений Культуры не может оживиться и оборот международный, как мысленный, так и товарный. Невозможно считать торговые, финансовые и всякие материальные соображения вне соображений общекультурных.

Те, кто, вопреки очевидности, считает все проявления Культуры роскошью, просто устарели и окаменели, ибо даже древнейшие писания могли бы напомнить им, как высоко и жизненно ставились вопросы действительного образования и расширения кругозора.

Часто на словах мы не прочь объединяться, мысленно протягивать руку дружбы и сотрудничества, но как только доходит до дела, как откуда-то вдруг появляются всякие ископаемые злостные соображения, и люди наполняются вновь разрушительным и разлагающим пароксизмом. Потому-то, видя ваши действенные устремления во имя Культуры, и хочется приветствовать их, как самое нужное, как панацею против всей современной подавленности, порожденной умертвлением Культуры.

Эта же распространенная сейчас подавленность действий и духа неминуемо отражается и на умозрении молодых поколений, потому каждое действие во имя Культуры, необходимое всегда, сейчас становится истинным спасательным кругом во время губительной бури.

Опять-таки, без всякого преувеличения, сейчас каждый говорит о происшедшем кризисе. Потому не будет преувеличением обращаться к источникам истории, говорящим нам совершенно определенно, каким образом целые нации миновали надвигавшиеся кризисы, обращаясь к благодетельным истокам Культуры.

Знаю, что вы согласны в этих мыслях; знаю, что, несмотря на всяческие трудности и противодействия, вы боретесь за панацею Культуры и у очага, и на всех ваших просветительных поприщах. Правда, «трудности заключают в себе и новые возможности», если только эта древняя истина осознана и приложена к жизни.

Итак, еще раз шлю вам мой лучший привет в борьбе и сотрудничестве во имя Культуры.

Гималаи, 1932 г.

Огни очага

Когда Армагеддон гремит,

Когда столько стрел ненависти, разделения, разрушения, разложения пронзают пространство, разве тогда мы не должны беречь каждую искру дружелюбия?

Когда во невежестве поносятся самые высокие понятия, разве не должны мы собрать к очагу духа все священные лампы?

Когда ложь и суеверие пытаются загрязнить все самое чистое, лишь бы увеличить поле хаоса, разве не должны мы в лучших летописях искать свидетельства истинного сотрудничества?

В древнейшей хронике говорится, как высшая похвала Киевскому князю Ярославу: «И книгам прилежа и почитая ее часто в нощи и в дне и списаша книги многы: с же насея книжными словесы сердца верных людей, а мы пожинаем, ученье приемлюще книжное. Книги бо суть реки, напаяющи вселенную се суть исходища мудрости, книгам бо есть неисчетная глубина».

Так мыслила хроника древних. Действительно, одно дело допустить книгу и совершенно другое полюбить книгу в полной преданности к просвещению.

Вспоминается. В приемном кабинете некоего Президента двое ожидающих. Стены старинной комнаты обделаны массивными дубовыми книжными шкафами. Из-за зеркальных стекол заманчиво поблескивают корешки богатых переплетов. Хоть и не старинный переплет, но густозолоченый. Видимо, любитель книг. И как хорошо, что во главе предприятия стоит такой собиратель, не пощадивший денег на заманчивые переплеты.

Один из ждущих не удерживается от соблазна хотя бы перелистать книгу, хотя бы подержать в руках это сокровище духа. Шкаф оказывается не запертым, и, подняв руку, любитель пытается вынуть один из томов, но — о ужас! — вся полка валится ему на голову и оказывается фальшивыми корешками без всякого признака книги. Оскорбленный в своем лучшем желании, любитель книг дрожащими руками ставит на место эту недостойную подделку и шепчет: «Уйдем поскорее, от такого шута разве можно ожидать что-нибудь путное!» Другой посетитель усмехается: «Вот мы и наказаны за пристрастие к книгам. Ведь вам не только прочесть ее, но подержать в руке и то уже счастье».

Сколько же таких фальшивых библиотек рассеяно по миру! Строители их, кого они обманывают — друзей своих или самих себя? В этой подделке скрыто какое-то необыкновенно утонченное презрение к знанию и какая-то изысканная оскорбительность к книге, как к свидетельству человеческого преуспевания. И не только само содержание книги отрицается, но в таких подделках, как вещественных, так и словесных, отрицается само значение произведения духа, как такового.

«Назови мне твоих врагов, и я скажу, кто ты есть».

Одно из самых утомительных занятий есть отыскание новой квартиры. Но среди этого невольного вторжения в десятки разнообразных жилищ вы выносите несомненные наблюдения о фактах жизни. Вы проходите целый ряд сравнительно зажиточных помещений, еще наполненных обстановкою. Где же он, книжный шкаф? Где же он, письменный рабочий стол? Почему же комнаты заставлены иногда такими странными, уродливыми предметами, но этих двух друзей существования — письменного стола и шкафа для книг не видно. Есть ли место поставить их? Оказывается на проверку, что небольшой стол еще можно вдвинуть, но все стены вычислены так, что места для книжного шкафа не оказывается.

Хозяйка квартиры, заметив ваше огорчение, указывает на маленький внутренний стенной шкафчик, с сожальной улыбкой снисходя к вашей требовательности, и говорит: «Если у вас много книг, то вы сможете отнять этот шкаф от других домашних вещей». При этом вы видите, что крошечные размеры шкафа кажутся царственными для такой роскоши, как книги.

В этом сожальтельном, снисходительном отношении к книге, как таковой, вам вспоминаются те ценнейшие библиотеки, которые оказывались выброшенными на толкучий рынок. И вы еще раз с горечью вспоминаете все рассказы о том, как селедки и огурцы оказывались завернутыми в ценнейшие листы, вырванные из редчайших изданий. Когда же вы смотрите на крошечный шкаф, вам предлагаемый, и соображаете, что в нем даже сотня томов с трудом поместится, то опять житейские мудрецы вам скажут: «Зачем же держать дома такое множество книг?» И при этом они почти повторяют слова знаменитого мусульманского завоевателя, который приказал уничтожить ценнейшие библиотеки по причине их бесполезности, ибо в одном Коране все сказано, что нужно для человека.

Отсутствие письменного стола объясняется совершенно основательно, указывая, что письменный стол стоит в конторе. При этом мелькает ясный намек, что кроме конторы никаких умственных занятий и не бывает. А вечерний досуг существует для веселого времени, которое не должно обременять мозги. И тем самым так называемый досуг, который должен бы являться ценнейшими часами накопления и утончения сознания, рассыпается, как жемчуг, в пыли улицы.

И так книга в современном обиходе становится предметом какой-то роскоши. Библиофилов, таких роскошествующих маньяков, «здравый рассудок» сожалеет. Среднее сознание вообще разучивается читать, в чем иногда совершенно добродушно даже признается. «Не могу читать длинных книг, не могу сосредоточиться, не хватает времени»,— говорит человек, отправляющийся созерцать кулачный бой, или чтобы бросать шарики в пространство, или просто занятый перебиванием костей ближнего.

И время есть, и деньги есть, чтобы иметь дома сокровища знания, но мысль об этих сокровищах просто уходит из обихода. Чем люди живы? Многими предметами, но познание, как таковое, и сама прелесть книги, как творения, уходит из жизни.

Так же точно вы можете наблюдать характер и сущность приятелей по состоянию данных им книг на прочтение. Правда, иногда вы встречаетесь с самым заботливым, с самым честным отношением к книге, и иногда вы понимаете, почему некоторые тома благополучно дожили от 17-го и 15-го столетия, но, к сожалению, чаще всего книга возвращается в таком неизгладимом, поврежденном виде, что болеет душа за оскверненного автора. Закапать книгу чем-то, завернуть страницу, может быть, оборвать угол, а иногда даже вырезать понравившуюся иллюстрацию грехом не считается. Каждый библиотекарь расскажет вам свои горести не только о пропавших книгах, но об искалеченных навсегда изданиях.

Уничтожающий книгу доказывает низкое состояние своего сознания. Пусть это будет truism, но кто-то прочтет его еще раз и поопасается испачкать или изорвать книгу. И то уже хорошо. Среди мировых кризисов, и материальных и духовных, отношение к книге будет одним из убедительных показаний. Вот когда мы вновь научимся самоотверженно полюбить книгу так же, как и произведение искусства, и сердечно оберечь ее, тогда и некоторые из труднейших жизненных проблем будут решаться сами собою. Без дискуссий, без злоречий и столкновений. И в жилье нашем найдется место и для книжного шкафа, и для рабочего стола так же, как и для священных Изображений, напоминающих присутствием своим о Высшем, о Прекрасном, о Бесконечном.

Кто-то скажет, это я давно знаю, это для меня не ново. Как хорошо, если он так скажет; быть может, он в силу этого прочтет еще одну книгу и еще бережнее отнесется к этим истинным друзьям каждого дома, и в свою очередь скажет это, так знакомое ему, и еще кому-нибудь. Ведь люди так часто говорят именно о том, что они не исполняют: «Я давно об этом знаю», и им опять приходится сказать: «Тем хуже для вас».

Книги последних изданий сделались очень маленькими, стали крошечными, как размером, так и удельным содержанием. Автор как бы боится: не утомить бы, не наскучить бы, ибо издатель твердит ему во все уши о странных требованиях читателя.

И вдруг вы узнаете, что большинство книг читается бедняками и желания

истинного познания живут в людях, с трудом зарабатывающих себе на хлеб завтрашнего дня. Когда вы перелистываете Ежегодник Мировых Сведений, вы с крайним интересом следите за статистикой грамотности и за количеством томов в Публичных Библиотеках мира. Как несоответственно со многими официальными представлениями распределяется количество книг в этих Народных Хранилищах! Не буду приводить этих поучительных цифр, ибо Урольд Альманах, Ежегодник, вполне доступен для желающих ознакомиться с последовательностью этих накоплений. Для многих в них будут заключаться большие неожиданности.

Кроме того, не забудем, что грамотность, которая является несомненно ступенью к Культуре, сама по себе еще не обеспечивает чтения и разумно-культурного потребления книг. Если бы взяли другую статистику, а именно статистику, много ли из грамотных людей книг не читают, то результаты были бы очень поучительны. Если же из числа читающих выделить и чтецов бульварных романов, то мы увидим, что вся сумма серьезных книг и изданий ложится на сравнительно очень небольшое число людей из всего населения мира.

Это обстоятельство тем более вопиет о бережливом отношении не только к серьезным изданиям, но и к тем людям, которые делают из них разумное и надлежащее употребление.

Не забываются трогательные эпизоды любовного обращения с книгами. Незабываем рассказ одного небогатого литератора о том, как он желал подарить невесте своей, как свадебный подарок, как нечто наиболее ценное в его представлении, книгу-монографию о творчестве наиболее вдохновляющего его художника. Незабываемо также, когда трогательная любовь к книге самостоятельно вспыхивает в самом детском возрасте. Маленькая девочка в барских хоромах с трудом несет непомерную для детских сил книгу Библии с иллюстрациями Дорэ, не позволена ей эта книга, но она пользуется отсутствием старших не для проказ и шалостей, но чтобы еще раз воспользоваться минутой свободы и приобщиться к великим Образам.

Дороги нам эти дети, носители лучших Образов, которые по сердцу своему самостоятельно приходят к книжному шкафу и знают этого неизменного друга истинного счастья. Ведь самостоятельно пришел к книжному шкафу Эдисон и сызмальства понял, чем он может благодетельствовать человечество. В инстинкте к приобщению к газетному делу выразилось сердечное устремление к распространению полезного.

Вспомним также великого мыслителя Рескина, с такою же трогательностью отдавшего свои первые устремления и вдохновения великой библейской Эпопее. Вспомним многих славных. Уже давно говорилось о мощи мысли, говорилось об искусстве мышления. Но ведь каждое искусство нужно развивать и питать, и не будет ли очаг этого священного искусства именно около книжного шкафа?

Обернемся к книжному шкафу не только как к утешителю и охранителю, но как и к водителю и жизнедателю. Не от него ли происходит устойчивый творческий ум великих мыслителей? Не от него ли долголетие, не от него ли противостояние всем злым и всем неслыханным, казалось бы, препятствиям существования? И не от него ли творящая радость?

Гималаи, 1932 г.

Дом Милосердия

Милосердие — ведь это одно из самых трогательных слов прекрасноречивого русского языка. Оно принадлежит к тем вдохновляющим понятиям, которые в суете дня так часто произносятся в полной небрежности. Мило-сердие, со-страдание, благо-дарение, здрав-ствование, само-отвержение. Все эти слова так часто повторяются с утратой всякого их смысла. Вместо благородноречивого «благодарю» в суматохе выходит «блдарю»,

вместо благожелательного «здравствуйте» выходит оскорбительно бессмысленное «здрас-те», и не в том дело, что такие ценные понятия произносятся невнятно языком, но тем самым они в общезнании теряют прекрасное и зовущее свое значение.

Между тем именно все эти сложные обдуманно составные определения и пожелания даны не как нелепая отвлеченность, но как высокая реальность, внесенная в повседневный обиход. Радостно там, где эти заветы в действительности опять напоминают нам свое первое назначение.

Каждый раз, когда посещаешь «Дом Милосердия»⁵⁰, он всегда восхищает меня своею действительностью. Только подумайте, в такое трудное время, как сейчас, когда всюду слышится лишь жестокосердное упразднение и урезывание, в наши страшные дни благое строительство «Дома Милосердия» не замирает. Когда люди думают лишь о том, как бы уже бывшее просуществовало, тогда «Дом Милосердия» готовится открыть двери для новой помощи. Поистине можно преклониться перед неустанной благой энергией духовного хозяина «Дома Милосердия» архиепископа Нестора. Если и в дни такой неслыханной разрухи и ущерба можно все-таки преодолевать препятствия и строить, то в этом явлен необыкновенный пример созидательства, которое так сочетается с истинной духовностью. И молодые побеги растут около «Дома Милосердия», как верный дозор священной твердыни.

И не только печется духовный хозяин о детях и престарелых и о всех тружущихся. Его глубокая мысль живет среди великих миротворческих задач, всюду объединяя, заживляя и внося радость. И еще проникновеннее заботится владыка Нестор и о всем духовном хлебе.

Разве не замечательно, что при «Доме Милосердия» создается и музей-хранилище, про которое строитель добрый пишет в недавнем своем письме: «Преподобный Сергей Радонежский, которого так свято чтите Вы, святым молитвам которого любовно посвящаем наш скромный музей-хранилище, да будет всегда помощником...» Именно Преподобный воспитатель русского народного духа, сам неустанный труженик и созидатель, Преподобный Сергей так живо вспоминается при каждом ко благу направленном строительстве.

В то время, когда даже многие учебные и просветительные учреждения не задаются мыслью о создании в своих стенах вещественного напоминания о священном и культурном, тогда «Дом Милосердия», и в этом смысле велико-милосердия, подает благой пример. Мне, может быть, скажут, что трудность современной жизни мешает такому просветительному начинанию. Но это не так.

Мы достаточно знаем, что бедность не препятствует чистоте и что строительство не есть только продукт избытка и роскоши. Мне лично в разных странах пришлось убедиться, как строительство и благое собрание часто зарождались среди самых неимущих, но зато самых живых духом. Мог бы назвать многие примеры тому, как самые, казалось бы, стесненные обстоятельства люди составляли для народного блага полезнейшие собрания.

Помню бедного гимназиста, который на свои трудовые копейки составил ценное собрание художественных открыток. Помню студента, который, урезав возможности пошлых увеселений, создал уже в студенческие годы прекрасное собрание картин. Помню очень стесненного обстоятельствами полковника, который задался оригинальной и прекрасной мыслью собрать первоначальные эскизы художников для их будущих картин. Помню, как неустанно обращался он к художникам, которые отдавали ему первые наброски, и, таким образом, в течение меньше чем десяти лет составилось прекрасное и неповторимое собрание первых и ярких отображений творчества. А ведь всем известно, что первая художественная идея нередко бывает более огненна, нежели рассудочно обдуманная картина. Эти три примера я беру из жизни русской, а сколько таких же

⁵⁰ *Дом Милосердия* — русская православная благотворительная организация в Харбине.

прекрасных проявлений я мог бы назвать и в Америке, и в Европе, и в Индии.

Становится совершенно ясно, что дело не в том, чтобы строение шло бы от избытка, от роскоши, наоборот, истинное собирательство рождается в духе и сердечным огнем преодолевает все трудности во имя блага. Такое собирательство является одной из основ Живой Этики, о которой так мало сейчас думают. Мы должны бороться против всяких наркоманов, но такое несчастье, не зарождается ли оно от невозможности прикосновения к священному, прекрасному? Ведь об этике даже не принято говорить. Это живое начало поставлено в разряд тех truизмов, о которых в условном обществе даже не принято упоминать. Но жизнь поверх всех невежественных разрушений все-таки напоминает о великой ответственности человека и в особенности мы должны быть признательны тем, кто, несмотря на все очевидные трудности, продолжает творить и созидать.

В Харбине нет художественного музея. Молодежи некуда пойти, чтобы духовно отдохнуть в прекрасном, но и тут происходит именно милость сердца. Только подумайте, не кто иной, как именно «Дом Милосердия», приходит на помощь и в этом духовном неотложном вопросе. Конечно, если трудно будет собрать «Дому Милосердия» лишь оригиналы, пусть там будут и хорошие воспроизведения, но именно место духа охранит выбор и состав этих устремлений человеческого творчества. Не могу сказать, как радостно, что в пределах милосердия включился и такой хлеб духовный, который привлечет и наставит множество сердец и среди них сердца молодых.

Будем радоваться каждому объединению. Будем радоваться каждому преоборению мелких разделений и разложений. И другое священное начинание не может не радовать каждое устремленное ко благу сердце. На наших глазах в Харбине создается Институт Святого Владимира. Конечно, всякое начало трудно, но из-за этих трудов встает идея объединения. Кто же не будет радоваться, что в наши дни и дело учебное, просветительное может получать знак стремления к объединению!

То обстоятельство, что во главе Института Святого Владимира стоит правящий архиепископ Мелетий, а правление возглавлено епископом Димитрием, должно являться залогом, что в дело будет внесена вся доброжелательность, вся терпимость и вмещение, свойственные Христову просвещению.

Если Институт может начинаться лишь с трех факультетов, то ничто не может помешать нам мыслить о расширении этой программы и внесении в нее тех исторических, гуманитарных и художественных заданий, которые сейчас уже обычно входят в программу университета. Мне скажут, что это трудно сейчас, но повторяю, именно, трудность не однажды бывала затем породителем особой энергии, которая превозмогала. Ведь, прежде всего, идеи вызывают следствия. Потому безбоязненно положим в основу мышления объединения все священное, все прекрасное, все познавательное, которое и найдет пути претворения, лишь бы мысленно произошло согласие.

Разве не глубокая радость, что ко дню Воспитателя русского народного духа мы имеем возможность поминать такие великие строительные основы, как просвещение и собирание.

Приехав в Харбин, я говорил и радовался и о скрытых, и о явных возможностях этого места, а теперь, в солнечный воскресный день, когда звенит благовест храмов Христовых, когда готовимся идти на освящение Института Св. Владимира, а затем на молебен в «Дом Милосердия», разве не радостно среди света вспоминать и взаимное утверждение в основах единения. Итак, на всякое «нельзя» скажем душевное и сердечное «можно».

Хорошее русское слово — мило-сердие.

7 октября 1934 г. Харбин

Знамя Мира

Многообразно устремляется человечество к Миру. Каждый в сердце своем сознает, что это созидательное действо пророчески выражает Новую Эру. Неуместно создаются суждения о предпочтении известному типу пуль или конвенции, определяющие, что ближе Мировому Единению, один или два броненосца с дальнобойными орудиями. Но представим себе даже и такие убийственные рассуждения, как примитивные ступени к тому же самому великому понятию Мира, которое когда-то обуздает воинственные инстинкты человечества духовными радостями созидания.

Но факт все же остается, что пушки, хотя бы одного из избранных броненосцев, могут так же уничтожить величайшее сокровище искусства и науки, как и целый флот. Мы оплакивали библиотеку Лувена и незаменяемые красоты Реймса и Ипра⁵¹. Мы помним множество сокровищ частных собраний, погибших во время мировых смятений, но мы не хотим вписывать слова враждебности. Скажем просто: «Разрушено человеческим заблуждением и восстановлено человеческой надеждою». Но все же пагубные заблуждения, в той или иной форме, могут быть повторены, и новые множества памятников человеческих подвигов могут опять быть разрушены.

Против этих заблуждений невежества мы должны принять немедленные меры. Даже в начале своем эти меры охранения дадут многие полезные следствия. Никто не будет отрицать, что флаг Красного Креста оказал неоценимые услуги и напомнил миру о человечности и сострадании. С этою целью проект Международного Мирного Договора, охраняющего все сокровища Искусства и Науки под международно признанным флагом, представлен нашим Музеем иностранным Правительствам. По этому проекту, который был представлен Государственному Департаменту и Комитету Иностранных сношений, должно быть воспрепятствовано повторение зверств последней войны, когда было разрушено такое множество соборов, музеев, книгохранилищ и прочих сокровищниц творений человеческого гения. Этот план предусматривает особый флаг, который будет почитаем, как международная нейтральная территория; это Знамя должно быть поднято над музеями, соборами, библиотеками, университетами и прочими культурными центрами. Мой план, представленный нашим Музеем, был обработан, согласно кодексу Международного Права, доктором Международного Права и Политических Наук Парижского Университета, лектором Института Международных Наук Г. Г. Шклявером по совещании с профессором Альбертом Жоффри-де-ла-Праделем, членом Гаагского Мирного Суда, вице-президентом Института Международного Права и членом Факультета Сорбонны. Оба состоят почетными советниками нашего Музея.

Первый параграф Пакта говорит: «Просветительное и художественное учреждение, художественные и научные Миссии, их персонал, собственность и собрания должны быть признаны нейтральными и, как таковые, должны быть охранены и уважаемы враждующими сторонами».

«Охрана и уважение означенных учреждений и миссий будет под суверенитетом договаривающихся Держав без различия подданства каждого указанного учреждения».

Когда идея международного Флага Культуры впервые была мною оповещена, мы несколько не были удивлены, что она была встречена всеобщим интересом и энтузиазмом. Опытные государственные деятели изумлялись, как нечто подобное не было сделано уже ранее. Когда мы просили наших почетных советников доктора Шклявера и профессора Жоффри-де-ла-Праделя уложить этот проект в международные формулы, мы вскоре получили прекрасно оформленный Международный Договор, который сопровождался горячими общечеловеческими симпатиями.

Этот Международный Флаг Культуры для охраны Искусства и Науки никого не

⁵¹ *Лувен, Реймс, Ипр* — европейские города, богатые памятниками культуры, особо пострадавшие в первой мировой войне.

умалает и не нарушает ничьих мирных интересов. Наоборот, он подымает мировое понимание эволюционных сокровищ. Он помогает ценностям грядущего творчества и в существе своем ведет к великому понятию Прогресса и Мира. В этом понимании, в творческом стремлении, понятие Мира становится более реальным. Это Знамя, как Страж Мира, напомним о необходимости каталогирования всех культурных сокровищ мира. Это совсем нетрудно, и в некоторых странах уже почти завершено, но все же остается много пробелов, и каждое завоевание мирового сознания должно быть приветствовано.

Флаг Красного Креста не нуждается в объяснениях даже для наиболее некультурных умов. Так же точно и Новое Знамя, этот Страж культурных сокровищ, говорит само за себя. Нетрудно объяснить даже дикарю значение охранения сокровищ Искусства и Науки. Мы часто твердим, что краеугольный камень будущей Культуры покоится на Красоте и Знании. Теперь мы дожили до действия в этом благословенном поле и должны действовать безотлагательно. Лига Наций, которая работает для Международного Согласия, не может восстать против этого Знамени, ибо оно является одним из знаков мирного единения.

Не случайно эта идея возникла на почве Америки. По своему географическому положению Америка менее других стран в военное время находится в опасности подобных разрушений. Потому, что это предложение исходит из страны, сокровища которой менее подвержены сказанной опасности, это еще более подчеркивает, что предложенный флаг есть символ всего Мира, не одной страны, но всего цивилизованного Мира.

Предложенное Знамя имеет на белом фоне в круге три соединенные амарантовые Сферы, как символ Вечности и Единения. Хотя мы не знаем, когда именно это Знамя будет развеиваться над всеми культурными памятниками, но несомненно, что семя уже возросло. Оно уже привлекло внимание больших умов и устремляется от сердца к сердцу, пробуждая еще раз среди людских множеств идею Мира и Доброжелательства.

Повелительно принять немедленные меры, чтобы оградить от опасности благородное наследие Прошлого для славного Будущего. Это произойдет тогда, когда все страны торжественно поклянутся охранять сокровища Культуры, которые в сущности принадлежат не одному народу, но Миру. Этим путем мы можем создать еще одно приближение к расцвету Культуры и Мира.

Нью-Йорк, март 1930 г.

Пашня Культуры

Очень рад слышать о каждом движении наших Комитетов культуры. Верю, что все для этих неотложных начинаний делается поистине без всяких промедлений. Но тем не менее еще и еще повторю, насколько все должно быть сделано спешно и ни одна минута не должна быть потеряна в интересах общественного блага. Так же с величайшим вниманием должны быть отмечаемы даже малейшие приношения и знаки культурной помощи. Пусть каждый комитет отмечает с величайшей точностью все эти благие проявления, чтобы в истории наших учреждений мы знали точно, кто и что принес в общую чашу культуры. Также пусть все наши комитеты не уменьшат деятельность свою какими-либо условными ограничениями. Ведь пашня Культуры поистине необъятна, и бесчисленны все полезные действия, возникающие из благожелательных обсуждений. Может быть, неприменимое сегодня будет прекрасно приложимым завтра. И отложенное сегодня может оказаться уже навсегда упущенным. Потому так благожелательно широки должны быть обсуждения в собраниях комитетов. Ведь не только члены комитетов будут являться окончательными источниками предложений. Нет, члены комитетов будут теми обобщающими потоками мыслей, которые они соберут от многих друзей своих и

суммируют из многих встреч и опытов. Главное, чтобы не случилось того, что так часто препятствует полезнейшим начинаниям, именно, чтобы не произошло легко мертвящее «невозможно». Так часто кажущееся невозможным при малейшем изменении подробностей или внешностей делается и прекрасным и доступным. Не забудем, что наши учреждения вовлекают новые массы в мышление о Культуре. В этом заключены счастливые возможности, но и новая ответственность, ибо все, что будет исходить от наших Культурных учреждений, должно быть истинно высокого качества, должно отвечать Культурным ценностям человечества.

Конечно, в течение дел комитеты войдут в контакт со многими крупными учреждениями. Эта кооперация должна быть построена на взаимной пользе. Наши культурные кампании, как уже говорил я, не имеют только финансового значения. Их значение гораздо шире, проникая во всевозможные отрасли культуры и вдохновляя ею новые массы. Среди этих масс найдутся и такие, которые или вообще не были знакомы с понятием культуры, или ограничивали ее каким-то условным, чисто физическим значением. Как радостно вообще говорить о Культуре, выяснить, что делаемое для нее далеко не покрывает это необъятное поле, облагораживание руна человеческого. Для этих благородных деяний, конечно, не будет упущена ни одна малейшая возможность. Не будет пропущен ни единый час, когда или действием, или вдохновенным словом можно еще раз сказать об украшении, об улучшении, о возвышении жизни человеческой.

Точность анналов каждого комитета будет соответствовать тому качеству заботливости, которое так подобает в деле Культуры.

Воспламенимся всегда живым примером обстоятельств просветительной деятельности — словами Апостола Павла:

*«С оружием правды в правой и левой руке,
в чести и бесчестии, при порицаниях и похвалах: нас почитают
обманищниками, но мы верны;
мы неизвестны, но нас узнают; нас почитают умершими, но
вот, мы живы; нас наказывают, но мы не умираем;
нас огорчают, а мы всегда радуемся; мы нищи, но многих
обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем».*

Постоянная Забота

Наши комитеты уже спрашивают, каково будет их положение после ратификации Пакта? Некоторым друзьям, может быть, кажется, что официальная ратификация Пакта уже исключает всякую общественную инициативу и сотрудничество. Между тем на деле должно быть как раз обратное. Чем дальше, тем больше должно требоваться в деле охраны культурных сокровищ общественное и частное начало.

Дело культуры никогда не может быть лишь делом только правительства страны. Культура есть выражение всего народа, вернее, всех народов. Потому-то народное общественное сотрудничество в деле культуры всегда необходимо для настоящего преуспевания. Просветительные и учебные заведения, хотя и будут под непосредственным управлением правительства, но они никогда не обойдутся и без общественного участия. Чем ближе будут всякие общества друзей музеев, чем активнее будут родительские комитеты при школах, тем большее живое сотрудничество возникнет.

Так же точно и в деле применения Пакта Охраны Культурных Сокровищ. Как бы ни были деятельны правительственные комитеты и учреждения, они не обойдутся без помощи частной доброжелательной инициативы. Тем более те комитеты, которые участвовали и свидетельствовали все перипетии дела Пакта, должны остаться ближайшими содеятелями и на все будущее время. Если уже и теперь наши комитеты Пакта разнообразно развивают свою деятельность, то в будущем они могут тем более споспешествовать государственному делу.

Вспомним, сколько за протекшие четыре года было предпринято полезных начинаний! Вспомним, что, помимо трех международных конференций, сколько лекций было устроено в разных странах! Сколько выступлений состоялось в школах, сколько статей появилось в разнообразной прессе, сколько процессий и всяких манифестаций. Знамени было неутомимо устроено, чтобы вносить в жизнь понятие охраны культурных ценностей. Наконец, кроме местных комитетов, Вашингтонская конвенция установила Комитет Пакта.

Этим наименованием уже было предопределено несменное, постоянное существование такого комитета. Этот комитет является хранителем традиций, выявленных и утвержденных Вашингтонской конвенцией. Комитет был поставлен, в силу единогласного постановления конвенции, как верный страж, как священный дозор по охране культурных ценностей.

Можно предполагать, что комитет будет постоянно расти и обновляться, приобщая новых сотрудников, выдающихся деятелей искусства и науки. Комитеты и учреждения, в разных странах, являются верными сотрудниками Постоянного Комитета. Сколько бы новых общественных ячеек ни открылось, сколько бы новых сильных волонтеров ни пришло, деятельность настолько необъятно широка, что каждый сотрудник будет принят с радостью и дружелюбием. Если области работы по охране так разнообразны и широки, то, конечно, потребуется участие и самых разнообразных общественных элементов.

Глубоко должно проникать сознание охранения культурных ценностей в народную толщу. Оно должно делаться неотъемлемым предметом во всех школах, и школьные преподаватели должны быть истинными друзьями такой просветительной всенародной заботы.

За годы подготовительных действий наши разнообразные комитеты могли убедиться, что осознание культурных ценностей совсем не так легко проникает в разные общественные секторы. Каждый может вспомнить, сколько раз ему пришлось сражаться за, казалось бы, самые простые соображения. Каждый с сожалением вспоминает, что даже среди интеллектуальных слоев было встречено немало враждебности и непонимания. Таким путем и впредь нельзя обольщаться мыслью, что понимание о всенародном охранении культурных ценностей так легко и повсеместно снизойдет. И были трудности и будут трудности. И будут они сообразно размерам дела. Крестный путь культуры вовсе не перестанет быть трудным. Кроме того, многие будут истерически вопить о культуре и в то же время не приложат никаких своих стараний в тех случаях, когда они могли бы что-то спасти. Будут продолжаться дни культуры, на которых будет внешне повторяться это слово, но никаких действенных последствий не будет происходить. Не будем перечислять всякие препоны, воздвигаемые человеконенавистничеством. Пребудем только готовыми всегда всеми способами утверждать в жизни высокое священное понятие культурных ценностей.

Работа комитетов, обществ, содружеств, ячеек и была многообразна, и будет еще многообразнее. В зависимости от всех земных условий будет углубляться и расширяться эта работа. Правительственные органы должны сказать сердечное спасибо всем тем добровольцам, которые пожелают вложить вольные и сознательные труды свои в такое большое государственное дело. Будет возникать понятная возможность доброжелательства и дружелюбия. Как рассадник дружелюбного сотрудничества будет работать Комитет, установленный на последней конференции.

Комитет был не ограничен в числе своем. Комитет может иметь отделы, секции, комиссии. Словом, в добром деле ничто не запрещено, что может помочь истинному просвещению.

Пусть то же постоянство выражается и желанием действия, сотрудничества, доброжелательства и дружелюбия. Где произнесено слово «КУЛЬТУРА», там должно расти и дружелюбие. Там должно крепнуть взаимное доверие и радость общему просветленному труду.

Каждый друг, приобщенный, есть путь культуры. Каждый враг культуры, поверженный, есть светлая победа. Каждое спасение священной красоты и знания есть высокая спасительная молитва.

16 февраля 1935 г.
Пекин

Зная

В Белом доме сегодня с участием президента Рузвельта подписывается Пакт⁵². Над нашим байшином уже водрузилось Знамя. Во многих странах оно будет развеиваться сегодня. Во многих концах мира соберутся друзья и сотрудники в торжественном общении и наметят следующие пути охранения культурных ценностей.

Не устанем твердить, что, кроме государственного признания, нужно деятельное участие общественности. Культурные ценности украшают и возвышают всю жизнь от мала до велика. И потому деятельная забота о них должна быть проявлена всеми.

Сколько бы стран ни подписало Пакт сегодня, все равно этот день сохранится в истории, как памятное культурное достижение. Начало государственное уже приложило свою мощную руку, и тем самым открылись многие новые пути для всех подвижников Культуры. Может быть, сегодня же обнаружатся и какие-либо темные попытки. Такой отбор Света и тьмы неминуемо должен происходить. Это не есть разделение мнений, но именно отбор созидательного и разрушительного, положительного и отрицательного.

Как успех подписания Пакта, так и какие-либо противодействия, и то и другое должно одинаково поощрять всех сотрудников к дальнейшему преуспеванию. Будем хранить в памяти этот день, как знак светлого будущего, как еще один импульс к полезным строительным достижениям. Подчеркиваю, что выражение «разделение мнений» было бы сейчас совершенно неприменимым. Свет и тьма никогда и не соединяются, а потому и разделяться не могут. Но если тьма чувствует себя в опасности, она рычит, и визжит, и противоборствует. Она не могла отделиться от Света во мнении, ибо ее сущность всегда была Противоположна Свету. И также всегда она будет темным фоном, на котором еще блистательнее сияющие искры.

Да не подумает кто-либо, что именно сегодня, в день достижения и праздника, будто бы неуместно говорить о тьме. Но если понимаем ее как противоположение Свету, как нечто Светом рассеиваемое, то именно в День Праздника Света можно вспомнить о том, что некая часть тьмы сегодня же была рассеяна. Мы никогда не скрывали, что тьма, в своей мрачности, сильна. Мы не скрывали, что каждая победа над тьмою будет следствием большой и трудной борьбы. Потому-то и велика победа Света над тьмою. Лишь в полном осознании условий этой борьбы мы можем воистину радоваться каждой победе Света.

Все знают, что Свет и тьма, о которых говорится, вовсе не отвличенность. Это не только действительность, но даже очевидность, доступная каждому глазу. Здесь, на земле, в труде и борении, мы видим служителей Света. Здесь же мы усматриваем и злобных, исполненных ненавистью ко всему сущему слуг тьмы. Здесь, в жизни, мы научаемся приемам шествия Света, а также убеждаемся и в мрачной согласованности темных легионов. Последнее не может огорчать, ибо было бы неуместно огорчаться и тем обессиливаться тогда, когда призваны все полки Светлые. Наоборот, можно всегда радоваться каждому блистанию Света, как молнии, очищающей сгущенные тучи.

Истинно, будет и должен быть памятным сегодняшней день 15 апреля. Выявился

⁵² Пакт — так называемый Пакт Рериха. Международное соглашение по охране культурных ценностей, предложенное Н. К. Рерихом. Подписано американскими государствами в 1935 году в Вашингтоне. Лег в основу всемирной конвенции, выработанной в 1954 году в Гааге.

еще один маяк, который будет сближать друзей дальностранных, заокеанских, загорных, раскинутых по многим весям земли. Попросим их еще раз высказаться обо всем полезном и неотложном. Во многих странах хотя бы один сегодняшний день уже научит многому. Если соберем все эти испытанные находения, то уже получится целое хранилище полезных и неотложных советов. Итак, посоветуем друг другу, сообщим все наши накопления и наблюдения. Ведь даже в обычные дни, когда, казалось бы, ничего особенного не происходило, и то появлялись самые неотложные соображения. Но теперь, когда действительно произошло важное и знаменательное, сколько же новых устремлений должно возникнуть! Если в обычные дни постоянно возникали знаки бедствия и требовалась неотложная помощь, то срок знаменательный должен сообщить всем сотрудникам Пакта еще большую зоркость и прозорливость. Именно прозорливость необходима в деле хранения Культуры. Ведь нужно предусмотреть многие следствия. Причины могут быть очень сокрытыми и раскрашенными в защитные цвета, но они могут вести к потрясающим последствиям. И вот рассмотреть, где притаился коготь — тоже будет отличной задачей для всех хранителей культурных ценностей.

Мы столько раз уже говорили о множестве опасностей для культурных ценностей в наши дни. Теперь правительства подают нам мощную руку помощи. Мы понимаем эту поддержку как великую возможность новых достижений. Пакт не должен остаться на полке законохранилищ. Каждый памятный день Пакта должен быть лишь жизненным поводом для поднятия и укрепления Знамени-Охранителя.

Вот и в пустыне, над пустынным байшином, развевается Знамя. Но ведь пустыни могут быть очень различны. Если где-то соберется толпа невежд темных, то ведь это тоже будет пустыня, безводная, бездушная, бессердечная.

Пусть Знамя развевается и над очагами Света, над святилищами и твердынями прекрасного. Пусть оно развевается над всеми пустынями, над одинокими тайниками Красоты, чтобы от этого зерна священного процвели пустыни.

Знамя поднято. В духе и в сердце оно не будет опущено. Светлым огнем сердца процветет Знамя Культуры. Да будет!

Свет побеждает тьму.

Цаган Куре, 15 апреля 1935 г.

Мир

«Мир» не случайно означает и вселенную, и мирность. Не случайно эти два великих понятия объединены в одном звучании. Вспомнишь о вселенной — представишь и труд мирный. Приступая к труду, осознаешь и вселенную.

О мире особенно говорят, когда боятся войны. Но ведь войны бывают всякие — и внешние, и внутренние. И зримые, и незримые. Которая война страшнее — это еще вопрос...

Да, истинное несчастье обоих человечеств, древнего и нового, что их величайший поэт и мудрейший учитель — певец не мира, а войны, слепой Гомер. Вместе с верой в богов утратил он и веру в мир.

*Нет и не будет меж львов и людей никакого союза;
Волки и агнцы не могут дружитья согласием сердца,
Вечно враждебны они, злоумышленны друг против друга;
Так и меж нас невозможна любовь; никаких договоров
Быть между нами не может, доколе один, распростертый,*

Кровью своей не насытит свирепого Бога Арея.

Это и значит: «Все будут убивать друг друга». «В мире конца не будет войне...»

«Илиадой, троянской войной начинается бесконечная война, та самая, которая через все века всемирной истории длится и до наших Дней»,— восклицает Мережковский в «Атлантиде». Мало ли надрывных стенаний. И Данте нашел палящие места для убийц и злобствующих.

Если рассмотреть все символы и скрижали, то в образах и иероглифах всюду найдем то же желание, сердечно-сокровенное моление о мире.

«Не делай зла животным» — заповедь Триптолема, посланного Деметрою ⁵³ к одичалым людям послепопотоного мира, чтобы, научив их земледелию, возвысить от звериной жизни к человеческой. «Зла не делай животным» в евангельском смысле звучит: «Блажен, кто милует тварь», ибо «вся тварь совокупно стонет и мучится донныне» вместе с человеком и вместе с ним «освобождена будет от рабства тлению»: с ним погибает — с ним и спасается.

Надо человеку убивать животных, чтобы питаться мясом?
«Нет, не надо»,— учит Деметра Плодоносящая. Дух убийства, войны входит в человека с кровавою пищею, а дух мира — с бескровною.

И Гезиод, пастух, пасущий овец на Геликонской горе, поет:

*Бог законом поставил и зверю, и птице, и рыбе.
Чтоб пожирали друг друга,— на то им неведома Правда!
Людам же Правду послал.*

Правда — не убий. Всем и всегда возможный, первый шаг: не убивать — не воевать. «Убей — умрешь, дай жизнь — жив будешь; это и младенцу понятно, это же и тайна тайн».

Нужно ли оборонять культуру? Нужно, всегда и во всем.

Нужно ли помочь труженикам культуры, утесняемым и обремененным? Нужно, всегда и во всем.

Нужно ли объединяться вокруг знака культуры, чтобы обороть попытки разложения? Нужно, всегда и во всем.

Может быть, культура, знание, красота достаточно всюду защищены и утверждены? Может быть, уже вполне и всюду укреплены основы культуры?

Может быть, работники культуры имеют особый оплот в законах и в сознании народов?

По-прежнему Лига Культуры, как голос общественного мнения, неотложно нужна!

О мире, о неубийстве приходится говорить. Что же это такое? Неужели все тысячелетия не научили людей тому, что заповедано всеми скрижалями? Но что же видим? Чем дальше, тем неотступнее нужно твердить о сущности мира. Где же тут эволюция, если грозная пушка уже наведена и смертный яд сеется безумно. Даже так умудрились люди, что яд и отравы уже налетают с неба! Из того самого неба, откуда лилась панацейная прана.

Что же это? Под землею — мины, подкопы! С неба — яд и отравы. Высоко подняты жерла чудовищных пушек. Скоро будет «праздник» ядра, когда оно совершит кругосветное путешествие, когда достигнет всего, что можно разрушить.

«Народы не догадываются, перед какою ужасающею опасностью стоит человечество в случае новой войны»,— пишет в своем докладе Лиге Наций профессор Андрэ Мейер. «Газы прошлой войны были игрушкой, детской забавой по сравнению с

⁵³ ...заповедь Триптолема, посланного Деметрою...— в греческой мифологии богиня земледелия и плодородия Деметра повелела людям через своего посланца Триптолема питаться плодами земли, воздерживаясь от кровавой пищи.

тем, что мы увидим, если разразится новая война», — добавляет другой эксперт, профессор Колумбийского университета В. Каннон.

По недавнему сообщению доктора Хильтона Айрэ Джонса в Нью-Йорке, новоизобретенный газ может уничтожить целую армию так же легко, как «потушить свечу».

Правда! Изобретатель отравы думает, что творит правду. Литейщик пушки гордится, что его орудие сразит человека и за горизонтом. Точильщик клинка предвкушает, как железо пронзит все покровы... Мысли человека!

Ох, не такая правда нужна. «Людам необходима другая правда», — говорит Горький, правда, которая повышала бы творческую энергию. Правда нужна, возбуждающая доверие человека к воле своей, к разуму, к добротворчеству.

Другие делают непробойные брони и панцири. Может быть, они надеются создать оборону против всех злобных вторжений? Пусть будет так.

Оборона культуры, оборона родины, оборона достоинства не мыслит о насильственном вторжении. Броня обороны не есть яд разрушения. Оправдана оборона и осуждено нападение.

Не удивительно ли, по-русски слово «мир» единозвучно и для мирности, и для вселенной. Единозвучны эти понятия не по бедности языка. Язык богатый. Единозначны они по существу. Вселенная и мирное творчество нераздельны. Всеми иероглифами хотели древние дать понять это целебное, спасительное единозначие.

Мир — вселенная и мир — труд мирный вселенский, посев — творящий, красота мира — победительница.

24 июля 1936 г. Урусвати

Вандалы

Не прочно стало на земле. И всегда-то земля была не очень тверда. Но сейчас особенно сгустились всякие сведения о разрушениях. Из Парижа пишут: «Сегодня был просмотр фильма, снятого в Испании. Показаны, между прочим, разрушения, произведенные бомбардировками в Барселоне. Эти снимки производят гнетущее впечатление. Огромные дома, срезанные, как ножом, на две половины: одна превращена в щепы, а другая еще стоит, видны комнаты, уют и всюду трупы, трупы... Или школа: десятки убитых детей и на полуразрушенной кафедре труп учителя. Испанское правительство устроило здесь выставку, показывающую разрушения художественных и исторических сокровищ, а также меры, принимаемые к их спасению. Меры эти, впрочем, сводятся к вывозу, насколько позволяют обстоятельства, портативных вещей за границу и в покрытии зданий мешками с песком. Вероятно, вы читали о проекте «жневских убежищ» для детей, стариков и т. д., но в общем это все паллиативы. На днях состоялся банкет в Институте высших международных исследований; все считают, что наш Пакт по своему моральному и культурному уровню во много раз превосходит все обсуждающиеся сейчас предложения, но в то же время все говорят, что эвентуальные противники, которых мы теперь знаем по их деяниям в Испании, и в Китае, и в Эфиопии, заведомо будут нарушать и Пакт о защите памятников и Женевскую конвенцию Красного Креста. В краснокрестных кругах, в частности, в этом уверены». Итак, человечество настолько отступило от основ культуры и цивилизации, что уже и знак Красного Креста теряет свое значение.

А вот еще одно письмо: «Действительно, все эти странные довольно рассуждения не имеют ничего общего с нашим Пактом.

Мы говорим именно о международном культурном соглашении, о введении гуманитарного международного принципа, а они говорят о мешках с песком. Идея

обложения высоких соборов мешками с песком так же нелепа, как если бы кто-то предложил уничтожить Красный Крест и вместо того каждого солдата обвязать мешками с песком. Так же странно звучит и идея подземного захоронения кладов, которая в древние времена имела место. Еще недавно Иден сказал, что, по-видимому, в недалеком будущем терроризованным гражданам придется разбежаться по пещерам, подобно троглодитам. Итак, пусть «житейские мудрецы» думают о песочных мешках и о захоронении кладов — чего доброго, может быть, вернуться и к древнейшим закланиям кладов. Все это настолько далеко от принципа нашего Пакта, что Вам тем легче не только подчеркнуть наш приоритет, но и доказать всю несравнимость этих подходов к мыслям о всечеловеческих творческих сокровищах. Для карикатуристов неиссякаема тема изобразить высочайшие соборы, обложенные мешками с песком доверху, сверх шпица. «Не стройте на песке». Действительно, плохо положение человечества, если оно должно надеяться на пески и должно отставить всякие помыслы о гуманитарных основах. Все происходящее дает Вам и нашим друзьям право очень громко заговорить об истинной охране всенародных сокровищ. Говорят, что страус, чувствуя опасность, засовывает голову под крыло или в песок. Поистине, естественная история дает множество примеров. Конечно, людям следовало бы многому поучиться и у муравьев и у пчел, которые обладают прекрасной организацией».

В каждом из получаемых журналов имеются потрясающие снимки со всевозможных варварских разрушений. Только подумать, что все эти документы останутся на срам и позор всего современного человечества. На это могут сказать, что ведь не все человечество занимается разрушениями. Правда, но делаются эти вандализмы у всех на глазах. Когда же мы подсчитаем процент возмущающихся против происходящего варварства, то, увы, этот процент во всем мире не будет уже таким подавляющим. При каждом уличном происшествии можно наблюдать любопытнейшее деление психологии. Одни чистосердечно спешат на помощь, другие приближаются из пустого любопытства, третьи отступают в постыдном небрежении и страхе, а четвертые еще и злорадствуют! При каждом вандализме можно наблюдать именно такое же деление. Но ведь не все ли равно, будут ли вандалы активными или пассивными, в существе своем они остаются теми же некультурными разрушителями. Попустительство мало чем отличается от самого преступления.

Вот об этих пассивных вандалах человечеству тоже пора подумать. На их глазах совершаются всевозможные непоправимые разрушения. В одном случае они произойдут от бомб и так называемой тоталитарной войны, а в других — они совершаются и без бомб, на глазах у всех посредством яда человеческого. Еще большой вопрос, который яд опустошительнее, — будет ли это газовая атака или будет преднамеренное злостное разрушение культуры. В так называемых мирных действиях сейчас происходят немалые антикультурные деяния, а «народ безмолвствует», и толпы так же, как в каждом уличном происшествии, разделяются на четыре разряда. При этом — увы! — число стремящихся к обороне культуры весьма мало, но зато толпа любопытствующих и злорадствующих весьма велика.

Каждый из любопытствующих и злорадствующих находит или, вернее, старается найти причины своего бесстыдного поведения, но они не желают подумать, что в таком образе действия они причисляют себя к вандалам и участвуют в непоправимых разрушениях. Каждый уклоняющийся от содействия обороне культуры уже навсегда сопричтется к пассивным вандалам. Ведь в каждой пассивности имеется своего рода активность, и такая «активность» может быть еще страшнее и отвратительнее. Последствия ее отзовутся на разложении всей нации. Пусть пассивный вандал не думает, что его промолчание не отзовется где-то актуально. Наоборот, история отыщет не только вандалов активных, но и всех тех, которые попустительствовали и бесстыдно глазели, как при них совершались мучительства и опустошения. Как бессердечны, как жестоки эти молчание, притворяющиеся глухими, когда человек возопить должен!

Мы говорили об обороне всего ценного для прогресса человечества. Одно — оборона, но совершенно иное — агрессия. Мы звали не обложиться мешками с песком, но противопоставить мощь мысли о культуре, которая должна предотвратить непозволительные разрушения. Истребляют, разбивают и рассеивают памятники культуры, а человечество не только попустительствует, но оно складывает страницу истории: и какая это будет мрачная страница! В ней будут запечатлены озверелые мучители и разрушители, а наряду с ними будет сказано, как огромнейшая часть человечества своим бессердечием потворствовала и способствовала вандализму.

Разнообразны способы способствования преступлению. Можно не сбросить самолично бомбу с аэроплана, но зато изготовить ее и изобрести, и продавать самые человекоубийственные орудия и вещества. Можно противодействовать культурным начинаниям, можно разрушать или искажать созидательные мысли и тем способствовать одичанию. Из преднамеренных преступных замыслов может возникать рассеяние, расчленение и уничтожение целых объединенных накоплений. Каждый, кто делом или мыслью будет способствовать таким опустошениям, навсегда сопричислится к вандалам, опустошавшим дух человеческий.

Страшные дела творятся в мире. Самые истребительные войны уже не называются войнами; непоправимые разрушения называются «переменою политики», и вандалы спесиво изобретают себе новые мундиры и одеяния, считая себя вершителями судеб. Не все ли равно, каким именно шагом человечество будет спешить к самоистреблению и к братоубийству? Может быть, будет изобретен и особый бег, чтобы поспешить к преступному вандализму. Но неужели же огромное большинство любопытствующих и злорадствующих, этот гнусный «терциус гауденс»⁵⁴, не может понять, что они-то и способствуют всевозможным вандализмам. Попустительство есть соучастие в преступлении. Возопить должен человек против вандализма.

1938 г.

Охранителям

Культурных Сокровищ

Громы Европейской войны требуют, чтобы опять было обращено живейшее внимание на охрану культурных ценностей. Пакт о таком охранении находится на обсуждении в целом ряде европейских государств и уже подписан двадцатью одной республикой Америки. Конечно, при начавшихся военных действиях уже невозможно ожидать, чтобы какие-то соглашения во время самой войны могли произойти. Тем не менее деятельность наших комитетов во всякое время должна быть плодотворной. Вспоминая положение охраны культурных ценностей во время войны 1914 года, мы должны сказать, что в настоящее время этому важному вопросу уделено несравненно большее внимание со стороны правительств и общественных учреждений. Без сомнения, работа наших комитетов, благотворно возбуждая общественное мнение в этом преуспевании, оказала свое влияние. Кроме правительственных распоряжений, именно общественное мнение является первым охранителем национальных сокровищ, имеющих всемирное значение. В течение прошлой великой войны мы прилагали посильные меры, чтобы обратить внимание на недопустимость разрушений исторических, художественных и научных памятников. Затем в течение недавних столкновений, как, например, в Испании и Китае, нам приходилось слышать об упоминании и приложении нашего Пакта. Также и теперь все наши комитеты и группы друзей, которым близка охрана народных сокровищ, должны, не покладая рук, не упуская ни дня, ни часа, обратить общественное внимание на

⁵⁴ *Терциус гауденс* (лат.) — «третий радующийся».

важность и неотложность охраны творений гения человеческого. Каждый из нас имеет большие или меньшие возможности для распространения этой всечеловеческой идеи. Каждый имеет связи в печати или состоит членом каких-либо культурных организаций, и да будет его долгом сказать повсюду, где он может, доброе и веское слово об охране всего, на чем зиждется эволюция человечества... 24 марта наш Комитет предпринял ряд шагов перед Европейскими правительствами, обращая внимание их на неотложность охраны культурных ценностей. Такой призыв был, как видно, чрезвычайно своевременным. Пусть же теперь каждый сотрудник в культурном деле припомнит все свои связи и возможности, чтобы посильно укрепить общественное мнение, ибо оно прежде всего является охранителем мировых сокровищ. Друзья, действуйте спешно!

1939 г.

Шовинизм

Шовинизм — очень опасная эпидемия. К прискорбию нужно сказать, что и в наш цивилизованный век эта болезнь распространяется по миру яростно. Постоянно вы можете слышать из самых различных стран, что национализм поднимается в виде шовинизма. Все — доброе и худое — прежде всего отстукивается в области культуры. Так и в данном случае, национализм, понимаемый в виде шовинизма, прежде всего отражается в искусстве и в науке и приносит с собою не рост, но разложение. Постоянно приходится слышать о том, что в той или другой стране должна быть какая-то своя культура, отличная от всех прочих, должно быть какое-то свое ограничительное искусство и какая-то своя особенная наука. Точно бы искусство и наука могут отойти от всечеловечности и замкнуться в предрешенные узкие рамки. Спрашивается, кто же такой будет брать на себя эти предрешиения. Кто же во имя какой-то мертвой схоластики может лишать искусство и науку их живых неограниченных путей. У русских всегда было много недоброжелателей. А между тем именно в области шовинизма Русь могла бы дать много прекрасных примеров как из прошлого, так и из ближайшего времени. Вспомним, как доброжелательно впитывала иноземные достижения Киевская Русь, затем Москва и все послепетровское время. В Московской Третьяковской галерее имеется и иностранный отдел. Собрания Щукина, Морозова, Терещенко, княгини Тенишевой и всей блестящей плеяды русских коллекционеров имели превосходные произведения иностранного искусства. Никто не сетовал на них за это, наоборот, все радовались, что таким путем молодые поколения даже и в пределах своей родины имеют возможность знакомиться с лучшими иностранными достижениями. При этом можно было видеть, что русскость нашего искусства вовсе не страдала от такого обилия иноземных образцов. Там, где сильна сущность народа, там нечего беспокоиться об угрозе подражания или обезличивания. Там, где живет строительство, там все примеры и все пособия будут лишь желанною помощью. Здоровый организм переварит все новое и даст свое выражение души своего народа. Шовинизм будет лишь знаком позорной боязливости или зависти. Кроме прискорбных знаков шовинизма сейчас замечается и эпидемия переименований. Только что исчез Сиам и появился для удлинения Маунг-Тай. При этом указывается, что «Сиам» есть слово иностранное и потому должно быть заменено. Не знаем, на каком именно иностранном языке слово «Сиам» имело свое значение. Может быть, в наименовании Маунг-Тай скрыты какие-то магические созвучия, и они помогут быстрому и прекрасному росту этой древней страны. В таком случае, мы даже перестанем жалеть всех школьников, которым по неизвестным для них причинам приходится переучивать многие названия. А географические карты по нынешним временам должны перепечатываться почти ежегодно. Кто знает, может быть, и Греция задумает переименоваться в Элладу. Если такое переименование обнаружит в Греции философов и

художников, равных ее классическим прообразам, тогда пусть вместо Греции будет Эллада. А школьники могут поднатужиться и заучить и это переименование. Если переименования происходят от какого-то своеобразного шовинизма, тогда они были бы одним из самых грустных явлений нашего века. Конечно, при римлянах Париж назывался Лотенией, и многие английские города имели римские названия. Но нельзя же себе представить, что, в силу каких-то желаний, Париж исчезнет и заменится или древнегальским словом, или каким-то неожиданно современным. Не будем думать, что эпидемия переименований тоже является каким-то особым видом опаснейшей болезни человечества. По счастью, слово «шовинизм» никогда не было почетным. Так же точно алкоголизм или наркотизм и всякие другие измы не произносятся с восторгом, а если и говорят, то с каким-то явным или тайным устыжением. Интересно бы припомнить, при каких именно обстоятельствах и кем именно изобретено слово «шовинизм». Мы слышали, что и гильотина была изобретена ради милосердия. Неужели и шовинизм был изобретен ради мирового торжества культуры?!

3 июня 1939 г.

Подвиги

Пляшут ли человеки? Да еще как! Ведь на «Титанике» в минуту гибели тоже плясали.

Живы ли «сопляжники»? Живы до безумия. Миллионы мяса человеческого толкутся на заплыванных пляжах. Видели такие фотографии.

Пошли ли все спортивные команды на оборону? Армагеддон уже долго свирепствует, а спортивные борцы и кидатели все еще призы получают. Не для геройства ли расцветали всякие «спортсмены»? Отчего же они не на полях битв?

Странно и дико видеть целые газетные страницы, занятые отчетами о разных состязаниях с выдачею призов. Точно бы в мире ничего не случилось.

Говорят, и бега конские по-прежнему привлекают толпы. Может быть, и биржи действуют во «благо» арматоров⁵⁵. Удовольствия к наслаждению, под сенью раззолоченных отелей, глумятся над чужою бедою. Об этом позоре человеческого сознания свидетельствуют многие голоса.

Какими же примерами из древних времен напомнить, из чего слагался расцвет и чем зачинаялось разложение. Одна история Римской империи дает поразительные указания. А Вавилон? Египет? Эллада? Блистательная Порта? Мало ли знаков из разных веков и народов.

Не говорим, подобно траппистам, «мemento мори»⁵⁶, но о будущем мыслим. Спешат события. Пришло переустройство мира. На всех путях человек должен помочь судьбе.

Правда, русский народ, во всех своих народностях союзных, помыслил и о геройстве, и о красоте лишений ради будущего, и о строительстве спешном.

Вольно и невольно все страны, каждый по-своему, оценили ярое достижение русское. Злятся многие, а должны признавать русскую мощь. Каждый хотел бы иметь другом медведя. Добрый зверь без нужды не нападет.

Окрепло войско русское. Народ полюбил слово «герой». Отмечены герои на всех полях жизни. Герой труда! Что может быть прекраснее такого победного творчества?

Единица труда вознеслась над золотом. Величайшее суеверие —

⁵⁵ *Арматор* (лат.) — вооружающий.

⁵⁶ *Мemento мори* (лат.) — помни о смерти.

золотой Молох ⁵⁷— проваливается в мрачные бездны. Творчество, труд, знание расцветут, если они покрыты понятиями героизма, подвига.

1940 г.

Договор

Мировые события не раз напоминают об охране культурных ценностей. В жестокой форме происходят эти напоминания. В грозе и молчании, в разрушениях и бедствиях. Сколько непоправимого совершается.

Договор об охране ценностей человечества выявил три группы людей. Одни, в бессердечии, просто отмахнулись! Другие пустились в нелепые рассуждения, может ли знамя охранять ценности и не нужно ли нарисовать знак и на крышах. Точно бы эти люди и не знали, что и знак Красного Креста сам по себе не может защитить, но является напоминанием и вызывает к совести человеческой. Третьи вполне поняли смысл договора и осознали, что знамя есть знак, есть символ общечеловеческих сокровищ. Знак объединяет и ведет к следующим мерам. Соглашения эти так же возможны, как международный почтовый союз, пути сообщения, Красный Крест и прочие человеческие договоры, многолетне уже испытанные.

Мы давно указывали на идею городов-музеев, которые, лишенные всяких военных условий, признаются неприкосновенными. Некоторые русские города уже объявлены такими музеями. Во время наших двух международных конференций в Бельгии идея неприкосновенности исторических городов живо и благожелательно обсуждалась. Путеводный знак вел к дальнейшим естественным мерам.

Случилось почему-то, что Берлин и Лондон холодно отнеслись ко всем этим суждениям. Сейчас с удивлением можно видеть, что именно эти два центра перебрасываются разрушительными снарядами. Не знаем, что именно повреждено в Берлине, но, вероятно, разрушения не малы. Среди скудных газетных сообщений о Лондоне мелькают повреждения дворцов Кенсингтонского и Букингемского, Холланд Хауза, некоторых музеев и до сотни церквей, среди которых есть и старинные. Размеры опустошений могут возрастать.

Будто бы Италия предложила Греции, что Афины не будут бомбардированы, если в свою очередь и Рим не подвергнется налетам. Если это так, то ведь недалеко и до соглашения о неприкосновенности некоторых городов. Может быть, сами события двинут естественные меры охраны мировых сокровищ.

1940 г.

К дальним

Хочется побеседовать со всеми ведомыми и неведомыми друзьями. Знаем, что большинству из вас, а вернее, и всем нам сейчас тяжело. Ваша культурная работа как бы не нужна. Часто о ней даже и заикаться не приходится. Трудно и морально, и денежно. Самые лучшие начинания неуместны. Отчаиваются соратники. Проползает сомнение. Слова о лучшем будущем кажутся химерами.

По счастью, в глубинах сознания, внемерно и неумолчно звучит голос победы. Много вы передумали, много перечитали, много беседовали, чтобы вызвать и укрепить этот спасительный приказ. Восхищение, восторг, радость тоже должны быть приказаны себе. В этом твердом волении скажутся познания ваши, накопленные, собранные.

Приказ о радости вырастает из постоянного творческого делания. Будет оно или

⁵⁷ Молох — божество, требующее кровавых жертв.

мысленное или действенное — безразлично. Важно, чтобы оно было, и тогда не обуреет вас отчаяние. Кто-то скажет — опять слова, а действительность больно ударяет нас. Того гляди, и череп проломит! Для кого слова, а кому и утверждение. И если в таком утверждении встретимся, то вместо слов вырастут решения.

Об Армагеддоне достаточно слышали, и потому нечего поражаться. Происходит сложенное человечеством. Гроза, и ливень, и вихрь! Если над вами есть кровля — переждите. Не бросайтесь опрометью во тьму. Если бы вы могли по-прежнему общаться, многое могло быть обдумано на пользу общую. Но ненастье настолько велико, что общения прерываются. «И это пройдет». Даже в трудные дни накопим и научимся. Среди накоплений будет ценным сознание о друзьях невидимых. Говорят, что и больным легче вместе. Также и труждающимся легче сознать о путниках на тех же путях.

О культуре всегда уместно было мыслить, но теперь особенно. Пусть даже о разных плоскостях ее думается. Все равно — лишь бы о строительстве, о познании, о труде сознательном. По этому направлению все вы мыслите на разных наречиях, в разных странах.

Реальность, действительность зовет вас, и вы знаете, что добро едино, во всем своем многообразии. К одному берегу пристанут труженики культуры. Радостна будет встреча. Друзья, порадуемся!

1941 г.

Охраните!

В журнале Королевского Азиатского общества, в обзрении трудов Исторического конгресса в Аллахабаде отмечена единогласная резолюция, принявшая наш Пакт. Казалось бы, грохот пушек, взрывы и разрушения уже похоронили идею охраны культурных ценностей. Но сама жизнь то здесь, то там опять напугает о культуре и о трудах всех, кому наш Пакт был близок.

Бывают такие живые мысли, которые рано или поздно выплывают и требуют разрешения. Как бы ни пытались разрушители затоптать все, чем жив дух человеческий, сама жизнь вернет мысль на путь созидания. Международны созидатели и разрушители. Их психология не уложится ни в какие международные права.

Для одних гуманитарные науки, вся человечность вообще не нужны. Механика и узкий материализм их одолел и унижил.

Но другие понимают, что сокровища творчества — суть истинные ценности, подлежащие всенародной охране. Созидатели по природе своей стремятся возвысить все творения гения человеческого. Для одних гений вообще несуществующее понятие, но другие уважают все, вышедшее за пределы рутины, любят помыслить о строительстве, которое возведет народ к лучшему, светлому будущему.

И под грохот губительных взрывов, утесненные, рассеянные, все же живы друзья строительства прекрасного. Если нет средств спасти человеческие творения, то все же осталась мысль о спасительных путях. А где крепка и чиста мысль, там зарождаются и возможности!

Молодежь! Вы самые юные, самые устремленные в светлое будущее, перечтите, что писалось о сохранении культурных сокровищ, и продолжите нашу работу. Мы-то уйдем, но вы останетесь в жизненной борьбе и превозможете многие препоны.

Для вас, для молодых, культурные сокровища будут истинными ценностями. Вы поймете, что эти сокровища составляют всенародное достояние. Так же, как и Родина, культура должна быть охранена, оборонена. Вы знаете, что Армагеддон порушил многое неповторимое. Охраните!

6 декабря 1941 г.

Огрубение

Опять заговорили о возможности газовой войны. Правда ли это или только острастка — покажет будущее. Но уже одни толки допускают и этот чудовищный вид истребления. Так, чтобы не только человечество уничтожалось, но чтобы и сама земля отравлялась. Куда же дальше?

И без того уже ползает мрачное огрубение. Люди совершенно спокойно толкуют о таких ужасах, какие раньше бы и в голову не пришли. Зверство входит в обиход человеческий. За огрубением протолкнется и мохнатое одичание. Ужасен лик цивилизованного дикаря. И не только взрослые, но и дети уже болтают о диких выходках.

Влезло огрубение в сердце человеческое, и трудно выгнать такого отвратительного посетителя. Врачи говорят, что при болезни здоровье уходит фунтами, а при выздоровлении возвращается золотниками. То же можно сказать и об огрубении. Тиранически овладеет оно человеком, перестроит весь обиход, опошлит мышление, и где те меры в современном государстве, которые освободят человека от безобразного одержания?

Скажете — школы, но и в них влезло огрубение. Скажете — творчество, но ведь и оно в услужении грубости. Даже язык человеческий превращается в какой-то тюремный, кабацкий жаргон. И все это влезает помаленьку да полегоньку. Но тяжеленько становится от такого «полегоньку».

Плохое утешение, что дикари вымрут, но как же быть с молодежью, с детьми? Яд огрубения хуже любого наркотика. Сколько потребуется лучших помыслов, чтобы изгнать беса дикости?

Не будем закрывать глаза: человечество заболело огрубением. И от тяжких болезней можно излечиваться, но при болезни Культуры какие же операции потребуются? И где та сестра милосердия, которая займется уходом? Ведь и у нее самой болит сердечко от огрубения. Помогите болящим, сестра милосердия!

Теперь и «милосердие» особенное. Из «милосердия», пожалуй, сотворят такие чудовищные бомбы, что они будут разрушать целые города. Впрочем, ведь и гильотина изобретена из «человеколюбия». Из такого же «милосердия» изобретен и электрический стул. В Чикаго настоятельно звали посетить скотобойни. С гордостью заявляли об ежедневном убийстве пятидесяти тысяч скота. Помогите, сестра милосердия.

12 мая 1943 г.

К Будущему

Декарт, Паскаль, Мольер не были включены во Французскую Академию. Не были признаны «бессмертными» в кавычках. Беру пример из множества ему подобных в разных странах. Все это заметки для будущего. Авось одумаются и захотят мыслить по справедливости, хоть по самой убогой справедливости. Мировой пересмотр должен помаленьку совершаться. Говорю не о политическом «шапочном разборе» — он уже много где дает себя чувствовать, даже не дожидаясь конца войны. Вероятно, он будет не менее жесток и кровожаден, нежели бомбы. «Человеческое слишком человеческое!»

Люди должны помыслить о культурных перестроениях, об истинном просвещении, о биологической нравственности. «Гуд тайм» и джаз еще не наставники. Рассказывали, что в предвоенное время нацистские студенты являлись на экзамены с револьвером, угрожая несговорчивому профессору. Рассказывал это сам профессор, человек достоверный. Может быть, и в иных странах бывали всякие подобные насилия. Когда культура шатается, тогда можно ждать всевозможных уродств. Пусть будут эти язвы вскрыты, чтобы при дальнейших построениях избежать таких античеловеческих

проклятий. Довольно крови, довольно человеконенавистничества!

Только от школы, от семьи могут быть услышаны эти спешные зовы. Пусть они будут не только гласом в пустыне, но приказом набатным. Много говорилось о разных вандализмах, но вандалы и вандальчики и в ус не дуют и продолжают свое скверное дело, дикое. Мне приходилось видеть пожимание плечей, мол, довольно о вандализмах. Ну, сказал и довольно. Нет, миленькие, вовсе не довольно. Красный Крест культуры вовсе еще не осознан. Синодик⁵⁸ зверских вандализмов растет и даже, страшно сказать, очень умножается. В основе гнездится невежество. Ведь оно может жить и во фраке с орденами. Доживет ли человечество, когда военные бюджеты будут перечислены на просвещение?!

1944 г.

Знамя Мира

«Идеи не умирают, они порою дремлют, но они просыпаются еще более сильными, чем были до своего сна». Не умерло Знамя Мира. Оно свернулось, пока зверствует война. Но придет час, когда вновь сознательно обратятся к заботе об охране культурных ценностей, к этой истинной основе мира. И не об одних только культурных ценностях Знамя Мира трепещет. Оно трепещет о сердце человеческом, с том великом сокровище, где создается обновленное будущее. Сердце человеческое жаждет мира, и, может быть, этот мир уже близится.

Удивительно было узнать, что сейчас Р. Ренц в серии библиотеки «Нового мира» издает в Дели брошюру, посвященную нашему Знамени Мира. Еще гремит война, а культурные деятели уже выдвигают то, к чему неизбежно вернется человечество. Никогда не знаете, какими путями продвигается идея.

Вот она обнаруживается среди издания библиотеки «Нового мира». Мы об этом не говорили. Культурная необходимость выросла сама собою нежданно, по логике несказуемой, непререкаемой. По несказуемому маршруту движется идея. Иногда книга, оставленная на перекрестке, попадает в наиболее достойные руки. Неведомы пути крылатой мысли. Мысль и победа изображались крылатыми. Иначе их и не представить.

Друзья, нам иногда казалось, что осознание истинных культурных ценностей еще не осенило смятенное человечество. Не нам судить. Наверное, добрые посевы где-то дают всходы. Мы временно не знаем их. Но полезная поросль уже крепнет.

Племя молодое на своем языке произносит священные клятвы, те самые, которыми горели и мы. Те же самые знакомые ручьи и потоки широко разнесли обрывки листов и сохранили весть для могущих принять ее.

Помню книжку о Знамени Мира, неожиданно появившуюся в Шанхае перед войною. Вот «Фламма» из Либерти-Индиана тоже несла ту же весть о Знамени Мира. Вот брошюра из Буэнос-Айреса. Вот брошюра из «Ревью» Международного права. Вот и «Маха-бодхи» в Калькутте. А сколько писем, запросов... И все это нежданное! В такой неожиданности — особая прелесть. Именно идеи не умирают.

Много «Знаменных» славных деятелей, так сказать, первого набора, к прискорбию, уже ушло, но приходят другие. Каждого из вновь приходящих хочется спросить, где и как услышал он впервые? Обычно узнаете о каких-то неожиданных путях, подчас красивых и героических. Молодые сердца пылают. Часто они стесняются обнаружить свои мечты, но отогрейте приветливо, и радость войдет. Вернее, влетит, ведь она тоже крылатая.

Перелистайте литературу о Знамени Мира, о договоре охраны культурных сокровищ. Не мала эта литература — более трехсот книг, брошюр, статей на разных языках. А сколько упоминаний в других книгах, в очерках, в речах. Какие благородные, незабываемые мысли выражены в этих зовах и утверждениях. Смотрю на фото наших

⁵⁸ Синодик — список умерших для церковного поминовения.

конференций в Брюгге и Вашингтоне ⁵⁹. Такие собрания не проходят бесследно. «Орифламма» ⁶⁰ широко пронесена по миру. В книгохранилищах сбережены зерна оповещений. Эта весть понадобится скоро. Народы вспомнят о трудах бывших и восполнят их прочными достижениями. Идеи живут! Развернется Знамя Мира!

1944 г.

Друзьям Знамени Мира

Дорогие друзья, порадуемся.

Вам привет от Гималаев. Образовался Комитет «Знамени Мира». В журналах появляются статьи и добрые отзывы на новую брошюру. Раздаются голоса о принятии Пакта правительством. Несмотря на повсеместное напряженное состояние, радостно отметить, что общественность заботливо отзывается на защиту сокровищ культуры.

Мы уже не раз говорили, что никакие указы не создадут культуру и не защитят ее, если общественность будет безразлична и бездеятельна. Культура есть выражение всего народа. Защита и возвышение ее есть всенародная обязанность. Положение культуры на Земле за малыми исключениями весьма неудовлетворительно. Варварские разрушения, непоправимые уничтожения, унижение человека происходили на глазах у всех. Кто-то негодовал, а кто-то не уделял внимания происходящему вандализму. Многие вообще не отличали культуру от механической цивилизации.

В школах, в народных школах понятие Культуры не произносится, и кто-то предполагает, что это нечто от агрикультуры или спорта. Не говорится, что долгожданный Мир придет через Культуру. В семьях разговор о высокой Культуре считается скучным. В людских собраниях упоминание о Культуре граничит с неприличием. По-прежнему толпа требует: «Хлеба и зрелищ!» Да и как забыть о хлебе, когда изо всех углов угрожает голод. Но ведь давно сказано: «Не о хлебе едином жив будет человек».

Мы уже говорили о неотложности привлечения к культурной работе молодежи и женских организаций. Некоторые простаки думают, что если министерства народного просвещения существуют, то народу нечего помышлять о культуре. За него кто-то все сделает. Но культура есть дело всенародное. Творится она всенародно. История всех веков и народов учит, как из толщи народной расцветала культура, плодами которой восхищается человечество. Но и одичание не дремлет. Скелет уничтожения всегда готов протянуть костлявые пальцы для удушения всего устремленного к светлому будущему.

Задолго до Красного Креста были больницы и врачи, но потребовался призывный объединяющий символ, и никто не будет отрицать, что Знамя Красного Креста сослужило всенародную пользу. Народу нужно Знамя, нужен ободряющий призыв, особенно теперь, в век народоправства. Вот и Знамя Мира напоминает народу о нужнейшем — о Мире, о Культуре. Даже самое малое предприятие имеет свой знак. Опытные деятели весьма дорожат своим знаком и чтут его, как угловой камень предприятия.

Знамя не есть пустой звук, но есть зовущий благовест к совместному бодрому сотрудничеству. О международной, о всенародности говорят. Ждут ее как панацею. Знамя Культуры пусть развеивается над каждым культурным очагом. Оно повелительно скажет вандалам: «Не тронь — здесь всенародное достояние!» Только что на наших глазах погибли многие мировые сокровища. Гибнут они и в дни войны, и во время так называемого мира среди всяких столкновений.

⁵⁹ Конференции в Брюгге и Вашингтоне — три первые международные конференции Пакта Рериха (Брюгге — 1931, 1932; Вашингтон — 1933), завершившиеся подписанием Пакта американскими государствами в 1935 г.

⁶⁰ «Орифламма» (лат.) — «Пламенная Мадонна, или «Владычица Червонно-Пламенная» — картина Н. К. Рериха, написанная к конференции в Брюгге.

Обо всем этом мы уже писали и зывали. Но время полно напряжения и народных движений. О Культуре опять нужно говорить. Из словарей всех языков нужно найти самые зовущие, самые убедительные слова. Сердце человеческое хочет мира. Сердце человека поймет зов о Культуре, о светлом содружестве и сотрудничестве. Знамя Мира, Знамя Культуры, победно развейся над сокровищами всенародными. «Мир через Культуру».

Скоро полвека, как мы боремся против вандализма. Но чудище невежества растет на глазах. Народы и правительства должны неотложно принять меры к ограждению сокровищ общечеловеческих.

1 июня 1947 г.

Credo

Пишут, что не знают мое credo. Какая чепуха! Давным-давно я выражал мое понимание жизни. Ну что ж, повторим еще раз:

«Искусство объединит человечество. Искусство едино и нераздельно. Искусство имеет много ветвей, но корень един. Искусство есть знамя грядущего синтеза. Искусство — для всех. Каждый чувствует истину красоты. Для всех должны быть открыты врата «священного источника». Свет искусства озарит бесчисленные сердца новою любовью. Сперва бессознательно придет это чувство, но после оно очистит все человеческое сознание. И сколько молодых сердец ищут что-то истинное и прекрасное. Дайте же им это. Дайте искусство народу, куда оно принадлежит. Должны быть украшены не только музеи, театры, школы, библиотеки, здания станций и больницы, но и тюрьмы должны быть прекрасны. Тогда больше не будет тюрем...»

«Предстали перед человечеством события космического величия. Человечество уже поняло, что происходящее не случайно. Время создания культуры духа приблизилось. Перед нашими глазами произошла переоценка ценностей. Среди груд обесцененных денег человечество нашло сокровище мирового значения. Ценности великого искусства победоносно проходят через все бури земных потрясений. Даже «земные» люди поняли действительное значение красоты. И когда утверждаем: Любовь, Красота и Действие, мы знаем, что произносим формулу международного языка. Эта формула, ныне принадлежащая музею и сцене, должна войти в жизнь каждого дня. Знак красоты откроет все «священные врата». Под знаком красоты мы идем радостно. Красотою побеждаем. Красотою молимся. Красотою объединяемся. И теперь произнесем эти слова не на снежных вершинах, но в суе города. И, чуя путь истины, мы с улыбкою встречаем грядущее».

Писалось это двадцать лет назад, а говорилось и гораздо раньше. Те самые, кто говорит, что они не знают, отлично слышали от меня самого. Знать-то они знают, но для каких-то целей им нужно набросить тень, внести неопределенность. «Клевещите, клевайтесь, всегда что-нибудь останется». А мы все же будем звать к прекрасному, и ценность творчества будет нашей основой.

1938 г.

Культура

Друзья мои!

Скажем кратко, в чем сущность наших задач и стремлений. Все определенное может быть выражено кратко: мы помогаем Культуре. А если кто в минуту дерзновения возьмет на себя бремя сказать: «Мы слагаем Культуру», то он будет недалек от истины.

Каждый помогающий разве не является и сотрудником?

Мы просим наших друзей каждый день мыслить, произносить и применять понятия Красоты и Культуры. В этом нет ничего нового, ибо вообще ничего нового нет. Но мы собираем около этих ценных понятий новое усилие, мы стремимся помочь напряжению созидательной энергии. Мы стремимся изучать и воплощать так называемую абстракцию в реальность. Очень легко из каждого действия сделать абстракцию. И в этой отвлеченности утерять возможность действенности.

Мы видим постоянно, что самое реальное учение жизни превращается искусной риторикой в недостижимую абстракцию и для успокоения малодушия передается в неосязаемую облачность. Сделать эти искусственно созданные великие абстракции реальностью и сущностью жизни есть ближайшая задача Культуры. Невозможно представить себе, чтобы истинное познание сущности, истинное учение жизни что-то только запрещало, отсекало и омертвляло.

Истина будет там, где будет явлено беспрепятственное строительное расширение, вмещение и любовь к неустанному подвигу. Враги наши говорят, что мы будто бы образуем из себя какое-то особое племя. Если бы под этим они подразумевали народ культуры, то, пожалуй, и это вражеское определение, как это часто бывает, явилось бы близким к истине. Этой истины мы и не будем бояться. Если, как высшее обвинение, отживающий черный век скажет нам: «Вот, собрались мечтатели и воображают, что они могут помочь человечеству». Ведь именно в этой помощи человечеству нас и укоряют. Но каждый из рассеянных по всем странам соратников наших при этом улыбнется и скажет: «А разве каждый естественный труд не является помощью человечеству?» Ибо мерзко было бы думать, что каждый трудящийся трудится лишь для себя самого. Нет, он трудится для кого-то, ему не известного. И тот неизвестный примет этот безымянный труд, как некое выражение Благодати, облегчающее ему прохождение земного пути. Не мечтатели, но воплощатели мыслей; мечта улетает в безбрежный воздушный океан, но воплощение мыслей творит сущности и цементирует пространство грядущими созданиями. О творчестве мыслью во многообразии говорили все религии, все учения. За многие тысячелетия до нашей эры египтяне знали это творчество мысленное. И еще сказано всюду: «Мысль и любовь». И под видом сердца и змия и чаши, во всем многообразии благих символов дается то же предназначение мудрое: «Мысль и любовь».

Ведь из мысли, эманации совершенно реальной, мы ухитрились сделать отвлеченность. Мы забыли, что не рука, но мысль и творит и убивает. А из любви мы сделали или кислое воздыхание, или мерзость блуда. Дошло до того, что некоторые отрасли Христианской Церкви совершенно недавно даже санкционировали аборт. Это несчастное узаконение должно понимать как высшую меру отрицания духовности. Подумайте, если Церковь, вместо мудрого распределения сил и воздержания, будет рекомендовать убийство. Если постоянно говорится о делении мира на созидателей и разрушителей, то ведь эта мера была бы страшным знаком разрушения. Но культура, по сущности своей, не знает разрушения, как такового. Она безудержно, беспрестанно создает, она постоянно покрывает новым, высшим куполом несовершенство вчерашнего дня. Но где же тот камень, который не пригодился бы мудрому строителю, берегущему каждую возможность? Истинно, в разных частях света сейчас возникает напряжение строительной энергии. Ряды молодых работников вопиют: «Мы изнемогли от разрушения, мы отяжелели от бессмысленной механизации, мы хотим творить, мы хотим делать ту полезную работу, которая соединила бы нас с светлым будущим». В старых учениях всегда указывался мост, соединяющий старый и новый мир. И нигде не говорилось ни о разрушении, ни о насилии.

Если мыслить о духовности будущего, то ведь эта духовность не будет отвлеченной, но снова она вернется в зримость, в осязательность, в непреложность. И снова Благодать станет вещественною, как вещественна и весома даже мысль. Если кто облагораживает жизнь свою, если кто вместо сорительного злоречия старается вернуться

к творчеству светлому, разве это смешно? Ведь хихикать будут только невежды, для которых само Знание уже является отвлеченностью, а сама Красота ненужною роскошью, и сама Благодать младенческою сказкою. Но самые серьезные ученые уже давно пришли к заключению, что сказка есть сказание. А сказание есть исторический факт, который нужно разглядеть в дымке веков.

Те же ученые показали нам, что Культура и достижение государств строились Красотою. Уберите памятники Красоты, и весь аспект истории нарушится. Живучесть Красоты, вековая жизнеспособность культуры говорит нам об истинном претворении отвлеченности в явленную жизнь.

Вот и мы, вовсе не мечтатели, но работники жизни, и апостолат наш прежде всего в том, что мы стремимся сказать народу: «Помни о Красоте, не изгоняй ее облик из жизни и зови действительно и других к этой трапезе радости! А если увидишь союзников, не отгони их, но найди всю меру благого вмещения, чтобы позвать нас на то же мирное необъятное поле труда и созидания. В Красоте и в духе укрепятся силы твои, и взглянешь ты ввысь, и прострешь крылья свои, как завоеватель сужденного Света... В дни особых смятений и содроганий мы будем твердить о том же созидании, о том же благодатном Свете. И нет такого условия, которое бы могло отвратить вступившего на путь созидания».

Не убоимся во имя Прекрасного и будем помнить, что насмешка невежества лишь толчок для подвига.

Отрешаясь от эгоизма, если будем не только сами стремиться по пути Прекрасного, но и будем всемерно открывать его близким, мы уже будем выполнять ближайшую задачу осветления Культуры — восхождения духа.

Иконы

Еще один иноземец уверовал в наши старые, чудесные, красивые иконы. Ришпэн смотрел в Москве выставку, устроенную Московским археологическим институтом, и пришел в восторг от красоты наших священных изображений. Вспомним, что Морис Дени и Матис, когда были в Москве, а Бланш, Симон и целая толпа лучших французов, когда видели наше искусство в Париже, воздали заслуженное нашим иконам и нашему старому искусству.

Называю иноземцев, ибо нам, своим, не верили, когда мы, в восторге, говорили то же самое. Даже всего десять лет назад, когда я без конца твердил о красоте, о значительности наших старых икон, многие даже культурные люди еще не понимали меня и смотрели на мои слова, как на археологическую причуду.

Но теперь мне пришлось торжествовать. Лучшие иноземцы, лучшие наши новаторы в иконы уверовали. Начали иконы собирать, не только как документы религиозные и научные, но именно как подлинную красоту, нашу гордость, равноценную в народном значении итальянским примитивам.

Слава богу, слепота прошла: иконы собирают; из-под грязи возжигают чудесные, светоносные краски; иконы издают тщательно роскошными изданиями; музеи гордятся иконными отделами; перед иконами часами сидят в восхищении, изучают, записывают; иконами гордятся. Давно пора!

Наконец мы прозрели; из наших подспудных кладов добыли еще чудное сокровище. Это сознание настолько приятно, что можно даже простить тот снобизм, который сейчас возникает около «модного» иконного почитания. Снобы — этот маленький ужас наших дней — пройдут и займутся новым «сегодняшним» днем, а правдивый «завтрашний» день сохранит навсегда великое сознание о прекрасном русском народном творчестве, выявившемся в старых иконах.

Кроме пополненных музеев, у нас разрослись богатые собрания Лихачева, кн. Тенишевой, Ст. Рябушинского, Остроухова, Харитоненко... Все это — крепкие, любовные

руки, и попавшее к ним будет свято и укрепится в твердом месте. Гр. Д. Толстой и Нерадовский тоже стараются для русского музея, и при них иконный отдел становится на должную высоту. Давно пора!

Хорошо сделал и Московский археологический институт, что вовремя сумел устроить хотя и небольшую числом, но великую значением выставку.

Радуюсь, что Москва оценила выставку, посещает, любит ее. Значение для Руси иконного дела поистине велико. Познание икон будет верным талисманом в пути к прочим нашим древним сокровищам и красотам, так близким исканиям будущей жизни.

Ступени

Открытые Врата

«Прошлое — ничто перед будущим». Не раз приходилось так усовещивать тех, кто сомневался в будущем и горевал лишь о прошлом.

«Из древних, чудесных камней сложите ступени грядущего». И так много раз писалось для тех, которые не хотели оценить сокровищ, накопленных в прошлом.

Странны такие противоположения. Кто обернут лишь к прошлому, а кто только смотрит на будущее. Почему же не мыслится синтез, связывающий одну вечную нить знания? Ведь и прошлое, и будущее не только не исключают друг друга, но, наоборот, лишь взаимоукрепляют. Как не оценить и не восхититься достижениями давних культур! Чудесные камни сохранили вдохновенный иероглиф, всегда применимый, как всегда приложима Истина.

Естественно, невозможно жить лишь в дедовском кабинете. Сам мудрый дед пошлет внуков «на людей посмотреть и себя показать». В записи о дедовском кабинете так и сказано. Уже не говоря о многих колючих и взыскательных дедах, но даже и хорошие из них не всегда ответят будущему мужественно и открыто.

Тем не менее, в дедовском кабинете накопилось то, что не найти во вновь отстроенном доме. У деда сохранились и многие рукописи, которым не пришлось быть широко напечатанными. Было бы легкомысленно вдруг отказаться от всех прекрасных накоплений.

Когда-то каждое будущее станет прошлым. Пусть шлифовка алмазов будет другая, но достоинство камня сохранится. Так говорим в полном устремлении к будущему. Конечно, будущее в своей беспредельности окрыляет и вдохновляет. И вообще, разве можно не любить будущее? Разве прошлое не является чудесными вратами к тому же будущему достижению?

Перл Бэк в своей последней статье о творческом духе Китая приводит следующий эпизод: «Мой друг, который является сыном старой Конфуцианской семьи и однажды сам был последователем Конфуция, но теперь горделиво объявляет себя ничем, выразился оскорбительно: именно Конфуцианизм убил в нас творчество».

Конфуций⁶¹ учил нас смотреть лишь назад, на мертвых, как на пример для нас. Ничто не оригинально! Все, не сотворенное по старым меркам, было неправильно. Этот обычай, равняться по другим, внедрился в наше мозговое вещество целыми столетиями, и потребует другое столетие, прежде чем мы сможем сделаться самими собою». Но молодой социалист сказал: «Нет, это империалистические императоры, которые повредили нам. Они видели путь удержать народ от мышления и заставляли умы основываться на старых классиках, как единственных средствах для продвижения, так что лучшие мозги в стране были заняты изучением мертвой литературы, вместо того, чтобы

⁶¹ Конфуций (ок. 551—479 до н. э.) — древнекитайский мыслитель, основатель конфуцианства — этико-политического учения, главным содержанием которого является достижение всеобщего благоденствия через нравственное совершенствование личности.

думать и творить в той современности, в которой они жили». А юный экономист сказал: «В конце концов, это просто вопрос экономии. Искусство и творческий дух могут процветать лишь во времена мира и благосостояния. Теперь уже годами мы не имеем ни мира, ни изобилия, как же мы можем мыслить, чувствовать и творить?»

Все три мнения подобраны чрезвычайно характерно. И нам не раз приходилось слышать умаления древних философов именно с упоминанием Конфуция. Но, в конце концов, который же из заветов Конфуция запрещал мыслить о совершенствовании, о будущем? Если кто-то изуверски извращал смысл его указаний, то об этом можно лишь сожалеть, но не умалять великого мыслителя Конфуция.

Еще недавно так же точно нападал на Конфуция известный профессор, и невозможно было понять, чем ему самому помешал древний мудрец, ибо профессор не был ни игнорамусом, ни отрицателем по природе. Наоборот, он был знатоком и ценителем отечественной и мировой литературы. Очевидно, всюду в преходящих волнах жизни и пророки, и мудрые должны быть временно похуляемы, для будущих обновленных утверждений.

Но должна же, наконец, наступить та творческая эпоха, когда знание будет лишь отворяющим, но не отвращающим. Нет новшества в осуждении. Оковы осуждения принадлежат тюрьмам, как и всякие оковы. Время ценно. Энергия благословенна. Опыт почитаем. Не на осуждение тратить все эти ценности! Безумна такая растрата, когда силы так безмерно нужны для устроения и созидания.

Входя под древние своды, не собираемся остаться жить под ними, но всегда помним поучительные начертания, усмотренные на старинных камнях. Знание старины убережет и от излишнего самохвальства. А вдруг окажется, что когда-то что-то лучше делали или знали нечто, нами утраченное. И в катакомбах, и в пещерах не замирала, но кипела такая творческая мысль, мощи которой можно лишь поучиться. Самоотвержение, познание труда, подвиг, неустанное творение вызовет не осуждение, но благую внимательность и проникновенность.

Люди различаются на осуждающих и на творящих. Но там, где заложено творчество, даже тюремные стены не подавят его. Сколько замечательных находений и трудов сотворено именно в тюрьмах.

По счастью, дух человеческий не знает тюремных затворов. В полной готовности к творчеству, во имя славного грядущего не будем умалять прошлого, со всею его поучительностью. Чаше всего подобные умаления — не что иное, как прием ораторства. Но прейдя границы минутного увлечения, люди понимают, насколько неблагоразумно пренебрежение, и начинают чувствовать ценность культуры во всем ее широком понимании.

Достаточно знаем, сколько научных данных сохранено пирамидами. Также знаем и современные государственные доходы от пирамид. А ведь сколько злословий было послано их строителям. Знаем расходы по построению Версальского дворца. Также знаем, что они равняются затратам по постройке одного броненосца, который через десятилетие признается устарелым, негодным и уничтожается на слом. Знаем и то, насколько Версаль является национальной гордостью Франции и дает поучительный, образовательный отдых народным массам. Знаем и Тадж-Махал, и храмы Нары, и святилища Майев, и дворцы Италии. В современных министерствах туризма все эти, не раз кем-то осужденные здания занимают первые места.

Можно приводить множество примеров тому, как именно доброжелательно воспринятое знание является истинными открытыми воротами. Но всякая преднамеренность и умышленное ограничение приведут лишь к постыдным умалениям, которые, прежде всего, не будут полезны странам в их истинном развитии. Может быть, соображение экономиста было бы ближе к делу, но и в этом случае можно привести примеры, когда лучшее творчество проявлялось в величайшей нужде и утеснении. Во всяком случае, Конфуций, сам в свое время преследуемый и мало понятый, не может быть

примером запрещающего ретроградства. Наоборот, в его четких и жизненных мыслях можно видеть прямой путь от прошлого к будущему. А любовь и преданность будущему должны быть врожденными. Никто и ничто не может лишить человека в устремлении к светлому будущему, к открытым вратам Света.

27 июля 1935 г.

Тимур Хада

Ступени

На север от нас высится снежный перевал Ротанг — путь к Тибету и Средней Азии. Кроме проложенной теперь тропы, к этому перевалу ведут еще какие-то старинные большие ступени, сложенные из грузных камней. Рассказывают, что эта богатырская лестница когда-то сооружена Гессар Ханом ⁶². Вообще, все эти гигантские сооружения, неведомо из каких веков сохранившиеся, принято посвящать мощным героям. На юг от нас, на холме — развалины дворца Пандавов ⁶³. На запад, на самой вершине горы еще видны какие-то развалины, и при них тщательно выложенный водоем. Особенно поразительно бывает среди зарослей встретить заброшенный, но когда-то бережно устроенный водоем или какие-то неведомые ступени к чему-то давно не существующему. Последние дни богаты неожиданными прекрасными археологическими находками.

В Египте открыты сокровища фараона Шешонка. Эллада открыла превосходные дельфийские памятники. Найден дворец Нестора со множеством каких-то иероглифических надписей. В Афганистане исследуется древний центр Бактрим-Балк, в котором развалины тянутся на 16 миль. Сделаны новые счастливые открытия в русском Туркестане, на Алтае, в Монголии. Точно бы земля хочет напомнить, какие неоспоримые памятники древности повсюду еще захоронены.

Индия еще вся полна нескрытыми древними поселениями. После Хараппы, Мохенджодаро постоянно наталкиваются на холмы, являющиеся курганами древних городов. В одной нашей долине, судя по записям древних китайских путников, процветало 14 буддийских монастырей. Ни одного сейчас не осталось. Сохранились лишь неясные предания, что недалеко от наших мест скрыты со времен иконоборчества Лангдармы ⁶⁴ древнейшие буддийские манускрипты. Как всегда говорится, что в сужденное время и эти древности выйдут наружу. Очень замечательно, что обращается внимание и на исследование затопленных морем городов.

Обнаруживаются ступени и в глубины, и на высоты. История нуждается в новых вещевых подтверждениях. Многие проблемы оказались гораздо сложнее, нежели было принято думать. Человеческие отношения тонут в глубине веков. Много должно быть отодвигаясь в давние тысячелетия.

На все — моды. Одно время была мода все приближать, а затем возникло желание отдалять, но истина часто бывает посередине.

Особенно трогательно в густых зарослях найти древние ступени, ведущие к каким-то несуществующим твердыням. Помню, когда мы нашли осколок полированного мрамора среди зарослей, сколько размышлений возникло.

⁶² *Гессар Хан* (Гесер, Гэсэр, Гесар) — главный герой монголо-тибетского героического эпоса, широко распространенного в Центральной Азии. Борец за счастье народа, с новым приходом которого связывается приход нового времени мира и благоденствия.

⁶³ *Пандавы* — сыновья, потомки Панду. Династия, занимающая одно из центральных мест в «Махабхарате».

⁶⁴ *Лангдарма* — тибетский властитель, при котором прошла волна гонений на буддизм (около IX в.).

Держава Света

«Ангел Благое Молчание». Кто не восхищался пламенной тайной в образе огневого Ангела? Кто не преклонялся перед всепроникающей вестью этого жданно-нежданного Гостя? Он безмолвен, как сердце постигшее. В нем хранима нетленная красота духа. Красота в вечности безмолвного и кроткого духа,— он и хранит и напутствует. «Ангел есть неосязаемое, огневидное, пламеносное»,— говорит Зерцало. «Языка для слова и уха для слышания не требует; без голоса и слышания слова подает един другому разума своя»... «Мечтательное тело надевают ангелы для явления людям». В молчании было видение. Исполнились света предметы. И воссиял лик Великого Гостя. И замкнул Он уста и скрестил руки, и струился светом каждый волос Его. И бездонно пристально сияли очи Его.

В бережности принес Пламенный весть обновленного, благословенного мира. Тайностью Он дал знак ко благу. В дерзании Он напомнил о Несказуемом. Без устали в часы дня и ночи будит Он сердце человеческое. Он сказывает приказ к победе духа, и каждый поймет и примет его на языке своего сердца.

Кто же запечатлел Ангела Благое Молчание? Образ Его писем поморских. Но не только от полуночного моря ⁶⁵ тайна сия. В ней ясен и покрытый лик вестника Византии. В ней и тайна Креста. Запечатлен Ангел Молчания тою же рукою и мыслью, что сложила образ Софии Премудрости Божией. Пламенны крылья устремленной Софии, пламенны же и крыла Ангела Благого Молчания. Огненны кони Илию возносящие ⁶⁶. И пламенное крещение над апостолами. Все тот же огонь, Агни всеведения и возношения, который проникает все Сущее и перед которым слово не нужно. Рассекают пространство искры динамо. В напряжении расцветают они спиралями восхождения и сверкают, как древо ветвями и листьями Огня. Логос Мысли нагнетает прану, и в трепете смущается человеческое естество перед блистанием языка молнии. Вспыхивает огонь Кундалини. Вращаются колеса Иезекиила ⁶⁷, вращаются чакра Индии, грозен глаз Капила ⁶⁸... Где же предел сиянию, где размер мощи? Но невидим стал свет и звук потонул... Ничто не мерцает, и сам аромат праны растворяется. Это высшее напряжение. Недоступно глазу и неслышно уху. Лишь сердце знает, что взывает молчание и переполнена чаша. Сперва молния и гром, и вихрь, и трепетание, и лишь затем в молчании Глас Несказуемый. Благовествует Агни Йога: Первый завет грому подобен, но последний творится в молчании. Сперва Вестник Пламенный, а затем Сама Пречистая София Премудрость...

Сказано: Благодать пугливая птица; стремительны крыла Софии — горе неусмотревшему, горе непостигшему, отогнавшему. Крыло, пламенное по Благодати, ставшее явным, почему явится опять жестокому или робкому глазу. Но сколько огней, уже различных даже неиспытанным оком. Об обителях света мечтает человечество. Мечтает в молчании, среди мрака в дерзании признаваясь себе. Даже верит ночью, но днем не исповедует. Хотя и помнит закон: верую и исповедую. Сами отлично знают, что вера без утверждения лишь призрак. Лишь отвлеченность. Но ведь Благодать есть

⁶⁵ *Полуночное море* — Северный Ледовитый океан.

⁶⁶ *Огненны кони Илию возносящие* — по библейскому преданию, Илья Пророк был вознесен на небо в огненной колеснице.

⁶⁷ *Вращаются колеса Иезекиила* — имеется в виду библейское видение пророка Иезекииля.

⁶⁸ *Капила* — древнеиндийский мыслитель VII в. до н. э., основатель дуалистической философской системы санкхья.

привлеченность и уверенность. Иначе к чему все туманные вздохи? К чему наука, если дух не дерзает на приложение? Никодим во нощи ⁶⁹ — лишь символ веры без последствий. Лишь искра без пламени и отепления.

Смердяще разложение. Невыносим холод невежества. Недопустим по вреду своему, по заражению накоплений, по разложению основ. Уже многожды испуганная Благодать — птица трепещет белыми крылами у запертых окон, но боимся всего нарушающего невежество наше и надеемся на затворы. Если даже глаз увидит — мы назовем случаем, если ухо подтвердит, мы скажем — совпадение. Для нас даже Икс-лучи и радиий просто нечто, а электричество есть просто фонарь для удобства. Если вам скажут, что мысль изменяет вес тела, и это не смутит механиков цивилизации. Необычно увеличивается неправильность кровообращения и губительное давление крови. Последняя форма инфлуэнцы подобно легочной чуме сжигает легкие. Пылает гортань. Свирепствует астма. Усиливается менингит и непонятные сердечные явления. Но для нас эти показатели пока лишь модные болезни, не заслуживающие еще общего внимания. Мы слышим о переполнении пространства волнами радио, об отравлении газOLIном, об особенностях пресыщения электричеством... Но думать о будущем неприятно, и судьба гольфного шара равняется иногда судьбе шарика планеты. Мы боимся обратиться, подобно мудрой Хатшепсут ⁷⁰, к тем, которые будут жить в грядущие годы, которые обратят сердца свои и будут взирать на будущее. Но если даже пугающее понятие «будущее» и будет произнесено, то обычно оно будет обставлено такими пережитками вчерашнего дня, что путь к нему сразу превратится в подземелья темницы. Между тем первое условие познания — не стеснять методом изучения. Не настаивать на условных методах. Познание складывается дерзанием, внутренними особыми накоплениями. Подходы к Единому Знанию так многообразны. Описание этих зовов и вех жизни составило бы нужнейшую и ободряющую книгу. Не настаивать, не урезать, не угнетать указкою, но напоминать о свете, об огнях пространства, о высоких энергиях, о сужденных победах необходимо. Надо собрать все факты еще не вошедшие в элементарные учебники. Надо нанизывать эти факты с полнейшей добросовестностью, не презирая и не высокомерничая. Также и без лицемерия, ибо за ним скрыт личный страх, иначе — невежество. Никогда нельзя знать, откуда придет полезное зерно или звено завершающее. Физик, биохимик, ботаник, врач или священник, или историк, или философ, или тибетский лама, или брамин-пандит, или раввин-каббалист, или конфуцианец, или старуха-знахарка, или, наконец, спутник, имя которого почему-то забыли спросить, — кто и как принесет? В каждой жизни так много замечательного, светлого, необычного. Только вспомнить. Среди напоминаний вспыхивают лучшие, временно затемненные звезды. Итак опять, не покидая трудового дня, мы близимся не к запрещениям, но к возможностям, осветляющим жизнь. Именно, не наше дело настаивать, чтобы не перейти в насилие. Ибо насильем ничто не достигнуто. Но, твержу, следует напоминать о радостях возможных. Имена этих радостей духа трудно выразимы на языке плотского мира. Надежда покоя во все времена заставляла людей забывать великое, заповедует преподобный Исаак Сирийский. Кто не знает, что и птицы приближаются к сети, имея в виду покой. Счастливы те, кто, осознав беспредельность, полюбил труды каждого дня. После святоотеческих заветов вспомним и последнюю книгу проф. Эддингтона «Звезды и Атомы». Говоря о неземных условиях прочих светил, профессор отмечает: «И было бы более правильно сказать, что причина данного явления в том, что оно земное и не относится к звездам». Ведь еще недавно люди пытались приписывать земные условия всем дальним мирам.

Нужна непредубежденность. Горение нужно. Огонь костра сзывает в пустыне

⁶⁹ *Никодим во нощи* — по евангельскому преданию, Никодим — тайный ученик Иисуса Христа, не смеявший этого показать и приходивший к нему по ночам.

⁷⁰ *Хатшепсут* — царица Древнего Египта, религиозный реформатор и покровитель искусств.

путников. Так и зов напоминания стучится и доходит под всеми одеяниями до созревшего сердца. Путевые вехи разнообразны. Неожиданны зовы. Но ведь неустанная зоркость и заботливое внимание будут ключами к затворенным вратам. Невместны отрицания, где заповедано широкое вмещение, честность познания и почитание иерархии Блага. В жизнь науки начинает входить непредубежденность. С трудом, под усмешки, но уже в разных странах, освобожденные от страха души устремляются к сужденным синтезам. Может быть, скоро будут возможны съезды этих работников созидания. Уже слагаются центры, где безбоязненно, неосужденно невежеством или завистью, можно обмениваться доверчивыми мыслями. Будем со всею заботливостью бережно собирать эти разносящие цветы единого сада Культуры, помня: «Не бо врагам тайну повем, ни лобзание дам, яко Иуда». Без холода осуждения, без невежества отрицания откроем двери приветам и светлого утверждения каждому зерну Истины.

Мы делаем из огненного восхищения возвышенных духов *Hysteria Magna* ⁷¹ с повышенной температурой. Вишудга-центр гортани — лишь клубок истерический. Огни святых Терезы, Клары, Радегунды; сердечная теплота Отцов Добротолюбия; Туммо Тибетских высоких лам; или хождение по огню в Индии — обряд, живущий и до сего времени; ведь Агни-Дику — престол Огня, тоже издревле помещался в Индии, где тысяча глав горы Маха Меру ⁷², — все это еще в пределах ненормальности повышения температуры. Даже разница веса картофеля до разложения и потеря в весе при сложении отдельных частей его не заставляет подумать об энергиях, которые пока что избегали изучать чистосердечно и добросовестно. Между тем каждый искренний химик сознается, что при любой реакции воздействует какое-то несказуемое условие, может быть, условие личности самого экспериментатора. Присутствие определенного лица воспрепятствовало смерти растений в лаборатории Sir Jagadis Bose ⁷³. Но так как Sir Bose истинный ученый, то он сейчас же отметил это явление. Мало кто обращает внимание на воздействие природы человеческой на жизнь растений. Мало кто настолько утончен и зорок, чтобы принимать факт так, как он есть, а не так, как ему предписали суеверия, предрассудки, эгоизм и самомнение.

Светоносность (танджаси) Манаса ⁷⁴ та же действительность, как и светоносные излучения, возникающие особенно при напряжении мысли высокого качества. Художники христианского иконописания так же, как и буддийские мастера, изображали световые излучения с великим знанием. Вглядитесь и сопоставьте эти изображения, и вы найдете наглядное изложение кристаллизации света. Эту действительность ценности мысли, ценности света пора изучать и прилагать в жизни. Пора подумать, что, произнося великое понятие Благодать, мы не впадаем в отвлеченность, но осознаем реальность и драгоценность действительности. Наступило время установления ценности находимых лучей и энергий. Предстояли долговременные, сознательные опыты над воздействиями и последствиями радия, Икс-лучей и всей той мощи, которая незримо напитывает и нагнетает атмосферу планеты. Без отрицания, в упорном познании нужно предпринять лабораторный опыт, именно многолетних изучений. Там же будет исследоваться и психическая энергия, физиология духа, и мысль, и светоносность, и жизнедатели, и жизнехранители. Огромное целебное и творческое поле, и в самой длительности опытов отразится безбоязненность перед беспредельностью.

Огонь и свет; весь прогресс человечества приходит к этой вездесущей, всепроникающей стихии. Вызванная, она или будет осознана и законно приложена, или

⁷¹ *Hysteria Magna* (лат.) — истерия.

⁷² *Маха Меру* — в индийской мифологии высочайшая гора в центре мира — обитель богов.

⁷³ *Sir Jagadis Bose* (Бос Джагдиш Чандра) (1858 — 1937) — известный индийский физиолог и биофизик, основатель и директор научно-исследовательского института физиологии в Калькутте; открыватель и исследователь биоэнергетической деятельности растений.

⁷⁴ *Манас* — разум (в терминологии европейского оккультизма).

опалит неразумие несознательности. И в этом искании слово «Единство» зовет еще раз, и стираются условные наросты Запада и Востока, Севера и Юга, и всех пыльных недоразумений. То же умное делание, та же тонкая боль познающего сердца, то же восхищение духа. И, отбрасывая мелочи наростов, мы усиливаемся тем же Неделимым, Единым и вместе с апостолом повторяем: «Лучше пять слов сказать умом, нежели тьму слов языком». Не оставим действительные ценности в отвлеченности, но будем неотложно применять их без предрассудков. Перенос действительности в абстракцию есть одно из прискорбных преступлений против культуры. Еще до сих пор часто не чувствуют различия между цивилизацией и культурой и тем отсылают ценности последней в облачную недосыгаемость. Сколько уже сужденного изгнано, засорено страхом и лицемерием... Но рано или поздно от страха нужно лечиться и освободить ту массу энергии, которую мы тратим на страх, раздражение, ложь и предательство. Скорей научимся запечатлевать фильмою наши излучения — мы увидим истинный паспорт духа. Говорит Агни Йога: «Оглушая обыденностью, тьма кричит. Тьма не выносит дерзновение света».

Святая Тереза, святой Франциск, святой Жан-де-ла-Круа в экстазе поднимались к потолку келий. Но что ж, скажете, просто нарушение поляризации... к тому же теперь уже вообще не очевидное. Ну, а если и теперь есть свидетели левитации и изменения веса? Пламенный сослужил Святому Сергию ⁷⁵. От пламенеющей чаши Сергей приобщался ⁷⁶. В великом огне прозревались незримые истины. Возвышенное сознание озарялось пламенными языками. Во время молитвы святого Франциска так сиял монастырь, что путники вставали, думая, не заря ли.

Сияние возгоралось над монастырем, когда молилась святая Клара. Однажды свет сделался так блистателен, что окрестные крестьяне сбежались, подумав, — не пожар ли.

Много преданий, а вот и нехитрый рассказ о Псковском Печерском Монастыре:

«Наш монастырь особенный. Отойдите в темную ночь подальше от монастыря, да оглянитесь вокруг. Кругом — мрак беспросветный, зги не видать, а над монастырем светло. Сам сколько раз видел.

— Может быть, это от огней монастырских?

— Вот и другие, кто не знает, так говорят. Какие в монастыре огни? Два фонаря керосиновых, да две лампы перед иконами. Вот и все освещение. В городе у нас электричество горит, да и то в темноте не узнаешь, в какой он стороне находится. Нет, это свет особенный».

Так же сбежались на пожар и в Гималаях и так же, вместо пламени уничтожения, нашли сияние духа.

Так же стояли горы, окаймленные синими листьями огненного лотоса. Вспыхивал неопалюющий огонь. И пролетали молнии очищения. И не в предании, а теперь, когда знаки так нужны, когда познание опять начинает подходить к явлениям с благостною рукою и глазами открытыми, когда неотложно выступили многие знаки. И стали их замечать на разных материках различные люди. После всех оговорок, после всех извинений, люди стали сознаваться, что не по оплошности глаза, но подлинно видят они самые разнообразные огненные явления. Особое проявление электричества. А что есть электричество — того так и не сказали опять.

При землетрясении в Италии видели все небо в языках пламени. Над Англией видели огненный крест. Суеверие ли только? Или просто кто-то увидел то, что часто не замечали?

Попробуйте проверить внимательность людей, и вы ужаснетесь, насколько мы не

⁷⁵ *Пламенный сослужил Святому Сергию* — ученики Сергия Радонежского неоднократно имели видения огненного ангела рядом с ним при совершении им церковной службы.

⁷⁶ *От пламенеющей чаши Сергей приобщался* — также в житии Сергия Радонежского описывается видение сошествия небесного огня в чашу при совершении Сергием таинства евхаристии.

умеет изощрять нашу подвижность и зоркость. И сама мысль — этот действительный магнит и мощная стрела не заострена и засорена в пренебрежении. Смейтесь, смейтесь, а все-таки не пытайтесь мыслить четко.

Впрочем, и бокс, и гольф, и крокет, и бейсбол вряд ли требуют силу мысли? Да и скачки, пожалуй, не для мышления. Можно придумать множество занятий, оправдывающих пренебрежение к мысли, но все-таки к творчеству мысленному обратиться придется, и потому малые упражнения внимания не будут излишни. Положительно, в школах надо устроить особые курсы обострения внимания и мысли. Ведь редко умеют диктовать два письма, или писать двумя руками, или вести два разговора. Часто совсем не умеют сохранить в представлении четкое изображение предмета и запомнить даже незатейливую обстановку. Для некоторых даже почти все иноземцы на одно лицо. А ведь маленькая внимательность и четкость мысли дала бы огромные находения. Среди гигиены мышления заметим многое такое, что в мещанстве называют феноменами. И еще одна отвлеченность станет реальностью. И еще одна возможность заменит отчаяние отрицания.

Нам не уйти от века огня. И потому лучше оценить и овладеть этим сокровищем. Скепсис хорош в мере разумности, но, как сомнение невежества, он будет лишь разлагателем. Между тем весь мир сейчас особенно ярко разделен на разрушителей и созидателей. С кем будем?

Наслышаны мы о всяких световых излучениях, но все-таки презрительно слушаем об аурах человеческих и животных. Даже если фотографическая пластинка запечатлевает их, мы скорее наметим на случайный дефект пластинки, нежели вспомним об общеизвестном издревле законе.

Когда мы вспоминаем о странных экспериментах Келли, мы скорее назовем его шарлатаном, но не подумаем об особом психическом свойстве его природы. Аппарат действовал в его руках, но отказывался действовать в руках других. Почему тогда каждая машина устает в одних руках быстрее, нежели в иных? Каждый опытный инженер замечал это. Почему усталость коня зависит от всадника? И рука сокращает жизнь букета цветов. Ходим вокруг психической энергии. Знаем, что, подобно мощной старой *Militia crucifera evangelica*, собравшейся вокруг символа Креста, так же должны мы собираться вокруг понятия Культуры. Не умаляя, не унижая это великое ведущее начало, но служа ему во всеоружии беспредрасудочного познания.

И сложно и прекрасно наше время, когда в горниле сплавов сияют многоцветные звезды. Опытные старцы заповедуют о дивном в сердце делании. «Должно всегда вращать в пространстве сердца нашего Имя Господа, как молния вращается в пространстве пред тем, как быть дождю. Это хорошо знают имеющие духовную опытность во внутренней брани. Брань эту внутреннюю надлежит вести так-де, как ведут войну обыкновенную».

«Когда же солнцем правды рассеются страстные мечтания, тогда обыкновенно в сердце рождаются световидные и звездовидные помышления».

Или: «У того, кто установился в трезвении (сознании), чистое сердце соделывается мысленным небом со своим солнцем, луною и звездами, бывает вместилищем невместимого Бога по таинственному видению и восторжению ума.

Сядь или лучше встань в несветлом и безмолвном углу в молитвенном положении. Не распускай членов. Сведи ум из головы в сердце. Храни внимание и не принимай на ум никаких мыслей, ни худых, ни добрых. Имей спокойное терпение. Держи умеренное воздержание».

Чтобы успособить этот труд, Святые Отцы указали особое некое делание, назвав его художеством и даже художеством художеств. Естественное художество, как входить внутрь сердца путем дыхания, много способствующее к собранию мыслей.

«Дыхание через легкие проводит воздух до сердца. Итак, сядь и, собрав ум свой, вводи его сим путем дыхания внутрь, понудь его вместе с сим вдыхаемым воздухом низойти в самое сердце и держи его там, не давая ему свободы выйти, как бы ему

хотелось. Держа же его там, не оставляй его праздным, но дай ему священные слова. Попекись навикнуть сему внутри пребывания и блюди, чтобы ум твой не скоро выходил оттуда, ибо вначале он будет очень унывать. Зато, когда навикнет, ему там будет весело и радостно пребывать, и он сам захочет остаться там. Если ты успеешь войти в сердце тем путем, который я тебе показал, и держись этого делания всегда, оно научит тебя тому, о чем ты и не думал.

Итак, потребно искать наставника, знающего дело. Деятельность — умносердечная молитва совершается так: сядь на стульце в одну пядь вышиною, низведи ум свой из головы в сердце и придержи его там и оттоле взывай умно-сердечно: Господи Иисусе Христе, помилуй мя! Ведай и то, что все такие приспособительные положения тела предписываются и считаются нужными, пока не стяжется чистая и не парительная в сердце молитва. Когда же Благодатью Господа достигнешь сего, тогда, оставив многие и различные делания, пребудешь паче слова соединенными с единым Господом в чистой и не парительной молитве сердечной, не нуждаясь в тех приспособлениях. Не забудь при этом, что ты, когда по временам будет приходить тебе самоохотная чистая молитва, ни под каким видом не должен разорять ее своими молитвенными правилами... Оставь тогда правила свои и сколько сил есть простирайся прилепиться к Господу, и Он просветит сердце твое в делании духовном.

Даже в глубоком сне молитвенные благоухания будут восходить из сердца без труда: если и умолкнет она во сне, но внутри тайно всегда священнодействоваться будет, не прерываясь.

Ибо только сей посвященный меч, будучи непрестанно вращаем в упраздненном от всякого образа сердце, умеет обращать врагов вспять и посекаль, опалять, как огонь соломѹ.

Многотомно можно выписывать из Отцов Церкви ⁷⁷ и из заветов пустынно-жителей и подвижников правила их, ими выношенные и примененные в жизни. «Когда сподобится духовных дарований, тогда, непрестанно бывая воздеиствуем Благодатью, весь содеывается световидным и становится не отклоним от созерцания вещей духовных. Таковѹ не привязан ни к чему здешнему, но перешел от смерти в живот. Неизреченны и неизъяснимы блистания божественной красоты. Не может изобразить их слово, ни слух вместить. На блистание ли Денницы ⁷⁸ укажешь, на светлость ли луны, на свет ли солнца — все это неуважительно в сравнении со славою оною и больше скудно перед лицом истинного света, чем глубочайшая ночь или мрачнейшая мгла перед чистейшим светом. Так может говорить познавший из опыта, что есть сокровенный сердца человек — свет, который во тьме светит и тьме его не объять».

Не отвлеченные символы, но реальное сознание отображал Макарий Египетский ⁷⁹, когда писал: «Те, кто суть сыны света и сыны служения во Св. Духе, те от людей ничему не научатся, ибо они суть богонаученные. Ибо сама Благодать пишет в их сердцах законы Духа. Им не нужно достигать полноты убеждения в писаниях, написанных чернилами, но на скрижалях сердца божественная Благодать пишет законы Духа и небесные тайны. Сердце же начальствует над всеми органами тела. И если Благодать проникла в долины сердца, то она властвует над всеми членами тела и над всеми помышлениями». «Начало тайны врача — знание хода сердца» — заповедует египетский папирус. Тот, кто знает духовное сердце, тот знает и тонкую боль сердца физического, о чем так проникновенно говорит Добротолубие. Знающий эту тонкую боль, познал и огонь любви — не любви

⁷⁷ *Отцы Церкви* — христианские писатели II—VIII вв., апологеты и создатели христианского богословия, чьи сочинения являются важнейшей составной частью «Святого предания».

⁷⁸ *Денница* — Венера.

⁷⁹ *Макарий Египетский* (или Макарий Великий) (300—390) — христианский аскет, 60 лет проживший в пустыне. Ему приписывается более 50 нравоучительных диалогов.

воздыхания, но любви действия и подвига. Той любви, которая издревле зовется богочеловеческою, вознося людское чувствование. «Какой мудрец знания не будет владыкою любви?» — заповедует Агни Йога.

Тонкая боль, жар огня сердечного ведом потрудившимся в накоплениях опыта. Ведом тем, у кого труд осознанный вошел в молитву, а молитва претворилась в неумолчное биение сердца, в ритм жизни. Спросят ли вас, что есть ритм и почему важно назначение его? Значит, вопросивший не знает тонкую боль сердца, и не знает пространства, и не прислушался к гимну природы. Без собственного напряжения не познает он искр подвига, приближающих его сердце к мере созвучия с Бытием и Любовью. Центр Духа связан с центром организма. Связь эта, веками известная, ни научно, ни философски не разгадана, но вместе с тем совершенно очевидна. Чаша опыта. И этим путем мы опять подойдем к творчеству мыслью — к таинственному, но непреложному «Слово плоть бысть». Таким путем Логос воплощается и в телесное. Тайна эта явлена в каждом человеке, в каждом воплощенном духе. Бог вложил человеку вечность в сердце, — обитель духа нетленна, вечна через все воплощения. И познает она свет, ибо и сама является источником света. Тонкая боль есть шевеление тонкой энергии, а светоносность есть один из первых признаков действия энергий этих. Когда нагнетется свет этот, когда делается видим и нашему глазу, — этот момент всегда остается жданно-нежданным. Завещано держать светильники зажженными, но момент вестника несказуем. Так несказуема и тонкая боль и завет, что радость есть особая мудрость. Можно вспомнить заветы Бхагават Гиты, и Агни Йоги, и Каббалы, и пророков Библии, и огонь Зороастра⁸⁰.

Платоновское солнцеподобие относится к тем же несказуемым, но светоносным понятиям. Встречаются испытывавшие, и для них не нужен словарь, но в движении едином, и даже в молчании они взаимно поймут язык всех словесных различий. Потому исповедуйте, испытывайте, ибо не знаете, где лучший час ваш и когда вспыхнет огонь над чашею накоплений. Качество мыслей будет вожатым, а ненасытная устремленность будет крылами света Софии. Ведь сиять, но не сгорать заповедано.

Звучание сердечного центра, подслушанное и Сократом, созвучит ритму блага. Очищение материи Спинозы озонируется теми же волнами света. Световой центр сердца может засиять всеозаряющим пламенем — карбункул⁸¹ легенд Грааля.

Агни Йога говорит: «В основе всей Вселенной ищите сердце. Творчество сердца напрягается чакрою Чаши⁸². Величайшая мощь лежит в магните сердца. Слово, не содержащее в себе утверждение сердца, — пусто. Жемчужина сердца — тончайшая напряженность. Архат, как пламя, несет в сердце все огни жизни».

Ориген⁸³ утверждает: «Глазами сердца видим Бытие».

⁸⁰ *Зороастр* (Заратуштра, Заратустра — между X—VI вв. до н. э.) — легендарный персидский пророк и религиозный реформатор, автор древнейшей части «Авесты» — священной книги основанной им религии зороастризма, в основу которой легло представление о мире как поле битвы добра и зла и вытекающем отсюда долге человека блюсти добро и чистоту во всем. Символ веры зороастризма — «добрая мысль, доброе слово и доброе дело». Отличительная особенность зороастризма — почитание стихии огня.

⁸¹ *Карбункул* — старинное название густо-красных прозрачных минералов (рубина, пироба, альмандина).

⁸² *Чаша* — чакра, соответствующая солнечному сплетению.

⁸³ *Ориген* (ок. 185—253/254) — христианский теолог и философ Александрийской школы. Соединяя платонизм с христианским учением, распространил метод символического и аллегорического толкования Библии в части *Нового завета*. Оказал большое влияние на формирование христианской мистики и догматики, где пытался закрепить ряд основных положений древних религий и философий, в том числе и доктрину перевоплощения.

«Для чистых все чисто»,— безбоязненно заповедует Апостол Павел. Он знал чистоту и действенность сердца, когда оно ведаёт лишь благо и как магнит собирает вокруг себя лишь доброе. Магнитоподобность сердца упоминается часто, хотя научно также ещё не познана. Между тем сокровища премудрости и ведения постигаются именно умом сердца, чашею любви и самоотверженного действия. Где сокровище ваше, там и сердце ваше. Светоносность сердца подобна флюоресценции моря, когда движение возжигает зримые, бесчисленные световые образования. Так и дуновение творческой любви возжигает светочи сердца. «Да будет свет»,— говорится Мыслью Великого.

Внутренний человек хочет только добра, и в минуты сердечного сияния он необманно знает, где благо. Из сердечного сияния истекает лишь благо, и свет излучаемый может пресекать все изломы нарощенного невежества. Ибо грех, невежество — братья мрака. Жить в духе — значит сиять, и благодворить, и постигать, жить в плоти — значит затемнять, и осуждать, и невежествовать, и удлинять путь. Но не следует забывать, что, удлиняя наш путь, мы затрудняем и путь близких — потому всякий эгоизм, думание о себе, саможаление, гордыня, всякое невежество есть престол тьмы. Во имя близких мы не должны нарушать ритм волн света. Полезны наблюдения над цветами. Сад света также нуждается в заботе и уходе, и струи чистых мыслей — лучшее для него питание. Чем напряженнее свет, тем слабее тьма. Даже светоносное сердце прекрасного ангела могло избрать свободу омрачения вместо свободы служения и сияния. Потому нужно неотложное питание сада света, иначе пятнистые языки тигровых лилий пожрут лилии Благовещения, и предательская белладонна скроет фризии сияния вершин. Надо светиться, надо рождать и усиливать свет сердца. Сосияния и созвучия света в свободе познания усиливаются взаимно. Безмерна мощь объединённых благом мыслей. Уготован каждому свет, но можем закрыть его сосудом пустым. Сказано: «От падения лепестка розы миры содрогаются, и перо крыла птицы рождает громы на дальних мирах» — какая прекрасная, великая ответственность, и не обернем громы, рожденные легкомыслием, на бытие земли.

Из этой возводящей ответственности истекает светоносное стремление добросовестно, без разочарований, изучать все окружающее. Даже каждый виртуоз нуждается в ежедневных упражнениях. Повторено: «Если ты устал — начни ещё. Если ты изнемог — начни ещё и ещё. И, как щит, любовь призови».

Теплота любви так же реальна, как тонкая боль сердца. Свет сияния мысли не только ощутим глазом, но и доступен фильму. Неотложно нужно несуетное изучение, безбоязненное и неэгоистичное. Очевидность родственна плоти, но не духу. Истина — в действительности, но не в патологии очевидности.

Сердце — великий трансмутатор энергий — знает, где содрогание ужаса и где трепет восхищения. Дух отличает пятна ужаса и сияние восторга. Столько лучей и энергий улавливается вниманием ученых; это же внимание должно быть проявлено каждым человеком к ритму и свету, ведущим каждую жизнь. Зачем опалиться и обуглиться, если можно сиять в нетлении? «Бог есть огонь, согревающий сердца»,— говорит преподобный Серафим⁸⁴.

«Он знает тайны сердца»,— поёт псалмопевец в созвучии восхищения. Когда говорим о прекрасном, о тайнах сердца, то прежде всего имеются в виду прекрасные, творящие мысли. Как самые нежные цветы, их нужно растить, нужно поливать непрестанно радостными струями Благодати. Нужно ежедневно учиться четко и благостно мыслить. Нужно научиться мечтам — этим высшим росткам мысли. Дерзнем! Не убоимся мечтать в высоте. С горы — виднее.

С гор — скрижали Завета.

С гор — герои и подвиг.

⁸⁴ *Серафим Саровский* (1760—1833) — наряду с Сергием Радонежским один из наиболее почитаемых святых в русском православии.

Мечта светоносна.
Пламенная мечта — порог Благодати.
Огонь и мысль. Пламенны крылья Софии — Премудрости Божией.

*1930 г.
Гималаи*

Н. К. Рерих. Добрые травы (Василиса Прекрасная). 1941 г.

Сказки

Сказки про Василису Прекрасную, про Серого Волка и Ивана Царевича, про Щучье Веленье изданы в Харбине под редакцией Вс. Н. Иванова. Маленькая книжка, стоящая всего десять фен, и, таким порядком, очень доступная. У Вс. Н. Иванова давно была прекрасная мысль об издании, в самой доступной форме, образцов русской литературы. И в сказках, и в былинах, и в великих творениях наших поэтов и литераторов, действительно, находятся те жемчужины, которые так неотложно нужно напоминать народному сознанию.

Возьмете ли вы, хотя бы в извлечениях, Гоголя, Пушкина, Достоевского, наконец, полузабытых-полунепонятых глубокомыслящих славянофилов — всюду находите все то, что так спешно нужно для целений сердца народа. Отрывки Гоголя, или листы дневника писаний Достоевского, или мысли Леонтьева, Хомякова и всех, кто доброжелательствовал России,— как всегда, свежи эти мысли, ибо они рождались из великой самоотверженной любви и стремились помочь народу в трудных его путях.

Правильна мысль таких общедоступных книжек и потому, что им нужно сейчас проникнуть в самые глухие и удаленные места, где в ожидании трепещут сердца и в рассеянии сущих, и угнетенных, и обездоленных, и все же горящих великою любовью к строению.

В одном текущем месяце, кроме названных сказок, изданы еще восемь народных русских сказок: про Волка, Медведя, Лисичку-Сестричку, про Козу и Козлят, про Журавля и Цаплю, про Кота да Петуха, про Муху, про Репку; а к двадцатому января уже успела выйти и «Шинель» Гоголя — одно из необыкновенно проникновенных, хотя и не всегда понятных, творений великого мастера.

А что, если бы сделать русским людям усилие, отбросить всю шелуху и выросшую шершавость и опять сойтись в труде. Одна эта мысль об общедоступных изданиях жемчужин народного самосознания, уже это помогло бы взаимопониманию.

И не только по-русски требуются эти маленькие книги. Их нужно дать на разных

языках и в таких же общедоступных изданиях. Ведь должны они на разных языках проникнуть тоже в народные толщи. Должны проникнуть туда, куда не дойдет толстая дорогая книга. Пусть они, эти жемчужины, сделаются совсем доступными и проникнут в далекие фермы, на далекие острова, в хижины — там, где подчас так ждут каждое печатное слово. В то время, когда мы думаем, что уже многое стало доступно и понятно, то, на самом деле, действительность говорит нам о чем-то совсем другом.

Мы сами видели детишек, подбирающих картинки от спичечных коробок. Знаем, как за любую иллюстрированную измятую страницу газеты люди готовы дать продукты, лишь бы украсить стену своей хижины, а если возможно, то и прочитать. Говорю «если возможно» не к тому, чтобы попрекнуть кого-то в неграмотности, а к тому, что грамотность-то эта на многих языках, и на этих разных языках нужно говорить о прекрасном.

Нужно сказывать множеству различных людей мысли и древние и новые, ибо все они говорят о том же, что и не древне, и не ново, но вечно. Переведите наши сказки и былины на всевозможные западные и восточные языки, и сколько сердец возрадуется, восчувствовав себе близкое. Вот сказка про Василису Прекрасную, построенная на сказаниях о терафиме, а Серый Волк, для изменения образа, бьется о землю, и по-«щучьему», мысленному, велению двигаются и действуют предметы. Ведь это все поймет и индус, и араб, и китаец, и еще один мост взаимопонимания — радушный, воздушный, но и прочный, соткнется.

Скажите о граде Китеже, и бретонский пастух закивает вам в ответ, прочтите «Песнь о Полку Игореве» в Скандинавских странах, или расскажите в далеком Ассаме об оборотнях, или об Антее в Греции, и всюду вам приложат свои понимания и дополнения. А разве не затрепещут в понимании сердца разных народов от образов Гоголя, а сколько неожиданных пониманий вызовут страницы дневника Достоевского! Но, именно, не нужно надеяться на многотомные дорогие издания, нужно давать как можно доступнее. Для этой доступности нужно изобрести наилучшие меры, и сказки станут сказаниями, а сказания очертят вечную быль.

Такие же совершенно общедоступные отрывки сокровищ восточной и западной мудрости должны быть даваемы и по-русски. Должны быть даны в том звучно-привлекательном переводе, на который способен русский язык. Вспоминаю, как Балтрушайтис прекрасно передавал песнь Тагора, как Бальмонт неповторимо звучал в образах лучших иностранных поэтов, как, наконец, Бхагавад-Гита прекрасно зазвучала именно на русском, может быть, лучше, чем на некоторых других западных языках. И Эдда, и Калевала, и Гайавата, и Панчатантра ⁸⁵ — все прекрасно поддается звучному и эластичному языку русскому.

Но все, что издавалось до сих пор, было заключено или в дорогостоящие многотомные издания, или давалось в книгах роскошных. Но ведь все эти красоты должны быть широко даны всем народам и, как в звуках и красках, так же соединить их в слове звучащем. Так же широко народно нужно дать, хотя и в общедоступных, но вполне художественных воспроизведениях, наши иконописные изображения. Ведь об истинной красоте их так немногие знают. И в невежестве, в незнании могут похулять ценности истинные. Главное же, во всех случаях, сейчас нужна — общедоступность.

Обеднело человечество и оскудело духовно. Потому-то так радуемся, видя каждое прекрасное, но и доступное издание. Итак, тесная быль обратится в сказание, а из сказания вырастет опять сказка. Жизнь — прекрасная сказка.

30 января 1935 г.

Пекин

⁸⁵ Эдда, Калевала, Гайавата, Панчатантра — эпические предания Скандинавии, Северной Америки и Индии.

Легенды

Профессор Варшавского университета Зелинский, в своих интересных исследованиях о древних мифах, пришел к заключению, что герои этих мифов вовсе не легендарные фигуры, но реально существовавшие деятели. К тому же заключению пришли и многие другие авторы, таким образом, опровергая материалистическую тенденцию прошлого столетия, которая пыталась изображать все героическое лишь какими-то отвлеченными мифами. Так, французский ученый Сенар пытался доказать, что Будда никогда не существовал, и не что иное, как солнечный миф, что было сейчас же опровергнуто археологическими находками. Такие же попытки были делаемы, чтобы доказать, что и Христос никогда не существовал, хотя мы имеем свидетельства, очень близкие к Его времени. Кроме того, в Сирии недавно была найдена плита с римской надписью — эдикт против первых христиан, по времени чрезвычайно близкая к манифестации Христа. В этой борьбе между познающими и отрицающими так ясна граница, разделяющая всю мировую психологию. При этом чрезвычайно поучительно наблюдать, насколько все отрицатели, со временем, оказываются побежденными; те же, кто защищал героизм, истину, великую реальность, они находят оправдание в самой действительности. Тот, кто истинно понимал героев и мифы и кто временно считался мечтателем, оказывался величайшим реалистом, тогда как скептик-отрицатель по справедливости занял место «мечтателя», поверившего или клевете, или извращенному источнику. Так медленно, но верно оборачивается колесо эволюции, неся с собою восстановление забытой правды.

Оглянемся и заметим, как быстро и как легко человечество забывает даже недавние события и деятелей. Еще недавно такие лица, как Парацельс⁸⁶ или Томас Воган⁸⁷, отмечались в энциклопедиях, как обманщики. Но затем некоторые люди, в которых была жива справедливость, дали себе труд ознакомиться с их произведениями и нашли, вместо оглашенных шарлатанов, глубоких ученых, открытия которых принесли человечеству много блага. Вспоминаю, как в детстве мы увлекались книгой Гастона Тиссандье «Мученики Науки». Те, которые погибли жертвами всежжения, в пытках, на эшафоте, теперь признаны как великие ученые. Но лживый скептицизм продолжает свою подпольную работу и, вместо прежних мучеников, спешит изобрести других, чтобы затем они в свою очередь также были почтены памятниками и народными торжествами.

За последние годы в общественных направлениях замечаются некоторые отдельные действия, которые дают надежду, что вредоносное отрицание как будто уже осознается, и, таким образом, будем надеяться, займет заслуженный темный угол.

Люди начинают стремиться к жизнеописаниям. Но и в этом шептуны-скептики не хотят уступить. Пожимая плечами, они скажут вам: «Как вы можете быть уверены относительно истинных побуждений, родивших поступки, отображенные в биографии?» Или: «Как вы можете быть уверены, что не были случайностями те события, которые окрасили жизнеописания ваших героев?» Или: «Можете ли вы утверждать, что биограф был искренен и беспристрастен?»

Допустим, что эти замечания, до известной степени, могут иметь под собою почву. Отдадим некоторую окраску жизнеописания личности самого биографа. Но тем не менее архивы исторических документов доносят до нас все же многие несомненные жизненные

⁸⁶ *Парацельс* (1493—1541) — выдающийся врач и естествоиспытатель. Считая опытное знание основой научного познания, творчески переработал наследие древних медицинских наук. Изучая оккультизм и алхимию, выступал как против религиозной схоластики и догматики, так и вульгарного мистицизма.

⁸⁷ *Воган Томас* (XVIII в.) — католический священник и оккультист. Автор ряда трудов по алхимии и вопросам сверхчувственного познания.

вехи действительности. Еще в недавнем прошлом летописи считались как сомнительные документы, не заслуживавшие серьезного внимания. Но археологические и исторические находки и документы, современные летописям, показывают, что они заслуживают гораздо большего почтения, нежели еще недавно поверхностные умы полагали. Конечно, будем надеяться, что человечество теперь не будет терять целые века для верного освещения выдающихся явлений.

Отдавая должное летописям и жизнеописаниям, человечество научится и писать их. Было бы величайшей ошибкой думать, что понятие героев совместно лишь с прошлым. Синтез нашей Эры выкристаллизывает своих героев. Позволительно надеяться, что костры, тюрьмы и казни более не будут непременными атрибутами этих великих душ!

Устанавливая, что боги древности были героями, запечатленными в памяти народа, мы укрепим себя в сознании, что и в наши дни индивидуальность и личность управляют рулем человечества. Утверждая существование таких индивидуальностей, мы научимся, по примеру предков, в благожелательном позитивном исследовании передать сущность их личности в последующие поколения. Не забудем, что в будущем эти жизнеописания войдут в народные школы, как Светочи Прогресса. Потому научим молодежь не только читать биографии, но и уметь писать их, или, вернее, различать, что из проявлений их современников войдет в историю.

Читая легенды, молодежь научится мечтать. Это великое качество, ибо оно наполняет сердце лучшими, мощными огнями. Этими огнями сердца молодежь познает, как различать, где истина. Истина не познается расчетами, лишь язык сердца знает, где живет великая Правда, которая, несмотря ни на что, ведет человечество к восхождению. Разве легенды не есть гирлянда лучших цветов? О малом, о незначительном и жалком человечество не слагает легенд. Часто даже в кажущихся отрицательных мифах заключено уважение к потенциалу внутренней мощи. Во всяком случае, каждая легенда содержит нечто необычное. Не ведет ли эта необычность дух человеческий поверх сумерек механического стандарта? Этим машинным стандартом эволюция не строится. Легенда, которая освобождает нас от подавляющих условий каждодневной рутины, обновляет наше мышление, позволяет погрузиться в новые глубины познания, полные неисчерпаемого молодого задора.

Спросите великого математика, великого физика, великого физиолога, великого астронома умеет ли он мечтать? Я не упоминаю художников, музыкантов, поэтов, ибо все существо их построено на способности мечтать. Великий ученый, если он действительно велик и не боится недоброжелательных свидетелей, конечно, доверит вам, как прекрасно он умеет возноситься мечтами. Как многие из его открытий в основе своей имеют не только расчет, но, именно, высокую жизненную мечту.

Да, легенды не отвлеченность, но сама реальность. Поистине, мечты не знаки безграмотности, но отличия утонченных душ. Потому всячески поощрим в молодежи нашей стремления к зовущим и творящим сказаниям и вместе с молодежью, оставаясь молодыми, почтим мечту, как ведущие и возносящие крылья нашего возрождения и усовершенствования.

Устремление, Иерархия, Беспредельность, Красота — только по этим вехам мы движемся несомненно вперед. Существо нашей деятельности мы должны приложить в жизни немедленно. Воздавая должное мечте, мы не сделаемся «мечтателями».

Пусть будет эта мечта Творца. В этой мечте не будет ни одурманивания, ни изменчивости, но будет непреложное Знание, собранное в глубинах нашего духа. И прежде всего, будем помнить, что слово Культура может значить Культ-Ур — Культ Света.

Гималаи, февраль 1931 г.

Н. К. Рерих. Мать Мира. 1924 г.

Великая Мать

Радж-Раджесвари — Всемогушая Мать. Тебе поет индус древности и индус наших дней. Тебе женщины приносят золотые цветы, и у ног Твоих освящают плоды, укрепляя ими очаг дома. И, помянув изображение Твое, его опускают в воду, дабы ничье нечистое дыхание не коснулось Красоты Мира. Тебе, Мать, называют место на Белой Горе, никем не превзойденное. Ведь там встанешь, когда придет час крайней нужды, когда поднимешь Десницу Твою во спасение мира, и, окружая всеми вихрями и всем светом, станешь, как столб пространства, призывая все силы далеких миров.

Разрушаются старые храмы, раскалываются колонны, и в каменных стенах впились снаряды недругов.

«В Гоа приставали португальские корабли. На высоких кормах каравелл золотом сверкали изображения Мадонны и Ее великим именем посылались ядра в святилище древности. Португальскими снарядами раздроблены колонны Элефанты.

*La Virgen de los Conquistadores!*⁸⁸

⁸⁸ «*La Virgen de los Conquistadores!*» (исп.) — изображение Девы Марии, покровительствующей испанским завоевателям (конкистадорам).

В Севилье, в Альказаре, есть старая картина Алексо Фернандеса, носящая это название. В верхней части картины, в сиянии облаков небесного цвета, стоит Пресвятая Дева с кроткой улыбкой, и под Ее широким плащом собрана и охранена толпа завоевателей. Внизу волнуется море, усеянное галлеонами и каравеллами, готовыми к отплытию в далекие страны на чужие земли. Может быть, это те же корабли, которые будут громить святилище Элефанты, и кроткой улыбкой Всеблагая Дева провожает завоевателей, точно и она сама с ними восстала на разрушение чужих накоплений. Это уже не грозный Илья Пророк или мужественный Михаил, постоянные воины, но Сама Кроткая подвигнута в народном сознании к бою, точно бы Матери Мира достойно заниматься делами человекоубийства».

Мой друг возмущается. Он говорит: «Посмотрите, вот одна из самых откровенных картин. Читайте в ней всю современную психологию. Посмотрите на это самомнение. Они собрались захватывать чужое достояние и приписывают Богоматери покровительство их поступкам. Теперь сравните, насколько различно настроение Востока, где Благая Куанин ⁸⁹ закрывает своим покрывалом детей, защищая их от опасностей и насилия».

Другой мой приятель защищает психологию Запада и тоже ссылается на изображение, как на истинный документ психологии каждой современности. Он напоминает, как в картинах Сурбарана или Холбейна Пресвятая Дева закрывает своим покрывалом верных, к Ней прибегающих. Из изображений Востока он приводит на память страшных идамов, рогатых, увешанных ужасными атрибутами. Он напоминает о пляске Дурги ⁹⁰ на человеческих телах и об ожерельях из черепов.

Но носитель Востока не сдается. Он указывает, что в этих изображениях нет личного начала, что кажущиеся страшные признаки есть символы необузданных стихий, зная силу которых человек понимает, что именно надо ему одолеть. При этом любитель Востока указывает, что элементы устрашения применялись всюду и не меньшее пламя и не меньшие рога демонов изображались в аду на фресках Орканьи во Флоренции. Всякие ужасы в изображениях Босха или сурового Гриневальда могут поспорить со стихийными изображениями Востока. Любитель Востока ставил на вид так называемую Турфанскую ⁹¹ Мадонну и предполагал в Ней эволюцию богини Маричи, которая, будучи раньше жестокой пожирательницей детей, постепенно превратилась в заботливую хранительницу их, сделавшись духовной спутницей Кувера — бога счастья. Вспоминая об этих благих эволюциях и добрых стремлениях, было указано на обычай, до сих пор существующий на Востоке. Ламы всходят на высокую гору и для спасения неведомых путников разбрасывают маленькие изображения коней, далеко уносимые вихрем. В этом действии есть благодать и самоотречение.

На это любителю Востока было сказано, что Прокопий Праведный в самоотверженности отвел каменную тучу от родного города и всегда на высоком берегу Двины молился именно за неведомых плавающих. И было указано, что и на Западе многие подвижники променяли, подобно Прокопию, свое высокое земное положение на пользу мира. В этих подвигах, в этих актах молитв «за неведомых, за несказанных и неписанных» имеется тот же великий принцип анонимности, того же познания преходящих земных воплощений, который так привлекателен и на Востоке.

Любитель Востока подчеркивал, что этот принцип анонимности, отказа от своего временного имени, такое начало благодного, безвестного даяния на Востоке проведено гораздо шире и глубже. При этом вспомнили, что художественные произведения Востока почти никогда не были подписаны, так как даяние сердца не нуждалось в

⁸⁹ *Благая Куанин* — женское божество в китайской мифологии.

⁹⁰ *Дурга* — в индуистской мифологии имя супруги бога Шивы.

⁹¹ *Турфан* — котловина в отрогах Восточного Тянь-Шаня в Китае.

сопроводительной записке.

На это ему было замечено, что и все византийские, старые итальянские, старые нидерландские, русские иконы и прочие примитивы также не подписаны. Личное начало стало проявляться позже.

Заговорили о символах Всомогущества и Всеведения, и оказалось опять, что те же самые символы прошли через самые различные сознания. Разговор продолжался, ибо жизнь давала неиссякаемые примеры. На каждое указание с Востока следовал и пример Запада. Вспомнили о белых керамиковых конях, которые кругами до сих пор стоят на полях южной Индии и на которых, как говорят, женщины в тонких телах совершают полеты. В ответ встали образы Валькирии и даже современное выделение астральных тел. Вспомнили, как трогательно женщины Индии украшают каждый день порог своего дома новым узором — узором благополучия и счастья, но тут же припомнили и все узоры, вышитые женщинами Запада во спасение дорогих их сердцу.

Вспомнили Великого Кришну ⁹², благого пастуха, и невольно сравнили с древним образом славянского Леля, тоже пастуха, сходного во всем с индусским прототипом. Вспомнили песни в честь Кришны и Гопи ⁹³ и сопоставили их с песнями Леля, с хороводами славян. Вспомнили индусскую женщину на Ганге и ее светочи во спасение семьи и сопоставили с венками на реке под Троицын день — обычаем, милым всем славянским арийцам.

Вспомнили заклинания и вызывания колдунов Малабарского берега ⁹⁴ и совершенно такие же действия и у сибирских шаманов, и у финских ведьм, и у шотландских ясновидящих, и у краснокожих колдунов.

Ни океаны, ни материки не изменяли сущности народного понимания сил природы.

Вспомнили Тибетскую некромантию ⁹⁵ и сопоставили с черной мессой ⁹⁶ Франции и с сатанистами Крита...

Противопоставляя факты, незаметно начали говорить об одном и том же. Кажущиеся противоположения оказались совершенно одинаковыми ступенями различных степеней человеческого сознания. Собеседники изумленно переглянулись — где же этот Восток и где же этот Запад, который так принято противопоставлять.

Третий, молчаливый, собеседник улыбнулся. А где же вообще граница Востока и Запада, и не странно ли, что Египет, Алжир и Тунис, находящиеся на юг от Европы, в общепринятом представлении считаются уже Востоком. А лежащие от них на восток Балканы и Греция оказываются Западом.

Припомнилось, как, гуляя по берегу океана в Сан-Франциско с профессором литературы, наблюдая солнечный закат, мы спросили друг друга:

«Где мы, наконец, находимся, на крайнем западе или на крайнем востоке?» Если Китай и Япония по отношению к ближневосточной Малой Азии уже считаются Дальним Востоком, то, продолжая взгляд в том же направлении, не окажется ли Америка с ее инками, майями и краснокожими племенами крайним Востоком? Что же тогда делать с Европой, которая окажется окруженной «востоками с трех сторон»?

Припомнили, что во время русской революции финны считали Сибирь своею, ссылаясь на племенные тождества. Припомнили, что Аляска почти сливается с Сибирью и лик краснокожего в сравнении со многими монголоидами является поразительно схожим

⁹² *Кришна* — герой «Махабхараты» и «Бхагавадгиты», аватара бога Вишну.

⁹³ *Гопи* — пастушки, персонажи индийского эпоса.

⁹⁴ *Малабарский берег* — западное побережье Индостана к югу от Гоа.

⁹⁵ *Некромантия* — магические манипуляции с трупами и вызывание духов умерших с целью предсказаний или достижения иных целей. Связана с так называемой черной магией.

⁹⁶ *Черная месса* — главный обряд культа сатаны.

с ликом Азии.

Как-то случилось, что на минуту все суеверия и предрассудки были отставлены противниками. Представитель Востока заговорил о Сторучице православной церкви, и представитель Запада восхищался образами многорукой, всепомогающей Куанин. Представитель Востока говорил с почитанием о золототканом платье итальянской Мадонны и чувствовал глубокое проникновение картин Дуччио и Фра-Анжелико, а любитель Запада отдавал почтение символам Всеокой, Всезнающей Дуккар⁹⁷. Вспомнили о Всескорбящей. Вспомнили о многообразных образах Всепомогающей и Вседающей. Вспомнили, как метко вырабатывала народная психология иконографию символов и какие большие знания остались сейчас нечеткими под омертвелой чертою. Там, где ушло предубеждение и забылся рассудок, там появилась и улыбка.

Как-то облегченно заговорили о Матери Мира. Благодушно вспомнили итальянского кардинала, который имел обыкновение советовать богомольцам: «Не утруждайте Христа Спасителя, ибо Он очень занят; а лучше обращайтесь к Пресвятой Матери. Она уже передаст ваши просьбы куда следует».

Вспомнили, как один католический священник, один индус, один египтянин и один русский занимались исследованиями знака Креста, и каждый искал значение креста в свою пользу, но с тем же всеобъединяющим смыслом.

Вспомнили мелькнувшие в литературе попытки объединения слова Христос и Кришна, и опять вспомнили об Иосафе⁹⁸ и о Будде, но так как в этот момент всеблагая рука Матери Мира отстранила все предубеждения, то и беседа протекала в мирных тонах.

Любители Востока и Запада, вместо колючих противопоставлений, перешли к строительному восстановлению образов.

Один из присутствующих вспомнил рассказ одного из учеников Рамакришны, каким почитанием пользовалась жена Рамакришны, которую по индусскому обычаю называли матерью. Другой распространил значение этого слова к понятию «материя матрикс»...

Образ Матери Мира, Мадонны, Матери Кали, Препологой Дуккар, Иштар, Куанин, Мириам, Белой Тары, Радж-Раджесвари, Ниука — все эти благие образы, все эти жертвовательницы собрались в беседе, как добрые знаки единения. И каждая из них сказала на своем языке, но понятном для всех, что не делить, но строить нужно. Сказала, что пришло время Матери Мира, когда приблизятся к земле Высокие Энергии, но в гневе и в разрушительстве эти энергии, вместо сужденного созидания, дадут губительные взрывы.

В улыбке единения все стало простым. Ореолы Мадонны, такие одиозные для предубежденных, сделались научными физическими излучениями, давным-давно известными человечеству аурами. Осужденные рационализмом современности символы из сверхъестественного вдруг сделались доступными исследованию испытателя. И в этом чуде простоты и познания наметилось дуновение эволюции Истины.

Один из собеседников сказал: «Вот мы говорим сейчас о чисто физических опытах — а ведь начали как будто о Матери Мира». Другой вынул из ящика стола записку и промолвил: «Современный индус, прошедший многие университеты, обращается так к Великой Матери, самой Радж-Раджесвари:

*Если я прав. Мать, Ты все:
Кольцо и путь, тьма и свет, и пустота,
Голод и печаль, и бедность и боль.*

⁹⁷ Дуккар — женское божество в мифологии Тибета.

⁹⁸ Св. Иосаф — в христианском предании индийский царевич, причисленный к лику святых. Житие Иосафа является существенно переработанным жизнеописанием Будды Гаутамы. Имя Иосаф — производное от санскр. Бодхисатва.

*От зари до тьмы, от ночи до утра, и жизнь и смерть —
Если смерть бывает — Все есть Ты.
Если Ты все это, тогда и голод, и бедность, и богатство
Только преходящие знаки Твои.
Я не страдаю, я не восхищаюсь,
Потому, что Ты все, и я конечно Твой.
Если Ты все это показываешь смертным,
То проведи, Матерь, меня через Твой свет
К Нему — к Великой Истине.
Великая Истина нам явлена только в Тебе.
И затем ввергни, куда хочешь, мое брренное тело.
Или окружи его золотом богатства.
Я это не буду чувствовать.
Ибо с Твоим светом я познаю сущее,
Ибо Ты есть Сущее — а я Твой.
Значит, я в Истине!»*

Третий добавил: «В то же время на другом конце мира поют:
Матерь Света в песнях возвеличим!
а старые библиотеки Китая и древне-среднеазиатских центров хранят с далеких
времен гимны той же Матери Мира».

На всем Востоке и на всем Западе живет образ Матери Мира, и глубоко
значительные обращения посвящены этому высокому Облику.

Великий Лик часто бывает закрытым, и под этими складками покрывала, сияющего
квадратами совершенства, не кажется ли тот же Единый Лик общей всем Матери Сущего!
Мир миру!

Н. К. Рерих. Светлый витязь (?). 1933 г.

Майтрейя

На пальмовой коре острой иглою, по-сингальски, пишет приветливый бикху. Докучает ли он? Пишет ли просьбу? Нет, он, улыбаясь, шлет привет в далекую Заокеанию. Привет добрым, хорошим людям. И не ждет ответа. Просто добрая стрела в пространство.

В Канди, в древней столице Ланки-Цейлона, водят нас по старым знакам прошлого. Храм священного зуба, Храм Паранирваны, чудесное хранилище священных книг в чеканных серебряных покрышках-переплетах. «А что же там, в маленьком запертом храме?» — «Там Храм Майтрейи, Владыки будущего». — «Можно войти?» Проводник, улыбаясь, отрицательно качает головой. «В этот храм никто, кроме главного священнослужителя, не входит». Так не должно быть осквернено светлое будущее. Знаем, живо оно. Знаем, символ его Майтрейя, Меттейя, Майтри — любовь, сострадание. Над этим светлым знаком всепонимания, всевмещения строится великое будущее. Произносится оно самым священным углублением. Не должно быть оно оскверняемо легкомыслием, любопытством, поверхностью и сомнением. В лучших выражениях говорят Вишну-Пураны и все другие Пураны, то есть старинные заветы, о том светлом будущем, которому служит все человечество, каждый по-своему.

Мессия, Майтрейя, Мунтазар, Митоло ⁹⁹ и весь славный ряд имен, многообразно выражающих то же самое сокровенное и самое сердечное устремление человечества. Особенно восторженно говорят пророки о будущем. Перечтите все страницы Библии, где выражено самое светлое чаяние народа; перечтите заповедь Будды о Майтрейе; просмотрите, как светло говорят мусульмане о пророке будущего.

Как прекрасно говорит Индия о конце черного века, Кали Юги, и блистательном начале белого века, Сатии Юги. Как величествен облик Калки Аватара на белом коне! И так же сердечно ожидают далекие Ойроты ¹⁰⁰ белого Бурхана. Наши старoverы,

⁹⁹ Мессия, Майтрейя, Мунтазар, Митоло — имена грядущего божественного освободителя у евреев, буддистов, мусульман и японцев.

¹⁰⁰ Ойроты — алтайцы.

подвижнически идущие искать Беловодье в Гималаях, делают этот трудный путь лишь во имя будущего. Во имя того же светлого будущего лама, прослезившись, рассказывает о сокровищах и мощи великого Ригден-Джапо ¹⁰¹, который уничтожит зло и восстановит справедливость. К будущему ведут победы Гессар-Хана. На каждый новый год китаец возжигает свечи и молится Владыке будущего. И оседлан белый конь в Исфагане ¹⁰² для великого Пришествия. Если вы хотите прикоснуться к лучшим струнам человечества, заговорите с ним о будущем, о том, к чему, даже в самых удаленных пустынях, устремляется человеческое мышление. Какая-то особенная сердечность и торжественность наполняет эти устремления к преображению Мира.

В самые мрачные времена, среди тесноты недомыслия, особенно звучно раздавался ободряющий глас о великом Пришествии, о Новой Эре, о времени, когда человечество сумеет благоразумно и вдохновенно воспользоваться всеми сужденными возможностями. Каждый по-своему толкует этот Светлый Век, но в одном все одинаковы, а именно, каждый толкует его языком сердца. Это не безразличный эклектизм. Наоборот, как раз обратное, со всех сторон к одному. Ибо в каждом человеческом сердце, во всем царстве человеческом живет одно и то же стремление к Благу. И стремятся воссоединиться в сущности своей эти рассеянные ртутные шарики, если они не слишком отяжелились маслом и не слишком замохнатились пылью. Какая очевидность в этом простейшем опыте внешнего загрязнения ртутных шариков. Еще можно заметить трепетание внутреннего вещества, но уже осквернена поверхность, и замаслена постороннею мерзостью, и отчуждена этим от вселенского сознания. Уже пресечен путь ко вселенскому телу всеобщения. Но, если не успела загрязниться поверхность, с каким неудержимым устремлением сливаются разрозненные капли снова с первоисточником. И не найдете уже, не различите эту воспринятую целым частицу. Но живет она, вся она в Нем, в Великом. Всеединность обобщила ее и усилила до вселенского понятия. Все учения знают это вселенское тело под разными именами.

В самых неожиданных проявлениях встречаемся с объединительными знаками. В посмертных заметках старцев пустынь были иногда находимы неожиданные начертания о Гималаях ¹⁰³. Эти записи, мандалы ¹⁰⁴ и другие неожиданные знаки вызвали недоумение и удивление. Но лама далекого горного монастыря, спрошенный об этом, улыбается и замечает: «Поверх всех разделений существует великое единение, доступное лишь немногим». Итак, сливается мышление, казалось бы, самых удаленных человеческих индивидуальностей. В этих высших знаках стирается самое отвратительное, что затемняет свет сердца, а именно отрицание и осуждение. Часто в нашей современности мы придумываем особые выражения для тех же старинных понятий. Глубокомысленно мы замечаем: «Он понимает психологию», что, в сущности, значит, он не отрицает и не невежествует. Мы говорим: «Он практичен и знает жизнь», что, в сущности, значит, он не осуждает и тем не препятствует себе. Мы говорим: «Он знает источники», что будет значить, он не умаляет, ибо знает, насколько вредно каждое умаление.

В «Воскресении во плоти» Н. О. Лосский ¹⁰⁵ замечает:

¹⁰¹ *Ригден-Джапо* — владыка Шамбалы нашего времени. Ригден — титул, Джапо — имя.

¹⁰² *Исфаган* — средневековая столица Ирана.

¹⁰³ — В посмертных записках старцев пустынь были иногда находимы неожиданные начертания о Гималаях — Рерих имеет в виду случаи обнаружения в дневниках и записях умерших русских монахов сведений о священной стране в Гималаях и учении тибетских махатм.

¹⁰⁴ *Мандала* — в индуизме и буддизме вписанное в круг иконографическое изображение Вселенной с центром Земли и мирами вокруг него. В буддийском варианте включает все стадии развития человеческого духа.

¹⁰⁵ *Лосский Николай Онуфриевич* (1870—1965) — русский философ, один из крупнейших

«Деятель, противопоставляющий свои стремления стремлениям всех других деятелей, находится в состоянии обособления от них и обрекает себя на то, чтобы пользоваться только собственной творческой силой; поэтому он способен производить лишь самые упрощенные действия вроде отталкивания. Выход из этого обнищания жизни достигается путем эволюции, осуществляющей все более и более высокие ступени конкретного единения».

«Члены Царства Божия, не вступая ни к кому в отношение противоборства, не совершают никаких актов отталкивания в пространстве, следовательно, не имеют материального тела; их преображенное тело состоит только из световых, звуковых, тепловых и т. п. проявлений, которые не исключают друг друга, не обособлены эгоистически, но способны к взаимопроникновению. Достигнув конкретного единения, то есть усвоив стремления друг друга и задания Божественной Премудрости, они соборно творят Царство совершенной Красоты и всяческого Добра, и даже тела свои созидают так, что они, будучи взаимопроникнуты, не находятся в их единоличном обладании, а служат всем, дополняя друг друга и образуя индивидуальные всецелости, которые суть органы всеохватывающей целостности Царства Божия. Свободное и любовное единение членов Царства Божия так велико, что все они образуют, можно сказать, «Единое Тело и Един Дух». (Ап. Павел. К Эфес., 4,4).

«Что касается сверхпространственности, значение ее хорошо выяснено в творениях Отца Церкви, св. Григория Нисского¹⁰⁶: «Душа не протяженна, говорит он, и потому естеству духовному нет никакого труда быть при каждой из стихий, с которыми однажды вступило оно в сопряжение при растворении, не делясь на части противоположностью стихий; естество духовное и непротяжное не терпит последствий расстояния. Дружеская связь и знакомство с бывшими частями тела навсегда сохраняется в душе».

Кому же особенно ясны и близки будут слова нашего знаменитого современного философа? Конечно, высокий лама найдет и сердечный ответ и благостное понимание. Больше того, он найдет в своей реальной метафизике и соответствующие оправдания и с восторгом приобщится диспуту о духовном, иначе говоря, о том, что составляет его стремление. Для вселенского тела лама будет знать Дармакайю¹⁰⁷. Высшее взаимопонимание, общение представителей духа он назовет Доржепундок. И, главное, сделает это не в разобщении, не в оспаривании, но в добром общении, в котором так легко стираются вредоносные перегородки.

Там же, на Востоке, поймут и С. Метальникова о бессмертии одноклеточных. Идея единости, неделимости, неразрушимости будет оценена. Тот, кто понимает Дхарму, тот может говорить и о бессмертии. Так же благостно поймут и Брогли и Милликана и Рамана и Эйнштейна. Лишь бы язык был. Нужно знать для понимания и внешний, и внутренний язык. Нужно знать не только внешний иероглиф. Необходимо знать происхождение знака, нарастание символа, чтобы непонятая внешность не явилась новой перегородкой.

Во Благости разве трудно сойтись? Для кого-то священность Ганга суеверие. Но истинный ученый и здесь отдает должное народной мудрости.

Так прекрасно прикосновение к фактам, основам народной мудрости. Священной почитается вода Ганга. Поразительно, насколько не заражается взаимно бесчисленное множество людей, столпившихся в водах священной реки у Бенареса. Но к вере, к психическому охранению природа присоединяет еще ценнейший фактор. В воде Ганга только что найдены особые бактерии, уничтожающие прочие очаги заразы. Старое знание и здесь являет свою прочную основу.

представителей интуитивизма и персонализма в России.

¹⁰⁶ Григорий Нисский (ок. 335 — ок. 394) — церковный писатель, богослов и философ-платоник. Последователь Оригена.

¹⁰⁷ Дармакайя — в буддизме тонкое, духовное тело будды, достигшего нирваны.

Трогательны все объединительные знаки. Буддисты видят икону св. Иосафа, Царевича Индийского, и хотят иметь копию ее. Ламы видят фреску Нардо ди Чионе в Пизанском Кампо Санто и начинают пояснять содержание ее и значение изображенных символов. Когда же вы прочтете им из «Золотых легенд» о св. Иосафе, они будут приветливо улыбаться. И в улыбке этой будут те же благость и вменение, которые уделили место Аристотелю на портале Шартрского Собора вместе со Святыми и Пророками, и призвали образы греческих философов на фрески церквей в Буковине. Изображение магометанина Акбара в Индусском Храме; Лаодзе ¹⁰⁸ и Конфуций в ореоле католических святых; все черные Мадонны в Рокамадуре и в землях негритянских! А Царь Соломон в православной Церкви Абиссинии! Лишь не закрыть глаза умышленно и множество благих фактов нахлынут. Поистине, следуя завету Оригена, «глазами сердца видим». И не только древний Шартр и Буковина почитают великих философов на порталах своих. Газеты Нью-Йорка сообщают о новой церкви Баптистов на Риверсайде: «Конфуций, Будда и Магомет вместе с Христом изваяны на портале Церкви Баптистов. Новая Эра религиозной терпимости выразительно символизирована в изображениях, где великие ученые и философы (многие в свое время обвиненные в ереси) занимают место со Святыми, Ангелами и Вождями религии». «Моисей изваян плечо к плечу с Конфуцием; за Буддой и Магометом следуют Ориген, святой Франциск Ассизский, Данте, Пифагор, Платон, Сократ, Аристотель, святой Фома Аквинский, Спиноза, Архимед». «Одновременно с доктором Фосдик, давшим это свидетельство его широкого мышления, другой представитель свободной мысли, д-р Холмс, объявил на проповеди, что Храмы будущего представят синтез всех великих религий мира». О том же говорят и проповеди доктора Гутри в одной из старейших церквей Нью-Йорка Святого Марка в Бовери. Все помнят его дни Будды и других водителей религиозной мысли. Новый Храм Епископальной Церкви на Парк-авеню под руководством известного проповедника д-ра Норвуда стремится к тому же благому синтезу. Если почтенный мусульманин будет утверждать, что могила Христа находится в Шрингаре ¹⁰⁹, и станет с самым благоговейным видом перечислять все традиции и исцеления, свершившиеся при этой гробнице, вы не станете сурово перечить ему. Ведь он говорил вам, полный самых добрых намерений. Так же точно вы не будете вносить препирательство, когда в Кашгаре ¹¹⁰ вам будут утверждать о гробнице Богоматери в Мириам Мазар ¹¹¹. Так же, когда вам говорят о пророке Илии в верховьях Инда, вы и тут не протестуете, ибо, во-первых, вы чувствуете доброжелательство, а во-вторых, вам, по существу, и нечего возразить. Или разве будете вы злобно возражать против трона Царя Соломона у Шринагара? Напротив, вы порадуетесь, что таких тронов много в Азии и, по словам доброжелателей, мудрый Царь Соломон во всеобъединении и посейчас летает над азиатскими пространствами на своем чудесном ковре-самолете. Вы порадуетесь и вспомните общество Амоса ¹¹² в Нью-Йорке и его широкие благие цели.

Есть особая радость, когда вы слышите воедино великие имена Мессия, Майтрейя, Мунтазар, произносимые в том же месте и с тем же почитанием. Вообще, со всею

¹⁰⁸ *Лаодзе (Лао-цзы)* — древнекитайский философ, согласно преданию, современник Конфуция. Автор философского трактата «Дао дэ цзин», который является каноническим сочинением даосизма (крупнейшей наряду с конфуцианством религиозно-философской системы Китая).

¹⁰⁹ *Шринагар (Сринагар)* — город на северо-западе Индии.

¹¹⁰ *Кашгар* — город на западе Китая.

¹¹¹ *Мазар (араб. — место поклонения)* — у мусульман культовые сооружения над гробницами святых.

¹¹² *Амос* — древнееврейский пророк VIII в. до н. э., обличавший чиновников, ростовщиков, судей. Проповеди Амоса вошли в состав Библии.

бережливостью отнесемся к благостным объединительным знакам. Вспомним трогательную легенду тибетскую о происхождении многих святынь. И особенно вспомним теперь, когда благие знаки вовсе не заковывают нас в прошлое, но восторженно устремляют в будущее.

О чем же взывает мудрый Апостол Павел, когда он пишет во все концы и Римлянам, и Евреям, и Коринфянам, и Ефесянам, и Галатам: «Итак, очистите старую закваску, чтобы быть вам тестом новым». «Посему станем праздновать не со старою закваскою».

«Немощного в вере принимайте без споров о мнениях. Ибо иной уверен, что можно есть все, а немощный ест овощи».

«Итак, будем искать того, что служит к миру и ко взаимному назиданию». «Каждого дело обнаружится; ибо день покажет, потому что в огне открывается и огонь испытывает дело каждого, каково оно есть». «Когда будут говорить «мир и безопасность», тогда внезапно постигнет их пагуба».

«Духа не угашайте».

«Итак, отвергнем дела тьмы и облечемся в оружие света».

«Достигайте любви, ревнуйте о дарах духовных».

«Писать вам все о том же для меня не тягостно, а для вас назидательно».

Какой указ и моление о воссоединении духовном, о будущем; нужны оружия Света. И не о прошлом только горюя, но ревнуя о будущем, предупреждал Исая ¹¹³ страшными словами: «Магер-шелал-Хаш-баз».

Не для прошлого, но для будущего путника насаждал Акбар молодые деревья вдоль путей Индии.

Что может быть хуже, нежели отнять и оставить «место пусто»?

Говорит Златоуст ¹¹⁴: «Когда же душа уклоняется от любви, тогда помрачается ее умственный взор».

Истинно, многоценны объединительные знаки! Не забываем слова Вивекананды о Христе, сказавшего: «Если бы я в жизни моей встретил Христа, кровью сердца моего я омыл бы ноги Его». Многие ли христиане имеют в сердце своем такое же действительно возвышенное чувство? И можно ли забыть слова того же Вивекананды, спросившего Чикагский конгресс религий: «Если вы считаете ваше учение столь высоким, почему же вы не следуете заветам Его?»

Можно ли забыть тот факт, что, когда однажды христианская церковь была в бедственном положении и угрожаема продажей с торгов, евреи доброохотно и добровольно выкупили христианскую святыню и возвратили ее в лоно Митрополии. Митрополит Е. подтвердит это.

Разве не во Благое говорит вам раввин-каббалист: «Вы ведь тоже Израель, если ищите Свет». Разве не улыбнетесь благостно намтару среднеазиатского бакши о чудесах Великого Иссы-Христа? И разве не будете слушать за полночь, в Кашмире, славословье Христу в устах мусульманского хора, с цитарами и затейными барабанами? Вспомните все почтительные, высокотрогательные сказания мусульман Синкианга об Иссе, великом и лучшем.

Или если возьмем книгу реверенд Джемс Робсон «Христос в Исламе», то, вместо нашептанных невежеством враждебных знаков, мы увидим множество сердечного понимания и доброжелательства. Старовер поет стих о Будде. В субурганах ¹¹⁵, среди

¹¹³ Исая — древнееврейский пророк.

¹¹⁴ Златоуст (Иоанн Златоуст, ок. 350—407) — византийский церковный деятель, епископ Константинополя, ярчайший представитель церковного красноречия.

¹¹⁵ Субурган (монг. — ступа) — в буддизме погребальный (а также реликварный, мемориальный или символический) памятник, имеющий в разных странах различную форму.

священных книг, закладываются и Евангелия. Дравид ¹¹⁶ читает Фому Кемпийского «Подражание Христу». Мусульманин в Средней Азии рассказывает о Святых колоколах за горою, которые на заре слышат Святые люди. Почему нужны мусульманину колокола? Просто ему нужен зов блага. Ко всемирному Беловодью идут и сибирские староверы.

Вспомним все сказания всех веков и народов о Святых людях.

Сказывающий даже и не знает, о ком говорит он, о христианах, о буддистах, о мусульманах, о конфуцианах... Он знает лишь о благодати, о подвигах Святых людей. Они, эти Святые, сияют неземным светом, они летают, они слышат за шесть месяцев пути; они исцеляют, они самоотверженно делятся последним достоянием; изгоняют тьму и неутомимо творят благо на всех путях своих. Так же говорят и староверы, и монголы, и мусульмане, и евреи, и персы, и индусы... Святые становятся общечеловечны, принадлежат всему миру, как ступени истинной эволюции человечества. Все вмещает Свет. Чаша Грааля над всем благом. Божественная София Премудрость летит над всем миром.

Проклятия ведут лишь во тьму. Не злобою, не отрешениями, но по благим вехам можно перейти самый бурный океан.

Вот слова от Корана:

«О народы земные, скиньте всякие узы, если хотите вы достигнуть Становья, уготованного вам Богом».

«Быть может, тогда удастся заставить людей бежать от состояния беспечности, в котором обретается душа их, к Гнезду Единства и Знания, заставить их пить воду вечного Ведения». «То жребий святой и вечный, удел чистых душ за божественной трапезой».

Вот от Каббалы, от великой Шамбатион:

Элдад Ха-Дани описывает реку Шамбатион, объединяющую детей Моисея, как твердыню духовного объединения. Мусульманские писатели Ибн-Факих и Казвини повествуют, как однажды Пророк просил Архангела Гавриила перенести его в страну «детей Моисея» (Бану Муза), в страну праведных. «Гелилот Эрез Израэль» соединяет Шамбатион со священной рекою Индии, имеющей целительные свойства. Целительные объединения!

Не будем думать, что мышление о всепонимании, об единении свойственно лишь новаторам, потрясающим догмы. Православная, католическая и римско-католическая церковь постоянно молятся «о воссоединении церквей и о временах мирных».

Это чаяние самого духовного, самого сердечного единения не есть только догма, это есть самое животворящее, благодатное начало. И после этого воссоединения чают времена мирные. От церковного амвона переносимся в бесчисленные мирные Конференции, которые тоже, каждая по-своему, более или менее удачно, мечтают о временах мирных. На этой вершине сходится внутренняя надежда всего человечества. И самые косные, и самые трепетно обновленные мечтают о временах мирных, о самом прекрасном воссоединении. В тайниках сердца мы понимаем, что гонения, отрешения, проклятия привели только к ужасу, к дроблению, измельчанию. Привели к изысканной лживости и отвратительному лицемерию.

Через мост придет Мессия. Каббалисты знают этот объединяющий символ. На белом коне Всадник Великий и комета, как меч Света в деснице Его. Говорит знатный Абиссинец: «И у нас есть старинная легенда. Когда Спаситель Мира придет, Он пройдет по каменному мосту. И семеро знают о приходе Его. И когда они увидят Свет, они припадут к земле и поклонятся Свету».

Разве случайно пришествие Мессии должно произойти через мост? Какой же символ ближе всего мысли об единении, о воссоединении? Уже не по-восточному сидит Майтрейя, но по-западному, со спущенными ногами, готовый к пришествию. «Время сокращено есть». «Воистину не было еще времени, сокращеннее нашего!» «Сгущенно

¹¹⁶ Дравиды — древнейшее население Индостана, в настоящее время населяют Южную Индию.

время». «Коротко время», «Узко время», на разных языках восклицают народы, трепеща от предчувствия, собирая вокруг чаяния своего лучшие символы. Без слов скажут, глазами укажут, как устремляется дух их к Тому Великому, которое предчувствовано всеми страданиями, всеми кострами, всем шепотом непонятого сердца. В чем и сознаться даже себе страшно, к мечте прекраснейшей открыт дух народный. И нет затемнения такого, которое бы пересекло путь в будущее, где исправится молитва, настанет мир и возвеселится дух радостью, не теперешнею, ликованием светлого завтра.

Зачем нужны человечеству эти мирные времена? Так же точно каждое сердце знает, что мирное время нужно ему для познавания, для строения. Немирные времена привели к краху, материальному и духовному. И это знает сердце человеческое. Немирные времена создали шатание безработицы, в которой теряется лучшее устремление к повышению качества. Немирные времена привели ко множеству условностей и к тому ужасу, который возникает от потери качества, иначе говоря, к духовному одичанию.

Очень часто мирные конференции вызывают улыбку сожаления своею лицемерностью, когда люди собрались уничтожить неудобные им разрушительные средства лишь для замены их более утонченными и современными. Но и среди этих сборищ всегда имеются те, которым близок созидательный принцип времен мирных. Вот эти-то неозверелые, как чистые шарики, все-таки будут стремиться к светлому воссоединению, к великому вселенскому телу. Эти устремленные всегда могут договориться, ибо сердце их или днем, или ночью молится о воссоединении. Если жив этот глас, то можно осознать и то нерушимое облагораживание духа, которое дается осознанием Культуры. Ведь каждый мечтающий, ищущий Культуру, знает в сердце своем и великое воссоединение, и времена мирные. Ему нужно это воссоединение, ему нужно мирное время, чтобы отворить врата светлые. «Не мешай», «не заслоняй мне солнце» просит Сократ ведь не для того, чтобы быть лежебоком, он просит не заслонять света, не рождать тьмы.

Да, да, будущее не терпит лежебоков. Все сгустилось. В нагнетении энергий значительно каждое мгновение сознательной работы. Значительно каждое изгнание эгоизма. И светло каждое утверждение кооперации.

Век Майтрейи всегда указывался, как век истинного сотрудничества.

Наталия Рокотова ¹¹⁷, в своей замечательной книге о буддизме, по источникам характеризует век Майтрейи так:

«Грядущий Будда-Майтрейя, как указывает его имя — Будда Сострадания и Любви. Этот же Ботхисатва, в силу присущих ему качеств, часто именуется Аджита-Непобедимый.

Интересно отметить, что почитание многих Бодхисатв нашло развитие только в школе Махаяны ¹¹⁸, тем не менее почитание одного Бодхисатвы Майтрейи, как преемника, избранного самим Буддой, принято и в Хинаяне ¹¹⁹. Таким образом, один только Бодхисатва Майтрейя охватывает все пространство, являясь выразителем всех чаяний буддизма.

Какими же качествами должны обладать Бодхисатвы? В учении Готамы Будды и в учении Бодхисатвы Майтрейи, согласно преданию, данному им Асанге в веке (Махаяна-Сутраламкара), прежде всего, было отмечено максимальное развитие энергии, мужества, терпения, постоянства устремления и бесстрашия. Энергия есть основа всего, ибо в ней одной заложены все возможности».

¹¹⁷ Наталия Рокотова — один из псевдонимов Е. И. Рерих.

¹¹⁸ Махаяна (санскр. — большая колесница) — северная школа буддизма (северная Индия, Тибет, Монголия и др.).

¹¹⁹ Хинаяна (санскр. — малая колесница) — южная школа буддизма (южная Индия, Цейлон, Бирма, Лаос, Таиланд и др.).

«Будды вечно в действии, им неведома недвижность, подобно вечному движению в пространстве, действия Сынов Победителей проявляются в мирах».

«Сильный, отважный, твердый в своей поступи, не отказывающийся от бремени принятия подвига общего блага».

«Три радости Бодхисатв — счастье даяния, счастье помощи и счастье вечного познания. Терпение всегда, во всем и везде. Сыны Будд, сыны Победителей, Бодхисатвы в своем действенном сострадании, Матери всему сущему» (Махаяна Сутра).

Не о том же ли Свете, сердечножданном во Благе и Единстве, говорит Восток, заповедуя Шамбалу?

«Мировой Глаз Шамбалы несет человечеству Благо. Мировой Глаз Шамбалы, как Свет на пути человечества. Мировой Глаз Шамбалы та Звезда, которая направляла всех ищущих.

Для одних Шамбала есть Истина, для других Шамбала есть утопия. Для одних Шамбалы Владыка есть Старец, для других Шамбалы Владыка есть Явление Довольства. Для одних Шамбалы Владыка есть украшенный Идол, для других Шамбалы Владыка есть Руководитель всех планетных духов. Но Мы скажем — Шамбалы Владыка Огненный Двигатель Жизни и Огня Матери Мира. Дыхание Его горит Пламенем, и Сердце Его пылает Огнем Лотоса Серебряного. Шамбалы Владыка живет и дышит в сердце Солнца! Шамбалы Владыка зовущий и Позванный! Шамбалы Владыка стрелу Несущий и все стрелы Принимающий! Шамбалы Владыка дышит Истиной и утверждает Истину. Шамбалы Владыка Нерушим и рушимость претворяет в созидание! Шамбалы Владыка Навершие знамени и Вершина жизни!

Примите Шамбалы Владыку, как Знамение жизни. Трижды скажу — жизни, ибо Шамбала есть залог устремлений человечества. Наше Явление — человечества залог совершенствования. Наше Явление — утвержденный путь к Беспредельности.

Шамбалы Владыка являет человечеству три начертания: Учение, явленное Майтрейей, зовет дух человеческий в Наш творческий мир. Учение Майтрейи указывает на Беспредельность в Космосе, в жизни, в достижениях духа! Учение Майтрейи держит знание космического огня, как открытие сердца, вмещающего явление Вселенной.

Старое предание, утверждающее, что явление Майтрейи явит воскрешение духа, правильно. Мы добавим: воскрешение духа может предшествовать явлению Прихода, как принятие сознательное Учения Владыки Майтрейи. Истинно воскрешение!»¹²⁰

Не к той же ли крепости духовной зовет Восток, утверждая законную необходимость Иерархии Света?

«При переустройстве мира можно продержаться лишь на утверждении Нового Мира. Установление явленного решения может войти в жизнь лишь великим пониманием мирового перерождения путем великого закона Иерархии. Потому ищущие Нового Мира должны устремиться к утверждению закона Иерархии. [...]

Тем только можно установить равновесие в мире. Только пламенно Ведущее Сердце явит спасение. Так нужно миру утверждение закона Иерархии».

«Потому законно утверждается Иерархия при смещении стран и замене огнем всего уходящего. Потому так необходимо принять закон Иерархии, ибо без цепи не построить великую лестницу восхождения, так нужно принять огненно утверждение величия закона Иерархии».

«Нужно твердить об Иерархии. Правильно, что Иерархия рабства кончилась, но явление Иерархии сознательной сопровождается страданием человечества. Слишком много рабства в мире и слишком подавлено каждое пламя сознания. Рабство и сознательная Иерархия, как день и ночь. Потому не смущайтесь повторять — Иерархия сознательная, Иерархия свободы. Иерархия знания. Иерархия Света. Пусть незнающие зачатие Нового Мира насмеются, ибо каждое понятие Нового Мира им страшно. Разве им не ужасна Беспредельность? Разве им не тягостна Иерархия? Ведь, будучи сами

¹²⁰ Здесь и далее идут выдержки из книг *Живой Этики* (Агни Йоги).

деспотами невежества, они не понимают созидание Иерархии. Сами будучи трусами, они ужасаются перед подвигом. Так положим на весы самые нужные понятия наступающего Великого Века — Беспредельность и Иерархия».

«Следует принять Иерархию, как эволюционную систему. Духам, не изжившим рабства, можно повторить, что Иерархия совершенно отличается от деспотизма.

Какой же путь самый утверждающий? Самый верный путь есть самоотверженность подвига. Самый чудесный огонь есть пламя сердца, насыщенное любовью к Иерархии. Подвиг такого сердца утверждается Служением Высшей Иерархии, потому так чудесна самоотверженность тонкого сердца. Духотворчество и самодеятельность тонкого служителя огненно насыщает пространство. Так, истинно, созвучит видимое с невидимым, настоящее с будущим и предуказанное свершится. Так самоотверженность тонкого сердца насыщает мир пламенем.

По строению слов эволюционная спираль расширяется и инволюционная суживается. То же самое можно наблюдать не только на личном, но и на идеях. Очень поучительно разбирать, как идеи рождаются и совершают свой круг; часто они как бы совершенно исчезают, но если они эволюционны, то они снова выявляются в расширенном виде. Можно изучать спираль корня идей для мышления эволюционного. Задача постепенной вмещаемости идеи может дать прогрессию к высшему пониманию.

Трудись, твори благо, чти Иерархию Света — этот Завет Наш можно начертать на ладони даже новорожденного. Так несложно начало, ведущее к Свету. Чтобы принять его, нужно иметь только чистое сердце».

«Иерархия есть планомерное сотрудничество.

Если кто истолкует его в своем условном понимании, он только докажет, что мозг его не готов для кооперации». Так сказано. На чем же согласимся? На чем простим? На чем поймем? На чем расширимся? На чем не ущемимся? На чем тронемся дальше? Обойдя все круги Дантовы, придем мы к сотрудничеству. Сотрудничество, сострадание, та же любовь. Заповеданная всеми иероглифами сердца, любовь — Матерь Мира. Неисчерпаемая, любовь творящая, создавшая племя Святых людей, не знающих ни земли, ни народности; поспешающих на крыльях духа на помощь, на сострадание, сотрудничество; спешащих во Благо; несущих капли Всепонимания, Всеединой Благодати.

Спешит мир в переустройстве. От злобы устало сердце человеческое. И в трудах смятенных вновь вспомнило о Культуре, о знаках Света. И шепнуло друг другу: «Есть оно будущее, для чего мы пришли сюда. Ведь не для опоганения, не для ужаса, но шли сюда для труда совместного, для познания, для просветления. Возьмем же этот Вселенский Свет. Возьмем Преображение Мира, предуказанное, предсужденное».

Все народы знают, что место Святых людей на горах, на вершинах. От вершин откровения.

В пещерах, на вершинах жили Риши. Там, где начинаются реки, где вечные льды сохранили чистоту вихрей, где пыль метеоров приносит от дальних миров доспех очистительный,— там возносящие сияния! Туда стремится дух человеческий. Сама трудность горных путей привлекает. Там случается необычное. Там мысль народная работает кверху. Там каждый перевал сулит невиданную новизну, предвещает перелом на новые грани великих очертаний.

На трудных путях, на опасных горных перевалах стоят изображения Майтрейи Светлого будущего. Кто озаботился поставить их? Кто потрудились? Но стоят они, часто гигантские, точно нечеловечески созданные. Каждый путник прибавит свой камешек к нарастающему мendenгу¹²¹. Разве насмехнется сердце ваше над этим камнем для ступеней

¹²¹ *Менданг* — небольшое каменное сооружение, венчающее вершину холма или иное возвышенное место, обращенное на Восток. Служит сиденьем для отшельников и лам, когда они уединяются для размышления и созерцания.

будущего? Нет, путь трудный и опасный откроет сердце ваше. Не насмехнетесь, но, улыбнувшись во Благое, прибавите и свой камень к сложению ступени всевмещающего Света.

До зари задолго, при звездах — вся соседняя гора за рекою усеяна розоватыми огромными огнями. Они движутся, собираются в гирлянды, распадаются на части, вспыхивают и исчезают, несутся вперед и назад или соединяются в одно мощное пламя. В студеном ноябрьском воздухе дивуемся на это гималайское чудо, знакомое всем жителям местным. Можете наутро спросить Гура и он, блеснув глазами, скажет про огни Девита, а другой шепнет о светлом воинстве Майтрейи. Огни земли, а вот и сияние небесное. Тибет знает «Де-ме», огонь божества и «Нам бумпа», огневое сияние.

Над снежными вершинами Гималаев полыхает светлое сияние, ярче звезд и причудливее зарниц. Кто же возжег эти столбы света, шествующие по небу? Не близки полярные края полунощные? Не блестеть в Гималаях сиянию севера? Не от северных сверканий эти столбы и лучи света. От Шамбалы; от башни Великого Приходящего.

«Майтрейя идет».

Ему воздают почитанье; задерживая бег коней в просторах пурпурной Гоби; торжественно восклицают монголы: «Алдар».

Киеланг.
24 августа 1931 г.

Скрыня

И еще одна легенда превратилась в явь. Считали, что сказание о Парцифале¹²², о Граале есть чистейший вымысел. Но чешский ученый недавно нашел в иранской литературе пятого века книгу «Парен Валь Намэ», где рассказана в манихейском¹²³ понимании легенда о Парцифале, о Граале. Юрий¹²⁴ в своей истории Средней Азии предполагал, что Грааль связан с манихейством. Предположение было правильно, и находка чешского ученого его вполне подтвердила.

Но больше того, молодой швейцарский ученый в Пиренеях около Монсегюра¹²⁵ нашел пещеры с изображениями, относящимися к Граалю и тамплиерам¹²⁶. Это тот самый Монсальват, который часто поминается в связи со сказаниями о Граале.

Нужно быть признательным швейцарцу. Нелегко было проникнуть в глубокие пещеры. Даже по немногим снимкам можно убедиться, что требовались и горная сноровка

¹²² *Парцифаль* — герой средневековых легенд о Граале, ставший в результате долгого и трудного пути королем братства рыцарей Грааля.

¹²³ *Манихейство* — религиозное учение, основанное в III веке на Ближнем Востоке пророком Мани. Опирается на дуалистическое учение о борьбе добра и зла, света и тьмы. Синтетически впитало основные принципы зороастризма, гностицизма, христианства и отчасти буддизма. Оказало существенное влияние на средневековые ереси.

¹²⁴ *Юрий* — Ю. Н. Рерих, старший сын Н. К. Рериха.

¹²⁵ *Монсегюр* — горный замок-цитадель, главная твердыня, научное и культовое сооружение альбигойцев.

¹²⁶ *Тамплиеры* — или храмовники (*от франц. temple* — храм) — члены католического религиозно-мистического рыцарского ордена, основанного в Иерусалиме в первой половине XII века. В 1312 году орден упразднен римским папой в результате инквизиционного процесса, начатого против них по воле короля Франции.

и смелость. Наверно, в тех местах могут быть найдены еще изображения и предметы ритуала. Катары, альбигойцы ¹²⁷ и разные, еще не вполне осмысленные секты могли вращаться у мощных стен Монсегюра.

Вот и времена Меровингов и Каролингов ¹²⁸ тоже еще не вполне разгаданы. Суждения истории колеблются. Вот Хлодвиг ¹²⁹ различные историки снабжали самыми противоречивыми эпитетами. Он и мудрый, и прозорливый, и святой, он же лукавый, корыстный, предательский.

Опять найдутся корни легенд. Лишь бы искали их без предрассудков и суеверий. А искать нужно в самых неожиданных местах. Хуже нет быть связанным какими-то ветхими предубеждениями.

Манихейство пока остается одним из самых загадочных учений. Судя по ярким преследованиям, культура его была добрая и искания истины были широкими. Со временем ветви могли запутаться, но основа была глубока.

Во время азийских экспедиций пришлось открывать многие ветви странных сказаний. Пусть это лишь ветви, ибо до корней не докопаться, а все-таки велика радость выпрямить согнутое и переплетенное веками. И нигде столько не захоронено, как в Азии.

Истинная скряня.

1940 г.

Древние источники

«В чем истина веков — в законах и приказах или в пословицах и в сказках?» В первых — воля напряжена, а во вторых — чеканка мудрости.

Самая краткая пословица полна звучаний местности и века. А в сказке, как в кладе захороненном, сокрыты вера и стремления народа. Пословица может быть скорбной, но она не будет разрушительной, так же точно не бывает мерзких сказок, как и отвратительных песен. И пословица, и сказка к добру. А истоки приказа различны. Сколько приказов выдыхается и скоро испаряется. Но попробуйте искоренить пословицу или легенду. Хоть в подземелье уйдут, а затем снова вынырнут.

«Сумей схватить за хвост самого маленького черта, и он укажет, где притаился его наибольший» — эта старая китайская пословица указывает на значение малейших подробностей для открытия главного. Действительно, самая заботливая подробность будет лучшим ключом к подвигу великому. Ошибочно думают, что подробности незначительны для пути восхождения. Даже самые прекрасные героические действия покоились на подробностях, вовремя предусмотренных. Как внимательно замечает все камни следующий за учителем. Не минует его ничто постороннее. Лишь плохой ученик скажет: «Учитель, я в восхищении разбил себе нос». Такая несоизмеримость лишь покажет, насколько ученик далек от зоркости. Пословица китайская имеет и другое значение. Самый большой преступник лучше всего познается по самым малым подробностям поведения.

Замечательно наблюдать тонкость и верность подробностей в пословицах, легендах и сказках. Конечно, иногда в неточном переводе что-то может и показаться излишним и

¹²⁷ *Альбигойство* — еретическое движение в Южной Франции (XII — XIII вв.), опиравшееся на древнекельтскую традицию и манихейство.

Катары (греч. — чистые) — духовные подвижники альбигойцев.

¹²⁸ *Меровинги* и *Каролинги* — королевские династии во Франкском государстве.

¹²⁹ *Хлодвиг I* (ок. 466—511) — король салических франков с 481 года из рода Меровингов. Завоевал почти всю Галлию, что положило начало Франкскому государству.

тяжеловесным, но стоит обратиться к первоисточнику, как вы увидите, что старинная пословица «Из песни слова не выкинешь» имеет глубокое значение, и не только не выкинешь, даже и не переставишь. И с этой точки зрения необыкновенно поучительно наблюдать кованость народного языка. Как лучшие зерна отсеиваются повторным провеиванием, так в горниле веков выковывается язык народной мудрости.

Во всех веках и народах всегда будут краткие периоды, в которые будут спесиво отринуты эти накопления. Как клады, временно уйдут они под землю. Как в запрещенных катакомбах, останется лишь шепот молитв. Так где-то и все-таки в полной бережливости сохранятся знаки народной наблюдательности, и опять их достанут из тайников. Опять с обновленным рвением будут изучать. И опять, именно из этих неисчерпаемых источников обновятся основы культуры.

Какие-то вдумчивые исследователи опять углубятся в познание и смысла и формы старинных наследий. Будут опять любоваться изысканными подробностями этих форм, таких кованых, таких чеканных, рожденных в долготерпении бывших ритмов жизни.

Именно хочется подчеркнуть, что в этих старинных наследиях и смысл, и сама форма построений могут доставить одинаковую радость исследователю. Люди поверхностные, может быть, что-то скажут о старообразном языке, но настоящий вскрыватель рун, пытливый ученый, будет любоваться, как замечательно, и просто, и уместно поставлены определения и в каких сочетаниях - выявлено наибольшее ударение, обращающее внимание там, где нужно.

Возьмите любую старинную пословицу и попробуйте начать в ней переставлять слова. Вы увидите, что от таких упражнений потеряется много смысла. Нам приходилось видеть множество переводных искажений. Только в самое последнее время языки начинают изучаться без предубеждений, и потому даже в известных памятниках старины новые переводы открывают новые знаменательные подробности. Даже сами исторические имена претерпевали в различных переводах такое многообразие выражений, что подчас даже трудно признать, что речь идет о том же самом лице или месте. Особенно повинны были в этих условиях учебники средних школ. Множество детей в спешном прохождении курса подчас усваивало такие наименования, которые потом, в зрелых годах, попадались им в совершенно другом выражении, что порождало лишь ненужные осложнения.

Но сейчас во многих отраслях науки мы обращаемся к первоисточникам вполне доброжелательно и пытливо. Вдумчивое изучение поможет опять оценить множество характернейших, мельчайших подробностей и определений.

А что же может быть глубже и полнее, как не наблюдение и за самой мыслью, и за способом построения ее? Недаром люди говорят об искусстве мышления. Именно в мыслительном построении выражается то же общее понятие творчества. Любители искусства для искусства всегда особенно подчеркнут не только, что сказано, но и как сказано. Как сказано, как сделано, как помыслено — все это является источником восхищения каждого наблюдателя; а теперь столько приходится говорить об утрате качества во всей жизни, что именно качество всех построений особенно примечательно.

Все проблемы, требующие спешного разрешения, нуждаются в высоком качестве выражения. Знаменитое «кое-как» более чем неуместно. Каждый должен понимать всю ответственность за способ мышления и действия. Не будем думать, что способ мышления не важен; как во всем творчестве, способ, техника имеют огромное значение. Картина только тогда убедительна, когда вся она построена беспеременно; когда зритель чувствует, что иначе и быть не могло, что данное ему именно так сложено, как нужно. Для этой убедительности какая нужна наблюдательность всех подробностей!

Какая чудесная школа убедительности заключена в исконном творчестве народов, в анонимном, характерном и всегда живом.

Пекин, 3 января 1935 г.

Письмена Азии

На обветшалых, пожелтевших рукописях Турфана звучат гимны Богу Свету, Солнцу, Вечной Живой Душе, возносятся моления о покое, о восхождении, о мире. Слово «мир» употребляется очень часто. Кроме множества буддийских текстов, в разновременных находках имеются рукописи китайские, манихейские, несторианские, тибетские, иранские и от всяких средне-азиатских путников.

Разрушились пустынные сейчас храмы. Засыпались процветавшие города, исчезли стены и башни. Срезана, сбита стенопись. Уничтожены книгохранилища, распроданы и расхищены сокровища. Мрачность царит там, где сияли светлые краски и сверкали металлы. Что же скажет некто, кто посетит старинные места на новых путях?

Пострадали и листы рукописей, как от времени, так и от всяких недоброжелательных вражеских рук. Но все-таки и эти прерывчатые, изъеденные свитки напомним, что и в пустынных, затемненных развалинах когда-то возникали светлые мысли и кто-то изливал душу в прекрасных зовах.

В недавнем переводе турфанские гимны означают (многозначия обозначают пропавшие места текста):

«Гимн живой душе... все грехи, колебания, внутренние и внешние, все мысли, все помысленное и все сказанное. Смешение доброго и злого мышления, неосознание того и другого. Пойми свое Бытие: чистое слово, ведущее к душе! Через нее, через душу пойми лукавое слово вождя ада, которое приведет ко тьме адовой. Взвесь, как судья на весах, все слово, выпущенное и преосужденное. Осмысли перевоплощение и тьму адову, где души терзаются в утеснении. Храни душевное целомудрие, сокровище слова... поедающий огонь человеческий! И ты, душа светлая, окрыленная, свободная в выражениях! Предопределение и перевоплощение! Удержи сердце и мысль от греховного позыва. В отчизну Света иди путем мира...

Тебе пою, Бог Всемогущий, живая душа, дар Отеческий. Будь благословенна, душа светлая. Благословенна будь. Свято дойди к своему Отечеству. Счастьем щедрая Мощь! мудрая... все... сама... в трепете... внимая... мир... к Тебе, Сын Вседержителя. Все утеснение, тягость и нужда, которые Ты превзошел, кто может пребороть? Ты, Просветленный, Милосердный, Благословенный, Мощный и благородный Владыко».

«От Света, от Бога — я, став безземельной, от вас удаленная. Будь благословен, кто душу мою изведет из нужды».

...Вы получите вечную жизнь. Очистите светлую душу, и она освободит вас. Зазвучите в чудесном гимне: «...О благе, о мире, о доверии». Прекрасно пойте и радуйтесь мыслью: «О, Светлый Водитель души». Вострубите в веселии: «Веди души воедине ко спасению». На любвеобильный зов трубный отзовутся радостно сыны Божий. Скажите: «Свят, Свят». Воззовите: «Да будет, да будет». Звучите: «О, премудрость Светлейшая». Воззовите чистым словом: «Слово живое Истины от оков освободит заключенных. Хвалите Истину, вы». Звучите и воззовите: «Пылайте страхом Божиим, в заповедях и в Заветах воссоединяйтесь без... исхода... Света. Зовите... Глашатай... великий мир, сокровища, которые души, и глаза, и уши... Призовите Сына Божьего на пир божественный. Украсьте любимые кущи, просветите путь к Свету. Спрягите все члены в пяти, в семи и в двенадцати. Вот они, семь сияющих благородных камней, которыми стоит мир. Их мощью живут миры и все сущее. Как лампада в доме единая, во тьме пресветлая»...

.....

«Ударившего тебя не ударь. Не мсти тебе мстящему. Не вводи в искушение тебя искушающих. Встреть дружелюбно на тебя разгневанного. Не причини другому тебе самому нежеланное. Сноси обиды от высших, от равных и от меньших. Не поранят слона цветы, в него брошенные. Не расплавят камень капли воды. Так же и обиды и поношения не поколеблют многотерпеливого. Как Сумеру гора ¹³⁰, терпеливый высоко удержит себя. Многотерпеливый сумеет явить себя иногда учеником, иногда и учителем, иногда рабом, иногда и владыкою»...

«Вот путь, вот тайна, вот Великий Завет и врата Освобождения. Да будет на мне Твоя Господня воля. Да защитит меня Твое великолепие и да умножится мое терпение, правота и страх Божий. Мой глас и мое ухо»...

.....

«Счастлив, кто в чистоте и правде твоей, о, Боже, познает многообразие, человечность и чудотворность».

.....

«Есть ученик доброго сердца и любящий учителя. Он следует ему, держит имя его в чести и любовно во всем к нему относится... Прими этих братьев, к тебе приходящих. Когда захотят они почерпнуть от мудрости, поучи их, как детей своих»...

«...Как Владыко, который оружие свое и доспех снимает и облачается в царские одежды, так посланец Света отлагает воинственность и восседает в Свете и в Божественном одеянии, в венце сияющем и в венце прекрасном. И в великой радости сходятся к нему и справа, и слева Светозарные в песнопении веселия — все собирается в Божественной чудотворности, как блеск молнии, или, как стремящееся светоозарение, осветит столбы его восхищения во всей божественности...»

«Благородный Владыко исполнил свое обещание, Им данное: «Воссяду на облаке и к часу сужденному пошлю вам помощь».

Так звучат голоса на истлевших рукописях. В знаках пехлевийских и уйгурских сохранились в тайниках Азии голоса от стран дальних. И в стенописи сохранены черты разных народов, которые в прекрасном сочетании улеглись на тех же единых поверхностях. В образах стенописи, в технике исполнений тоже найдутся и китайские, и иранские, и индусские облики. Светлые, большею частью образы в разных символах возносят о мире моления. А из-за Гималаев звучит моление древних Вед:

«Пусть все сущие силы принесут нам мир. Пусть Бог нам мир засвидетельствует. Пусть мир, и мир един царствует всюду. Пусть сойдет на нас этот мир».

Среди мятущегося западного вихря Данте в своем незабываемом трактате взывает:

«О, человечество, какие же бури должны поразить тебя, какие потери ты должно понести, какие крушения должны ударить тебя, пока ты, как многоголовое чудовище, устремляешься к вещам противным! Ты больно в своем понимании. Ты болеешь в своих чувствах. Нерешимые соображения не помогают твоему пониманию. Ясная убедительность не убеждает твоего низкого мышления. Даже сладость Божественной убедительности не очаровывает тебя, когда она дышит в созвучиях Святого Духа. Помните, братья, как хорошо и как приятно жить вместе в единении».

Молила Азия о мире, о том же взывали великие души Запада. Не в молениях ли, навсегда запечатленных, выковано свидетельство о мире, о мире всего мира.

22 июля 1935 г.
Тимур Хада

¹³⁰ Сумеру гора — то же, что Маха Меру.

Чандогия Упанишады

«Дыхание насыщаемо, глаз насыщаем, солнце насыщаемо, небеса насыщаемы, все, что под небом и под солнцем, насыщаемо. Откуда же насыщается все происходящее: стада, питание, сила, великолепие, торжественность Служения?»

«Виана ¹³¹ насыщается, ухо насыщаемо, луна насыщается, державы небесные насыщаемы, все, что под ними и под луною, насыщаемо. Откуда же насыщается все происходящее: стада, питание, сила, великолепие, торжественность Служения?»

«Апана ¹³² насыщается, слово насыщаемо, огонь насыщаем, земля насыщается. Все, что под огнем и землею, насыщаемо. Откуда же насыщается все происходящее: стада, питание, сила, великолепие, торжественность Служения?»

«Самана ¹³³ насыщается, дух насыщаем, вихри насыщаемы, ураган насыщаем. Все, что под вихрями, в урагане, насыщаемо. Откуда же насыщается все происходящее: стада, питание, сила, великолепие, торжественность Служения?»

«Удана ¹³⁴ насыщается, воздух насыщаем, пространство насыщаемо. Все воздушное и пространственное насыщаемо. Откуда же насыщается все происходящее: стада, питание, сила, великолепие, торжественность Служения?»

«Кто, зная сие, сожительствоет Агнихотре ¹³⁵ — тот служителствует во всех мирах, во всех сущих, во всем».

«Как дети теснятся вокруг матери, так приникают сущие вокруг Агнихотры — вокруг Агнихотры».

«От Тончайшей Сущности все одухотворено. Это единственная Действительность. Это Атман».

«Истинно, мертво тело, покинутое духом. Дух же не умирает. Тончайшею Сущностью все одухотворено. Эта единственная Действительность, это Атман».

«Брось эту соль в воду и вернись ко мне завтра утром».

«Попробуй теперь эту воду, что находишь?» — «Она соленая». — «Зачерпни эту воду поглубже, что находишь?» — «Она соленая». — «Попробуй ото дна. Что находишь?» — «Она соленая». — «Еще попробуй и подойди ко мне». — «Она все такая же». — «Итак, истинно, мой друг, ты уже не замечаешь вещества, но оно всюду».

«Скажи мне все, что ты знаешь, и скажу тебе последующее».

«Знаю Риг-Веду, Аюр-Веду, Сама-Веду, Атарвану-Веду, древние сказания, Веду-Вед, знаю обряды, знаю вычисления, науку предсказаний, познание погоды, логику, правила поведения, этимологию, науку священных текстов, науку оружия, астрономию,

¹³¹ Виана, апана, самана, удана — дифференцированные функциональные формы праны.

¹³² Виана, апана, самана, удана — дифференцированные функциональные формы праны.

¹³³ Виана, апана, самана, удана — дифференцированные функциональные формы праны.

¹³⁴ Виана, апана, самана, удана — дифференцированные функциональные формы праны.

¹³⁵ Агнихотра — особое ведическое жертвоприношение огню (Агни).

познавание змий и гениев — вот что я знаю».

«Все, что ты перечислил, это только слова».

«Слова — Риг-Веда, и Аюр-Веда, и Сама-Веда, и Атарвану-Веда, и древние сказания, и наука предсказаний, и познавание времени, и логика, и правила поведения, этимология и наука священных текстов, и наука оружия, и астрономия, и наука змий и гениев — все это только слова. Пойми правильное понимание слов».

«Когда кто понимает в словах брахмана, он может все, что желает, в державе этих слов». — «А есть ли что-нибудь высшее, чем эти слова?» — «Конечно, есть нечто высшее, нежели эти слова». — «Учитель, скажи мне это».

«Оно, Слово, истинно, больше, чем все слова. Это Слово дает понять Риг-Веду, и Аюр-Веду, и Сама-Веду, и Атарвану, и древние сказания, и грамматику, и правила вычисления, и науку предсказаний, и знание времени, и логику, и правила поведения, этимологию, и науку священных текстов, и науку оружия, астрономию, и знание змиев и гениев, небо и землю, воздух, эфир, воды, теджас, высших существ, людей, животных, птиц, растения и деревья — все творения до малейшего, и насекомое, и до муравьев, и праведное и неправедное, истинное и ложное, благое и злое, приятное и неприятное. Если бы Слово не существовало, ни праведное, ни неправедное не было бы познано, ни истинное, ни ложное, ни благо, ни зло, ни приятное, ни неприятное, это Слово дает различить все. Прими правильное понимание Слова».

«Единственно, когда Служение происходит правильно; без жертвенности не будет правильности. Это единственно делает Служение правильным, но нужно желать познать Служение».

«Только когда ощущаешь внутреннюю радость при Служении. Не служит тот, кто в страдании. Только лишь, когда преисполнен радости, тогда происходит Служение; но нужно познать радость».

«Нет радости вне беспредельности. Нет радости в конечном. Радость есть беспредельность. Но нужно желать познать беспредельность».

«Кто устремляется к миру отцов, тот с ними и пребудет. Окруженный миром отцов, он может быть счастлив. Кто устремляется к миру матерей, лишь подумать, с ними и пребудет. Окруженный миром матерей, он будет счастлив».

«Истинно зрящий не видит ни смерти, ни болезни, ни страдания. Истинно зрящий видит, и всюду он достигает всего».

«Атман, единственная истинная действительность,— в сердце. Это то, что объясняет выражение: «Он — в сердце». День за днем, он, который это знает, достигает мир небесный».

Незабываемо высоко настроение, когда индус напевно рассказывает священное предание. Прекрасно умеет сказать их поэт Тагор, который всем своим чутким сердцем держит великие ритмы.

В Индии, несмотря ни на что, всюду остается одна основная радость, когда рассказывают стихи Махабхараты ¹³⁶, Упанишад и Пуран. При всем новом, неминусуемо

¹³⁶ *Махабхарата* — древнеиндийский эпос, сложившийся к середине I тысячелетия, объединивший исторические предания, фольклорные и философские произведения.

вошедшем, в Индии эти старые напевы остаются всегда живыми.

В переводе можно удивляться многим как бы намеренным повторениям. Но когда вы слышите старинный напевный ритм, то становится совершенно ясно, что сами повторения являются как бы необходимым дополнением напева. Кроме того, в этих повторениях часто подчеркиваются именно те места, которые заслуживают особо углубленного усвоения. Не забудем, что многие века как Риг-Веды, так и прочие стариннейшие предания передавались только устно, и, таким образом, сам ритм способствовал точному запоминанию.

Когда вспоминаете особенно большое количество философских и религиозных журналов и книг, издаваемых в Индии, то вы должны будете отвесить почтительный поклон народу, который так хранит и заботится об искусстве мышления. Истинное утверждение получится, когда вы будете собирать знаки добрые. Ведь один добрый знак уже покрывает многие несовершенства.

Во всей Индии, от опаленного юга до вознесенных Гималаев, живут знаки, о которых вы вспомните во всякой стране. Во всех них вы по справедливости воздадите почтение тонкости и возвышенности мысли. Любой индус, от самого ученого до простого кули, будет рад побеседовать о предметах высоких. Даже за короткое время вы поймете, что поверх личного быта, поверх общественности и государственности, для индуса будут самыми значительными высоко духовные предметы. Именно достигая этих предметов, индус становится реален, ибо для него они будут, как сказано, единственною, истинною действительностью.

Так же, несмотря на все современные смятения, в Индии все же живет учительство в трогательном и высоком понимании. Гуру все же живет в Индии. Соотношение между Гуру и учениками всегда будет поучительным. Такого сознательного, благородного почитания теперь уже трудно найти в других странах. Это не есть рабство, не подавление личности, не суживание горизонта, но есть возвышенное, благородное понимание Иерархии. Даже в мелочах обихода, и в глаза и за глаза, ученик действительно почитает и хранит достоинство своего учителя. Конечно, эти качества могут развиваться лишь от соответственной взаимности. Учитель, истинно, является отцом и советником, руководителем во всей жизни.

Заботы о внутреннем и внешнем преуспевании учеников являются неотъемлемым качеством Гуру. Но и ученики, со своей стороны, находят незабываемо прекрасные выражения в отношении своего руководителя. Не будет допущено никакого, хотя бы обиходно малого, умаления. Будет приложено все заботливое старание понять и охранить сущность познаваемого. В таких взаимоотношениях создается искусство мышления, творится радость о предметах высших. И эта радость живет не только во дворцах и около храмов, она проникает в самые убогие жилища и претворяет невероятные трудности жизни в ношу легкую.

Кто побывал в Индии не туристом, прохожим, но прикоснулся к сущности жизни страны, или, вернее, великого континента, тот никогда и нигде не забудет очарования великой Индии. Можно всюду выполнять различные полезные задачи, можно применить к любым условиям, можно понять разные языки, но все же ничто не затмит необычное очарование Индии.

И сердце Индии отзывчиво там, где оно почует взаимность. Никакие слова и уверения не сравнятся с великим знанием сердца. Зато и неизменен приговор сердца. Оно знает, где настоящее добро, под любую поверхность сердце определит сущность. В Индии к этому сердечному языку прибавляется еще и неповторенная психическая чуткость. Даже на расстоянии вы можете взглянуть на кого-либо из толпы, и он сейчас же оглянется, как бы желая ответить. Сколько раз нам приходилось убеждаться в этой необыкновенной чуткости.

Невозможно чем-либо насильственным или противоестественным развить в себе

эту чуткость. Лишь веками, в великом ритме, в постоянном мышлении о предметах высоких развивается это чрезвычайное качество.

Но чтобы познать искусство мышления о высоких предметах, нужно полюбить и сделать обычным для себя этот способ мышления. Но, чтобы полюбить, нужно возрадоваться. Правильно указано в Упанишадах, что служение может быть действительно лишь в радости. Эту внутреннюю сердечную радость нужно не только воспитать, но ее нужно суметь удержать, чтобы она поселилась в сердце. Добрая радость сердца делается уже неотъемлемым качеством и преобразит собою все сумерки и потемки.

Думать ли о величественных, замысловатых строениях юга Индии, или мечтать о неповторенном величии Читора или Гвалиора и множества твердынь Раджпутаны ¹³⁷, или перенестись мысленно в торжество Гималаев — всюду будет выражена радость великого мышления. В лунном Ганге, в тайне ночи Бенареса или в великом ритме гималайских водопадов будет то же неповторенное настроение. В повторении множества древнейших имен, от Ману, от Арджуны ¹³⁸, от Кришны, от всех пандавов, героев, творителей и строителей утверждается крепость в любовном почитании этой древности. И от Матери Мира, от царицы Мира, от всех носительниц домашнего и государственного очага проникаемся всегда цветущим очарованием великой сердечности.

Хороша Индия. Хороша она и в явном, и в тайнах, бережливо охраненных.

Милая, Прекрасная Индия.

13 апреля 1935 г. Цаган Куре

Мир и Культура

*Буддийской Ассоциации Молодежи
в Коломбо*

В этот памятный день будем вспоминать Свет и взаимно укрепим друг друга основными понятиями истинной эволюции. Великий Готама ¹³⁹ многообразно заповедовал о Мире и Культуре. Мир означает неутомимое созидание. Культура является вечным познанием и улучшением жизни основами славного прогресса.

Непрактично и пагубно все, созданное враждебностью и озлобленностью. История человечества дала нам замечательные примеры, как именно мирное творчество создавало прогресс. Устанет рука от меча, но рука творящая, усиленная мощью духа, будет неутомима и непобедима. Никакой меч не может расстроить истинное наследие культуры. Человеческий ум может временно уклоняться от первичных источников, но в сужденный час вновь обратится к ним с обновленной мощью духа.

Завещанные тончайшие энергии уже не отвлеченность для человечества; истинные ученые уже применяют их в своих благословенных опытах улучшения жизни. Давно предугазанная жизнь на дальних мирах и новые возможности земной жизни перестают быть сказками. Мы уже пользуемся этой реальностью, и она создает нам новые часы возвышенного размышления. И само размышление это тоже преобразается. Оно делается короче и напряженнее. Учение об очищенной пище уже твердо вошло в жизнь, даже

¹³⁷ ...о неповторенном величии Читора, Гвалиора и множества твердынь Раджпутаны... — речь идет о памятниках древности в Индии.

¹³⁸ Ману — в индийской мифологии первопредок, прародитель людей, полагающий начало новому человеческому роду в начале новой Юги.

Арджуна — один из Пандавов, ученик Кришны в «Бхагавадгите».

¹³⁹ Готама (Будда Гаутама, VII—VI вв. до н. э.) — царевич одного из государств северной Индии. Отрекся от наследственных прав и имущества ради духовного подвижничества и поисков Истины, в результате чего стал буддой. Основатель буддизма.

ограниченный ум уже знает о мощных витаминах. Все, что жизненно в блестящем прогнозе, уже не исчезнет, но, как каждая истина, будет вновь появляться уже в расширенном представлении. Человечество начинает понимать, что рука Мира самая мощная. В руке войны никогда не будет той неисчерпаемой упорности, как в руке Мира. Тот, кто несет Мир и Культуру, не насилует других, ибо в своем созидательном энтузиазме он будет исполнен блистательным творчеством и величайшим пониманием истинного сотрудничества.

Основы Мира и Культуры поистине делают человека непобедимым, и, осознавая все духовные условия, он становится терпимым и всевещающим. Ведь каждая нетерпимость есть знак слабости. Если мы понимаем, что каждая ложь, каждое предательство будет явлено, это прежде всего значит, что лживость и глупа и непрактична. Но что же должен скрывать тот, кто посвятит себя Миру и Культуре? Изучая Основы Учения, он не будет совершать ничего такого, что будет противоречить благородному, ибо истинное Знание необходимо для эволюции. Помогая своему ближнему, он тем самым помогает и общему благосостоянию,— качество, оцененное во все века. Стремясь к Миру, он делается устоем развивающегося государства. Не клевета на ближнего, мы усиливаем продуктивность общего созидательства. Не ссорясь, мы докажем, что действительно познали Основы Учения. Не теряя времени в праздности, мы докажем, что становимся истинными сотрудниками безграничных неустанных мировых энергий. Находя радость в каждодневной работе, мы покажем, что понятие Беспредельности нам не чуждо. Не вредя другим, мы не будем вредить самим себе и еще раз поймем, что в вечном даянии мы получаем. И это благословенное получение не есть скрытое сокровище скупца. Мы поймем, насколько созидательно утверждение и разрушительно отрицание. Среди основных понятий Мира и Культуры содержатся Основы, против которых не дерзнет восстать даже полный невежда.

«Лалита Вистара» упоминается на страницах «Золотых Легенд». Перед нами стоит икона Святого Иосафа, Царевича Индийского. Ведь это благостные знаки, которыми приходит взаимное понимание! Граница Света и Тьмы проходит по всему миру и, различая ее, мы становимся защитниками Культуры Света. Не бывает Культуры тьмы. Если мы можем представить твердыню Света, то в противоположность будет лишь пропасть тьмы невежества. Но, хотя бы в памятные дни светлых событий, тьма должна быть рассеяна.

В памятный День мы должны принести великое духовное возношение. Если сегодня мы принесем истинное устремление к Миру и Культуре и если мы поклянемся, что не отступим от этих светлых Основ, тогда действия наши заслуженно могут быть названы благородными действиями.

Истинно, заповеданы благородные действия Мира и Культуры.

Гималаи, 8 мая 1931 г.

Мир всему живущему

*Обращение к Обществу Маха-Бодхи ¹⁴⁰
в Калькутте*

Радостно послать привет Обществу Маха-Бодхи. С исключительною изысканностью и заботливостью это Общество продолжает свою благородную работу. Все обращения Основателя его и Водителя Анагарика Дармапалы наполнены такою

¹⁴⁰ *Маха-Бодхи* — буддийское общество в Индии, с которым семья Рерихов поддерживала тесные связи.

преданностью и состраданием, которые вызывают в сердцах самые ценные отзвуки. Трогая сердце, эту державу Света, мы прикасаемся к истинному сокровищу. Истинный ученик может быть явлен широко понимающим, всевещающим и всестрадающим. С лучшими чувствами я вспоминаю встречи с главами буддийского мира. Храню, как драгоценный знак, весть, посланную мне от одного из лидеров буддизма в Японии, Архиепископа Ногучи, и от Таши Ламы ¹⁴¹ Тибета. Старший Служитель храма в Канди, среди благоухающего Цейлона, пишет на пальмовом листе трогательное обращение к Западу, полное мирных зовов. Так же мирно звучат приветы высоких лам Монголии, Тибета и Сиккима ¹⁴².

Истинно, Мир всему живущему!

В этот памятный день много замечательных и прекрасных текстов вспоминается. С уважением мы можем представить, как многие народы в тот день приносят уважения великому понятию Будды.

После многих тысяч томов, посвященных этому возвышенному Учению, мы лишь убеждаемся, как проста истина, так проста, что может быть записана на ладони. Любовь, труд, самосовершенствование, неустанное благородное действие — вот в чем зов Великого Льва ¹⁴³.

Палийские Сутры ¹⁴⁴ содержат много прекрасных определений Будды, который установил благословенный Золотой Путь. «Он — Водитель каравана. Он — Основатель, Он — Учитель, Он — Наставник людей. Он — Владыка Колеса Благословенного Закона. Он — Лев Закона. Он — чудесный Целитель. Почитаемый Готама-Пахарь и поле — Его Бессмертие. Он — Свет Мира. Он — Освободитель». Так говорят Бодхичариаватара и Сутта Нипата ¹⁴⁵. Когда недостойный член Общины покидал Учение, Будда мудро замечал: «Теперь зерно отделилось от мякины». И опять неустанно Он продолжал пахню на полях человеческого духа.

Во имя доблестного творческого труда мы шлем наше почитание к этому Великому Дню ¹⁴⁶.

Нью-Йорк. 8-го мая 1930 г.

Маха Бодхи

В Сутрах дается прекрасный завет:

«Учение подобно пламени светоча, который возжигает огни многие. Они могут послужить для приготовления пищи или для рассеяния тьмы. Но пламя светоча остается неизменно сияющим» (Сутра, 42).

И среди служения возглашается: «Да будет жизнь тверда, как адамант; победоносна, как знамя Учителя; сильна, как орел; и да вечно длится».

Истинно прекрасны эти заветы крепости, готовности, преданности и благородного действия.

¹⁴¹ *Таши лама* — духовный глава Тибета, в отличие от светского главы — Далай ламы.

¹⁴² *Сикким* — индийский штат в Восточных Гималаях.

¹⁴³ *Великий Лев* — один из определительных эпитетов Гаутамы Будды.

¹⁴⁴ *Сутры* — в древнеиндийской литературе своды лаконичных образных, афористических высказываний, излагающие различные отрасли знания и почти все религиозно-философские учения Древней Индии. *Палийские сутры* — буддийские сутры на языке пали (священный язык буддизма).

¹⁴⁵ *Бодхичариаватара и Сутта Нипата* — тексты буддийского канона.

¹⁴⁶ *Великий День* — день ухода в нирвану Гаутамы Будды, главный праздник буддистов.

Велика радость строения! Благородно действие творчества! Прекрасно каждое приношение во имя культуры духа! Памятен этот день и для буддистов и для всех почитающих духовную культуру. Из пепла опять восстает великое понятие. Память о подвиге опять вызвана в умах мыслящего человечества, опять подтверждая истину, неизменно сияющего светоча.

Когда паломники посещали Сарнат ¹⁴⁷, они чуяли в сердце своем, что не без причины это историческое место пребывает скрытым кладом подобно. В сужденный час опять восстают исторические ценности...

Неповторенные изображения Сарната величием красоты духа прошли по всему миру. При самых неожиданных обстоятельствах можно было убедиться, с каким почтительным вниманием относятся люди к этому славному памятнику вечности. Люди самых разнообразных положений и верований объединялись восторгом изображения, благого и сострадательного.

Прекрасна ваша мысль сделать Сарнат центром. Поистине, какое другое место по историческому и географическому значению, может равняться Сарнату?

Знаем, что каждому дереву нужно время для роста. И центр Сарната не избежит этот закон и будет развиваться постепенно и твердо. Терпение, настойчивость, преданность, единение и любовь скуют прочное основание вашему центру.

В наши дни так нужно взаимопонимание, ведь мир содрогается в ненависти и разрушении! Каждое сердце человеческое пусть устремляется к духовному единению и творческому созиданию.

В памятные дни будем думать о том, о чем не следует забывать. В дни всемирного жестокого материального кризиса оглянемся на причины, создающие это повсеместное бедствие. Казалось бы, открытия и изобретения последнего времени дали людям новые необычайные возможности. Сообщения подводные, водные, подземные, надземные и воздушные предоставляют свои услуги для ускоренного обмена и, казалось бы, особенно напряженной деятельности. Но между тем вместо благоденствия всюду вспыхивают потрясения и несчастья. В самых, казалось бы, состоятельных странах образуются устрашающие многомиллионные армии безработных. Чем же могут порадовать человечество ускоренные всевозможные пути сообщения?

Взвесим мысленно грузы перевозимые, достаточно ли среди товаров отведено место истинным духовным ценностям? Сказано и повторено всюду: «Не о хлебе едином жив будет человек». И если даны людям необычайные возможности передвижения и сообщений, то ведь прежде всего они должны быть направлены к посылкам духовных ценностей. Тех ценностей, которыми созидались сильнейшие Государства и которые давали эпохи расцвета и возрождения, перед чем сейчас восторженно трепещет сердце. Если мы не вспомним опять о великих ценностях духа, то в какую же бездонную тьму мы можем погрузиться!

Но самое трудное материальное время, не дает ли и оно толчок к истинно духовным поискам и находениям. И вот когда грузы подземные и воздушные уравниваются светлыми духовными устремлениями и находениями, то и созидательные решения, казалось бы, неразрешимых проблем, снизойдут в виде прекрасного светлого Вестника. Учение предвидит и трудности, но за ними всегда предуказана светлая возможность. Пусть же эта возможность не остается отвлеченной, но оплодотворит творческое мышление человеческое, окрыляя к светлым строительным совершенствам.

Когда мы вспоминаем о еще нескрытых развалинах Сарната, Наланды,

¹⁴⁷ *Сарнат, Наланда, Капилавасту* — места, связанные с жизнью и подвигами Гаутамы Будды.

Капилавасту¹⁴⁸ и другие памятные места Индии, Цейлона, Непала, Индокитая, невольно думается, зачем эти памятные места должны лежать в развалинах, когда они, подобно многим другим памятникам, еще могли бы стоять, и изумлять, и вдохновлять умы; но около этих старинных мест мы видим уже новые построения, и мы знаем, как многое суждено быть открытым, и каждый год приносит нам новые реликвии прекрасных старых находений. «Мир всему живущему», — говорят нам эти реликвии. Пусть же и этот Завет не остается абстрактным, но в ряду лучших духовных ценностей пусть он опять цветет огненно-серебряными листьями Лотоса, бесчисленными, как бесчисленны огни сердец устремленных.

«Мир всему живущему».

Дружелюбие!

«Архат отдыхает ли? Уже знаете, что отдых есть перемена труда, но истинный отдых Архата есть мысль о Прекрасном. Среди трудов многообразных мысль о Прекрасном есть и мост, и мощь, и поток дружелюбия. Взвесим мысль злобы и мысль блага и убедимся, что мысль прекрасная мощнее. Разложим органически различные мысли и увидим, что мысль — прекрасная сокровищница здоровья. В мышлении прекрасном узрит Архат лестницу восхождения. В этом действенном мышлении есть отдых Архата.

В чем же можем найти иной источник дружелюбия? Так можно вспоминать, когда мы особенно утеснены. Когда повсюду закрываются ставни самости; когда гаснут огни во тьме, не время ли помыслить о Прекрасном. Не загрязним, не умалим этот путь! Лишь в нем привлечем то, что кажется чудесным. И чудо, не есть ли неразрывная связь с Иерархией? В этой связи и вся физика, и механика, и химия, и вся панацея. Кажется, немногим устремлением можно продвинуть все препятствия, но полнота этого условия непомерно трудна людям! Почему они отрезали крылья прекрасные?» Так говорит книга «Мир Огненный».

«Все ли здесь?», «Все ли готовы?» — перекликаются дозорные на стенах твердынь. С башен им отвечают: «Всегда готов», «Бодрствуем во благе!» Поистине следует перекликаться в нынешнее темное время всем, кто мыслит о благе. Через все горы и океаны следует объединение держаться всем сердцам правды.

В час торжественный как же не объединиться и не послать всем ведомым и неведомым друзьям слово о дружелюбии. Не слабость, не безразличие это дружелюбие. Стремление к правде заложено в нем. Связано с ним. Желание лучшего преуспевания и беспристрастного познания. Может быть, никогда еще мир не нуждался настолько в основе дружелюбия.

«Мир всему живущему». Но путь к этому миру через то дружелюбие, которым должны быть полны сердца наши, всегда, во все время дня и ночи, при каждой встрече. Ведь нигде не заповедано «во встречном ищи врага». Наоборот, дружелюбие является тем творящим началом, которое создает обновленную преобразенную жизнь.

Какие множества веков должна была протекать жизнь земная, чтобы опять, в тоске разрушения и утеснения, мы должны вспоминать об оружии света, о панцире дружелюбия. Может быть, это излишне, может быть, земная жизнь протекает в достаточном духовном и телесном благосостоянии? Может быть, мы не должны в предрасветный час тосковать сердцем нашим о бедствиях народных?

Но невозможно закрывать глаза на каждодневные сообщения о духовных смятениях, об убийствах тела и духа, о страшных призраках лжи и взаимного поношения. Доходит человечество до предела разложения. Нужно строить, необходимо неотложно предаться тому светлому строению, которое понимается в высоком значении Культуры.

¹⁴⁸ *Сарнат, Наланда, Капилавасту* — места, связанные с жизнью и подвигами Гаутамы Будды.

Где же те словари добра, где же те высокие начала, которые могут залить благодатью язвы мира, которые так ужасно открылись в дни наши.

Не призрачны эти бедствия. У каждого из нас собралось бесконечное количество сообщений о всевозможных разлагающих ужасах, как в частной, так и общественной жизни. Само добро, как таковое, начинает казаться многим чем-то отвлеченным, недостижимым, так далеким, что и стремиться к нему будто бы не в силах человеческих.

Но не может быть сомнения об этом вездесущем Благе, когда каждое человеческое сердце знает, что есть дружелюбие. Поверх всяких засорений, нечистот, невежества, клеветничества, предательства, каждый, хотя бы и духовно опустошенный человек, каждый двуногий, все-таки знает, что такое улыбка; не улыбка глумления, но благая улыбка дружелюбия. Как же мы можем приступить к рассуждениям и к решениям, если мы не обезвредимся истинным дружелюбием.

Мы должны думать не только о том, что свойственно лишь очень немногим избранным. Учитель Великий шел ко всем. Все заповеди говорят о том, что принадлежит всем. Из простейших начал всем, всем, всем заповедано дружелюбие. В пламенении сердца это дружелюбие претворится и в любовь, в ту самую животворную, чудесно творящую любовь, которая во всем оружии Блага указывает: «Да живет все живущее».

Если бы чье-то сердце еще невозможно вместить этот всеобъемлющий завет, то ведь и у него останется простейший, повседневный путь дружелюбия. Начатый от семьи, от рода, от близких, путь дружелюбия восходит великой спиралью до самых вышних обителей.

Много говорим о сердце. Но без основного дружелюбия, какое же это будет сердце! Даже дикие звери глубоко чувствуют начало дружелюбия. Чем же прежде всего отвращает человек даже самое лютое нападение. Глаз дружелюбия, взор добра остановит самые зверские когти.

Озарение высоких сердец, их светоносность, зажженная любовью, ведь начались когда-то от такого же повседневного дружелюбия. Началась эта великая сила у того единого костра, к которому сходятся спутники пустыни. А разве не путники мы? Разве не обезводили все пустыни духа? Страшно остаться во тьме, безоружным, когда из черной мглы несутся вопли ненависти и взаимоудушения.

Нужен свет. Нужен священный огонь. Нужны оружия света, которые сиянием своим рассеют полчища тли и разложения. Первым оружием света, о котором так прекрасно сказано в заповедях всех заветов, будет именно общечеловеческое дружелюбие. Первым качеством этого дружелюбия будет непрестанное творчество, созидательный труд, который вместо тяжких оков каждодневности превратится в сияние творящего праздника.

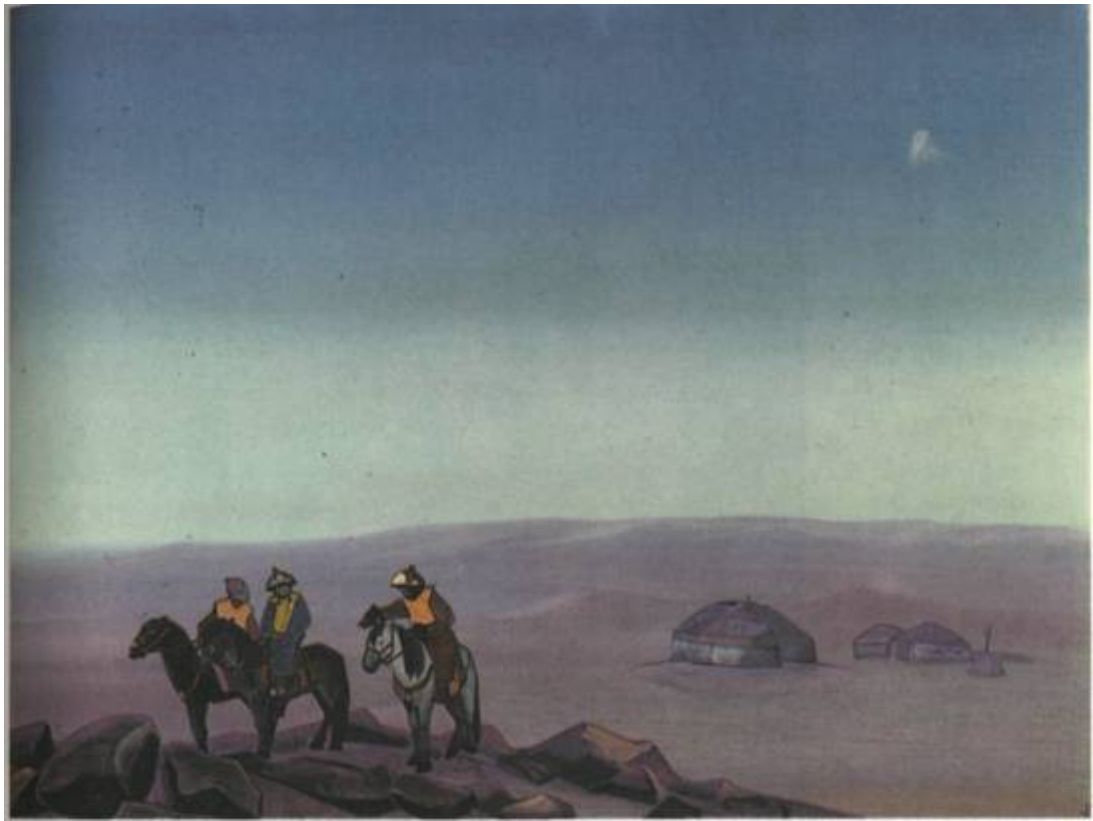
Эту творящую любовь, это всеобщее дружелюбие хранят дозорные, перекликаясь в час торжественный на стенах твердынь: «Все ли здесь?», «Все ли готовы?»

Меттасутта¹⁴⁹ посылает свой мудрый зов дружелюбия словами:

«Как мать, подвергая опасности жизнь свою, блюдет свое дитя единое, так пусть каждый растит дружелюбную мысль ко всему существу. Пусть он взрастит в себе желание ко всему миру, и дружелюбие, и вверху, и внизу, и всюду, неограниченно, без всякой ненависти, без всякой вражды» (Меттасутта 7, 8).

Гималаи.

¹⁴⁹ *Меттасутта* — одна из буддийских сутр.

Н. К. Рерих. Монголия. 1939 г.

Песни Монголии

«Выросший на горе Будала, цветок бондорва, хотя бы дождь пошел — все же поблекнет.

Хотя иогачари ¹⁵⁰ — подобен бурхану ¹⁵¹, но если отступит от истины, то омрачится.

Распустившийся в разные стороны цветок гречихи, когда ветер подует, рассыплется.

Хотя иогачари подобен хранителю, но если отступит от истины, то погибнет».

«Богатое и белое — это золотая вселенная; просторное и чистое — это наша родина.

То, что растет на горах — это виноград; то, что прославляет народ — это звучный напев.

В воде источника разве бывает грязь? Разве можно назвать повеления Святых неправильными?

Вода колодца — не что иное, как священная вода. Разве можно назвать повеления Святителя ложными?»...

«Возьмет кисть в руки — писец, отправится в Пекин — делается зятем хана.

Вместо того чтобы быть зятем государя, лучше будем наслаждаться со своей Шуер.

¹⁵⁰ *Иогачари* — адепт одной из духовных школ тибетского буддизма.

¹⁵¹ *Бурхан* — будда, бодхисатва у монголов.

Чем быть зятем хана, лучше быть в счастье с хорчинской Шуер вдвоем.

У каждой горы есть вершина, каждая встреча предопределена; после встречи следует заходить повидаться».

«Разве покончит когда-нибудь аист подбирать рыб Алмазного моря? Разве совсем легко перешагнуть через мучения — результат первоначальных перерождений?

Разве можно думать, что журавль съест всех рыб Журавлиного озера? Разве совсем легко обойти настигшие мучения — результат прежних деяний?

Когда хочешь рубить дуплистое дерево, берегись разрубить свои ноги. Берегись, желая ограбить другое государство, потерять своих подданных.

Когда хочешь разрубить иву, берегись разрубить свою судьбу. Берегись, думая ограбить чужое государство, расстроить свои дела».

«Конь мой, родившийся позади горы Баян-хангай; конь, мой, которым восхищались воины Бадарагулту.

Облакоподобного прекрасного цвета и тянущий за собою при беге облако пыли, высокий, сивый конь мой, увь! куда убежал ты?

С глазами, величиною с яблоко, с копытами, величиною в чашку, ростом в вытянутую сажень, какой прекрасный конь мой!

С двумя волчьими ушами, с двумя глазами, как звезды, облакоподобного цвета, красивый конь мой.

Не видели ли его, отпущенным в степи, в сокровенном месте? Не видели ли, как его увели злонамеренные похитители?

Видевшему его человеку надену я лисью курму, а поймавшему его человеку подарю тигровую курму».

«Тот, кто строит прочное и твердое, имеет все данные жить богато; когда построят прочное правление, то это признак, что будешь вождем.

Богатство и счастье — благо!

Приятно быть в довольстве. Хорошо устраивать веселья. Мы принадлежим к хошуну¹⁵² правителя Да. Богатство и счастье - благо!»

«Силою милосердия владык, мы, обрета высшее благо, мирно процветали; среди всяких увлечений и рассеянной жизни следует остерегаться, чтобы не потерять высшее благо.

Если отнестись внимательно к правилам очистившихся мудрецов, то обретем святой путь спасения. Хотя бы мы и были подавлены всяким злом, следует стараться, чтобы не потерять правил вечности.

То, что они нас преисполнили сил — это их заслуга. Благодаря тому, что, сделавшись людьми, мы стали лучше — следует стараться, чтобы все-таки не потерять правил почтительности.

Если помышлять о прочности веры и если, отбросив всякое непозволительное сумасбродство, поступать по правилам Святых, то как приятно способствовать средствам святого пути!

Приятно, чтобы, уразумев правила закона, те, кто заключает в себе корни болтливости, лукавства и лживости, очистив свою природу, чистые, преумножились

¹⁵² Хошун — административная единица в Монголии с XVI века до 1931 года.

счастья и святости.

Если предаваться разного рода размышлениям, исследуя поступки живых существ прежнего времени и смену всяких времен, то из этого вытекает, что теперь очень существенно учиться».

«Отрадно, что вовеки нельзя забыть благодарности за то, что ты соизволил, руководя нами, вести нас, заблудшихся в земном мире, по ближайшему пути Алмазной колесницы.

Если обратить внимание на правила Святых ученых, то даже мы, одаренные дурными привычками, внимательно взирая на порядок пути к совершенству, никогда не потеряем вечного места.

Владыки, достигшие силою милосердия этих благ, пребывающие в спокойствии, должны остерегаться, чтобы в различных пустых увлечениях и рассеянной жизни не потерять высшее благо».

«Пожалуй нас в совершенстве благом и счастьем, преисполненным истинного благословения трех чтимых драгоценностей; соизволь утвердить стопы господствующих владык и князей и укрепить благоденственное и мирное правление.

Вы, обладающие правилами тонкого, таинственного, основного разума, вечно властвующие над солнцеподобными верой и драгоценностями, вы неизменно чисты, как осенняя луна».

«У истоков Тонкой Реки накрапывает тонкий дождь, во время восьмой луны расцветают листья и цветы.

Восходящее солнце затмевают многие тучи, премудрый разум и мудрость подавляются злобой и неведением.

Признаком зари, говорят, является белоцветная Чолмон; признаком мудрости, говорят, являются облачно-белые волосы».

«На макушке высокой и большой горы и с Юга, и с Севера сплошь растут деревья и всяких сортов листья и цветы; в свое время они приятны на взгляд.

Когда на тех покачивающихся, прекрасных деревьях, в согласии с осенними месяцами, из листвы раздается пение птиц, это является прекрасным и приятным наслаждением.

В летнее время на распутившейся мураве расцветают цветы всяких родов. Когда видишь их непреходящую краску и вечную жизненность, то это красиво для глаз.

Действительно, мы, живые существа многих родов, во время постоянной совместной жизни, прославили и воспели те мирные, вечно прекрасные цветы».

В песнях — душа народа.

14 июня 1935 г.
Цаган Куре

«Скажите:

Ныне день совершения Доказательства, проявления Слова и пришествия Утверждения!

Бог повелевает вам то, что для вас благотворно, и завещает вам то, что вас приблизит к Нему.

Во Имя Господа

Всеславного,

Всевышнего!

Цель этих строк — разъяснить, что не могут люди отыскать Море Ведения, если не отрешатся от всего, что существует. О, народы земные, скиньте всякие узы, если хотите вы достигнуть Становья, уготованного для вас Богом, и войти в царство, воздвигнутое Им.

Те, что идут Путем Веры и желают пить из Чаши Достоверности, должны освятить душу свою и очистить ее от всего случайного, то есть отрешить уши свои от слов человеческих, сердце — от сомнения, порожденного великими завесами, ум — от мирских попечений, очи — от вида вещей тленных, и, положившись на Бога и взывая к Нему непрестанно, следовать путем своим, доколе не удостоится принять Свет Божественного Знания и стать вместилищем явления бесконечных Благ.

Ибо, если вздумает человек оспаривать поучения Бога и Избранников с помощью слов, либо действий тех, кто ему подобен, ученых ли, или невежд, — никогда не войдет он в Сад Знания, никогда не приступит к Источнику Мудрости и Познания Единого Царя, и никогда не достигнет вечного Становья, не вкусит из Чаши Приближения и Утоления.

Оглянитесь на прошлое: сколько людей всякого звания ждали проявления Бога в чистом образе, молясь и надеясь ежемгновенно, что повеет дыханием божественной милости, и Жених, выйдя из таинственного облака, сойдет на землю! И когда отверзлась дверь Благодати, то облака Милосердия поднялись, Солнце Истины возшло на небосклоне Силы, но никто не уверовал в Него, и все отвратились от взора Его, и однако — то был взор Божий! Вот что являют нам священные книги. Поведайте ныне, почему те, что разыскали Его и ожидали, стали прекословить Ему так, что не выразить того ни пером, ни словом? Ни одно из чистых проявлений, ни одна из Зорь единства Божия не могла показаться, не возбуждая противодействий и ненависти повсюду. Ведь сказано Богом: «О, как несчастны сии люди! К ним приходит пророк, и они только смеются над ним. Каждое из тех племен составляло умыслы против посланника к нему, чтобы взять верх над ним: они вступали с ним в споры, чтобы ложью опровергнуть истину».

И слова, как бы нисшедшие из Облаков Силы и Неба Величия, столь многочисленны, что их всех не познать. Перечтите главу эту со вниманием и размыслите, пока не поймете назначения Пророков и противодействий, которым подвергались они со стороны проклятого. Быть может, тогда удастся заставить людей бежать от состояния беспечности, в котором обретается душа их, к Гнезду Единства и Знания, заставить их пить Воду вечного Ведения и обрести Плоды Познания Божия величия.

То жребий святой и вечный, удел чистых душ за божественной трапезой, нисшедшей с небес».

Намаз ¹⁵⁴ в пустыне. Среди многих трогательных обликов вы не забудете также и одинокую фигуру путника, разостлавшего на розовых песках свой ковер и склонившегося в поклоне. Именно эта одинокость среди безграничных рдеющих песков, она может быть более запоминаема, нежели сама тамга ¹⁵⁵ Тамерлана.

¹⁵³ *Китаб-Эль-Иган* — книга откровения одного из неоисламских пророков (конец XIX — начало XX в.).

¹⁵⁴ *Намаз* — в исламе ежедневная пятикратная молитва.

¹⁵⁵ *Тамга* (тюрк.-монг.) — знак собственности, тавро, печать.

В пустыне нелегко представить себе бесчисленные орды, но одинокая фигура как нельзя более отвечает. «Бегство в Египет», «Агарь с Измаилом». Все эти образы за пределами веков и народов всегда убедительны.

Белая пустынная кость, которая сверкает издалека, и пустынный орел, и где-то такой же пустынный дикий конь, а может быть, вовсе и не дикий, а отбившийся. Вся пустыня именно пустынностью своею собирает внимание даже на малейшем кустике тамариска. А если увидите в пустыне голубя, то какие необыкновенные образы свяжутся с этим неожиданным появлением! Некоторые слова должны звучать в горах, другие требуют ковыльно-шелковую степь, третьи нуждаются в зеленом лесном шуме. Так, есть и слова, которые рождаются лишь в пустыне. К тому же Богу, к тому же средоточию воззовут слова и из песков. Если сердце приветливо знает слова, пещерные и нагорные, если оно бережет в себе подводные и надоблачные грады, оно ласково улыбнется и словам пустынь. Не в буране и вихре, и смерче, но в закатном рдении барханов сердце улыбнется тому одинокому путнику, который прервал путь, оставил земные дела, не поторопился к кишлаку, но воззвал к Высочайшему.

Бесчисленны рисунки барханов; где она, дорога шелковая? Где путь воинств? Где путь посланников мира? В иероглифах пустыни стерлись пути и тропинки. Пел Джелал Ад-дин Руми ¹⁵⁶: «Мое место — безместно, мой след — бесследен». Где-то, тоже в пустыне, стоят дворцы царицы Савской ¹⁵⁷. Берегут их арабы, но железные птицы уже чертят воздух над ними. Неужели уже не безопасны сокровища?

Вабиса бен Мабад повествует: «Я предстал однажды перед Пророком. Он угадал, что я пришел, чтобы спросить его, что есть добродетель? Он сказал: «Спроси свое сердце; добродетель — это то, на чем успокаивается душа, на чем успокаивается сердце; грех — это то, что возбуждает беспокойство в душе и что поднимает бурю в груди, что бы ни думали об этом люди». «Положи руку на сердце и спроси его, что доставляет беспокойство твоему сердцу,— того не делай».

25 января 1935 г.
Пекин

«Град Светлый»

«Смотреть на Прекрасное — значит улучшаться» (Платон).

«Человек становится тем, о чем он думает» (Упанишады).

«Вразумляйте бесчинные, утешайте малодушные, заступайте немощные, долготерпите ко всем» (Апостол Павел).

«Просветите себе свет ведения» (Осия, 10, 12).

«Человек должен стать сотрудником неба и земли». «Все существа питают друг друга».

«Сознание, человечность и мужественность являются тремя мировыми качествами, но, чтоб приложить их, нужна искренность».

«Не существует ли панацея для всего сущего? Не есть ли это любовь к человечеству? Не делайте другим того, что не желаете для себя».

«Если человек умеет управлять собою, какую же трудность мог бы он встретить в управлении государством?»

¹⁵⁶ Джелал Ад-дин (Джалаледдин) Руми (1207—1273) — выдающийся персоязычный поэт-суфий.

¹⁵⁷ Царица Савская — легендарная царица волшебной страны в Южной Аравии, где песок дорожке золота, растут деревья из Эдемского сада, а люди не знают войны. В преданиях — современница царя Соломона.

«Невежда, гордящийся своим знанием, ничтожный, желающий чрезмерно свободы, человек, возвращающийся к древним обычаям, подвержены неминуемым бедствиям» (Конфуций).

Как все это старо и как нужно именно теперь. Может быть, нам только кажется, что именно сейчас такая потребность не только в вере, но к исповедованию? Нет, друзья, не кажется это. Сведения каждого дня потрясают смятенностью мира.

Апостол Павел, и Платон, и Конфуций опять ободряют, ибо прошли через всякие ужасы смятения духовного. И Соломон мудрый подтверждает: «И это пройдет».

Истинно пройдет! Идут паломники в Шамбалу, в Беловодье. Никакие пропасти не остановят стремление духа. Знают и Пресвитера Иоанна ¹⁵⁸, и Гессар-Хана, и Владыку Шамбалы. За белыми горами звонят колокола обителей.

Среди духовных движений, родившихся за последние годы, особенно звучат странники «Светлого Града» ¹⁵⁹. О хождении их повествует Брат Алексей в своих поучениях. «Меж болот мирской неправды, среди дебрей ложного знания, минуя скалы человеческой глупости, обретешь равнину исканий и восемь дорог к ней. А посреди -озеро живой воды. Путь к нему лежит в кругах странников. Меж людьми ты хочешь стать странником, чтобы будить в них тоску по совершенству. Скажи, хочешь ли ты уважать все искания? Хочешь ли вникать в чужие искания? Хочешь ли сам искать свет совершенства? Ты ответил — хочу? Странник, ты принят в наш круг. Вот тебе посохе крыльями. Иди. Цветок круга странников — подорожник»...

«Ты, познавший тоску подорожника, быть на всех путях везде при дороге, но никогда не зная, на пути ли ты,— вот голубую звезду василька даю тебе, пусть она ведет тебя. Голубые звезды васильков цветут на золоте ржанных полей. Но ты, пришедший, какие поля засеял ты? Не проходи мимо полей, тоскующих по любви, засея их золотом свободных устремлений. Возьми колос, в нем ты найдешь зерна для посева. Пусть на каждое зерно, тобой посеянное, вырастет новый Светлый Град, а они все — Один. Бесплодны поля не орошенные... Пусть же алая гвоздика расцветет у тебя на груди. Иди. На пути я встречу тебя».

Светлый Град стоит на чистом озере. К нему ведут 4 братства: Иоанново, восточное братство религиозного творчества и проповеди духа; Бояново, северное братство магии и искусства; Пифагорейское, западное братство науки и философии; Микулино, южное братство любви и жертвы.

Странники совершали походы и осведомляли о них на своих духовных трапезах. Странники встречались в условном месте и совершали общую трапезу, состоявшую из хлеба, вина и фруктов, под открытым небом.

Разве не чудесно прекрасны такие искания? Разве не знаменательно, что в любом журнале сейчас звучит слово культура? К этой панацее тянутся люди ото всех концов. Вот клич о культуре из Болгарии, вот из Индии, вот из Эстляндии, вот из Буэнос-Айреса... В сердечном стремлении сознают люди, где панацея.

Правда, столько же голосов страшится этого светлого слова. Но иначе и не было бы Армагеддона, не было бы потрясений, нарушающих не только рынки-базары, но и разрушающих храмы. Убоявшихся слова Культура отошлем к статье Д-ра Кезенса «Спасение цивилизации через Культуру», или к книге Проктора «Эволюция Культуры», или к Бекону, подчеркнувшему значение этого понятия. Совсем недавно профессор Нью-Йоркского университета Радосавлевич прекрасно писал о Культуре — почитании Света. Свами Джагадисварананда, говоря о культуре, заключает: «Подобно религии и науке,

¹⁵⁸ Пресвитер Иоанн — по представлениям средневековой Европы, владыка легендарной страны далеко на Востоке. По мнению Н. К. Рериха, легенда о Царстве Пресвитера Иоанна аналогична легендам о Шамбале, Беловодье и др.

¹⁵⁹ Странники «Светлого Града» — религиозно-мистическая молодежная организация в СССР в 20—30-е годы.

искусство и культура всемирны за пределами всех невежественных ограничений». Тому же понятию посвящает Шри Васвани свою прекрасную книгу «Религия и Культура». От другого материка Луи Маделен говорит о культуре «очень человеческой», о мощи и притягательности ее. Сколько прекрасных голосов! Сколько в них взаимопонимания и залога истинного строительства.

Не будем бояться всех испугавшихся и пойдем мужественно путем собирания всех прекрасных, вечных начал.

Будем помнить о кооперации во всех ее проявлениях. Будем привлекать к общему труду самых разнообразных работников, чтобы не было отрицания и угашения. Ведь каждый в жизни своей может проявлять высшую меру дружелюбия. Каждый сердцем своим знает, где зло, где невежество, и будет тверд в противостоянии злу.

«Все за одного, один за всех» — по этой старой максиме найдем силы неисчерпаемые.

«Не лучше в мире» — истинно так! Трещит мирское строение. Но там, где странники, где каменщики, где создатели, там сама надежда претворяется в чувствознание. Это знание говорит о неотложности часа. Поспешаем и не убоимся.

Книга «Мир Огненный» заповедует о строительстве мужественном:

«Уявление утраты сотрудничества делает людей такими беспомощными. Утеря согласованности ритма уничтожает все возможности новых преуспеваний. Сами видите, какие трудности порождаются разъединением. Очень опасно такое состояние!»

«Плох мастер, который не пользуется всем богатством природы. Для опытного резчика искривленное дерево — ценное сокровище. Хороший ткач применяет каждое пятно для разукрашивания ковра. Златоковач радуется каждому необычному сплаву металла. Только умеренный мастер будет сокрушаться обо всем необычном. Только скудное воображение удовлетворяется чужими рамками. Большую зоркость и находчивость вырабатывает в себе истинный мастер. Доброе очарование мастерства освобождает мастера от разочарования. Даже ночь для мастера не приносит тьму, но лишь разнообразие форм от единого Огня. Никто не склонит мастера к блужданию, ибо он знает во всем неисчерпаемость сущности. Во имя этого единства мастер соберет каждый цветок и сложит извечное созвучие. Он пожалеет об утрате каждого материала. Но люди, далекие от мастерства, теряют лучшие сокровища. Они твердят лучшие молитвы и заклинания, но как пыль уносятся эти раздробленные и неосознанные ритмы. В пыль мертвой пустыни обращаются осколки знаний. Об Огне знает сердце человеческое, но рассудок пытается затемнить эту явленную мудрость. Люди говорят — он сгорел от злобы, или он засох от зависти, или он загорелся желанием. Во множестве выражений, точных и ясных, люди знают значение Огня. Но не мастера эти люди, и готовы они бессмысленно просыпать жемчужины, им самим так нужные!

Не понять щедрость людскую, когда уничтожаются сокровища света. За одну возможность отрицания люди не щадят себя. Они готовы потушить все огни вокруг себя, лишь бы сказать, что в них никакого Огня не имеется. Между тем погашать Огни и допускать тьму есть ужас невежества».

«Огненное сознание дает тот несокрушимый оптимизм, который ведет к Истине. Сама Истина в сущности своей позитивна. Нет отрицания там, где Огонь творит. Нужно принимать условия Мира по уровню огненного сознания. Условия явленной жизни часто препятствуют огненному сознанию. Трудно примириться с условностью одежды строительства. Обращение и многие подробности жизни мешают огненному восприятию. Но когда, хотя бы раз, прикоснуться к Миру Огненному, то вся шелуха становится незаметною. Так нужно вести себя по высшему уровню, не смущаясь несовершенством окружающего».

Н. К. Рерих. Сергей Радонежский. 1932 г.

Душа народов

В пене океанских волн каждый неопытный мореход находит хаос и бесформенное нагромождение, но умудренный опытом ясно различает и законный ритм и твердый рисунок нарастания волны. Не то же ли самое и в пене сметения народов? Так же было бы недальновидно не различить гигантских волн эволюции. Было бы несправедливо не заметить внутренней законности и трогательных проявлений души народной. В этих проявлениях отражается высшая непреложная справедливость. Поучительно замечать, как народный глаз и народный ум возвращаются к своим героям, в многообразном подвиге которых выражена душа народная.

Герои во время их строительного подвига и не подозревали, что они являются выразителями стран, выразителями самой ценной конденсированной психологии. Они творили Благо. Они следовали своему непосредственному зову сердца. Иначе они и не могли бы действовать, ибо иначе они не были бы теми самими героями, память о которых

не только живет, но и возносится и углубляется в проницательности народной. Иногда может казаться, что имя героя, выразителя народной души, затемнено и точно отложено в какие-то дальние хранилища, но не от беззаботности это. Океанская волна тоже имеет свой ритм, и, рассыпавшись великолепным гребнем, она как бы исчезает только для того, чтобы опять набухнуть и кристаллизироваться в новом великолепии.

Америка готовится почтить память Вашингтона. В приготовлениях этих сказывается уже нерв всей страны. Это не просто деятель, которому благодарны современные поколения. Нет, это герой, которого осознала душа народная. Это герой, выразивший смысл строительства Америки. Это герой, давший без блужданий и уклонений то, о чем внутренне мечтало каждое созидательное сердце. Потому приготовление к чествованию памяти Вашингтона сразу примет характер не только национального праздника, но народного торжества.

Когда вы произносите имена Вашингтона и Линкольна, вы произносите сущность Соединенных Штатов Америки. И никто не знает это более твердо, нежели душа народная. Одухотворенное сердце народа отлично знает, где был творящий самоотверженный подвиг. И не в истерической хвале, но в почитании и трепетном бережливом отношении к именам этих подвижников народ выражает свою непреложную оценку. В суматохе жизни, может быть, опять временно не будут упоминаемы эти великие имена, но как только душа народная почувствует необходимость пищи духовной, она опять неуклонно возвратится к тем, кто вел ее к блестящим строительным достижениям.

Так каждая страна у сердца своего бережет имена, ведущие ее к Свету. Обратимся ли к Франции, мы в самую трогательную минуту встретимся с героическим обликом Жанны д'Арк. Без различия направлений и возрастов, в минуту необходимости народ знает, кто был его выразителем. Так же твердо, как несла Жанна д'Арк подвиг свой, так же неизменно народ бережет ее имя, и в чествовании памяти ее выражаются все большая сознательность и почитание. Притом почитание это вовсе не только клерикально. Даже неопытный глаз видит в облике Святой Деятелицы, носительницы выразительницы священного сознания народа. И какая благодетельная героическая мечта снизошла на пастушку овец, подсказав ей о пастырстве над народом целой прекрасной страны!

Пройдем ли мы Италию, из-за высот и твердынь духовных и гражданских властителей Мира, из-за всех великолепных Медичисов ¹⁶⁰, подымается все тот же несмываемый, вечно живой и растущий Облик святого Франциска Ассизского ¹⁶¹. И никакой народ, никакая толпа не будут разрушать память его, ибо он был выразителем сущности страны. Мятущийся, ищущий дух Италии претворился в святом Франциске в прекрасном Апофеозе. Что бы ни случилось, куда бы ни повернула народная тропа, дух святого Франциска останется живым. Сердце народное в самой удаленной хижине, в самых трудах улыбнется, сознавая, что сам святой Франциск предстательствует о нем на судбище всемирном.

Как бы ни болело сердце русское, где бы ни искало оно решение правды, но имя святого Сергия Радонежского всегда останется тем прибежищем, на которое опирается душа народа. Будет ли это великое Имя в Соборе, будет ли оно в Музее, будет ли оно в книгохранилище, оно неизменно пребудет в глубинах души народной. Опять далеко за пределами церковного подвига строительное и просветительное имя Святого Сергия хранится в сердцах, как драгоценнейший Ковчег духа. Хранится оно, как прибежище народного сознания в трудные минуты мировых переполюсов. Не затемнится в существе

¹⁶⁰ *Медичисы* (Медичи) — флорентийский род, игравший важную роль в средневековой Италии и Европе. В 1434—1737 годах (с перерывами в 1494—1512, 1527—1530) правили Флоренцией.

¹⁶¹ *Франциск Ассизский* (1181 или 1182—1226) — один из наиболее почитаемых в Западной Европе святых, известный своей необычайно аскетичной, полной сострадания и участия ко всему живому, абсолютно самоотверженной жизнью. Основатель благотворительного ордена нищих странствующих монахов. Автор ряда религиозных поэтических произведений.

своем Имя Святого Сергия, не затемнится во множестве других имен сокровище души народной, от древних и до многих современных. Тогда, когда нужно, народ опять обращается к выразителю своей сущности.

Среди множества славных имен Египта народ не забывает память славной Хаш-Тепсут, обновительницы традиций, насадительницы просвещения и созидательницы. Среди тысячелетних сменявшихся династий народ умеет взять неоспоримое по достоинству имя и, когда нужно, обратиться к нему, как к реликвии всеобновляющей и укрепляющей.

Не смешает со множеством славных имен народ Индии имя Акбара, собирателя, творца счастливой народной жизни. Народ не забывает и не припишет никаким умаляющим побуждениям широкие мысли великого объединителя Индии. В храмах Индусских имеются изображения Акбара, несмотря на то, что он был мусульманин. Вокруг головы Императора изображается сияние, что вовсе не всегда является отличием просто Властителя. Для Индии Акбар является не просто властителем, но сознание народное отлично понимает, что он был выразителем души народной. Так же, как и многие священные в памяти имена, он собирал и сражался вовсе не для личной ненасытности, но творя новую страницу великой истории.

Вспомним ли мы о дальнем Тибете, строение государства свяжется с именем великого Далай Ламы пятого. Где бы ни блуждало сознание тибетское, в существе своем оно хранит это имя создателя Поталы¹⁶² и Тибетской Государственности, хранит его, как истинный оплот сердца своего. Целый ряд был Далай Лам, но народ бережет имя строителя, собирателя, созидателя. В этом сказывается неуклонный суд народной души.

За пределами целого ряда Китайских Императоров разве не судим мы Китай по Лао-Цзы и Конфуцию?

Ведь не по торговле греческой воссоздаем мы достоинство матери классических стран, но по Аристотелю, Пифагору, Платону, по Фидию, по Сократу.

Что бы ни случилось с Германией, она твердо знает великих своих выразителей: Гёте, Шиллера, Дюрера, Вагнера и тех, кому не изменит душа народная, что бы ни случилось,

И не должны ли мы судить Англию по Шекспиру? И не можем ли мы утверждать значение Скандинавии по устремленности Викингов? И среди великих искателей, созидателей, не забудем, что душа монгольская всегда бережет у сердца своего образ Чингиза. Не говорит ли этим Монголия, так хранящая облик героя, о своем потенциале к восхождению.

И разве великое имя царя Соломона не является символом целой огромнейшей психологии? И разве сердце каждого еврея не бережет в лучшем тайнике своем это несокрушимое, созидательное, громо-носное имя? Уж не говоря о тех Великих Именах Высших Носителей Света, вышедших из сокровенной, священной колыбели Азии.

Ясно, что можно нескончаемо приводить неоспоримые примеры из стран и великих и малых о безошибочном суде души народной. В этих воспоминаниях составит блестящий ряд выразителей стран, выразителей эпох и духа человеческого. Разнообразны будут эти выразители и по времени и по положению своему, по окружавшим их обстоятельствам, но какая-то неоспоримая планетарная ценность выявляется при отборе этих строительных прекрасных имен-понятий. Эти имена, они уже вышли за пределы личности, они уже стали синтетическими мировыми понятиями. Их вовсе не мало, и хранилище планеты, сокровищница творящего подвига, поистине прекрасна. Всеобъемлемостью своею, широтою своею, выразители стран, народов, как белоснежные вершины Гималайские, в лучах света посылают друг другу привет ничем не заслоненный. В дни празднеств Культуры все эти выразители лучших народных стремлений,

¹⁶² *Потала* — дворец Далай лам в Лхасе, один из шедевров мировой архитектуры (в современном виде относится к XVI в.).

запечатлевшие их и трудом и подвигом, претерпевшие и не уклонившиеся, будут тем истинным украшением планеты и прибежищем сердца народного, когда оно и болит и тоскует по правде. Не они ли, эти выразители народов, помогут претворить тоску и боль поисков в праздник подвига?

На празднике Культуры, среди чертога Знания и Красоты, среди длинных столов трапезы духовной увидим мы стол светлый, светом осиянный. Откуда же сверкание это? Где же светлые гости престола сего? Может быть, уже снизошли они. Быть может, глаз наш, затемненный, не разглядит их, не вынеся сияния Света нездешнего. Но не будет сиять даже лучший престол, если пуст он. Если сияет, значит, Они уже там. Не разглядеть, не сопоставить Их, но можно осознать Их в сердце, ибо что не вместит оно, сердце человеческое? Светом сердца сияют светлые гости Культуры.

1932 г.

Риши

С отвесных скал, как серебряные нити небесные, сверкали водопады. Светлые брызги ласкали камни с древними надписями об Истине. Разны камни, различны знаки надписей, но все они о той же Истине. Садху припал губами к камню и пьет благодатные водопадные капли. Гималайские капли!

На богомолье в Трилокнат, к древней святыне тянутся вереницы садху и лам. От разных путей вместе идут они. Кто с трезубцем, кто с тростью бамбука, а кто и вовсе безо всего, и без одежды совершает духовное хождение. Снега перевала Ротанга им нипочем.

Все ли хороши. Все ли выше духовны? Но ведь и ради одного праведника Град бывает помилован. Уж простите, ходим по-хорошему.

Идут богомольцы, знают, что здесь жили Риши и Пандавы. Здесь Беас или Виас ¹⁶³, здесь Виасакунд — место исполнения желаний. Здесь Риши Виаса собирал Махабхарату.

Не в предании, но в яви жили Риши. Их присутствие оживляет скалы, увенчанные ледниками и изумрудные пастбища яков, и пещеры, и потоки гремящие. Отсюда посылались духовные зовы, о которых через все века помнит человечество. В школах заучивают их, на всякие языки переводят, но кристалл, накопленный их, наслои́лся на скалах Гималайских.

«Здесь и Риши Виаса, составитель Махабхараты, и Риши Васишта, открывший целебные источники, и Риши Капила, уничтожавший зло смертным глазом, и Риши Гоутама, и Пахари Баба, и Гуга Коган, и Нар Синг — каждый с целым эпосом подвигов во Благо. Здесь отдыхали Пандавы от трудов бранных. Здесь и подземный ход Арджуны из Кулу в Маникарн. Здесь и Чандра-Бхага, издавна озаменованная в Пуранах. Здесь и страна Хахор и священные книги, сокрытые от гонений нечестиваго царя Ландармы. Шепчут ведуны, что воплотился он в Тибете.

«Где же найти слова о Творце, если вижу несравненную красоту Гималаев» — так поет Индус. По путям Гуру, по высотам Риши, по перевалам путников духа наслои́лось то, что не смоют ливни и не испепелят молнии. Идущий к добру, благословен на всех путях. Трогательны повести о том, как встречались праведники разных народов. В бору деодары ¹⁶⁴ касаются под ветром вершинами. Так и все вершинное встречается, не поражая и не вредя. Когда-то споры решались единоборством, а соглашения беседою глав. Как девидары совещались между собою. И слово-то какое милое, девидар — дар Божий. И названо все не просто, ибо целебна смола девидаров. Девидар, мускус, валериан, роза и вся прочая благая аптека Риши. Хотели отменить ее множеством открытий и все-таки

¹⁶³ *Беас или Виас* — река в долине Кулу, на берегах которой легендарный риши Виаса собирал Махабхарату.

¹⁶⁴ *Деодар* — гималайский кедр.

опять обращаются к основам.

Сказка ли о чудесном камне? Но ведь вы знаете, что это не сказка. Знаете, как приходит камень. Сказка ли единорог геральдии? Но ведь вы знаете о непальской однорогой антилопе.

Сказка ли Риши? Герой духа не сказка, и это знаете вы.

Вот снимок человека, неповредимо идущего через огонь. Это уже не рассказы, но неоспоримый снимок, снятый начальником полиции Пондишерри. Очевидцы расскажут вам о таких же огненных испытаниях и в Мадрасе, и в Люкноу, и в Бенаресе ¹⁶⁵. И не только сам садху проходит без вреда по пылающим углям, но он ведет за собой и желающих, за него держащихся.

Вот в Ганге у Бенареса сидит садху на воде в священной позе. Скращенные ноги его прикрыты водными струями. Народ сбегается к берегу и дивуется на святого человека. Там же, на остриях железных гвоздей, как на мягкой постели, лежит другой садху, и на лице его нет и тени страдания или неудобства.

Вот садху, заживо погребенный на многие дни; вот еще садху, без вреда принимающий яды. Вот лама летающий; вот лама посредством «то-мо» саморазвивающий жар среди снегов и ледников вершинных; вот лама, поражающий смертным глазом пса бешеного. Степенный лама из Бутана повествует, как в бытность его в Тибете в области Тцанг один лама просил перевозчика переправить его через Тцам-по без платы, но лукавый лодочник сказал ему: «Перевезу, если докажешь, что ты великий лама. Вон бежит всем опасный бешеный пес — порази его!» Лама же ничего не ответил, посмотрел на бегущего пса, поднял руку, произнес несколько слов, и пес упал мертвым! Так видел бутанский лама. О таком же «смертном глазе», о «глазе Капилы» приходилось слышать не раз и в Тибете и в Индии. А на карте, изданной в семнадцатом веке в Антверпене с ведома католического духовенства, значится страна Шамбала.

Как и на карте Антверпена и на снимке начальника полиции Пондишерри, так же и в показаниях лам мелькают те же разбросанные части одного великого Познания.

Если один может идти по огню, а другой сидеть на воде, а третий подниматься на воздухе, а четвертый покоиться на гвоздях, а пятый поглощать яды, а шестой поражать взглядом, а седьмой безвредно лежать под землею, то ведь некто может собрать в себе все эти крупинки познания. И так может преодолеть препятствие низшей материи! И не в каких-то дальних сказочных веках, но теперь, здесь, где испытываются и космические лучи Милликана!

Но все это еще не Риши. О Риши, о великих душах. Шри Васвани говорит замечательно. Этот светлый проповедник блага и духовный водитель, голосу которого очень внимают, замечает: «Благословен народ, вожди которого следуют за мыслителями, мудрецами, провидцами. Благословен народ, получающий вдохновение от своих Риши. Риши преклоняются лишь перед Истиной, не перед обычаем, условностями или признанием толпы. Риши суть великие повстанцы человечества. Они низвергают наши Культы удобства. Они великие несогласители истории. Не косность, но Истина их завет. Нам нужны сейчас эти восставшие духом во всех областях жизни — в религии, в государстве, в образовании, в общественной жизни» (Заря. Июнь 1932).

Слова замечательные! Не все Риши по огню ходили и не все заживо хоронили себя, но каждый из них вносил целую духовную область во Благо мира. Каждый из них, как Бодисатва, владея мастерством, укреплял новое завоевание прогресса!

Каждый из нас на своем языке произносил священную клятву о построении мира обновленного, возвышенного, утонченного, украшенного!

Ради одного праведника целый Град бывал помилован. Этими маяками, громоотводами, твердынями Блага стояли Риши. Разных народов, разных вер, разных веков, но Единого Духа, во спасение и восхождение всех!

По огню ли пришел бы Риши, приплыл ли на камне, прилетел ли в вихре, но

¹⁶⁵ Пондишерри, Мадрас, Люкноу, Бенарес — города в Индии.

поспешал всегда во Благо общее. Молился ли Риши на вершинах, или на высоком берегу реки, или в пещере зарослей, он посылал моление о всех неведомых и неизвестных труждающихся, болеющих, трудно ходящих!

Посылал ли Риши белых коней во спасение неизвестных путников, или благословлял неведомых мореходов, или хранил Град во ночи, он всегда стоял столпом светоносным для всех, без осуждения, без утешения огня.

Без осуждения, без взаимоподозрения, без взаимоослабления шли Риши на гору, на вечную гору Меру.

Перед нами путь на Кайлас ¹⁶⁶. Высится одно из пятнадцати священных чудес, исчисленных в книгах Тибета. Гора Колокола ¹⁶⁷. По острым краям ходят к вершине ее. Стоит она поверх последнего можжевельника, поверх всех желтых и белых складок нагорных. Тут ходил и Падма Самбгава ¹⁶⁸, о том говорит древний монастырь Гандо-Ла. Именно здесь пещеры Миларепа ¹⁶⁹. И не одна, но многие, освященные именем отшельника, слушавшего перед зарею голоса дэв. Здесь же и духовные твердыни Гоутамы Риши. Недалеко и легенды, сложенные около Пахари Баба. Ходили тут многие Риши. И тот, который дал горе зовущее имя колокола, тоже думал о колоколе для всех, о помощи всем, о Благе Вселенском!

Здесь жили Риши во Благо Вселенское!

Когда же на горных путях встречаются Риши, они не спрашивают друг друга: откуда? От Востока ли, от Запада, от Юга, от Севера? Ясно одно: за Благом и от Блага. А сердце возвышенное, утонченное, пламенеющее знает, где Оно и в чем Оно — Благо.

В караване спутники начали спорить и обсуждать качества различных Риши. Но седой пилигрим указал на снежные вершины в красоте сияющие, сказав:

«Нам ли судить о качествах этих вершин? Можем лишь в недостижимости восхищаться их великолепием!»

«Сатъям, Шивам, Сундарам!»

Кейланг, 1932 г.

Семь Святых

Предисловие к книге «Фламбо»

Истинно чудесно, поистине прекрасно среди водоворота нашей жизни, среди волн неразрешенных социальных проблем видеть перед собою сияющие Светочи всех веков. Прекрасно изучать жизнеописания этих великих Искателей и Подвижников и находить в них укрепление нашего мужества, неисчерпаемой энергии и терпимости.

Прекрасно через этот неисчерпаемый источник любви и всевмещения понимать великие движения утонченных душ, в которых соединяется высшее знание с высшим

¹⁶⁶ *Кайлас* — вершина Главного Гималайского хребта (6714 м). Считается обителью бога Шивы и является одним из главных мест паломничества.

¹⁶⁷ *Гора Колокола* — одна из священных для индуистов вершин Гималаев.

¹⁶⁸ *Падма Самбгава (Падмасамбхава; санскр. — «рожденный в лотосе»)* — известный в Тибете йог, выходец из Индии, проповедовавший в Тибете и Гималаях в VIII — IX веках учение тантризма. Основатель буддийской секты «красных шапок».

¹⁶⁹ *Миларепа (1040—1123)* — особо почитаемый буддийский поэт-отшельник. Отвергая религиозную схоластику, ставил во главу угла морально-нравственное самосовершенствование и вдохновенно-устремленный духовный экстаз.

устремлением.

Так, изучая биографии, мы делаемся действительными сотрудниками эволюции, и от блистающих лучей Высшего Света нисходят истинные познания. Это утонченное знание основано на истинном понимании терпимости. Только из этого источника приходит всепонимание. От великого всепонимания рождается Высшее Прекрасное, этот просвещенный и углубленный энтузиазм жизни.

Современная жизнь спешно меняется. Знаки новой эволюции стучатся во все двери. Чудесные энергии, могущественные лучи, бесчисленные открытия стирают условные границы и изливаются в трудах великих ученых. Древность выдает нам свои тайны, и будущее протягивает свою мощную руку восхождения. В этой истинной науке, вне условностей, мы чувствуем прекрасную ответственность перед грядущими поколениями. Мы постепенно познаем весь вред постоянных отрицаний, мы начинаем ценить просвещенные позитивность и созидательность. В этих условиях мы познаем значение сострадания и терпимости. Так мы можем начать готовить для будущего поколения действительное счастье, обращая расплывчатые отвлеченности в благословенную реальность.

Святая Тереза, святая Екатерина, святая Жанна д'Арк, святой Николай, святой Сергей, святой Франциск Ассизский, Фома Кемпийский. Эта седмица Славных, седмица великих Вестников, великих Учителей, великих Миротворцев, великих Строителей, великих Судей, в них выражен поистине великий земной путь. Они трудились бесконечно. Они были здесь, здесь, на Земле, они встречались с теми же самыми препятствиями, с тем же самым невежеством, суеверием и нетерпимостью. Своим светлым познанием они побеждали тьму; они-то знали вечный закон, что давая, мы получаем. В этом осознании, в этом созидательном труде они стали истинными Светочами. Если мы принимаем название Фламбо — Светочи, это не абстракция, потому что ничто не абстрактно, это есть истинное выражение прекрасного мудрого подвига.

1930 г.

За Великой Стеной

«В пути со своими учениками Конфуций увидел женщину, рыдавшую около могилы, и спросил о причине скорби: «Горе,— отвечала она: — Мой свекр был убит здесь тигром, затем мой муж, а теперь и сын мой погибли тою же смертью».

«Но почему вы не переселитесь отсюда?»

«Здесьнее правительство не жестоко».

«Вот видите,— воскликнул учитель,— запомните: плохое правительство хуже тигра».

«Какие основы хорошего Правительства? Почитай пять превосходных, изгони четыре мерзких основы. Мудрый и хороший правитель добродетелен без расточительности; он возлагает обязанности, не доводя народ до ропота; желания его без превышения; он возвышен без гордости; он вдохновителен и не свиреп. Мерзости суть: жестокость, держащая народ в невежестве и карающая смертью. Притеснение, требующее немедленного исполнения дел, необъясненных предварительно. Нелепость, дающая неясные приказы, но требующая точного их исполнения. Препятствие производством в скупости правильного вознаграждения достойных людей». «Познавать и прилагать в жизни изученное — разве это не истинное удовольствие? Прибытие друга из далекой страны — разве это не истинная радость?»

«Человек без сострадания в сердце — что общего он имеет с музыкой?»

«Благородный ни на мгновение не отступает с пути добродетели. В бурные времена и в часы напряжения он спешит по тому же пути».

«Человек знания радуется морем, человек добродетели радуется горами. Ибо беспокоен человек знания и спокоен человек добродетели».

«Человек духовно добродетельный, желая стать твердо, разовьет твердость и в окружающих. Желая быть просвещенным, он озаботится просвещением ближних, чтобы сделать другим то, что он желает себе».

«Искренность и правда образуют желание культуры».

«Благородный человек выявляет лучшие стороны других и не подчеркивает дурных. Низкий поступает обратно».

«В частной жизни покажи самоуважение, в делах будь внимателен и заботлив, в действиях с другими будь честен и сознателен. Никогда, даже среди дикарей, не отступи от этих основ».

«Благородный тянется кверху, низкий устремляется вниз».

«Благородный человек не знает ни горя, ни страха. Отсутствие горя и страха, в этом знак благородства! Если в сердце своем он не найдет вины, чего горевать ему? Чего страшиться ему?»

«Сделай сознательность и правду ведущими началами и так иди творить обязанности о твоём ближнем. Это высокая добродетель».

«Смысл милосердия в том: не причиняй другим то, чего не желаешь себе».

«Благородный заботится о девяти основах. Видеть ясно. Слышать четко. Глядеть дружелюбно. Заботиться о низших. Быть сознательным в речи, быть честным в делах. В сомнении быть осторожным. В гневе думать о последствиях. При возможности успеха, думать лишь об обязанности».

«Духовная Добродетель заключается в пяти качествах: самоуважение, великодушие, искренность, честность и доброжелательство. Докажи самоуважение, и другие будут уважать тебя. Будь великодушен, и ты откроешь все сердца. Будь искренен, и поверят тебе. Будь честен, и достигнешь великого. Будь доброжелательным, и тем сообщишь и другим доброе желание».

«Благородный сперва ставит праведность и затем мужество. Храбрец без праведности — угроза государству».

«Отвечай справедливостью на несправедливость и добром на добро».

«Основа милосердия делает место привлекательным для житья».

«Благородный человек не имеет ни узких предрассудков, ни упрямой враждебности. Он идет путем Служения».

«Благородный прилежен в познании пути Служения, а низкий человек — лишь в делании денег».

«Мудрец медленно говорит, но быстро действует».

«Все люди рождаются добрыми».

«Смысл высокой добродетели. В жизни веди себя, как бы встречая высокого гостя. Управляя народом, веди себя, как на торжественном священном служении. Чего не желаешь себе, не причиняй другим. Как на людях, так и дома не выражай злую волю».

«Кто грешит против неба, не может рассчитывать ни на чье заступничество».

«Можем выйти из дома лишь через дверь. Почему не пройти жизнь через врата добродетели?»

«Разве далека добродетель? Лишь покажи желание о ней, и вот она уже здесь».

«Чей ум уже испытан против медленно проникающего яда клеветы и острых стрел оговоров, тот может быть назван яснозорчим и дальнзорчим».

«Вывести неподготовленных людей на битву все равно, что выбросить их».

«Если человек всюду ненавидим, или он повсюду любим, тогда необходимо ближайшее наблюдение».

«Ваши добрячки — воры добродетели».

«В 15 лет мой ум склонился над учением. В 30-лет я стоял прочно. В 40 лет я освободился от разочарований. В 50 лет я понял законы Провидения. В 60 лет мои уши

внимали истине. В 70 лет я мог следовать указу моего сердца»¹⁷⁰.

Итак, познание, освобождение, понимание законов, внимание Истине — все привело к следованию указам сердца. Это кратчайшее и полнейшее жизнеописание кончается сердечною молитвою о путях праведных. И не пожалел великий философ о том, что была в запряжке колесница его. Кони взнузданные, готовые домчать до путей сердца, были уже благословением. Не к великим ли домам должна была нести колесница не изгнания, но достижения.

Княжеское освобождение от горя и страха, мощь Тао, умостили путь прочный. «Бестронный король» — так называли Конфуция. Не он ли на колеснице шествует по великой стене в страже несменной?! Не его ли кони следуют по следам белого коня великой стены? Кто его видел? Кто уследил его всходы и спуски? Поверившее сердце за белым конем прошло стремнины и горы. Не предрешим ход коня.

Ко всем своим путям Конфуций мог прибавить еще одно заключение. Все враги, его гнавшие, были людьми темными и мерзкими. Имена их или стерлись, или остались в истории на черном месте. Значит, и в этом отношении праведность Конфуция и утверждена и прославлена историей.

Только что сообщалось: «Работа по реставрации Мавзолея в Чуфу обсуждалась шантунгскими властями».

«Обширные работы по восстановлению Мавзолея Конфуция в Чуфу в Шантунге были решены в заседании в присутствии представителя Нанкинского правительства.

Провинциальные власти, кроме сотрудничества по восстановлению Мавзолея Конфуция, который находился много лет в небрежении, также избрали Комитет для восстановления Дня Конфуция повсеместно в Китае. Сообщается, что Центральное правительство даст особые почести потомку великого мудреца».

Опять победа Конфуция! День, посвященный ему, будет днем Культуры.

Странно читать известие, где так скорбно и обычно говорится о том, что Мавзолей Конфуция в течение многих лет оставался в небрежении. Что это значит в течение многих лет? Какие именно потрясения и перемены заставили забыть даже о величайшей гордости Китая! Впрочем, это забытие лишь односторонне. Может быть, Мавзолей и был забыт, но память и заветы Конфуция продолжали жить, ибо Китай без Будды, Лао-Цзы, Конфуция не будет Китаем.

Какие бы новые познания ни входили в жизнь, все же устои древней мудрости остаются незыблемы.

Монголы могут узнать много новых вещей, но имя Чингис-Хана и его наставления будут жить в сердцах народа, и само это имя произносится с особым вниманием. Так же точно, как когда-то мы писали о звучании народов, так и памятные имена и места все же жить будут.

Конечно, надо предполагать, что Мавзолей Конфуция уже не может опять впасть в небрежение, ибо страна в своем развитии все глубже и выше будет беречь всегда живые заветы мудрого. И действительно, какой бы выше сказанный завет ни вспомнить, он одинаково будет касаться и нашего времени.

Лишь в очень отсталых умах не будет понятна разница между отжившим и вечным. Пусть и до сих пор лучшие заповеди не исполняются — это не значит, что они не должны быть даны, а сейчас повторены. Уж чего проще? «Не убий», «Не лги», «Не укради», а каждый день и эти повелительные Заветы не исполняются. Что же? Отставить ли их за неприменимость? Или продолжать настаивать? Впадать ли в одичание или настойчиво выплывать на гребень волны? В наставлениях Конфуция нет безвыходного осуждения. Как и все благие наставления сказаны им близко к жизни. Если он отставляет что-либо, то только для того, чтобы выдвинуть нечто лучшее и более полезное. Подчас наставления Конфуция обсуждались несправедливо, и им приписывался смысл, явно не относящийся к их содержанию. Это значит, что кто-то подходил к рассмотрению его заветов с какой-то

¹⁷⁰ Цитаты из сборников изречений и диалогов Конфуция.

предубежденностью.

Но, рассматривая большого человека, неуместны ни предубежденность, ни преувеличенность. Пусть будут приняты во внимание действия и слова в их полном значении. Конечно, говоря о последнем значении, мы не должны забывать, что во всех языках, а в том числе и в китайском, и в санскрите, есть свои непереводимые выражения, которые можно понять и изложить лишь вполне освоившись как с языком, так и с устоями местной жизни. Сколько бедствий произошло из-за переводов, из-за толкований!

Всякие злостолкования и умышленные извращения, ведь они должны быть судимы, как умышленные преступления против чужой собственности. Иногда же эти умышленные извращения равны покушению на убийство. Из жизнеописания Конфуция не видно, чтобы он впадал в отчаяние или страх. То, что он был вынужден держать колесницу наготове, обозначает лишь его предусмотрительность для вящей полезности будущих действий.

«Я молиться уже начал давно» — так отвечал Конфуций при одном важном обстоятельстве. Неоднократно в жизнеописаниях Конфуция употребляется выражение, что жизнь его была непрестанной молитвой. Торжественно он переплывал океан. Поэтому, оборачиваясь на Великую Стену, мы опять вспоминаем Конфуция как признак Китая. Мы уверены, что предположенный день Конфуция выльется в настоящее торжество Культуры.

29 марта 1935 г.
Цаган Куре

Адамант

*К Ассоциации Оригена при Обществе
Имени Рериха*

Адамант! Замечательно это наименование, оно лучше всего выражает сущность Великого Имени, вокруг которого вы собрались. Часто наименования даются только после смерти, но иногда определенное качество так ярко выражено, что уже в жизни лицо осеняется определенным знаком. Адамант, твердейший алмаз, несломимый, режущий даже твердое. Ориген-Адамант!

Не выражено ли в этом одном слове все почитание великим Учителем Истины, которое не могло быть потрясено ни лишениями, ни обещаниями, ни обычаями. Ориген назван Учителем Церкви. Но, конечно, он мог быть признан и святым, мог быть признан Отцом Церкви. И мог в течение жизни иметь высшее церковное назначение и отличие.

Вместо того чтобы стать Архиепископом, Ориген оказался узником. Может быть, в одной темнице с преступниками. Церковный Собор вменяет ему следующее: «Ориген, чудо своего века, по необычайности своего ума и глубине своего образования, был обвинен на двух Александрийских Соборах при жизни и после смерти на Константинопольском Соборе. Ориген неправильно мыслил о многих Истинах Христианской Церкви, распространяя языческие учения о предсуществовании души¹⁷¹; он неправильно отражал Учение Христа, полагая, что определенное число духовных существ, равнодостоинных, были созданы, из которых одно устремлялось с такою пылающей любовью, что объединилось с Высшим Словом и стало носителем Его на Земле. Придерживая верования в воплощение Бога Слова и в творение Мира, Ориген неправильно понимал крестную смерть Христа. Представляя ее, как имеющую духовное соответствие в духовном мире, он слишком много уделял воздействиям Сил Природы, которыми одарено наше естество...»

¹⁷¹ *Предсуществование души* — христианский термин для теории перевоплощения. Наиболее активно теория предсуществования души отстаивалась Оригеном.

С точки зрения современности невозможно понять, как могли эти обвинения довести до темницы! Ведь во всем облике Оригена так ярко выражено стремление к Истине, которое не только не умаляет, но, наоборот, открывает безграничный кругозор для священного единения с Вышним.

Множество трудов Оригена, из которых не все дошли до нас и не все переведены и опубликованы, показывают поражающую образованность и светоносный, устремленный ум. Но враги Оригена, чтобы еще более утвердить его значение, прибегли к обычному своему средству — преследованию.

Позабыв еще недавнюю великую Голгофу, они решили именно во имя великого Мученика Голгофы сделать мученика и из Оригена. Они забыли, что терновый венец есть высший знак Славы. Обратимся к истории многих мученичеств. В своем разнообразии эта печальная история являет нам тождественные законы, последствия самоотверженности. Если возможно в чем-либо выразить высшее понятие истинной славы, то, конечно, оно будет соединено с самопожертвованием Адамантовым. Говоря о мученичествах, вспомним изображения их замечательными художниками. Обернемся на картины Иеронима Босха, Питера Брейгеля, Дюрера, Орканьи и других одинаково великих создателей. И посмотрим, какие они избирали типы для палачей и преследователей. Не покажется ли вам, что в этих тупых, озверелых ликах вы узнаете какие-то образины, встреченные вами и в наше время. Поистине, живут еще темные и отрицательные типы, но именно они так же действительно обращают нас к тем символам, от которых излучается Свет великий. От преследователей вы неизбежно обернетесь к великому Преследуемому, к мощному понятию Адаманта. Пусть же это качество сделается и вашим отличием. Около этого качества вы найдете неустанный творческий путь. Вы найдете всевмещение, неумаление и неугомонное стремление к Свету.

Изучая творения Оригена, вы найдете в себе стремление к тем же основам — «де принципии». Светоносная высокая логичность автора передаст вам через все века те же упорство, откровенность, мужество, прозорливость. Короче говоря, вы воспламенитесь для ваших лучших работ и творений.

Без этих качеств вам будет трудно осознать, что подражать Вышнему вы можете прежде всего в творчестве.

Воспоминаем, как десять лет тому назад мы начинали Институт Соединенных Искусств в доме Греческого Собора. Почтенный отец Лазарис первый приветствовал наше просветительное начинание, в котором мы выражали нашу веру в том, что только красота и знание могут объединить и вести человечество к истинному счастью и благосостоянию. Отец Лазарис так понимал, что Прекрасное и Мудрое являются столпами Религии. Если мы начнем искренно писать историю Прекрасного, тем самым мы должны писать и историю Религий. И обратно, начиная с Религии, мы неизбежно придем к Прекрасному.

Прекрасные мысли! Они, светлокрылые создатели будущего, донесли и ценный нам Облик Оригена. Он провидел творчество Всемогущего. Среди почитаемых древних икон имеется образ глубокого значения: «Святая София-Премудрость Божия». В часы вашего высшего вдохновения эта Мудрость шепнет вам: «Творите неутомимо, знайте, как давать. Только в даянии мы получаем!» На огненном коне, в сверкании пламенеющих крыльев представлена несущаяся в Пространстве Святая София, Мудрость Всевышнего.

Ориген заповедал: «Глазами сердца мы видим». Во имя этого вседостигающего языка сердца, во имя всепроникающего духовного Ока, я приветствую вас, которые собрались вокруг вечно живущего Имени Оригена.

Н. К. Рерих. Св. Франциск. 1932 г.

Любовь Непобедимая

*К Ассоциации Святого Франциска
Общества Имени Рериха*

Перуджино, Джотто, Зурбаран, Коста, Мурильо, Скиавоне, Рибейра, Флиппино, Липпи, Ганс Фриз, Маргаритоне, Сассетта, Тадео Гадди, Виварини, Моретто Да Брешиа, Чимабуэ ¹⁷²... Кто же мог собрать и духовно объединить этих разнообразных и даже противоположных Мастеров? Кто мог вдохновить такое множество великих поэтов? Кто мог наполнить такими высокими мыслями множество знаменитых деятелей? При чьей

¹⁷² Перуджино, Джотто, Зурбаран и далее — западноевропейские художники, создававшие образы Франциска Ассизского.

молитве сияла над монастырем заря священного Света? Кто воздымался на воздух в экстазе? Кто раскидывал сокровища Благости, как естественные искры своего земного существования.

Все тот же самый, бессмертный и светоносный в существе своего духа, Святой Франциск, притягательный, как для взрослых, так и понятный детям. Истинное прибежище зверям и птицам. Именно Он мог беседовать и обратить волка ко благу. На Его руке птицы чуяли крепкую безопасность.

В чем же заключается могущественный мировой магнит Святого Франциска? Конечно, в своем высшем духовозношении Он приближался к Вышнему. В необычной мощи сознания Он сливался с Господом. Он знал высокую мощь сердечной молитвы, которая, единственно, может привести к действительной любви. Для Него любовь была не отвлеченность, но насущное питание Его Духа. И еще одно замечательное качество освящает нам Облик святого Франциска. Он никогда не осуждал.

Если некоторые Его действия были объяснены последователями, как возмущение против несовершенных нравов Его современников, то и эти действия были так утончены и так были полны благодетельными знаками, что само возмущение возносилось на тех же самых крыльях всепобеждающей любви. Если не каждый из нас может достаточно следовать в силе восторга, то, во всяком случае, в двух качествах святого Франциска каждый должен подражать Ему — в неустанном действии и в неосуждении.

В своем победном неосуждении Святой Франциск выявил величайшую жизненную мудрость, которая к тому же так легко достигается. Каждый труженик, после достаточных испытаний, неизбежно приходит к сознанию, как мертвенно отрицание и осуждение и как творяще и созидательно каждое понимание. Любить — значит прощать. Прощать — значит понять. Понять — значит знать. Знать — значит приблизиться к порогу Мудрости.

Каждый творящий, рано или поздно, чувствует, что осуждение и отрицание будут знаками неуспешности. Каждый истинный творец, подражая в существе своем Вышнему, в своих постоянно растущих трудах даже не имеет времени для осуждений. Взгляните на осуждающего, и вы сразу убедитесь, что он, прежде всего, не создатель. Тот же опыт жизни легко убедит вас, что сад отрицания и темен и беден.

Как же вы встретите и победите трудности жизни? На печальном опыте вы познаете, что щит отрицания и осуждения негоден. Далее, вы будете убеждены, что подобный щит и вреден. Как магнит Тьмы, он будет притягивать к вам все отрицательное. Какую печальную старость и темное будущее вы будете готовить себе, извергая злобную слюну осуждения, неудачно проходя путь жизни и преступно извращая священное понятие любви!

Итак, следуя заветам святого Франциска, заветам, скованным любовью — творите, творите и творите!

В этом вечном творении вы приблизитесь к мудрой радости. Вы найдете, что день слишком короток, чтобы успеть выразить все зовы духа вашего. В новом широком понимании вы осознаете, что есть синтез. Завоевание красоты и знания синтезируется для вас не как груда сухих подробностей, но как стройное знамя священного знака эволюции. В творчестве вашем вы осознаете и высокую ответственность перед Великою Беспредельностью. Это осознание ответственности будет целительным водителем в преображении всей вашей жизни. Это осознание ответственности еще более поможет вам удержаться от осуждений. Истинно, вы не найдете более мгновения для осуждения и отрицания.

Творить, помогать и давать — эти заветы наполняют все существо ваше. И, несмотря на все трудности, создаваемые тьмою, невежеством, вы все же преобразите жизнь вашу в вечную радость. Эта же радость творчества принесет вам и насущный хлеб на день завтрашний.

Велика была моя радость узнать, как восторженно приняли вы мое предложение объединиться под Именем святого Франциска. Невозможно без светлой улыбки

помышлять об основании этого Общества. Мы трудимся для высшей Культуры, Красоты, Знания, Мира. Пусть будет всепобеждающая улыбка святого Франциска нашим мощным щитом в этих стремлениях.

Когда я буду писать святого Франциска, пусть будет Он явлен благословляющим гнездо птиц. Это вызовет во мне одно старое воспоминание. Я был счастлив иметь моим первым Учителем замечательного человека: мощный художник Куинджи был не только замечательным художником, но также был и великим Учителем жизни. Его частная жизнь была необычна, уединенна, и только ближайшие его ученики знали глубины души его. Ровно в полдень он восходил на крышу дома своего и, как только загремела полуденная крепостная пушка, тысячи птиц собирались вокруг него. Он кормил их из своих рук, этих бесчисленных друзей своих,— голубей, воробьев, ворон, галок, ласточек. Казалось, все птицы столицы слетались к нему и покрывали его плечи, руки и голову. Он говорил мне: «Подойди ближе, я скажу им, чтобы они не боялись тебя». Промеж себя мы называли Куинджи святым Франциском. Незабываемо было зрелище этого седого улыбающегося человека, покрытого щебечущими пташками,— оно останется среди самых дорогих воспоминаний. Перед нами было одно из чудес природы, мы свидетельствовали, как малые пташки сидели рядом с воронами, и те не вредили меньшим собратьям.

Одна из обычных радостей Куинджи была — помогать бедным так, чтобы они не знали, откуда пришло благодеяние. Неповторяема была вся жизнь его. Простой крымский пастушок, он сделался одним из самых прославленных наших художников, исключительно благодаря своему дарованию. И та самая улыбка, питавшая птиц, сделала его и владельцем трех больших домов. Излишне говорить, что, конечно, все свое богатство он завещал народу на художественные цели. Этот «святой Франциск» моей молодости нераздельно связан с образом святого Франциска, которым я впоследствии восхищался при моем паломничестве по святыням Италии.

Священная насыщенность Ассизи ¹⁷³ ощущается даже случайными прохожими. Тем сильнее она должна ощущаться тем, кто ищет. Вы, объединяющиеся во Имя святого Франциска, да будет с вами улыбка Его! Пусть Его высокая духовная утонченность укрепит вас. Вдохновленные святым Франциском, вы найдете творчество вечно новое и неисчерпаемое. Вы познаете, что даже и гений должен неутомимо ежедневно трудиться. Во имя святого Франциска вы найдете сияющее утверждение, которое сохранит вас от мертвого отрицания и разрушительного осуждения. В Имени святого Франциска вы найдете неистощимую мощь против всех зол Тьмы. Вы поймете, что есть благословенное сотрудничество и единение. Творите, творите, творите!

Слава святому Франциску!

¹⁷³ Ассизи — город в Италии, родина Св. Франциска.

Н. К. Рерих. Сергиева пустынь. 1925 г.

**Слово на освящение часовни св. Преподобного Сергия,
сооруженной сибирским отделом общества друзей Музея
Рериха в Радонеге, Чураевка, шт. Коннектикут**

Святой Сергий — Строитель Русской Духовной Культуры.

Каждое упоминание этого священного имени повелительно зовет всех нас к непрестанному светлому труду, к самоотверженному созиданию и делает из Святого Сергия поистине Преподобного для всех веков и народов. Повторяю, для всех веков и народов, ибо культура духа стоит над всеми границами. И нет такой религии, и нет такого учения, носитель которого не преклонился бы перед образом Преподобного, когда вы расскажете ему о трудах Его.

Ориген заповедал: «Глазами сердца смотри». Не есть ли это также и заповедь Самого Преподобного, который в пламенной Чаше вознес заповедь сострадания и любви.

Преподобный Исаак Сирий сказал: «Когда мы в покое — демоны веселятся, а когда в трудах — Ангелы радуются». Этими со-ангельскими трудами положил Преп. Сергий краеугольный, нестираемый камень русской духовной культуры, внеся его в сокровищницу мирового почитания.

Имел счастье произносить Имя Преподобного и буддистам, и мусульманам, и евреям, и индусам, огнепоклонникам и почитателям Великого Духа ¹⁷⁴. Было ли при этом хоть одно отрицание или отстранение? Не было, ибо всепрощающая и всевозносящая духовная культура заложена в каждом человеческом сердце. И не мечом, но соотрапезою духовною открывается этот светоносный сосуд благодати.

Случайно ли, что на всех путях сужденных вырастают священные знамена Преподобного? Дивно и чудно видеть, как даже в наше смятенное, отягощенное мраком, время всюду возносятся светочи храмов и часовень во Имя Преподобного. В Париже Сергиева Обитель, в Лондоне Сергиева группа учащихся. В Южной Америке Имя Святого Сергия. Под Нью-Йорком мы имеем радость освятить часовню Св. Сергия. В Нью-Йорке,

¹⁷⁴ *Почитатели Великого Духа* — здесь индейцы Северной Америки.

в доме Музея ¹⁷⁵, комната-часовня Преподобного. По Азии раскинуты зачатки часовень и храмов во Имя этого непобедимого Водителя ко Благу. Огромное количество книг, статей и листовок посвящены Преподобному. Всюду благовестит это непобедимое Имя.

Больше того, когда вам приходится встречать людей близких в духе, рано или поздно, но безошибочно вы узнаете от них, что у кого в сердце, а у кого и в образе, носится это священное Имя, так объединяющее, так зовущее от дня вчерашнего перейти к светлomu завтра.

Обратите внимание. Преподобный в жизни своей не терялся в искании, но устремленно восходил и строил. Можно сказать, что далеко за пределами Богоискателя, он был Богоносцем. Буддисты называют его Боддисатвою, евреи Израилем ¹⁷⁶, а индусы Махатмоу.

Преподобный приобщался от пламенной Чаши. Преподобному сослужил Пламенный. В этой благодатной пламенности, в этом благом огне творящем, дошел до нас облик Святого Сергия. И пламенны были видения Ему Владычицы! ¹⁷⁷

Познающий Пламень Сердца навсегда связан с Обликом Преподобного. Это великое познание, редко сходящая благодать, навсегда соединила Имя Преподобного с представлением о всезнании. «Преподобный знает» — так запомнил народ. «Преподобный знает, когда спасти». «Преподобный знает, когда явиться». «Преподобный знает, когда помочь». «Преподобный знает, чье сердце доступно благодати». «Преподобный знает, где нет неверия и предательства». «Преподобный знает, где искренний дар».

Во всех встречах о имени Преподобного приходим к тому же понятию о непреложности знания Его, о мудрости подвига Его. В этом схождении на понятии знания, культуры, мы найдем спасение общее. Чем же иначе заменим мы разрушительное отрицание, неверие, легкомыслие, предательство вольное и невольное!

В осознании прекрасной благодати только и мыслимо схождение. Человечество устало от разрушений и смятений, выдувающих пламень сердца. Чудесно является перед нами великое Имя Водителя, с которым неразрывно связано и знание и строительство, сострадание и неутомимая твердость. Да поможет нам Преподобный стать посильными пособниками Ему в Его неутомимых великих трудах, и зримых и незримых, и сказанных и несказанных! Несказанных, во всей своей невыразимости условным языком человеческим, но, по счастью, кроме языка словесного, человечеству дан и язык сердца.

В этом языке пламенном, в огне сердца, сойдемся мы и, забыв темноту дня вчерашнего, устремимся совместно к Свету.

Свет один, так же как и тьма одна, и при внесении света тьма рассеивается.

Да поможет нам Преподобный приобщиться к великому единому Свету.

Гималаи, февраль 1931 г.

Шри Рамакришна

Жарко и душно было вчера. Вдали громыхали грозовые тучи. От подъема на каменистое Ширет Обо кое-кто приустал. Уже направляясь к стану, мы заметили вдалеке огромный вяз — карагач, возвышавшийся среди окружавшей пустыни. Размеры дерева, его какие-то знакомые нам очертания, повлекли к нему. Ботанические соображения подсказывали, что в широкой тени одинокого великана могут быть нужные нам травы. Скоро все присутствовавшие собрались у двух мощных стволов карагача. Тень его —

¹⁷⁵ Музей — здесь Музей Рериха в Нью-Йорке.

¹⁷⁶ Израиль — здесь термин, обозначающий избранность Богом.

¹⁷⁷ Владычица — здесь Богоматерь.

густая-прегустая, раскинулась более чем на пятьдесят футов. Мощные стволы выросли причудливыми наплывами. В богатой листве щебетали птицы, а мощные ветви протянулись во все стороны, как бы желая приютить всех проходящих.

На песке вокруг корней запечатлелись самые разнообразнейшие следы. Рядом с широким волчьим следом отпечатались тоненькие копытца дзерена — местной антилопы. Тут же прошел и конь, а рядом с ним осталась тяжелая поступь быка. Наследили разные птицы. Очевидно, все местное население приходило под радужную листву великана. Особенно напомнил нам вяз-карагач раскидистые баньяновые деревья Индии. Каким местом благословенного схода служили такие деревья! Сколько путников под ними получало отдохновения и телесные, и духовные! Сколько священных повествований запечатлевалось под ветвями баньяна! И вот, одинокий гигант карагач в монгольской пустыне живо перенес нас под сень баньяна. Мощные ветви карагача напомнили нам и о других могучих восхождениях Индии.

Подумалось о светлом гиганте Индии, о Шри Рамакришне. Около этого славного имени столько самых почтительных определений. И Шри, и Бхагаван, и Парамахамза ¹⁷⁸ — словом, все, чем народный глас хотел бы оказать свое почтение и уважение. Бывают такие самые почетные от народа пожалования именем. В конце концов, поверх наипочетнейших наименований остается одно, проникшее по всему миру, имя Рамакришна. Имя личное уже обратилось в целое всенародное, всемирное понятие. Кто же не слышал этого благословенного имени? К нему так идет слово о благе. Кроме самых черствых сердец, какое же человеческое сознание будет противоборствовать благу?

Вспоминаем, как выросло в разных странах познание светлой сущности Рамакришны. Вне злобных пререканий, вне взаимоущемлений, слова о благе, близкие каждому человеческому сердцу, широко распространялись как могучие баньяновые ветви. На путях человеческих исканий вставали эти зовы о добротворчестве. Мы знаем и не раз слышали, как «случайно» находились книги о Рамакришне. Елена Ивановна ¹⁷⁹ замечательно нашла эту первую книгу. Потом, через много лет, беседуя под радужным кровом Миссии Рамакришны ¹⁸⁰ под Калькуттой, вспоминалось, как неожиданно-жданно мы познакомились с этим великим проповедником добра.

Сотни тысяч, целый миллион народа сходятся в памятный день к Рамакришне. Сходится в доброжелании, поистине добровольно и обновляется добрыми воспоминаниями и благожеланиями. Ведь это замечательное выражение гласа народа. Это народный суд, народное почитание, которое нельзя понудить или заставить. Как лампы засветляются одна от другой и неистощим огонь, так и такое народное почитание не меркнет и светит через все дни современных мировых смятений.

А ведь много смятений сейчас. Казалось бы, смущен и отвлечен дух народный от основ духовных. Справедливо часто слышится плач о потрясении основ. Но этот миллион сошедшегося народа разве не является живым доказательством того, что, поверх смущений дня сегодняшнего, живет неиссякаемая духовность и устремление ко благу. В жаркий и душный день, не убоясь расстояний, сходятся путники почитать память Рамакришны. Не формальная обязанность сводит воедино всех этих разнообразных путников. Чистосердечное благое устремление повелительно приводит их к местам, запечатленным именем Рамакришны. Ведь это для наших дней так необычайно ценно.

¹⁷⁸ *Шри, Бхагаван, Парамахамза* — почтительные титулы духовных подвижников в Индии.

¹⁷⁹ *Елена Ивановна (Рерих)* (1879—1955) — жена Н. К. Рериха, его постоянная спутница и сподвижница: философ, духовный подвижник, вдохновитель и духовный водитель многих культурно-философских обществ в Азии, Европе и Америке; собиратель и комментатор книг Агни Йоги; автор и переводчик ряда религиозно-философских и философских книг.

¹⁸⁰ *Миссия Рамакришны* — всемирное религиозно-философское и просветительское общество, созданное Вивеканандой.

Необычайно, что среди тяжких трудов, среди сомнений, среди поникновений люди все-таки могут вспыхивать огнем светлым. Сердце их зовет сойтись вместе. Не толкаться, не буйствовать, не разрушать, но слиться единой мыслью о благе.

Великую силу имеет объединенная благая мысль. Как же должно ценить человечество те светлые явления, которые являются побудителями этих объединительных, мощных и созидательных мыслей? Мысль о благе будет, прежде всего, творяща. Благо не разрушает - оно созидает. Словами блага выясняются те вечные основы, которые заповеданы человечеству на всех лучших скрижалях. Если понятие Рамакришны неусыпно устремляет к творящему благу, то ведь это уже огромное счастье.

В дни потемок особенно драгоценен свет, драгоценны его сохранения. В своих притчах о благе Рамакришна никогда никого не умалил. И не только в учении, в притчах, но и в самих деяниях своих Рамакришна никогда не допустил умаления. Вспомним хотя бы его почитание страстей Христовых. Ведь такие понимания тронут самое окаменелое сердце. Широко чувствующий Бхагаван, конечно, обладал многими чувствознаниями. Дар исцеления он в свою очередь отдавал широко. Он ничего не оставил под спудом. Он исчерпывал свои силы в благословенных отдачах. И болезнь его, конечно, через эти непомерные отдачи. Но и в них, этих благородных несчетных отдаваниях, Рамакришна явил нам меру свою.

В разных частях света почитается Имя Рамакришны, почитается и Суоми Вивекананда, который явил лик истинного ученика. Соотношение Рамакришны и Вивекананды также останется на самых замечательных страницах истории культуры Индии. Не только так свойственная Индии глубина мышления, но именно всенародно проявленное свидетельство Гуру и челы — ведь это должно так многим напомнить о чем-то очень основном. Проходят века, сменяется качество цивилизации и культуры, но Учитель и ученики останутся в том же благом соотношении, которое издавна было преподано в Индии. Много веков тому назад были записаны слова мудрости. Но сколько же тысячелетий до этого они жили в устной передаче. И как ни странно сказать — в передаче, может быть, более сохраненной нежели даже иероглифы свитков. Умение сохранить точность тоже истекает из окрепшего сознания о совершенствовании в применении чудесных камней прошлого для нового светлого будущего.

Не только неувядаемая ценность учения о благе, сказанного Рамакришною, но именно нужность этого слова и для современности является несомненной. В то время, когда духовность, как таковая, начинает очень часто вытравляться неправильно понятыми формулами, тогда светлое созидательное утверждение особенно драгоценно. Стоит лишь справиться о цифрах изданий миссий Рамакришны. Стоит лишь вспомнить все то огромное количество городов, в которых люди собираются вокруг этого зова о благе. Цифры эти не нуждаются ни в каком преувеличении. Нет неестественной нервности или преднамеренности в происходящих тихих и мысленно углубленных собраниях. Ведь это тоже одно из ближайших свидетельств истинной строительной. Все глубоко осознаваемое не в шуме и в смятении творится, но нарастает планомерно, в высшей соизмеримости.

Мысли о благе, так щедро преподанные Рамакришною, должны пробуждать и благую сторону сердец человеческих. Ведь Рамакришна не отрицатель и не нарушитель. Он строитель во благе, и почитатели его должны открыть в тайниках своих истинное добротворчество. Деятельно это добротворчество. Естественно претворяется оно в творчество на всех добрых путях. Собираясь к памяtnому дню Рамакришны, люди не боятся пыли дорожной, не уstraшаются зноя, изнуряющего лишь тех, кто не проникся стремлением ко благу, к великому служению человечеству. Служение человечеству — велик этот завет Рамакришны.

7 августа 1935 г. Тимур Хада

Е. И. Рерих. 1910-е годы

Великий Облик ¹⁸¹

Когда великие облики доходят до вас ип глубокой древности, они воспринимаются как-то особенно легко. Даже облакаясь в мифы и легенды, они становятся легко убедительными. За завесою времени — все возможно. Писатели и художники всех веков будут посвящать этим далеким обликам свои лучшие вдохновения. Целые поколения будут вдохновительно водимы этими далекими героями и героинями. Никто им не завидует, никто не думает о том, как достигались эти подвиги — остаются лишь памятные вехи человеческого восхождения.

Не так-то бывает в близком прошлом, уже не говоря о настоящем. Возьмите описания недавно прошедших больших людей. Сколько в них будет отмечено ненужного, нехарактерного, которое лишь покажет, что окончательная сущность их бытия еще не взвешена и не оценена. Непременно будут вводимы самые сомнительные, самые малодоказанные подробности, из которых будут сделаны если не вполне отрицательные, то по возможности умаляющие выводы.

В веках, конечно, весы прошлого уравновесятся. Народный суд уберет многое, что сорило глаза ближайших зрителей. Суду веков ведь не нужно непременно умалять. Даже на расстоянии каких-то ста лет мы видим, что очень многое самосильно приходит в равновесие. Еще не истлели печатные листы, на которых большие личности были засоряемы и оплеваны. Не только в памяти дедов, но воочию можно видеть, насколько

¹⁸¹ «Великий Облик» — статья посвящена Е. И. Рерих.

жестоко и несправедливо издевались люди над теми явлениями, которыми уже через неполное столетие их же страна, да и весь мир, справедливо гордились.

Не будем называть тех писателей, поэтов, ученых, общественных деятелей и вождей, имена которых и весь их облик преобразились в общественном понимании за самое короткое время. У каждого имеется в запасе множество таких примеров. Современные нам люди называют невежественных оценщиков самыми тяжкими именами, но подчас сами же они недалеки от таких же деяний. Не раз указывалось, что словари и энциклопедии, в каждом своем издании, должны менять свои оценки. Можно бы назвать ряд великих имен, которые, в оценках энциклопедий, от шарлатанов и смутьянов дошли до самых почетных отзывов. Такие метаморфозы можно наблюдать даже в течение одного поколения. Разве это не замечательно для истории человеческого мышления?

Трудно сказать, по каким причинам происходит это несомненное явление. По злобе ли, по зависти, по невежеству или по какой-то непростительной тупости и лени? Кто-то даже выдумал престранную пословицу «Брань на вороту не виснет». Думается, что выдумал это странное речение, наверное, какой-то ругатель, чем и хотел как бы оправдать свои особенности.

Иногда доходят до таких нелепостей, что каждая попытка дать доброжелательное суждение, хотя бы и обоснованное, уже является чем-то несовременным и недопустимым. В то же время всякая, хотя бы клеветническая, критика и извращения будут заслушаны спокойно и даже с внутренним одобрением.

Между тем сколько прекрасных, истинно великих обликов проходят в поучение человечеству вовсе не в каких-то седых веках, но тут, совсем близко. Казалось бы, эти облики своею осязаемостью и реальностью должны бы еще более воодушевлять многих. Но это случается так редко.

И не только в каких-то официальных, представительных должностях, но в скрытой жизни сияют незабываемые, вдохновляющие облики. И лишь немногие понимают все их глубокое значение для человечества. Когда-то и как-то и эти весы справедливости придут в равновесие, но все же странно, что люди сравнительно так мало пользуются тем, что уже им предоставлено, щедро дано и могло бы быть широко использовано.

Проходят прекрасные женские и мужские облики — истинные создатели культуры, и, казалось бы, ценно их знать уже теперь же, без непостижимого и ненужного откладывания в архивы и скрини для нарастаний в народном воображении.

Вот в жизни проходит замечательный, великий женский облик. От малых лет девочка тайком уносит к себе тяжелое, огромное издание. Склонясь под тяжестью непомерной ноши, она украдкой от больших уносит к себе сокровище, чтобы смотреть картины и, научась самоучкою, уже читать. Из тех же отцовских шкафов, не по времени рано, уносятся философские сочинения, и среди шумного, казалось бы, развлекающего обихода самосоздается глубокое, словно бы давно уже законченное мирозерцание. Правда, справедливость, постоянный поиск истины и любовь к творящему труду преобразуют всю жизнь вокруг молодого, сильного духа. И весь дом, и вся семья — все строится по тем же благодатным началам. Все трудности и опасности переносятся под тем же несокрушимым водительством. Накопленное знание и стремление к совершенству дают непобедимое решение задач, ведущее всех окружающих по единому светлому пути. Болезненно ощущается всякое невежество, темнота и злоба. Где только возможно, происходят целения, и физические и духовные. Жизнь становится от раннего утра и до вечера, истинно трудовой, — и все на пользу человечества. Ведется обширнейшая корреспонденция, пишутся книги, переводятся многотомные труды — и все это в удивительной неутомимости духа. Даже наитруднейшие обстоятельства побеждаются истинною верою, которая уже делается прямым чувствознанием. А ведь для такого знания нужны были удивительные накопления. Такую неустанно-трудовую жизнь, в подвиге каждого дня, в доброжелательстве и строительстве, нужно иметь перед собою всей молодежи. Когда известны все трудности, среди которых протекает такая вдохновенная

работа, тогда молодежи особенно ценно знать об этих неустанных продвижениях. Ведь часто кто-то думает, что нечто уже непобедимо, что добром зла не перешибешь. Вот до каких заблуждений иногда доходит смущение человеческое. Но тут-то и важны действительно жизненные примеры. Можно радоваться, когда такие примеры имеются и ободряют всех начинающих строителей жизни.

Лишь бы знать все это. Лишь бы вместо сомнений, отрицаний и отступлений идти вдохновенно в труде ободряющем. Кто-то удаленный и заброшенный, как он о себе думает, может узнать, как через все препятствия, через все препоны тьмы тут же, недалеко от него, была проносима чаша нерасплесканная. Сколько новых сил, а вместе с ними и новых возможностей притечет. Сколько темного ночного безумья сменится мыслями о творчестве, о строительстве, которое возможно во всех фазах жизни.

Разве непременно нужно быть сожженной, подобно Жанне д'Арк, разве непременно нужны эшафоты там, где ценно именно движущее, ведущее слово и пример труда. Рано или поздно человечеству все-таки придется отучиться от всего задерживающего, мешающего и огрубляющего. Тот, кто сумеет найти наибольшее количество добрых знаков, тот выполнит наибогороднейший марафон. Истинный марафон не в стоянии на одной ноге, но именно в нахождении наибольшего количества добрых, строительных знаков. В этих знаках будет найден и тот настоящий мир, о котором неустанно молятся во всех церквах.

Для собирания этого истинного мира нужно много бережливости, заботливости и доброжелательства. Неужели твердить о доброжелательстве будет лишь чем-то отвлеченным и неприложимым? Неужели же какие-то дикозвериные сердца все-таки восстанут против каждого строительного благожелательства? Не может этого быть. В каждом, живущем в сердце, должен же быть какой-то общечеловеческий, добрый подход. В подходе добром различатся и великие, добрые облики, и оценятся дела по справедливости.

2 июня 1935 г.

Цаган Кюре

Бесстрашие

Наука, если она хочет быть обновленной, должна быть прежде всего неограниченной и тем самым бесстрашной. Всякое условное ограничение уже будет свидетельством убожества, а тем самым станет непреодолимым препятствием на пути достижения.

Вспоминаю один разговор с ученым, который настолько хотел быть защитником новой науки, что даже старался унизить значение всех древних накоплений. Между тем именно каждый молодой представитель новой науки должен быть прежде всего открыт ко всему полезному и тем более к тому, что уже засвидетельствовано веками. Всякое отрицание уже противоположно творчеству. Истинный творец прежде всего не доходит до отрицания в своем светлом, постоянном поступательном движении. Творец и не имеет даже времени на осуждение и отрицание. Процесс творчества совершается в неудержимой прогрессии. Потому-то так больно видеть, когда в силу каких-то предвзятостей и суеверий человек запутывает сам себя призраками. Лишь бы не подумали, что ученый становится старообразным,— боязливый человек готов предать анафеме или забвению самые поучительные накопления древнего опыта.

Именно свободная, неограниченная наука опять открывает человечеству многие, давно забытые полезные находки. Фольклор снова идет рука об руку с находками археологии. Песня и предание подкрепляют пути истории. Фармакопеи древних народов опять оживают в руках пытливого молодого ученого. Никто не скажет, что вся такая древняя фармакопея может быть дословно применима. Ведь многие иероглифы написаний

условно-символичны. Само значение многих выражений затерялось и изменилось в веках. Но опытность тысячелетий тем не менее дает неограниченное поле для полезных изысканий. Так, многое забытое должно быть вновь открыто и благожелательно истолковано языком современности. Обращаясь к археологии, мы видим, что многие раскопки последних лет изумляли нас изысканностью смысла и форм многих, даже частичных остатков. Эта изысканность, утонченное изящество давних веков, еще раз напоминает, с каким заботливым, почтительным вниманием мы должны прикасаться к этим заветам древности. Мы мечтаем о забытых лаках, об утраченной технике отделки камней, о неясных для нас способах сохранения веществ. Наконец, мы не можем не прислушаться ко многим старинным способам излечения таких бичей человечества, которые именно устрашают и посейчас. Когда мы слышим и убеждаемся в том, что старинные методы благотворно применяются в лечении некоторых форм рака, или туберкулеза, или астмы, или сердечного заболевания, то разве не долг наш оказать полное доброжелательное внимание этим отзвукам стародавней, накопленной мудрости?

Ограниченное отрицание не должно иметь места в кругозоре молодых ученых. Лишь убогое мышление могло бы отрезать и загромождать поступательные пути. Решительно все, что может облегчать эволюцию, должно быть приветствовано и сердечно осознано. Все, что может служить на пользу развития человеческого мышления,— все должно быть и выслушано, и принято. Безразлично, в какой одежде или в каком иероглифе принесется осколок знания. Благо знания во всех краях мира будет иметь почетное место. В нем нет ни старого, ни молодого, ни древнего, ни нового. В нем совершается великая, неограниченная эволюция. Каждый, затрудняющий ее, будет исчадием тьмы. Каждый, посильно содействующий ей, будет истинным воином, сотрудником света.

Пекин, 22 декабря 1934 г.

Свобода познания

Суеверия, предрассудки, предубеждения во всех веках одолевали человека. Всегда находились своеобразные инквизиторы, желавшие втиснуть истину в свои клещи. Познание всегда бывало ограничено под страхом костра. Несчетны костры, пылавшие и справа и слева. Множество полезнейших научных находжений горело на потеху толпы. Жгли Джордано Бруно, уничтожали Лавуазье, убили Сократа, продавали в рабство Платона. Длиннен синодик невежественных уничтожений. Напрасно лучшие умы зывали об освобождении науки. Толпы кричали о свободе и изгоняли Аристиды, утесняли Аристотеля, Пифагора, Перикла.

И не в глубокой древности искать примеры. На нашем веку Академия наук преследовала Менделеева. Не от сладкой жизни ушел Мечников. Послушайте «воплъ в пустыне» Пирогова. Может быть, теперь наука освободилась? Ведь сейчас все кричат о свободе и справедливости. «Ну еще не совсем победа!» Можно привести по-прежнему множайшие печальные примеры суеверий, хотя бы они и прикрылись различными терминами.

Взять хотя спор о материи и духе. Кто сказал, что эти понятия различны и даже противоположны? Из давних времен звучит простейшее и убедительнейшее доказательство единства материи и ее трансмутации¹⁸². Лед, вода и пар! Разве это не очевидно? И почему высшие, тончайшие слои материи будут противны ее единству? Пусть сама природа со всею очевидностью раскрепостит науку и освободит мысль.

Прав Энгельс, когда без отрицаний говорит в своей «Диалектике природы», что

¹⁸² ...единства материи и ее трансмутации... — автор высказывает мысль о том, что дух является лишь более совершенной и высокоорганизованной формой существования космической материи.

задача науки заключается в том, чтобы раскрыть нам то, чего мы не знаем. А «при отрицании прекращается всякая наука». Ленинцы пусть помнят завет о диалектическом материализме. Диалектизм есть живое, познающее, развивающееся понятие. Он не есть мертвенное отрицание, он в основе полон допущения и свободного исследования. И еще пусть доброжелательно помнят завет Ленина о том, что так неотложно: «Первое — учитесь! Второе — учитесь! Третье — учитесь!» Долой суеверия, предрассудки, предубеждения!

28 апреля 1943 г.

Взлеты

Высоки взлеты науки. Странно подумать, что многим областям познания едва ли исполнилось сто лет. Сколько мучеников науки запечатлелось в течение веков. Сперва жгли на кострах, потом подвергали психическим пыткам. Да и теперь везде ли освобождена мысль? Свободно ли творчество? Нет ли прорыва между верхами и низами? Такие расселины могут задерживать караван.

Велик Ленин в своем приказе: «Учиться! Учиться! Учиться!» Велик он в призыве к движению, к вечной диалектике. Эта подвижность, бесстрашие, одоление невежества есть завет истинного созидателя. Мир в его вечном становлении, в неудержном движении изучаем с точки зрения диалектики. Ничто мертвенное не должно омрачать понятие жизни.

Да, наука устремляется к открытию новых подходов к понятию пространственных энергий. Солнечные пятна, спектральный анализ, астрохимия уже не алхимические «бредни», но данные научной лаборатории. Невежды уже не назовут овладение атомной энергией безумными фантазиями. Уже не будут глумиться над возможностью жизни на планетах. Не скажут мертвое слово о том, что «все уже найдено».

Народные множества уже преодолели суеверия, а ведь их много было и среди цивилизованных дикарей. Самое ужасное зрелище являет цивилизованный дикарь, отрицатель, вредитель всего молодого, устремленного к новым исканиям. «От каждого по способности, каждому по надобности». Такой завет не поймет дикарь-запретитель. Он знает лишь ограничения, запреты. Его словарь начинается с отвратительного «нет», и зовущее «да» не входит в его мышление. И машинно его мышление. Он накрепко запер себя на какой-то подробности и заслонил свет неустанного свободного познания.

Разве о трюизмах говорим? Какие там трюизмы, когда Земля трещит под дикарской ступнею. Счастье, если бы уже можно было назвать цивилизованного дикаря трюизмом. Но увы! Не трюизм он, но труп повапленный, хотя бы и надел фрак. Прежде почему-то хоронили во фраках, да еще с орденами.

Но обратимся к великому кличу народа русского: «Учиться, учиться, учиться!» Отметим все гнилое и охраним все прекрасное. Чудесные взлеты науки уже не будут отдельными взлетами, но обратятся в дружный вихрь блестящего преуспевания. Народ русский привык побеждать. Герои высоко подняли Знамя Победы. Никто не отнимет его. А за ним развеивается Знамя Мира. Знамя Культуры, и герои труда в подвиге укрепят стяг всенародный. Это славное русское слово «подвиг». В нем и движение, и творчество, и преуспевание. Именно русскому народу довлеет подвиг.

1946 г.

Борьба с невежеством

«Борьба с невежеством должна быть явлением мировым. Ни один народ не может

хвалиться, что он достаточно просвещен. Никто не может найти довольно сил, чтобы одолеть невежество в единоборстве. Знание должно быть всемирным и поддержано в полном сотрудничестве. Пути сообщения не знают преград, также и пути знания должны процветать в обмене мнений. Не нужно думать, что где-то достаточно сделано для образования. Знание настолько расширяется, что требуется постоянное обновление методов. Ужасно видеть окаменелые мозги, которые не допускают новых достижений. Каждый отрицатель не может называться ученым. Наука свободна, честна и бесстрашна. Наука может мгновенно изменить и просветить вопросы мироздания. Наука прекрасна и потому беспредельна. Наука не выносит запретов, предрассудков и суеверий. Наука может найти великое даже в поисках малого. Спросите великих ученых - сколько раз самые изумительные открытия происходили в процессе обычных наблюдений. Глаз был открыт и мозг не запылен. Путь умеющих смотреть свободно будет путем будущего. Именно борьба с невежеством неотложна, как с разложением и тлением. Нелегка борьба с темным невежеством, оно имеет много пособников. Оно ютится во многих странах и прикрывается различными одеяниями. Нужно запастись и мужеством, и терпением, ибо борьба с невежеством есть борьба с хаосом»¹⁸³.

Уже пять веков до нашей эры от Востока раздались благословенные слова: «Невежество есть тяжчайшее преступление»¹⁸⁴. Затем и великие отшельники первых веков христианства заповедали, что «невежество есть ад». Действительно, из этой темной пропасти рождаются все братоубийственные преступления, мир наполняется тою ложью и тьмою, которая способствует самым безобразным, самым жестоким и отвратительным деяниям.

Глотать пищу еще не значит жить. Так же точно быть грамотным еще не значит быть просвещенным. Грамота есть естественное питание, но мы видим, что как пища может быть и полезной, и вредной, так же и значки грамоты могут служить и свету, и тьме. Просвещение и культура будут синонимами. Как в том, так и в другом наименовании заключена готовность к беспредельному познанию. В горниле такого постоянного обновления сознания очищается и сущность человеческая. В этом честном и неограниченном труде знания люди облагораживаются и начинают понимать, что есть служение человечеству и миру. Истинный ученый имеет глаз открытый и мысль нестесненную. Но, как и все в мире, глаз должен быть воспитан, и мысль должна быть воспитана. От первых шагов образования светлое допущение и раскрытие горизонтов должно входить в основу начальной школы. Знание должно быть освобождено от условных рамок. Знание есть путь к радости, но радость есть особая мудрость.

Ученый и художник знают значение слова — вдохновение. Они знают, что есть прозрение, в котором открываются им новые утонченные формы и познаются доселе не замеченные, а может быть, и позабытые высокие энергии. Из далеких веков уже пришло сознание того, что мысль есть энергия, мысль светоносна. Давным-давно некоторые люди знали о том, что мысль может быть внушаема или, вернее, передаваема. Но даже и такая старая истина лишь в самое последнее время, на глазах нынешнего поколения, вошла в обиход ученого мышления. Все мы были свидетелями, как еще совсем недавно невежды глумились над так называемым магнетизмом и гипнотизмом. Доходило до того, что та же сила в разных ее наименованиях воспринималась иначе. Месмеризм¹⁸⁵ был осмеян и осужден, и он же под именем гипнотизма получил некоторое право на существование. Ведь для чего-то некоторые пилюли должны быть позолочены, а склянки лекарств снабжены особыми ярлыками. И можно понять, по каким причинам некоторые

¹⁸³ Цитата из Живой Этики.

¹⁸⁴ «Невежество есть тяжчайшее преступление» — слова Гаутамы Будды.

¹⁸⁵ Месмеризм — медицинская система, предложенная австрийским врачом Ф. Месмером в 2-й половине XVIII века, в основе которой лежит понятие о «животном магнетизме» (аналогичен понятию «биополе»), с помощью которого можно регулировать состояние организма.

химические элементы, теперь вполне признанные, должны были быть прикрываемы алхимиками под названиями орлов, фениксов и другими символами.

Все мы помним, как во время образования профессором Бехтеревым Неврологического института все, кому не лень было, насмехались над его опытами передачи мысли на расстоянии. Широкая известность имени Бехтерева не избавила его не только от насмешек, но даже и от всяких подозрений. Невежды шептали, что не могло же целое учреждение возникать для исследования процессов нервной системы и мысли. Шептали о каких-то политических затеях или о романических увлечениях, и даже о помешательстве Бехтерева. Вот до каких геркулесовых столбов¹⁸⁶ доходили судороги невежества. Помню, как при этих злошептаниях мучительно вспоминалась книга Гастона Тиссандье «Мученики науки». Куда же дальше идти, когда еще на нашем веку некая академия обозвала великого Эдисона шарлатаном за его фонограф, а некие университеты не допускали женщин к высшему образованию. Ведь это было, повторяю, не в средневековье, а на нашем веку. Делалось это не какими-то безграмотными дикарями, но людьми, забронировавшими себя мертвым, официальным ярлыком учености. Не будем перечислять бесконечный ряд истинных мучеников науки, но раз мы упомянули о гонениях на женское образование, то вспомним хотя бы гениальную математичку Софью Ковалевскую, которая не могла поступить ни в один университет, а в то же время удостоивалась мирового признания ее работы по высшей математике. А сколько прекрасных ученых и врачей можно бы припомнить, которые, гонимые их невежественными коллегами, должны были даже покидать свою родину.

Мир гордится великим именем физиолога Павлова, повсюду твердятся формулы его учения о рефлексах и другие его гениальные прозрения. Но даже и эта нобелевски увенчанная всемирная деятельность вызывала в некоторых специфических кругах пожимание плечами. Среди этих пожимателей плечами тоже ищите невежество. Поистине, никакие мундиры, никакие мертвенные, схоластические ярлыки не прикроют человеконенавистничество, зависть и тупую ограниченность. Бороться с безграмотностью куда легче, нежели поразить мрачную гидру человеконенавистничества со всеми ее атрибутами — зависти, сомнения, пошлости, злошептания и тех подпольных кампаний, которые силы мрака умеют так ловко проделывать. Ведь силы зла и с ними силы невежества — позорные синонимы — весьма сплоченны. Из всех чувств — любовь и ненависть являются наиболее объединяющими и сильнейшими.

Конечно, несмотря на все ярые попытки невежества, светлое познание продвигается по всему миру. Вспомним хотя бы недавние сведения, порадовавшие просвещенный мир. Вспомним все замечательные достижения великого биолога Боше о жизни растений. Профессор Комптон заявляет, что мысль человека является самым важным фактором мира. Профессор Метальников дает исследования об иммунитете и о бессмертии одноклеточных. Доктор Котик исследует перенос чувствительности. Профессор Мюнстерского университета В. Стемпель доказывает существование незримых излучений от всех живых существ. Доктор Доблер из Гейлброннского университета утверждает существование еще недавно осмеянных излучений земли и связь их с человеческим магнетизмом. Гарри М. Джонсон, профессор университета Виргинии, делает поучительные заключения о безумии. Доктор Отрман, заведующий метеорологической станцией в Германии, наблюдает влияние атмосферных явлений. Аббат Морэ, французский астроном, делает интереснейшие выводы о солнечных пятнах. Американский биолог Бернард Проктор изучает условия жизни на высотах. Французский ученый доктор Леви Валенс предостерегает об эпидемиях безумия. Доктор Ризе делает опыты над воздействием ритмов. Доктор Бернард Рид, британский ученый, сближает находения древнейшей медицины с современными исследованиями о витаминах.

¹⁸⁶ *Геркулесовы столбы* — древнее название Гибралтарского пролива. Перен.— «дойти до Геркулесовых столбов» — дойти до предела.

Венгерский молодой ученый открывает лучи-невидимки. Всем известны опыты профессоров Ришэ и Жиллэ и выводы сэра Оливера Лодж. Профессор Лейденского университета В. де Хааз исследует абсолютный нуль, доказывая его невозможность. Профессор Харвардского университета доктор Кеннон делает выводы о значении удачи в научных открытиях. Химик Мидглей дает смелый прогноз грядущих открытий. Профессора Харвардского университета Иосиф Раин и Вильям Макдуггал достигают замечательных результатов по передаче мысли на расстоянии. Сколько прекрасных достижений! И так в каждой стране имеются светлые искатели, неутомимо и бесстрашно приоткрывающие завесы знания. И все-таки эти великие люди остаются единицами и вынуждены каждый в своей области, а иногда и в общественном мнении преодолевать незаслуженные затруднения.

Можно привести длиннейший ряд произведенных за последнее время работ, расширяющих условные рамки мышления. Сама природа деятельно приходит на помощь каждому мыслителю. Солнечные пятна, со всеми около них выводами, о которых пишут величайшие авторитеты нашего времени, как профессора Джинс, Аббот и другие, напоминают нам о том, что недалеко время, когда и столь осмеянная астрология окажется не чем иным, как просто формулой астрохимии, и еще одна великая отрасль науки будет освобождена от наветов. И люди поймут, что они живут окруженные великими химизмами и сами представляют из себя утонченнейшую и сильнейшую химическую лабораторию. Все читали о недавно произведенных опытах с химизмом человеческих секретов и излучений из пальцев, причем излучения некоторых людей убивали зловредные бактерии. Так же точно вспомнят и опыты профессора Юревича, подтверждающие, насколько энергия, излучаемая человеком, является проводником и соединителем для иначе не поддающихся сочетанию элементов. И разве не о том же свидетельствовали попытки столь несправедливо преследуемого Килли. Итак, изучение человеческих излучений и психической энергии настоятельно зовет человечество к ближайшим, изумительнейшим достижениям.

Невежды очень любят смеяться над индусскими йогами. Для невежд — хождение по огню, сидение на воде, глотание сильнейших ядов, остановка или ускорение пульса по желанию, погребение заживо и возвращение к жизни через несколько недель — все это лишь ловкие фокусы и шарлатанство. Но вот в весьма позитивном и распространенном журнале «Модерн Ревью» можно прочесть статью с фотографиями о ходящих по огню в Мисоре, о чем журнал сообщает в связи с прогремевшими по всему миру демонстрациями кашмирца Кхуда Букса в Лондоне. Сидение на воде на Ганге было названо шарлатанством, и осторожные люди, даже видевшие это, добавляли: «Не знаем, не было ли какой-то подводной поддержки». Но сейчас английские газеты оповещают о женщине, настолько меняющей свой вес, что подобное проявление на воде для нее вполне доступно, как проявление изменения полярности. По всему миру прошли сообщения о необъяснимых, с точки зрения условной науки, манифестациях баварки Т. Нейман, а сейчас все газеты были полны об удивительном случае с девятилетней девочкой Шанти в Дели. Ряд выдающихся наблюдателей проверили этот замечательный случай.

Из Латвии приходит сведение, описанное в целой брошюре, о необыкновенном случае чтения мыслей восьмилетней девочкой. Недавно зарегистрированы несомненные случаи улавливания радиоволн без аппарата и замечательная способность двух итальянских мальчиков — видеть через стены и другие непроницаемые предметы. Конечно, в средневековье все эти злосчастные, по необыкновенности своей, люди были бы, наверно, сожжены на кострах. Но и в настоящее время человек, улавливающий самосильно радиоволны, все-таки отведал сумасшедший дом.

Не забудем также и замечательные прозрения и яснослышания Жанны д'Арк, спасшие Францию, но за которые невежественные современники возвели ее на костер. И не только сами обладающие необыкновенными способностями, но даже и наблюдатели их подвергаются со стороны невежд и по сие время всяким гонениям. Вспомним

несправедливые насмешки и над Обществом психических исследований. Преследуется каждый зародыш нового беспредрассудочного научного завоевания. Получается необыкновенно уродливое зрелище. С одной стороны,— открываются новые учебные заведения, одним видом своим как бы зовущие для последующих познаний, но с другой стороны,— каждое необычное явление, не вошедшее еще в элементарные учебники, оказывается достойным не только насмешек, но и всяких гонений. Значит, гидра невежества не только в безграмотности, но и в окаменелости восприятий и в человеконенавистничестве.

«Всякое отрицание истины невежественно и вредно не только самому отрицателю, но и пространственно ¹⁸⁷. Противоборство против истины заражает пространство; но бывает еще более отвратительное действие, когда люди, однажды познав истину, потом от нее отступают. Безумно такое отступление во тьму! Можно найти случаи в истории человечества, когда уже постигались частицы Истины, но затем, по причине крайнего невежества, некоторые лжеучителя пытались снова скрыть от народа непреложное положение вещей. Получались акты, которые когда-то будут рассматриваться как позорные страницы истории. При этом не давалось никаких доказательств, но приказывалось отрицать очевидность. Как бы неверие в солнце предписывалось потому, что кто-то, по слабому зрению, не мог взглянуть на солнце. Кто-то, по незнанию и по самости, запрещал и другим знать действительность. Пусть люди припомнят, сколько отступлений во тьму происходило в разные века. Может быть, такие воспоминания подвинут человечество к честности и справедливости» ¹⁸⁸.

Итак, каждый, для кого Просвещение и Культура не пустой звук, должен, в своей области, по мере сил бороться с невежеством. Пусть никто не скажет, что у него нет возможности к тому — это было бы неправдой. Невежество, и явное и тайное, со всей его притворностью и изворотливостью, увы!, существует везде. В каждом обиходе ясный ум может усмотреть, какая пыль и грязь должны быть убраны. И сейчас, когда в мире грохочут пушки и конкурируют ядовитые газы, именно тогда всякая борьба с невежеством будет особенно нужна. Будет нужна оборона всего лучшего, прекрасного и просвещенного.

Если даже кто-то и не преуспее в своих благих попытках, то все же это будут попытки, а не только отвлеченные намерения. Кроме того, в каждой попытке уже есть элемент действительности. Потому каждая попытка уже будет добротворчеством. Наверное, какие-то приспешники невежества будут шептать, что именно теперь неуместны слова о культуре и просвещении. Это их обычная уловка, чтобы в каждый момент человеческой жизни найти причину, почему именно тогда устремление к культуре и к просвещению несвоевременно. Этою своею формулою служители невежества и выдают себя. Ведь именно добро, культура и просвещение всегда своевременны. Не может быть такого человеческого состояния, в котором человекообразие было бы неуместным и несвоевременным. Шептать о такой несвоевременности могло бы лишь человеконенавистничество, которое, во мраке своей берлоги, всегда мечтает обратить род человеческий в чудовищ, взаимно друг друга пожирающих.

Поистине, от мала до велика — каждый может и обязан внести свою лепту в дело борьбы с невежеством. Объединяясь в группы и единолично, каждый может где-то пресечь глумливое чудовище невежества. Каждый труд уже включает в себе попытку к усовершенствованию и к просвещению. Только невежество могло унижать труд, как таковой, и бесстыдно насмехаться над исканиями знания. В справедливом негодовании против каждого проявления невежества, против каждого невежественного отрицания,

¹⁸⁷ ...но и пространственно... — согласно Живой Этике, каждая мысль человека сопровождается соответствующим позитивным или негативным энергетическим излучением в окружающее пространство.

¹⁸⁸ Цитата из Живой Этики.

работник культуры найдет и действенную мысль, и яркое слово, и запечатлеет прекрасным действием победоносный путь просвещения.

Слава поборникам Культуры! Слава труженикам! Слава бесстрашным!

10 июня 1936г.
Урусвати, Гималаи

«Совершенно новое»

«Передача мыслей на расстоянии.— Профессор Харвардского университета Джозеф Райн после четырехлетних опытов заявил себя решительным сторонником возможности передачи мыслей на расстоянии.

Он произвел свыше ста тысяч опытов. В его распоряжении был штат молодых ученых Харвардского университета, и ему содействовал известный американский профессор психологии Вильям Мак Дугал.

Первые опыты Райна свелись к занятиям со студентами, которые угадывали его мысли. Ему удалось отобрать группу из тридцати молодых людей, отличающихся особой телепатической восприимчивостью.

Затем с этой отобранной группой начались систематические опыты, сложность которых повышалась с течением времени. От разгадывания простых мыслей группа перешла к решению разных математических задач по заданиям Райна, таившего их в секрете от студентов.

К первому же периоду опытов относятся совершенные с особой пачкой карт: Райн изготовил пачку из 25 карт с сериями различных рисунков.

Взяв любую из карт, Райн предлагал студенту, сидевшему в соседней комнате, нарисовать на бумаге рисунок этой карты. Когда студенты стали разрешать такой опыт, тогда профессор приступил к следующей серии: он перемешивал карты и раскладывал их на столе, рисунком вниз. Студент из-за двери должен был рассказывать, в каком порядке лежат все карты на столе, и все тридцать человек через короткое время безошибочно стали называть порядок всех 25 карт.

Затем эти же опыты были повторены со студентами, находившимися уже не в соседней комнате, а в другом доме за несколько кварталов. Опыты совершались в присутствии контролера, и никаких трюков быть не могло.

Потом, также на расстоянии, началось чтение мыслей, и дело дошло до того, что поэты, приглашенные Райном в его лабораторию, писали стихи, а студенты в то же самое время, по телефону, с другого конца города, читали их профессору вслух».

Из другого источника сообщают:

«Из Тибета в Берлин вернулся руководитель недавней экспедиции на Гималаи профессор Диренфурт.

«Каждый из участников экспедиции,— говорит он,— все время ощущал на себе влияние какой-то враждебной силы, влияние демона, карающего, по верованиям тамошних жителей, вершины Гималаев и карающего смертью смельчаков, которые дерзают забираться в запретные места».

Далее профессор рассказал о необыкновенной обостренности восприятий жителей Тибета. «Телепатия,— говорит профессор,— так же широко развита в Тибете, как и телефон в Европе. У нас в горах скончался один проводник. Мы послали гонца в его родную деревню. Посыльному пришлось затратить на дорогу двенадцать суток. Но еще до того, как он добрался до деревушки, к нам явился гонец из этой деревушки, вышедший в день смерти носильщика. Он сам сказал, что в деревне знают о смерти односельчанина. Там состоялось уже соответствующее моление, и его прислали сказать нам, чтобы мы похоронили мертвеца в горах».

Жители Гималаев, по словам Диренфурта, путем самовнушения умеют себя согревать в самые сильные морозы. Так, например, они в состоянии спать без одежды в любой мороз на снегу, и им достаточно, чтобы чувствовать тепло, прикрыться одной лишь рубашкой. Температура их тела так высока, что мокрые одежды, которыми их накрывал Диренфурт, через несколько часов совершенно высыхали».

Еще сообщают:

«В шведском сенате недавно был установлен особый электрический аппарат для подсчета голосов. Как только сенатор нажимает зеленую кнопку, на соответствующей доске зажигается зеленая лампочка, означающая «да». Красная означает «нет». Когда происходит голосование, на доске загорается столько огней, сколько сенаторов находятся в зале, механический счетчик производит точный подсчет красных и зеленых огоньков, и на другой доске появляются соответствующие цифры, причем автоматический фотографический аппарат производит моментальный снимок. Фотографии хранятся в архивах как вещественное доказательство голосования. После каждого голосования председатель нажимает на свою кнопку, и все огни на доске гаснут.

Этим усовершенствованным аппаратом шведские сенаторы пользовались с полным доверием в течение некоторого времени. Но вот на днях рассматривался какой-то вопрос, казавшийся почти бесспорным. А между тем на доске загорелось 46 зеленых лампочек и 42 красных. В зале поднялся спор. Председатель сената тогда заявил:

— Наш робот, по-видимому, не в порядке. Может быть, он считает неправильно. Давайте лучше прибегнем к старому способу поименного голосования.

Сенат последовал совету своего председателя, и оказалось, что за резолюцию голосовало 53 человека и 34 против.

Поднят вопрос о проверке всех результатов голосования начиная со дня установки робота. Возможно, что целый ряд законов был принят роботом вопреки желанию парламентариев».

Что же тут нового? Во всех трех сообщениях, казалось бы, нет ничего нового. Уже старо, что робот-машина не заменит человеческий организм. Не ново сообщение о передаче мыслей на расстоянии. Издавна это известно. Так же точно известно и то, что рассказано профессором Диренфуртом. А в то же время радуешься всем таким сообщениям. Для кого-то они очень стары, но и тем повторения такого старого всегда полезны. А другим такие сообщения будут новее нового. И, быть может, впервые заставят подумать о силе мысли.

Многим людям нужно, чтобы сведение произошло от лица с научным дипломом. Тем лучше, если профессора, среди которых столько было неисправимых, узких материалистов, начнут, во имя справедливости, обращать внимание на действительные факты. Опять-таки было бы чрезвычайно полезно, если и читатели таких сообщений не поленятся написать или авторам сообщений, или в редакции газет факты, встреченные в их жизни. Очень просим, не поленитесь добросовестно, хотя бы кратко, сообщать наблюдаемые вами факты. Ведь такими вашими наблюдениями вы можете затронуть внимание самых неожиданно полезных людей. Кроме того, такими наблюдениями и сама механизация жизни станет на должное место.

Не следует отрицать, но всегда нужно соизмерять и прилагать по справедливости. Не забудем, что даже такой большой ум, как Наполеон, не понял и отверг первое предложение парохода и торпеды, ибо не мог понять силы пара. Мало ли ошибок произошло, но из этого не следует, чтобы эти ошибки продолжались и за них пришлось бы стыдиться впоследствии.

Пусть честная действительность, во всем своем богатстве, во всей высоте, будет убедительным руководящим началом.

13 мая 1935 г. Цаган Куре

Следы Мысли

Газета сообщает:

«Двум профессорам Кембриджского университета удалось произвести кинематографический снимок человеческой мысли. Это профессор физиологии Адриан, один из видных членов Королевского ученого общества, и проф. Метиус. Адриан, посвятивший всю свою жизнь изучению тайн нервной системы — в 1932 г. он получил премию Нобеля, а всего несколько дней назад был награжден золотой медалью Королевского ученого общества.

Когда человек сидит спокойно в кресле с закрытыми глазами и мысль его не занята ничем серьезным, тогда его мозговое вещество производит регулярные электрические разряды со скоростью приблизительно десяти разрядов в секунду. При помощи весьма сложных и хитроумных аппаратов и фотоэлектрической камеры проф. Адриану удалось зарегистрировать на кинематографической пленке эти разряды. Он же обнаружил, что лишь только его пациент откроет глаза и начнет сосредоточивать на чем-либо свое внимание, как частота электрических разрядов значительно возрастает и обычно достигает 2000 в секунду.

Ритмические импульсы продолжаются и во время глубокого сна, а равным образом, когда человек (или животное) находится под наркозом. Профессор экспериментальным путем установил тождество колебаний у разных лиц при виде одного и того же предмета или явления. Разные мысли, возникающие в зависимости от зрительных нервов, дают разные изображения на пленке.

Свои опыты проф. Адриан главным образом сосредоточил на той области человеческого мозга, которая ведает зрением. Он установил, что эта область поразительно мала. Да и вообще проф. Адриану удалось при помощи его аппаратов доказать, что большая часть человеческого мозга совершенно не участвует ни в каком умственном процессе.

Свои опыты проф. Адриан довел уже до такой степени совершенства, что он легко теперь превращает фотографический снимок мысли в звуковой и может передавать его во всеуслышание по радио. Во время публичной демонстрации аудитория слышала самые различные звуки в зависимости от того, что появилось перед глазами пациента, сидевшего на эстраде и открывавшего глаза лишь по указаниям профессора».

Итак, нечто вполне естественное и, может быть, давно известное запечатлевается уже и грубыми механическими аппаратами. Задолго до этих механических начертаний замечательный ученый Индии сэр Джагадис Боше в таких же путях исследования запечатлел пульс растений, выявил даже для случайного глаза, как реагируют растения на боль, на свет, как отмечается в пульсе его появление даже малейшего удаленного облачка. В полной графичности на стене отмечалась вся судорога смерти растения, отравленного или пронзенного. Тут же отмечалось и воздействие человеческой энергии на жизнь тех самых растений, которые еще недавно, даже в глазах цивилизованных людей, были лишь низшими, мертвыми отростками.

В движении иглы, отмечающей пульс растения, можно наблюдать и воздействие человеческой энергии мысли. Мысль добрая, мысль сочувствия могла ограждать растение от действий яда. Так же точно мысль злобная усилит смертельное воздействие. Если бы поскорей, как можно скорей даже в непросвещенных массах человечества зародилось сознание о значении и мощи мысли! Смешно и унижительно подвергать высокие наблюдения над мыслью действию грубых механических аппаратов. Но для сознания грубого нужны такие же меры воздействия. Одно осознание значения мысли уже значительно преобразит земное существование.

В области телевидения чисто внешне механически происходят крупные усовершенствования. Только что было сообщено, что даже в течение наступившего года эта передача зримости на расстоянии получит новые возможности. Вполне вероятно, ибо

раз произошло вступление в этом направлении, то следствия несомненно будут накапливаться в кратчайшие сроки. Постепенно и на телевидении будет наблюден отражение качества мысли, если это касалось человеческих изображений.

Даже некоторые наблюдательные фотографы отмечают, что разница в снимках зависит не только от чисто внешних условий, но и от каких-то внутренних состояний объекта. И в этом случае мы так же точно подходим к рассуждению об отражении мысли.

Рассуждения о гипнотизме и внушении, то есть о тренированных способах воздействия, уже становятся общим местом. Но ограниченное сознание все-таки слабо допускает, что не только в тренированных мысленных воздействиях, но решительно во всем, при более или менее ясном мышлении, происходят мощные воздействия на окружающее.

Это соображение еще раз напомнит и об идее ответственности, о которой мы имели и в недавнем прошлом несколько напоминаний. Какая величавая красота заключается в идее ответственности и служении. И нет такой точки в мире, где бы человек не подлежал этим двум высоким назначениям.

Когда мы вызываем из пространства слова и звуки, разве не идут с ними и все сопровождающие свойства энергии мысли? На огромнейших расстояниях ясно звучит человеческий голос, посланный мыслью.

Несомненно, через все эти огромные пространства вместе со внешним звуком протягиваются и внутренние струны мощнейшей энергии. Кто-то их почувствует очень ясно, кто-то, даже и чувствуя их, будет пытаться отрицать. В таком отрицании опять же будет значительный элемент страха. Ведь боязливое сознание содрогается от одного намека, что оно окружено какими-то энергиями, воздействиями. Именно то, что, казалось бы, должно окрылять людей, то самое повергает слабовольных в ужас. Именно в ужас, который является следствием чего-то неопределенного, хаотического. Но ужасом не спастись от хаоса. Ужас и есть врата к нему.

Прекрасно, облекшись во все мужество, признать величие мысли и всех приводимых ею в действие энергий. Хотя бы мерами механическими, все же пусть спешно подходят люди к мысли о мысли во всем ее мощном значении. И вместо хаотического ужаса многие, казалось бы, так несложные проблемы жизни просветляются от одного осознания всех возможностей мысли. Недаром говорится: «Совершай не только телом, но и мыслью».

Разве не увлекательно: «мыслить в Беспредельности?!»

12 января 1936 г.

Пекин

Свет опознанный

Не угасал свет. Всегда напоминали о себе излучения и сияния, и земные, и надземные. Люди ходили к врачам, прося прекратить такие непрошеные прозрения. Потребовались многие усилия, чтобы даже грубые аппараты оправдали дар человеческого зрения.

Когда люди уверяли, что они видят свет, их оговаривали. Называли выдумщиками. Впрочем, каждый близорукий не верит дальнотворному. Излучения человеческого тела отвергались и относились в область мистики или приписывались испорченному зрению.

К древнему знанию, к тому же издревле опознанному, проторились новые пути. Поверх всех изуверских запретов вдумчивые наблюдатели усмотрели убедительные показания.

«В германском медицинском журнале «Фортшритте дер медицин» помещена обстоятельная статья проф. Пауля Добнера об излучениях человеческого тела. Профессор Добнер нашел реактив, позволяющий установить, хотя и косвенным путем, наличие

человеческого излучения. Это обыкновенная алюминиевая пластинка. Алюминий обладает радиоактивными свойствами, и пластинка этого металла, приведенная в соприкосновение с фотографической пленкой, чернит ее, как если бы она светилась. Профессор Добнер установил, что человеческие излучения обладают способностью усиливать на короткое время радиоактивность алюминия: если алюминиевую пластинку положить сначала на руку, а затем — на фотографический слой, то она зачернит его гораздо интенсивнее, чем пластинка из того же металла, этой предварительной операции не подвергнутая.

По степени затемнения можно судить об интенсивности ауры той части человеческого тела, с которой алюминиевая пленка находилась в соприкосновении. Профессор Добнер установил, что поток человеческих излучений сильнее всего — на кончиках человеческих пальцев и непосредственно перед глазами. Это совпадает с теорией магнитных «флюидов», истекающих именно из пальцев и глаз магнетизера. Другое важное обстоятельство обнаружено профессором Добнером: «Характер излучений человеческого тела зависит от состояния крови. При болезнях крови интенсивность излучения тела падает, а у раковых больных аура совершенно исчезает.

У здорового человека аура распространяется на расстояние до 40 сантиметров вокруг тела».

Уже не открытие, но подтверждение. Но ведь свидетельства нужны. Сколько неведомых слушателей поблагодарят за подтверждение того, что они давно утверждали, за что переносили насмешки и глумления. Еще врач говорит:

«Громадное влияние имели на медицину идеи Гиппократы, господствовавшие в ней на протяжении чуть ли не целых двух тысячелетий.

Медицина, как научная дисциплина в современном смысле, создалась лишь во второй половине прошлого века в связи с изучением анатомии и появлением наук физиологии и биологии.

Только тогда, когда стали известны причины тех или иных болезней, борьба с ними стала действительно на научную почву, и медицина вышла из тех потемок, в которых она пребывала на протяжении почти всей ее истории, особенно в эпоху средневековья, когда главными методами лечения были молитвы и заклинания тех злых и нечистых духов, которые считались возбудителями различных заболеваний».

Подчеркнув неизбежность основной идеи Гиппократы, высказанной более 2000 лет тому назад, что человеческий организм сам стремится излечивать себя от тех или иных болезней, докладчик указал, что роль медицины сводится к помощи организму в этой борьбе, причем эта помощь должна оказываться не тому или другому заболевшему органу, а всему организму в целом, и в этом отношении громадное значение в медицине имеют психологические факторы — вера пациента в искусство врача, в знания последнего».

Правильно замечает врач о глубоком значении в медицине факторов психологических. Сколько раз приходилось слышать от мудрых врачей замечания при счастливом исходе лечения: «Вы сами помогли мне вас вылечить».

В этом имеется в виду и притяжение, и отталкивание, магнетические токи и лучи, а в конце концов все, что входит в понятие того же света. С разными намерениями люди подходят все к тому же самому, глубоко основному, которое пропитало и связывает сущее.

В Парижской обсерватории производятся в настоящее время опыты соноризации звездного неба. Как известно, всякий световой луч можно превратить при помощи так называемой фотоэлектрической клетки в звук — и обратно. На этом основан говорящий кинематограф. Свет небесного тела, уловленный в телескоп и направленный на фотоэлектрическую установку, дает определенный звук: звезда в буквальном смысле слова поет.

Из всех перепробованных звезд наиболее мелодичный звук дает Вега. Свету, из

которого этот звук рождается, нужно 27 лет, чтобы дойти до Земли.

Конечно, цвет и звук неразделимы. Конечно, звучание светил небесных должно обратить мысль к величайшим осознаниям. Язык звучания и иероглиф света неисчислимы в пространстве. Когда предлагается мыслить о дальних мирах, ведь не только об астрономических проблемах предполагается. Какие великие расширения сознания зазвучат и засияют. Даже, можно сказать, грубыми способами уже опознано, что пораженный болезнью организм не излучает свет. То же можно наблюдать не только при болезни, но при всяких других омрачениях злобы, при гневe или раздражении, или при унынии. Все это известно со времен древнейших. В прекрасных выражениях много раз это произнесено лучшими мыслителями.

Поэтому, собственно, и открытия того, что давно известно, быть не может, но зато может быть опознание не всеми рассмотренного. И за это опознание нужно быть глубоко благодарными ученым. Они в выражениях современных, в пределах общепризнанной очевидности, вводят в широкие массы соображения глубокого значения. Если люди подумают еще и еще раз о свете и звуке, если они услышат звучания светлые, они подвинутся по пути расширения сознания. Не простое накопление сведений, но расширение мирозерцания и устремление к наивысшему выведет людей из бездны быта.

Запах кухни заменится высокими пространственными ароматами. Вместо закоптелого огарка чаще засверкают сияния света нездешнего. И тишина зазвучит. Все это, и высокое, и безбрежное, и неисчислимое, удержит человечество от постыдных отрицаний и приведет к высокому созданию благоволения.

Как это нужно!

5 марта 1935 г.
Пекин

Потустороннее

Многие знали леди Диен Польш, талантливую композиторшу, очень сердечную и культурную. Но немногие знали, что всю свою жизнь она ближайшим образом соприкасалась с потусторонним миром. При этом она вовсе не искала таких общений. Какими-то судьбами, какими-то особыми свойствами она постоянно видела невидимый для прочих тонкий мир.

Не забуду, как мы возвращались после открытия моей выставки в Брайтоне, и леди Диен Польш тут же, в вагоне, имела горячий спор с П. Н. Милюковым¹⁸⁹. П. Н., как завзятый материалист, всячески доказывал ей, что все ее видения не что иное, как ею же самой вызванные галлюцинации. На это леди Диен Польш, грустно улыбаясь, возражала, что ей вовсе не хочется их видеть, она продолжает видеть многие обстоятельства прошлых времен в точнейшей реальности.

Из ее рассказов вспоминается, например, характерный эпизод во вновь нанятой вилле. Леди Диен Польш, зная, что в особо нажитых местах тем более возможны всякие материализации, всегда старалась выбирать дома новые, только что отстроенные, где никто еще не жил. Так было и в этом случае. Вилла была только что построена, и, по словам владелицы, никто там еще не жил. В первую же ночь Д. П. почувствовала, что рядом с нею на постели лежит мертвое тело. Затем она увидела, что из занимаемой ею комнаты выносят гроб, который с трудом продвигается в дверях и оставляет на двери глубокую царапину. Вставши утром после такой неприятной ночи, Д. П. прежде всего осмотрела дверь и, к своему ужасу, нашла именно ту глубоко вдавленную царапину,

¹⁸⁹ Милюков Павел Николаевич (1859—1943) — русский политический деятель, историк, публицист. Один из организаторов партии кадетов. В 1917 году министр иностранных дел Временного правительства первого состава.

происхождение которой она так реально видела ночью.

Призванная хозяйка сообразила, что в этой комнате действительно умерла женщина, жившая там всего два дня.

В другом случае Д. П., тоже переехав на новую квартиру, ожидала вновь рекомендованную прислугу. Проснулась очень рано и, к удивлению своему, увиделадвигающуюся по комнате опрятно одетую приветливую старушку. Д. П. почему-то подумала, не новая ли это прислуга, и лишь удивилась, как она могла попасть к ней в спальню так рано. В это время старушка подошла к камину, на котором были расставлены какие-то старые портреты, и начала пристально их рассматривать. А затем, к удивлению Д. П., она как-то точно подскочила и, постепенно поднимаясь к потолку, исчезла. Только тогда Д. П. догадалась, что это была вовсе не прислуга.

Также однажды, проснувшись ночью, как бы от толчка, Д. П. увидела сидящего у нее на постели мужчину, как она говорила, неприятнейшего разбойничьего облика. Посетитель долго пристально смотрел на нее, а затем постепенно исчез.

Множество всяких таких появлений, как в ночное, так и в дневное время, иногда прямо приводило в отчаяние Д. П. Она искренно восклицала: «Ведь не хочу же их видеть! И почему все другие мои друзья ничего подобного не видят, а я зачем-то должна встречать всех этих непрошенных гостей?!»

При этом бывало, что ее непрошенные гости переставляли какие-либо предметы, причем посторонние присутствующие видели движение предмета, но причина этого им была незрима.

Особенно много подобных сообщений обнаруживалось в связи с прошлой войною. Так, например, убитый на английском фронте сын В. Жареновой, явившись матери, сообщил место и обстоятельства своей смерти. Генеральный штаб отрицал возможность этого, дав сведение, что в указанном месте было непроходимое болото. Но через несколько месяцев приехавший друг покойного восстановил истину. Оказалось, что для сокращения сообщений через это болото была устроена гать.

Также один наш американский друг рассказывал, как под Верденом, идя на смену караула, они встретили караул, который должны были сменить, уже в пути. Вся команда не только видела этот взвод, но и безуспешно пыталась окликнуть его. Подойдя к посту, они заметили безмолвно стоявшего часового, а когда дотронулись до него, то оказалось, что это был труп. Выяснилось, что весь взвод был уничтожен неожиданным налетом германцев.

О всяких таких одиночных и массовых явлениях можно составить целые длинные записки. То же самое можно слышать и на Востоке, в Китае, Монголии, Афганистане, где с определенными местами связаны разные боевые поверья. О предметах, передвигающихся без видимой причины, можно слышать от вполне достоверных людей.

Перед нами лежат фотографии миссис Ф. с необычайно реальными отображениями тонкого мира. Снимки удались без особого на то желания. О. Солнцев в Сердоболе¹⁹⁰ рассказывал несколько необычайно ярких видений, бывших ему. Так, например, один уже тяжело больной гардемарин обещал ему явиться и оповестить о своей смерти. Прошло несколько месяцев. Однажды вечером, когда О. Солнцев занимался у своего стола, он услышал за спиною звук открывавшейся двери. Обернувшись, он увидел своего молодого друга, но уже в мичманском мундире, чему и удивился. Тот поклонился ему и затем как бы вышел за дверь. Затем узналось, что действительно гардемарин в это время скончался, а производство в мичманы пришло уже после его смерти, а потому он был положен в гроб в офицерском мундире.

Такой же случай передавала бабушка Е. И.¹⁹¹, когда по уговору с нею один

¹⁹⁰ *Сердоболь* — название карельского города Сортавала до 1917 года, неподалеку от которого семья Рериха жила в 1916—1919 годах.

¹⁹¹ *Е. И.* — Елена Ивановна Рерих.

студент, также умерший в туберкулезе, явился к ней, и она даже беседовала с ним. Эту беседу слышали находившиеся рядом в комнате. Скончавшийся в прошлом году в Париже отец Георгий Спасский также не однажды испытал самые необычайные явления.

Особенно ценны сообщения людей, вполне уравновешенных, которые могут спокойно и сознательно оценивать виденные ими обстоятельства. Конечно, можно слышать множества истерических, а иногда и не совсем добросовестных повествований, но такие сообщения, конечно, уже будут совершенно в другом разряде. Как и во всем, нужна простота, непосредственность, точность, словом, все то, что включается в понятие честности. Особенно же ценно, когда видевшие что-либо не стараются приписать это прежде всего своим каким-то чрезвычайным особенностям, а просто устанавливают факт во всем его окружении. Если грубая фильма может запечатлеть тонкие формы, то насколько больше может, при известных условиях, воспринимать их человеческое сознание.

15 февраля 1935 г.
Пекин

Особенное

Лето 1930 года мы с Юрием проводили в Париже, на авеню Камонс. Была большая квартира с длинными темными коридорами. Дом старый, но подновленный. Прислуга испанка уверяла, что она слышит в коридорах какие-то странные шумы, но мы не обращали внимания на ее заявления. Однажды около полуночи Юрий проходил по коридору и услышал совершенно явственно, что перед ним кто-то шел, как бы шаркая туфлями по полу. Другой раз рано утром Юрий проснулся, точно разбуженный, и увидел около постели падающий горящий дирижабль. Юрий разбудил меня, говоря, не произошло ли где несчастья? В то же время погиб в Бельгии дирижабль, летевший из Лондона в Индию. Но самое поразительное явление в этом доме было с черной кошкой. В восемь часов утра я вышел в столовую, где уже был накрыт стол для кофе. Столовая имела одну дверь и против нее большое венецианское окно, тогда запертое. На белой скатерти стола сидела большая черная кошка с голубой ленточкой на шее и пристально смотрела на меня яркими желтыми глазами. Мы все кошек не любим. Далекий от всяких потусторонних мыслей, я обернулся к Юрию, который был тогда в спальне, и сказал: «Какая гадость, кошка забралась», — и тотчас опять посмотрел на стол, но там никакой кошки не было. Мы осмотрели всю комнату, в которой, кроме буфета и стульев, ничего не стояло. Спросили прислугу, которая в то время несла кофе, но ни она, ни консьержка о такой черной кошке никогда и не слышали. Так мы о нашей «гостье» больше ничего и не узнали. Правда, именно на этом месте всегда сидела некая дама, которая впоследствии обнаружила все свойства черной кошки с желтыми злыми глазами. Не была ли кошка предупреждением? Сколько таких эпизодов можно записать. Однажды сенатора Кони спросили, не бывало ли с ним чего-либо необычного, необъяснимого? Он задумался, а затем улыбнулся и сказал: «Все-таки был один такой случай». Оказывается, Кони имел тайное расположение к одной особе. Но о своем чувстве он никому никогда не говорил. Уже после смерти этой особы, в один из памятных ее дней, посыльный принес объемистую посылку, которая оказалась мраморным бюстом этой особы. Откуда? Кто послал? Почему? Кони никогда не узнал. Да, бывают такие посылки. И Е. И., и Юрий, и Святослав¹⁹² знают, как из парижского банка приходит повестка о посылке. Много надземного и среди земной жизни.

1938 г.

¹⁹² Святослав — С. Н. Рерих, младший сын Н. К. Рериха.

Знак Эры

Мы любим ту жизнь, которая нам являет себя на земле, оттого, что мы о другой ничего не знаем.

Еврипид

Институт психосинтеза в Риме под руководством доктора Роберта Ассагиоли. Институты парапсихологии в Германии. Институты метапсихические во Франции. Курсы психологии в Дьюк-университете под руководством профессора Раина в Новой Каролине. Неврологический институт в России. Физиологический институт имени Павлова. Курсы психологии в Цюрихе профессора Юнга. Институт Эранос в Асконе, в Швейцарии. Институт исследований эволюционной биологии в Лондоне. Интереснейшие исследования Лэстер-института в Лондоне. Опыты исландского профессора Колмана по фотографии мысли. Специальная кафедра психических исследований в Стокгольмском университете. Многие, разбросанные по различным странам, Общества психических исследований. Можно перечислять без конца подобные очаги живой мысли, стремящейся познать новые пределы науки. Пусть эти светлые достижения еще далеко не объединены и часто находятся под давлением всяких условных перегородок. Все же каждый непредубежденный наблюдатель может убедиться, насколько за последнее время, как истинные знаки эпохи, расширяются пути освобожденной науки.

В океане печатного материала трудно охватить количественное и качественное определение происходящего. К тому же и не все пути сообщения доступны самоотверженным работникам, в большинстве случаев не обладающим средствами. Иногда средства приходят только в случае очевидной утилитарности опытов. Как в средневековье легче всего находились средства на производство золота из непомноженных металлов, так же и великая руководящая мощь мысли сейчас все еще с трудом укладывается в рамки утилитарно-механического мышления.

Конечно, как всегда, полезны всякие съезды, общения, переписки, но и в этом остается столько недомолвок или недоумений, что уже предсужденные выводы опять замедляются. Но все же ясно одно, что так называемое одухотворение науки постепенно укрепляется повсеместно. Выкрики невежественных критиков и всяких против знания злоумышленников остаются отчужденными в своей злобной разрушительности. Правда, эти разрушительные громы невежества все еще оглушительны, но в общественном мнении все-таки просыпается настойчивое желание борьбы с невежеством. В энциклопедиях можно находить поучительные примеры, как еще недавние суровые осуждения трудов смелых искателей уже сменяются более осторожными суждениями. Итак, все поборники знания, готовые для борьбы с невежеством во всех его проявлениях, могут составлять поучительные и ободряющие списки всего благодетельного, что уже делается сейчас.

Все же борьба с невежеством неотложна. Никто не должен успокаивать себя тем, что уже достаточно знания. В беспредельности познание никогда не достаточно. Чем больше будет попыток к познанию, тем сильнее и отвратительнее будут судороги невежества. Ведь и Парацельс, так оцененный сейчас, в свое время был убит завистниками, не перенесшими его достижений. Еще на нашем веку великий Менделеев не был избран в Академию наук. Не уменьшается число примеров, когда истинные находения бывают оценены далеко от места их зарождения. Вспоминаю замечательные слова Рабиндраната Тагора, произнесенные им после получения Нобелевской премии. Великий мыслитель сказал одной депутации, пришедшей к нему с поздравлением: «Почему вы поздравляете теперь, а не раньше?» В копилке жизни можно находить множество таких примеров, которые в просторах Культуры совершенно неуместны и в ближайшей эволюции не должны быть повторяемы. Организованная борьба с

невежеством, самоотверженный поход за культуру, оборона знания от всех разлагающих попыток — все это должно стать знаменательной печатью века. Мощь мысли! Осознание психической энергии!

«Каждое познавательное движение встретим дружелюбно. Найдем силы отрешиться от личных привычек и суеверий. Не будем думать, что легко оборотить атавизм, ибо наслоения физические несут в себе предрассудки многих веков. Но если твердо осознаем тягость таких отложений, то уже один из самых трудных затворов будет открыт. За ним отопрется и следующий, когда поймем, зачем должны приложить в земном мире все действие. Только таким путем дойдем и до третьего входа, где поймем сокровище вверенной людям основной энергии. Кто научит признать ее, тот будет истинным наставником. Не доходит человек до понимания своей мощи без руководителя. Много всевозможных уловок таится на пути человека. Каждая приютившаяся явленная ехидна надеется скрыть от человека самое драгоценное. Он, как путник заблудившийся, не знает, в какой стихии искать преуспевания, но сокровище в нем самом. Мудрость всех веков указывает: «Познай самого себя». В таком совете обращено внимание на самое сокровенное, которому суждено стать явным. Огненная мощь, временно названная психической энергией, даст человеку путь к счастью будущего. Не будем надеяться, что люди легко признают свое достояние, они изобретут все доводы, чтобы опорочить каждое нахождение энергии. Они обойдут молчанием сужденное качество своего продвижения, но тем не менее путь един»¹⁹³.

Никогда не откажемся, что мы с большим увлечением следим за достижениями науки. Будь то в Обществе психических исследований, или в Дьюк-университете, по передаче мысли, или в случае замечательной девочки в Дели, или в деле фотографирования Мира Невидимого — решительно во всех проявлениях познания каждый культурный человек должен быть доброжелательно открыт. Записной лист «Борьба с невежеством»¹⁹⁴ написан, точно бы отвечая на некультурные злоумышления. Как Общество психических исследований, так и спиритуализм в его высоких проявлениях, так и все опыты над психической энергией должны быть встречаемы доброжелательно и вызывать тщательнейшее научное исследование.

Только невежды не знают, сколько полезнейших институтов и университетских курсов по изучению психических явлений открыто во многих странах за последнее время. Только невежды не хотят знать, сколько научных книг выдающихся ученых, например Алекс. Карель (работавшего с Линдбергом), издано в последние годы. Итак, пусть каждая некультурная атака на познание встречает четкий, обоснованный отпор, чтобы безумные воинствующие невежды садились в ту лужу, которую они заслуживают. Пусть невежды будут выявлены самым ярким способом.

Мы всегда останемся доброжелателями всех искренних познавателей. И теософы, и психические исследователи, и спиритуалисты, и физиологи, к какому бы лагерю они ни принадлежали, являются пионерами науки грядущего. Психические явления, сила мысли, как основа человеческого творчества и прогресса, найдут себе заслуженное место в достижениях эволюции. «Изучай все окружающее». «Познавай без утомления». «Сердце есть бездна». «Крылатая мысль».

Множество ободрительных призывов несется из глубины веков. Человеческий кооператив получает поддержку из всех твердынь и древнего, и нового познания.

«Изучение прогрессии коллективной энергии может доказать, что единение — не только нравственное понятие, но и мощный психический двигатель. Когда твердим о единении, мы хотим внушить сознание великой силы, находящейся в распоряжении каждого человека. Невозможно представить неопытному исследователю, насколько возрастает собирательная энергия. К такому проявлению надлежит подготовить сознание.

¹⁹³ Цитата из Живой Этики.

¹⁹⁴ «Борьба с невежеством» — статья Н. К. Рериха.

Удача опыта зависит от устремления всех участников. Если хотя бы один не пожелает участвовать всем сердцем, то лучше и не приступать к опыту. Уже в древности знали мощь объединенной силы. Одиночные наблюдения иногда объединялись в общие исследования, получалась целая цепь, и наблюдатели полагали руку на плечо предыдущего. Можно было видеть необычные колебания энергии; при согласованном устремлении получалась напряженная сила. Таким образом, когда говорю о единении, имею в виду реальную силу. Пусть запомнят все, кому нужно запоминать»¹⁹⁵.

«Психическая энергия в древности иногда называлась воздухом сердца. Этим хотели сказать, что сердце живет психической энергией. Действительно, как без воздуха человек не может прожить долго, так и сердце отходит от жизни без психической энергии. Многие старинные определения должны быть пересмотрены доброжелательно. Люди давно замечали явление, которое теперь остается в небрежении».

«Намагничивание воды, поставленной около спящего человека, уже будет показателем выделения его излучений и отложением силы на предметах. Следует весьма внимательно отмечать такие отложения, они могут напомнить об обязанности человека наполнять окружающее прекрасными отложениями. Каждый сон — не только наука для тонкого тела, но и рассадник психических отложений».

«Также показательны опыты над распространением силы отложений. Можно заметить, что энергия испаряется в разной степени. Некоторые сильные излучения могут действовать несравнимо дальше, если они будут посланы чистым мышлением. Итак, чистое мышление тоже не есть лишь нравственное понятие, но реальное умножение силы. Умение воспринять значение нравственных понятий относится к области науки. Нельзя легкомысленно делить науку на материальную и духовную — граница будет несуществующей».

«Наблюдения следует вести не только над согласованными привходящими, но также и над разъединяющими проявлениями. Опыт ценен разносторонний. Невозможно предрешишь при начале исследования, какие именно ингредиенты потребуются для усиления следствия. Можно призвать сотрудничество самых неожиданных предметов, ибо свойства тончайших энергий не могут быть ограничены. Такая беспредельность возможностей нисколько не нарушает научности исследования. Можно применить индивидуальные методы и такие новые проявления мужественно принять. Никто не может указать, где кончается мощь человека. При этом не сверхчеловек, но именно самый здоровый человек может окрылиться счастливым достижением. В каждом обиходе может быть изучаема психическая энергия. Не нужно особых, дорогих лабораторий, чтобы воспитывать сознание. Каждый век несет свою весть человечеству. Психическая энергия имеет назначение помочь человечеству среди нерешимых для него проблем».

«Умейте терпеливо наблюдать, какие условия наиболее благоприятствуют опыту. Могут быть условия космические или на яркую световую окраску, или на минералы, или на явления животных. Можно наблюдать, как присутствие человека в соседней комнате может воздействовать на ток энергии. Ведь человек не дает себе отчета, как он настроен в данное время. Можно наблюдать, что человек будет утверждать наилучшее свое настроение, но аппарат покажет раздражение или другие нехорошие чувства. Не из лжи человек будет скрывать внутреннее чувство, но чаще всего от неумения распознать свои ощущения».

«Кроме исследований психической энергии на цвет испытывайте ее на звук и аромат. Можно получить показательные воздействия музыки, при этом замечайте и расстояние, и самые музыкальные гармонии. Много говорят о воздействии музыки на людей, но показательных опытов почти не производят. Можно заметить воздействие музыки на настроение человека, но это будет общим местом. Конечно, предполагается, что веселая музыка сообщает радость, а печальная — горе, но таких выводов недостаточно. Можно проверить, какая гармония наиболее близка психической энергии

¹⁹⁵ Выдержки из книг Живой Этики.

человека. Какая симфония может наиболее мощно влиять на успокоение или на вдохновение людей. Нужно испытывать различные музыкальные произведения. Само качество гармонизации даст лучшие указания о путях звука и жизни человека. Также необходимо исследовать влияние ароматов. Нужно приближать как цветы пахучие, так и разные составы, которые должны возбуждать или понижать психическую энергию. В конце концов, можно соединить цвет, звук и аромат и наблюдать сотрудничество всех трех двигателей».

«Люди, наконец, поймут, какие мощные воздействия их окружают. Они познают, что весь обиход их жизни проявляет великое воздействие на их судьбу. Люди научатся внимательно относиться к каждому предмету. Они окружают себя истинными друзьями и уберегутся от разрушительных влияний. Так спасительная энергия поможет в переустройстве жизни».

«Обычно самому главному уделяют наименьшее внимание. Но мы не устанем твердить о том, что неотложно нужно человечеству. Среди таких кажущихся повторений мы утвердим желание познания. Люди слишком привыкли, что за них кто-то думает и что мир обязан взять их на попечение. Но каждый должен внести свое сотрудничество. Умение приложить свою психическую энергию будет постепенным воспитанием сознания».

В семье, в школах, в общественной жизни будет утверждаться познание энергий. Искусство мышления во всей красоте опять делается любимым спортом, истинными крыльями человечества.

14 июня 1936 г.

Урусвати

Сожжение тьмы

Привет молодым

Итак, не устанем мы повторять, что в основе существования лежит творящая мысль. Жизненно осознаем глубокое значение ритма как внутреннее динамо нашей работы. Будем помнить завет Света, что, прежде всего, самое важное для нас будет дух и творчество, затем идет здоровье и лишь на третьем месте — богатство. Если же вползающая Тьма начнет шептать нам сладким голосом: «Прежде всего богатство, затем тело и здоровье, а как последнее творчество и дух», тогда скажем мы: «Знаем тебя, переодевшийся гомункул! Опять ты вполз! Ты воспользовался незапертой дверью, куда привратник ушел на время обеда. Ты опять надеялся на человеческую слабость, на людское непостоянство и опять ты мечтал оживить семена предательства. Но как бы ты ни переодевался, мы распознаем тебя. Со своими материалистическими переоценками ценностей ты открыл себя и свое разлагающее влияние. Но будущая эволюция не построится на твоих основаниях, гомункул! Напрасно стараешься; твой маскарад тебе не поможет! Твердо мы знаем, что лишь ценности духа и творчества лежат в основе Бытия. Только эти ценности будут спасением человечества».

Зорко проникая в законы, ведущие человечество, мы всюду замечаем спасительные искры. Обратите внимание, гомункулы, как прототипы предательского Миме, мечтавшего уничтожить героя Зигфрида ¹⁹⁶, всегда так или иначе выдают свои тайные умыслы. Вы, конечно, помните, как сладко успокаивал Миме настороженность Зигфрида. Как сладко шептал Миме: «Я и поил, я и кормил тебя». Он даже говорил Зигфриду о геройском подвиге, конечно, с единственной целью, чтобы воспользоваться следствиями гигантского задания, когда Зигфрид погибнет от его предательства. Но, по чудесному закону, Миме начинает говорить не то, что хотел бы произнести, но то, что он думает.

¹⁹⁶ *Зигфрид* — герой германо-скандинавской мифологии и эпоса.

Истинно, устремляя внимание, вы всегда различите настоящие формулы гомункула, рано или поздно он произнесет их в вашем присутствии. Обостряйте ваше внимание, а для этого простейшими способами научайтесь углублять ваше сосредоточение. Также будьте всегда подвижны, чтобы в нужное мгновение не оказаться затемненными какими-нибудь туманными, жалкими мыслями. Сказано, что преступник всегда бывает привлечен на место своего преступления и тем выдает себя. Так же и гомункул выдаст себя, ибо все, что стремится к разложению, будет позорно выявлено. Гомункул боится будущего так же точно, как некоторые люди становятся атеистами только для того, чтобы отогнать мысли о будущем.

Идея «Духа Ведущего», идея «Высокого Водительства» проходит через все века, ибо в ней заключен противовес Тьме гомункула. Начав с обращения к выявленному гомункулу, мы вспомним некоторые заветы великого Света, которые твердо и вечно ведут мятущееся человечество.

Вот что заповедано Восточною Мудростью ¹⁹⁷.

«При сооружении утвержденных начинаний нужно помнить, что построение всегда идет вверх. При построении (Именем Владыки) есть один лишь путь, который приводит к Творящему Источнику, путь мощной Иерархии, путь мощного Водительства Великого Служения. Потому прикосновение к творческому принципу устремляет дух к утвержденному закону Иерархии. Каждое строение требует осознания устремления вверх. Потому только закон послушания Иерархии может дать законное напряжение. Только так можно осознать путь, ведущий к мощной Беспредельности».

«Как же утвердиться в Учении? Как же приблизиться к высшему закону Иерархии? Только утончением мышления и расширением сознания. Как можно вместить Указ Свыше, если нет утверждения соответствия? Ведь нужно суметь принять ширь Учения. Ведь только соответствие может позволить наполнение сосуда. Потому явление широты достойно широкого сознания. На пути к Нам можно достигать только Иерархией».

«В религиях введены телодвижения и положения тела, способствующие нагнетению энергии и устремляющие к Высшему. У Нас, конечно, можно преуспеть без утомительных движений наполнением сердца. Кто преуспел этим путем, тот имеет преимущество, ибо не престанет источник сердца. Лик Владыки, введенный в сердце, не потускнеет и в любой час готов на помощь. Этот путь сердца самый древний, но нуждается в значительном расширении сознания. Нельзя говорить о сердце с первой беседы, иначе можно без цели перегрузить его. Также бесцельно говорить о любви, если сердце еще не вместило Образ Владыки. Но приходит час, когда нужно указать на мощь сердца. Советую обратиться к сердцу не только потому, что Образ Владыки уже близок, но по космическим причинам. Легче переходить через пропасть, если крепка связь с Владыкою».

«Так нелегко быть без Владыки. Не устами только повторяйте Имя Владыки, но вращайте его в сердце, и не выйдет Он оттуда, как камень, вточенный горною водою в расселину. У Нас называется «Cor Reale», когда Царь Сердца входит в чертог сужденный. Нужно оборониться Владыкою!»

«Вездесущий огонь насыщает каждое жизненное проявление. Вездесущий огонь напрягает каждое действие. Вездесущий огонь устремляет каждое стремление, каждое начинание, потому как же не проникнуться ведущим огнем? Космическая мощь, которая заложена в каждом импульсе человека и творческой силе, направлена к сознательному созиданию. Как нужно бережно собирать эти тождественные энергии для созидания лучшего будущего! Ведь только сознательное отношение к овладению силою соизмеримости может явить творчество, достойное лучшей ступени. Потому каждый на пути к Нам должен устремиться к созиданию, сознательно направляя свои распознавания».

«Как важно сохранять огонь импульса! Без этого двигателя нельзя насыщать

¹⁹⁷ Выдержки из книг Живой Этики.

начинание лучшими возможностями. Силы, прилагаемые к начинанию, умножаются огнем импульса. Потому так необходимо устремление к умножению данных сил Первоисточника. Во всех построениях нужно соблюдать стройность и соизмеримость, потому для насыщения наших начинаний нужно соизмерять данное с приложенными мерами. Огонь и импульс поддерживают жизнь в каждом начинании. Без этого начинание теряет свою жизненность. Так устремимся к утвержденному огню, данному Владыкою! Так можно достичь насыщения огненного».

«При посадке на корабль у путника украли кошелек с золотом. Все возмутились, но пострадавший улыбнулся и твердил: «Кто знает?» Сделалась буря и корабль погиб. Лишь один наш путник был выброшен на берег. Когда островитяне считали его спасение чудом, он опять улыбнулся и сказал: «Просто я заплатил дорожку другим за проезд». Не знаем, когда восходят зерна хорошие и долго ли зреет жатва ядовитых мыслей. Нужно им то же время, чтобы созреть. Потому бойтесь ядовитых мыслей, ни одна из них не пропадет без следа. Но где та страна, где тот час, когда назреет колос яда? Пусть он будет даже мал, но колюч и не будет куска хлеба, который не раздирал бы горло».

«Можно ли не иметь жатвы посева своего? Пусть зерно будет доброе, иначе яд родит лишь яд. Можно избежать многое, но хранилище мысли самое прочное. Мысль, как высшая энергия, нерастворима и может быть отлагаема. Явление опыта над растениями может показать силу мысли. Также может ученый брать с полки нужную книгу, если мысль напряжена».

«Импульс огня дает всему Космосу жизнь. Каждая творческая искра приводит в движение устремление духа. Как же не утвердить в каждом явлении огненный импульс, который питает все напряжения и насыщает каждое действие. Потому нужно растить чудесный импульс огня, который всему придает жизнь. Так насыщенный огонь может притянуть все соответственные энергии. В культуре мысли нужно прежде всего растить огненный импульс. Как творческий импульс собирает созвучия, так мысль притягивает соответствия — так берегите импульс огня».

«Как прекрасны искры духа, который являет огонь и устремление. Служение огненное принесет человечеству столько знаков новой эволюции. Потому так жизненно вошла Агни Йога и столько знаков перерождают и угрожают планете, только нужно принять все посылаемое человечеству».

«Главная ошибка людей, что они почитают себя вне Сущего. Из этого истекает отсутствие сотрудничества. Невозможно объяснить стоящему вне, что он ответственен за происходящее внутри без него. Явленный отец эгоизма посеял сомнение и самообольщение, чтоб отрезать провод с хранилищем Света. Никто не хочет представить себе, что Свет есть следствие мысли, но множество населяющих межпланетные пространства подтвердят охотно мощь мысленного сотрудничества. Они знают сотрудничество и понимают ответственность. Можно внедрить себя в мировую мысль и тем явить себе крылья в небе и в основании, на земле. Много ценных напоминаний о связи с дальними мирами разбросано!»

«Искра духа зажигает сердце, потому Наше Учение нуждается в распространении огнем сердца. Как можно зажечь факелы духа без огня сердца? Ведь только огонь поднимает творчество и насыщает каждое действие. Энергия, которая устремляет к жизненному импульсу, должна иметь явленный жизненный огонь. Так в этом законе заключены творческие силы».

Когда мы вспоминаем великие Заветы Восточной Мудрости, прекрасный пример из нашей современности встает перед нами. Подвижники Озарения, благословенный Рамакришна и огненный Вивекананда! Какой незабываемый пример благословенной Иерархии Учительства! Какой пример для молодежи, как трогательно молился Рамакришна о приближении духа Вивекананды, и как мудро возвышенно нес Вивекананда в жизни основы своего Гуру. Истинно, мы видим блестящее следствие принятой в духе Иерархии. В памятный день Рамакришны миллионы паломников объединяются в духе во

имя его вдохновенной самоотверженной молитвою. Также мощно растет имя Вивекананды, и нет такой грамотной страны, где бы эти великие имена не почитались вместе с Абхеданандой, Параманандой, Браманандой, Сараданандой и другими славными учениками Рамакришны.

Высоки были основы их Учений и мудро было применение в жизни. Каждым прикосновением они выжигали часть Тьмы. И ничего не было разрушительного в их Учении. Светоносно звучит призыв Рамакришны и Вивекананды: «Не разрушай!» — Ибо благословенная Иерархия знает лишь положительное строительство.

Вдохновляюще знать, что мы имеем не только славные подвиги древних времен, но и в дни наших смятений перед нами также встают блестящие примеры.

Изучайте без предрассудков историю человечества, и вы увидите, что во всех своих одеяниях гомункул одинаково ненавидит Свет и прежде всего Иерархию Блага и Знания. Прикасаясь к этой Светоносной Иерархии, гомункул в смятении начинает вслух бормотать свои скрытые формулы. Но все, что произнесено, уже не опасно. Тонкая паутина Тьмы будет немедленно разрушена огнем пространства.

В служении великой Культуре мы не должны ограничивать себя одною стандартной программой. Каждый стандарт ведет к тирании. Основное пламя Культуры будет едино, но искры его в жизни будут индивидуально и драгоценно многообразны. Как заботливый садовник истинный носитель Культуры не будет вырывать те цветы, которые расцвели не со стороны главной дороги, если они принадлежат к тем ценным породам, которые он охраняет.

Выявления Культуры так же многообразны, как бесчисленны разнообразия самой жизни. Они облагораживают Бытие. Они как истинные ветви единого священного древа, корни которого держат мир.

Если вас спросят, в какой стране вы хотели бы жить и о каком будущем государственном устройстве вы мечтаете? С достоинством вы можете ответить: «Мы хотели бы жить в стране Великой Культуры». Страна Великой Культуры будет вашим благородным девизом: вы будете знать, что в этой стране будет мир, который бывает там, где почитаемы истинная Красота и Знание. Пусть все военные министры не обижаются, но им придется уступить их первые места министрам Народного Просвещения. Несмотря на всех гомункулов, которые шпионят из своих щелей, вы будете выполнять ваши обязанности во имя Великой Культуры. Вы будете укреплены сознанием, что только жалкие гомункулы будут врагами вашими. Ничего не может быть благороднее, нежели иметь врагом гомункула. Ничто не может быть чище и возвышеннее, нежели стремиться к будущей стране Великой Культуры.

Гималаи. Март 1930 г.

Вперед

Не будет ли каждое воспоминание зовом назад? Не остановит ли оно поток продвижения? Не будет ли оно запрудой для течения новой мысли? Если воспоминание может остановить и преградить продвижение, то лучше и не ввергаться в эти бывшие области. Только то хорошо, что может исправить заблуждения и вдохновить к новым исканиям. Среди груд воспоминаний прекрасны лишь те, которые научили быть молодым, сильным, неутомимым. Сделанное ранее нельзя любить, ибо оно было несовершенно. Если же кому-то подумается оно совершенным, то пусть покажет он врачу засорившийся глаз свой. Нет беды в том, что прежде сделанное окажется несовершенным. Если оно представилось бы окончательным завершением, то прервался бы путь прекрасных исканий. Не убоимся того прошлого, которое насыщено примерами для будущего. В каждой неудаче уже заложен урок усовершенствования. Не сожалеть надо о прокишем молоке, но и его полезно использовать. Синтез заповедан во всем. В нем преподано

значение сотрудничества и содружества. Специализация полезна, если она служит синтезу. Не может возгордиться один член тела человеческого. Даже самый из них деятельный может существовать при наличии других. Синтез — сложение сил — ведет вперед. В таком приказе звучит беспредельность. В ней не может быть поражения. В ней не будет нелепых делений.

Не будет рас, классов. Наконец, в ней не будет поколений. Поколения обозначаются там, где ветхость или юность. Но мысль безвременна. Мысль о благе, о знании, о красоте не может быть ветхой. Всякая ветхость даст смрад и гниение и может быть легко распознана. И злоба, и ненависть, и человекоубийство не принадлежат к передовым достижениям. «Вперед, вперед!» — в этом стремительном приказе далеко позади остается все смрадное и ненавистное. Если же найдется и нечто старинное, оно будет обновлено пониманием нетленно-прекрасного. О красоте мыслит тот, кто непреклонно вперед устремляется. Он хочет и лететь, и творить, и приобщиться к общему благу. В самости нет простора, нет полета к обновлению.

«Per aspera ad astra!»¹⁹⁸

1955 г.

С. Н. Рерих. Елена Ивановна Рерих. 1937 г.

Лада

¹⁹⁸ «Per aspera ad astra» (лат.) — «Через тернии к звездам».

Лада — древнерусское слово. Сколько в нем лада, вдохновения и силы. И как оно отвечает всему строю Елены Ивановны. Так и звали ее. Когда Серов работал над ее портретом, он уверял, что основой ее сущности есть движение. Вернее сказать — устремление. Она всегда готова. Когда говорит она об Алтайских сестрах для всенародной помощи, то в этом призыве можно видеть ее собственные основные черты. Принести помощь, одобрить, разъяснить, не жалея сил,— на все это готова Елена Ивановна. Часто остается лишь изумляться, откуда берутся силы, особенно же зная ее слабое сердце и все те необычные явления, которым врачи лишь изумляются. На коне вместе с нами Елена Ивановна проехала всю Азию, замерзала и голодала в Тибете, но всегда первая подавала пример бодрости всему кварталу. И чем больше была опасность, тем бодрее, готовнее и радостнее была она. У самой пульс был 140, но она все же пыталась лично участвовать и в ускорении каравана, и в улаживании всех путевых забот. Никто никогда не видел упадка духа или отчаяния, а ведь к тому было немало поводов самого различного характера.

И живет Елена Ивановна в постоянной неустанной работе. Так с утра и до вечера. Поболит немного, но быстро духом преодолит тело, и опять можно слышать, как бодро и быстро стучит ее пишущая машинка. Сейчас друзья хотят издать письма Елены Ивановны. Конечно, часть писем, да и в извлечениях. Если бы все, то получилось бы много томов.

Особа и необычайна деятельность нашей вдохновительницы. В разных странах целые очаги питаются ее помощью, прилетающей на крыльях аэропланов. Она всегда спешит с помощью. Ждут слова утешения, утверждения и пояснения. Даже из друзей многие не знают, что Еленой Ивановной написан ряд книг. Не под своим именем. Она не любит сказать хотя бы косвенно о себе. Анонимно она не пишет, но у нее пять псевдонимов. Есть и русские, и западные, и восточные. Странно бывает читать ссылки на ее книги. Люди не знают, о ком говорят. По мысли Елены Ивановны возникают женские единения. Особая прелесть в том, что многое возникает, даже не зная истинного источника. Велика радость — давать народу широкое мировоззрение, освобождать от суеверий и предрассудков и показать, насколько истинное знание есть путь прогресса. Лада — прекрасное древнерусское имя.

Восхождение

Монсальват

Полагают, что человеческий организм главным образом развивается всяческим спортом. Естественно, что упражнения нужны, в особенности когда они происходят на чистом воздухе. Но о способе упражнений существуют различные мнения. Полагается также, что главное гармоническое развитие должно происходить в нервной системе, а не столько в мускулах.

Нервным равновесием и здоровой нервной напряженностью человек достигает многого, чего никакими мускульными утрировками достичь нельзя. Все согласится, что каждый односторонний спорт, выявляющий лишь определенную группу органов, есть нечто ограниченное и тем самым нечто низшего разбора.

Правильно, что прежде всего нужна разумно использованная прана чистого воздуха. Также необходимо некоторое движение, естественное для человеческого организма. Если это движение не будет нарушать нервную систему и протечет не насильственно, то оно будет лишь правильным пособником развития тела и духа.

Всем известно, что в моменты нервной напряженности человек оказывается сильнее и выносливее всяких искусственных атлетов. Искусственное, ограниченное напряжение создает и ограниченное мышление. «Золотое равновесие» мышления происходит лишь при гармоническом равновесии всего организма. Прискорбно вспомнить о всяких современных «марафонах», которые тем или иным, нелепым занятием выбивают никому не нужное число часов. Спрашивается, кого поучает или радует то обстоятельство, что человек может бессмысленно танцевать семьдесят два часа, а может быть, и больше, уже являя при этом признаки безобразия. Кому нужен многочасовой поцелуй, который тоже является в конце концов безобразным зрелищем.

Если заняться анализом всяких современных «марафонов», то можно лишь убедиться в профанации старого имени, запечатленного в подвигах. Ведь после марафона греки шли в академию, где внимали и беседовали с великими учеными и философами. И таким образом, вовсе не происходило односторонней, затягивающей в тину профессии. Другие испытатели скажут, что при должном гармоническом развитии нервной системы вовсе не требуется бешеных телесных движений. Известно, как перипатетики¹⁹⁹ на прогулках беседовали о высших науках, гармонизируя тем самым и материальное, и духовное преуспеяние.

Уродливость чисто физических состязаний можно изучать, сравнивая, например, классические состязания в Греции с уже упадочными римскими цирковыми забавами. Греческие игры не требовали ни мучительства, ни крови, которые оказались так существенны в римских цирках. Увы, и теперь толпы людей привлекаются зрелищем казни. Вот в Германии теперь опять начали рубить топором головы женщин. Кажется, это происходит на тюремном дворе, но боюсь, что если бы такое зрелище вынести на площадь, то амфитеатр зрителей был бы и теперь, в наш «цивилизованный» век, битком набит. Если бы назначить цены местам для такого зрелища, то, кто знает, может быть, платили бы гораздо больше, чем за благотворительные билеты?

Пришлось слышать один рассказ, как некие дамы были очень огорчены, что казнь

¹⁹⁹ *Перипатетики* (от греч. — крытая галерея) — ученики и последователи древнегреческой философской школы, основанной Аристотелем.

сжигания живьем была заменена простым удушением. Вот куда обращивается уродливое, ограниченное развитие лишь некоторых центров и инстинктов. Многие падения и одичания, именно, происходили от уродливостей и ограниченностей. Вздувался один какой-то мускул, обнаруживался лишь один нарыв садизма или одичания, и прорвавшийся гной заливал весь мозг и сердце.

В противовес уродливо физическому развитию и однобоким ограничениям существует теория, что правильным упражнением нервной системы можно управлять и развивать мускулы и все органы. Конечно, мысль заставляет приходить в движение и мышцы, и всякие другие функции. Существуют такие ограниченные люди, которые даже этой простой аксиомы не могут осознать. Но тем не менее в этом может убеждаться каждый, который того захочет. Иногда приходилось видеть людей, уделявших сравнительно очень мало времени физическим движениям и тем не менее остававшихся в расцвете как мыслительной, так и физической возможности. Естественно, они не только устремлялись к высшим предметам, но и хотели жить и тем самым балансировали свои органы.

Ценить дары жизни. Хотеть жить для труда и пользы есть великий импульс, который помогает сильнее всяких прививок и массажей. Мыслительный массаж, осознанный, направит и должную энергию в ослабевший орган. Самая простая пранаяма, то есть вдыхание праны и направление ее туда, где есть необходимость в укреплении и развитии, будет очень показательным примером.

В обиходе часто приходится видеть самую уродливую профилактику. Человек опасается бессонницы и не находит ничего лучшего, как предаться наркотикам или алкоголю. Или человек чувствует какие-то странные ему симптомы и, по невежеству, начинает курить или принимать яды, совершенно упуская из виду, что одно такое послабление потребует лишь усиления таких же вредных нелепостей.

Говорили о радости Служения. Но какая же радость может быть в агонии наркотиков, никотина или алкоголя? Это уже не радость развития и восхождения, но постыдное бегство во тьму.

Врачи знают также, сколько болезней имеют причину своею увлечение современным спортом. Постоянно приходится слышать, что та или другая тяжкая, а подчас и неизлечимая болезнь зародилась от спортивных излишеств. Самые различные органы бывают поражены, а более всего бывает переутомлено сердце. Сердечный невроз, не говоря уже о других, более серьезных поражениях сердца, дает себя чувствовать на всю жизнь, если не доходит до фатального разрешения.

Однобокие спортсмены к тому же мало пригодны даже среди обычной физической деятельности. Они оказываются какими-то набухлыми оранжерейными растениями, приспособленными лишь для одного какого-то выражения. Если всякая профессия вызывает и ограниченную специализацию мышления, то тем более спортивная специализация делает мышление уродливо однобоким. Если прислушаться к интересам боксеров и других подобных профессионалов или искателей призов, то очень часто можно усомниться в современной цивилизации.

За последнее время как будто потеряли остроту привлекательности бои быков. Впрочем, может быть, мы хотим ошибиться в этом. Может быть, нам хочется, чтобы они потеряли привлекательность, но где-то, может быть, по-прежнему толпа ревет от постыдного удовольствия. Конечно, никто не сопричислит к профессиональным уродствам здоровое сокольево, которое может благотворно заполнять досуги. Так часто и разнообразно повторяется о золотом равновесии. И так мало выясняется его ценная сущность.

На подступах к Монсальвату, среди восходящих путников, вряд ли можно встретить профессиональных боксеров и ловцов призов. Другие деятели неустанно стремятся к высотам Монсальвата. Чтобы взойти, чтобы не убоиться горных тропинок, чтобы претерпеть трудности, нужны не только физические усилия. У искателей

Монсальвата найдется достаточно сил, и физических и духовных, чтобы не свернуть трусливо с намеченного пути. Необходимые для подвига физические силы будут почерпнуты не из призового источника. В прекрасном равновесии, без ущерба духовному росту, сердца, горящие Монсальватом, взойдут.

Монсальват — уготован. Произнесен на всех языках. В постоянном развитии не коснемся конечного, оконченного. Но ошибемся, приняв телесное за исход и венчание. Лишь духу сужден венец.

Отдадим себе отчет, в каких обстоятельствах зарождается представление о Монсальвате. Воспитатели не забудут, когда именно и почему возникло в жизни это ведущее понятие. На подступах к нему можно еще раз вспомнить, что ничего нет оконченного в великой относительности. Сколько раз каждому учителю придется повторить эту простую истину вступающим на трудовой путь.

В труде, в повседневности, казалось бы, так далеки высоты Монсальвата. Можно видеть людей, делающих сбережения и с нежностью приговаривающих: «Пригодится, когда пойду туда». Это не скупцы, которые, обуянные землею, закрепощают дух свой материальными сокровищами. Это соколы, расправляющие свои будущие крылья. И знают они, что им придется идти, им будет позволено идти. И прежде всего, в этом сознании будет избегнуто мрачное чувство одиночества, которое так мертвит и устрашает людей, в неведении пребывающих.

О высоком могут быть лишь высокие выражения. Слова подлые, обиходные, не укладываются около понятий высоких. Хотящим узреть есть многое видимое. Для желающих слушать уже звучат голоса.

Монсальват — уготован.

14 апреля 1935 г. Цаган Куре

Молодое Движение

Все молодое и трудящееся близко моему сердцу.

Если Вы возьмете несколько названий моих статей из «Державы Света», Вы увидите, что они написаны как бы для Вашего молодого движения и одновременно имели в виду такую же молодежь и такое же строительство будущего. «Прекрасное», «Творческая Мысль», «Благословенная», «Иерархия», «Несломимая Любовь», «Несмотря на все трудности», «Духовные ценности», «Священные принципы», «Держава культуры» — ведь это все то, чем мне хочется зажечь молодые сердца. Этими зовами хочется пробудить и мужество, и героизм, и подвиг, и то беспредельное строительство, которое обращает жизнь в светлый праздник. Это не есть праздник безделья, праздник так называемого отдыха. Нет, это есть торжество духа и неустанное стремление к свету. Вы читали во всех моих статьях про этот Свет, который для утонченного сердца вовсе не абстрактен. Свет живой, как живы и все тончайшие энергии природы.

Молодежь любит не предположение, не туманность, но факт и действие. Это и есть залог вечной молодости. Мы также во всех наших делах прежде всего обращаемся к факту, к непреложной действительности, хотя бы и за пределом примитивной очевидности. В моем обращении к нашему вашингтонскому обществу говорилось о здоровье, телесном и духовном. Неразрывны эти понятия. Не может быть здоровья телесного без здоровья духовного. Вы собираетесь во имя Культуры, во имя здоровья духовного, и отсюда произойдут и все прочие благоприятные условия и возможности.

Если бы у Вас возникли какие-либо сомнения или недоумения, пресекайте в песне радости творящее успех и красоту. Драгоценно видеть, что в наши дни в разных странах вспыхивают такие же очаги культуры, и после неосознанных смятений и столкновений сердца человечества опять устремляются к благотворным поискам.

Еще не так давно люди говорили о сдвиге, но теперь исполнилась уже следующая

ступень, и мечта о сдвиге превратилась в светлую мечту о подвиге. Не нужно думать, что движение Ваше не встретит трудности по пути своем. Будут они, эти трудности. И со временем Вы благословите их, ибо они еще больше откроют перед Вами действительность. Ведь Вы начинаете организацию свою в трудное время. Вы собираетесь во время кризиса и материального и духовного. Во время перепроизводства, во время безработицы, во время взаимных подозрений и всяких мешающих развитию человечества обстоятельств. Но именно эти трудности внутренне и заставляют Вас сойтись, собраться воедино в одно мужественное и просвещенное существо. Когда путникам опасно идти по пустынным дорогам порознь, они собираются целыми сообществами, и эти объединенные караваны легко преодолевают все препятствия, которые каждому участнику их в отдельности были бы непосильны.

Сейчас не только трудное время, но и великое время. Молодежь не должна думать, что ей суждено выявляться лишь в трудное время. Нет, она пришла сюда в великие дни, когда куется мир новый, когда необычайно быстро преобразовывается сознание человеческое. Когда от перекрестка множества людские выходят на прямой путь, чтобы получить сужденные прекрасные открытия и преобразования жизни.

Во имя великой, вновь осознанной преображенной Культуры приветствую Вас, молодые друзья! Когда мы говорим о великих понятиях, не убоимся и больших слов. Если удержитесь на гребне мужественного зова познания и творчества, если сохранитесь от животных ссор и недостойных пререканий, Вы сделаете великое дело.

Слово друзьям

*Ответная речь
при отъезде из Нью-Йорка.*

И в сердце, и в уме, в этой последовательности выражен величайший закон. Поистине, мы должны выражать нас самих прежде всего в наших сердцах и действовать через наши сердца. Лишь временно и ограниченно мы можем думать, что мозговая основа достаточна, но уже в следующий день придет просветление, что лишь основа сердца может вести к истинному преуспеянию. Мы знаем много славных понятий — единение, братство, мир... В наших сердцах сохраняются эти великие понятия, и, обращаясь к ним, мы все-таки чувствуем, что в чем-то мы еще не преуспели, что-то еще отсутствует.

Что же случилось, что это значит? Мы достаточно слышали об ужасах настоящего времени, и поистине Армагеддон гремит вокруг нас. Если мы чувствуем это, то мы именно понимаем, что силы тьмы, силы разрушения очень организованны. Каждый из нас имеет достаточно доказательств, насколько они ловки и находчивы, но те, кто верят в Свет и взыскуют Света, все еще находятся в разъединении и в недисциплинированности.

Для примера обратите внимание на ежедневные газеты. Что же мы видим на первых страницах? Мы видим огромные заголовки о новостях войны, преступлений, разрушений, ненависти! А если же нечто касается религии, красоты, познания и созидательства, то оно будет помещено даже не на последней странице, но потонет в самом мелком наборе в наиболее неприметных средних частях газеты. Не значит ли это, что лишь новости об убийстве, о разрушении, об ужасах представляют общественный интерес современности? При таком порядке не только народ, но и молодое поколение от младенчества воспитывается на том, что война, человеконенавистничество, убийство, отравление и всякая преступность заслуживают громкие названия и занимают первые страницы, а все позитивное как бы не имеет общественного значения. Улыбнемся горько! Если что-нибудь об искусстве или науке попадает на первую страницу, то не будет ли это известием об украденной картине или фальшивом открытии? На многих аспектах действительности мы можем убеждаться, насколько организованы темные силы,

насколько они понимают друг друга и подчиняются какой-то своей незримой, неуловимой иерархии. Потому именно сейчас, именно спешно и неотложно доброе желание и строительство во благо должно войти в мировое сознание, и мы должны понять, казалось бы, трюизм о том, что и силы добра должны быть организованы; мы должны понять, что эта организация не должна быть чем-то отвлеченным. Вследствие прискорбных недоразумений люди часто приучаются думать, что добро есть нечто отвлеченное, нечто поверх земных условий; но не забудем и другую простейшую истину, а именно, что идеализация есть нечто действительно практичное.

Обратите внимание, как только мы заговорим об идеализации, о положительном, так немедленно нам кто-то уже старается помешать; какие-то неожиданные телефонные звонки мешают говорить, но если мы будем настойчивы, то все непрощено вторгающееся отстанет. Вы видите, что друг наш уже прекратил несносные звонки.

Таким образом, осознаем же в сердцах наших, насколько наступило время, чтобы признать значение мощной энергии взаимного понимания. Очень стара аксиома, что все мы братья и сестры, где только и как только не повторялась эта истина, и все же сейчас она может быть особенно далека от жизни. Мы должны поклясться, что мы, каждый в своих средствах, не будем допускать разрушений, войны, жестокости, разложений и всяких ужасных и невежественных разъединений. Народы еще не понимают разницы между цивилизацией и культурой. Тем не менее если мы назовем кого-либо цивилизованным работником, он не удовлетворится этим названием, тогда как титул культурного работника его справедливо обрадует. Казалось бы, всем должно быть понятно, что цивилизация обозначает нечто в пределах внешней общественности, но культура прежде всего имеет в виду духовные ценности. Итак, именно культура есть истинная реальность и должна быть внесена в жизнь в строгой организованности.

Сегодня я чувствую истинный огонь в Ваших сердцах. Пусть этот огонь сохранится. Пусть он не затемнится и не смутится, когда Вы сейчас выйдете в уличную толпу. Пусть этот огонь сердца останется ярко возжженным во славу Вышнего Творца, во славу Бога. Сохраним в сердцах наших ясность сознания, что каждый момент мы предстоим пред Лицом Высшим; именно этим ясным сознанием рассеются мелкие злобные мысли, которые отягощают мир. Ведь в Великом Присутствии ложь не может существовать. Благородное дело внесения религии в жизнь есть дело прекрасное. Итак, утвердим всеми силами духа это благородное понятие именно в жизни каждого для укрепления его сознательной организацией. Тогда на первых страницах наших газет не будет сведений о войне и убийствах, но именно светлые новости о благе созидательного прогресса и подвиге.

Я уезжаю от Вас лишь в теле, ибо в духе мы не разъединимся, и я сохраню яркое воспоминание в Ваших пылающих дружеских сердцах.

21 апреля 1934 г.

Естество

В старинном соборе Орвието на фресках Орканьи имеются торжественные, радостные возношения праведных в райские кущи. Под ними, внизу, демоны тащат за волосы грешников на адские терзания. Ангелы не влекут в рай насильно, за волосы. Насильно увлекают за волосы в ад. Старинная пословица о том, что «за волосы в рай не тащат», имеет глубокое и всегда памятное значение. Поистине, насильно в рай не притащить.

Естеству противно все неестественное. Также во степенях восхождения. Уместиться в них могут те, кто так или иначе в сознании своем уже воспринял это размещение. Если кто почему-то не может дышать горным воздухом, то насильно вы не можете заставить его пойти против естества своего. Мешок кислорода поможет лишь на

короткое время. Впрочем, он не столько поможет, сколько даст иллюзию помощи. Как только искусственный кислород кончится, так нехватка его почувствуется удесятенно сильнее.

Если у кого-то от высот разрываются сосуды, то значит, он на этих возвышенностях и не мог бы существовать. Естество его оказалось неприспособленным. Может быть, посредством длительных, постепенных, вполне осознанных упражнений кровообращение и приспособилось бы к новому бытию. Но насильно, скоростно нельзя отягощать естество, не приспособленное многими и длительными опытами.

Всякие искусственные, вернее сказать, насильственные меры обычно производят лишь грубую реакцию, разрушительное восстание, которое ни к чему доброму не приводит. Естественность будет в настоящей соизмеримости и планомерности. Восстания бывают тоже в разной степени сознательности. Конечно, можно наблюдать восстания вполне сознательные, как планомерное выражение для обдуманной цели. Но чаще всего это может быть названо просто бунтом грубой материи, вообще противоречащей возможности естественных улучшений. Восставший часто не даст никакого определенного ответа, почему, а главное — для чего он поднялся и старается сокрушить нечто, ему самому малоопределенное. Он просто пытается нарушить нечто, будто ему препятствующее. Но по неопытности, или, проще говоря, по невежеству, он, желая разбить что-то, прежде всего наносит себе страшные, а иногда и смертельные удары.

Очень слабо будет оправдание в том, что или какие-то внешние условия, или какая-то наследственность мешают естеству восходить естественно, планомерно. Самооправдываться — это уже значит самообвинять. Недаром тоже вошло в пословицу: «Кто оправдывается, тот самообвиняется». Есть и другая пословица, почему-то приуроченная Юпитеру: «Юпитер, ты сердишься — значит, ты не прав». Конечно, под этой «сердитостью» нужно понимать не справедливую суровость, а дребезжащую и сквернословную надутость.

Когда советуется хранить заботливо данное естество, это не значит избегать всякой опасности, всякой возможности подвига. Хранение естества вовсе не есть препятствие к самоотвержению и героическому действию. Под хранением естества следует понимать открытие всех возможностей для совершенствования, для улучшения. Именно в этом порядке естество и будет направлено естественно. Можно всеми тончайшими способами напоминать об этом естественном пути. Но неразумно, хотя бы отчасти, насильствовать, если какие-то вещества, противные для восхождений, еще не изжиты.

Мудрый наставник никогда не будет заставлять читать какие-либо определенные книги. Он предоставит возможность ознакомиться с полезными источниками, но принуждать, хотя бы косвенно, он не станет. Да и какой будет толк, если прочтенное воспримется под знаком недоброжелательства или недоверия? Отзывы о книгах являются тому доказательством. Сразу вы почувствуете, который отзыв дан непредубежденно, в прямом желании осветить данный труд, и когда к отзыву приступлено уже в темном предрассудке сказать не о том, что написано, но именно о том, что не написано. Предрассудок является противником и губителем естества. Если почему-то сердце, это хранилище естества, окажется закрытым или залитым гноем, то никакое естественное, справедливое суждение и не может возникнуть. Тьма подскажет множество сомнений, недоумений, которые даже для ребяческого ума могли бы быть разрешимы. Но тьма наложит крепкий затвор свой.

Конечно, всякие наркотики, от самых смертоубийственных до общепринятых, являются нарушением и извращением естества. Доза таких наркотиков, конечно, совершенно различна. Вы можете часто слышать соображение о том, что на соседа даже большее количество наркотиков не оказало видимого влияния. Во-первых, что есть видимое, для какого глаза видимое? А во-вторых, мы не знаем, насколько забронирован был этот сосед какими-то своими, другими накоплениями. Употребление наркотиков вообще доказывает ослабление воли, иначе говоря, неестественное состояние естества.

Естество отпускается очень планомерно и справедливо. Сами люди стараются исковеркать и умалить его. Хранение естества вовсе не есть ни магия, ни что-то сверхъестественное. Наоборот, это состояние и будет самым естественным. В нем-то и будет естественным порядком укрепляться воля, будет развиваться психическая энергия и будет она самоприменяться естественно. Зачем обращаться к каким-то неестественным закланиям там, где возможно самое естественное и плодородное устройство совершенствования. Прежде всего, добротворчество, во всех его применениях, будет тоже естественным выражением жизни. Всякое освобождение от грубости и предубежденности будет тоже ближайшим подспорьем в хранении естества.

Естество не должно быть понимаемо как естество только материальное. Так как материя есть лишь одно из состояний духа, то и естество является определением всех естественных состояний. Сердце работает естественно тогда, когда мы его не замечаем. Все прочие органы, производя сложнейшую химическую работу, производят и совершают ее незаметно. Также и естественное состояние естества будет благо незаметно. Как высшее напряжение электричества, оно будет благотворно распространяться, но обычный глаз и обычное ухо не познают его. Тем самым видно, что всякое насилие, всякое выведение из естественности состояния — неприложимо.

Часто требуется значительное время и устремление к непосредственному улучшению. Часто могут произойти вспышки, когда-то накопленные, но позабытые в тайниках вещества, много дается возможностей... лишь бы они воспринимались. Часто само напряжение труда или жизненные препятствия выводят сознание на естественный путь. Недаром часто указывается на полезность трудового пота. А ведь и пот может быть понимаем различно, и грубо, и духовно.

Двери и окна должны быть доброжелательно открыты. Пути не должны быть заграждены ядовитыми газами. С неба не должны падать смертоубийственные снаряды. Но пушечными залпами нельзя вернуть естество доброе. О естестве добром, к добру назначенном, радостно думать. Можно встретиться в доброй беседе обо всем, что ведет к добротворчеству. Не будем пугаться нагромождения и повторения определительных о добре. Добро нужно. Добро неотложно. Добром держится твердь.

*5 августа 1935 г.
Тимур Хада*

Испытания

Спрашивается, как примириться с сознанием о постоянности, о бесконечности испытаний? Где найти ту бодрость духа, которая позволила бы принять во всей планомерности и повседневности такое сознание?

Между тем сама очевидность и действительность, даже во всех будничных проявлениях, говорит о неизбежности испытаний. Даже любой неодушевленный предмет находится всегда на испытании. При доме всегда состоит наблюдающий архитектор или инженер. Каждый корабль перед новым рейсом должен быть просмотрен обстоятельно. Каждая машина, пускаемая в действие, конечно, обследуется, чтобы избежать опасности от небрежности.

Такие повседневные примеры вполне подтверждают, что и духовное состояние человека не может не быть на постоянном испытании. Физическое состояние испытывается врачом. Семьи имеют своих домашних врачей. Такие врачи разъясняют, что состояние организма должно быть испытуемо не только во время уже проявленной тяжелой болезни, но и во время предполагаемого здоровья. Врачу важно установить предварительные признаки болезни. Врачу важно пресечь возможность болезни или инфекции. Всякие профилактические меры принимаются для избавления от возможности заражений.

«Как на небе, так и на земле». Как в теле, так и в духе. Полнейшая аналогия заразы, воздействий. Так же точно, как истощенное тело особенно легко подвергается заразе, совершенно так же пошатнувшийся дух немедленно подвергается опаснейшему нападению. Тело еще может случайно избежать заражения. Но воздействие на дух, в незримых и неисповедимых мерах, гораздо сложнее.

Каждая грубая, кровавая пища уже облегчает возможность невидимых приближений. Каждое грубое, неистовое слово уже является вратами для темного доступа. Каждое ярое предательство уже есть приглашение наитемнейших сущностей. Если провода добра неизмеримы, то и провода темные, хотя бы и в ограниченности своей, все же очень значительны и протягновенны. Ведь не голосом призываем на дальних расстояниях. Волны радио, в условном иероглифе, создают мосты и притяжения. Так же точно в духовной области — незримое радио зовет и притягивает, и несет свои приказы.

Некто, погруженный во зло, судорожно передернется от благостных остережений, но если он предоставит в себе концессии злу, то, кривляясь и содрогаясь, он все-таки предоставит поле действия темным концессионерам. Мысленные, волевые действия совершаются ежеминутно. Не бывает таких часов, в которые человек бездействует. Ошибочно некоторые полагают, что если они молчат или сидят и недвижны, или даже внешне бормочут неосознанные формулы, то, значит, ничего не совершают. В их духовном мире постоянно происходят всевозможные значительные действия. Игла чувствительного аппарата показала бы постоянное трепетание духа. Всегда можно бы увидеть, как он, по существу своему, порывается кверху, но тяжкие, темные гири и всякие когти одерживают и тянут его книзу, во тьму.

Среди самых повседневных действий, среди самых мелочных, рутинных забот происходит та же несменная работа духа. Если действия духа постоянны, если дух вибрирует и трепещет даже на мельчайшие, по человеческому соображению, обстоятельства, то, естественно, и испытываемость духа будет постоянной. Когда сказано: «Все миры на испытании», то, конечно, и все части миров, до самых мельчайших, будут в той же степени испытываемости.

Никакого несчастья, никакой тяготы нет и не может быть в сознании постоянной испытываемости. Вот говорят, что 26-го минувшего мая наша планета подвергалась большой опасности, которая, для огромной части планетного населения, осталась и неосознанной и вполне неизвестной. В секундной разнице Земля избежала удара мощного метеора. Вообще, может ли быть такое мгновение, когда существо не подвергается какой-либо опасности? Тем не менее люди действуют, работают, горюют и веселятся. В июльском номере «Двадцатого века» наш друг Джагадисварананда дает прекрасный, хотя и справедливо суровый, очерк современной жизни. Автор указывает, что жизнь современная, в огромном большинстве случаев, сводится к исканию удовольствий, свойство которых постепенно понижается. Как мы неоднократно отмечали, люди перестают сознательно мыслить и стремятся к тем или иным наркотикам, лишь бы оторваться от мышления об основах жизни.

Там, где жажда наслаждений и золота, там естественны и особые испытания. Если даже такие, казалось бы, грубые принципы, как наслаждение и золото, так легко овладевают человеческим сознанием, там так же напряженно протекут и испытательные меры. Там, где грубость и сквернословие так обуревают человека, там особенно задрожит игла аппарата, показывающего борьбу духа. Многие люди не любят даже допустить мысли о том, что они находятся на испытании. Немедленно они выскажут соображения о каком-то недопустимом тиранстве. Но ведь испытание-то не что иное, как приложение их собственного духа к мере Истины.

Если дух сам отметит одну из низших ступеней, то ведь это не будет посторонним вторжением или насилием. Совершенно точно и добровольно дух отметит ту меру, которой он в данный момент отвечает. Не раз сказано, что каждый сам себе судья. Много раз повторено о том, какими путями человек слагает судьбу свою. Повторено и об

Иерархии, и о строительстве, и о соизмеримости.

На всем решительно происходят самоиспытания. Нормальный человек знает меру потребной ему пищи, но болеющий обжорством не знает этой меры и причиняет себе явный вред. Нечувствительно производит здоровый организм свою сложнейшую работу. Но как только равновесие нарушается — люди получают чувствительные предостережения. Совершенно так же и в испытаниях духа. Каждый, кто не заслонил, не отверг возможность духовных выявлений, почувствует и услышит звоночек своего сердца. Человек-то будет предупрежден — лишь бы он услышал и допустил в сознание такое предупреждение. Сердце-то застонет, но не всякий поймет этот спешный зов.

В тяжелой степени невежества человек даже ожесточится от этого сердечного зова. Насильственно он попытается заставить сердце свое замолчать. От такого насилия многие сердечные болезни. Не забудем, что всякими духовными насилиями люди вредят и своим близким, излучения которых уже сродственны. Если человек не имеет права вредить своей сущности, если осуждено всякое самоубийство, то также осуждено и убийство других, наносимое злоумышленным сознанием.

Если существует так называемый смертный глаз, уже настолько обостренная воля, то сколько же неосознанных и тем не менее вредительствующих взглядов-стрел рассеяно в пространстве. Зная о них, конечно, не впадем в уныние; наоборот, и это сознание лишь укрепит щит и создаст новый источник мужества и бодрости. Не убоимся, но даже возлюбим испытания. Ведь ими мы крепнем. Ведь благословенны препятствия, а тем более благословенны испытания — эта закалка клинка крепчайшего.

Полюбить — уже значит ввести в сознание. Полюбить — уже означает претворить в себе понятие и приложить в жизнь. Если кто-то заметит, что некто поникает от ужаса перед испытанием, то пусть немедленно ободрит ужаснувшегося своею радостью, укрепленную осознанием нового, испытанного щита. Сказано: «Приму в щит все стрелы, но пошлю только одну». Все испытывается, все миры на испытании. Это не есть ужас, но всегда будет источником расширения сознания, ключом бодрости и преуспеяния.

27 августа 1935 г.

Тимур Хада

Сущность

Сущность людей в основе своей добрая. Первый раз это сознание укрепилося во мне во время давнишнего опыта с выделением тонкого тела.

Мой друг врач усыпил некоего Г. и, выделив его тонкое тело, приказал ему отправиться в один дом, где тот никогда раньше не бывал ²⁰⁰. По пути следования своего тонкого тела спящий указал ряд характерных подробностей. Затем ему было указано подняться на такой-то этаж дома и войти в такую-то дверь. Спящий обрисовал подробности прихожей, говоря, что перед ним дверь. Опять ему было указано проникнуть дальше и сказать, что он видит. Он описал комнату и сказал, что у стола сидит читающий человек. Ему было указано:

— Подойдите, испугайте его. Последовало молчание.

— Приказываю, подойдите и испугайте его. Опять молчание, а затем робким голосом:

— Не могу.

— Объясните, почему не можете?

²⁰⁰ *Мой друг врач усыпил некоего Г. и, выделив его тонкое тело, приказал ему отправиться в один дом...* — имеется в виду возможность выделения сознания человека в гипнотическом сне и его способность к путешествиям во времени и пространстве.

— Нельзя — у него сердце слабое.

Тогда не пугайте, но, насколько можно, без вреда наполните его своим влиянием. Что видите?

— Он обернулся и зажег вторую лампу.

— Если не вредно, то усильте ваше влияние. Что видите?

— Он вскочил и вышел в соседнюю комнату, где сидит женщина.

По окончании опыта мы позвонили нашему знакомому и, не говоря, в чем дело, косвенно навели его рассказ о его чувствованиях. Он сказал:

— Странное у меня сегодня было ощущение. Совсем недавно я сидел за книгой и вдруг почувствовал какое-то необъяснимое присутствие. Стыдно сказать, но это ощущение настолько обострилось, что мне захотелось прибавить свету. Все-таки ощущение усиливалось до того, что я пошел к жене рассказать и посидеть с ней.

Помимо самого опыта, который так ясно показал причины многих наших чувствований, для меня лично одна подробность в нем имела незабываемое значение. В земных обстоятельствах человек, конечно, не стал бы соображать, слабое ли у кого сердце. Он испугал бы, обругал, причинил бы зло, ни с чем не считаясь. Но тонкое тело, то самое, о котором так ярко говорит апостол Павел, оно, в сущности своей, прилежит добру. Как видите, прежде чем исполнить приказ — испугать, явилось соображение очувствовать сердце. Сущность добра подсказала сейчас же, что было бы опасно повредить и без того слабое сердце.

Один такой опыт, в самых обычных обиходных обстоятельствах, уже выводит за пределы телесно-ограниченного. Получилось не только выделение тонкого тела, но замечательное испытание доброй сущности. Сколько темного груза должно отягчить светлую, тонкую сущность, чтобы люди доходили до человеконенавистничества. Опять, как говорил святой Антоний, «ад—невежество». Ведь весь темный груз, прежде всего, от невежества. При таком положении насколько нужны добрые мысли, которые своими незримыми крыльями касаются отягченного, отуманенного чела.

Когда люди в невежестве говорят: «К чему эти сосредоточения мысли, к чему эти ушедшие от мира отшельники? Ведь они эгоисты и о своем спасении только думают». Большое заблуждение в таком суждении. Если даже на самом обиходном опыте мы могли убеждаться в доброй и благородной сущности тонкого тела, если мы видели, что мысль добра превысила все приказы, так несомненные в таких случаях, то насколько же нужны эти мысли добра. Сколько простой, трогательной бережливости сказывается в простом ответе о слабом сердце. А разве мало сейчас слабых сердец и кто имеет право отягощать их? Разве мало сейчас смертельно пораженных сердец, которые под одним неосторожным толчком уже не выдержат более? И будет это такое же точно убийство, как убийство кинжалом, пулею или ядом. Разве не яд проникает в сердце при злобном нападении? Какое огромное количество убийств, настоящих, умышленных, злобных в своей длительности, происходит вне всяких судов и приговоров! Отравить человека нельзя, задушить человека нельзя; это правильно. Но тогда почему же можно разгрызть и разорвать сердце человеческое? Ведь если бы люди, хотя иногда, хотя кратко, в час утренний помыслили о чем-то добром, вне их собственной самости, это было бы уже большим приношением миру.

Конечно, невежественные циники, наверное, будут ухмыляться, считая, что мысль — это ничто, во всяком случае, не более былинки в воздухе. Всякий цинизм о мысли, о духе, о внетелесных возможностях будет ярким примером грубейшего невежества. Когда же эти невежды, злобно кривясь, скажут: «Куда уж нам, малокультурным, погружаться в океан мыслей», — это будет сказано вовсе не в смирении и робости, но будет словом безобразнейшей гордости.

Часто люди втайне мечтают приобщиться чему-то, как они говорят в просторечии,

сверхъестественному. Точно бы в естестве великом может быть естественное и, как противоположение, сверхъестественное. Конечно, это обычное выражение, как противоречащее обиходу, не приводит к верному сознанию. Но главное дело то, что, как только людям доводилось прикоснуться хотя бы к началу такого необычного явления, они впадали в такой безудержный сердечный трепет, что явление останавливалось. Прекращалось оно по той же самой причине, как и в вышесказанном опыте. Становилось ясным, что невоспитанное сердце и неопытное сознание не выдержали бы ничего сверхбудничного.

Очень часто говорится о каких-то необъясненных сердцебиениях. Их вносят в рубрику половую, или чрезмерной работы, или каких-либо излишеств. Но немало случаев нашлось бы среди этих явлений, когда какие-то прекрасные крылья уже касались ждущего или неждущего, а он, от одной близости этой, уже смертельно содрогался. Это тоже будет так часто несовместимая разница между языком земным и языком Небесным.

Сколько добра и сострадания заключено в простом соображении о слабом сердце. Если бы люди, даже в обиходе, чаще допускали себе эту человеческую мысль о чужой боли, о переутомленности и слабости сердца, то ведь они уже тем самым становились бы во многих случаях человечнее.

Явления мертвых рассказаны во всевозможных повествованиях. Они совершенно несомненны. Среди них несомненно и то, что много раз, являясь с целью очень нужною, родные и друзья не могли сказать свою благую весть только из-за того же опять-таки животного страха тех, кому они являлись. Известны случаи, когда, желая спасти человека от опасности, усопшие должны были предпринимать целый ряд постепенных приближений, чтобы освободить человека, прежде всего, от страха. Именно страх так часто мешает принять самую добрую весть.

Об этих явлениях, о таких добрых вестях и желаниях помочь написано так много, что невозможно вдаваться в перечисление отдельных эпизодов. Начиная от теологических и через многие философские, исторические и поэтические рассказы всюду утверждается, что и смерти, как таковой, нет и близость миров ²⁰¹ может быть ощущаема даже среди обихода жизни. Все это несомненно. Но злоба и ненависть, так обуявшие человечество в наше время, понуждают еще раз вспомнить о том, что сущность человеческая — добро, а все злое, безобразно вредное будет наносным, прежде всего, в силу невежества.

Очень темные, глубоко павшие сущности проявляют свое влияние, прежде всего, на невеждах. Их излюбленное средство опять-таки будет через многообразное запугивание. Они постараются настолько омрачить и понизить сознание уловляемого, что он почувствует себя изолированным, одиноким и, наконец, увидит счастье свое лишь в общении с темными. Темные также постараются лишить уловляемого всех истинных радостей, подсунув ему всякие постыдные суррогаты самоуслаждения.

Человек хочет забыться. Вместо того чтобы хотеть возможно яснее помыслить и вооружиться на духовную битву, его заставляют забываться. В дурмане желания забыться, чего легче им овладеть и сделать его послушным орудием, ублажая его в невежестве. Между тем лишь мысль добра, лежащая в основе, может подвинуть и к жажде знания. И тогда человек не упустит ни дня, ни часа, чтобы узнать, улучшить и украсить все, что возможно. И в этом процессе мысль добра будет и мыслью прекрасною.

16 апреля 1935 г.

Цаган Куре

²⁰¹ ...близость миров... — Рерих имеет в виду возможность контактов и взаимодействий между миром людей и так называемым «тонким миром», где сознание ушедших из жизни продолжает существование в иной форме (отсюда происходит понятие о тонком теле человека).

Огни испытания

*«И если труба будет издавать
неопределенный звук, кто станет
готовиться к сражению?» (1 Кор. 14, 8) ²⁰².*

Про одного святого говорили, что даже при упоминании о зле он чувствовал боль. Не следует считать такого святого белоручкой, но скорее нужно изумляться его отделению от зла. Действительно, каждый, познающий Огонь, особенно резко чувствует зло, как прямой антипод его бытия. Нужно, говорю, нужно развивать в себе это противодействие злу, которое является противником прогресса. Нужно, говорю, нужно осознать эту границу, преграждающую движение к добру эволюции. Слышать можно о сложности таких границ, но явление Огня покажет, где эволюция и где дряхлость разложения. Огненный Мир есть истинный символ непрерывной эволюции.

Действительно, люди ясно различаются по пристрастию к правде или ко лжи. Такое различие настолько очевидно, что как бы характеризует какие-то основные типы человечества. Есть длинноголовые и круглогловые; может быть, также есть лжеверы и правдоверы. Одни привлечены к магниту правды, чуют его, отстаивают его и одушевляются им. Другие так же точно устремлены ко лжи, питаются ею, дышат ею и наполняют ею пространство. Из этих пристрастий порождаются самые непоправимые для них же следствия.

Одни люди, когда не знают чего-либо, то прежде осуждения стараются узнать, но другие, в случае незнания, сейчас же злословят, не желая даже ознакомиться с предметом. В этом отношении также наблюдается деление добра и зла. «Лишь бы злословить!» — скажут последователи зла. Ведь в каждом злоречии есть уже семена разложения и предательства. Откуда это влечение ко лжи и клевете? Если причиной незнание, то почему оно прежде всего устремляет к подозрению, а не к желанию узнать подлинные причины?

Понятно естественное тяготение к истине, оно венчает природу человеческую; но как объяснить преступное устремление ко лжи? Как наркоманы тянутся к губительному, постыдному яду, так некоторые двуногие устремлены ко лжи. От одного приближения неправды они усиливаются, ожесточаются, укрепляются. В родной им стихии лжи они черпают из словаря тьмы небывалые хулы и кощунства. Точно эпидемия?! Уж не существует ли особых «бацилл лжи»? Страсть ко всему ложному образует как бы особый вид психоза. Именно как страсть он заставляет особых людей не только признавать ложное, но и обосновываться лишь на неверных суждениях. От правды лжеверы впадают в судороги.

Плачевно наблюдать таких друзей лжи, устремленных ко всему измышленному, неправдивому. Эта двуногая разновидность будет жадно приобщаться ко всему явно измышленному. Они будут упиваться явною ложью, даже не озабочиваясь о примитивной правдоподобности.

Они усиленно сотрудничают в надстройках лжи. Они не ограничатся повторением, но будут немедленно творить и расцветивать зло. Даже себя они не пощадят, лишь бы умножить вычурные злобные добавки.

Они бывают крепко организованы, очень изысканны и часто более находчивы, нежели сторонники правды. Они завладели первыми страницами газет; они умеют использовать и фильмы, и радио, и все надземные и подземные пути. Они проникли в школы и знают цену осведомления. Они пользуются каждою неповоротливостью оппонента, чтобы сеять ложь для процветания зла.

²⁰² (Коринф. 14.8) — в такой форме (являющейся общеупотребительной в литературе) здесь и далее Рерих дает ссылки на библейские тексты.

Сердце человеческое, устремленное к правде, без труда распознает вестников лжи, когда зажжены Огни Блага. Но каждый Огонь должен быть возжжен.

Еще сказано:

«Огонь не под водою зажигается. Подвиг не в благополучии теплицы создается. Среди человеческих тягостей спросим себя: не подвиг ли уже? Среди утеснений спросим: не к вратам ли подвига тесните нас? Среди взрывов спросим: разве в нас самих не было достаточно силы, чтобы возвыситься? Так осмотрим каждое явление: не ведет ли оно к подвигу? Так будем следить за всем подвигающим. Кто же может предугадать, какой именно обратный удар двинет новые обстоятельства? Но без удара вещество не придет в движение. Называют очагом подвига эти удары по веществу. Только понявшие субстанцию творящую усвоят, что сказанное не есть простое ободрение, но только упоминание закона. Можно делать из закона несчастье, но правильно усмотреть пользу от основ бытия».

Есть много пробных камней. Огонь высекает из них различные искры. Есть много имен и понятий, которые сияют как драгоценные камни. О них испытываются души. Им открываются сердца. О них трепещет тьма, о них закаляется подвиг.

Разве не чудно наблюдать здесь же, среди сутолоки жизни, как действуют магниты имен? У одних расцветает сердце. Другие стараются заслонить чем-либо слишком для их глаз светоносное. Третьи негодуют и злословят, словно бы прикоснулись к чему-то ужасному. И действительно, эти третьего разбора чувствуют в такой час для себя опасное. Они где-то внутри сознают, что этот светлый Огонь будет для них опаляющим. Сами люди чинят себе суд и разбор.

Сказано, каждая крупинка добра или зла в умножении уяснится. Даже если отправное семя мало до нераспознавания, то в умножении смысл его станет явным до непреложности. Потому добро и зло вовсе не относительны. Неясность и смутительность может дать лишь преходящая фаза действия, но жатва всегда докажет качество зерна.

Очень полезно, что люди так явно прилежат правде или лжи, ибо в этом распознается стан добра и зла. Ничем люди не скроют, чему они радуются и чему ужасаются. Даже и в молчании глаза их выразят сущность чувства. Потому избегайте не смотрящих в глаза. Даже в животных есть это различие взгляда уклончивого или прямого. Прямое зеркало не искажает.

Огни испытания! От них ли пылал костер Жанны д'Арк? От них ли пламя Аввакума? От них ли факелы Нерона? От них ли языки тьмы? Содом и Гоморра? Мартиника? ²⁰³ Недопустимо испытывать Гнев Божий. Откуда невежество, что будто бы «все дозволено»? Будто от лжи не задымятся небеса? Будто не испепелится язык кощунника и предателя?

«Всякий, ненавидящий брата своего, есть человекоубийца» (1 Иоанн 3, 15).

20 сентября 1934 г.

Неприязнь

«Писать вам о том же для меня не тягостно,

²⁰³ ...костер Жанны д'Арк... пламя Аввакума... факелы Нерона... Содом и Гоморра... Мартиника... — Рерих перечисляет казни водительницы французской освободительной войны Жанны д'Арк; вождя русского раскола протопопа Аввакума; массовые сожжения римским императором Нероном первых христиан; библейскую легенду об уничтожении Богом погрязших во грехе городов Sodoma и Gomorra и катастрофическое извержение вулкана Монтань-Пеле на острове Мартиника (Вест-Индия).

Как многое звучит в этих словах. Одно это «о том же» вызывает глубокое размышление. Можно изумляться той адамантовой стойкости, которая породила это спокойное сообщение там, где в других случаях, в других устах уже произошло бы раздражение. Именно «не тягостно», ибо писавший эти слова мудро знал всякие степени духа, знал, насколько нелегко повернуть руль в правильное течение мысли.

Среди многих подлежащих повторению понятий будет всем известная неприязнь. Всякий, кто будет и просить, и указывать о том, чтобы неприязнь не возвращалась, уже тем самым будет в рядах строителей.

Одно дело — справедливо обоснованное негодование против разлагающих попыток сил темных, но совершенно другое — искусственно сотворенная и легкомысленно питаемая неприязнь. Из очень маленького и неглубокого источника истекает начало неприязни. Как часто в основе ее будет крошечное личное чувство, малюсенькая обида или несоответствие в нажитых привычках. Обычно человек сам и не замечает, когда именно проникла в его чашу эта маленькая ехидна. Течение неприязни обычно очень длительно. Она накапливается от всяких предпосылок и миражей. Человек, когда-то почувствовавший маленькую обиду, затем уже в самотворчестве начинает, как безумец, прилеплять к этому зародышу и хвостик, и крылышки, и лапки, и рожки — пока не получится настоящее маленькое чудовище, неотступно живущее за пазухой.

Опять-таки, множество раз эти самодельные чудовища бывали описаны в народной литературе. И тем не менее почти все, читающие о них, никогда не отнесут описанное к своему же обиходу.

Сначала, попросту говоря, что-то не понравилось. Это нечто, вероятно, произошло в самом обиходнейшем смысле, а затем эта повседневность перенесется и в более широкий план, а затем закрепится, как раковый нарост, в самом опасном виде.

Человек дойдет до того, что даже, не отдавая себе дальнейшего отчета, не в состоянии будет встречаться с кем-то или с чем-то. Постепенно самовнушением человек убедит себя, что именно эта маленькая житейская подробность для него всегда была самым существенным условием жизни.

Каждому приходилось встречать таких печальных чудаков, которые сами нагромождали около себя непроходимые заторы миражного хлама. Каждый может вспомнить о людях, уверявших, что их организм не принимает ту или иную пищу. В то же время, когда им давали именно эту же пищу под другим названием, то их организм отлично воспринимал ее без всяких последствий. Значит, первоначально создалась неприязнь, которая самовнушением достигла чудовищных размеров овладения.

Из любой житейской области можно перечислить множество подобных примеров. Человек уверяет, что он не может пройти по краю пропасти, но, преследуемый диким зверем, он пробегает еще более опасное место, даже не замечая того. Наверное, каждый имеет в запасе множество подобных примеров.

Тем не менее вопрос самовращенной неприязни остается в жизни одним из самых вредоносных. Иногда пробуют объяснять такую неприязнь к чему-либо или врожденным легкомыслием, или избалованностью, отсутствием дисциплины, или попросту возрастом. От всех этих объяснений легче не станет, ибо чудовища неприязни будут по-прежнему как жалить самого их создателя, так и вредить окружающему. Из обихода, из частной жизни, они разнесут свой яд среди общественности и будут вредительствовать вплоть до коренных государственно-мировых проблем.

Наверное, каждому приходилось иногда спрашивать своих друзей о причине их неприязни к чему-либо. Также, наверное, многие из опрошенных уверяли, что это чисто

²⁰⁴ «Писать вам о том же для меня не тягостно, а для вас назидательно» — библейская цитата апостола Павла.

врожденное, непреодолимое ощущение. А в сущности, все же оказывалось, что где-то и как-то создавалась та или иная привычка, а затем какое-то обстоятельство просто не ответило этой привычке. Когда-то кушанье показалось слишком соленым, а ожидаемый цветок не расцвел к назначенному сроку. Даже такие пустяки могут постепенно накапливаться в целую идиосинкразию.

От наносной неприязни следует излечиваться как от зачатка безумия.

Много раз сама жизнь покажет, что именно то обстоятельство, которое было, казалось бы, непреодолимым предметом неприязни, вдруг делается полезнейшим, а то место, которое казалось пустейшим, окажется богатейшим. Тогда со многим стыдом человек должен будет отобрать все свои преждевременные заключения. Много раз внутренне он пожалеет, что допустил самодельным чудовищам до такой степени овладеть им.

Если несправедлива неприязнь, то так же несправедливо лицепрятие. Человек, окруживший себя негодными призраками — любимцами, достоин такого же сожаления, как и породивший неприязнь в себе. Ведь и создателю лицепрятия придется, рано или поздно, сознаться в своей неосновательности тоже с великим стыдом. А ведь у людей неглубокомыслящих этот стыд породит раздражение и создаст новое вредительство. Конечно, и самодельная неприязнь, и неразумное лицепрятие одинаково стыдны, ибо их одинаково придется изживать. А всякое хождение в оковах очень тягостно. Так же тягостно, как всякое нарушение естественной справедливости.

В римском праве изучаются различия между фас и юс. Процесс порождения одного из другого очень сложен. И все же можно изумляться тем глубоким умам, которые проникали эти тонкости образования человеческих отношений. Если мы имеем перед собою всевозможные примеры здравого обсуждения и желания наиболее правовых решений, то это и в обиходе должно понуждать к очень сознательно-заботливому отношению к своим поступкам.

«Слово не воробей, выскочит — не уловишь», — предупреждает народная мудрость. Конечно, здесь предполагается не только внешне звучащее слово, но и значение породившей его мысли. Если каждая мысль производит какой-то зигзаг в пространстве, то ведь этот иероглиф где-то останется и всегда будет напоминать, прежде всего нам самим же, о том, как прискорбно наполнять пространство необдуманно иероглифами. За каждый из них мы ответим, и ответим в пространственном мегафоне.

«От падения лепестка розы — миры содрогаются»²⁰⁵.

Гнусит радио, монотонно и неумолимо нечто пронзает пространство. Что это? Лицепрятие? Или неприязнь? Будем надеяться, что создается еще один пространственный иероглиф справедливости.

1 мая 1935 г.

Цаган Куре

Справедливость

Люди часто говорят о явной несправедливости и в то же время упускают из виду знаки справедливости. Конечно, несправедливость очень очевидна и ощутительна, а справедливость иногда проявляется настолько косвенно, что узкое мышление с трудом может сопоставить разные, как бы несвязанные, явления. Действительно, пути справедливости бывают гораздо неожиданнее, нежели проявления несправедливости. Такая неожиданность, конечно, только кажущаяся. Истина протекает логическими путями, но объем действий ее превышает человеческий горизонт.

²⁰⁵ «От падения лепестка розы — миры содрогаются» — цитата из Живой Этики, представляющая в образной форме идею о всеобщей взаимосвязи явлений в мироздании.

Человек совершает какую-то явную гнусную несправедливость. Посторонние зрители наблюдают, что извратитель истины не только продолжает существовать, но кажется даже отмеченным и как бы поощренным. Человеческим мерилам трудно осознать, что эти призрачные отличия лишь пути к эшафоту. Сам преступник продолжает радоваться, думая, в низости своей, что его преступные проделки вполне удалась и возмездие невозможно. Но сказано: «Мне отомщение и Аз воздам».

Может пройти некоторое и даже значительное время, и около преступника, будет ли он личностью, или сообществом, или народом, начнут аккумулироваться какие-то странные, совсем непредвиденные, неучитываемые обстоятельства. Те самые отличия, казалось бы, удачи начнут обращаться в странные неприятности. Конечно, преступное мышление не обращает внимания на эти маленькие вспышки. В опьянении разгульного самохвальства темные не могут сопоставить и учитывать какие-то, как бы совсем несвязные, дальние зарницы.

Происходят необыкновенно поучительные психологические моменты, которые могут дать мыслителю необычайные выводы. Но для этих выводов ведь нужно не только сосредоточиться, но прежде всего нужно иметь чистое мышление. А ведь этим свойством темные преступники не отличаются. Можно видеть, как даже тогда, когда на них уже начинает валиться нечто очень тяжелое, они все еще остаются далекими от распознавания истинных причин.

Неопытные люди спросят, почему справедливость иногда бывает как бы замедленна. И этот вопрос покажет, что вопрошатель не вышел за пределы обыденности. Ведь это нам здесь, в наших условиях, представляются сроки или краткими или длинными. Существуют же и другие более высокие и тонкие мерил. Когда человеческому мышлению удастся уловить эти тонкие процессы соответствий, сочетаний и последствий, тогда особый трепет возникает. Трепет осознания знаков справедливости. Древняя мудрость говорит: «Лучше быть обиженным, нежели быть обидчиком».

В этом сказано знание законов последствий. А сроки процесса не земными мерами познаваемы.

Только оглядываясь назад, юрист-философ может взвешивать и сопоставлять в восхищении.

Римляне выражали этим не только пресыщенную холодность, но и сознание соответствий. Ведь не удивляться же справедливости. Можно восхищаться этими высокими законами, которые в стройности что-то привлекают, что-то отталкивают и в конечном итоге все-таки получается огонь справедливости прекрасной. Преступник обжигается этим огнем. Именно обжигается, то есть себя обжигает. Он сам к огню приближается. Он не может уже отклониться от пути справедливости.

Народ верит, что убийца привлекается к месту убийства. В этом сказывается глубокая народная мудрость. Преступник привлекается не только к физическому месту, но он самововлекается в орбиту безысходности. В отупении преступник долго будет воображать, что он избегает опасных для себя положений. Ему будет казаться, что именно ему удалось уйти не только от возмездия, но даже и получить несомненную выгоду от совершенного темного дела.

«Бог наказать захочет — ум отнимет». Именно затемнение ума сопутствует злым делам. Напрасно думать, что дела ненависти и злобы остаются без возмездия. Страшные последствия навлекают на себя злотворцы. И каждое зло, как щербина заржавленная, выедается в судьбе сотворившего. Выедается тем более, что так называемое раскаяние приходит очень редко. Наоборот, черствое отупление будет пытаться самооправдать злодеяние.

Говорят, что в одном государстве древнем были созданы мудрецы-философы для особых наблюдений путей справедливости. Может быть, это только легенда для подчеркивания значения этих путей и непреложности справедливости, а может быть, это и было в самом деле. Ведь среди древних культур мы встречаем акты необычайно высокого

мышления.

Среди предмета Живой Этики слово о путях справедливости должно быть очень веским. Оно научит молодежь от школьных лет оценивать всю непрактичность злых дел.

17 февраля 1935 г. Пекин

Чуткость

Говорится, что вода, уже отработавшая на мельнице, будто бы производит впечатление меньшей силы, нежели вливающаяся на колесо. Точно бы предполагается, что, кроме грубо физических условий, какая-то энергия словно бы утекла в напряжении. Конечно, это иллюзия; точно так же, как говорят, что новая непрочитанная книга потенциальнее многими прочтенной. Точно бы многие глаза могли отнять от страниц какой-то потенциал.

Но в то же время все справедливо говорят о намоленных предметах, о вещах овеванных и тем усиленных мыслями. Как будто выходит, что если вещи можно нечто придать посредством мысли, нечто наслоить на предмет, то как будто бы можно предположить, что таким же порядком, посредством мысли, посредством энергии можно и обеднить предмет, отнять у него кое-что.

Приходилось слышать, как кто-то, раскрывая возвращенную книгу, говорил: «Даже в руки взять неприятно; должно быть, какой-то негодяй читал ее». Может быть, это говорила лишь подозрительность, а может быть, и впрямь почувствовалось влияние какой-то энергии.

Так часто и какая-то несказуемая враждебность, а подчас и неизреченное доброжелательство чувствуется в самом пространстве. Опять-таки какие-то чуткие люди скажут: «Как тяжело в этом жилье» или, наоборот: «Как легко здесь дышится». Если простые фотографии подчас дают такие неожиданные показания, если химический анализ пространства тоже готов приоткрыть многое, то что же удивляться, если тончайший аппарат человеческий может вполне почувствовать присутствие тех или иных энергий.

Иногда струнный инструмент как бы самозвучит от воздействий, человеческому глазу недоступных. Иногда фарфоровая ваза сама разбивается от вибраций, почти не слышимых человеческому уху. Песок дает самые затейливые рисунки от сотрясений, внешне почти неуловимых. Также и присутствие многих воздействий не выскажется словами, но почувствуется внутренним человеческим аппаратом.

Это не будут суеверия и наносные подозрения. Это будет именно чувствознание. Никакими словесными объяснениями вы не разубедите человека, который ясно почувствовал эти прикосновения энергии. Все равно, как вы никогда не убедите человека в том, что он не видел чего-то, если он это твердо и внимательно воспринял своими глазами.

Иногда считают какою-то даже стыдною слабостью признаться в этих определенных чувствознаниях, а в то же время спокойно говорят, что пища показалась слишком соленой или горькой, тогда как сотрапезник вовсе не нашел этого. Для одного эта степень была не обращающей на себя внимание, а другой ее вполне почувствовал. Если бы только люди так же естественно и безбоязненно обращали внимание и сообщали близким о своих чувствознаниях, насколько бы больше новых ценных наблюдений обогатило бы земную жизнь и внесло бы большое рвение к преображению чувствований в познание.

Невозможно откладывать способы познания в какие-то преднамеренные рамки. Поистине, вестник приходит неожиданно. Недаром во всех Учениях эта неожиданность прозрения так определенно указана. При этом люди непременно хотят, чтобы вестник появился в назначенный ими час, через определенную дверь принес бы ожидаемые ими новости и, вероятно, сказал бы им на том языке и в тех выражениях, которые

предположены самими ждущими.

Каждое изменение в такой самопредуказанной программе внесло бы уже или смущение или, может быть, послужило бы к отрицанию. Как это могло случиться, как это я ожидал?! Опять это несчастное ограниченное «я», которое желает узко-самонадеянно повелевать в пределах зримого и слышимого мира. А вдруг самое напыщенное окажется совершеннейшим ничтожеством перед малейшим проявлением тонкого порядка? Можно ли ограничивать то, что не уложится ни в какие сказуемые границы?

Сколько вестников вообще не могло войти, ибо, подойдя к дверям, они уже знали, что их не ждут. Повторяя про себя самую Богоданную вдохновляющую весть, вестник уже знал, что ее не захотят принять именно на этом языке. Сколько уже сложенного и близкого остановлено спесивой ограниченностью. Но если попробуете отложить пределы этой ограниченности в каком угодно измерении, то никаких размеров ее не найдете, до такой степени она совершенно ничтожна.

Таким порядком, среди замечательнейших прозрений и озарений вторгаются, как серая пыль, бесчисленные осколки невежества. Пусть каждая пылинка почти невесома, но слой их может затемнить самые изысканные цветы. Общая работа и общая забота должна быть, чтобы в хозяйстве было как можно меньше пыли.

9 января 1935 г.
Пекин

Помощь

Нужно ли помогать?

Так нужно, что и выразить нельзя. И мыслью, и советом, и делом, и всеми доступными прямыми и косвенными способами. Ведь главнейшая причина мирового кризиса заключается в отсутствии взаимной помощи. Между тем достаточно ясно установлено, что протекающий кризис не материального, а именно духовного значения. Конечно, существует много благотворительных обществ и всяких канцелярий, куда могут быть подаваемы заявления о помощи. Но сейчас имею в виду не только эту установленную помощь, но именно общечеловеческое желание взаимно споспешествовать. В таком общем желании и выражается истинный прогресс.

Сколько раз указывалось, что развитие путей сообщения, среди прочих своих назначений, главным образом должно способствовать развитию дружелюбия, взаимной заботливости, иначе говоря - всей той многообразной взаимопомощи, которая является истинным украшением человечества.

Слишком часто слышатся голоса, что по причине жестокого всемирного кризиса разрушены многие богатства и тем пресечена возможность помощи. Эти голоса предполагают лишь одностороннюю денежную помощь. И если мы признаем, что деньги, как таковые, являются только единственным средством благосостояния, то и будет тем самым воздвигаться пресловутый золотой телец, против которого написаны многие отличные страницы мировой литературы. Каким ограниченным и, поистине, бедным представилось бы человечество, возымевшее уважение лишь к деньгам во всей их мишурной случайной ценности.

Эволюция требует действительных ценностей, из которых порождается и благосостояние, и для таких мировых коопераций нужна прежде всего наличность доброй взаимопомощи. Если бы нашлось достаточно сердечности и люди поделились бы между собою накоплением своего жизненного опыта, то какое богатство нового строительства могло бы возникнуть! Если бы только все зримые и незримые пути сообщения приносили с собою, вместо личного укрывательства, доброжелательную помощь, то во сколько бы благословеннее показались новые крылья человечества!

Сознательно и бессознательно, в разных частях света, думается то же самое. Если

бы только включить в мировой ток, если даже не плохо достижимую любовь, то хотя бы доброжелательство взаимопомощи! Во многих странах учреждаются целые министерства туризма. Учреждаются всякие интеллектуальные кооперации и общества культурных сношений. Казалось бы, такие общества и предусматривают не только отвлеченное прохождение по музеям и университетам, но и основное стремление к помощи — к взаимознакомлению для блага, так нужного сейчас в мире. Не можем же представить себе, чтобы министерства туризма учреждались лишь для удовлетворения поверхностного любопытства или для успешной продажи железнодорожных билетов? Это было бы очень убого.

Умножаются всякие научные экспедиции, далеко проникают всевозможные торговые миссии. Бороздят воздух железные птицы и с вестями, а то и просто на скорость. Ведь с доброю целью накаплиются все эти знаки. Будем думать, что именно с доброй целью. Туризм — путешествие, есть действительно тот жизненный университет, который вдыхает в народы новые, обновленные возможности.

Следует сказать каждому путнику:

«Помогай на всем пути твоём. Помогай всеми твоими возможностями, всеми твоими знаниями и опытом. К тебе потянутся и словесно и мысленно многие сердца. Ты будешь для них не своим, ты будешь необычным, и к твоим советам прислушаются вдвойне». Такой совет путникам не будет отвлеченностью. Каждый, посещающий далекие страны, знает, как у далеких очагов, костров, шатров, юрт и стен ждут рассказа дальнего странника. Это уважение к дальнему опыту свойственно во всех странах. В одном месте будут молитвенно слушать странника, в другом — любопытственно. В третьем — корыстно. И все же всюду будут слушать внимательно. Велика ответственность путника. Не очерствеет его сердце, чтобы оттолкнуть просящих совета. Не подумает путник, что в силу какой-либо своей узкой профессии он может не иметь открытого глаза и жизненного опыта. Именно путник, на каждом пути своем, получает множество познаний самых разнообразных. Невозможно представить себе такую степень омертвелости, чтобы человек не знал ничего за пределами своего винтика. Чем учение человек, тем он больше знает и тем жизненнее будут его советы. Истинно, знающий человек и не поскупится на эти советы, ибо сердце его потребует от этих богатств на общую пользу. Говорим всем путешественникам:

«От вас ждут многих полезных советов. Призовите все свои знания и не скупитесь на эту благую помощь. Ваши полезные советы будут ожидаемы в разных странах, и потому примените их к разным языкам и ко всяким пониманиям, но, главное, не скупитесь. Ваши дельные советы оценят глубоко и сердечно. Из них будет слагаться доброжелательное взаимопонимание между народами. Дельные советы путников отклонят многие несчастья, вызовут добрую самостоятельность, излечат отчаяние и призовут к здоровому строительству».

Не нужно думать, что такие большие задания творятся лишь на мировых конференциях. Много последствий величайшего значения творится на путях странников. Нам ведомо, что иногда черствое и недалекое сердце может сказать: «Не надо помогать». Не долго просуществует тот, кто думает, что помогать не нужно. Ужасно погибнет, кто ради эгоизма запрещает помощь, а ведь такие есть. Только умственной отсталостью можно объяснить себе такой отказ помощи. Нужно быть очень ограниченным, чтобы из какой-то боязни запрещать помогать.

Казалось бы, всеми священными писаниями заповедано помогать безотнositельно. Дано достаточно примеров, что случайные различия нуждающихся не должны служить преградами. Не привести ли опять эти общеизвестные притчи и записи. Не будем вновь цитировать то, что напечатано в мире в тысячах и миллионах. Будем думать, что лишь обрекающие сами себя на гибель будут запрещать помогать во благо. Скажем друг другу, что будем помогать во благо на всех путях. Будем помнить, что запрещающий дать добрый совет уже есть недостойный разрушитель. Когда обездоленные, когда, может

быть, даже целые роды и народы спросят совета и помощи, пусть он будет дан как залог еще одного доброго взаимопонимания.

Пусть путники посмотрят на эту свою возможность как на светлую обязанность, пусть выполняют ее со всею сердечностью, прилагая весь свой накопленный опыт. Своим искренним пожеланием преуспевания они придадут совету своему убедительность, и возрастет он как лучшая жатва, и оживит многие человеческие пустыни. Каждый должен помогать всячески и на всех путях своих. Восточная мудрость гласит:

«Серебро, зарытое в землю, чернеет».

Будьте советниками добрыми. Помогайте и сердечно любите дело помощи.

28 января 1935 г.

Пекин

Будем радоваться

Получены многие ваши письма. Пришли они сразу и ответить на них тоже хочется сразу вам всем. Во всех ваших письмах, в разной форме, выражалась одна добрая, строительная мысль. Каждый добром поминал своих сотрудников. Потому и этот привет пусть читается вами всеми вместе.

Очень хорошо отмечено, что наш друг наполнился словом «радуйся» именно в то самое время, когда я и отсылал это самое слово. Именно, как в древности приветствие начинали этим пожеланием, так и мы все не поскупимся направить друг к другу доброе пожелание.

Пусть это приветствие всегда будет в обиходе вашем. Когда же дни будут особенно напряжены, когда будет смутно и тяжело, именно тогда укрепляйте друг друга благим напоминанием. Ведь всем тяжело. Не учтешь — кому тяжелее, кому легче. Одному — в одном, другому — в другом, во всем разнообразии чувствований и переживаний может быть как бы безысходно тяжело.

Такая призрачная безысходность рассеется от одного искреннего, дружеского благопожелания. Каждая радость уже есть новый путь, новая возможность. А каждое уныние уже будет потерей даже того малого, чем в данный час мы располагали. Каждое взаимное ожесточение, каждое рождение обиды уже будет прямым самоубийством или явною попыткой к нему.

Окриком не спасешь, приказом не убедишь, но светлое «радуйся», истинно, как светильник во тьме, рассеет все сердечное стеснение и затемнения. Для чего же вы сходитесь? Затем, чтобы добротворствовать, чтобы всемерно служить благу и Свету. Среди ваших собеседований пусть растет постоянное желание увидаться чаще, сообщить друг другу что-нибудь ободряющее и укрепляющее. Среди этих так нужных в повседневности ободрений будет одним из самых плодотворных простое: «радуйся».

Люди часто отучают себя от радости. Они окунают свое мышление в такие темные, тенистые застои, что на каждый привет подозрительно ответят: «нам ли радоваться!» Да, милые мои, именно вам. Не может быть такого положения, в котором бодрый дух не увидел бы просвета. Не просто беспричинно вы говорите в письмах своих, что пребываете в бодрости. Эта бодрость образована в вас. Для нее вы много читали, и, чтобы подводить итоги впечатлений, вы закрепляете их в ваших собеседованиях.

Вот я посылаю вам выписку из одного письма, в котором, также далекий, корреспондент сообщает о темноте и невежественности. Знаете и такие происходящие отборы. В сообщаемом письме не видно желаний непременно умышленно очернить кого-то. Наоборот, темные факты оплакиваются. Злобная невежественность причинила душевную боль. Но и на это вы скажете: «И это пройдет». Вы не только переживете всю подобную действительность, но, зная ее, вы бодро ее победите.

Для начала этой бодрости вы улыбнетесь друг другу в сердечном привет: «Будем

радоваться». Сумеем обойтись друг с другом очень бережливо, очень задушевно и опять-таки очень радостно. Некоторые темные знаки являются, даже в темноте своей, уже предвестниками Света. В восточных языках имеется выражение: «Первый проблеск до зари восхода». Видите, не о восходе самом говорится, даже не о заре, но уже подмечается первый проблеск. Чем пристальнее будете осматриваться, тем больше светлых проблесков найдете. «Близка зоря, но еще ночь» — так словами стража отвечает пророк Исайя. Несмотря на ночь, он уже видит зарю. А зарю можно приветствовать именно лучшим пожеланием: «Будем радоваться».

Хорошо, что вы вообще не сетуете. Напрасные сетования причиняли столько вреда людям, а прежде всего самим же сетующим. Действительно, почему человек должен сетовать на то, что он в данный час находится на определенном месте и в определенном состоянии? Во-первых, и над тем, и над другим он когда-то сам потрудился; а затем, почему человек может брать на себя утверждение, что в другом месте он мог бы быть более полезным?

Может быть, именно на этом месте, где он сейчас находится, он должен выполнить большую и прекрасную миссию. Может быть, он поставлен именно на этом месте как дозор, крепкий и неусыпный. Может быть, именно на этом месте ему доверено нечто такое важное, которое он и не мог бы донести в другом месте. Часто людям миражно представляется, что куда-то нужно стремиться, и они забывают, сколь большие ценности вверены их охране.

Что же было бы, если все добрые люди собрались бы в изолированном месте? Правда, они могли бы наполнить пространство мощными мыслями. Но все же им пришлось бы высылать доверенных гонцов для земных хождений, для работы верной и неотложной. Что же было бы, если гонцы эти не пожелали бы идти в путь среди ночной тьмы, среди ледящих вихрей? Конечно, идти по острым камням, ожидать из-за каждой скалы вражеский нож и слушать грубые, кощунственные речи неприятно. Но как же иначе сделается мирское дело? Как же построятся храм и как иначе возможно принесение радости народам?

Потому-то так хорошо, что вы не сетуете, что вы понимаете смысл и значение работы на определенном месте. Конечно, вы храните в сердце своем пути дальние в страну благословенную. Вы видите в себе, в сознании своем все благие построения, о которых обязан мыслить каждый мыслящий. Вы храните в себе и готовность пройти по всем острым камням и выслушать все угрозы и рычания, ибо вы знаете, куда и зачем вы должны направляться.

Теперь же, когда вы собираетесь для собеседований, вы наполните эти часы неподдельною радостью. Вы укрепите друг друга в том, что зло преходяще, но благо — вечно. А там, где радость, там уже есть зачаток блага. Улыбка в благе, не похожа она на гримасу и усмешку личин зла. Истинная радость уберется от всякого сквернословия и кощунства. Ведь радость светла!

Только в радости вы находите неисчерпаемые силы, чтобы неустанно продолжать добротворствовать. В радости люди стремятся сойтись вместе. Именно в радости нет одиночества. В радости и пишу вам всем вместе, ибо не хочу ничем разъединять вас. Почему бы нужно было говорить о радости кому-то тайно?

Радость — в явности. Радость — в доверии. Радость — во взаимном укреплении. Не отвлеченно дружелюбие, о котором мы всегда говорили. Трудные дни сейчас. В эти часы особенно помянем и сбережем радость.

Будем радоваться.

18 июня 1935 г. Цаган Куре

Полезьа Доверия

«...Наполнилось ли сердце всеми теми качествами, которые необходимы в работе для человечества? Умеет ли оно быть терпеливо и терпимо к маленьким ошибкам других и сознает ли громадные недочеты в себе? Не затемнено ли оно злостью, недоброжелательством, подозрительностью и полно ли оно доверием?»²⁰⁶

И тут же встает вопрос: а можно ли вообще всем доверять? Ведь иногда и под шкурой ягненка может скрываться волк. Не может ли иногда излишнее доверие породить губительство для дела? Не нужна ли сугубая осторожность даже с близкими? Особенно теперь, когда так много кругом предателей?

Вечные вопросы. Может ли быть писанный или сказанный ответ на них? Противоречия как бы совершенно очевидны. Очень ли много предателей? — Конечно, очень много, и малых и больших, и умышленных и неумышленных. Бывают ли волки в овечьих шкурах? Бывают, да еще какие. Можно ли вообще избежать этих вопросов? Нет, в различности жизни они неизбежны. Как же думать о них? Не наполнят ли такие думы сердце губительным ядом? Возможно ли доверие? Не лучше ли не доверять, чтобы тем уберечься от всякой возможности предательства?

Один очень просвещенный, начитанный человек тоже спрашивал: как поверить истине? Ведь могут быть всякие подделки. Могут быть явления с поддельным светом. Могут быть голоса лукавые. Такими соображениями этот, казалось бы, во многом утвердивший свое сознание человек довел себя до полнейшего смущения, даже вообще повредил качеству своего характера. Кроме того, он отказался от тех возможностей, которые ему уже предназначались. Наверное, он чувствовал всю боль, происходящую от его шатаний. Он нанес вред не только себе, но и своим близким. Единственным оправданием у него оставалось, что когда-то в жизни он ошибся.

Не сказалось ли в этой специфической мысли о бывшей ошибке какое-то или саможаление, или сомнение? Что же тут удивительного, если человек когда-то ошибся. Латинские и прочие древние пословицы достаточно напоминают о том, что ошибаться свойственно человеку. Конечно, все могут ошибаться, но дело лишь в том, какое последствие оставляют всякие ошибки в человеческом сознании. Для одного они сделаются источником постоянного пессимизма, который приведет их и к безволию, и к сомнению, и к озлобленности. Для других же случившиеся ошибки послужат лишь горнилом для выковывания новых, светлых достижений. Считать обиды — плохое занятие. Начать все неприятное переносить только на себя — уже будет каким-то заболеванием. Надуться, как мышь на крупу, — будет лишь признаком невежества.

Опытный мастер из каждой, как бы происшедшей, ошибки сумеет сделать новое, ценное дополнение к своему творению. Каждый скульптор, каждый резчик подтвердит, как ему приходилось сталкиваться с неожиданными особенностями материала и как он должен был проявить всю добрую находчивость не только, чтобы обойти это препятствие, но, наоборот, сделать из него явную пользу. Почему-то слово «стратегия» отнесено лишь к физической войне. Ведь каждая духовная битва, вообще каждое жизненное искание и нахождение есть уже стратегия в полном смысле этого слова. Даже в войсках начали вводить всякие охотничьи, спортивные и прочие исследовательские команды. Это делается для пробуждения духа находчивости, соизмерности и разборчивости в каждую минуту зримой или незримой битвы.

В подобных же опытных исследованиях найдется и та мера, которая позволит сохранить всю полноту и всю красоту доверия. Волки в овечьих шкурах и всякие предатели даже выслушаются и заслужат взгляд прискорбия, если почувствуется, что исправление их уже невозможно. Каждое предательское направление есть лишь еще один

²⁰⁶ Цитата из Живой Этики.

опыт распознавания, пробы клинка, хотя бы уже и закаленного на большом жаре. Но как бы ни была черна тьма, даже в самых зловещих потемках, сердце не содрогнется, когда оно полно великим служением. А ведь без доверия и служения человечеству невозможно. Без веры какая же будет надежда, а без них любовь превратится в ужасную гримасу.

Доверие, как дочь веры, охранит здоровье духа и здоровье тела. Именно через доверие, через самоотвержение достигается и открытие сердца. Вне веры, в протухшей засушенке или в надутый обидчивости не откроется сердце. Невежественная надутость приведет к обособленности. Такое самоизгнание, прежде всего, будет самоизгнанием из служения человечеству. В этом ужасе потеряется и бодрость, и находчивость, сузятся кругозор и подорвется здоровье.

Никакие врачи, никакие порошки, никакие звериные железы не спасут, когда подорвано самое основное, самое жизнедеятельное. Все лекарства, вся лекарственная природа, так широко представленная человечеству, хороша, когда она воспринимается с доверием. Но если доверие будет нарушено, то ведь оно нарушится решительно для всего. Человек не поверит людям, человек не поверит лекарствам и, наконец, не поверит себе. Опытные люди говорят: потеря денег — ничего, но потеря мужества означает потерю всего. Действительно, так оно и есть. Все может быть залечено, восполнено, но потеря чувства доверия будет значить уже утерю жизнеспособности.

Так повседневное сплетается с самым основным. Всюду думают часто: допущу это лишь сегодня, а завтра будет совсем другое. Ничего подобного: допущенное сегодня же будет основой для завтра. Человек решил в сердце своем чего-то не делать, а сам взял и сделал; значит, он уже не поверил своему решению. Когда говорят о всяких соблазнах, ведь это не что иное, как нарушение самодоверия. Значит, не оказалось в запасе чего-то такого, самого важного, что могло бы перевесить и преодолеть какой-то случайный блеск. Мало ли случайного блеска в мире! Золотоискатели и всякие кладоискатели нередко бегут, запыхавшись, к какой-то блестящей точке, но она окажется или осколком стекла, или негодными кусками жести.

Распознавание правильно. Оно растет в саду оптимизма. При этом распознавании будет позволено добросердечно поговорить даже и с очень отсталым. Почему же не дать и ему живительную каплю, а кроме того, всякая беседа о благе будет истинным наполнением пространства. Добротворчество должно произрастать везде. Нет такого места в мироздании, где добротворчество было бы неуместно. И не только растительность напоминает людям о непрерывном сеянии. Возможно ли оно без доверия, без прямого действия ко благу? Каждый цветок пошлет пыль свою не во зло, а во благо. Пошлется семя без осудительства, без предрассудка. Добротворчество должно протекать везде. В этом будет ответ на все вечные вопросы, порождаемые лишь сомнением.

«Пылайте сердцами,— творите любовью».

11 августа 1935 г.

Тимур Хада

Благожелательство

Насколько многое, очень знаменательное и благожелательное, остается нигде не записанным! Сегодня мы слышали, что русская пекинская духовная миссия была сохранена благодаря личному ходатайству таши ламы. В истории верований такой благой знак должен заботливо сохраниться. Около религий, к сожалению, слишком много накапливается знаков холода и отрицания. И вот, когда вы в старом Пекине слышите прекрасный рассказ о том, как многие священнослужители и религиозные общества шествовали к таши ламе просить его о сохранении православной замечательной миссии, хранящей в себе так много традиций, и узнаете, как доброжелательно было принято это обращение, вы искренне радуетесь. И не только это обращение было принято

дружелюбно, но и оказались желательные последования; и в историю православной миссии будет внесен этот замечательный акт высокого благожелательства.

Когда человечество обуяно бесами злобы и взаимоуничтожения, тогда всякий знак утверждения и взаимной помощи будет особенно ценным. Конечно, о доброте и доброжелательстве таши ламы многое известно. Но одно дело, когда это рассказывается его соплеменниками, и совершенно другое, когда чуждые люди тоже имеют при себе такие свидетельства добрые.

Люди очень часто не отдают себе отчета, насколько ценно само запечатление добрых знаков.

Существуют особые типы людей, которые предостерегают против всякого энтузиазма и даже против громко сказанного доброго слова. Конечно, при таком образе мышления все погружается если не во мрак, то, во всяком случае, в серенькие потемки. Противники всякого энтузиазма хотели бы приучить людей ни на что не отзываться, никак не реагировать и быть к добру и злу постыдно равнодушными.

В наши смутные дни особенно много таких серых жителей. В значительной мере именно на них лежит ответственность за глубоко всосавшуюся в общественный строй смуту. Смута, потрясающая и к тому же сама в себе дрожащая, является не чем другим, как бесформенностью, безобразием. Само слово «смута», смущенность, недалеко от извращенности, сомнительности и боязливости. В смуте рождаются неясные намеки. Она же порождает всякие анонимные наговоры. Когда сердце теряет трепет восторга, оно может впасть в трепет смущения. Насколько трепет восхищения будет устремляющим ввысь и прекрасным, настолько трепетание, смущения будет ограничивающим, понижающим, уstraшенным. А что же может быть безобразнее зрелища страха? Самые высшие понятия чести, достоинства, преданности, любви, подвига, ведь они могут быть нарушены и обезображены именно страхом. Страх ради люди могут промолчать, отречься и предательствовать. И какое множество молчаливых отречений и трусливых замалчиваний явлено в повседневной жизни.

Для отречения не нужны никаких высоких слов или прекрасных обстановок. Обычно именно отречение, замалчивание, умаление хорошо сочетаются с сумерками. Они живут в серости, когда четкие формы выедаются потемками и все делается неопределенным. Неопределенность помыслов, нерешительность и есть именно смута.

Смущенность не поет, не слагает красивые формы, но в дрожании искривляет все отражения. Так, пролетающая птица неопределенно касается тихой водной поверхности, и надолго после такого пролета задрожат только что прекрасно отразившиеся формы.

От смуты, от страха нужно лечиться. Так же, как от многих болезней нужно предпринимать длительное восстановление сил, так же нужно воздействие и от смуты. Нельзя позволить смуте загнивать в язвах и нарывах. Новые сильные мысли и мощные действия будут спасительны, чтобы вывести смущение духа в обновленное состояние. Конечно, одною переменою места или житейских условий смущение еще не будет осилено. Дух, в сущности своей, сознание, должно поразиться чем-то; а еще лучше — чем-то восхититься.

Невозможно допустить, чтобы восхищение, иначе говоря, энтузиазм не были бы доступны даже смущенным душам. Все-таки бывают же такие действия, такие положения в мире, которые заставят сердце восхититься и тем самым выйти из смущенных дрожаний. Прекрасное творчество, высокое знание, наконец, чистосердечное стремление к Горнему Миру — все чудеса, которых так много в жизни земной, легко могут уводить даже поникший дух в сады восхищения.

Если люди попытаются вычеркнуть из бытия своего, иногда ими осмеянное, слово «энтузиазм» или «восторг», то чем же они заполнят эту страшную пустоту в своем сознании? В этом запустелом сердце поселится тоска и неверие, появится та мертвенная затхлость, которая свойственна заброшенным пустым помещениям. Входя в заброшенный дом, люди говорят: «Придется долго обживать его». И правильно, такая заброшенность

угрожает даже и физическими заболеваниями.

Обжить жилье — это еще не значит просто зажечь огонь. Потребуется именно человеческое присутствие, иначе говоря — биение человеческого сердца, чтобы оживить, одухотворить замершую жизнь.

Одним из простейших одухотворений будет каждое сведение о каком-либо добром и необычном в благожелательстве действии. Итак, будем радоваться каждому добру. Ведь оно уже рассеивает чье-то смущение и заменяет безобразие красотой.

29 декабря 1934 г.

Пекин

Бережливость

Если удача зависит в большей степени от наших внутренних предпосылок, то как нужно научиться следить за собою, чтобы не отравлять пространство. Такая заботливость приучит к истинной бережливости. Мы не имеем права покушаться на чужую энергию — самовольно потратить чужие ценности. Ведь это нельзя как в материальном, так и в духовном плане. Между тем из самых, казалось бы, добрых намерений нередко происходит растрата чужих сил. При этом люди думают, что взяли от одного, а между тем самовольный заем произошел совсем от другого. Люди думают, что они оберегли что-то, а на самом деле — они усугубили иотяготили.

Много раз приходилось видеть, как по незнанию даже друзья в самый напряженный момент посылали очень отравленные стрелы. Может быть, накануне очень ответственного действия именно дружеская стрела, опрометчиво пущенная, наносила опасную царапину. Конечно, предполагалась посылка стрелы по другому направлению, но пославший не рассчитал все внутренние связи и невольно задел именно то, что предполагал обереечь. И чем больше сотрудничество уже спаивалось, тем опаснее могли быть эти нерассчитанные удары.

Чувства любви и преданности должны бы достаточно предупреждать неосторожных лучников. Чувство доверия, как основа сотрудничества, должно бы напомнить об осторожности. Врожденное чувство доброжелательства должно бы создать осмотнительное благоволение. Но, очевидно, всех этих сочетаний недостаточно. Может быть, кроме сердечной заботливости нужно развить в себе то, что называется бережливостью.

В каждом опрометчивом действии непременно будет вред и для других, и для себя. Если человек еще не научился вполне заботливо относиться к другим, то пусть он хотя бы и для себя самого поостережется. Всякое покушение на чужие ценности будет уже похищением, и вред от него будет тем же вредом, как от каждого покушения на чужое достояние.

Бережность или бережливость! Эти оба понятия вполне связаны, хотя на первый взгляд как бы имеют в виду различные действия. Приучение себя к понятию сотрудничества помогает осмыслить все трогательное значение бережности и бережливости. При осознанном сотрудничестве, прежде всего, разовьется уважение к действиям сотрудника.

Если кто-то что-то делает, то, значит, у него есть достаточное основание именно к этому способу выражения. Сотрудник, прежде чем заподозрить, что действие несовершенно, прежде всего отнесется с полным доверием и доброжелательством. Когда же после дружелюбного исследования поступка у сотрудника явится соображение, что нечто могло бы быть сделано иначе, то он всеми лучшими способами постарается разъяснить, почему его соображения более действительны.

Разве возможны среди сотрудников выражения, восклицания недружелюбия или

злобы? Какие же они после этого сотрудники? Если в одном случае могла загреметь и завизжать злоба, значит, это возможно и в другом случае. Кто знает, может быть, среди самого ответственного действия могут вспыхнуть те же самые языки алого пламени. Значит, вино еще не готово. Значит, сотрудничество еще не состоялось. Если же так многое еще не оформилось и не установилось, то возможно ли ответственное действие? Испытание всегда приходит на малом.

Есть старинная сказка о том, как некий царь заявлял, что он произведет очень серьезные испытания. Все готовились к ним и ждали их, и удивлялись, почему они отложены. Разве они вообще отменены? Но совершенно неожиданно все сотрудники были созваны и было объявлено новое распределение труда. Оказалось, что испытания уже произошли. Люди были испытаны на самых, для них незамеченных, обиходных проявлениях. Было отмечено, когда и кто раздражился, когда была неточность, когда была расточительность. Словом, все было взвешено в то время, когда люди ожидали, что испытания будут происходить в каких-то торжественных собраниях.

Люди выучили на тот случай какие-то благозвучные формулы. Запоминали наизусть изречения. Чертили на память формулы и вычисления. А в то же время в обиходе, сами того не замечая, достаточно выявили свои внутренние качества и свойства.

Недаром в сказаниях и в высоких учениях говорится о неожиданности. Приготовить себя к таким жданным неожиданностям можно лишь постоянною настороженностью и бережливостью. Оберегая друга и сотрудника, люди оберегают самих себя. Когда же будет понято, что всякое неосновательное суждение есть уже признак неподготовленности к ответственным действиям? А ведь одно искривленное или нарушенное действие влечет за собой множество прискорбных искривлений. Выпрямлять эти искривления гораздо труднее, нежели вообще не допустить их.

Друзья! Будем очень бережливы. Будем очень бережны.

8 марта 1935 г.

Пекин

Значительность

Уберегайте весь быт от всякого пустословия. Не совсем вижу именно, как переведете на разные языки это очень точное и многозначительное выражение — пустословие. На некоторых языках оно имеет равнозначашее слово, но на других пришлось бы выразить его описательно, а это всегда нежелательно.

Когда говорим о всяких многозначительных понятиях, как добрых, так и темных, то подчас наряду со словами страшными, вроде предательства, присоседится и такое как бы малозначительное слово, как пустословие. Кто-то скажет: «Странно, если понятие пустоты может иметь значение, а тем более — вредительское».

Но пусть тот, не вдумавшийся в сказанное им, раскинет умом, сколько подлинного вреда было нанесено не чем другим, как пустословием. Произносится это пустословие — «просто так», «просто сказалось», «просто зря». А выходит оно совсем не просто. Ведь «просто» есть хорошее слово, ибо всякая простота, во всех приложениях, уже хороша. Но то-то и есть, что произносящий эту лжесакраментальную формулу «просто так» не имеет ничего общего с подлинною простотою, а ближе всего и чаще всего имеет отношение к невежеству.

Нередко бывает, что человек вспоминает самые грубо примитивные действия и помыслы и уверяет, что в них он чувствовал себя проще. Но ведь это не была простота — просто была одичалость. Таким порядком похуляется прекрасное понятие просвещенной простоты.

Особенно же часто всякие похуления произносятся среди бессмысленного пустословия. Из него же вытекает и сквернословие, вредительское осудительство и

вообще всякое небрежение. Когда весь мир содрогается в смущениях и в судорогах, тогда особенно невыносимо всякое пустословие. Времени так мало. Не хватает мгновений на выражение самого нужного, самого значительного и неотложного. И эти драгоценнейшие, неповторимые часы безумно растрачиваются на загромождающее пространство пустословие. Нередко так любят позорное пустословие, что называют его отдыхом. При этом говорится: «Не все же толковать о серьезном, просто поболтаем». А вдумайтесь в это поверхностное выражение «поболтать» и вы увидите, что оно не может, в существе своем, успокаивать, а будет вести к раздражению. Хорошо возмущать воду, если это имеет какой-то значительный, благой смысл.

Болтание почти противоположно смыслу, а все бессмысленное, не будем доказывать, непристойно. Кто может сказать, когда из несерьезного произрастает серьезное? Кто возьмется судить, какое именно сорное семя быстрее всего заглушит бережливые посадки? Вряд ли имеется садовник, который, наряду с бережливыми, полезными посадками, будет также незабынно рассеивать семена сорняков. Такой пример, казалось бы, совершенно ясен, но в том-то и дело, что пустословие не считается сорняком. Сорные травы, сорняки, растут при грязных дорогах или около заброшенного жилья, и всяких развалин, и навозных куч.

Если пустословие подобно сорняку, то и места произрастания его этим определяются совершенно точно. Пустословят на грязных дорогах, в обветшалом, пыльном обиходе. Пустословят от безделья, от невежества, от отупения. А ведь всякое отупение поведет к огрубению — к той самой ужасной грубости нравов, которая противоположна не только всякой культуре, но и цивилизации.

В огрубении человек теряет и чувство справедливости, и соизмеримости, и терпимости. Начинается огрубение от очень малого, от почти неприметной распушенности, бравады, от допущения множества маленьких знаков, которые при зоркости и заботливости не могли бы вообще произрасти. На произрастании злаков можно учиться многим знакам жизни. Посмотрите, как изумительно настойчиво вторгаются всякие сорняки, а там, где сорняки, значит, там место было уже чем-то опоганено. В этом обиходном примере можно запомнить всю психологию, а может быть, вернее сказать, физиологию пустословия. Коротко говоря, пустословие поганыт бытие.

Во многих формах произтекает такое поганое пустословие. Оно засоряет семейный быт, оно ожесточает сердца, наконец, оно загрязняет само пространство, ибо всякий звук не только не умирает, но претворяется и далеко, и высоко. Бывает, что в семейном обиходе добровольно полагается штраф за произнесение бранного слова. Это хороший обычай. Не мешало бы также добровольно устанавливать пеню и за всякое пустословие. Чем же можно обусловить пределы пустословий? Определить это совсем не так трудно. Если человек может формулировать, с какою именно значительною целью он нечто сказал, то это уже не будет пустословием. Но если опять произойдет сакраментальное «просто так» или «я не подумал», то это и будет в пределах пустословий сорняк бытия.

Не молчаливцами ли сделаться? Так, может быть, скажет человек, избегающий ответственности за говоримое им. Это было бы, прежде всего, трусливо, а всякая трусость уже будет невежеством. Казалось бы, насколько много дано всем, настолько богато и щедро все земное и Надземное, что не хватит времени взаимно утвердиться в этих прекрасных дарах. От привычки будет зависеть, чтобы время не тратилось на пустую болтовню и на безмыслие.

Возможно ли вообще состояние безмыслия? Поистине, заставить себя не мыслить еще труднее, нежели заставить себя думать. Мысль есть такое неотъемлемое, постоянное условие бытия, что нужно какое-то неестественное опьянение, чтобы организм пришел в состояние комы.

Когда люди сызмальства приучаются к значительному собеседованию и постоянному мышлению, то в этом естественном состоянии они получают истинную радость. Жизнь их наполняется значительностью. Каждый день и каждый час они могут

дать себе отчет, что нечто созидательное исполнено.

Не раз говорилось, что и само сонное состояние не есть безмыслие. Во сне соприкасаются с тонким миром, во сне многому научаются и пробуждаются не только обновленными физически, как полагают, но и обогащенными духовно. Вероятно, многие замечали, что, засыпая с какою-то благою мыслью, они просыпались утром, мысленно твердя разрешение этой же мысли очень часто в форме четкой и новой для них самих. Работа мысли безгранична.

Если эта область мысленной энергии так возвышенна и благородна, то имеем ли право засорять ее безмыслием и сорняком пустословия? Это само собою, казалось бы, понятно, но все же должно быть начертано на скрижалях каждого просветительного учреждения и во всем быту государственном, общественном и семейном. Сейчас время трудное. Тем более нужно осознавать, где притаилось все сорное и вредительское.

Маски притворства и лицемерия многоличны. Подлинность и простота должны быть применяемы во всем их настоящем, ответственном значении. Это вовсе не отвлеченность, но та простая ответственность перед бытием, которая составляет долг каждого человека. И совсем нетрудно при исполнении этого высокого долга прежде всего отказаться от пустословия, от этого сорняка, от этого пожирателя ценностей времени. Один такой отказ уже внесет в жизнь ту значительность, которая созвучит со всем прекрасным, Надземным и Вечным.

6 июня 1935 г.

Цаган Куре

Труд

«Сегодня — маленький компромисс. Завтра — маленький компромисс. А послезавтра — большой подлец», — уже давно сказано. Ужасны компромиссы Армагеддона. Ужасно положение населения, как пешки, переходившего из рук в руки. Сегодня на поклон одному, завтра улыбка другому. Сегодня молебен, завтра анафема. Сегодня скрежет зубовой, завтра — цветы и ликование. А если несколько скрежетов? А если забитое молчанье?

Да чего говорить, каждый может вообразить ужас человека, повторно переходящего из рук в руки, подозреваемого, унижаемого. Сколько придушенной злобы, засахаренной ненависти, жалкого безумия! Сколько неизлечимых заболеваний! Сколько иссушающего горя! Не перечесать! Армагеддон войны кончен, теперь — Армагеддон Культуры.

Мудряки житейские шепчут: «Как-нибудь утрясется». Значит, опять «как-нибудь», «авось да небось». А на «авосе» в долгий путь не поехать. Случилось многое, а стали ли люди добрее, зародилось ли взаимодоверие? Нет, злобность, беспощадность, затаенное лукавство засели под порогом. И как выгнать таких ползучих ехидн? Мудряк успокаивает: «Как-нибудь утрясется». Но на «как-нибудь» ехать не полагается.

Бывало, Серов говаривал: «Придет час, когда человеку придется показать истинный паспорт». Вот и пришел такой час, и человек должен предъявить свой тайный паспорт. О таком подлинном паспорте человек должен научиться помыслить сызмальства. Учителя и семья скажут малышам, где истинные ценности.

Утилитарность привела к атомическим бомбам. Человечность со всеми гуманитарными достижениями была засажена в чулан — за ненадобностью. Но сердце человеческое бьется не об утилитарности, но о познаниях высших, о творчестве, о красоте, о любви.

Труд, великое творчество, высокое качество поднимут поникший дух человеческий. Мыслитель сказал: «Молитвенно примем дар труда».

24 сентября 1945 г.

Доверие

Письмо Ваше говорит о доверии. Вы справедливо спрашиваете, как же, наконец, объяснить всем, всем, всем неотложную нужность доверия.

Вы понимаете, как доверие необходимо на всех созвучных путях. «Без согласия дом не строится», а согласие уже есть доверие. Если трудник в сердце своем знает о сотруднике, что тот делает именно так, как надо, это уже и будет знаком доверия.

Такое понятие, как доверие, нельзя выразить никакими наставлениями, а тем более указами. Его надо почувствовать. Или оно имеется налицо, или его нет. Если оно не зародилось, то ничем и никак вы его не надстроите. Всякое чувство строится на очень прочном сердечном фундаменте. Если фундамент не сложился, то вся постройка будет на сыпучем песке и не принесет ничего, кроме огорчения.

Доверие настолько есть чувство, что оно не нуждается в очевидности. Можно восчувствовать доверие к чему-то или кому-то, никогда и не видев этого дела или это лицо. В своих обстоятельствах доверие похоже на убедительность. Совершенно также убедительность является как высшее видение, как непреложность. В ней есть и вера, и сознание настоящей реальности. Те же самые обстоятельства непременно нужны при образовании доверия.

Элементы доверия настолько благотворны, что без них, действительно, нельзя себе представить никакую постройку, будь она земная или духовная. Доверие будет прочным цементом всякого духовного строительства.

Вы и сотрудники Ваши совершенно правы, озабочиваясь, как естественнее всего взаимно пребывать в доверии. Ведь можно вместе читать книги, можно вместе слушать лекции, можно обоюдно доброжелательствовать и все же не быть твердо уверенными в обоюдном доверии. Проверять доверие следует на всяких жизненных вопросах. Каждый должен спросить себя, может ли он совершенно быть спокойным за своего сотрудника так же, как за самого себя?

Сказано «не желай другому того, чего себе не желаешь». В полной мере это положение применимо в рассуждении о доверии. Так же точно сотрудники должны быть обоюдно спокойными, поручая друг другу какое-либо добротворчество.

Если где-то зашевелится подозрение о том, сможет ли сотрудник выполнить поручение во всем высоком качестве, то это уже покажет, что доверия или нет, или оно очень призрачно. Конечно, нужно думать о доверии. В этих мыслях уже будет утверждаться возможность зарождения доверия. Когда вы будете знать, и знать неотступно, насколько непременно нужно доверие при каждом общении, то вы и будете анализировать свои чувства и мысленно обострите их в благую сторону.

Когда говорим про анализ чувств, мы не будем предполагать какое-то обдуманное мучительство чувств. Всякое такое насильствие уже будет уродством — безобразием. Анализ чувств может быть лишь в утверждении их и в обнаружении их зачатков. Одно — обнаружить зачаток, а другое — насильствовать и искривлять его.

Мы столько раз обменивались с Вами соображениями о значении и о силе мысли. Вот эту силу мысли и нужно обнаружить при Вашем благом устремлении к укреплению доверия. Не ищите его лично и в самости. Пусть оно цветет на непреложных фактах. Доверие не может расцветать на пустом месте и о пустом месте. Для него нужна действительность, не предполагаемая, но доказанно осязаемая.

Иногда люди скажут: «Тут что-то есть таинственное». Это еще не будет осуждение. В просторечии таинственность является синонимом силы и убедительности. Иначе говоря, люди хотят сказать:

«В этом что-то есть». Французы очень хорошо умеют характеризовать это нечто несказуемое, но действующее и существующее. Упоминаю о довольно излюбленном в обиходе слове «таинственность», как о примере, что некоторые своеобразные

определения не противоречат понятию доверия. Также, если люди скажут: «Тут что-то неспроста» — это тоже будет своеобразным признанием.

Не однажды в литературе говорилось об обезьяньих ласках. Подобно же можно выразиться и о всяких своеобразных определительных, которыми люди иногда хотят выразить ощущение чего-то особенного. Ведь все неособенное, у тех же людей, не заслужит ни внимания, ни доверия.

Могут быть восстания против всего особенного. В страхе и в ужасе невежества кто-то захочет, чтобы все сущее стало бы неособенным, забывая, что тем самым он вычеркнул бы из бытия и возможности всех блестящих открытий, которыми сам же он так любит пользоваться. Какие-то изуверы в разных областях могут вопиять против всего особенного, иначе говоря, против всего, чего они не знают. Но это будут лишь пароксизмы невежества. Все же находящееся на путях культуры отлично понимает, что неособенное есть смерть и тление, а особенное есть жизнь и преуспеяние. А разве сама жизнь, в ее несказуемой тайне, не есть высшая особенность?!

В построении доверия вы проявите высшую меру доброжелательства. Помыслите в таком доброжелательстве, которое называется оптимизмом. Ведь границы между этими понятиями совсем неприметны. Сад прекрасный, рассадник доверия, будет прежде всего цветником оптимизма. Пусть себе кто-то ухмыляется. Можно привести из Пушкина, Гоголя, из Чехова многие примеры, когда в убедительных словах говорится о необходимости доверия и справедливости.

Прочно возвращенное доверие будет справедливо. Ошибки могут быть лишь там, где была какая-то неосмотрительность и небрежность. Дом, построенный крепко, и будет прочным, и будет служить надолго. Радостно, что Вы мыслите о том, что является прочным цементом для строения человечества.

*11 июня 1935 г.
Цаган Куре*

Скорее!

«...Мне, вообще, хочется, чтобы все тяжкое и трудное, что стоит впереди меня и всего человечества, чтобы все оно наступило скорее и чтобы единым духом все преодолеть для стремительного движения вперед, поскольку хватит сил. В прошлом и в настоящем много ужаса в мире. Чувствую, как сгущаются знаки кругом и как хочется крикнуть «скорее!». Больше и больше бунтует и нетерпеливый дух. Не знаю, хорошо ли это».

Так пишет наш сотрудник, одаренный и вдохновенный. Его глаз, смотрящий по широкому горизонту, конечно, замечает все те нагромождения, от которых душно человечеству и хочется крикнуть «скорее!». Он же продолжает: «Говорят об усиленной заболеваемости. Недавно зубная врачиха удивлялась множеству воспалительных процессов. В Париже в конце мая — снег, в Токио — град, величиною с двухкопеечную монету. Простой не хитрый мужичок недавно усиленно советовал моему знакомому уехать отсюда куда-нибудь, ибо чует его сердце, что так надо. Всюду смятение».

Не только зубные врачи, но и врачи глазные, горловые и легочные — все говорят о большом количестве каких-то воспалительных процессов. Конечно, сердечные заболевания и всякие напряжения особенно обращают на себя внимание. Сотрудник спрашивает, получили ли мы книгу об Апокалипсисе²⁰⁷.

Мы ее не получили, но много апокалипсиса происходит вокруг. Если возьмем

²⁰⁷ *Апокалипсис* (или Откровение Иоанна) — заключительная книга Библии, содержит пророчества о «конце света», о борьбе между Христом и антихристом, о «страшном суде» и «тысячелетнем царстве божием».

передовой лист ежедневной газеты, то разве не видно будет на нем апокалипсических знаков.

Только заведомо глухие и слепые не хотят видеть напряженность времени. А вот простой мужичок, как пишут, стремится хоть куда-нибудь уехать. Такое беспокойство сердечное всегда очень показательно. Все же более сознательные не только хотят уехать куда-то, но определенно заклиная пространство кличем — скорее. Они-то понимают, что без каких-то разрушительных процессов нарывы и гнойники не вскроются и зараза будет лишь углубляться, заражая весь организм.

Опытный хирург, усмотрев опасное состояние зараженного организма, тоже восклицает: скорее, скорее, чтобы не допустить распространения заразы. Ведь он знает, что если разложение достигло известных пределов, то его нужно немедленно прекратить. Если простой человек хочет просто уехать хоть куда-нибудь, то в других сердцах это мрачное предчувствие выражается подавленностью настроения. Кто-то говорил: пусть все пропадает. Но наш сотрудник, в силу своего строительного характера, вовсе не хочет, чтобы все пропадало. Чутко и мудро он призывает: скорей, скорей. Пусть операция будет уже в прошлом. Пусть явится еще одна возможность думать о будущем и стремиться к нему с обновленными грозою силами.

Люди разделяются на два типа в отношении восприятий грозных явлений. Одни тупо боятся и молнии и грома. Они готовы нелепо спрятаться, зарыться в подушки, заткнуть уши, лишь бы не слышать этих прекрасных грозных разрядов. Другие же, наоборот, восторженно воспаляются духом, когда грохочет гром и сверкает молния. И в этот момент они менее всего думают лишь о себе. В них нет мысли, ударит ли в них молния или нет. Но те, которые зарываются в подушки от космических явлений, они-то, наверное, где-то думали о себе, о своей «драгоценной жизни».

Представьте людей такого типа в бою, и, наверное, вы увидите такую же растерянность и уклончивость. Они прикроются многими соображениями. Они скажут, что не идут вперед потому, что не имели времени обсудить, действительно ли им нужно подвергать себя опасности. Они не поспевают вовремя, ибо найдут многие причины, почему им пришлось опоздать. Они очень находчиво изложат причины, почему они уклонились от действия, от подвига. Вероятно, в сердце своем они будут негодовать на те обстоятельства, которые призывали их к подвигу. Извилисты пути всяких уклонений от добра. При этом будут поражены самые священные, великие основы. Если безумец может быть чрезвычайно находчивым и выносливым. Если лунатик невинно пройдет по узкому карнизу над бездной, то и безумие страха своеобразно преисполняет людей такой же находчивости.

Но одно восклицание не будет у этих людей на устах. Они не скажут: скорее, скорее. Наоборот, они найдут всевозможные причины, чтобы промедлить. Конечно, по характеру своему они никогда не признаются в истинных своих побуждениях. Какие сказки и рассказы будут придуманы, чтобы не только оправдаться, но даже и очернить все, что не боится молнии и смело зовет: скорее. Этот тип людей или по природе своей, по далекому бывшему, уже привел себя в такое состояние. Но иногда оно является подражанием тому, что безвольные люди видели с малых лет в окружающем быту.

Может быть, мать, или бабушка, или дед боялись грозы или всякого передвижения. Может быть, ребенок видел, как кто-то от ужаса зарывался в перины или считал величайшим несчастьем переезд в новый дом. Сызмальства могли влезать в тайники духа эти безобразия ужаса. Если же не было обратных примеров яркого мужества, достоинства и справедливости, то нередко дух слабый подпадал всем отрицательным явлениям. Просто складывались дурные привычки.

Во всех просветительных делах прежде всего нужно всеми разумными мерами отлучать от дурных привычек. Часто кажущаяся маленькая дурная привычка имеет в основе своей глубокое заблуждение и прежде всего излечивается личным примером. Если заболевший организм еще излечим, то ежедневным примером можно изъять из него

опасные микробы разложения.

Пушкин, даже в зрелых годах, благодарно вспоминал свою старую няню, которая рассказала ему многие прекрасные, зовущие вдаль сказки. А разве каждая сказка не имеет в основе своей быль, но такую чудесную, что она уже кажется за пределами возможности.

Когда говорится: «Не делать жалобных выводов из-за промедления» — это будет значить, что промедления и не было и оно было лишь кажущимся для нетерпеливого духа. Ничего худого нет в том, что дух к добру нетерпелив. Наоборот, это очень хорошо. Также хорошо сознавать, что кто-то не одинок в тягостях житейских, сознавать постоянную заботливость, это уже будет тою радостью, которою, поистине, должны быть наполнены сумерки быта.

Когда кто-то вопиет в ясном предвидении: скорее, скорее, он уже знает, что, несмотря на всю суровость грядущего, оно проявит себя к добру, ко благу человечества. В таком «скорее» не будет безнадежности овцы, видящей нож над собой, наоборот, будет львиное устремление вперед, к подвигу, который, как в земном, так и в надземном, будет звучать тем же отважным торжественным призывом. Песнь песней! Песнь сердца! Именно в сердце рождается устремленный глас «скорее, скорее».

8 июня 1935 г.
Цаган Куре

Corason

Hridaya, Kokoro, Sin, Al-kulub, Del,
Cor, Nying, Dzuruhe, Sirds, Kardia.

Точно бы заклинание. Но о сердце так взывают народы. Испания, Индия, Ниппон, Китай и Аравия, Персия, Италия, Тибет, Монголия, Латвия, Греция...

Heart, Coeur, Herz.

Сердце.

Всеми начертаниями народы хранят память и кричат и шепчут друг другу драгоценное слово о сердце.

Триста языков Индии, да столько же в остальной Азии, да столько же в русских просторах. Да столько же в Америках, да в Африке, да по всем островам, как грянут то же слово огня и любви и подвига. Слов нет перечесть, сколько мерзости развелось на земле. Замарались колеса жизни. А все-таки через все ямы, через все ухабы и падения по миру звучит слово, которое означает сердце, хранилище Света.

Люди дожили до сердечных болей. Люди запылили сердца и обрастили их шерстью. Скорчили сердца в страхе и ужасе. И все-таки не забыли слово, которое напомнит о сердце, о средоточии жизни.

Уж, кажется, испоганили люди все сокровища. Солгали на все самое священное. Умалили все высокое, но не забыли сердца, колыбели любви.

Отемнились люди всею тьмою. Очернили язык самым черным предательством. Разбили сосуды самые ценные. Удушились мерзостью самою тяжкою. Но сохранили память о сердце, как о последнем прибежище.

«Приходя в новую страну, прежде всего, спрашивайте, как зовется там сердце? Встречаясь с новыми людьми, если даже не узнали, в каком звуке они выражают свое сосредоточие, укажите им от своего сердца к их сердцу. Почти все воспримут это свидетельство искренности, лишь немногие удивятся и, может быть, застыдятся, и совсем немногие вознегодуют. Имейте в виду, что эти вознегодовавшие окажутся и в делах людьми темными. Не ждите от них дружбы и благоволения, они уже смердят».

Все-таки еще нет институтов сердца. Есть целые огромные учреждения, посвященные борьбе со всякими бичами человечества, но особых институтов сердца, изучающих этот важнейший двигатель жизни, все-таки нет. Постепенно производятся очень значительные опыты над сердцем. Только что пишут, что в Италии удалось вернуть к жизни сердце, переставшее биться. Сообщается из Милана от 2 февраля: «Человек, смерть которого была вполне засвидетельствована всем присутствующим медицинским персоналом, в миланском госпитале, вчера был возвращен к жизни впрыскиванием адреналина. Этому отдается сегодня много места во всех городских газетах».

Пациент страдал тяжелой формой болезни сердца и подвергался лечению всеми способами, доступными науке. Но, несмотря на все принятые меры, все-таки скончался. Хотя врачи вполне удостоверились в наступившей смерти, но один из них сделал впрыскивание адреналина в виде опыта. Через 30 минут сердце начало слабо биться. Через несколько часов оно уже работало нормально, так, что врачи сейчас утверждают, что человек уже находится вне опасности.

Приблизительно подобные же действия адреналина были известны и ранее, остается также исследовать, как отзывается этот, сам по себе сильный яд, на дальнейшие функции организма. Известно много случаев, где фатальный конец предвосхищается впрыскиванием адреналина, принося лишь краткую отсрочку кончины. При этом замечены, в данном случае я говорю о детях, признаки усиления нервности, даже какой-то необузданности. Конечно, может быть, это происходит от совсем других причин, но только что приведенный случай особенно заставляет подумать о значении такого радикального средства.

Из народной медицины иногда передаются эпизоды неожиданных излечений самыми непредвиденными средствами. При этом обычно эти непредвиденные, и даже странные, средства остаются без должного исследования и погибают в области анекдотов.

Припоминаю, как в семье одного священника от крупа, в удушении, скончался ребенок. После смерти потрясенный священник схватил ребенка и бросился в церковь к алтарю, молясь в полном исступлении. Как-то случилось, что ребенок оказался вниз головой, и отец, сам того не замечая, держа его за ноги, неистово встряхнул его. Сгусток затвердевшей мокроты вдруг выскочил, ребенок кашлянул и начал дышать. Сердце постепенно вернулось к деятельности.

Значит, сколько же всяких разнообразных проявлений кажущейся кончины может быть предусмотрено. История полна сообщений о пробудившихся мертвецах. Различные виды летаргии наблюдаются и, в конце концов, не поддаются окончательному исследованию. Почему останавливаются функции жизни? Почему опять они возвращаются, даже в таких, казалось бы, невозможных условиях, после погребения? Конечно, этому существуют многие объяснения. Но пока мир сердца не будет исследован полностью, до тех пор все это будут лишь счастливые или прискорбные случайности.

Конечно, глубокая жизнь сердца, может быть, труднее всего укладывается в словесных формулах. Именно сердце должно быть изучаемо не только в болях и терзаниях, но и в здоровом состоянии. Если нервная система растений реагирует на малейшее изменение температуры, на дальние облачка, на самые слабые прикосновения, то сколько же прекрасных и замечательных звучаний и биений происходит в сердце! Кроме того, трудно утверждать, что такое — здоровое и что такое — больное сердце. Известно, что многие быстро кончаются от сердечных припадков при так называемом здоровом сердце; а другие, давно приговоренные к сердечной катастрофе, живут очень, очень долго.

Пульс ведь не только в количестве ударов проявляет себя, но, прежде всего, в качестве своем, и это качество сердечных биений еще так мало наблюденно и объяснено. Когда говорят — берегите сердце, это, прежде всего, будет значить — не раздражайтесь,

не злобствуйте; а с другой стороны, не огорчайтесь, не впадайте в уныние.

Каждая малейшая подробность жизни отзвучит, прежде всего, не в мозгу, но в сердце. Именно сердце познает и отвечает даже на самые удаленные землетрясения, как лучший сейсмограф. Но ведь не принято советоваться с сердцем своим. Не принято через него внимать Высочайшему. Когда же люди читают прямые советы о насущности таких обращений, они осуждают их, как нечто отвлеченное, изобретенное какими-то далекими пустынноиками и неприложимое. А ведь оно приложимо всегда к происходящему в сердце, лишь бы только откровенно и чистосердечно прислушаться.

Человек, который уверяет, что он не замечает многих совершенно реальных явлений, прежде всего, и не хочет их замечать. Он уже предполагает в надменности своей, что ничего не будет, он ничего не услышит и ничто не нарушит его покой. Ведь именно самомнение мешает человеку воспринимать действительность. Иногда сердце, как молотом, пытается стучаться в поддельное сознание... Человек готов излить на это сердце всевозможные яды, чтобы заглушить его. Но не подумаем, от чего бы такого так возбуждено сердце? Что худого или хорошего случилось, какая польза или какой вред постучался?

От малейшего и до величайшего вмещает в себя сердце. Звучит оно обо всем сущем. Трогательны и мудры древние напоминания о великом значении сердца.

«Дух, который в сердце моем, меньше зерна риса, меньше зерна ячменного, меньше зерна горчичного, меньше малейшего проса. Тот же дух, который в сердце моем, больше всей земли, больше пространства, больше небес, больше всех миров!»

«Посланник всего действия, всего желания, всего восприятия, обоняния, вкуса, всеобнимающий, молчаливый, далекий — таков дух, который в моем сердце. Это Брахман сам. Тот, который говорит: «Выходящего от всего мира я сопровождаю». Поистине, нет для него никакого сомнения».

Так говорит Чандогия Упанишад.

24 февраля 1935 г.
Пекин

Синтез

Иногда кажется, что многое без следа забывается, исчезает. С годами ли? Или нечто более важное прикрывает давно бывшее? Ни то, ни другое. Постоянно убеждаемся, что все сохранено. Сложено глубоко и выявляется по мере надобности. Происходит синтез. Но трудно судить, когда именно и почему что-либо понадобится. Назовем ли рефлексологией или чувствознанием или интуицией — безразлично!

Особенно же примечательно, что давнее встает всегда неожиданно в обновленной форме, выявляя грань по обстоятельствам. При этом правда не будет нарушена, будет лишь подчеркнута какая-то ее подробность. И нельзя насиловать синтез, так же как невозможно требовать появления определенного сна. Тонок и сложен психический процесс и формулы рассудка недействительны.

Трудно судить не от самости, не от своей преходящей минуты. Но увлекательно хотя бы иногда восчувствовать наслоения синтеза. Нечто, когда-то значительное, оказывается отставленным за ненадобностью. Нечто мелькнувшее, как дальняя зарница, вдруг вырастает до размеров, решающих целый этап жизни. Когда-то оно показалось ненужным, не стоящим внимания, но синтез сопоставил незримые нам причины и отчеканил следствие.

Марево (хорошее русское слово) вспыхивало, а за ним в дальней дали действовало мощнейшее обстоятельство. Марево, зарево, зарница — вестники далеких событий.

Северное сияние или гималайское свечение напоминают о накоплениях, невнятных уху и глазу. Только сердце почует их, отстучит тревожно или торжественно.

Особая красота в том, что синтез связан с сердцем. Еще не очень-то подробно изучена сердечная деятельность. Не мозг, но именно сердце отзвучит на все космические явления. И это радио в сущности своей и мощнее и утонченнее, нежели грубая механика восприимчивиков радиоволн.

Пространство может быть переполнено до отказа, и сердце может затрепетать смертельно. Тогда придет на помощь синтез. Что-то отодвинет. Что-то выявит. Словно заботливый врач, восстает целесообразность. И утишается противоречие. Сделается так, как нужно.

2 марта 1941 г.

Содружество

Содружество — какое милое и сердечное слово. В нем есть и от взаимопонимания, и от взаимоуважения, и от сотрудничества. Значит, именно в нем, в слове — содружество — заключается самонужнейшее. Не может жить содружество, если люди, сошедшиеся в нем, не знают, что такое взаимная помощь, не понимают, что есть самоусовершенствование.

Самоусовершенствование вовсе не есть самость. Происходит оно, прежде всего, не для самого себя, но человек улучшается для служения человечеству. В этом служении, конечно, он и сам делается лучше, делается восприимчивее, внимательнее, деятельнее во благо. Но эти качества человек будет приобретать и упрочивать вовсе не для эгоистической выгоды, но для преуспевания человечества.

В служении человечеству содружники выплачивают свой долг всему сущему. Тем-то и радостно подобное Великое Служение, что в нем, прежде всего, заключена польза ближнего. Как бы корабль, совершающий рейс не для себя, но для перевозимых путников, так и сознательный содружник, несомненно, ведет и поддерживает всех близких ему.

В содружестве, непременно, будет сердечное желание помочь и поддержать друг друга. Будет это желание как среди трудностей, так и среди радостей. При формальных обществах очень часто каждая радость встречается завистью и злощептанием. Но в содружестве друзья сумеют сердечно порадоваться радостью каждого их сотрудника.

Мир всячески мыслит о сотрудничестве, о разнообразной кооперации. Разъединение и ненавистничество как бы уже переполнили все меры. Именно содружества и являются такими очагами сотрудничества, которое может от частных, небольших кружков расти до государственных размеров. Содружники являются верным оплотом истинной государственности. Содружники поймут и естественную иерархию. Содружники знают, что анархия и хаос будут синонимами.

Содружества созидательны в своей природе. Ради разрушения не может образовываться содружество. Тогда такое сходбище называлось бы совсем иначе. Содружество растет силою сердца. Потому численность не имеет никакого значения, и это обстоятельство чрезвычайно важно для современности, когда качественность является единственным мерилем.

Когда же сотрудничество посвящается какому-либо великому примеру, явленному в жизни, в истории великих народов, то такое обоснование звучит особенно жизненно. В сотрудничестве, в содружестве, не может быть ничего отвлеченного. Все должно быть действительно, немедленно приложимо и вдохновенно. Содружники, в беседах своих, вдохновляют друг друга. Они находят и своих дальних друзей, сношения с которыми обновляются духом.

Содружество, прежде всего, должно быть жизненным. Никто не заставляет содружников сходиться вместе. Лишь в силу сердечных приказов, лишь влекомые

искренним желанием свидеться и укрепиться, они сходятся и являют часы радости. В этих часах радости уже заключается великое, взаимное укрепление. Никакой неволи нет в содружестве. Все вольно, свободно, благожелательно.

Дорогое мое Содружество, ваше недавнее письмо о памятном годовом сроке лишь подтверждает все сказанное. Прошел год, и вы пишете, что тем более ощущаете радость в беседах ваших, тем более приближаетесь друг к другу и тем крепче себя чувствуете. Именно, так и должно быть. И, как неизменно и неисчерпаемо сердце, так же может быть бесконечно радостно ваше взаимное укрепление. Ваша взаимная помощь в познании блага. Ваша радость встреч и желаний видаться и обогащать друг друга во всех областях будет источником вечно текущим.

Бывают родники, которым каждая песчаная буря уже угрожает, но бывают такие источники, которые бьют из самих скал, для которых сами камни являются не препятствием, но благотворным руслом. Сами минералы напитывают их солями и целебными свойствами. Имейте в себе соль, имейте в себе те неугасимые, целебные качества, которые именно отвечают значению содружества. Когда кому-то из вас тяжело и тесно, он знает, что во всякое время он может пойти к светлому содружнику своему и в искре свидания возжечь потухающий огонь.

Горение должно быть питаемо — вы все это знаете. Смысл утешителя всегда будет темным и мрачным, но возжжение, именно возжжение сердца, будет самым главным, самым нужнейшим. В этом сердечном общении вы отринете все, что похоже на негодное соперничество, на зависть, на зарождение человеконенавистничества и предательства. Вы заботливо осмотрите доспех друга своего не для осуждения, но для радостного укрепления. И друг ваш подойдет к вам с улыбкою, ибо он будет знать в сердце своем, что лишь во благо вы с ним будете общаться. Все это так просто и так известно, но именно сейчас, именно это так неотложно нужно.

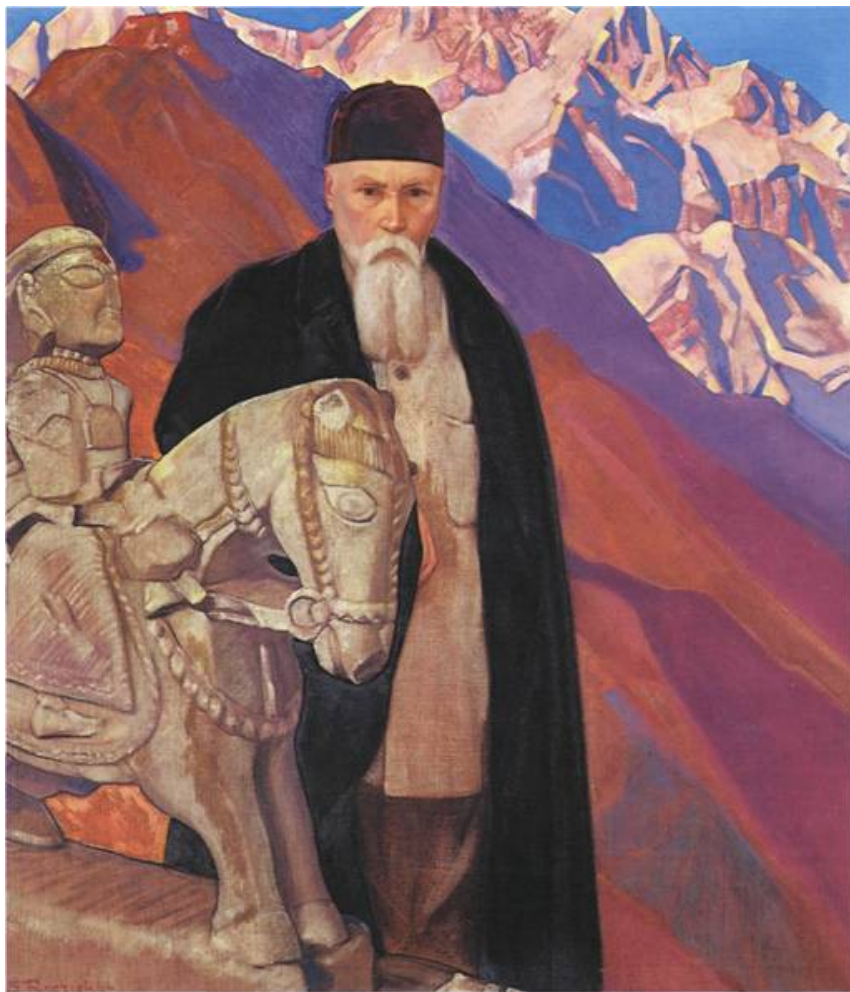
Именно сейчас так редко применяется в жизни основание благое, и потому столько вражды и огорчения отмечает человечество.

Вы делаете самонужнейшее дело. Не пишу вам в отдельности, ибо тем самым я нарушал бы общность содружества. Ведь слово о содружестве и сотрудничестве принадлежит всем собеседникам, во всех их собраниях. Вам захотелось отметить памятный день. Вы могли бы и забыть об этом, но основа содружества заставила вас беречь сроки. Так же будем и в будущем беречь все сроки, и самые священные, которые дадут неисчерпаемые силы для творчества.

Чем больше проявите основы светлого содружества, тем большую доставите и мне, и всем нашим близким радость. Пусть эти дни будут в вашем общении особенно радостными. В этом великом вдохновении будете расти духом и делом. Оправдайте великое понятие содружества во всем его глубоком значении. Пишите о ваших беседах, пишите о новых друзьях, будьте справедливы и добросердечны.

Пусть живут и множатся Содружества, Сотрудничества, Очаги Блага.

7 июля 1935 г.
Наран Обо

С. Н. Рерих.
Портрет Н. К. Рериха, 1937.
Музей Рериха, Нью-Йорк.

**С. Н. Рерих.
Портрет Н. К. Рериха.**

Строитель

Может ли сеятель, наверное, знать, как уродится его посев? Налетит ли град? Достанет ли коней, чтобы вывезти данную жатву? Сеятель может лишь предполагать, но знать ему не дано. Бодрость и настойчивость даны ему в проведении каждой новой борозды пашни. Знает сеятель сроки посева и спешит не упустить их, даже в одном лишь предположении.

Строители чудных храмов, твердынь, не знали, будет ли им дано завершить их. Но, все-таки, твердо-уверенно полагали они их основание и возводили, пока хватало сил и возможностей. Иногда лишь в веках завершалось строение, но зачинатели новых основ не огорчались этим и не остывали в своем строительном рвении.

Созидание есть молитва сердца. Посев есть потребность духа. Если усумниться и заранее огорчиться всеми опасностями, возможными для будущего урожая, то ведь это будет не жизнь, но горчайшее непотребство. Если сломить дух невероятием завершения строения, то ведь это будет отступление в одичание.

Писатель вдохновляет неведомых ему читателей. Певец слагает свои зовущие лады для незнаемого ему слушателя. Творец шлет свои достижения на потребу и радость мира. Для себя или для мира поет птица? Не сможет не петь она каждое утро. Не боясь хищника, свивает в сужденный срок птица гнездо свое.

Строитель должен созидать. Он не может жить без строительства. Созидание есть его песнь, его молитва, его труд сладчайший. Строитель слагает основание твердынь, и храмов, и хранилищ, не ослабляя себя мыслью, кто и когда завершит кровлю здания? Строитель не упустит сроков начала, зная о росте зерна.

Разве остановит строителя неуверенность в средствах для кровли? Зерно растет, и с ним растет все окружающее. Корабль не знает всех возникающих по пути его вихрей и тем не менее вовремя распускает потребные паруса. Если мы просмотрим историю всяких строений, то именно поразимся, как возможности нарождались вместе с возведением стен и башен.

И творцу, и кормчему, и строителю незнакома боязнь. Не окрепнут основы в страхе и трепете. Семя мало, но уже имеет в себе весь запас роста и цветения, и благоухания. Семя даст и следующие семена. Сеятель не боится сеять; строитель не страшится созидать, лишь бы сердце знало неотложную нужность пашни и строения.

Для всякого начала нужно малое семя. Учить можно и в очень малом доме. Творить можно и в тесном углу. Охранять можно и в самом скромном доспехе. В каждом стремлении к созиданию будет искание и жажда нового совершенствования. В этих поисках — обнова жизни. Ее крепость слагается неудержным стремлением к достижению. Конечно, достижения эти и целесообразны, и соизмеримы.

Не будут прочными так называемые вавилонские башни, которые имеют причину свою лишь в том, чтобы превзойти. Истинный строитель стремится к совершенствованию, но ему чужда мысль о том, чтобы лишь превзойти что-то. Истинный строитель прежде всего и соизмеряет, чтобы создания его пребывали в пропорциях нужных и своею гармонией лишь увеличивали бы созвучия эпохи. Строитель понимает, что такое эволюция и вечное спиральное движение в своей беспредельности и непрерывности.

Всякое несоизмеримое уродство будет противно строителю. Чувство гармонии, соизмеримости является отличительным качеством истинного строителя. Нельзя обучить человека этим врожденным созидательным пропорциям и предвидениям. Если эти качества уже заложены, их можно разбудить. Сон качеств нарушается самыми неожиданными способами, иногда совершенно негаданными и нереченными. Мудрые собеседования, поиски расширенных горизонтов, искусство мышления могут разбудить, в тайне сохраненные, созидательные потребности. Всеми доступными средствами нужно вскрывать эти тайники, сокровища которых могут приносить человечеству истинную пользу.

Так же точно нужно развивать в себе и сознание, насколько прочное древо вырастает всегда из зерна малого. Сколько раз пытались сажать в землю уже взрослые, большие деревья, и почти никогда эти несоизмеренные посадки не давали прочных последствий. Но чтобы осознать целесообразность посадки из зерна,— нужно мысленно понять и полюбить всю чудодейственную зерновую мощь.

Наблюдение и исследование зерен вызовет необычайное размышление. Даже доподлинно зная, какие гиганты вырастают из мельчайшего зерна, ум человеческий всегда запинаясь об это чудо. Как это возможно, чтобы в мельчайшей оболочке уже сохранились все формы будущего строения, все его целебные и питательные свойства? Строитель должен думать над этими зернами, из которых так мощно и целесообразно вырастает все последующее древо на многие века.

Нельзя откладывать строителю его строительные мысли, пока механически соберутся все средства выполнения. Нужно помнить, что средства растут вместе с процессом созидания. Если средства как бы иссякают до окончания строения, это лишь значит, что где-то новые запасы уже выросли, уже сложены и надо их лишь усмотреть.

Дело строителя должно быть делом веселым. В сердце своем он знает здание свое завершенным. Чем полнее и глубже сознает строитель это завершение, тем радостнее путь. В существе своем строитель уже не может быть эгоистом, ибо ведь не для себя же он строит! Строитель, прежде всего, понимает смысл образовательного движения, и потому, в мышлении своем, он не может быть недвижимым.

Каждая неподвижность уже есть смерть, уже есть предвестник разложения и распада. Так же точно каждое созидание есть предвестник жизни. Потому-то при каждом решении строителя возникает прилив новой энергии. То, что казалось непереносимым вчера, становится лёгким, когда утвердится мысленно надобность нового построения. Поистине, в каждом новом построении выявляется прекрасное.

Разнообразны строители. Касаются они всех земных пределов. Пусть это творческое разнообразие хранится, ибо и в самом великом творчестве, прежде всего, несчетное разнообразие. Везде, где есть хотя бы зачаток строительства, там уже будут оживляться пустыни. Помимо всех материальных пустынь самыми грозными остаются пустыни духа. Но каждый строитель уже будет оживителем этих самых грозных пустынь.

Да живет строение прекрасное.

3 июля 1935 г.

Наран Обо

Сближение

Сближение, дружелюбие, успех! Вражда, распад, разрушение! Соберите все положительное, и оно пристанет к первому берегу. Назовите все темное, и оно станет уделом второго, мрачного и себя пожирающего. «Concordiae parvae res crescunt, discordiae magnae diala buntur»²⁰⁸, — учили всех нас в школе и поручали запоминать. Правда, все запоминали об успехе и пожелали его. Мало кто придавал значение дружелюбию. Совсем мало подумали над смыслом сближения. Иногда люди мечтают об общем благе — мечта самая успокоительная и ласкающая! Но что же нужно сделать для осуществления её?! Необходимо и доброе сближение со всеми деятельными тружениками. Это уже многим не понравится. Не лучше ли сближаться с друзьями только? Но с друзьями вы уже близки. Для широкой пашни нужно расширять и круг друзей. Подозрительность, недоверие шепчут в робкое ухо: «Как бы не ошибиться? И к чему искать новое, неизвестное, когда можно пребывать в уютном кружке друзей. Так можно сохранить сердечность и не бояться натолкнуться на рифы непонимания». Очень лукавые успокоения! Лучше расширить добрую пашню до соседних границ. Пошлем привет новым пахарям. Нужды нет, что вчера мы их не знали, но сегодня с восходом красна-солнышка мы радуемся новым сотрудникам. Каждый пахарь добрый будет сотрудником, ибо ценность труда есть ценность всемирная. Без сближения разве распознаем друг друга? На дальних расстояниях и очертания изменяются, и сама человечность невидима. За камень, за пень примете дальнего путника. И можно ли улыбнуться далекой точке на снеговой равнине? Улыбка есть знак близости. Кто-то не усомнился, доверился, и только тогда засияла улыбка. — Это знамя общего блага. Если даже понапрасну расточите вашу улыбку, ваш привет, ваше доброе пожелание — не беда. Среди сокровищ человечества неистощимы и улыбка, и привет, и доброе пожелание. Около них раздобрее почва и вырастут прекрасные, целительные травы. Добрыми мыслями куется добротворчество, ради него нужно напрячь все силы, все умение, всю целесообразность. Для деятельного добротворчества необходимо сближение. Ладный, добрый доспех у каждого добротворца. Он смел, он радостен, он неутомим, ибо мыслит об общем благе. Вперед!

1940 г.

²⁰⁸ «Concordiae parvae res crescunt, discordiae magnae diala buntur» — «При согласии малые дела растут, при несогласии великие дела разрушаются» (лат.).

Взаимность

«Взаимность есть основа соглашений».

Сколько раз эта старая французская поговорка повторялась. Твердилась она и на лекциях международного права, и при заключении всяких договоров. Наконец произносили ее в бесчисленных случаях всяких жизненных пертурбаций.

Не только сама непреложная истина заключена в словах поговорки. Каждый человеческий ум, на всех ступенях своих, отлично понимает, что без взаимности всякая договоренность будет лишь пустым и стыдным звуком. Без взаимности непременно будет участвовать ложь, обман, который, рано или поздно, даст все последствия, творимые обманом.

Вот мы говорили о добровольности. Но и взаимность может расцвести лишь на основе доброй воли. Ничем нельзя вызвать так называемую взаимность, если этот прекрасный цветок не расцветет лотосом сердца.

Волны бьются о скалы. Скалы встречают их без взаимности. Правда, волны могут источить скалы. Волны могут образовать целые подводные пещеры и, в постоянстве своем, могут разрушить каменных гигантов. Но ведь это будет не соглашение, не договоренность — это будет натиск. Это будет насилие, а всякое насилие непременно окончится тем или иным разрушением. Поднявший насилие от насилия и погибнет.

В примере волн и скал как бы встретились два несогласимых элемента. Но даже и скалы, если их породы позволили бы, они могли бы ввести даже противоположное начало в полезные для бытия каналы.

Но вряд ли можно предположить, что сердца человеческие так же мало согласимы, как вода и камень. Ведь даже и вода может быть в твердом состоянии, и породы камня могут издавать влагу. И ведь эти элементы лишены сознания. По крайней мере, их сознание нам недоступно. Но не может же быть такого человеческого сердца, которое, с одной стороны, не могло бы дать влагу благодати, а с другой стороны — не было бы способно к алмазному мужеству.

Общая всем векам и народам человечность все-таки неистребима. Какими бы наркотиками, алкоголем и никотином ни убивать ее, она все-таки как-то и где-то может быть пробуждена.

Великий преступник бывает трогательным семьянином. Значит, если его чувства все-таки способны пробудиться по отношению к своему, тем самым, при каком-то усиленном процессе, они могут быть продолжены и ко всему существу. Сейчас уже не ставится идеал святого Франциска Ассизского, говорившего даже волку — «брат волк». Даже не задается идеал подвижников, обладавших сердечным языком, понятным и птицам, и животным. Помимо этих высоких идеалов, слыша о которых люди обычно восклицают: «Мы ведь не Франциски», может быть основание общечеловечности.

На этой сердечной основе все-таки можно открыть даже самое затворенное сердце. Помимо всех своих торговых дел, о которых сами люди сложили тоже поговорку «Не обманешь — не продашь», помимо всей многообразной торговли, люди не могут избежать прикосновения к духовным сферам. Люди, не привычные к таким касаниям, иногда, вместо благодати, ощущают даже болезненность. Это происходит от непривычки к таким ощущениям. Ведь человек, никогда не ощущавший электрической искры, всегда уверяет, что даже малейший разряд для него крайне чувствителен. «Так меня и обожгло» или «Так меня и пронзило», — говорит новичок, а вскоре, при повторности, даже и не замечает еще больших разрядов.

Конечно, эти восклицания происходили вовсе не от повышенной чувствительности, а от закоренелого предубеждения. Разве не бывает именно такое же нелепое предубеждение и в человеческих отношениях, где волна разумности и сердечности бьется о скалу враждебности или тупости.

Странно и то, что люди так часто воображают взаимность в деле какой-то официально государственной договоренности. Но ведь без семейной, дружеской и общественной взаимности какая же может быть речь о государственности? Потрясая основы общежития, люди тем самым потрясают и все прочие основы. Можно потрясти основы брака, и в результате государство получит целые миллионы внебрачных, беспризорных, дичающих подростков. Можно сделать гнусную шутку из употребления всяких ядов, и можно окончить почти отравой целого народа. Разве мы не видим примеры?

В каждом из таких случаев, превратившихся в народное бедствие, в начальной основе можно бы усмотреть какое-то тупоэгоистическое действие. Кто-то один помыслил лишь о своем самоуслаждении или преступной выгоде, и от этого одного злобного уголька вспыхнули пожары народных бедствий. Поистине, озверелый эгоизм есть, прежде всего, враг взаимности.

Общежитие дает множество возможностей для воспитания взаимности. Ведь все чувства должны быть воспитаны. Но много истинной человечности и терпимости нужно проявлять, чтобы сама идея взаимности могла бы расти свободно и добровольно. Взаимность напоминает и об ответственности. Ведь каждый, отказавший в предложенной ему взаимности в делах блага, тем самым принимает на себя и тяжкую ответственность. Во взаимности сочетаются и разум, и сердце. Сердце, по благодати, чувствует, где оно должно простирать свое благоволение. С другой стороны, разум напомнит о той ответственности, которая будет порождена жестокостью или невежеством.

Опыт маленьких сотрудничеств, малых ячеек, собравшихся для добротворчества, дает многие испытания возвращению взаимности. Все лучше испытывать прежде всего на обиходе. Посмотрите, как будут претворяться обиходные будничные задачи и столкновения, и вы поймете: как в мегафоне, они отразятся во всеуслышание. Самость и самовыгоду можно проверять тоже по мегафону. Какой ужасный раздражительный рев и вой может получиться из самого, казалось бы, ничтожного домашнего недоразумения.

Недаром в старинных школах жизни руководитель подчас умышленно бросал испытание терпимости и взаимопонимания. Тем, кто в сердечности не мог понять нужное, те, хотя бы по разуму, могли предостеречь самих себя от возникающей ответственности. Можно ударить по какому-либо звучащему предмету в одном углу дома и получить отзвук в неожиданно противоположном помещении. Совершенно так же точно и в создании ответственности и взаимности.

Если бы только люди могли скорее осознать, что для блага народных преуспеваний взаимность не должна оставаться в пределах поговорки, но должна войти как основа сотрудничества.

«Взаимность есть основа соглашений».

29 апреля 1935 г.

Цаган Курс

Рождение скуки

Среди обсуждения современной жизни кто-то пожаловался на скуку, но другой собеседник воскликнул: «Какой же Вы скучный человек!» Жаловавшийся на скуку начал уверять, что он-то лично не скучен, но обстоятельства его жизни так однообразны и бесцветны, что не он, но обстоятельства жизни скучны.

Между тем другой собеседник продолжал настаивать, что не может быть в жизни, в природе, таких обстоятельств, которые порождали бы скуку. Он говорил: «Мы сами рожаем в себе эту мертвенность, которую мы называем скукою. Мы сами скучны, а вовсе не жизнь, вовсе не природа».

Третий собеседник припомнил из жизни отшельников Индии, как, не двигаясь от

входа своей пещеры, риши ощущали всю полноту бытия.

Четвертый собеседник указал на жизнь Преподобного Сергия Радонежского и Серафима Саровского, спрашивая: «Могут ли такие подвижники вообще ощущать скуку? Знакомо ли им это слово?»

Итак, первый собеседник, неосторожно отнесший скуку к окружающей жизни, получил со всех сторон отпор. Мало того, невольно он дал всей беседе неожиданное для него самого направление. Многими примерами было ясно доказано, что скука есть не что иное, как падение жизненной энергии. Это отсутствие энергии порождается условными устоями, порожденными в нас же самих. Бывает, что люди неправильно употребляют само выражение «скука». Иногда они хотят в этом выразить свое к чему-то нетерпение. Но ведь и нетерпение уже будет признаком отсутствия дисциплины, которая всегда будет следствием особого напряжения энергии.

Можно заметить два определенных типа людей. Одни, по природе своей, любят внутреннюю дисциплину. Их не нужно обучать этой концентрации воли. Человек, добровольно осознавший значение упорядоченности, является и ценителем и своего, и чужого времени. Распознав эти ценности, человек всегда останется и твердым, и наблюдательным, и находчивым. Он будет сильным человеком. Другой тип людей, по природе своей, боится и старается уклониться от всякой дисциплины. Можно быть уверенным, что этот тип людей, хотя бы даже и обладал известными познаниями, не примет на себя особую ответственность, не проявит истинного терпения и, скорее всего, допустит разлагающие, никчемные обсуждения. Этот тип людей не будет сильным. Они будут, кроме того, очень себялюбивы, преисполнены самости. Они легко повторят слово «скука», стараясь возложить это тягостное ощущение на окружающие обстоятельства.

Такие люди будут стараться и окружающих их вовлечь в те же ложные обсуждения своей тягости. Они даже не подумают, что рождение скуки происходит исключительно в них самих.

Среди лекарств, противодействующих такому эгоистически-безвольному состоянию, конечно, прежде всего будет развитие искусства мышления и умения приобщаться к природе. Много раз настойчиво описывалось искусство мышления, которое должно быть воспитываемо и образываемо. Так же точно нужно уметь приобщаться к природе. Каждому приходилось видеть несчастные типы людей, для которых совершенно закрыта книга природы. Перед ликом природы, полным несказанною прелестью, они будут играть в карты или мечтать о «прелестях» городской жизни. Они будут доходить до такой несоизмеримости, что прекрасную природу они будут готовы предать для ужаса и извращения города.

Можно себе представить, какие настоящие извращения организма, какие патологические судороги происходят, когда нечто ценное и прекрасное затемняется условным и разлагающим. Ведь сердце человеческое болезненно корчится от всего неестественного. Сердце не скажет своих ощущений в земных словах, но каждый удар по сердцу останется на многие жизни. Одним из самых болезненных ударов по сердцу, конечно, будет внедрение понятия скуки. Этой мертвенности сердце не выдерживает.

Следует во всех просветительных учреждениях, от младших классов, всеми мерами изгнать понятие скуки. При этом заполнение времени не должно быть чем-то чисто механическим. Нужно, чтобы времени действительно не хватало на действия и на мышление. Что может быть увлекательнее, нежели мышление и творчество перед ликом природы. Эта радость может происходить при самых различных работах, ибо настоящее мысленное творчество лишь поможет качеству каждого труда.

Столько раз говорилось о противоположениях Востока и Запада, которые уже понимались не в смысле географическом, а в смысле основной психологии. И в то же время каждый отлично чувствует, что никаких противоположений нет и быть не может, ибо как здесь, так и там должно быть внутреннее стремление к живительному синтезу. В этом синтезе доброкачественности, терпимости и творчества не найдется ни малейшего

места для безвольного проклятия, именуемого скукою.

Нужно ли о скуке говорить, если она так мертва и мерзостна? Как же не нужно, если это слово так часто повторяется и старыми, и малыми. Скучающие типы даже стараются облечься в позу какой-то ультрасовременности. По неразумию они полагают, что окружают себя каким-то неразгаданным, таинственным ореолом, а на самом деле они остаются просто скучными, не применившими себя к жизни отбросами. Если в какой бы то ни было форме проявится зло, не пытайтесь замолчать. Этот гнойник лишь создаст целую гангрену. Спешите отсечь это вредное понятие скуки как можно скорее, как можно решительнее. Скучающий тип боится быть осмеянным, а в то же время он, прежде всего, смешон в своем заблуждении.

Лохмотья скуки уже будут каким-то чудовищно нелепым шутовством. Гранд Гиньоль! И кому же захочется быть в этом страшном шутовстве?

Итак, пусть ехидна скуки не осмелится приблизиться ко всему образовательному, просветительному, ко всему культурному. Все те, кто особенно чувствуют нелепость этого скверного понятия, пусть дружными усилиями извлекут все его зародыши. Поистине, скука не в окружающих обстоятельствах, не в жизни, но в самих людях.

29 июня 1935 г.
Наран Обо

Желанный труд

Часто обсуждается, насколько желанность труда повышает продуктивность и качественность. Все согласны в том, что это условие труда намного улучшает все следствия работы. Но бывает лишь разногласие в процентности отношения. Некоторые думают, что следствия улучшаются на двадцать и тридцать процентов, а другие допускают даже эти улучшения до семидесяти процентов.

Допускающие такой большой процент качественности и продуктивности желанного труда не ошибаются. Даже нельзя и сравнить произведение, сделанное под насилием, с тем прекрасным результатом, который достигается при сердечном вдохновении. То же самое сказывается решительно во всех деланиях. Будет ли это творчество искусства или будет ли это так называемая каждодневность — основа желанности будет всюду светлым знаменем победы.

Нередко каждому приходилось встречаться с особым типом людей, во всем как бы играющих на понижение. Подобно биржевым спекулянтам на понижение, такие люди во всем решительно найдут и будут упорствовать на чем-то понижающем. Обычно они сами себе причиняют огромный и непоправимый вред и тем не менее все же будут решительно на все кисло улыбаться и находить лишь дефекты. Исправлять эти дефекты они не заботятся, ибо в них самих не будет радости создания, и желанность всякого труда будет им незнакома.

Также каждый встречался и с типами поденщиков, стремящихся к безответственности. И это свойство является вследствие того же отсутствия желанности труда. Говорю о труде желанном и не смешиваю его, в данном случае, с трудом любимым. Любить труд любимый совсем не трудно. Не в том дело. Каждому в жизни приходится встречаться со всевозможными обязательствами, в выполнении которых он должен приложить труд. Иногда этот труд будет протекать в совершенно неожиданной области. Придется спешно познавать, придется проявить доброжелательную находчивость. Достигнуть этого можно лишь, если в сердце не потухла желанность труда, как такового.

Помню давнишний рассказ о том, как некто начал выговаривать себе количество праздников. Собеседник пошел ему навстречу и начал предлагать ему новые и новые праздничные сроки. Наконец, сам любитель праздников начал смущаться длиною списка,

а когда подсчитал, то оказалось их в году 366. Тогда весь этот вопрос отпал сам собою. Праздник и должен быть. Праздник и есть в желанности труда. Если каждый труд осознается как благо для человечества, значит, он и будет тем самым желанным праздником духа.

Марафон качества, марафон устремленности, спешности, производительности — все это прекрасные марафоны. В них-то и испытывается качество духа. Конечно, в каждом существе есть зерно духа, но состояние и качество их различны. Так же точно, как нельзя оставаться недвижимым в космическом движении, так же точно и состояние духа должно безостановочно изменяться. Пожелаем лишь и всем, и себе прежде всего, чтобы чаша духа не расплескалась. Чтобы тяжкие капли хаоса не испепелили ценную накопленную влагу чаши.

Вот говорят о засухах. Но где эти засухи? Разве только на земной поверхности? Говорят о пятнах на Солнце. Только ли на Солнце эти пятна? Запятнать все можно. Лучшим очищением этих пятен все-таки останется желанность труда. Эта желанность не выразится в физических мерах. Огненно она осветит все потемки и даст ту светлую улыбку, с которой нужно встретить грядущее.

17 июня 1935 г.

Цаган Кюре

Питание

В описании флоры Дальнего Востока читаем:

«Кроме огородных овощей, китайцы, корейцы и инородцы употребляют в пищу многие дикие растения, заменяющие им культурные овощи. В этом нужно видеть приспособляемость населения к местным условиям жизни, где часто неожиданные наводнения затопляют поля и огороды, где охотничьим племенам нет времени заниматься огородной культурой, а в деревне весной не хватает зелени. Местное население, почти не употребляя в пищу мяса, должно разнообразить свой стол, но и беднейшие из него, благодаря знакомству с дикими овощами, никогда не сидят без пищи. Рано весной, когда обычно отсутствуют дожди и в огородах нет зелени, они заменяют культурные овощи молодыми листьями папоротника, побегами калужницы, стеблями белоцветного пиона, употребляют в пищу белую марь, дикий щавель, молодые стебли полыни, весенние листья одуванчика, листья осота и многие другие.

Население, живущее среди болот, по долинам рек, ест молодые ростки рогоза, клубни стрелолиста, листья нимфейника.

Из известных ныне диких овощей наиболее питательными следует признать луковицы различных видов лилий, дикий чеснок, черемшу, цветы лилейника, луковицы сароны и листья папоротника.

Из папоротников употребляют в пищу молодые листья Аспидиум Феликс. У лилейников обычно снимают цветы, сушат на солнце и заготавливают на зиму. Лепестки лилейника содержат в себе крахмал и оказываются питательными.

Молодые зеленые крылатые семена мелколистного вяза, всюду растущего, идут в пищу в сыром или в вареном виде. Интересно отметить, что цветы чакомки в вареном виде употребляются в пищу».

Затем идут описания съедобных орехов и грибов, а также всяких питательных водорослей, сорта бобовых растений, кориандра, колоказия, батата, иньяма, дикого ямса, съедобного лопуха (гобо), периллы, долихоса и других полезных, питательных и давно оцененных местным населением растений. Если же к этому огромному списку прибавить еще всякие земляничные, липовые, малиновые и прочие местные чаи и растительные напитки и вспомнить, что даже обыкновенный пырей дает питательный отвар, то получается целый инвентарь полезнейших естественных растений.

При этом невольно бросается в глаза, что инородцы, действительно, мало едят

мяса, а вековой опыт научил их находить естественную замену этого общепринятого питания. Сравнительно с длинным списком диких, годных для питания растений окажется сравнительно коротким перечень культурных огородных овощей.

Народы, часто испытывавшие голод и суровые условия природы, конечно, начали искать всякие возможности пропитания. Для них слишком обычным является стремительный, неожиданный потоп, когда поля и огороды, в течение нескольких часов, превращаются в песчаные бугры. Они знают ранние и поздние морозы и веками ощутили уничтожающую мощь вихрей. Конечно, всякие такие необходимости издавна обратили внимание на возможность найти питательное, подкрепляющее питание в растительном мире.

Когда происходит голод, то, прежде всего, поступают жалобы об отсутствии общепринятого зерна и мяса. На многие другие возможности вообще не обращается внимания. О них просто упускается из виду, ибо никто никогда не напоминал о естественных дарах природы.

Наука достигла многого в изучении витаминов. Наука установила, что в этом отношении овощи питательнее мяса. Именно наука еще раз подсказала ту древнюю истину, что мясная пища вовсе не нужна, разве кроме случаев неизбежной необходимости. В изучении овощных витаминов наука обычно занималась культурными огородными растениями. Теперь для таких же исследований следовало бы обратиться ко всем растениям, растущим в диком виде и тем самым так легко достижимым.

И тропические, и арктические климаты дают множество питательных диких растений. Как полезно и необходимо было бы обратить исследование на этих питательных помощников в жизни человека. Ведь кроме несомненной питательности, о которой могут свидетельствовать многочисленные народы, эти растения несомненно имеют и лекарственные свойства, которые помогли бы соединить питательность с прямым оздоровлением.

Даже среди культурных огородных овощей их лекарственность далеко не всегда исследуется и применяется. Так легко могла бы быть соединена и питательная, и лекарственная диета. Впрочем, в стариннейших советах мы видим, как предлагалась смена пищи понедельно, чем предусматривалась не только питательность, но и лекарственность. Вместо множества патентованных суррогатов в природе предоставлены людям самые естественные решения многих проблем.

Если не хватило бы воображения о путях, по которым искать решения таких проблем, то опять-таки следует обратиться к истории, этнографии, к изучению быта во всех его, казалось бы, даже странных на первый взгляд, подробностях. Деревенские лекари и знахари для лечения животных прежде всего подмечают, какие травы поедаются ими во время их заболевания. Таким естественным, опытным путем были найдены многие полезные лекарства.

У многих народов мы уже научились не только полезным, но и изысканнейшим кушаньям, как-то: молодые бамбуки, лепестки роз и другие неожиданные, но питательные применения из окружающей природы. Не собираемся составлять вегетарианскую кулинарную книгу, но при многих странствованиях, несомненно, каждому бросается в глаза потребление дикорастущих растений. Каждый ознакомившийся с широким их употреблением невольно задастся вопросом: были ли они, то есть такие растения, исследованы научно со всех точек их полезности?

Видим, что и до сих пор постоянно открываются новые виды флоры. Даже с этой стороны исследования планетной растительности далеко не закончены. Нечего и говорить, что в смысле изучения питательности и лекарственности вопрос также далеко-далеко не выяснен. Но для каждого зрячего очевидно, что вековые опыты многих народов могут быть широко и полезно применены.

24 июня 1935 г. Цаган Куре

Сопротивление злу

«Отойди от зла и сотвори благо»,— заповедует апостольская мудрость. В кратком завете заключено два определенных действия. «Отойди» и «сотвори». И не тем «сотвори», что только отойдешь. Нет, «отойди» и непременно «сотвори благо». Одно отхождение от зла еще только половина дела. Но «сотвори», сделай, создай благо как противовес злу. Кратко и безусловно указано сотворить благо. Без действия, без сознания, без устремления духа не будет достижения и выполнения завета. Но как часто для самоуслаждения этот бодрый и повелительный завет превращался в кислое и неподвижное в существе своем отхождение. Если отойдешь, то уже и благо будет. Нет, родные мои, не слишком ли легко? Для блага нужно еще всеми силами духа и тела потрудиться. Благо не орех, требующий лишь крепкого зуба. Из безмозглости, из спящего сознания благо не воссоздается. Пашня блага, с посевами и жатвами, заповедана Апостолом в истинном всезнании жизни. И еще вопрос: когда больше пота упадет, при посеве или при жатве? Тот же неустанный зов к действенному труду рассеян во всех апостольских зовах. Ведь зло в основе своей активно. Оно отошло от блага и в отхождении уже проявило сущность активности. Значит, и противовес прежде всего должен быть активен. Зло утверждает себя, ибо иначе оно не привлечет к себе. Так же утверждает себя и добро и благо, ибо без дел оно мертво.

Не сражение со злом, не возвеличение этим врага, заповедует Апостол, но творческое создание блага. Свет не борется со тьмою, но сожигает, вытесняет ее. Но для такой победы требуется поступательная скорость света. И какая скорость и неудержимость!

Апостол заповедует благородное сопротивление злу созданием массы блага, которая, подобно свету, прободет и рассеет любую тьму зла. Конечно, без сопротивления и поступательного действия зло неминуемо будет догонять отступающее благо, ибо полно все пространство. Отступая, мы увеличиваем поле врага.

Как же определить зло? Восточная мудрость указывает так: «Противустояние злу является одним из основных качеств ищущих Иерархию. Не физические свойства дадут упорство перед злом, но дух и огонь сердца создают доспех перед ухищрениями зла. Но как понять зло? Конечно, оно, прежде всего, разрушение. Но ведь замена ветхого дома новым и лучшим не будет разрушением. Значит, разрушение есть разложение, приводящее в аморфное состояние. Такому разложению надо уметь противостоять. Нужно найти силы духа превозмочь боязнь, свойственную непротивлению злу. Так пусть готовятся к противустоянию злу».

Та же мудрость предостерегает: «Разве мало землетрясений? Разве мало крушений, бурь, холода, жара сверхмерного? Разве не поднимался Крест огненный? Разве не сияли звезды в дневное время? Разве не пылала огненная радуга? Разве мало знаков умножившихся? Но человечество не хочет знать явлений перед явным, среди хаоса. Так не будем настаивать на зрячем знаке, когда сомнение ослепило людей. Но среди слепых и глухих находятся дети Огня. К ним мы посылаем знаки, чтобы узнавали наступление Света».

Итак, опять без осознания происходящего, без действенности мы снова будем подпадать под зло. Опять будем соприкасаться с бессмысленным разрушением, с отвратительным возвращением к аморфности, непроявленности.

Кто имеет право возратить проявленное величайшим творчеством во тьму непроявленного? Кто же может гасить свет во имя тьмы?

И не указано ли действиями оформливать и углубить сознание свое? Без сознания как же поймем, где благо? Сэр Джинс замечает, что если дать обезьянам пишущие машины, то, может быть, в миллион лет они в непрестанной, случайной стукотне выстучат и сонет Шекспира? Но какова будет ценность этого бессознательного стука?

Слепой стрелок, пускающий в пространство стрелы, тоже может иногда получить добычу, но он-то не будет участвовать в этом успехе.

Миллионы лет разбрасывает человечество стрелы в пространство, но из них лишь немногие посылаются сознательно во благо. И потому велико смятение и саморазрушение вместо вытеснения тьмы. По совести признаемся, разве облегчило или разрешило человечество житейские проблемы свои? Наоборот, все задолжали и материально и духовно; все перезаложились так, что даже и не установить, где конец и начало перезаклада всемирного. Даже материально люди утратили учет своего достояния, ибо подвергли его бесчисленному количеству ими же измышленных нагромождений. Точно деловой контракт, в котором хотели механически предусмотреть все условия и среди перегружений изложили вместо четырех четвертей пять четвертей в одном целом. Без осознания блага теряется смысл начертаний.

Что же есть благо? Если зло есть разложение и аморфность, то благо должно быть созидание, творение, всепонимание общей пользы. Та же мудрость заповедует ²⁰⁹: «Трудись, твори благо, чти Иерархию Света». Этот завет наш можно начертать на ладони даже новорожденного. Так несложно начало, ведущее к Свету. Чтобы принять его, нужно иметь чистое сердце».

И еще: «Скажу изуверам и ханжам о предательстве. Они полагают предательство лишь в тридцати сребрениках, но забывают, что оно в каждой хуле и поношении. Не следует думать, что злобное слово не будет предательством. Именно, часто злоба неотделима от предательства и клеветы. Одно черное дерево питает эти позорные ветви. И следствие будет так же черно, как черны корни позора. Нужно отучиться от ужаса злобных слов».

Так отграничивается тьма зла от творящего блага.

В технологии есть очень занимательная глава о сопротивляемости материалов. Можно легко переложить эти вычисления на язык человеческих соотношений и получить поучительные заключения о жизненности сопротивляемости. Кто хочет умереть, тот легче всего и умирает. Жизненность — в цельности, в движении, в наполнении пространства. Наполняя пространство благом, посылками и мыслями блага мы получаем космическую поддержку нашему сопротивлению злу. При нагнетении этом получается энергия безгранично возрастающая. Поэтому благотворчество есть наиболее достойное и практичное занятие. И сколько возможностей, и больших и малых, измеряемых и неизмеряемых, заключает в себе благотворчество. И сколько чисто медицинских, решений несет в себе профилактика блага. Кроме того, в существе своем благотворчество, как энергия поступательная, устремляет нас неудержно вперед. В этом священном наступлении никакая тьма не страшна.

Не забудем, что та же апостольская мудрость, которая говорит о «духе утешителя», она же утверждает и «возмущение духа». Без этого священного возмущения не возмутятся воды и не последуют исцеления.

Вы знаете, что самую действительно защиту в ночное время от леопарда и тигра будет мощный электрический фонарь. Ослепленное исчадие тьмы в ужасе отступает и скрывается, если волна света безбоязненно направлена в глаза. Еще более могучий свет излучает сердце человеческое. Пронзает тьму этот луч, если возмущение духа послало его непреложно, без серых сомнений.

«Смертный глаз» Йога безошибочен, если он защищает Благо. Но Йог и не будет Йогом, если он в благо пошатнется. Главное же, не потушить «электрический» свет сердца нашего. Перед этим сиянием отступят все исчадия тьмы. Отступят и соберут на себя все то, что сами готовили против Блага. Сопротивление злу будет тем благородным действием, которое заповедано высшим Учением. Из благородного нагнетения энергии рождается та возвышенная утонченность, которая является основанием Культуры.

²⁰⁹ Цитаты из Живой Этики.

Самоотвержение зла

Каждый шаг созидательного добра вызывает и особенную настороженность сил темных.

Много раз мы замечали, что силы тьмы, как это ни прискорбно, оказываются в общежитии даже более организованными, нежели стремящиеся к свету. В то время как считающие себя служителями добра позорно позволяют себе всевозможные разрушительные разъединения, в то же время злобные сущности действуют очень сплоченно и организовано. Это весьма прискорбное зрелище, но тем не менее это можно наблюдать очень часто и в малых бытовых вопросах и до государственных дел включительно. При этом энергия, развиваемая темными силами, иногда увлекает их даже до своеобразного самоотвержения.

Наверное, каждый из нас может привести множество примеров, когда злодей, клеветник, предатель начинал уже действовать даже во вред себе и тем не менее, во имя творимого им зла, он уже не мог остановиться! Он готов был испортить свою репутацию, он готов был вызвать к действию мощного врага, он шел на осмеяние, лишь бы продолжать начатый им злобный посев.

Психологические причины такого, казалось бы, аномального явления, как самоотвержение зла, трудно формулировать. Конечно, прежде всего они лежат в ограниченности зла. Ведь зло, в конце концов, всегда чего-то не знает и не может достичь известного состояния сознания. Способы зла в большинстве своем все-таки остаются примитивными, и рано или поздно все-таки обнаруживается это обстоятельство, вовсе не являющееся самоутешением всех подвергающихся нападению зла. Оно будет лишь подтверждением непреложного закона об ограниченности и тем самым непрактичности зла. Но если можно говорить о какой-то самоотверженности зла, рискующего даже на погибель, лишь бы сотворить преступление и мерзость, то во сколько же раз более должно быть организовано добро, чтобы не умять соседа и соратника! Казалось бы, попутчики уже должны быть желанными друзьями. Люди очень легко произносят такие слова, как дружба, содружество, сотрудничество. И все это в основе своей с необычайной легкостью подвергается воздействиям зла. Для самоутешения при этом говорится, что виноваты не искатели добра, но ревностные воины зла, которые будто бы своею находчивостью необыкновенно искусно расторгают узел сотрудничества. При этом обычно совершенно не думают о том, какой поклев на потенциал добра возводится при подобных похвалах злу. Ведь признание его силы есть уже лучшая похвала.

Действительно, признание сил и находчивости зла уже в самом себе заключает потенциал разложения и умаления добра. Вместо того чтобы в припадке страха и трусости самооправдываться могуществом зла, не лучше ли помыслить о том, как легко и как естественно могли бы быть приобщены к самозащите все устремления добра. И не только самозащита добра есть задача. Каждое добро само в себе уже активно и наполняет собою неизмеримо далекие пространства. Если зло поражает и заражает атмосферу, то добро является истинным целителем и восстановителем растленных тканей.

Также, казалось бы, совершенно естественно, что созидательное добро должно бы особенно обостряться и настораживаться в моменты так называемого Армагеддона — в час натиска сил темных. Между тем мы видим, что и в этот великий по последствиям час добро преисполняется неуместной скромностью, предоставляя активность силам тьмы.

Плачевно видеть, как не только сами силы тьмы, но и их серенькие союзники лгут и клеветают и сеют плеве́лы без всякого отпора со стороны тех, которые все-таки считают себя охранителями правды и блага. Прискорбно видеть, как эти перебежчики в стан тьмы,

даже не задумываясь о последствиях, присоединяются к злобным сеятелям. Странно, что в эти моменты у них как бы совершенно атрофируется чувство ответственности за творимое ими зло. В своей отвратительной судороге эти добровольцы зла не стесняются ни положением своим, ни саном, ни возрастом — лишь бы посеять тлетворное семя. Непонятно, что простая опытность возраста, уже не говоря об обязанностях образования, немало не останавливает лжецов и клеветников. При этом эти добровольные союзники зла бесстыдно продолжают называть себя людьми справедливыми и считают себя в рядах почтенных и достойных.

При этом лжец не только не потрудится проверить свои измышления на фактах, но, наоборот, всячески будет спешить уклоняться от этих возможностей. Если же ему будут противопоставлены факты, он впадает в какие-то даже физические конвульсии и трепещет, видя, что его злобное измышление подвергается опасности быть раскрытым. Может быть, иногда сам лгуний и не верит в существование своей клеветы, ее очевидной неправдоподобности, но какой-то, трудно выразимый словами процесс заставляет его катиться по наклонной плоскости. И тогда его определительные формулы становятся особенно богатыми и перед ними так часто бледнеют скромные намеки защитников правды. И многие ли находят в себе простое гражданское мужество хотя бы сказать:

— Не говорите о том, чего не знаете!

Ведь если для кого-то неясны нормы добра, то, по крайней мере, хотя бы чистоплотность ознакомления с фактами должна быть примитивным условием человекообразия.

Жаль видеть и другую разновидность добровольцев зла, которые часто и не подтверждают ложь словесно, но злорадствуют молчаливо. Они даже не попытаются предостеречь клеветника о последствиях его лжи. Наоборот, своею молчаливою улыбкою они поощряют злоторпящего. Таким путем от сознательных сил темных до воинов активного добра оказывается еще огромный стан добровольцев зла, которые в самых разных степенях и содействуют и потворствуют заражению атмосферы.

Дисциплина духа, природное сознание ответственности, не разрывной с человеческим бытием, не беспокоит этих распущенных беспутников. Иначе вы их никак и не назовете, ибо идут они без пути и в своей невежественной распущенности готовы приобщиться к любой губительной заразе.

Все эти свойства не являются ни национальными, ни принадлежащими никаким другим делениям. Эти соображения чисто общечеловеческие и еще раз показывают, что забытая живая этика была бы прежде всего необходима, начиная от первых дней образования.

Задумываясь над самоотвержением сил темных, примет у которых люди видят так часто, они должны рано или поздно помыслить и о практичности такого же действенного самоотвержения и со стороны добра. Примеры прекрасных подвижников и героев, казалось бы, достаточно реальны. Казалось бы, не для абстрактных и туманно отвлеченных проблем, но для истинного строительства трудились здесь, на этой самой земле, великие души, подтверждая мысли и слова свои каждодневным, неустанным действием. Словарь самоотверженности добра поистине прекрасен, и он гораздо полнее, нежели успели запечатлеть случайные и условные энциклопедии. Проникаясь этими зовущими примерами, люди, а главное, молодые поколения, могут так легко отворотиться от потворства злу, уже не говоря о самом ближайшем соучастии в злобных разрушениях. Старые истины о том, что обычно дети в первых годах жизни легко зовутся добром! Также обычно, что печальные примеры семьи закладываются впервые в детскую душу, первое потворство злу, а затем и действенное соучастие в нем. Но если теперь во всем мире напряжение доходит до крайних пределов, если даже силы космические отвечают этим тлетворным заразам, то именно сейчас спешно нужно устыдиться деятельности зла, доходящей до самоотвержения. Ведь сам термин «самоотвержение зла» должен пробуждать даже в очень несведущих людях желание такой же действенности и во имя

добра созидательного. Самоотвержение зла — тяжкий укор человечеству.

Маньчжу-Ди-Го
15 июля 1934 г.

Черта Мира

Много пробных камней уготовано для человечества, на которых можно испытать белое и черное. Как лакмусова бумажка, темнеет или светлеет лик человека при упоминании пробных понятий.

Разве не темнели лица ненавистников Красного Креста, когда этот благородный символ был предложен? Не только темнели лица человеконенавистников, но они пылали злобою при одном упоминании о знаке милосердия и помощи. Но защитники света были тверды, и злоба все-таки потерпела еще одно поражение.

Разве не темнеют некоторые лица и личины, когда вы говорите о сохранении сокровищ религии, науки, искусства? Темнеют и корчатся все, кто питается разложением и разрушением. Посмотрите на имена не желающих обсуждать спасительные меры; вы увидите с их стороны и многие другие нежелания и препятствия в отношении созидательного блага и сотрудничества. Истинно раскололся мир по границе сотрудничества, созидания, с одной стороны, и по злобе, разрушению, разложению, по другую сторону. Также попробуйте заговорить о живой этике, о чести и достоинстве, и вы получите тоже таинственное, но явное разделение. Оно будет и международно; ни расы, ни народности, ни наречия признаками не будут. Опять встретитесь со Светом и тьмою.

Попробуйте обсуждать героизм, вредительство, учительство, и вы натолкнетесь на ту же международную границу. Ни возраст, ни воспитание, ни образование, но совершенно иные стимулы очертят два всемирных стана.

Коснитесь гигиены духа и тела, укажите на значение здоровой пищи и чистых условий жизни, и из пространства встанут перед вами опять те же таинственные, почти несказуемые, но явные деления.

Поразительнее всего будет то, что обитатели каждого из этих двух станов очень дружно и ладно сойдутся между собою, несмотря на разнообразие одежд и речи. Те, кто восставал против Красного Креста, приветливо улыбнутся отрицателям полезности охраны культурных ценностей. Отрицатели героизма и учительства сочувственно поймут насмехающихся над живой этикой. И пожалуй, все они сойдутся за кровавым бифштексом и ликерами.

Конечно, и соратникам созидательства легче быть вместе. Никакие океаны не внесут среди них деления в устремлении к улучшению жизни. Этика будет для них самых живым предметом, и трапеза их не потребует пролития крови. Когда же речь пойдет о здоровье духа и тела, то и здесь согласие не будет нарушено. Все поймут, что нельзя говорить о здоровье тела без оздоровления духовных начал. А для этого все признают, что охрана культурных ценностей прежде всего будет мерилом.

Друзья блага одинаково признают, что благо и мысль не есть нечто отвлеченное. Они также признают, что положение мира требует объединения всех положительных элементов. Организованность сил разрушения должна вызывать тем большую сплоченность всех строителей.

Друзья блага понимают, что мир нужен как основа мирного труда, обмена, созидания и сотрудничества. Но они также знают, что насилие или же приказ не создадут мира, который прежде всего зарождается не в мозгу, но в сердце. И также знают, что всякая злоба и проклятие недопустимы, ибо они прежде всего положат вечное клеймо на самого злоначинателя. Радостно, светло, незабываемо прекрасно побыть с друзьями блага.

После светлых сотрудничеств невообразимо тяжело окунуться в тину отрицателей.

Некоторые из них дошли до той ступени нетовства, что даже на самое очевидное норовят сказать свое тупое, немое и подлое «нет». Вспоминаю, как одна дама на самое очевидное утверждение ответила таким определенным «нет», что пришлось невольно спросить, «возможно ли даже в таком культурном обсуждении быть так ярко отрицательным»? Но поборница отрицаний заявила, что она на все имеет возражение и начинает с «нет». Мы не могли удержаться, чтобы не заметить, что и само выражение ее лица стало отрицательным. А разве нечто отрицательное не делается отталкивающим? А разве отталкивающее не становится отвратительным?

Всякая отвратительность, разложение, тление гниют в одной бездне с ложью и предательством, одичанием и разрушением. Космический сор — называются эти отбросы. Восточная мудрость, говоря о «Мире Огненном»²¹⁰, напоминает древнюю истину, которую тьма пытается скрыть:

«Утвердим преисполнение духа. Преисполниться духом — значит поставить себя в непосредственное общение с иерархией. Всевозможные магические приемы, даже само умное делание, будут попытки к высшему Общению. Но новое приближение к Высшему устремляет к образам подвижническим, которые поверх всего подходили к непосредственному сердечному Общению. Видим пророков, подвижников, которые не впадали в исступление, но каждое их слово было словом Завета. Если спросите Меня — какие приемы приличествуют нашему времени? Скажу — нужно готовиться к непосредственному Общению. Всякие условные меры — уже посредственны в себе. Во дни, когда огненные энергии напряжены, именно этот Огонь поможет сердцу понять Великое Высшее. Такое Веление выражается среди всей жизни, тогда Мы говорим — слушайте и слушайтесь! Каждая эпоха имеет свои выражения. Даже в старых Заветах видим пророков, которые были всегда преисполнены духа. И много позднее изучались формулы, числа и ритмы. Но иные считали, что такие методы близятся к вызываниям и тем умаляют высшее Начало. Особенно сейчас, при эпидемии одержания, люди должны искать сердечного Общения».

«Лишение благословения есть акт древнейшего патриархата. Он далек от позднейших проклятий. Проклятие является уже продуктом невежества, но древнейший акт предусматривал нарушение связи с Иерархией. Связь с Иерархией есть настоящее благословение со всеми последствиями».

«Спросят невежды — мы много раз поносили все Высшее и тем не менее мы существуем; никакой огонь не спалил нас и ничто не угрожает нам». Тогда поведем их на площадь, где в грязи пресмыкаются слепые нищие, и скажем — «Вот тоже вы! — разве не узнаете себя? Только пресеклась нить с Высшими, и вы полетели в бездну». Устрашать не нужно, жизнь полна таких ужасов. Помните, что нагнетение Огня незримо, но ничто не минует последствия. Так, можно видеть, как даже древние понимали справедливость закона и знали уже, что оскорбление Начал так велико и ужасно, что последствие не может быть немедленным».

Мудрость всего мира остерегает, повторяя: «Проказа начинается от самого ничтожного пятнышка». Но в темном стане по-прежнему раздаются вопли: «К черту культуру — деньги на стол» или «Нельзя заниматься отвлеченностями» — так говорится, когда люди хотят охранять творческие ценности. Даже неправдоподобно звучат такие выкрики после всех вековых наслоений культуры. Но тьма редко бывала так активна, как сейчас. Редко можно было наблюдать истинный интернационал тьмы, как в наши дни, когда черные мессы служатся по всем адовым правилам.

Но если слуги тьмы так понимают единение и свою иерархию, то не пришел час, чтобы служители Света тоже собрались на своих дозорных башнях для бессменной стражи? Черта Света и тьмы выступает ярко именно во дни духовной битвы, когда тьма гремит яростью, но светоносные преисполняются духом и несломимым мужеством.

Нет такой бездны, которая не могла быть заполнена творщим благом и

²¹⁰ «Мир Огненный» — одна из книг серии «Агни Йога».

превращена в сад прекрасный. Но для такого садоводства нужно понять сотрудничество.

Май 1934 г.

Оружие Света

Воистину, слеп тот, кто не хочет видеть.

Среди практических занятий по Римскому Праву наш старый профессор как-то дал задание о преследовании клеветы. Обсуждая этот предмет, мы пришли к заключению, что клевета и диффамация ²¹¹, в существе своем, карались сравнительно мало. При этом мы спросили профессора, почему ни в одном законодательстве не карался произнесенный ложный факт. Помню, как добродушный профессор улыбнулся, воздел руки кверху и сказал: «Тогда пришлось бы посадить в тюрьму девять десятых всего мира».

Эти мечты студентов об ограждении человечества от ложных фактов рано или поздно опять вспоминаются. Само нагромождение разрушительных для человечества обстоятельств точно бы указывает, насколько следует обратить внимание на глубочайшие, целые океаны ложных измышлений, в большинстве сознательно направленных ко злу.

Никакие современные законодательства, если бы даже и пытались иногда преграждать вредоносную клевету, не в силах бороться с шептанием лжи. Кто-то скажет, что это та же клевета, но очень многие подобные злошептания не подойдут под статью о клевете и тем не менее будут рассадником в высшей степени вредоносным. Даже если мы постараемся не обращать внимания на всякую ложь, которую, как птицы, щебечут люди, вообще не давая себе отчета, какие страшные приговоры иногда заключаются в веселом щебетании гостиных, то тем вред не уменьшится. Но кроме этих безответственных щебетаний в мире разрослось множество заведомо ложных измышлений, имеющих единственную и вполне осознанную цель, определенного вреда разложения и опустошения.

Если бы начать перечислять встреченные каждым из нас факты такой заведомой вредоносности, то составила бы огромная книга зла; также на сцене иногда показывают делание слепков замка для поддельных ключей, чем внушают слабому зрителю разные вредные идеи. Перечислять вредоносные измышления было бы само по себе уже вредно, но нужно дать себе труд, хотя иногда подумать, сколько заведомой лжи шествует в жизни, разрушая на своем пути самые ценные, а часто и незаменимые возможности.

Из храма люди стали выходить обновленными для новой клеветы. Звуками песнопений стала поощряться душа к злословию. Лучший героизм драмы стал побуждать к подозрениям. И молитва не становится ли угрозою? Так ли? Хорошо ли?

Для смертельности яда змее не нужен гигантский рост; мала ехидна и змейка коралловая. Пагубен яд даже малого скорпиона.

Об обмане думает обманщик. О предательстве предусматривает предатель. Об ужасах терзается трус. Каждый по-своему. Скажи, о чем думаешь, и я скажу, кто ты есть.

Конечно, если законы должны ограждать безопасность граждан, то ясно, что и законы против клеветы и лжи должны быть постепенно усиливаемы. Если человечество видит, что поток зла очень изобретательно увеличивается, то странно было бы бороться с ним средствами древнего Римского Права, Кодекса Юстиниана ²¹² или даже Кодекса Наполеона, которому частично подражали многие последующие законодатели.

Если зло создало свои новые формулы, то ведь и противодействие должно быть постоянно обновляемо. Если каждый лжец будет сознавать внутри себя, что он произносит не только крылатое воробьиное слово, но и делает при этом нечто,

²¹¹ Диффамация (от лат.) — распространение порочащих сведений.

²¹² Юстиниан I (482—565) — византийский император. Активный завоеватель и строитель. Провел кодификацию римского права.

предусмотренное уголовным законодательством, то он лишний раз подумает — не слишком ли дорого обойдется ему так полюбившееся злоречие.

Вполне естественно, что усилившиеся своекорыстные угрозы и похищение детей в Америке вызвало усиление противодействующего закона. Конечно, вероятно, в эти дни Линдберг горько улыбается, сознавая, что этот усиленный закон пока ему ни в чем не помог. Даже, наоборот, именно после введения закона получилось какое-то новое вымогательство, как бы глумление. Это глумление не показывает ли, насколько зло, как таковое, разрослось и меры против него уже запаздывают?

Не становится ли это похоже на гангрену, за которой тщетно старается поспеть нож хирурга? Не приходим ли мы опять к тому же самому решению, какое было прилагаемо и в других жизненных областях? То есть не время ли без промедления вводить в школы, с самых низших классов, основы практической Этики?

К сожалению, этот предмет попал в число отвлеченностей, о которых не всегда даже принято говорить, ибо это будет сочтено чем-то несовременным, невоспитанным и вызовет жестокий глум и противодействие союзников сознательного зла. Но если само древнее слово «Этика» ни в чем не виновато, то не виноваты ли мы сами, которые сделали беседу обо всем хорошем недопустимой в гостиных наших?

Не мы ли виноваты, если облекли жизненные основы Этики в скучнейшие серые тоги и предоставили злошептателям самые выразительные страницы словаря? Ведь энтузиазм, этот светлый огонь сердца, считается неприличным в «почтенном» обществе. Похвала и восторг, эти цветы Сада Прекрасного, считаются почти знаком невоспитанности. И похвала, вместо ее взаимно вдохновляющего значения, принимает вид какого-то условного лицемерия, которое так и допущено.

«Воспитанные» дети должны ничего не желать, ни к чему не стремиться и притупить все свои творческие устремления, слепо следуя стандарту воспитателей, которых, в свою очередь, никто никогда не учил ничему благому и творящему.

Пыльны серые одежды, в которые мы закутали Этику и всякое светлое творчество! Они нашли себе ярких заместителей в виде осуждений, злоречий и распространения ложных измышлений. Странно наблюдать, насколько оживляются лица при одном приближении ложного измышления. Как обогащается словарь и самый молчаливый гость становится чуть ли не оратором. При этом не тогда, когда он сам введен в заблуждение, но именно тогда, когда он отлично понимает, что он лжет.

Изобретателен лжец и в заподозриваниях; судя по себе самом, он, вступая в эту область, чувствует себя как рыба в воде. Его злобная опытность ободряет, что выходки его останутся безнаказанны. Конечно, если вы напомним ему слова Писания: «В юже меру мерите, возмерится и вам» — он только самодовольно махнет рукою, говоря: «После нас хоть потоп!»

Его злобное сознание подскажет ему, что его собственное самосохранение лежит лишь во зле и без этого зла он, как рыба без воды, теряет свою жизнеспособность. В этой основной злобности, в этой подозрительности, в этом желании очернения всех сказывается и глубочайший атеизм.

Перед лжецом не встает никакого Высокого Облика, перед которым он мог бы устыдиться. Его скудное воображение не рисует ему никаких перспектив его собственной будущности, когда он должен будет дать отчет в действиях своих или, вернее, когда он должен поставить себя на место, заслуженное им самим.

Мудро сказано: «Поступайте так, как хотели бы, чтобы и с вами поступили».

Но для этого нужно иметь хоть какое-нибудь воображение. Для того нужно воспитывать это воображение, чтобы оно могло вывести за пределы сегодняшнего дня. Люди очень боятся болезней, нищеты и всяких несчастий. Самые наглые лжецы и клеветники иногда оказываются грубыми фетишистами. Они знают о каких-то несчастливых знаках, но не хотят знать лишь того, что обратная сторона есть просто возвращенный их собственный бумеранг. Карма!

Каждому, наблюдавшему метание бумеранга, вспоминается, как иногда неопытный и неосмотрительный метальщик потом с воплем пытается отскочить от собственного же орудия, которое неумолимо настигало его и било с математической точностью силы самой посылки. При этом опытные метальщики называли пострадавшего прежде всего глупцом. Поистине, никакого другого наименования невеждам злобы и нельзя придумать.

Как все невежды, злошептатели прежде всего глупцы! Какие бы мишурно блестящие слова ни изобретали они в своих злошептаниях, как бы ни старались они развеселить наивное общество отвратительной выдумкой, они останутся прежде всего глупцами! Каждая их ложь с абсолютной точностью аккумулируется и в неожиданный ими момент поразит их тем сильнее, ибо каждый сад растет как темный, так и светлый.

Странно, что земля должна была существовать несказуемые цифры лет для того, чтобы сейчас назрела такая необходимость вопиять против количества зла, порожденного ложью! Но стоит взять любую газету, и события одного только дня покажут, какого страшного предела достигло человечество, желая вредить друг другу.

Хотелось бы, как детям, сказать: «Во время игры не деритесь!», также сказать и взрослым: «Попробуйте прожить один день, не вредя друг другу!»

Кажется, что в такой день, который бы человечество прожило без вреда, совершилось бы какое-то величайшее чудо, какие-то прекраснейшие, целительные возможности снизошли бы так же просто, как иногда снисходит добрая улыбка сердца или плодоносный ливень на иссохшую землю.

Однажды женщина сказала священнослужителю: «Когда я молилась, то священное Изображение улыбнулось мне». А мудрый священнослужитель ответил: «Сердце твое улыбнулось, и ответила ему улыбка Спасителя». Неужели же невозможна эта спасительная улыбка правды, улыбка благодатного даяния и самоотвержения? Неужели же, действительно, эгоизм, этот один из ближайших родственников лжи, уже стал победителем?

Не может это быть там, где из глубокой древности уже даны мудрейшие Заветы. Не в скуке, обезображенной непониманием Этики, но в радости Этики, преображенной огнем сердца, всеми лучшими заветами от юности, от младенчества, пусть идут дети новым путем великого сотрудничества с Благом творящим!

История дает нам изумительные примеры, как часто не только детский, еще не испорченный мозг преображался мышлением, но и самые, казалось бы, закоренелые преступники просветлялись. Примеры этих просветленных преступников всегда указываются Великими Заветами; значит, ничто не потеряно. Значит, по счастью, не одною угрозою законов, но именно просветлением сознания можно достигать самых лучших следствий.

Один ученый говорил мне: «У нас не осталось формул». Ах, какая неправда! Все прекрасные формулы не только сохранены во всей живости, но и не великое мужество требуется, чтобы опять обратиться к формулам прекрасным и благодатным. Сердцеведение — называется этот предмет очищающий. Конечно, это благовествование пусть облечется в одежды Света. Как сказал Апостол Павел: «Облечемся в оружия Света».

В этих светлых одеждах, в доспехе, блистающем среди сияющих факелов сердца, нетрудно будет бодрствовать всю долгую ночь и дожидаться Утреннего Света. Никто не сказал, что праздники не нужны. Наоборот — Праздник Сознания, Праздник Труда, Правды, как он глубоко вдохновен! А главное, как он возможен от любой хижины и до дворца!

Будем же все, хотя бы самое темное, хотя бы самое злое, покрывать творческим созиданием, тем, которое даст Праздник Души человеческой. На том и сойдемся!

Гималаи. 1 мая 1932 г.

Нерушимое

Нужно основание твердости для каждой постройки. Во всех степенях бытия нужно то же самое сознание нерушимости. Как в повседневности, так и в самых больших построениях нужно иметь уверенность в прочности построений. Почему же так часто происходят всякие нарушения во зло, во всей своей бессмысленности? Откуда же вторгается легче всего разьедающий хаос?

Сомнение и зависть — эти два ядовитейших змея — пытаются вползти всюду, где происходит какая-либо постройка. Казалось бы, люди достаточно издревле предупреждены об этих двух чудовищах. Казалось бы, всякий знает, насколько многообразно пытаются прикрыться эти исчадия тьмы. Бесконечное число раз люди слышали о всяких масках, за которыми укрывается злая тьма, посылающая всюду своих разрушительных гонцов. Да, несчетное число раз люди слышали об ужасах сомнения и зависти.

Не только в притчах и в легендах, но на самых житейских примерах было показано людям, что нельзя продвигаться, затаив за пазухой этих смердящих ехидн. Все увещания, все проповеди предупреждают о противостоянии вторжениям зла. Люди приносят самые торжественные клятвы в том, что они не устроятся, не отступят и не впадут в предательство. А затем, после произнесения самых величественных и торжественных слов, помянув все Лики наивысшие, наипрекраснейшие, люди очень легко впускают в сердце свое самых злейших ехидн.

Поистине, можно изумляться, насколько несоответственны бывают торжественные клятвы и утверждения, с легкостью допущенные по самым малым поводам преступнейших мыслей. Именно удивительно, насколько самые, казалось бы, малейшие поводы вводят шатающихся в самые страшные и непоправимые последствия. Казалось бы, такая несоизмеримость уже невозможна в человеческом разуме. Самый примитивный рассудок должен бы уже воспротивиться такому предательству наибольших и наилучших мыслей и творений. Если бы графически изобразить величину и значение только что произнесенных клятв и графическую ничтожность поводов к зависти и сомнению, то, действительно, можно быть потрясенным. Такого несоответствия ум человеческий не дерзнет и представить себе.

Каким путем вчерашнее солнце может оказаться черным углем? Ведь для такой инволюции нужны какие-то сильнейшие отравления. Не может же крошечная зависть, ничтожное сомнение или раздражение вдруг преодолеть все лучшие устремления в светлую беспредельность. Яд ехидн настолько распространяется, что зараженному мозгу уже не нужны никакие факты. Он слеп даже к самой яркой действительности. Ему нужно лишь ублаготворить своего вновь допущенного властелина. Ему нужно произвести какое-либо грубое, поносительное действие. Ему нужно разразиться сквернословием. Ему нужно причинить хоть какой-либо ущерб Добру и Свету.

Если даже такое омраченное сознание где-то внутри будет подсказывать, что Свет все же не нарушится, то злобное раздражение будет пытаться напрягать всю силу легких в бесплодных ухищрениях, если не задуть, то хотя бы поколебать светлое пламя. В эти мгновения темного безумия человек отступает от всякой логики. Все более или менее разумное, все примеры лучшие, все наследия самые убедительные — для одержимого лишь повод к раздражению.

Одержимый готов нанести себе самому самый тяжкий урон. Он готов подвергнуть все свое будущее величайшим опасностям, вполне заслуженным, лишь бы только произнести хулу и сквернословие. Допустив злейшее кощунство, одержимый пытается чем-то оправдать себя, точно бы разрушительное зло уже не приведено им в действие. Ведь этот же одержимый слышал так явственно о том, что зло сотворенное непременно должно быть изжито. Яд, сотворенный им, будет изживаться, даже в лучших случаях, с

великими болями. Казалось бы, так легко понять о вредности зла и ближайших его приспешников — предательства, зависти и сомнения.

Спросите любого строителя, какие именно основы строительных материалов ему нужны при постройке. Даже в этих, таких чисто материальных, житейских соображениях вы увидите, насколько строитель будет искать стойкость и ненарушимость материалов. Если на самых житейских примерах видим устремления о ненарушимости, то насколько же более эти основания необходимы в духовных построениях. Строить можно лишь из добрых, вполне противостоящих разрушению материалов. Посмотрите на многие примеры, когда духовные сообщества нарушались из-за таких мелочей и пустяков, о которых разумным людям и помыслить-то стыдно.

Попробуйте дознаться до корня сомнения или зависти. Вы увидите такую малюсенькую причину, которую даже в микроскоп рассмотреть трудно. Если впоследствии вы показали бы самому человеку, впавшему в одержание, эту крошечную причину, то он первый же будет всячески отрицать какую-либо возможность такой несообразности.

Какими же клятвами можно достичь духовную ненарушимость? Ни клятвами, ни угрозами, ни приказами она не будет достигнута. Лишь просветлением сердца, уже в степени ненарушимости, достигается и прочное сотрудничество. Светлыми трудами создается нерушимая степень просветления сердца. Сердце воспитывается в трудах. Сердце познает, что есть настоящее сотрудничество. Когда же полная степень сотрудничества будет опознана, тогда уже не зашатается человек сомнением и не осквернится завистью.

Ненарушимое сотрудничество — какое это чудесное благо. Как широко оно заповедано человечеству. Какие прекрасные начертания даны, чтобы по ним соизмерить все величие ненарушимого сотрудничества и постыдную ничтожность злобных попыток. В самом трогательном образе люди напоминали друг другу о «Нерушимой стене». В огромных размерах, самыми твердыми материалами люди пытались закрепить свидетельство о стене Нерушимой. Очевидно, нужно человечеству твердить самому себе о благе светлой нерушимости. Очевидно, человечество само чувствует, насколько бесчисленно раз оно должно повторять самому себе о действительности блага и о постыдности зла.

Но в каких, почти незримых, скверных червях ползает по миру зло! Недаром сами люди называют червем зависти, червем сомнения, червем подлости постыдное одержание, в котором попирается все лучшее и высокое. Но ведь если люди столько раз твердили друг другу о постыдности поклонения тьме и всем ее порождениям, то неужели же они будут всегда так свободно допускать в свое сердце червей мерзких?

Много говорится об эволюции. Но ведь со всякой точки зрения, от низшей до высочайшей, эволюция предполагает преуспевание добра. Люди знают, что препятствовать чему-то доброму уже означает сотрудничать со тьмою. Зачем об этом опять говорится? Если говорится, то, значит, существуют к тому причины. Не просто повторяется о том, что все уже должны знать, но твердится это по причине являющейся. Задавите в себе червя скверного. Освободите сердце от губительной заразы. Все равно «Свет побеждает тьму». Все равно Добро победоносно. В добре ведомы настоящие сроки, и во благе рождается соизмеримость.

Нерушимость есть условие каждого созидания.

*1 сентября 1935 г.
Тимур Хада*

Неисчерпаемость

Исчерпаемо ли? Истоощаемо ли?

В плане физическом, как и все,— истоощимо, но в плане духовном — во всем лежит именно неистоощимость. И по этой мере, прежде всего, разделяются эти два плана. Если вам говорят, что нечто истоощилось, мы знаем, что это касается чисто внешнефизических обстоятельств.

Творец воображает, что его творчество иссякло, и это будет, конечно, неверно. Просто имеются или возникли какие-то причины, препятствующие творчеству. Может быть, что-то произошло, нарушающее свободное выделение творчества. Но само по себе творчество, раз оно вызвано к деятельности, оно неиссякаемо, точно так же как непрерывна и ненарушима психическая энергия как таковая.

При современной смятенной жизни это простое обстоятельство иногда приходится напоминать. Люди уверяют, что они устали, сами себе внушают, что творчество их иссякло. Повторяя на всякие лады о трудностях, они действительно опутывают себя целою паутиною. В пространстве действительно много перекрещенных губительных токов. Они могут влиять на физическую сторону выявления. Людям же, которые так привыкли строить все в пределах физических, начинает казаться, что эти внешние вторжения убивают и сущность психической энергии. Впрочем, даже и это выражение часто покажется чем-то неопределенным, ибо люди до сих пор редко задумываются по поводу такой основной благословенной энергии, неисчерпаемой, неистоощимой, если она осознана.

Вообще вопрос об осязательности очень неясен в человеческом обществе. Каждому приходится слышать, как иногда человек дает совершенно определеннейшие данные, но слушатели, невоспитанным вниманием своим, скользят поверх них, а затем уверяют, что было дано лишь неприложимо-отвлеченное. Мне самому часто приходилось быть свидетелем, как люди давали показания совершенно определенные и обоснованные, а им на это отвечали: «Нельзя ли что-нибудь поближе к делу, определеннее». Такой вопрос лишь показывал, что слушатель вовсе не собирался принять во внимание ему сказанное, он хотел услышать только то, что почему-либо ему хотелось услышать. И под этим самовнушением он иногда не мог даже и оценить всех тех определенных фактов, которые ему сообщались. Ведь так часто люди хотят слышать не то, что есть, а то, что им хочется услышать. «Самый глухой тот, который не хочет слышать».

Нежелание слышать и видеть порождает не только сугубую несправедливость, но нередко является как бы духовным самоубийством. Человек до такой степени уверит себя в том, что он чего-то не может, до такой степени забудет свою основную энергию, что действительно попадает во власть всяких внешних физических и психических вторжений.

Каждый слышал, как некоторые, так называемые нервноболезные не могут перейти улицу, или не могут подойти к окну, или, наконец, впадают в ужас подозрительности. Если проследить, как именно начались эти убийственные симптомы, то всегда можно найти маленькое, даже трудноуловимое, начало подавленности психической энергии. Иногда оно будет настолько косвенно затронуто и начнется от чего-то совершенно случайного.

Именно такие случайности могли бы быть вполне отражены, если была бы развиваема внимательность к происходящему вокруг. Ведь эта внимательность помогла бы заметить также, что основная энергия неистоощима. Одно это простое, ясное осознание уберегло бы многих от бездны отчаяния и разочарования. Так, страдающий бессонницей иногда найдет причину ее в самом внешнем, реальном обстоятельстве. Также человек поймет, почему издревле сказано, что если трудно себя заставить думать, то еще труднее заставить себя не думать.

Когда человек угашает свой энтузиазм, он это делает тоже в силу каких-либо чисто

внешних обстоятельств. Если бы по внимательности он понял, насколько случайны и преходящи эти обстоятельства, то он отмахнулся бы от них как от назойливой мухи. Но ни в семье, ни в школе детей к внимательности не приучают, а затем, впоследствии, удивляются, почему человек «из-за кустов леса не видит». Да и часто ли вообще в семьях говорят о сердечном огне, о вдохновении, об энтузиазме? Ведь слишком часто семейное собрание сводится лишь к осудительным и мертвящим обменам колючими словами. Но опять-таки издревле отовсюду доносятся зовы и приказы о хранении в чистоте колодцев вдохновения и творчества как мыслью, так и делом.

«Радж-Агни, так называли тот Огонь, который вы зовете энтузиазмом. Действительно, это прекрасный и мощный Огонь, который очищает все окружающее пространство. Мысль созидаящая питается этим Огнем. Мысль великодушная растет в серебряном свете Огня Радж-Агни. Помощь ближнему истекает из этого же источника. Нет предела, нет ограничения крыльям, сияющим Радж-Агни. Не думайте, что Огонь этот загорится в мерзком сердце. Нужно воспитывать в себе умение вызывать источник такого восторга. Сперва нужно уготовить в себе уверенность, что приносите сердце ваше на Великое Служение. Потом следует помыслить, что слава дел не ваша, но Иерархии Света. Затем можно восхититься беспредельностью Иерархии и укрепиться подвигом, нужным всем мирам. Так не для себя, но в Великом Служении зажигается Радж-Агни. Поймите, что Мир Огненный не может стоять без этого Огня»²¹³.

3 февраля 1935 г. Пекин

Истинная Сила

Среди первых необузданных опытов внушения остаются в памяти несколько подлинных эпизодов. Передают, что человек, выпив стакан совершенно чистой воды под внушением, что он принял сильный яд, умер при всех симптомах именно этого отравления. Человек, положенный в совершенно чистую постель под внушением, что в этой постели умер тяжело заразный, получает все признаки этого заражения. Человеку внушается, что началось наводнение, и он тонет в своей комнате — и он почти погибает от всех несомненных признаков утопания. Человеку внушается, что он переходит бурный горный ручей и, в большом обществе, находящийся под внушением снимает сапоги и часть одежды, осторожно пробираясь по воображаемым камням.

Некий врач заявил сильному гипнотизеру, что тот может воздействовать лишь на людей слаонервных, а он, как врач, никогда не поддастся этим шарлатанским воздействиям. Гипнотизер улыбнулся, сказав: «За эти Ваши слова сейчас, когда Вы пойдете от меня, Вы упадете на затылок и тогда, может быть, начнете думать иначе». Многочисленные присутствовавшие наблюдали за этим своеобразным поединком. Врач очень бодро и возмущенно повернулся и стал удаляться от гипнотизера. Но через несколько шагов он вдруг остановился, пытался продвинуться дальше, как бы преодолевая какое-то препятствие, потом снова остановился и постепенно, несмотря на все свои усилия, хлопнулся спиной на пол. Поражение материалиста было встречено хохотом присутствующих. Потерпевший поражение конфузливо встал и, потирая затылок, поспешил покинуть зал.

Этот маленький эпизод манифестации внушения мог бы быть сопровожден множеством фактов, когда люди делали мысленно им приказанное, не отдавая себе отчета, что именно заставляет их поступить так, а не иначе. Кроме сознательных внушений, конечно, еще больше происходит не только бессознательных восприятий, но и бессознательных приказов.

Итак, выходит, что симптомы яда порождаются мыслью. Симптомы заразных болезней вызываются не самою заразою, но тою же мыслью. При этом для заразы или для

²¹³ Цитата из Живой Этики.

яда нужен инкубационный период. Но мысль вызывает те же последствия и производит все предыдущее молниеносно. И тем мысль сильнее всякого яда, всякой заразы.

С другой стороны, если мысль может быть сильнее самых губительных вещей, то, естественно, она же может быть могущественнее и самых целительных воздействий. Всем известны случаи, когда врач, ради пользы больного, должен предписывать подсахаренную воду, которая дает самые прекрасные последствия. Естественно, не щепоть сахара, но мысль принимающего так могущественна. Казалось бы, всем уже достаточно известны факты могущества внушения, но все же постоянно и в профессиональной практике, и просто в быту значение внушения или забывается, или, еще хуже, продолжает отрицаться. В этом можно наблюдать исконную борьбу узкого материализма с безгранично высокообразованною духовностью.

Прискорбно вспомнить, как часто самые малые соображения превышают спасительные посланки. Это не значит, что посланка была слаба. Могло, попросту говоря, не найтись для нее места у воспринимающего. И, таким образом, вместо чего-то очень полезного вдруг пересилило самое маленькое, ничтожно бытовое. Обычно происходит это в той среде, где о мысли, как о таковой, вообще не помышляют. Ведь есть такие целые семьи, где рассуждение о мысли вообще не было бы допущено и, во всяком случае, было бы осмеяно.

Итак, часто самый важный двигатель, самое духовное начало подвергается самым яростным отрицаниям и осмеяниям. Рассказывается, что некое воинственное племя, когда идет для получения отпущения своих прегрешений от своего духовного главы, всегда воздерживается от нападений и разбоев. Но после получения благословения разбойные воины становятся особо ярыми и поспешно предаются всяким нападениям.

Не получается ли приблизительно то же самое, когда вы видите людей, казалось бы, после молитвы выходящих из храма и немедленно предающихся всякому злословию. Не то ли же самое часто делается очевидным, наблюдая людей, только что приобщившихся к глубокой трагедии или будто бы потрясенных духовным словом и тем не менее сразу же погружающихся в несносные подлые сплетни и клевету. Во всех этих прискорбных случаях можно видеть примитивное состояние мышления. Именно настоящее невежество заставляет людей не распознавать, где и в чем заключается истинная сила.

Между тем познание истинной силы мысли может придти лишь добровольно. Никакими лекциями и книгами, если к ним не раскроется сердце, нельзя просветить.

Некий педагог всячески предлагал своим ученикам думать. Но за его спиной необузданные невежды называли его несчастным многодумцем. Если бы этот эпизод перенести в окружение классических греческих академий, то какому ostracismu были бы подвергнуты невежды, позволившие себе гоготать над благородным словом о мысли. Как благородно и дружелюбно должно входить в сознание понятие ценности мысли. И какой это неотменный друг и советник, истинный доброжелатель появится этою очищенною, сбереженною мыслью. Истинная сила привлекается и усвоится там, где облагорожена мысль.

*25 апреля 1935 г.
Цаган Куре*

Огонь Претворяющий

И тогда — в гремящей сфере
Небывалого огня —
Светлый меч нам вскроет двери
Ослепительного дня²¹⁴.

Много раз Блок повторял видение о лучах, о свете, об огне, преображающем Мир. И когда спрашивают Блока, отчего он перестал бывать на религиозно-философских собраниях, он отвечает кратко:

«Потому что там говорят о Несказуемом». Помню, как он приходил ко мне за фронтисписом для его «Итальянских песен» и мы говорили о той Италии, которая уже не существует, но сущность которой создала столько незабываемых пламенных вех. И эти огни небывалые, и гремящие сферы, и светлый меч, процветший огнем, все эти вехи Блок знал как нечто совершенно реальное. Он не стал бы говорить о них аптечными терминами, но понимал их внешнюю несказуемость и внутреннюю непреложность.

Когда вспоминаешь о великих огнях Реальности, тогда среди недавно ушедших обликов непременно вспомнятся и Блок, и Скрябин, и Леонид Андреев, каждый по-своему, каждый своим языком рассказывал и предупреждал о великих реальностях, опять мощно наполняющих нашу жизнь. Из далекого прошлого люди заговорили опять об Амосе, о рыкающем Льве пустыни.

«И пожрет огонь чертоги,
Ибо злое это время».

«Не поколеблется ли от этого земля и не восплачет ли каждый живущий на ней?» — проникновенно указывает Амос, пастырь Фекойский. Опять вспомнили и начали претворять в своих вдохновениях Притчи Соломона, древнейшие Заветы Книги Бытия, вещие страницы Риг-Вед, Плающую Чашу Зороастра²¹⁵ и все то множество непреложного уже исторического материала, которое говорит нам о том же огне, о том же ослепительном Дне Завтрашнем. Переступилась какая-то бездна. Ближе подошло сознание и к строкам Апокалипсиса, из которых выступили совершенные, ясные указания исторического и географического смысла. Люди особенно прилежно вспомнили одно время полузабытого Нострадамуса²¹⁶ и вдруг, точно сняв восковые печати, закрывавшие смысл, убедились в длинном ряде совершенно явных исторических фактов, уже совершившихся и совершающихся на глазах наших, о чем за триста лет предвидел этот ясновидец. Вошли на научные страницы видения Сведенборга²¹⁷. Австрийский профессор издал Парацельса.

В какие-то, точно вновь открытые, Врата подходят люди к хранилищам старых вечных заветов. Вместо отталкивающей нетерпимости, не приводящей ни к чему, кроме зла и разложения, появились проблески творящего синтеза. Появилось ощущение той великой истины, которая существует предвечно и выражалась во многообразии вековых

²¹⁴ Эпиграф — четверостишие А. Блока.

²¹⁵ *Плающая Чаша Зороастра* — чаша с огнем — один из главных предметов зороастрийского культа.

²¹⁶ *Нострадамус Мишель* (1503—1566) — французский врач и астролог, получил известность как автор «Столетий», содержащих предсказания грядущих событий европейской истории.

²¹⁷ *Сведенборг Эмануэль* (1688—1772) — шведский ученый и теософ-мистик. Имеет труды по горному делу, математике, астрономии и др., а также ряд технических проектов. Почетный член Петербургской Академии наук. Общины последователей теософии Сведенборга существуют в различных странах, преимущественно в США и Великобритании.

трансмутаций. После удручающего понятия осужденности выступило понятие Сердца и Огня и той Беспредельности, в которой широко вмещаются строения всех прозревших душ.

Толстой говорил: «Случалось ли вам в лодке переезжать быстроходную реку? Надо всегда править выше того места, куда вам нужно: иначе снесет. Так и в области нравственных требований надо рулить всегда выше — жизнь все равно снесет». «Пусть очень высоко руль держит, тогда доплывет», — пожелал Толстой моему «Гонцу»²¹⁸.

«Не смотри в бегущую воду», — говорят монгольские ламы. По опыту перехода верховьев быстрой Голубой реки во время ледохода знаем, насколько нельзя смотреть в эти стремительно несущиеся струи, пронизанные хрустящими льдинками. Нужно избрать дальнюю точку горизонта, чтобы не потерять равновесия. Эти два принципа, «как можно выше» и «как можно дальше», всегда вставали перед человечеством, а сейчас встают, может быть, особенно остро.

Ох, эти несущиеся льдинки, острые-преострые, холодно-ломкие, коней пугающие, точно какие-то заледенелые сердца человеческие, которые, и сами разбиваясь в стоне, стараются подсечь твердую поступь всего идущего «дальше» и «выше». Не против ли этих льдинок-сердец сейчас так стремительно обратилось сознание человеческое к огню. Что же противопоставить льдине, и холоду, и миражному потоку, как не огонь, освещающий, согревающий огонь, на котором куется меч светлый! Поиски тепла согревающего, творящие тепловые светочи, которые так выражены в обращении к Великой Матери Мира, оставят светлые зерна и для нашего времени. А за поисками тепла, за обращением к великому женскому сердцу мы опять обратимся и к поискам центра. В сердце восчувствуем, что нельзя более жить окраинами, нельзя более расчленяться, но создавать можно, лишь осознав центр, тот самый центр, тот самый Град Светлый, о котором столько сказано во всевозможных прообразах.

Кажется, уже вылиты чаши Апокалипсических Ангелов²¹⁹. Если и горчайшее этих чаш не пробудит сердце человеческое, то ведь и пламень великий куда обратится? Не к опалению ли? Сможет ли непробудившееся сердце трансмутировать этот жгучий пламень очищающий? И если человечество не захочет осознать, во имя чего можно собраться ему, то оно пронесется подобно разбивающимся холодным льдинкам Великой Голубой реки Жизни. Если этот пример разбивающихся льдинок дан нам Голубою рекою, то как же мутно ужасны струи реки Желтой, постоянно носящей множество трупов. И Голубые и Желтые реки напоминают нам о примерах потери центра, потери единения, потери того простейшего и здорового чувства духовного просветления и накопления.

Примеры истории, с одной стороны, вдохновенные слова поэта — с другой, ведь это не метафизика, это не отвлеченность, а это то самое, во имя чего и грозно и моляще раздавались голоса пророков, предупреждая в самых сверкающих и зовущих образах человечество, забывшее о том, что и «выше» и «дальше».

И вот человечество вошло в кризис. Человечеству некому продать товары. Человечество не знает, в чем работа его, и не имеет работы этой. Вопрос о безработных является ужасной печатью века сего. Безработица прежде всего есть утеря смысла существования, есть следствие ужаса прикрепления существа своего к бегущим осужденным на таяние льдинкам.

Человек научился завинчивать один винтик, который отвлек его от осознания смысла его бытия. В бедности человек дошел до самых огрубелых форм жизни, иногда более грубых, более бесформенных, нежели орудия каменного века. И в оскудении духа своего человек даже не пытается противостоять потоку обреченных льдинок, которые

²¹⁸ ...пожелал Толстой моему «Гонцу» — по окончании Академии художеств Н. К. Рерих был у Л. Н. Толстого и представлял ему свою дипломную работу «Гонец».

²¹⁹ ...чаши Апокалипсических Ангелов — в Апокалипсисе семь золотых чаш, наполненных гневом Бога, проливаемых Ангелами на Землю.

понесут его в безбрежный океан хаоса.

В ужасе человек ополчается на Прекрасное. Он старается оговорить, низвести ниже все то, что создавалось когда-то истинным подъемом духа. Человек старается разрушить Храмы. Ведь и льдинки пытаются срезать ноги коней переплывающих. Человек пытается перестать читать и с изумлением смотрит, если какие-то, с его точки зрения, несовременные кружки молодежи все же обращаются к великим Заветам. Долго нужно перечислять все те льдинки, которые создают ужас современного существования; те льдинки, которые в ожесточении пытаются уничтожить все на холодном пути своем.

Но не было времен безысходных, ибо безысходность противоречила бы Беспредельности. Как великий Светоч восстает мощный Огонь, который может трансмутировать каждую льдинку в очищенную энергию. Потому-то велико сейчас время. Грозно оно, но, противопоставив лед огню нетленному, можно знать и исход. Конечно, каждый свободен избрать или лед или огонь творящий. Также каждый свободен остаться в той постыдной середине, которая причиняет, может быть, наибольшие страдания. «Ни холоден, ни горяч, но тепл», — говорят об извергнутых.

Сферы, нашедшие центр, начинают петь, ибо хаос петь не может. Музыка сфер там, где уже найден ритм, где уже найдено число, и в этом законном исчислении рождается великий ритм, сердца открывающий. Легко испепелится огнем сердце, ритма незнающее, но, сотрудник творящий Бытия, ритм воссоздает то пламенное сердце, которое становится нетленным и вечно восходящим, как и сам великий Огонь Пространства.

Сегодня 24-е число, число очень замечательное ²²⁰, хочется вопреки всем смущающим газетным известиям думать об Огне, о творчестве, о пламенном сердце и о пламенной мысли.

«Кто не боится остаться непонятым, тот с нами. Кто не боится соединить русла больших течений, тот наш друг. Кто не боится увидеть свет, тот от орлиного глаза. Кто не боится войти в огонь, тот огненного рождения. Кто не боится невидимого, тот может пронзить тьму. Кто не боится обойти мир, тот к дальним мирам обращен. Кто не боится знать заветы мудрости, тот будет с нами. Мы отказались и приобрели. Мы отдали и получили. Познающий идет подобно пустынному льву. Кто отзовется на рыкание льва? Лишь лев, освобожденный от страха».

«Где же узы? Где цепи? Познание дальних миров сложит венец достижения» («Знаки Агни Йоги» § 481) ²²¹.

«Три огня. Затем чаша подвига» (§ 465). Зовет к мужеству и познанию Агни Йога.

24 января 1932 г. Гималаи

²²⁰ С 24-м числом (24.03.1920) связано начало записи Рерихами учения Живой Этики (Агии Йоги).

²²¹ («Знаки Агни Йоги» § 481) —... (§ 465) — ссылки на книгу «Агни Йога (Знаки Агни Йоги)».

Н. К. Рерих. Звезда героя. 1933 г.

Подвиг

Оксфордский словарь узаконил некоторые русские слова, принятые теперь в мире: например, слова «Указ» и «Совет» упомянуты в этом словаре. Следовало добавить еще одно слово — неперебиваемое, многозначительное русское слово «Подвиг».

Как это ни странно, но ни один европейский язык не имеет слова хотя бы приблизительного значения. Говорят, что на тибетском языке имеется подобное выражение, и возможно, что среди шестидесяти тысяч китайских иероглифов найдется что-нибудь подобное, но европейские языки не имеют равнозначного этому древнему, характерному русскому выражению.

Героизм, возмещаемый трубными звуками, не в состоянии передать бессмертную, всезавершающую мысль, вложенную в русское слово «подвиг». «Героический поступок» — это не совсем то; «доблесть» — его не исчерпывает; «самоотречение» — опять-таки не то; «усовершенствование» — не достигает цели; «достижение» — имеет совсем другое значение, потому что подразумевает некое завершение, между тем как «подвиг» безграничен.

Соберите из разных языков ряд слов, означающих лучшие идеи продвижения, и ни одно из них не будет эквивалентно сжатому, но точному русскому термину «подвиг». И как прекрасно это слово: оно означает больше, чем движение вперед,— это «подвиг»!

Бесконечная и неустанная работа на общее благо имеет результатом громадный прогресс — это и дало России ее великолепных героев. Великие дела совершаются без шума, они скромно творятся на пользу человечества.

Подвиг создает и накапливает добро, делает жизнь лучше, развивает гуманность. Неудивительно, что русский народ создал эту светлую, эту возвышенную концепцию. Человек подвига берет на себя тяжкую ношу и несет ее добровольно. В этой готовности нет и тени эгоизма, есть только любовь к своему ближнему, ради которого герой сражается на всех тернистых путях. Он стойкий работник, он знает цену труду, он чувствует красоту действия в пылу труда, он готов приветствовать каждого помощника.

Ласковость, дружелюбие, помощь угнетенному — вот характерные черты героя.

Подвиг не только можно обнаружить у вождей нации. Множество героев есть повсюду. Все они трудятся, все они вечно учатся и двигают вперед истинную культуру.

«Подвиг» означает движение, проворство, терпение и знание, знание, знание. И если иностранные словари содержат слова «Указ» и «Совет», то они обязательно должны включить лучшее русское слово «Подвиг».

Волнением весь расцвеченный,
мальчик принес весть благу.
О том, что пойдут все на гору.
О сдвиге народа велели сказать.
Добрая весть, но, мой милый
маленький вестник, скорей
слово одно замени.
Когда ты дальше пойдешь,
ты назовешь твою светлую
новость не сдвигом,
но скажешь ты:

«Подвиг!»

1942 г.

Чайка

«И на завтра не надейся».

И все-таки верится и мечтается, и мечты останутся в вечной энергии. Здесь-то все изменится. От изображений самых прочных останутся осколки. Никто не представит себе, частью чего были неясные обломки. Но там, в высшем измерении, все останется нетленно.

Чайки надежды летят перед ладьями искателей. «Чай, чай, примечай, куда чайки летят». Примечает народ полет чаек, полет надежд, чаяний. И почему не надеяться на завтра, на багряный восход, на красоту благодатную?! Полетят чайки прекрасные, и нет такого труда, впереди которого не могла бы лететь чайка.

Не одни же буревестники черкают перед кораблем. Много светлее их чайка, быстрая, путеводная. И на Волге, и на поморье, и на далеких океанах впереди вились чайки. Не остывали надежды-чаяния. От самых первых дней работы в мастерской реяло на проволоке чучело чайки. Хоть чучело, а все-таки мечта несломимого чаяния.

Неужели все бывшие битвы не сломили? Нет, не сломили. Вот же несколько не сломили. Елена Ивановна, увидав «Мстислава Удалого и Редедю» и «Пересвета с Челубеем»²²², воскликнула: «Должно быть, ужасная война, если даже самый мирный человек изображает смертные поединки». Хочется оставить памятки народу русскому о всех мономах, о великих поединках за славу русской земли. Может быть, друг мозаичист каменно сложит эти памятки, молодежь еще раз вспомнит, о чем всегда нужно держать в сердце. Полетите, светлые чайки, к русскому народу.

Лоренцо Великолепный²²³ пел: «И на завтра не надейся!» Так пели останки, осколки. Но в грозе и в молнии народы живут лишь надеждою на завтра, на великий день умиротворения и достижений. «Мир — всему живущему», — заповедал, кто мыслил о завтрашнем восходе. Чайки не летели перед Великолепным, и он не вверял себя кораблю.

²²² «Мстислав Удалой и Редедя» и «Пересвет с Челубеем» — картины Н. К. Рериха.

²²³ Лоренцо Великолепный — флорентийский государственный деятель, поэт и покровитель искусств в XV веке.

А вот новгородские ушкуйники ²²⁴ слагали песни о надеждах.

Там — конец, а наш путь — к началу. В вечном совершенствовании, в трудовом преуспевании и в радостном познании будем любоваться чайками-чаяниями. Будем любить чаек путеводных.

1942 г.

Напутствие

«Все вижу и слышу: страдания твои велики. С такою нежною душою терпеть такие грубые обвинения; с такими возвышенными чувствами жить посреди таких грубых, неуклюжих людей, каковы жители пошлого городка, в котором ты поселился, которых уже одно бесчувственное, топорное прикосновение в силах разбить, даже без их ведома, лучшую драгоценность сердечную, медвежьей лапою ударить по тончайшим струнам душевным,— данным на то, чтобы выпеть небесные звуки,— расстроить и разорвать презрение от презренных — все это тяжело, знаю. Твои страдания телесные тяжелы не меньше. Твои нервические недуги, твоя тоска, которою ты одержим теперь,— все это тяжело, тяжело, и ничего больше не могу сказать тебе, как только: тяжело! Но вот тебе утешение. Это еще начало; оскорблений тебе будет еще больше: предстанут тебе еще сильнейшие борьбы с подлецами всех сортов и бесстыднейшими людьми, для которых ничего нет святого, которые не только в силах произвести то гнусное дело, о котором ты пишешь (т. е. подписаться под чужую руку),— дерзнуть взвести такое ужасное преступление на невинную душу, видеть своими глазами кару, постигшую оклеветанного, и не содрогнуться,— не только подобное гнусное дело, но еще в несколько раз гнуснейшие, о которых один рассказ может лишить навеки сна человека сердобольного. (О лучше бы вовсе не родиться этим людям! Весь сонм небесных сил содрогнется от ужаса загробного наказания, их ждущего, от которого никто уж их не избавит.) Встретятся тебе бесчисленные новые поражения, неожиданные вовсе. На твоём, почти беззащитном, попроще все может случиться. Твои нервические припадки и недуги будут также еще сильнее, тоска будет убийственнее и печали будут сокрушительнее. Но вспомни: призваны в мир мы вовсе не для праздников и пирований — на битву мы сюда призваны; праздновать же победу будем ТАМ. А потому мы ни на миг не должны позабыть, что вышли на битву, и нечего тут выбирать, где поменьше опасностей: как добрый воин, должен бросаться из нас всяк туда, где пожарче битва. Всех нас озирает свыше небесный Полководец, и ни малейшее его дело не ускользает от Его взора. Не уклоняйся же от поля сражения, а выступивши на сражение, не ищи неприятеля бессильного, но сильного. За сражение с небольшим горем и мелкими бедами не много получишь славы. Вперед же, прекрасный мой воин! С Богом, добрый товарищ! С Богом, прекрасный друг мой!» (1846 г.).

Ведь это сказало не действующее лицо пьесы Гоголя, а сам писатель, сам мыслитель. Сам, который имел право сказать: «Все вижу».

Не потому выписываем Напутствие Гоголя, что его книга под руками. Не потому, что будто бы случайно купился этот том, где также знаменательно сказано о Ломоносове и Державине. Не случайно пошел с нами по китайским и монгольским землям сердцевидец русский «Все вижу и слышу». С дальних пор этот спутник близок, «потому идем и видим и слышим».

«Все вижу и слышу». Если кто-то отчасти заботится, он уже не все услышит. Можно уметь не слышать. Если кто развил в себе эту способность во благо, в мужестве и

²²⁴ Ушкуйники (от древн.-русс. *ушкуй* — речное судно с веслами) — в Новгородской земле XIV—XV веков члены вооруженных дружин, колонизировавших земли на Севере, и торгово-разбойничьих экспедиций на Волгу.

твердости, тогда он отлично установит степени слышания, но можно и все слышать и всему найти место. Гоголь, который так замечательно описывал битву, который через все тяготы жизни шел к великому и светлому, он-то знал, что знание опасностей есть предохранение от страха. Готовность к наихудшему всегда даст возможность напрячь особые силы. Много сил в человеке, только нужно, чтобы вовремя их вынуть из хранилища. Глубоки бывают такие хранилища и сложны к ним входы. Изучать к ним затворы можно в сообществе с великими ведунками. Нужно быть уверенными и в этих великих спутниках. Нужно чутко, что он не будет напутствовать ни в чем дурном, и тогда идти легко, тогда все призрачные препятствия уложатся в особом узоре.

Между спутниками не будет дурных мыслей, совершенно исключится бранное слово, как остатки звериного рева. Очень важно, чтобы спутники, хотя бы даже случайно, не употребляли друг про друга скверных наименований. Не будем требовать непременно уже любовь, которая не так-то легко приходит, но взаимное уважение в пути необходимо.

В караванах можно замечать, как иногда, следуя людским мыслям и чувствам, сами животные подражают своими поступками. Приходилось видеть, как при людском раздражении, до тех пор дружные, собаки бросались друг на друга, кони и верблюды пугались. Такие наглядные показания, о которых отлично знают опытные караванщики, должны бы остаться в памяти у всяких спутников.

Спутник — это уже сотрудник, а сотрудник — это уже не случайный встречный. Совместное делание остается неизбежным. Пребудет где-то навсегда. Думают неопытные: разбежимся, и все будет кончено. На деле же совсем не так. Даже в чисто материальном плане вы видите, как возвращаются бумеранги. Тот, кто действует в сознании ответственности, уже понимает, что каждым действием куется день завтрашний.

Враг рода человеческого изобрел всякое опьянение. В нем заключено лишение ответственности. Какие же безобразные нагромождения получаются от всякого опьянения! Потому трезвы спутники.

Народ помнит, что «идешь на день, а хлеба бери на неделю». Это сказано в большой опытности, истинно, всякого хлеба нужно взять в семь раз больше. Также мудрость заповедует, что расставание радостнее встречи. Ведь встреча предполагает расставание, а каждое расставание уже предчувствует встречу. А на каких путях будет встреча, о том не будем озабочиваться, надо предпослать, что на путях добрых.

Гоголь при всех своих искренних устремлениях все же говорит о битве. Другое наименование и не подойдет. На Курукшетра тоже битва. Все народы знают такие битвы, ибо никак иначе вы не назовете это продвижение. Когда же сердце будет соблюдено вне всяких опьянений, оно очень тонко подаст знак, где слагается строй, добрый и крепкий.

«Вперед же, прекрасный мой воин».

*6 марта 1935 г.
Пекин*

Письмена

«Тридесятое царство»

«На границе тридесятого царства стоит великан — дикий человек. Ни конному, ни пешему не пройти, не проехать», — говорится в народной сказке. Еще во времена академии в мастерской Куинджи вздумалось мне написать такую картину. У каждого из нас было свое окно, все обвешанное сладкими итальянскими этюдами прошлого века. Каждый в такой закутке разрабатывал свои задания. Чем разнообразнее они были, тем больше радовался Куинджи. Мой «дикий человек» на ярко-лимонном небе очень разил среди прочей обстановки. Не думал я, что такой выход из общепринятых рамок востановится. Но, видимо, вышло наоборот. Куинджи привел в мою закутку Айвазовского. «Кто это у вас тут сказки рассказывает? — дружелюбно воскликнул маринист и долго разглядывал моего великана. — Сказка, настоящая сказка. Правда и сказка — все вместе».

С тех пор мы много где видели сказочную правду. В Срединной Азии, в Тибете, в Гималаях встречались врата в тридесятые царства. Высились нерукотворные великаны, и грозные, и ласковые, и гордые, и зовущие. Складывал сказки хожалый, много видавший путник. С караваном когда-то он пересекал Гоби и Цайдамы и дивился самому белоснежному Ергору. Сказание пришло из яви. Караванщики предупреждали: «Дальше не ходи!» Разве не о тридесятом, заповедном царстве они предупреждали? В сказках и имена-то азиатские, и шатры степные, и палаты заморские. Все это видел сказитель. От правды будней увлекал к правде нерукотворных просторов.

Неправда, что сказка — удел богатеев пресыщенных. Множества трудящихся бедняков черпали силы и надежду в сказке-правде. Кто узнал сказку, тот умел постоять и за правду. Сама будничная работа преображалась. Некоторые суровые вожди надевали личину, уверяя, что сказка жизни и вообще все искусство им несносно, а сами в тиши плакали, побежденные красотой. Красота не опиум, но крылья преуспевания.

Ведь в каждом человеке живет мечта о тридесятом царстве, о стране прекрасной. И разве не будет правдой сказать о просторах, в которых каждый побывать может. Правда наиреальнейшая в том, чтобы без лукавых выдумок напомнить и цветом и звуком о существующем.

Есть ли такой земной житель, который не знал бы о сказке, о мечте прекрасной? Умножаются силы, если ведомо, что мечта эта где-то претворилась. И битва с великаном легка. И меч-кладенец куется. И звучит песнь преодоления и победы.

На днях почитаемый Гуру Синг, уходя, вдруг задержался и подал свой посох. Добрый посох из ладного бамбука. Все поняли, что в этом даре — лучшее пожелание.

Чем бы ни затуманилось тридесятое царство, но оно живет в полной яви, в правде.

Тридесятое царство!

Сказано: «Если ты устал, начни еще. Если ты изнемог, начни еще и еще». Правда, правда! Не малая, но великая правда! Но откуда же взять силы? Да все из того же царства тридесятого.

5 октября 1940 г.

Детская сказка

В очень известном и большом городе жил старый царь, вдовец. У царя была дочь, невеста. Царевна далеко славилась и лицом и умом, и потому многие весьма хорошие люди желали сосватать ее. Среди этих женихов были и князья, воеводы, и гости торговые, и ловкие проходимцы, которые всегда толкаются в знатных домах и выискивают, чем бы услужить; были разные люди. Царевна назначила день, когда могут прийти к ней женихи и сказать громко при ней и при всех, что каждый надеется предоставить своей жене; царевна была мудрая. Женихи очень ожидали этого дня, и каждый считал себя лучше всех других. Один перед другим хвалились женихи, кто именитым родом за тридцать поколений, кто богатством, но один из них ничем не хвалился, и никто не знал, откуда пришел он. Он хорошо умел складывать песни; песни его напоминали всем их молодые, лучшие годы, при этом он говорил красиво, и его любили слушать, даже забывая спросить, кто этот певец. И хотя он не был князем, но все женихи обращались с ним, как с равным.

В назначенный день все женихи оделись получше и собрались в палату, к царю. Согласно обычаю, женихи поклонились царю и царевне. Никого не пустил вперед князь древнего рода, за ним слуги несли тяжелую, красную книгу. Князь говорил:

— Царевна, мой род очень знатен. В этой книге вписано более ста поколений...— И князь очень долго читал в своей книге, а под конец сказал: — И в эту книгу впишу жену мою! Будет она ходить по палатам моим, а кругом будут образы предков весьма знаменитых.

— Царевна,— говорил именитый воевода,— окрест громко и страшно имя мое. Спокойна будет жизнь жене моей и поклонятся ей люди — им грозно имя мое.

— Царевна,— говорил залитый сокровищами заморский торговый гость,— жемчугом засыплю жену мою; пойдет она по изумрудному полю и в сладком покое уснет на золотом ложе.

Так говорили женихи, но певец молчал, и все посмотрели на него.

— Что же ты принесешь жене своей? — спросил певца царь.

— Веру в себя,— ответил певец.

Улыбнувшись, переглянулись женихи, изумленно вскинул глазами старый царь, а царевна спросила:

— Скажи, как понять твою веру в себя? Певец отвечал:

— Царевна! Ты красива, и много я слышал об уме твоём, но где же дела твои? Нет их, ибо нет в тебе веры в себя. Выходи, царевна, замуж за князя древнего рода и каждый день читай в его алой книге имя свое и верь в алую книгу! Выходи же, царевна, замуж за именитого гостя торгового, засыпь палаты свои сверкающим золотом и верь в это золото! В покое спи на золотом ложе и верь в этот покой! Покоем, золотом, алыми книгами закрывайся, царевна, от самой себя! Моего имени нет в алой книге, не могу я засыпать эту палату золотом, и куда иду я — там не читают алой книги и золото там не ценно. И не знаю, куда иду я, и не знаю, где путь мой, и не знаю, куда приду я, и нет мне границ, ибо я верю в себя!..

— Обожди,— прервал певца царь,— но имеешь ли ты право верить в себя?

Певец же ничего не ответил и запел веселую песню; улыбнулся ей царь, радостно слушала ее царевна, и лица всех стали ясными. Тогда певец запел грустную песнь; и примолкла палата, и на глазах царевны были слезы. Замолчал певец и сказал сказку; не о властном искусстве говорил он, а о том, как шли в жизнь разные люди, и пришлось им возвращаться назад — и кому было легко, а кому тяжело. И молчали все, и царь голову опустил.

— Я верю в себя,— сказал певец, и никто не смеялся над ним.— Я верю в себя,— продолжал он,— и эта вера ведет меня вперед; и ничто не лежит на пути моем. Будет ли у

меня золото, впишут ли имя мое в алых книгах, но поверю я не золоту и не книге, а лишь самому себе, и с этою верой умру я, и смерть мне будет легка.

— Но ты оторвешься от мира. Люди не простят тебе. Веря лишь в себя, одиноко пойдешь ты, и холодно будет идти тебе, ибо кто не за нас — тот против нас,— сурово сказал царь.

Но певец не ответил и снова запел песню. Пел он о ярком восходе; пел, как природа верит в себя и как он любит природу и живет ею. И разгладились брови царя, и улыбнулась царица, и сказал певец:

— Вижу я — не сочтут за врага меня люди и не оторвусь я от мира, ибо пою я, а песня живет в мире, и мир живет песней; без песни не будет мира. Меня сочли бы врагом, если бы я уничтожил что-либо, но на земле ничто не подлежит уничтожению, и я создаю и не трогаю оплотов людских. Царь, человек, уместивший любовь ко всей природе, не найдет разве в себе любви — к человеку? Возлюбивший природу не отломит без нужды ветки куста, и человека ли сметет он с пути?

И кивнула головой царица, а царь сказал:

— Не в себя веришь ты, а в песню свою. Певец же ответил:

— Песня лишь часть меня; если поверю я в песню мою больше, чем в самого себя, тем разрушу я силу мою и не буду спокойно петь мои песни, и не будут, как теперь, слушать их люди, ибо тогда я буду петь для них, а не для себя. Все я делаю лишь для себя, а живу для людей. Я пою для себя, и пока буду петь для себя, дотоле будут слушать меня. Я верю в себя в песне моей; в песне моей — все для меня, песню же я пою для всех! В песне люблю лишь себя одного, песней же я всех люблю! Весь для всех, все для меня — все в одной песне. И я верю в себя и хочу смотреть на любовь. И как пою я лишь для себя, а песнью моею живлю всех — так пусть будет вовеки. Поведу жену в далекий путь. Пусть она верит в себя и верою этой дает счастье многим!

— Хочу веры в себя; хочу идти далеко; хочу с высокой горы смотреть на восход!.. — сказала царица.

И дивились все.

И шумел за окном ветер, и гнул деревья, и гнал на сухую землю дожденосные тучи — он верил в себя.

Гримр-викинг

Гримр-викинг сделался очень стар. В прежние годы он был лучшим вождем, и о нем знали даже в дальних странах. Но теперь викинг не выходит уже в море на своем быстроходном драконе ²²⁵. Уже десять лет не вынимал он своего меча. На стене висит длинный щит, кожей обитый, и орлиные крылья на шлеме покрыты паутиной и серою пылью.

Гримр был знатный человек. Днем на высоком крыльце сидит викинг, творит правду и суд и мудрым оком смотрит на людские ссоры. А к ночи справляет викинг дружеский праздник. На дубовых столах стоит хорошее убранство. Дымятся яства из гусей, оленей, лебедей и другой разной снеди.

Гримр долгое темное время проводит с друзьями. Пришли к нему разные друзья. Пришел из Медвежьей Долины Олав Хаки с двумя сыновьями. Пришел Гаральд из рода Мингов от Мыса Камней. Пришел Эйрик, которого за рыжие волосы называют Красным. Пришли многие храбрые люди и пировали в доме викинга.

Гримр налил в ковш меду и подал его, чтобы все пили и каждый сказал бы свою лучшую волю. Все говорили разное. Богатые желали почета. Бедным хотелось быть богатыми. Те, которые были поглупее, просили жизни сначала, а мудрые заглядывали за

²²⁵ *Дракон* — скандинавская военная ладья с головой дракона, вырезанной в носовой части.

рубеж смерти. Молодые хотели отличиться в бою, им было страшно, что жизнь пройдет в тишине, без победы.

Гримр взял ковш самый последний, как и подобает хозяину, и хотел говорить, но задумался и долго смотрел вниз, а волосы белой шапкой легли на его лоб. Потом викинг сказал:

— Мне хочется иметь друга, хоть одного верного друга!

Тогда задвигались вокруг Гримра его гости, так что заскрипели столы, все стали наперерыв говорить.

— Гримр,— так говорил Олав, который пришел из Медвежьей Долины,— разве я не был тебе другом? Когда ты спешил спасти жизнь твою в изгнании, кто первый тебе протянул руку и просил короля вернуть тебя? Вспомни о друге!

С другой стороны старался заглянуть в глаза Гримра викинг Гаральд и говорил, а рукою грозил...

— Эй, слушай, Гримр! Когда враги сожгли усадьбу твою и унесли казну твою, у кого в то время жил ты? Кто с тобою строил новый дом для тебя? Вспомни о друге!

Рядом, как ворон, каркал очень старый Эйрик, прозвищем Красный:

— Гримр! В битве у Полунощной Горы кто держал щит над тобою? Кто вместо тебя принял удар? Вспомни о друге!

— Гримр! Кто спас от врагов жену твою? Вспомни о друге!

— Слушай, Гримр! Кто после несчастного боя при Тюленьем заливе первый пришел к тебе! Вспомни о друге!

— Гримр! Кто не поверил, когда враги на тебя клеветали. Вспомни! Вспомни!

— Гримр, ты сказал неразумное слово! Ты, уже седой и старый, много видал в жизни! Горько слышать, как забыл ты о друзьях, верных тебе даже во времена твоего горя и несчастий.

Гримр тогда встал и так начал:

— Хочу я сказать вам. Помню я все, что вы сделали мне; в этом свидетелями называю богов. Я люблю вас, но теперь вспомнилась мне одна моя очень старинная дума, и я сказал невозможное слово. Вы, товарищи мои, вы друзья в несчастьях моих, и за это я благодарю вас. Но скажу правду: в счастье не было у меня друзей. Не было их, и вообще, их на земле не бывает. Я был очень редко счастливым; даже нетрудно вспомнить, при каких делах.

Был я счастлив после битвы с датчанами, когда у Лебединого мыса мы потопили сто датских ладей. Громко трубили рога; все мои дружинники запели священную песню и понесли меня на щите. Я был счастлив. И мне говорили все приятные слова, но сердца друзей молчали.

У меня не было друзей в счастье.

Был я счастлив, когда король позвал меня на охоту. Я убил двенадцать медведей и спас короля, когда лось хотел бодать его. Тогда король поцеловал меня и назвал меня лучшим мужем. Все мне говорили приятное, но не было приятно на сердце друзей.

Я не знаю в счастье друзей.

Ингерду, дочь Минга, все называли самую лучшею девою. Из-за нее бывали поединки, и от них умерло немало людей. А я женою привел ее в дом мой. Меня величали, и мне было хорошо, но слова друзей шли не от сердца.

Не верю, есть ли в счастье друзья.

В Гуле на вече Один ²²⁶ послал мне полезное слово. Я сказал это слово народу, и меня считали спасителем, но и тут молчали сердца моих друзей.

При счастье никогда не бывает друзей.

Я не помню матери, а жена моя была в живых недолго. Не знаю, были ли они такими друзьями. Один раз мне пришлось увидеть такое. Женщина кормила бледного и бедного ребенка, а рядом сидел другой — здоровый, и ему тоже хотелось поесть. Я

²²⁶ *Один* — верховный бог скандинавской мифологии.

спросил женщину, почему она не обращает внимания на здорового ребенка, который был к тому же и пригож. Женщина мне ответила: «Я люблю обоих, но этот больной и несчастный».

Когда несчастье бывает, я, убогий, держусь за друзей. Но при счастье я стою один, как будто на высокой горе. Человек во время счастья бывает очень высоко, а наши сердца открыты только вниз. В моем несчастье вы, товарищи, жили для себя.

Еще скажу я, что мои слова были невозможными, и в счастье нет друга, иначе он не будет человеком.

Все нашли слова викинга Гримра странными, и многие ему не поверили.

1899 г.

Старинный совет

В одной старинной итальянской рукописи, кажется, пятнадцатого столетия — начальные страницы и все украшения книги были вырваны благородною рукою любителя библиотек — простодушно рассказывается о том, как пришел ученик к учителю-живописцу Сано ди Пиетро за советом о своей картине.

Учитель трудился над спешной работой и не мог прийти на зов ученика, начавшего самостоятельную картину «Поклонение волхвов» для небольшой сельской церкви Сиеннского округа.

Учитель сказал:

— Мой милый, я дал слово настоятелю Монтефалько не покидать своего дома, пока не закончу заказанное им «Коронование Пресвятой Девы». Но скажи, в чем сомнения твои. Я боюсь, не слишком ли долго проработал ты у меня, что теряешься теперь перед своею работой.

— Почтенный учитель,— сказал ученик,— картина моя сложна, и трудно мне сочетать отдельные части ее. Как лучше писать темную оливковую рощу на красноватом утесе вдаль? Видны ли там стволы деревьев и насколько отчетлив рисунок листвы?

— Мой милый, пиши так, как нужно тебе.

— Плащ Богородицы полон золотого рисунка. Лучше ли перебить его мелкими складками или навести рисунок в больших плоскостях?

— Сделай его так, как нужно тебе.

— Почтенный учитель, ты слишком занят превосходною работою своею, я лучше помолчу до времени ближайшего отдыха.

— Мой милый, я не думаю отдыхать скоро, а тебе нельзя терять время, если в картине твоей так много неоконченного. Я все слышу и отвечаю тебе, хотя и с некоторым удивлением.

— Головы воинов, сопровождающих царей, многочисленны; найти ли для них общую линию или дать каждую голову и из частей получить абрис толпы?

— Просто так, как тебе нужно.

— Я сделал кусты на дальних полях и полосами струи реки, но захотелось дать их отчетливо, как только иногда видит свежий глаз. Захотелось в воде увидеть волны и челнок на них и даже весло в руках гребца. Но ведь это вдаль?

— Нет ничего проще; сделай так, как нужно.

— Учитель, мне делается страшно. Может быть, все-таки скажешь мне, стоит ли короны царей сделать выпуклыми или только для венцов оставить накладное золото?

— Положи золото там, где нужно.

— Мне приходит в мысль, не сделать ли на ягнятах волокна шерсти. Положим, они почти не видны, но вспомни, какие шелковистые, мягкие пряди лежат на ягнятах, так и хочется сделать их тонкою кистью, но в общей картине они почти не видны.

— Делай их так, как нужно.

— Учитель, я не вижу в ответах твоих совета моему делу. Я знаю, что все должно быть так, как нужно, но как нужно — затемнилось у меня сейчас.

— Скажи, ставил ли тебе какие-нибудь условия работы отец Джиованни?

— Кроме срока, никаких условий. Он сказал: Бенвенуто, напиши хорошее изображение «Поклонение трех волхвов Пресвятому Младенцу», и я заплачу тебе десять дукатов из монастырских сумм. Потом назначил срок работы и размеры доски. Но во время работы являлись мне разные мысли от желания сделать лучшее изображение. И к тебе, учитель, по-прежнему обратился я за добрым советом. Скажи, что же значит «как нужно»?

— Как нужно, значит, все должно быть так, как хорошо.

— Но как же так, как хорошо?

— Несчастный, непонятливый Бенвенуто, о чем мы всегда с тобой говорили? Какое слово часто повторял я тебе? Так, как хорошо, может значить лишь одно — так, как красиво.

— А красиво?

— Бенвенуто, выйди за двери и иди к сапожнику Габакуку и скажи: возьми меня мять кожи, я не знаю, что такое «красиво». А ко мне не ходи и лучше не трогай работы своей.

После этой истории в рукописи идет сообщение о рецептах варки оливкового масла и об употреблении косточек оливы. Затем еще рассказ о пизанском гражданине Чирилли Кода, погребенном заживо. Но два последних рассказа для нас интереса не представляют.

Великий ключарь

Вот почему ночью летают светлые мушки. Грешные души от земли хотели подняться. Хотели найти ворота райские и воззвали души к великому ключарю, апостолу:

— Отец ключарь! Хотим идти к воротам твоим! Темно нам, пути не найти!

Ответил сверху апостол:

— Вижу вас, жалкие! Вижу вас, темные! Вот стою я. Светлы ворота мои, это вы, темные, идете во мраке.

Плакались души внизу:

— Отец ключарь! Петр апостол! Света нет у нас. Темны пути наши. Дай нам светочи, с ними увидим тебя. Пустынно в полях и холодные камни.

— Неразумные! Чего к земле приникаете? Оставьте пути темные. Идите путями верхними.

Души просили:

— Света, света дай нам. Хоть одну искру дай нам. Темно, и не знаем мы, где идти нам на верх.

И сказал последнее апостол:

— Малые, малейшие, не знаете, что затемнило путь ваш. Дам вам светочи; светите себе, но нет темной дороги в светлые страны. Просите светоча, но светоч не есть свет.

Так дал великий ключарь светочи грешным душам, и ночью видят их даже люди.

И летают быстро, ищут ворота Рая грешные души. И летают вечно, и есть у них светочи.

Замки печали

Идете по замку.
Высокая зала. Длинные отсветы окон. Темные скамьи. Кресла.
Здесь судили и осуждали.
Еще зала, большая. Камин в величину быка. Колонны резные из дуба.
Здесь собирались. Решались судить.
Длинные переходы. Низкие дверки в железных заплатах. Высокий порог.
Здесь вели заподозренных.
Комната в одно окно. Посередине столб. На столбе железные кольца и темные знаки.
Здесь пытали огнем.
Высокая башня. Узкие окна. Узкая дверка. Своды.
Здесь смотрели врага.
Помещение для караула. Две старые пушки. Горка ядер. Пять алебард. Ободок барабана.
Сюда драбанты ²²⁷ кого-то тащили убить.
Ступеньки вниз. На колоннах своды. У пола железные кольца.
Здесь были осужденные.
Подвал. Перекладина в своде. Дверка на озеро. Большой плоский камень.
Последняя постель обреченных.
Двор у ворот. Камни в стенах. Камни на мостовой. В середине столб с кольцом.
Кольцо для шеи презренного.
Молельня. Темный, резной хор. Покорные звери на ручках кресел.
Здесь молились перед допросом.
Тесная ниша. Длинное окошко в зало совета. Невидимое око, тайное ухо.
Здесь узнавали врагов.
Исповедальня. Черный дуб. Красная с золотом тафтяная завеса.
Через нее о грехе говорили.
Малая комната. Две ступени к окну. Окно на озеро. Темный дорожный ларец.
Ларец графини.
Около него не слышно слова печали.
Не в нем ли остались искры радости или усмешка веселья? Или и в нем везли горе?
Все, что не говорит о печали, слезы выели из серого замка.
Проходила ли радость по замку?
Были в нем веселые трубы. Было твердое слово чести. Было познание брака.
Все это унесло время.
Долго стоят по вершинам пустые, серые замки.
И время хранит их смысл.
Что оставит время от наших дней? Проникнуть не можем. Не знаем.
Если бы знали, может быть, убоялись.

²²⁷ Драбанты — в средние века стража, телохранители владетельных особ.

Царица Небесная

(Стенопись храма Святого Духа в Талашкине ²²⁸)

Высоко проходит небесный путь. Протекает река жизни опасная. Берегами каменистыми гибнут путники неумелые — незнающие различить, где добро, где зло.

Милосердная Владычица Небесная о путниках темных возмыслила. Всеблагая на трудных путях на помощь идет. Ясным покровом хочет покрыть людское все горе, греховное.

Из светлого града. Из красной всех ангельских сил обители Преблагая воздымается. К берегу реки жизни Всесвятая приближается. Собирает святых кормчих Владычица, за людской род возносит моления.

Трудам Царицы ангелы изумляются. Из твердыни потрясенные сонмы поднимаются. Красные, прекрасные силы в подвиге великом утверждаются. Трубным гласом Владычице славу поют.

Из-за твердых стен поднялись Архангелы. Херувимы, серафимы окружают Богородицу. Власти, Престолы, Господствия толпами устремляются. Приблизились начала, тайну образующие.

Духу Святому, Господу Великому передаст Владычица моления. О малых путников вразумлении, о Божьих путей посещении, о спасении, заступлении, всепрощении. Подай господи, Великий Дух.

Подымается к Тебе мольба великая. Богородицы моление пречистое. Вознесем Заступнице благодарение. Возвеличим и мы Матерь Господа: «О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь».

Миф Атлантиды

Атлантида — зеркало солнца. Не знали прекрасней страны. Вавилон и Египет дивились богатству атлантов. В городах Атлантиды, крепких зеленым нефритом и черным базальтом, светились, как жар, палаты и храмы. Владыки, жрецы и мужи, в золототканых одеждах, сверкали в драгоценных камнях. Светлые ткани, браслеты и кольца, и серьги, и ожерелья жен украшали, но лучше камней были лица открытые.

Чужестранцы плыли к атлантам. Мудрость их охотно все славил. Преклонялись перед владыкой страны.

Но случилось предсказание оракула. Священный корабль атлантам привез великое веще слово:

— Встанут волны горою. Море покроет страну Атлантиду. За отвергнутую любовь море отомстит.

С того дня не отвергали любовь в Атлантиде. С любовью и лаской встречали плывущих. Радостно улыбались друг другу атланты. И улыбка владыки отражалась в драгоценных, блестящих стенах дворцовых палат. И рука тянулась навстречу с приветом, и слезы в народе сменялись тихой улыбкой. И забывал народ власть ненавидеть. И власть забывала кованый меч и доспех.

Но мальчик, сын владыки, особенно всех удивлял. Само солнце, сами боги моря, казалось, послали его на спасенье великой страны.

Вот он был добр! И приветлив! И заботлив о всех! Были братья ему великий и малый. Для каждого жило в нем доброе слово. Про каждого помнил он его лучший

²²⁸ Стенопись Храма Св. Духа в Талашкине — принадлежащая Н. К. Рериху роспись храма, построенного в имени княгини М. К. Тенишевой близ села Талашкино Смоленской губернии.

поступок. Ни одной ошибки он точно не помнил. Гнев и грубость увидеть он точно не мог. И перед ним укрывалось все злое, и недавним злодеям хотелось стать навсегда добрыми, так же, как он.

За ним шел толпою народ. Взгляд его всюду встречал лишь лица, полные радости, ждущие улыбку его, и доброе, мудрое слово. Вот уж был мальчик! И когда почил в этой жизни владыка-отец, и отрок, туманный тихой грустью, вышел к народу, все, как безумцы, забыли про смерть и гимн хвалебный запели владыке желанному. И ярче цвела Атлантида. А египтяне называли ее страной любви.

Долгие тихие годы правил светлый владыка. И лучи его счастья светили народу. Вместо храма народ стремился к владыке. Пел: «Он нас любит. Без него мы — ничто. Он — наш луч, наше солнце, наше тепло, наши глаза, наша улыбка. Слава тебе, наш любимый!» В трепете восторга народа дошел владыка до последнего дня. И начался день последний, и бессильный лежал владыка, и закрылись глаза его.

Как один человек встали атланты, и морем сплошным залили толпы ступени палат. Отнесли врачей и постельничих. К смертному ложу приникли и, плача, вопили: «Владыко, взгляни! Подари нам хоть взгляд твой. Мы пришли тебя отстоять. Пусть наше, атлантов, желанье тебя укрепит. Посмотри,— вся Атлантида собралась к дворцу твоему. Тесной стеной мы встали от дворца и до моря, от дворца до утесов. Мы, желанный, пришли тебя удержать. Мы не дадим тебя увести, всех нас покинуть. Мы все, вся страна, все мужи, и жены, и дети. Владыко, взгляни!»

Рукой поманил владыко жреца, и хотел сказать последнюю волю, и всех просил выйти хоть на короткое время.

Но атланты остались. Сплотились, в ступени постели вросли. Застыли и немые и глухи. Не ушли.

Тогда приподнялся на ложе владыка и, обратя к народу свой взгляд, просил оставить его одного и позволить ему сказать жрецу последнюю волю. Владыка просил. И еще раз напрасно владыка просил. И еще раз они были глухи. Они не ушли. И вот случилось тогда. Поднялся владыка на ложе и рукою хотел всех отодвинуть. Но молчала толпа и ловила взгляд любимый владыки.

Тогда владыка сказал:

— Вы не ушли? Вы не хотите уйти? Вы еще здесь? Сейчас я узнал. Ну, я скажу. Скажу одно слово мое. Я вас ненавижу. Отвергаю вашу любовь. Вы отняли все от меня. Вы взяли смех детства. Вы ликовали, когда ради вас остался я одиноким. Тишину зрелых лет вы наполнили шумом и криком. Вы презрели смертное ложе...

Ваше счастье и вашу боль только я знал. Лишь ваши речи ветер мне доносил. Вы отняли солнце мое! Солнца я не видал; только тени ваши я видел. Дали, синие дали! К ним вы меня не пустили... Мне не вернуться к священной зелени леса... По травам душистым уже не ходить... На горный хребет мне уже не подняться... Излучины рек и зеленых лугов уже мне не видеть... По волнам уже не носиться... Глазом уже не лететь за кречетом быстрым... В звезды уже не глядеться... Вы победили... Голоса ночные слышать я больше не мог... Веления Бога стали мне уже недоступны... А я ведь мог их узнать... Я мог почуять свет, солнце и волю... Вы победили... Вы все от меня заслонили... Вы отняли все от меня... Я вас ненавижу... Вашу любовь я отверг...

Упал владыка на ложе. И встало море высокой стеной и скрыло страну Атлантиду.

Знамения

Из темной кладовки вышел человек и прошел на дворовую лестницу. Шел быстро, точно скрывался. Шел какими-то неслышными шагами.

Как он зашел в кладовку? Зачем там был? Куда ушел? Почему шел неслышно?

Не узнать. Не придумать.

В людской зазвонил комнатный звонок. Звонил долго и сильно. А никто не звонил; никто никого не звал.

Почему звонок сам зазвонил?

Никак не узнать.

В комнате тетюшки Анны Ивановны завертелась дверная ручка. Завертелась сильно. Несколько раз перевернулась. А никто до нее не дотронулся.

Зачем ручка крутилась? Что это значит?

Странно и непонятно.

В столовой в один день прошли семь мышей.

Никогда такого не бывало, а тут семь сразу.

Откуда пришли? Зачем вылезли?

Непонятно, но неспроста.

Кухарка вечером вернулась домой в большом страхе. Туман стоял. Шла она по Длинному переулку, а навстречу ей идет белая лошадь. Идет из тумана одна, без человека. Идет, тихо ступает. Шума никакого не слышно. Так и прошла. Ушла в туман.

Откуда — неведомо. Куда — неизвестно.

Страшно вспомнить.

Поздно вечером случилось самое страшное: лопнула картина на доске. Висела, висела себе тихо и вдруг с большим треском лопнула прямо через лицо святого Иеронима.

Почему именно вечером лопнула?

Это уже совсем плохо.

Весь канун сочельника наполнился непонятными и странными делами. Не только нам, но и прислуге и всем большим стало ясно, что случится страшное что-то. Даже тетюшка Анна Ивановна сказала:

— Не к добру!

В буфетной горничная Даша шептала Анисье Петровне, экономке:

— Дурной шалит! Дай-ка позову доброго,— тот мигом все утешит.

Но Анисья Петровна предупредила:

— Не зови! Не поминай! Позвать-то легко, а поди потом убери его. Так-то, бывало, позовешь, придет легко, по первому голосу, а уйти не уходит. На уход надо знать тоже крепкое слово.

Кто он, дурной? Кто он, добрый? Почему кто-то пришедший не уйдет?

Все это было особенно: все было чудесно.

Говорили мы тихо. Шептали все новые догадки. Новые причины придумывали. Одна другой несбыточней, одна другой красивей.

Все ужасающие возможности были сказаны. Новый звонок, стук или голос наполняли нас трепетом жутким и небывалым.

Садись мы близко-близко друг к другу. Верили, любили и трепетали.

А в постелях, пока не уснули, стало и совсем страшно. И двери в темную комнату стали как-то приотворяться. И пол скрипел под невидимым шагом. И прохладным вихрем тянуло откуда-то. У порога стояло настоящее.

Утром все побледнело. А дядя Миша пришел и стер огневое вечернее слово.

Все объяснилось.

Черный человек оказался новым слесарем и ходил неслышно в калошах. Оказалось, кот улегся на кнопку звонка. В дверной ручке испортилась старая пружина. Белая лошадь ушла с каретного двора, и ее скоро поймали. А мыши пришли сразу после отъезда кондитера.

За трещину на картине дядя Миша очень сердился и говорил, что уже три года просил «на паркет переложить» картину, иначе она должна была расколоться. За небрежность к картине дядя Миша даже нашумел.

От страхов ничего не осталось. Не пришли ни дурной, ни добрый. Все стало

обычным, и мирным, и скучным.

После того у нас никогда ничего не бывало. Даже сны прекратились. Знаков особенных нет ни на чем.

Знамений ждем! Знамений просим!

1913 г.

Страхи

Стояли дубы. Краснели рудовые сосны. Под ними в заросших буграх тлели старые кости. Желтели, блестели цветы. В овраге зеленела трава. Закатилось солнце.

На поляну вышел журавль и прогорланил:

— Берегись, берегись! — И ушел за опушку.

Наверху зашумел ворон:

— Конец, конец.

Дрозд на осине орал:

— Страшно, страшно.

А иволга просвистела:

— Бедный, бедный.

Высунулся с вершинки скворец, пожалел:

— Пропал хороший, пропал хороший.

И дятел подтвердил:

— Пусть, пусть.

Сорока трещала:

— А пойти рассказать, пойти рассказать.

Даже снегирь пропищал:

— Плохо, плохо.

И все это было. С земли, с деревьев и с неба свистели, трещали, шипели.

А у Дивьего Камня за Медвежьим оврагом неведомый старик поселился. Сидел старик и ловил птиц ловушками хитрыми. И учил птиц большими трудами каждую одному слову.

Посылал неведомый старик птиц по лесу, каждую со своим словом. И бледнели путники и робели, услышав страшные птичьи слова.

А старик улыбался. И шел старик лесом, ходил к реке, ходил на травяные полянки. Слушал старик птиц и не боялся их слов.

Только он один знал, что они ничего другого не знают и сказать не умеют.

Клад

Около большого мыса стояла деревня. Жил в ней бобыль: мужик он был хороший, а только не имел ни кола ни двора. Дело было летом под Иванов день. А в этой деревне ходили слухи, что в лесу сокрыты большие клады. Вот и задумал Петр, так звали мужика, попытать счастья, пойти ночью под Иванов день в этот лес, поискать клады. Отправился он к ворожее и спросил ее, как узнать ему, в каком месте клад сокрыт. Она его и научила, чтоб искал он светящегося цветка папоротника, и из этого цветка выйдет огонечек и поведет его к тому месту, где клад сокрыт. «Только,— прибавила она,— ты лучше и не пробуй это сделать, потому клад тебе в руки прямо не дастся, а будут являться тебе разные чудовища, и если ты их испугаешься, то и огонек пропадет, и клада тебе не отыскать будет». Вот наступила и ночь. Взял Петр заступ, заткнул топор за пояс и отправился в лес. Пришел он к опушке леса, и стало страшно ему, да вспомнил он, что ворожея ему говорила, перекрестился и пошел в лес. Ходил он ходил, нет, нету ничего. Уж хотел он домой воротиться, да вдруг видит блестит что-то между двух кочек. Пошел

туда, глядь, цветет папоротник, а цветок так и светится. Подошел он туда, а из цветка-то махонький огонек высочил и по воздуху так и двигается. Пошел за ним Петр, вдруг на него рысь как скакнет с дерева. Он побледнел, да вспомнил, что надо делать, перекрестился и сказал: «Чур меня. Рассыпья». Глядь, а рысь пропала, как будто ее и не бывало. Идет он дальше, вдруг змей на него ползет, он сказал то же самое, и змей пропал. Идет он дальше, вдруг выходит сам оберегатель клада — лесовик. Петр взял и перекрестил его. Как взвизгнет он и убежал. Идет Петр, и лес перед ним так и расступается. Вдруг огонек остановился и пропал. Подошел туда Петр, взял заступ, начал рыть, рыл-рыл, вдруг заступ ударился обо что-то железное. Он запустил руку и вытащил котелок полон золота и серебра, и пошел домой. Пришел домой, уже светает. На другой день пошел к ворожее и отблагодарил за учение ста рублями. И стал он жить хорошо и расчетливо. А жил тоже в том селе богач. Услышал он про все и задумал на другой день идти тоже в лес отыскать клад. Только пожалел он денег, которые надо было ворожее отдать за учение, а пошел к Петру. А тот купил место, выстроил избу, накупил товаров, открыл лавку, дела у него пошли хорошо. Вот сидит на крылечке, носогрею покуривает. Как подходит к нему Семен, так богатого мужика звали, кланяется и говорит: «Научи меня, Петр Сидорыч, что надо мне делать, чтоб клад найти. Хочу я тоже попытать счастья». «Что же,— говорит Петр,— если хочешь, так садись, слушай»,— и рассказал все ему по правде по истинной. И пошел Семен в лес. Идет он, нашел и цветок, и разных зверей встречал да говорил им, что Петр его научил, и они рассыпались. Подошел он и к тому месту, где огонек остановился и пропал. Начал рыть, рыл-рыл, вырыл клад. Только хотел взять его, а покажись ему, что воры в его дом залезли и сундук ломают с деньгами. Бросил он клад, хотел домой бежать, а тут в лесу захохотало и закричало: «Испугался, испугался». Вспомнил он, что Петр ему говорил, глядь, а клад уж и пропал. Пошел он домой, начал скучать, запил, пропил имение свое, вошел в долги, и посадили его в тюрьму за долги. Так он в ней и умер.

Города пустынные

Мир ²²⁹ пишется, как ветхий муж.
Повинны человеки устремлением.
Устремлением возрастают помыслы.
Помысел породил желание.
Желание подвигло веление.
Здание человеческое устремлениями сотрясается.
Не бойся, древний муж!
Радость и печаль — как река.
Волны преходят омывающие.

Возвеселился царь:
— Моя земля велика. Мои леса крепки. Мои реки полны. Мои горы ценны. Мой народ весел. Красива жена моя.

Возвеселилась царица:
— Много у нас лесов и полей. Много у нас певчих птиц. Много у нас цветочных трав.

Вошел в палату ветхий муж. Пришлый человек. Царю и царице поклон дал. Сел в утомлении. Царь спросил:

— Чего устал, ветхий? Видно, долго шел в странствии? Воспечалился ветхий муж:
Земля твоя велика. Крепки леса твои. Полны реки твои. Горы твои непроходны. В странствии едва не погиб. И не мог дойти до града, где нашел бы покой. Мало, царь, у

²²⁹ *Мир* — здесь это слово употреблено в значении «вселенная».

тебя городов. Нам, ветхим, любо градское строение. Любы стены надежные. Любы башни зрящие и врата, велению послушные. Мало, царь, у тебя городов. Крепче окружились стенами владыки соседних стран.

Воспечалился царь:

— Мало у меня городов. Мало у меня надежды стенной. Мало башен имею. Мало врат, чтобы вместить весь народ.

Восплакал царь:

— Муж ветхий! Летами мудрый! Научи зарастить городами всю мою землю великую. Как вместить в стены весь народ?

Возвеселился ветхий муж:

— Будут, царь, у тебя города. Вместишь в стены весь народ. За две земли от тебя живет великанский царь. Дай ему плату великую. Принесут тебе великаны от царя индийского городов видимо-невидимо. Принесут со стенами, с вратами и с башнями. Не жалею наградить царя великанского. Дай ему плату великую. Хотя бы просил царицу, жену твою.

Встал и ушел ветхий. Точно его, прохожего, и не было.

Послал царь в землю великанскую просьбу, доuku великую. Засмеялся смехом великанский мохнатый царь. Послал народ свой к царю индийскому своровать города со стенами, вратами и башнями. Взял плату великанский мохнатый царь немалую. Взял гору ценную. Взял реку полную. Взял целый крепкий лес. Взял в придачу царицу, жену царя. Все ему было обещано. Все ему было отписано.

Воспечалилась царица:

— Ой, возьмет меня мохнатый царь! Ой, в угоду странному мужу, ветхому! Ой, закроют весь народ вратами крепкими. Ой, потопчут городами все мои травы цветочные. А закроют башнями весь надзвездный мир, помогите, мои травы цветочные,— ведомы вам тайны подземные. Ой, несут великаны города индийские, со стенами, вратами и башнями.

Жалобу травы слышали. Закивали цветными макушками. Подняли думу подземную. Пошла под землю дума великая. Думою море вспенилось. Думою леса закачались. Думою горы нарушились, мелким камнем осыпались. Думою земля наморщилась. Пошло небо морщинкою.

Добежала дума до пустынных песков. Возмутила дума пески свободные. Встали пески валами, перевалами. Встали пески против народа великанского.

Своровали великаны города индийские, со стенами, вратами и башнями. Повытряхивали из закуток индийский народ. Поклали города на плечи. Шибко назад пошли. Пошли заслужить плату великую своему мохнатому царю.

Подошли великаны к пустынным пескам. Сгрудились пустынные пески. Поднялись пески темными вихрями. Закрыли пески солнце красное. Залегли пески по поднебесью. Как напали пески на великанский народ.

Налезли пески в пасти широкие. Засыпали пески уши мохнатые. Залили пески глаза великановы. Одолели пески великанский народ. Покидали великаны города в пустынные пески. Еле сами ушли без глаз, без ушей.

Схоронили пески пустынные города индийские. Схоронили со стенами, вратами и башнями. Видят люди города и до наших дней. А кто принес города в пустынные пески, то простому люду неведомо.

Распустились травы цветочные пуще прежнего.

Поняла царица от цветочных трав, что пропали города индийские. И запела царица песню такую веселую. Честным людям на услышание, Спасу на прославление.

Услыхал песню царь, возрадовался ликованием. И смеялся царь несчастьем великанскому. И смеялся царь городам индийским, скрытым теперь в пустынных песках. Перестал царь жалеть о чужих городах.

Осталась у царя река полная. Осталась гора ценная. Остался у царя весь крепкий

лес. Остались у царя травы цветочные да птицы певчие. Остался у царя весь народ. Осталась царица красивая. Осталась песня веселая.

Возвеселился царь.

Ветхий муж к ним не скоро дойдет.

Граница царства

В Индии было.

Родился у царя сын. Все сильные волшебницы, как знаете, принесли царевичу свои лучшие дары.

Самая добрая волшебница сказала заклятие:

— Не увидит царевич границ своего царства.

Все думали, что предсказано царство, границами безмерное.

Но вырос царевич славным и мудрым, а царство его не увеличилось.

Стал царствовать царевич, но не водил войско отодвинуть соседей.

Когда же хотел он осмотреть границу владений, всякий раз туман покрывал граничные горы.

В волнах облачных устилались новые дали. Клубились облака высокими градами.

Всякий раз тогда возвращался царь, силою полный, в земных делах мудрый решением.

Вот три ненавистника старые зашептали:

— Мы уstraшаем. Наш царь полон странною силою. У царя нечеловеческий разум. Может быть, течению земных сил этот разум противен. Не должен быть человек выше человеческого.

Мы премудростью отличенные, мы знаем пределы. Мы знаем очарования.

Прекратим волшебные чары. Пусть увидит царь границу свою. Пусть поникнет разум его. И ограничится мудрость его в хороших пределах. Пусть будет он с нами.

Три ненавистника, три старые, повели царя на высокую гору. Только перед вечером достигли вершины, и там все трое сказали заклятие. Заклятие о том, как прекратить силу:

— Бог пределов человеческих!

Ты измеряешь ум. Ты наполняешь реку разума земным течением.

На черепахе, драконе, змее поплыву. Свое узнаю.

На единороге, барсе, слоне поплыву. Свое узнаю.

На листе дерева, на листе травы, на цветке лотоса поплыву. Свое узнаю.

Ты откроешь мой берег! Ты укажешь ограничение!

Каждый знает, и ты знаешь! Никто больше. Ты больше. Чарыними.

Как сказали заклятие ненавистники, так сразу алою цепью загорелись вершины граничных гор.

Отвратили лицо ненавистники. Поклонились.

— Вот, царь, граница твоя.

Но летела уже от богини доброго земного странствия лучшая из волшебниц.

Не успел царь взглянуть, как над вершинами воздвигся нежданный пурпуровый град, за ним устлалась туманом еще невиданная земля.

Полетело над градом огневое воинство. Заиграли знаки самые премудрые.

— Не вижу границы моей,— сказал царь.

Возвратился царь духом возвеличенный. Он наполнил землю свою решениями самыми мудрыми.

Властитель ночи

Должен Он придти — Властитель ночи. И невозможно спать в юрте на мягких шкурах.

Встает Дакша, и встают девушки. И засвечивают огонь. Ах, томительно ждать. Мы его призовем. Вызовем. Огонь желтый, и юрта золотая, и блестит медь. Начинается колдовство. Пусть войдет Он, желанный. Придет ведунья. И зажжет травы. И вспыхнет зеленый огонь. Надежда!

И ожидание. Но молчат тени, и нейдет Он. Ах, бессильны добрые слова. Пусть войдет та, злая. И бросит красные травы. И заволочет туманом стены. И вызовет образы. И духи возникнут. Кружитесь. И летите в пляске.

И обнажитесь. Откройтесь. И мы удержим образы возникшие. И сильнее образы, и багровее пламя. Ах, приди и останься. И потянулась и обняла пустое пространство. Не помогло красное пламя. А вы все уйдите. И оставьте меня. Здесь душно. Пусть тухнет огонь. Поднимите намет. Допустите воздух сюда.

И вошла ночь. И открыли намет. И вот она стоит на коленях. Ушел приказ. Ушло волхование. И тогда пришел Он, властитель. Отступила Дакша. Замирая. И опустилась. Он уже здесь. Все стало просто. Ах, так проста ночь. И проста звезда утра. И дал Он власть. Дал силу. И ушел. Растаял.

Все просто.

1918 г.

Подвиг

Пути Геннадия и Прокла разошлись.

Когда пришло время им избрать место паствы своей, Геннадий ушел в пустынный скит, а Прокл остался во граде.

Взрастил Геннадий тишайший скит. Начал Прокл борьбу за церковь. Геннадий и Прокл совершали подвиг.

Скоро услышали люди о пустынном ските и узнали путь к дому епископа, где воздвигались соревнования и споры и даже прещения о нечестии.

Пришло время избирать патриарха. Собрались все игумны и епископы. На священном собрании встретились Геннадий и Прокл.

Жалея, обратился Геннадий:

— Что слышу? Ополчаются люди на тебя, Прокл, брат мой. В ревности о храме пренебрег ты человеческим. Непонятен людям труд твой, и непосилен ты им, Прокл. Во дерзновении о славе храма, неужели не слышишь гласов ненавистных и боящихся. Из уединения страшна мне борьба твоя. Боюсь, не ожесточится ли сердце твое? Уничтожающие, не посеют ли в тебе вражду злобную?

Радостно сказал Прокл:

— Блажен ты, Господи, поелику дал мне быть ненавидимым и спас от горчайшего греха ненавидящим стать. Ненавидящих нас, Владыко, прости. В любовь претворима дерзость. И преходяща злоба. Геннадий, любимый, близки пути наши.

И пошли пастыри избрать патриарха достойнейшего. И из них избрали патриарха епископы.

1916 г.

Священные Знаки

Мы не знаем. Но они знают.
Камни знают. Даже знают
деревья. И помнят.
Помнят, кто назвал горы
и реки. Кто сложил бывшие
города. Кто имя дал
незапамятным странам.
Неведомые нам слова.
Все они полны смысла.
Все полно подвигов. Везде
герои прошли. «Знать» —
сладкое слово. «Помнить» —
страшное слово. Знать и
помнить. Помнить и знать.
Значит — верить.
Летали воздушные корабли.
Лился жидкий огонь. Сверкала
искра жизни и смерти.
Силою духа возносились
каменные глыбы. Ковался
чудесный клинок. Берегли
письмена мудрые тайны.
И вновь явно все. Все ново.
Сказка — предание сделалось
жизнью. И мы опять живем.
И опять изменимся. И опять
прикоснемся к земле.
Великое «сегодня» потускнеет
завтра. Но выступят
священные знаки. Тогда,
когда нужно. Их не заметят.
Кто знает? Но они жизнь
построят. Где же
священные знаки?

1915 г.

На последних вратах

Нам сказали: «нельзя».
Но мы все же вошли.
Мы подходили к вратам.
Везде слышали слово «нельзя».
Мы хотели знаки увидеть.
Нам сказали «нельзя».
Свет хотели зажечь.
Нам сказали: «нельзя».
«Стражи седые, выдавшие,

знавшие! Ошибаетесь, стражи!
Хозяин дозволил узнать.
Видеть хозяин дозволил.
Наверно, он хочет, чтобы
мы знали, чтоб мы видели.
За вратами посланец стоит.
Нам он что-то принес.
Допустите нас, стражи!»
«Нельзя», — нам сказали
и затворили врата.
Но все же много врат
мы прошли. Протеснились.
И «можно» оставалось за нами.
Стражи у врат берегли нас.
И просили. И угрожали.
Остерегали: «Нельзя».
Мы заполнили всюду «нельзя».
Нельзя все. Нельзя обо всем.
Нельзя ко всему.
И позади только «можно».
Но на последних вратах
будет начертано «можно».
Будет за нами «нельзя».
Так велел начертать
Он на последних
вратах.

1916 г.

Завтра?

Я знал столько полезных вещей
и теперь все их забыл.
Как обокраденный путник,
как бедняк, потерявший имущество,
я вспоминаю тщетно о богатстве,
которым владел я давно;
вспоминаю неожиданно, не думая,
не зная, когда мелькнет погибшее
знание. Еще вчера я многое знал,
но в течение ночи все затемнело.
Правда, день был велик.
Была ночь длинна и темна.
Пришло душистое утро.
Было свежо и чудесно.
И, озаренный новым солнцем,
забыл я и лишился того,
что было накоплено мною.
Под лучами нового солнца
знания все растворились.
Я более не умею отличить

врага от друзей.
Я не знаю, когда грозит мне
опасность. Я не знаю, когда
придет ночь. И новое солнце
встретить я не сумею.
Всем этим владел я,
но теперь обеднел.
Обидно, что снова узнаю
нужное не ранее завтра,
а сегодняшний день еще длинен.
Когда придет оно —
завтра?

Время

В толпе нам идти тяжело.
Столько сил и желаний враждебных.
Спустились темные твари
на плечи и лица прохожих.
В сторону выйдем, там,
на пригорке, где столб стоит
древний, мы сядем.
Пойдут себе мимо.
Все порожденья осядут внизу,
а мы подождем.
И если бы весть
о знаках священных возникла,
устремимся и мы.
Если их понесут,
мы встанем и воздадим почитание.
Зорко мы будем смотреть.
Остро слушать мы будем.
Будем мы мочь и желать
и выйдем тогда, когда —
время.

К Нему

Я нашел наконец пустытника.
Вы знаете, как трудно найти
пустытника здесь на земле.
Просил я его, укажет ли
он путь мой и примет ли
он благосклонно мои труды?
Он долго смотрел и спросил,
что у меня есть самое любимое?
Самое дорогое? Я отвечал:
«Красота». — «Самое любимое
ты должен оставить». — «Кто
заповедал это?» — спросил я.
«Бог», — ответил пустытник.

Пусть накажет меня Бог —
я не оставлю самое прекрасное,
что нас приводит
к Нему.

1920 г.

Наш путь

Путники, сейчас мы проходим
сельской дорогой. Хутора чередуются
полями и рощами. Дети заботятся
о стадах. К нам дети подходят.
Мальчик нам подал чернику
в бересте. Девушка протянула
пучок пахучей травы. Малыш
расстался для нас со своей
в полоску нарезанной палочкой.
Он думал, что с нею нам
будет легче идти. Мы проходим.
Никогда больше не встретим
этих детей. Братья, мы отошли
от хуторов еще не далеко,
но вам уже надоели подарки.
Вы рассыпали пахучую травку.
Ты сломал корзиночку из бересты.
Ты бросил в канаву палочку,
данную малышом. К чему нам
она? В нашем долгом пути.
Но у детей не было ничего другого.
Они дали нам лучшее из того,
что имели, чтобы украсить
наш путь.

1917 г.

Капли

Твоя благодать наполняет
руки мои. В избытке льется
она сквозь мои пальцы. Не удержать
мне всего. Не успеваю различать
сияющие струи богатства. Твоя
благая волна через руки льется
на землю. Не вижу, кто подберет
драгоценную влагу? Мелкие брызги
на кого упадут? Домой не успею
дойти. Из всей благодати в руках
крепко сжатых я донесу только
капли.

1920 г.

Не открою

Усмешку оставь, мой приятель.
Ты ведь не знаешь, что у меня
здесь сокрыто. Ведь без тебя
я наполнил этот ларец.
Без тебя и тканью закрыл.
И ключ в замке повернул.
На стороне расспросить
тебе никого не удастся.
Если же хочешь болтать —
тебе придется солгать.
Выдумай сам и солги,
но ларец я теперь
не открою.

1917 г.

Пора

Встань, друг. Получена весть.
Окончен твой отдых.
Сейчас я узнал, где хранится
один из знаков священных.
Подумай о счастье, если
один знак найдем мы.
Надо до солнца пойти.
Ночью все приготовить.
Небо ночное, смотри,
невиданно сегодня чудесно.
Я не запомню такого.
Вчера еще Кассиопея
была и грустна и туманна,
Альдебаран пугливо мерцал.
И не показалась Венера.
Но теперь воспрянули все.
Орион и Арктур засверкали.
За Алтаиром далеко
новые звездные знаки
блестят, и туманность
созвездий ясна и прозрачна.
Разве не видишь ты
путь к тому, что
мы завтра отыщем.
Звездные руны проснулись.
Бери свое достоянье.
Оружье с собою не нужно.
Обувь покрепче надень.

Подпояшься потуже.
Путь будет наш каменист.
Светлеет восток. Нам
пора.

1916 г.

Нам?

В жизни так много чудесного.
Каждое утро мимо нашего берега
проплывает неизвестный певец.
Каждое утро медленно из тумана
движется легкая новая песнь.
И так же, как всегда, скрывается
певец за соседним утесом.
И нам кажется: мы никогда
не узнаем, кто он, этот
певец, и куда каждое утро
держит он путь. И кому
поет он всегда новую песнь.
Ах, какая надежда наполняет
сердце и кому он поет?
Может быть,
нам ?

1920 г.

Веселися!

За моим окном опять светит
солнце. В радугу оделись все
былинки. По стенам развеваются
блестящие знамена света. От радости
трепещет бодрый воздух. Отчего
ты не спокоен, дух мой? Устрашился
тем — чего не знаешь. Для тебя
закрылось солнце тьмою. И поникли
танцы радостных былинки.
Но вчера ты знал, мой дух,
так мало. Так же точно велико
твое незнание. Но от вьюги было
все так бедно, что себя ты
почитал богатым. Но ведь солнце
вышло для тебя сегодня. Для тебя
знамена света развернулись.
Принесли тебе былинки радость.
Ты богат, мой дух. К тебе
приходит знание. Знамя света
над тобою блещет!
Веселися!

1918 г.

Улыбкой?

Вестник, мой вестник!
Ты стоишь и улыбаешься.
И не знаешь, что ты принес
мне. Ты принес мне дар
исцеленья. Каждая слеза моя
исцелит немощи мира.
Но, Владыко, откуда мне
взять столько слез и которой
из немощей мира отдать
мне первый поток? Вестник,
мой вестник, ты стоишь и
улыбаешься. Нет ли у тебя
приказа лечить несчастье
улыбкой?

1921 г.

Молитва Гайатри

Слушайте! Слушайте!
Вы кончили споры и ссоры?
Вот молитва моя!
Порази в корень нищету моего сердца.
Песня, которую я должен спеть,
еще остается неспетой.
Ты призвал меня на праздник
этого мира, и тем благословенна
жизнь моя.
Могу ли я принести Тебе
мое безмолвное поклонение?
Мою молитву без слов,
без песнопения?
Мою молитву, которую будешь знать
только Ты?
Я пополню сердце свое
Твоим молчанием и претерплю его.
Но придет солнце и утро, и Твое слово
вознесется песнею над каждым
птичьим гнездом. И Твои напевы
расцветут во всех лесных чащах.

Сон

Какой сон недобрый!
К чему может он быть?

Будто бы лежал я больной
и томился дойти до источника.
И не мог. Кто мне поможет?
Женщина идет. Женщины добры.
Она мне воды принесет.
«Женщина, подойди к источнику
и принеси мне напиться».
«Я не могу, я несвободна.
К источнику доступ нам запрещен».
Но идет простой человек.
Он просьбу услышит.
«Брат, от источника принеси
мне воды».
«Я ведь крестьянин, нам не дозволено».
Еще идет человек; его попрошу.
«Не смейся, я ведь еврей, нам нельзя».
Сколько народу прошло, и всем
почему-то нельзя. Запрещено, не позволено.
Бессмысленный сон! Царь наш,
когда приезжал, сказал нам,
что свободны все люди.

Свод

Мне сказали, что я болен.
Сказали, что я буду лежать.
Я буду лежать. Буду смотреть
в небо за окном. Может
быть, больной, я увижу иное
небо. Может быть, облака
построются в храмы.
Дрожит воздух. Мелькают
невидимые мушки. Когда же
увижу иное небо? Не знаю,
скоро ли буду болен опять.
Если встану, я уйду к делу.
Опять не увижу дальнего неба.
Сегодня, быть может, мы его
не увидим, но завтра, я знаю,
мы найдем дальнее небо.
Но чтобы молиться, я выйду из
душного храма. Я уйду
под облачный свод.

О бедном

Больно, мальчик, тебе обидное
слово? Уже говоришь, что обидчика ты
ненавидишь? Что знаешь его
негодным, подкупным и лживым.
Но если тебя он похвалит

и назовет тебя сходным
с собою, насколько такая
хвала будет постыдна
тебе! Если негодных людей
тебе послано бранное слово,—
будь доволен, мой мальчик.
А завтра с тобою вдвоем
пойдем мы белой равниной.
Новый мы воздух вдохнем,
в новую даль углубимся.
И после, собравшись к огню,
улыбнемся негодному слову
и пожалеем спокойно о глупом,
о бедном.

Свечи

Свечи горели. Яркое пламя трепетным
светом все обливало. Казалось: потухни оно —
темнота словно пологом плотно закроет глаза,
бесконечной, страшной завесой затянет.
Напрасно взоры скользнут, в пустоту утопая.
Полно! Один ли света источник
дрожащие, мрачные тени бросает вокруг?
Робко, украдкой сине-лиловый рассвет
тихонько в окошко струится,
гордым блеском свечей затуманен.
Никому не приметный, ненужный
серый отсвет бросает.
Свечи горели. В холоде отблеска утра
новый тон заиграл, тепловатый, манящий...
Хочется штору поднять, да и сам он дорогу
скоро пробьет. Ласковый свет разливается.
Черный угол туманом затянут.
Ярче светлый... Вечный, могучий
светоч встает... А свечи?..

1897 г.

Обернись

Не уходи, мой друг, в темноту.
Сядь так, чтоб я видел тебя.
Иначе призраки ночи,
займут твоё место.
Окружены мы тенями.
Вызвало их неразумное слово.
Их разогнать не умеем.
Им повелеть мы не можем.
Близится час полунощный.
Зажги, друг, ярче огонь.

К света источнику ты
обернись.

1917 г.

Зов

Подойди, подойди, не останься.
Милый мой, я хочу тебя
видеть. Еще ни разу ко мне
близко не подошел ты.
Я хочу на тебя посмотреть.
Хочу почуять тебя.
Знаю, что ты подойдешь.
Знаю, что скажешь ты.
Знаю, Учитель, тебя.
Слушай и ты этот
зов.

Встретим

К двери, друг, подойди.
Не бойся двери открыть.
Крепко светильник держи,
не затушил чтобы вихрь.
Слышишь, он к двери подходит.
Если, открыв, ты ничего
не увидишь — не бойся, он
все-таки здесь. Что должно
придти, то пришло.
Пришедшее
встретим.

1917 г.

Полночь

Прежде, чем мы разойдемся,
я хотел рассказать вам,
друзья, еще одну повесть.
Но слуги поторопились,
они погасили огни.
Унесено все убранство
и отодвинуты скамьи.
Придется нам отложить
последнюю повесть. Этим
я даже доволен. Во сне
укрепив свои силы, в новых
словах ее расскажу я;
будут светильники полны,

пышно убраны столы,
и огонь в очаге разгорится.
Из последнего слова начало
сделаем мы и, долго
сидя за столами, громкой
и ясною речью встретим мы время
царства ночного — глубокую
полночь.

В пути

Друзья, от вас ухожу я.
Во взгляде моем ваши лица
уже изменились. Я вижу,
что знал вас я мало.
Вы меня тоже не знали.
Многое я тайком накопил.
Сохранное не показал вам.
За это простите. Зато
многое вы соберете.
Большую часть новым
друзьям не дадите. Меня
вы поймете и перед долгим путем
подарите мне, что утаил я,
оно мне в пути пригодится.
Смотрите, идут уже там
впереди. Рано вышли в дорогу.
Пристально вы посмотрите.
Темные точки на склоне
горы — ведь не камни, путники это.
Скоро и я для вас стану
таким же камнем далеким.
Но не забудьте, что это не
камень, ведь это я, тот,
который долго жил с вами.
Лицо мое знали вы близко
и четко. Хотя ваши лица
для меня изменятся, но буду
вас помнить и пожалею,
если встречался с кем мало
теперь. Вещи для жизни я вам
оставляю. В пути они
мне не нужны. Если из
них пропадет или
износится что, не жалейте.
Вернувшись, найду я, что
надо. За перевалом путники
скрылись. Не печальтесь, что
пойду я один. Попутчиков встречу
в пути.

Монеты

Тебе дам три медные монетки.
Укажу изготовить мне сласти.
Но если даже дам трижды три
медных монеток, ты не сможешь
изготовить мне сласти. Пойдешь
за ними в лавку на рынок.
Какие там маги, что за три
монеты охотно дадут, что ты
дать не можешь? Но я пошлю
тебе иное умение. Ты сам
дашь нам сласти, слаще
медов и ванили и благовоннее
смирны, во все времена дня
и ночи. За них не возьмешь ты
монеты.

1921 г.

Священные Знаки

Увидели дети. Почудилось.
Толпа перешла. Следы измешала.

Все бывает. Все видели.
Летела белая птица.
Скакала белая лошадь.
Уплыла белая рыба.
Прошли белые.
Пробежали черные.
Показалась черная собака.
Ушла под землю черная змея.
Пролетели черные мухи.
Поймите! Глазомерно смотрите!
Настоящий — увидит.

Все бывает. Все слышали.
Звенит пустыня для путников.
Стонет поле для воинов.
Воют под Нерлью на озере
Проклятые плавучие могилы.
Звучит и поет лес для охотника.
Звонят подземные ушедшие храмы.
Играет утро. Звенит ночь.
А вы поймите! Вы слушайте!
Настоящий — услышит.

Пришли дети. Упомнили старцы.
Повестили радость.
Егорий коней пасет.
Никола стадо сберег.
Илья рожь зажинает.
Прокопий камни отвел.
Радость — всякому дому.
Упомнили. Усмотрели.
Подойдите, дети!
Настоящий — поймет.

Оставляю

Доживу ли? Сумею ли я
испытать мой знак,
вновь найденный?
Не могу я его показать никому.
Его власть рассказать я не смею
Мы ходили далеко, а он
был оставлен так близко.
Прост по виду он был.
До приезда Царя я его сохраняю
и по зову отдам Ему в руки.
Но пока он лежит у меня.
Наконец, я вижу его.
Сердцем я знаю, что он
настоящий. Ни твари, ни люди
не могут сделать его.
Мне показал он такое,
о чем рассказать я не смею.

Грамотой тайной я запишу
и оставляю.

Мальчику

Вечность

Мальчик, ты говоришь,
что к вечеру в путь соберешься.
Мальчик мой милый, не медли.
Утром выйдем с тобою.
В лес душистый мы вступим
среди молчаливых деревьев.
В студеном блеске росы,
под облаком светлым и чудным,

пойдем мы в дорогу с тобою.
Если ты медлишь идти, значит,
еще ты не знаешь, что есть
начало и радость, первоначало и
вечность.

1916 г.

Свет

Мальчик, с сердечной печалью
ты сказал мне, что стал день короче,
что становится снова темнее.
Это затем, чтобы новая радость возникла:
ликованье рождению света.
Приходящую радость я знаю.
Будем ждать мы ее терпеливо.
Но теперь, как день станет короче,
всегда непонятно тоскливо проводим мы
свет.

1916 г.

Жезл

Все, что слышал от деда,
я тебе повторяю, мой мальчик.
От деда и дед мой слышал.
Каждый дед говорит.
Каждый слушает внук.
Внуку, милый мой мальчик,
расскажешь все, что узнаешь!
Говорят, что седьмой внук исполнит.
Не огорчайся чрезмерно, если
не сделаешь все, как сказал я.
Помни, что мы еще люди.
Но тебя укрепить я могу.
Отломи от орешника
ветку, перед собой носи.
Под землею увидеть тебе
оможет данный мной
жеzl.

1915 г.

Послан

Не подходи сюда, мальчик.
Тут за углом играют большие,
кричат и бросают разные вещи.

Убить тебя могут легко.
Людей и зверей за игрою не трогай.
Свирепы игры больших,
на игру твою не похожи.
Это не то, что пастух деревянный
и кроткие овцы с наклеенной шерстью.
Подожди — игроки утомятся,—
кончатся игры людей,
и пройдешь туда, куда
 послан.

1916 г.

Украшай

Мальчик, вещей берегися.
Часто предмет, которым владеем,
полон козней и злоумышлений,
опаснее всех мятежей.
При себе носим годы злодея,
не зная, что это наш враг.
На совете имущества маленький
нож всегда вам враждебен.
Бывает враждебен и посох.
Часто встают мятежом
светильники, скамьи, затворы.
Книги уходят безвестно.
К мятежу пристают иногда
самые мирные вещи.
Спасть от них невозможно.
Под страхом мести смертельной
живете вы долгие годы,
и в часы раздумья и скуки
врага ласкаете вы.
Если кто уцелел от людей,
то против вещей он бессилен.
Различно цветно светятся все твои
вещи. Благими вещами жизнь свою
 украшай.

1915 г.

В землю

Мальчик, останься спокойным.
Священнослужитель сказал
над усопшим немую молитву,
так обратился к нему:
«Ты древний, непогубимый,
ты постоянный, извечный,
ты устремившийся ввысь,

радостный и обновленный».
Близкие стали просить:
«Вслух помолися,
мы хотим слышать,
молитва нам даст утешенье». —
«Не мешайте, я кончу,
тогда я громко скажу,
обращусь к телу, ушедшему
в землю»

1915 г.

Не можем

Ты полагаешь, что кончил?
На три вопроса ответь:
как могу я узнать,
сколько лет ворон прожил?
До самой дальней звезды
велико ль от нас расстояние?
Что я желаю теперь?
Приятель, опять мы не знаем?
Опять нам все неизвестно.
Опять должны мы начать.
Кончить ничто мы
не можем.

1916 г.

Не убить?

Мальчик жука умертвил.
Узнать его он хотел.
Мальчик птичку убил,
чтобы ее рассмотреть.
Мальчик зверя убил,
только для знания.
Мальчик спросил: может ли
он для добра и для знания
убить человека?
Если ты умертвил
жука, птицу и зверя,
почему тебе и людей
не убить?

1916 г.

Не считай

Мальчик, значения ссоре не придавай.
Помни, большие — странные люди.

Сказав друг о друге самое злое,
завтра готовы врагов друзьями назвать.
А спасителю-другу послать обидное
слово. Уговори себя думать, что злоба
людей неглубока. Думай добрее
о них, но врагов и друзей
не считай!

1916 г.

Не закрой

Над водоемом склонившись,
мальчик с восторгом сказал:
«Какое красивое небо!
Как отразилось оно!
Оно самоцветно, бездонно!»
«Мальчик мой милый,
ты очарован одним отраженьем.
Тебе довольно того, что внизу.
Мальчик, вниз не смотри!
Обрати глаза твои вверх.
Сумей увидеть великое небо.
Своими руками глаза себе
не закрой».

1916 г.

Под землею

Черепя мы снова нашли.
Но не было знаков на них.
Один топором был
рассечен. Другой пронзен
был стрелою. Но не для
нас эти знаки. Тесно
лежали, без имени все,
схожие между собою. Под
ними лежали монеты.
И лики их были стерты.
Милый друг, ты повел
меня ложно. Знаки
священные мы не найдем
под землею.

1907 г.

Тогда

Ошибаешься, мальчик! Зла — нет.
Зло сотворить Великий не мог.
Есть лишь несовершенство.
Но оно так же опасно, как то,
что ты злом называешь.
Князя тьмы и демонов нет.
Но каждым поступком
лжи, гнева и глупости
создаем бесчисленных тварей,
безобразных и страшных по виду,
кровожадных и гнусных.
Они стремятся за нами,
наши творенья! Размеры
и вид их созданы нами.
Берегися рой их умножить.
Твои порожденья тобою
питаться начнут. Осторожно
к толпе прикасайся. Жить трудно,
мой мальчик, помни приказ:
жить, не бояться и верить.
Остаться свободным и сильным.
А после удастся и полюбить.
Темные твари все это очень
не любят. Сохнут и гибнут
тогда.

1916 г.

Поможет

Мальчик, опять ты ошибся.
Ты сказал, что лишь
чувствам своим ты поверишь.
Для начала похвально, но как
быть нам с чувствами теми,
что тебе незнакомы сегодня,
но которые ведомы мне?
И в чувствах первейших,
которыми ты овладел,
как ты полагаешь,— поверь,
ты еще не совершенен.
Слух разве подвластен тебе?
Твое зрение бедно.
Грубо твое осязание.
О неведомых чувствах,
если мне не поверишь,
я укажу тебе каплю
воды без стекла рассмотреть.
О населяющих воздух мне
рассказать? Ты улыбнулся.
Ты замолчал. Ты не ответил.

Мальчик, водительство духа
чаще ты призывай,
оно тебе в жизни
поможет.

1916 г.

Бог даст

Подойди ко мне, мальчик, не бойся.
Большие тебя научили бояться.
Только пугать люди могут.
Ты рос без страха.
Вихрь и мрак, вода и пространство,
ничто не страшило тебя.
Меч извлеченный тебя восхищал.
К огню ты протягивал руки.
Теперь ты напуган,
все стало враждебно,
но меня ты не бойся.
У меня есть друг тайный;
страхи твои отвратит он.
Когда ты уснешь,
я тихонько его позову к изголовью,—
того, кто силой владеет.
Он тебе слово шепнет.
Смелым встанешь,
Бог даст.

1916 г.

При всех

Плакать хотел ты и не знал,
можно ли? Ты плакать боялся,
ибо много людей на тебя
смотрело. Можно ли плакать
на людях? Но источник слез
твоих был прекрасен. Тебе
хотелось плакать над безвинно
погибшими. Тебе хотелось лить
слезы над молодыми борцами
за благо. Над всеми, кто отдал
все свои радости за чужую
победу, за чужое горе. Тебе
хочется плакать о них.
Как быть, чтобы люди
не увидали слезы твои?
Подойди ко мне близко.
Я укрою тебя моею одеждой.
И ты можешь плакать,

а я буду улыбаться, и все
поймут, что ты шутил и
смеялся. Может быть, ты
шептал мне слова веселья.
Смеяться ведь можно
при всех.

1919 г.

О вечном

Зачем хотел ты сказать
неприятное мне? Ответ мой
готов. Но прежде скажи
мне. Подумай крепко, скажи!
Ты никогда не изменишь
желанье твое? Ты останешься
верен тому, чем на меня
замахнулся? Про себя знаю я,
ответ мой готов позабыть.
Смотри, пока мы говорили,
кругом уже все изменилось.
Ново все. То, что нам
угрожало, нас теперь призывает.
Звавшее нас ушло без возврата.
Мы сами стали другими.
Над нами и небо иное.
И ветер иной. Солнца лучи
сияют иначе. Брат, покинем
все, что меняется быстро.
Иначе мы не успеем
подумать о том, что
для всех неизменно. Подумать
о вечном.

1917 г.

Повторяешь

Замолчал? Не бойся сказать.
Думаешь, что рассказ твой
я знаю, что мне ты его
уже не раз повторял?
Правда, я слышал его
от тебя самого не однажды.
Но ласковы были слова,
глаза твои мягко мерцали.
Повесть твою еще повтори.
Каждое утро
в сад мы выходим.
Каждое утро ликуем мы

солнцу. И повторяет свои
дуновения ветер весенний.
Солнца теплом ты обвей
свою милую повесть.
Словом благоуханным,
точно ветер весенний, в
рассказе своем улыбнися.
И посмотри так же ясно,
как всегда, когда повесть свою
повторяешь.

1918 г.

Детские замки

На мощной колонне храма сидит
малая птичка. На улице дети
из грязи строят неприступные
замки. Сколько хлопот около
этой забавы! Дождь за ночь
размыл их твердыни, и конь
прошел через их стены. Но
пусть пока дети строят
замок из грязи, и на колонне
пусть сидит малая птичка.
Направляясь к храму, я не подойду
к колонне и обойду стороною
детские замки.

1920 г.

Не убьют

Сделал так, как хотел,
хорошо или худо, не знаю.
Не беги от волны, милый мальчик.
Побежишь — разобьет, опрокинет.
Но к волне обернись, наклонися
и прими ее твердой душою.
Знаю, мальчик, что биться
час мой теперь наступает.
Мое оружие крепко.
Встань, мой мальчик, за мною.
О враге ползущем скажи...
Что впереди, то не страшно.
Как бы они ни пытались,
будь тверд, тебя они
не убьют.

1916 г.

Вижу я!

В землю копье мы воткнем.
Окончена первая битва.
Оружье мое было крепко.
Мой дух был бодр и покоен.
Но в битве я, мальчик, заметил,
что блеском цветов ты отвлекся.
Если мы встретим врага,
ты битвой, мальчик, зажгися,
в близость победы поверь.
Глазом стальным, непреклонным
зорко себя очерти,
если битва нужна,
если в победу ты веришь.
Теперь насладимся цветами.
Послушаем горлинки вздохи.
Лицо в ручье охладим.
Кто притаился за камнем?
К бою! Врага
вижу я!

1916 г.

Захочешь

В знак победы, милый
мой мальчик, платье
цветное ты не надень.
Победа была, а бой будет.
Не смогут тебя победить.
Но выйдут биться с тобою.
Твою прошлую жизнь прозревая,
сколько блестящих побед
и много горестных знаков я вижу.
Но победа тебе суждена,
если победу
захочешь.

1917 г.

Подвиг!

Волнением весь расцвеченный,
мальчик принес весть благую.
О том, что пойдут все на гору.
О сдвиге народа велели сказать.
Добрая весть, но, мой милый
маленький вестник, скорей

слово одно замени.
Когда ты дальше пойдешь,
ты назовешь твою светлую
новость не сдвигом,
но скажешь ты:
подвиг!

1916 г.

Пламя

(Письмо)

В измятом холщовом пакете я получил наконец письмо. Часть пакета была залита дождем или волною. Почти полгода я ожидал это письмо. Пока шло мое. Пока шел ответ. Ответ, вероятно, был задержан ледоходом и весенней распутицей.

Да и мог ли я ожидать ранее ответа на мои вопросы? Подумайте, скоро ли обернется письмо, на котором надо написать: «По...дороге до города...оттуда переслать по реке...до устья...Передать в село...для пересылки с оказией до...перевала, где вручить крестьянину...села...а ему указано, как доставить по принадлежности». Решаю напечатать письмо в том виде, как я его получил. Для меня и для многих оно — исторический документ об известном лице, материал для историка искусства. Для других содержание письма объяснит то, что их еще недавно так волновало и так удивляло. А для тех, которым без имен и местностей (я опущу лишь имена и название мест) письмо моего друга будет малопонятным и лишенным местного интереса, те пусть посмотрят на письмо как на страницу нашей сложной современности.

«Пламя» — так назову я это письмо. Мой друг употребляет в письме это слово неоднократно. Для него оно имеет особое значение.

Пусть друг мой простит, когда узнает, что я напечатал его частное письмо в точном изложении. В письме, видно, он допускает мысль, что содержание могло бы пригодиться писателю для театра. Но я счел нужным напечатать письмо так, как получил его.

Те, кто не верил человеку, пусть поверят залитому волною письму.

«Ты нашел меня. Ты хочешь, действительно хочешь, чтобы я сам написал тебе обо всем происшедшем со мною.

Отчего я уехал? Отчего скрылся? Где живу?

Ты пишешь о выдумках и ложных историях, обо мне распускаемых... Пусть, пусть, пусть.

Все описанное уже отошло от меня. Смотрю на прошлое, как на чужую жизнь. Или как — на сон. Второе — вернее.

Сознаюсь, всякие выдумки меня теперь мало тревожат — выяснять я ничего не должен. Но если ты хочешь знать все, как было? — слушай.

Просто так «как было».

Ты спросил, где я сейчас? Слушай.

На севере. На острове. На горе стоит дом. За широким заливом темными увалами встали острова. Бежит ли по ним луч солнца, пронизывает ли их сказка тумана — их кажется бесчисленно много. Несказанно разнообразно.

Жилья не видно.

Когда солнце светит в горах особенно ярко, на самом дальнем хребте что-то

блестит. Мы думаем, что это жилье. А может быть, это — просто скала. Налево и сзади — сгрудились скалы, покрытые лесом. Черные озерки в отвесных берегах. На одном месте камни напоминают старую основу жилища. Нам кажется, что раньше давно здесь уже кто-то жил. На огромном валуне кажется выбитою цифра 3 (три) или буква З. По лесам иногда представляются точно старые тропинки, неведомо как возникшие. Незаметно исчезающие...

А может быть, все это — просто наше воображение...

Массив нашего острова очень древен. По всем признакам вулканические образования давно закончились. На таких массивах можно бы осуществить нашу давнюю мысль постройки храма, где сохраняются достижения культуры нашей расы. Где на самых прочных материалах самыми прочными способами будут запечатлены все лучшие достижения человечества. Будут изваяны лучшие чертежи и вырезаны наиболее полезные формулы. При непрочности наших обычных материалов, при невероятной преходящности бумаги, красок и всего — такое хранилище — было бы величественно. Тайник знания. Знание для знания. Великое творчество.

Опять мечтания...

Молчаливый человек на черной сойме иногда привозит нам запасы пищи, книги и вести из нашего прежнего мира. Измятые, желтые листки, точно опавшие листья с далеких деревьев.

Тот же человек увозит вести от нас и нашу работу. Увозит. За далекой Чертовой горой скрывается его парус. Точно в бездну бросаем. И не знаем, кто ждет наши посылки. И так дробится власть людей. Так размельчается власть вещей рукотворных.

При отъезде человека на сойме нами овладевает какое-то странное чувство. Но никто не произнесет вслух, что хотелось бы уехать с ним туда, дальше поселка, где много бочек и рыбы. Через несколько часов это чувство проходит. Человеческое влияние опять нас минует. Такое же странное чувство наполняет нас всякий раз, когда вдали черной точкой покажется сойма. Он ли? Один ли? Впрочем, и это ощущение скоро проходит. Надо изгонять эти ощущения. В основе их — малодушие.

Но человекообразия мы все ж не покинуты. В облачных боях носятся в вышине небесные всадники. Герои гоняются за страшными зверями. В смертельных поединках поражают темного змея. Величественно плавают волшебницы, разметаив волосы и протягивая длинные руки. На скалах выступают великие головы и величавые профили, грознее и больше изваяний Ассирии.

Если же я хочу посмотреть на труд, войну, восстание, то стоит пройти к ближнему муравейнику. Даже слишком человекообразно.

Не буду говорить, насколько мы все всегда заняты. Сколько всегда остается неисполненной работы.

Не буду говорить о чудесах нашего края. О глубоких, эмалевых красках камней. О самородках серебра, меди, свинца. О парчовых, затейливых коврах мха.

Не буду описывать прекрасные картины заката и восхода. Не скажу о великих грозах и сказочных туманах. О сверкающем снеге не буду говорить. Пройду мимо веселых игр волн под утесом.

Не скажу о пещерах и скалах, таких извилистых, таких причудливых...

Не остановлюсь на разноцветной весенней листве, на пышном золоте осенних уборов. Даже не скажу о таинствах засыпающей и вновь проснувшейся природы...

Все это остановило бы внимание настолько, насколько все это вечно чудесно. А это было бы длинно. И не скоро удалось бы перейти к той истории, которую хочу записать. Мне хотелось только намекнуть тебе о том, что мы видим, что мы слышим. И почему мы любим нашу гору, наш остров.

Вообще помни о Севере. Если кто-нибудь тебе скажет, что Север мрачен и беден, то знай, что он Севера не знает. Ту радость и бодрость и силу, какую дает Север, вряд ли можно найти в других местах. Но подойди к Северу без предубеждения. Где найдешь

такую синеву далей? Такое серебро вод? Такую звонкую медь полуночных восходов? Такое чудо северных сияний?

Надо писать так, как было.

Часто мы не верим хроникам и запискам старинных художников. Почему? Неужели в нашем представлении они непременно должны были изменять и приукрашать события? Не верим ли мы, зная себя? Не доверяем ли яркой жизни среди серых потемок? Среди тюрьмы, в которую мы пытаемся жизнь обратить?

Но жизнь всегда ярка. Лучше, чем сама жизнь, все равно не выдумать.

Только надо припомнить и сложить именно так, как было. Надо уметь понять истинное первое впечатление. Надо уметь выявить сущность, очистить ее от случайных придатков, хотя бы отдельно и поучительных.

Все это один раз по просьбе... уже было описано мною. Кажется, даже лучше и подробнее было написано. Но рукопись, видимо, пропала при пересылке, что совсем неудивительно, — ведь путь очень труден.

Еще один раз — последний — я заставлю себя для тебя записать все бывшее. Если не все, то хоть главные части; если и этому письму не суждено дойти, то, значит, не судьба.

Вот отчего выстроил я дом на горе, которую исследователи назвали моим именем. Вот почему я начал отыскивать эту мою гору. Вот почему я часто повторяю слово «пламя».

Теперь мое пламя уже другого цвета. Я спокойно могу определить цвет пламени бывшего. Спокойно я не назову людей, злобно раздувших огонь. Люди уже прошли. Но обстоятельства остались. Их припомнить можно. Обернуться глазом добрым. Без имен. Без времени.

Ты знаешь, друг, что картины мои мне нужны, мне близки, только пока я творю их. Как только песнь пропоется, она уже отходит далеко. После окончания я уже не согласен с картиною. Охотно изменяю ее. Даже уничтожаю. Мысль и умение стремятся вперед. Все сделанное ранее уже слишком несовершенно.

Чтобы избежать последствий вражды моей к ранее написанным вещам, жена моя взяла себе все оконченные картины. Мне спокойнее, если я знаю, что уже не властен изменить прежнюю вещь. Так же было и с сюитой картин, объединенных названием «Айриана Вазджа».

Уж давно хотел я вместо отдельных вещей, случайно показанных, произвольно разбросанных, сделать ряд картин, подчиненных одной сущности. Сочиненных, спаянных в незыблемом соответствии красок и формы.

Ты ведь знаешь, что обычаи наших выставок меня всегда удручали. Какая-то подотчетность, подневольность. Торговля в храме. Будни — в празднике. Праздник — в буднях. Наши выставки, разве это праздники творчества? Право — поденщина. Отчет. Обязанность. Конторская книга. Все это со временем изменится. Всему найдется свое место.

Теперь о картинах.

Трудно было остановиться на пределах желанного цикла картин. Предположений было много. Но одно казалось узким. Другое — ничтожным. Третье — неизобразимым. Но все в искусстве создается не теориями, не надуманными учениями, не узким направлением, а только стихийно. Только под знаком водительства духа. Это водительство подсказывает, что нужно делать...

Вообще будьте осторожны с теориями искусства. Если вам скажут о теориях и поставят их во главу творчества, — не верьте. В этом уже скрыто чье-то бессилие. Это не важно.

Мощь искусства именно в его безотчетности, в его, повторяю, стихийности, в его благой интуиции. Только в таких устремлениях — победа искусства — его таинственная

убедительность и заразительность. Интуиция открывает подлинную радость духа.

Сколько бы тебе ни твердили о значении произведения, но, если оно само не сообщает тебе свое непосредственное очарование, все уверения, все законы будут бессильны.

В чем это очарование? В чем истинная правда произведения? Где границы радости и подъема сообщаемого искусством? Насколько разнообразны выявления искусства? — Мы не знаем. К счастью, не знаем. Но чувствуем эту беспредельную, несказуемую тайну.

Если мы не знаем о каждодневных предметах. Если мы не знаем о душе человеческой. Если мы не знаем, что такое электричество, то нам ли знать о значении и пределах искусства? Нам ли знать о всех способах его выявления?

Благо что искусство есть, что мы его ощущаем, что оно дает и заполняет лучшие стороны жизни. Может быть, единственно ценные стороны жизни. Да будет благословенно все, что проходит в жизни под знаком водительства духа.

Совершенно непонятно, почему около искусства всегда гнездится столько вражды и ненависти, уже далеко за пределами соревнования. К чему?

Может быть, и эти темные знаки нужны. Не они ли порождают мистическую Голгофу искусства? Она нужна при всяком подвиге. А в искусстве нужен подвиг. Слышишь, необходим!

Заварился и оформился задуманный ряд картин. После двадцатилетней работы и борьбы с разными явлениями жизни я удалился надолго от всяких случайных общений. Покинул разные должности, хотя бы и очень почетные. Отбросил весь шум и беготню, которые мы часто принимаем за жизнь. Даже от многих друзей отошел.

Ковал мою «Вязьду».

Люди объявили, что я бросил работать. Другие шептали, что я обезумел. Но я ничего не слушал. Твердо помнил, что в этой жизни ценен лишь труд творчества. Только он дает спокойствие мысли. Только он открывает глаз на красоты нас окружающие и незамеченные лишь в суете случайных человеческих общений.

Если бы люди знали, как часто они вредят друг другу. Как легко избежать это. Какой поток благодати легко может залить пламя злобы?

В тишине, среди прекрасных поездок. Среди восхождений на одинокие горы я написал двадцать пять вещей.

Они составляли неразрывное целое. Должны были быть как ожерелье из самоцветов. Их должно было смотреть лишь в определенном порядке. Так, чтобы светились не только краски одной картины, но и соседние вещи были бы так же нужны, как и части каждой картины между собою. То же задание было и в отношении распределения формы и линий.

Не знаю, удались ли картины? Были ли они хороши? Знаю только, что в течение работы, среди неизбежных сомнений, эти картины дали мне много радости.

По обычаю, я отдал законченные картины моей жене.

Вскоре, через ближайших друзей, узнали о законченном цикле. Воздвиглось жестокое любопытство и друзей и тех людей, которые называют себя любителями искусства. Все хотели увидеть мои картины.

Чтобы понудить меня показать им картины, люди пускались на всякие выдумки. Одни утверждали, будто картины вообще не существуют. Будто я уже давно бросил работать и провожу время в бесцельной праздности. Другие рассказывали и шептали, что хотя какие-то картины и написаны, но они так плохи, что и показать их нельзя. Третьи сочиняли, что тайное общество, в которое я вступил, не разрешает показывать творения непосвященным. Четвертые болтали о неслыханных иностранных предложениях, на которые я будто бы уже согласился, а вещи уже уложены и навсегда вывозятся в чужую страну.

Всякий выдумывал по-своему, и все это сопровождалось шумом и обидами.

Если что недоступно, оно всегда особенно занимает людей. Всеми выдумками и

нелепыми домогательствами люди заставили меня решиться показать картины. Жена противилась этому. И теперь слышу голос жены моей, говоривший:

— Не хочу выставлять эти вещи. Именно эти. Они мои. Я знаю, я чувствую, что не должна показать их. Смейтесь! Я знаю, что мое чувство — ничто для вас!

И я тоже слышал эти слова. И я все-таки промолчал. И мне тоже было тяжело, но обещание уже было вырвано...

Зачем я допустил эту уступку? Зачем обратил я праздник труда в страдание? Зачем сам способствовал росту лжи?

Так, значит, должно было быть.

В назначенный день собрались все позванные. Были обиды, недоразумения... кому-то не передали приглашения... кто-то пришел незванный. Не все ли равно? Пришло много разнообразных людей. Были художники, писатели, любители, друзья.

Смотрели долго. Подробно. Шептались. Водили друг друга по кругу картин.

Потом начался мой праздник. Я увидел, что труд мой не пропал. Недоброжелательство потонуло в общем подъеме. Произошло то, чем ценно искусство. Созданное оказалось убедительным. Заразило зрителя. Сделало его участником действия.

Стали требовать, чтобы я выставил эти вещи. Я отказался. Я был тверд, несмотря на все соображения о всеобщем достоянии искусства, о всенародном значении творчества. Жена поддержала меня.

Тогда возникла новая опасность. Владелец крупных изданий... зажегся мыслью издать мои картины. Издать новым, каким-то замечательным способом. Он оставался долго. Остался после всех. Невероятными доводами он убедил и меня и жену мою. Мы разрешили воспроизвести картины его способом. Мы сделали уже вторую ошибку.

Затем возникло новое, казалось, непреодолимое препятствие. Для нового способа издания картины должны были быть хотя на короткое время перенесены в печатню.

Жена наотрез отказала выпустить вещи из дома. И вот возникла ужасная выдумка. Добиваясь издать картины, этот человек предложил сделать с картин точные копии и перенести в печатню только копии. Этот человек был дьявольски изобретателен. Он все умел объяснить: «Краски в воспроизведении тона всегда несколько изменяются, и потому точные копии будут вполне достаточны».

Произошла третья ошибка. Дьявольская выдумка показалась приемлемой.

Этот же дьявол нашел того, кто бы мог сделать точные копии. Кто сохранил бы мой характер письма и избежал чего бы то ни было излишнего.

Помнишь ты... того молодого художника, который несколько раз был моим помощником. Вещи ему очень нравились, и он охотно согласился скопировать их. Кроме того, издатель заплатил ему щедро, а это давало ему возможность выполнить давнюю мечту. Побывать в Мексике для розысков остатков Атлантиды. В этих мечтах об Атлантиде я же был виноват. Неужели я буду препятствовать их осуществлению? Пусть едет. Пусть ищет Атлантиду. А я опять молчаливо согласился. Промолчал там, где должен был запретить.

Милый... очень прилежно работал над копиями. Сделал их точно и быстро. Работал углубленно и, видимо, с подъемом. Копии я утвердил.

Копии были перенесены в печатню. Мой сотрудник спешно уехал в Мексику. Искал ли он Атлантиду? Нашел ли? Вернулся ли теперь? Ведь о нем более ничего не знаю.

И тебя, мой друг, тоже не было тогда. Мне кажется, если бы Ты был тогда со мною, что-то сложилось бы иначе. И я не имел бы повода писать тебе теперь отсюда письмо.

Значит, опять произошло так, как нужно.

Все это время были мы в какой-то тревоге. Где-то что-то непоправимое совершалось, но мы не знали, а только чуяли это. Ждали известия. Ждали звонков. Смотрели на часы. А что ждали — и не знали.

И настолько встревожились, настолько напряглись нервы, что, когда издатель,

бледный, ворвался с криком: «Печатня сгорела. Картины погибли»,— мы даже не удивились.

Вот оно обрушилось то, что уже висело над нами. Мы еще не знали размеров разрушения, но ощутили водоворот. Стало холодно. Что-то подкралось. Что нужно было сделать, мы не знали. Повторяли: «Вот оно».

То, молчаливое, вошло.

И замкнулся извилистый круг. Одна ошибка — родила другую.

Все разгласилось.

Хуже всего, что издатель очень крупно застраховал картины, не указав, что это копии. Это было бы ему невыгодно. И он умолил, оказывается еще раньше, моего уехавшего сотрудника о молчании.

Страховое общество прислало мне премию за картины. Крупную премию. Оказывается, издатель всюду утвердил слух о том, что ему удалось достать мои подлинные вещи.

Выходило, что я точно сделался соучастником его.

Промолчав вначале, я не знал, что сказать потом.

Когда мне прислали страховую премию, я не мог оставить ее у себя. Не принять ее я тоже не мог (ты чувствуешь и мольбы и угрозы издателя). На всю сумму я накопил картин и отдал их музею.

Помнишь, как объяснили тогда мой поступок.

Кто-то сказал, что я хотел подкупить общественное мнение. Для чего подкупить? Глупо. Уже цепь волочилась за мною.

А пламя уже разгоралось.

Чужое несчастье всегда приятно людям. Я оказался в глазах их несчастным. Сердца людей всегда открыты вниз. Если они вообще открыты.

Кроме того, картины уже не существовали. Никого они более не задевали. Никому не причиняли тайных неприятностей.

Сердца всех раскрылись.

Трудно представить себе изощренность всех сожалений. Ты издалека все-таки слышал о моих происшествиях. Да и трудно было не слышать.

Пожар скромной печатни заблестел на весь мир. Не преувеличиваю.

Какие образцовые письма я получил. Теперь у меня лучшие образцы соболезнования. Все слова стали еще более яркими, нежели при осмотре картин.

Различные общества почтили меня прочувствованными адресами. Иностранные академии избрали меня почетным членом. Географическое общество назвало моим именем вновь открытую гору на севере.

Подумай только, какой повод для писаний.

Пропал труд двадцати лет. Мечта жизни — наконец воплощенная — истреблена беспощадной стихией. Истреблена накануне обнародования. И целый ряд благородных свидетелей выступил. И показания их становились все ярче. Право, я сам готов был поверить всему случившемуся, если бы за драпировкой не стояли оригиналы.

Я был подавлен.

Молчал.

На молчанье мое не обижались. Приписали его горю. Наоборот, молчанье мое только усиливало потоки сочувствия.

Какие красивые статьи появились в печати! Сколько красивых слов!

А картины стояли укрытые у нас. И с каждым днем необходимость окутывать их больше и непроницаемее.

Издатель извивался змеей. Каждый приход его вызывал во мне ужас. А он все приходил. Сторожил. Берег посеянную им ниву.

Почему тебя не было со мною. С тобою мы решили бы что-нибудь.

Мой сотрудник... не давал о себе вестей. И сейчас я еще не знаю: вернулся ли он?

или погиб среди поисков светлой сказки? Одно безумие порождает другое. Я пробовал рассказать друзьям о том, что подлинные картины целы. Они качали головами и советовали мне развлечься или начать новую работу.

А за спиной издатель делал им знаки и шептал, что именно оригиналы у него сгорели. Когда же наконец я призвал его и грозно убеждал открыть истину, он умолял пощадить его, ибо у него уже не было путей отступления. Он делался даже преступником. Загнанный в угол, он показал зубы и намекнул о моем невольном попустительстве.

А тебя все не было. А пламя разгоралось.

Я продолжал безумие начала.

Я решил показать еще раз подлинные картины.

Опять картины стояли на прежних местах.

Было то же самое освещение. На полу лежали те же ковры. И казалось, сам воздух мастерской был тот же.

И люди были те же. За исключением трех-четырех случайных, все сошлись.

Так же ходили по кругу. Так же шептались.

Но глядели смущенно.

Они не поверили.

Долго молчали потом. Искали часы. Вспоминали о назначенных часах.

Куда-то спешили. И ласково, ласково жали руку.

Они не поверили.

Смотрели — слепые. Слушали — глухие. Неужели мы видим только то, что хотим увидеть?

Скрылся издатель. Все разошлись. Молчание.

Мы знаем и слышим, что сознание правоты всегда дает мощь и силу перенести все, решительно все.

Это так и есть.

Но ведь для этой мощи нужен покой, тишина.

Нужна пустыня тишайшая. Нужен храм пустынный со всем великолепием облачного зодчества.

А когда такой храм далеко?

Когда пламя то пылает?

Вот тогда оно блесит. Оно затемняет.

И когда я через несколько дней понял, что мне не поверили. Что картины найдены плохими повторениями — тогда алое пламя возникло.

О том, что не поверили, начал я узнавать стороной. Постепенно. Как-то глухо и мягко. Но в мягкости этой была беспощадность. Люди знали бесповоротно, что за время молчания я спешно повторил мои картины. Люди видели ясно, что повторения были несравненно хуже, слабее оригиналов.

Да и немудрено. В спешке. В огорчении.

Можно ли сделать также хорошо, если первое достижение было так общепризнано блестяще.

Да и не стал ли мастер слабеть?

Всегда приятно первому найти момент ослабления. Даже просто заподозрить ослабление гораздо проще и гораздо менее ответственно, нежели решиться утверждать восхождение.

Не так ли?

К тому же все знали о том, что оригиналы были превосходны, что они сгорели, что спешные копии должны быть слабее.

Это ясно. Это и дети поймут. А «умудренный» человеческий ум разве может иначе мыслить?

Люди доказательно знали, что перед ними повторения. Это тоже ясно. И вот когда к одной ясности прибавится еще целый ряд человеческих ясностей, тогда затемняется глаз

и мутнеет ум.

В печать проникли сообщения. Тоже мягко и постепенно.

Опять хвалили мои прежние вещи. И тонко, тонко, как лезвие ножа, добавляли — повторения всегда далеки от оригинала...

Пламя пылало.

Из темных углов высывалась гримаса издателя и, скаля зубы, твердила:

— Ведь говорил, надо было сжечь оригиналы. Была бы вместо них куча золы, а на ней покоилась бы тишина и слава. А теперь куда вы пойдете с вашей правдой? Куда завела вас эта правда? Сожгли бы и пепел все покрыл бы...

Вот какие гримасы появились. Эти гримасы, освещенные и пламенем, были страшны.

В ошибках надо уметь сознаваться.

Первая ошибка была, когда я согласился показать картины. Раз сердце говорило против, не следовало соглашаться. Но ведь всегда трудно отделить первое верное ощущение от следующих житейских наслоений.

Вторая ошибка — когда я промолчал о выдумках и проделках издателя. Но всего не предусмотреть. Как предугадать, если чьи-то мысли направятся во зло? И все-таки его жаль. Жаль человека, который хотя и небескорыстно и заблужденно, но все-таки служил искусству. Ведь об искусстве много говорят, но в уклад жизни оно вошло еще так мало. Так мало к искусству истинной непреодолимой потребности.

Третья ошибка — когда решил, в последнем доверии к людям, вторично показать картины. Тем довел до ложных ощущений всех, которые вторично увидели подлинные вещи.

Без вторичных смотрин все эти люди сохранились бы без ошибки. Я их обманул тем, что ради истины показал правду. Наши глаза так несовершенны, а ощущения духа так засорены у большинства современных людей, что обмануться в том, что они видят, совсем не трудно.

Не изумлен ли ты, что я пишу о моем потрясении спокойными словами. Точно не о своем. Сознаюсь, так говорю я теперь. Но тогда мыслил я совершенно иначе.

Тогда пылало алое пламя. Пламя гнева. Пламя безумия. Оно застлало глаза. Заполнило смысл сущности.

Теперь я уже могу говорить другими словами. И пламя не красно уже. И я могу не обвинять человечество. Да и виноваты ли те люди?

Итак, все знали, что в несравненно худшем виде повторены прежние превосходные картины. Пробежало даже мнение, что сам ли я писал прежние вещи. Кто-то даже сообщил, что известны те иностранные художники, которые за большое вознаграждение работали для меня. В оправдание мне приводились примеры из истории искусства, когда работы Фабрициуса принимались за работы Рембрандта.

Все эти суждения постепенно докатывались до меня. Докатывались беспощадно и преувеличенно. В бесконечном кошмаре. Каждый газетный лист, каждый звонок был вестником новых измышлений. И потом эти анонимные письма. Кому есть досуг измышлять их?

Пылало красное пламя. И вспомнить несносно. Решили мы бросить развалины и пепелища. Уехали на любимые наши высоты. Наскоро построили дом. Осели на мшистых коврах. Начал я мыслить. Даже начинал работу.

Но и здесь тащилась цепь.

На этот раз настоящая, железная. От шума цепи мы раз проснулись.

Около нашего дома тащили цепь. И шумели. И цепь звякала. Тащили ее беспощадно. Точно переехали жизнь.

Оказалось: через нас должна пройти железная дорога. Не ближе, не дальше. Через нас. Пришли строители. Сказали, что нас нужно срыть. Мы не у места. Через нас путь пройдет. Прошли. Звенели цепью. Стучали.

И опять бесповоротно. И человечески ясно.

Пламя пылало.

Куда нам деваться? Показалось тесно.

Я вспомнил о горе, о моей собственной горе. Начали о ней узнавать. Писали. Спрашивали. После долгих трудов отыскиали. Собрались на ней поселиться.

Во время долгого пути были приступы малодушия. Те же приступы были во время устройства жилья. Ведь все давалось так трудно. Всего было. Но ведь это всегда так бывает. Человечество всегда ползет, как раки из корзины; все сомневается; куда-то стремится, не понимая ценной сущности стремлений своих.

Среди блужданий и сомнений всегда приходят нелепые, недостойные мысли. Показалось, что некуда податься. Привиделось, что все закрыто. Что все кончилось. Закрыто. Кончилось,— среди необъятного мира. Среди всей необозримости данных человеку возможностей. Теперь и вспомнить — стыдно.

Вообще, бойтесь алого пламени.

Оно выедаёт все ценные условия восхождений и ясного сознания. Это пламя — пламя судороги, припадка, но жить и созидать среди этого пламени нельзя. И как при некоторых болезнях надо менять место, так от алого пламени надо спастись бегством. Стыдного тут ничего нет. Просто нужно сознательно сохранить силы. Направить их к ценному труду. Право, все так необозримо. Так хорошо! И у нас есть труд. Труд, наполняющий все время. Труд, в далеком идеале анонимный, в котором мы ответственны лишь перед собою.

Еще смешная подробность. Вскоре после отъезда моего на север кому-то пришла мысль похоронить меня. Все, что мы не видим, нам кажется несуществующим. Это было крайне поучительно, но огорчений не принесло. К тому же мы кончали постройку дома. Работали спешно, и далекие статьи и заметки нас только позабавили. Выиграли лишь собственники моих картин, ибо вещи сразу еще поднялись в цене. Да и старая ненависть поникла: ведь смерть и голод — это то, чего люди больше всего боятся. Это более всего объединяет.

Знаем, что суждения все преходящи. Всегда, по два, по три раза в течение века, меняются приговоры людей. И ничего они не значат, ни худое, ни хорошее. А избранные имена составляют чаще всего нечто иное, как имена массовые, среди которых скрыто очень многое для нас, случайно поглощенное жизнью. Не знаем многое.

Но знаю я, что работаю. Знаю, что работа кому-то будет нужна. Знаю, что пламя мое уже не алое. А когда сделается голубым, то и об отъезде подумаю.

И будет все так, как должно быть.

Хочу радоваться.

Человек, находясь в природе, всегда похож на ребенка. Ребенку случается видеть тяжелый, мучительный сон. Но стоит ему только открыть глаза и он снова увидит себя в раю.

Прежде мы говорили: познание есть скорбь. Теперь скажем: познание есть радость. Ибо восторг радости глубже скорби.

Отчего затемнело? Отчего помутнело сознание?

Одна мать, держа на руках своего младенца, спрашивала: что есть чудо? Спрашивала, отчего чудеса не встречаются в нашей жизни. Держа в руках чудо, она спрашивала о том, что есть чудо?

Мы окружены чудесами, но, слепые, не видим их. Мы напоены возможностями, но, темные, не знаем их. Придите. Берите. Стройте.

Но приказ звучит.

Пламя меняет цвет.

Я чувствую силу начать новую страницу жизни. Мне ничто не мешает. Бывшее уже не касается меня.

И глаз мой вперед обращен. Потому я и записал в последний раз для тебя о

бывшем. Меня все это более не касается. И со встреченными людьми мы прикоснемся уже новыми гранями сущности. Я рассказал тебе точно сказку, пригодную для театра, сказку о том, как мы смотрим — слепые. Как мы слышим — глухие.

Кому она пригодится, сказка моя?

Но не только для театра может она пригодиться. При случае ты можешь ее рассказать тем людям, которые себя считают непреложными знатоками искусства, которые высокомерно раздают определения и наименования. Чувствуют ли ушедшие мастера, что выкраивается из их творчества?

Знатокам пригодится мой случай из жизни. Или для собственного успокоения они сочтут все описанное вымыслом?

Будет так, как должно быть.

Медведь вышел на меня, но остался я цел. Огонь касался меня, но не сгорел я. Подломился лед подо мною, но не утонул я. В тумане остановилась повозка у стремнины, но не погиб я. Лошадь оступалась на горной тропинке, но удержался я. Терял накопленные богатства и не горевал я. Был призываем к власти, но не поддался. Злобная погоня неслась за мною, но не настигла. Клевета и ложь преследовали меня, но побеждала правда. Был обвиняем в убийстве человека, но пережил и это измышление зла. Сидел со злобными лукавцами, но уберегся. Бедствовал с глупцами, но устоял. Так было нужно. Это правда, никому не сказанная.

Сказал Иоанн ²³⁰: «Не более, придется много для Родины потрудиться». А ведь после болезни он не видал меня десять лет. И узнал. Остановил и сказал.

Во всех бедствиях приближались новые люди. Нежданные. И протягивали руку. И предупреждали зло. И несли помощь.

Вот стоим перед темнотою. Знаем властные зовы и провозвестия, не знаем происходящее.

Не знаю о друзьях. Не обменяю друзей моих на врагов. И горжусь, что эти друзья были друзьями. Знайте это, друзья мои.

И врагами моими горжусь. Врагами мне посланы те, кого постыдно было бы друзьями считать.

Назвать нашу жизнь бедной нельзя. Жизнь была особенной. Немногие ее знали. Волком, в стае, я никогда не ходил. Пусть буду медведем, лишь бы волком не быть. Поймете?

Делаю земной поклон учителям. Они внесли в жизнь нашу новую опору. Без отрицаний, без ненавистных разрушений они внесли мирное строительство. Они открывали путь будущего. Они облегчали встречи на пути. Встречи со злыми, встречи с глупыми и с безумными...

И природа помогала в этих встречах. В ней забывались люди. В ней копились силы против злобы и против глупости. Невежество и пошлость. Еще страшнее злобы они.

Где оно — облако благодати, чтобы покрыть ожесточение сердца? Какою молитвою молчания можно вернуть тишину? Каким взором можно взглянуть в бездну неба? Все строения разрушаются бездонным творчеством облачным. Не в храм рукотворный, но в пустыню тишайшую отдам молитву мою. Выше облачных сводов не созидалось храмов. Ярче звезд и луны не осветили огни торжеств. Измышления человеческие не испепеляли грознее молнии. Не уносили из жизни мощнее урагана. Где отличить то, что должно погибнуть, и то, что должно породить следствия. В великана Голиафа верили толпы, и что для них был Давид? ²³¹

²³⁰ Иоанн — Н. К. Рерих имеет в виду своего духовного наставника в студенческие годы, выдающегося подвижника русской православной церкви конца XIX века, Иоанна Кронштадтского (данный эпизод является автобиографическим).

²³¹ В великана Голиафа верили толпы и что им был Давид? — в библейской мифологии великан, предводитель войска филистимлян, был убит в единоборстве юным пастухом Давидом, ставшим затем иудейским царем, которому ветхозаветная традиция приписывает создание псалмов и

Среди безумия толпы, что им чудо? Какими бы словами не говорить людям о чуде, они будут глухи к этим словам. Понятия вражды и ссоры им гораздо ближе. Нужно уничтожить все, что угрожает и вредит мирному строительству, знанию и искусству. Всякая распущенность мысли погибнуть должна. Всякая невежественность погибнуть должна.

Кончится черный век наш.

Что произойдет еще?

Неужели еще раз увижу себя расстроенным? Неужели еще придется уйти в тишину? Кто уж заставит меня сделать это? Как будут выглядеть эти люди? Но тогда, друзья, вы узнаете все немедля, чтобы сердце ваше не ожесточалось напрасно. И тогда расскажу не только тебе, друг, но и другим, которых я еще не узнал.

Расскажу смелым искателям, опьяненным загадками; расскажу чтецам звездных рун, чьи души привлекаются песней. И там, где вы можете знать, вы будете презирать доказательства. Эти смешные нелепые показания свидетелей. Слепых и глухих. Друзья мои, я вас еще не знаю, но вы уже проходите близко. Озаренные пламенем. Друг, ты, может быть, торопишься куда-то по делу?

Или спешишь на обед? Или должен вежливо отвечать на какие-то случайные вопросы? И тебе сейчас далеки мои строки?

Шучу. Знаю, что эти строки тебе близки. И душа твоя не торопится. Идет твердо. Уже не боится влияний...

Больше писать не могу. Человек на сойме кончил свой лов. Торопит с ответом. Если не успею отослать теперь, задержу месяца еще на два. А может быть, и дольше.

Уже нагромождаю второпях. Хочется еще многое сказать. Так ты получишь? Где получишь?

Кончу.

Мы увидимся. Непременно увидимся.

Не только увидимся, но после работы еще поедem с тобою или в... или на берега... в... Туда, где нас ждут, где ждет нас работа. Ведь об этой гармонии жизни уже работают реально и, в братстве, возводят ступени храма.

Звучит благовест. Даже сюда залетают зовы.

Кончу словами белой книги²³². Помнишь, ее мы любили вместе читать:

«Знай, что то, которым проникнуто все сущее, неразруσιμο. Никто не может привести к уничтожению то Единое, незыблемое.

Преходящи лишь формы этого Воплощенного, который вечен, неразрушим и необъятен.

Поэтому сражайся».

Милый, веди свою битву! Мощно веди! Разве мы не увидимся? Знаем, где ждут нас.

Душевно с тобою

Кончаю тем, чем начал.

Прости меня, друг, если я напечатал твое письмо.

Знаю, ты простишь мне. О тебе писалось всегда много ложного. Часто твои дела истолковывались неверно. Так же и будет много писаться. Такие же будут толкования. Но ты всегда стремился к ясности. Мечтал о возможности жизни, открытой перед лицом всех людей. Мечтал о ясном труде. Ты вспоминаешь нашу милую белую книгу.

Продолжу из нее:

«Взирай лишь на дело, а не на плоды его. Да не будет побуждением твоим —

придает черты эпического героя.

²³² *Белая книга* — здесь Н. К. Рерих так называет Бхагавадгиту.

плоды деятельности.

Отказываясь от привязанности, оставаясь одинаково уравновешенным в успехе и в неудаче, совершай деяния в слиянии с Божественным».

Верю, что ты вернешься. Жду Тебя, друг мой.

Тулола. Сентябрь 1918 г.

Милосердие

Наивное народное действо в семи картинах

Картина первая

Высокое помещение с открытыми пролетами колонн в глубине. На первом плане с двух сторон поднимаются снизу две лестницы. В пролеты колонн видно небо, освещенное пожарами. Яркие клубы дыма и искр. Слышны звуки труб и рожков. Битва. Временами — глухие удары камнеметов и стенобитных орудий. Все время, то удаляясь, то приближаясь, — лающая человеческая толпа: ау, ау, ау! Посередине за столом — старейшины. В пурпурных плащах. По лестницам снизу вбегают вестники, иногда истерзанные и раненые. Общий тон картины похож на «Зарево»²³³.

Первый вестник (*продолжая весть*). ...Ими овладело безумие. Наши отступают. Вождь ошибся. Он вступил в переговоры. Он собрал пленных и отпустил их. Они все высмотрели. Все узнали. Сегодня они опять бьются. Им дали новое оружие. Они уверены теперь, что позволено все. Думают, что они знают.

Второй старейшина (*шепчет*). Опять переговоры! Или трус? Или глупец? Третий старейшина. Он отпустил заложников...

Второй вестник. Они ворвались в школы! Избивают юношей! Гибнут надежды народа. Их терзают восставшие против знания. Учителям они угрожают.

Третий вестник. Они захватили женщин. Влекут их. Насилуют. Если бы вы видели ужас! Они...

Четвертый вестник. Они пробили стены Палаты. Захватили кованые сундуки. Похитили священные сосуды. Ломают. Похищают золото и камни.

Пятый вестник. Они волокли за ноги раненых. Они разбивают черепа о перила. Они сбрасывают в воду. Топят камнями. Врачей они избивали.

Шестой вестник. Подожжены лучшие здания. Разрывали изображения. Разбивали лучшие статуи. Книги уничтожали. Выпущены из тюрем все убийцы. Преступники стали во главе избивающих. Кто-то платит им золото. Я сам видел, как сыпали монеты.

Седьмой вестник. Кто-то их опьяняет. Они грозят уничтожить знание. Здание Правосудия только что рухнуло. Я видел людей, обремененных добычей. Откуда столько грабителей? Неужели они скрывались здесь, между нами? Худо там, худо...

Первая старуха. Они изнасиловали моих дочерей. Им все можно. Говорят: «Старейшины, истребите злодеев!»

Вторая старуха. Мечь грабителям! Они уничтожили целебные составы. Они издевались. Школа моя истреблена. Посмотрите на моих учениц Милосердия! Найдите их, уведенных войсками. Или это все нужно? Вы мудрецы!

²³³ «Зарево» — картина Н. К. Рериха.

Третья старуха. Или вы обессилели, старейшины? Люди вы или нет? Или грабителей вы послали?

Четвертая старуха. Или и вам заплатили золотом? За кровь наших детей!! Где ваше мудрое знание? Вы ослепли?

Пятая старуха. Моего сына тащили обнаженным. По камням тащили. И били! За то, что он был в школе. За то, что учиться хотел. Ваше знание искал. Учителей там задушили арканом.

Шестая старуха. Всех больных волокли по земле. Содрали с них одежды. Бросили их в подвалы укреплений. Неужели вы можете слушать мою весть?

Седьмая старуха. Они в храмах плясали. Священнослужителей убили. Хо-хо! Хо-хо! Там весело. Теперь идут вас задушить. Хо-хо! Там весело. Красно там. У вас тут темно. Хо-хо!

Семь стариков (*спеша и перебивая друг друга*). Они уничтожили все наши книги... Пропали знаки о новых звездных путях... Изображения камней и толкования в них заключенного разорваны... Линии звуков нарушены... все гибнет...

Первый земледелец. Все было спокойно. Мы кончали пашню. Готовились сеять. Вдруг всадник. Кричит: «Будут искать!» Что искать, мы не знали. Будут обыскивать. А там уже идут убийцы. С оружием пришли. Начали убивать...

Второй земледелец. Моим коням глаза выкололи. Овец заперли в хлев и сожгли. Овцы кричали человеческим голосом. Так громко...

Третий земледелец. Топили в реке зерно. Искали школы, чтобы их уничтожить. Учителя избили до смерти. Бороду вырвали. Дали молиться ему. Ждали. И растерзали потом. Спокойно терзали.

Четвертый земледелец. Где помогающие? С трудом я пробрался. Всего оборвали... Куда надо сообщить? Меня прислали просить помощь. Там уже сожгли, может быть! При мне убили священника. Моего соседа, белого — ему сто лет, — поймали, избивали уже. Не давали проститься с семьей. Глаза выбили. Его сыновьям камни привязали на шею. Бросили... Куда сказать?.. Кто поможет?.. Научите... Я с ними прошел... Я ничего не прибавил... Только правду... Соседи знают... Научите ж, куда сказать... Где помогающие?

Второй старейшина. Видите? Чуете? Поняли? Теперь помогите! Молчание!

Сумасшедший (*незаметно протолкался*). Где же пожар? А у них у всех крылья. Они летают — красные птицы. Я полечу с ними... (*Убегает.*)

Старейшина. Выйдите, старцы. Выйдите, вестники. Мы обдумаем спасение знания. Наша скала неприступна. Велики запасы. Кто с нами, собирайтесь на нижнем дворе. И в храме. И по всем переходам. Идите!

Уходят.

Братья, а вы думайте все. Если бы мы знали, что они хотят насадить новое знание. Но они хотят только разрушить. Они думают, что из разрушения само возникнет новое знание. Глупцы! Мнят, что толпа может творить знание...

Второй старейшина (*перебивая*). Нет, они ничего не думают. Они идут путем лжи. Им надо только разрушить...

Третий старейшина. Они одержимы темными силами. Но они их не видят! Темные сами!

Старейшина (*продолжая*). Но мы знаем, что противостоит их разрушениям. Умереть знание не может. Только народ все еще не уверен в бессмертии знания. Бедные! А мы знаем. И потому мы не боимся...

Второй старейшина (*перебивая*). Но надо остановить ужас. Глупцы, уже тронули то, что их уничтожит. Знание! Просветленное.

Шестой старейшина. Как могли народ обмануть!

Восьмой старейшина. Где же мудрость?!

Девятый старейшина. Где благо?

Четвертый старейшина. Как же могут быть вождями народа люди, уличенные в преступлениях? Неужели могут вести народ ко благу, которые сами творили зло?

Пятый старейшина. Они поведут ко лжи... Они отдадут врагам землю!

Старейшина. Знание...

Четвертый старейшина. Или приходит последний час знания?

Старейшина (*перебиваемый шумом*). Для знания нет последнего часа. Братья, мыслите! Вы сомнений не знаете. Нам толпы не страшны. Народный ум помутился. Слышали, и нам кричали, что мы продались. Кому мы можем продаться? Мы, мечтавшие всегда о дубраве! При блеске пожара я говорю о дубраве тишайшей. Но глупцы опять хотят отдалить радость мира. Единство им ненавистно. Для народа должны мы знание сберечь...

Второй старейшина. Наше знание бессильно. Обернитесь. Смотрите.

Седьмой старейшина. А я говорю, отдайте им все. Пусть возьмут. Тайны им недоступны. Может быть, время пришло. Знание мы унесем. В дубраву уйдем. Или погибнем. Все равно сохраним. Неужели вы будете с толпой состязаться? Разве для вас страшен огонь пожара? Вас он не опалит. Главное — сохранить знание. Время пришло. Огнем Владыко дохнул.

Шестой и пятый старейшины. Время пришло!

Восьмой старейшина. Разве мы знаем время? Скрыты сроки! Вижу разрушение. Что-то должно погибнуть. Насилие должно погибнуть. Эти толпы погибнуть должны. Вожди их погибнуть должны. Что мы знаем?

Второй старейшина. Помните, что в гневе и лицо пророка становилось страшным. Умейте быть грозным.

Девятый старейшина. Брат, ты знаешь, что углубление знания не приходит во лжи и насилии. Свободная, мирная воля знание творит. То, что мы видим, не утверждает и не творит. Время еще не пришло.

Восьмой старейшина. Что мы знаем о времени? Ничего мы не знаем.

Десятый старейшина (*самый древний, как бы пророчествуя*). Грохочут железом обитые ворота. По каменному полу стучат спешные шаги. От града до града. Спешим. Куда ходим? Кто зовет? Кто пылает? Вы кончили ваши дела? Кричат для молчанья. Горят. А пепел очистит... Близится время.

Пятый старейшина. Я предлагаю открыть плотины и затопить весь город. Волна сметет безумцев.

Шестой старейшина. Вызовем грозу и ливень.

Первый старейшина. При смерти множеств погибнут невинные. Нам нужно отразить восставших против знания. Их гибель принять мы можем, но остальных должны мы оберечь.

Пятый старейшина. Кто отличит восставших? Когда мнутся толпы? Во тьме? В огне?

Третий старейшина. Время идет. Надо призвать могучие силы.

Четвертый старейшина. Безмолвный глас! Неслышный грохот! Призовите Сурендру Гайятри.

Пятый старейшина. Гайятри ушел от нас. Он людей уже знает. Он в тихой дубраве. Что заставит его вернуться? Вступить в огонь пожара?

Старейшина. Мы заставим его вернуться. Правда! Знание он защитит. Он откроет новые силы. Он придет сам.

Третьй старейшина. Силы он призовет. От людей он уже давно удалился. Прояснил его глаз. Его воля чиста.

Четвертый старейшина. Правда. Пойдемте все. Будем молить.

Одиннадцатый старейшина. Не попытаться ли еще толпу убедить? Объяснить им... Всем нам выйти. Знаменья дать. Объяснить им...

Старейшина. Вчера уже отвергли они все соглашения.

Второй старейшина. Идите к Гайятри. Он скажет, есть ли надежда еще. Утром мне сообщили, что враг новый поднялся на нас. Этот на кораблях, при ветре попутном уже миновал острова. К нам плывет, чтобы стадо злодеев усилить.

Двенадцатый старейшина. А наше безумное войско встречает с восторгом врага.

Восьмой старейшина. Не говорите так. Не надо так говорить. Это только предатели!

Девятый и одиннадцатый старейшины. Мы так мало знаем!

Четвертый старейшина. Спешите к Гайятри. Кто идет? Скорее!

Старейшина. Идите вы трое. Вы знаете тайны затворов ворот. К тайнику вы пройдете. Ходом подземным выйдете за реку. Там в кряже скалистом у белого круга. Оттуда видны Синие горы. Знаете, Гайятри там, у подножья. В дубраве. Просите. Ведите. Скорей!

Третий, пятый и шестой старейшины. Скорей! Скорей! (*Ушли.*)

Второй старейшина. Хранилища можно было сберечь. Мы время имели. Уже три дня говорили вожди. Только безумец все лгал. О толпах мы знали. Жидким огнем тогда можно было залить, спалить их. Приблизиться к ним самому. Начать самому. Если кто знает, что он защищает. Тогда знанию ничто не грозило бы. Дайте сказать. Среди огня и паденья скажу. Я говорил и писал вам. О ложном учении предупреждал...

Восьмой старейшина. Не укоряй!

Другие. Не надо!

Второй старейшина. Погодите... Я называл разрушителей. Письма прочтите. Все, что я говорил, все сбылось. О подкупках я говорил.

Другие. Не надо!

Второй старейшина. Нужно знать. О зачатках сборищ вы знали. Вы знали прибывших подкупных убийц. И преступных вы сами сюда допустили. Пленники вы! Знание вы защитить не могли. Дайте, дайте скажу...

За арками — особенный грохот. Взлетают столбы искр. Старейшины спешат к колоннам и застывают, уцепившись за камни.

Все. Рухнуло хранилище книг!.. (Шепот.) Не унесли свитки... Рухнуло знание... После нас никто уже не упомянет... Рухнуло... Рухнуло... Погребено...

Картина вторая

Дубрава тишайшая. (В зеленом.) Гайятри кормит птиц. На плечах у него — птицы. Проходит путник.

Гайятри. Давно ли видел людей, брат?

Путник. Недавно от них я. Все у них тихо. Все занимаются делами. Празднуют и торжествуют. Ищут забав. Почему ты ушел от людей? Как твое имя?

Гайятри. Я просто лесной. У меня здесь друзья. Их навестить я пришел.

Путник. Скучно тебе?

Гайятри (*смеясь*). Скучным я не родился. Светел мой праздник с друзьями.

П у т н и к . Друзья твои люди?

Г а и я т р и (*гладит птицу на плече*). Друзей не выдам своих.

П у т н и к . А ты не боишься, что люди тебя позабудут? Уйдут от тебя. Покинут. Слово людей не услышишь.

Г а и я т р и . Люди не уйдут. Улетают птицы. Убегают звери. Не уйдут люди. Придут. Принесут тяготу. Радость ищу я.

П у т н и к . Ты шутник. И весел. А знаешь ли страх?

Г а и я т р и . Не приходилось...

П у т н и к . Знаешь, когда стемнеет в лесу и звери с воем выходят. И змеи вьются на ветках...

Г а и я т р и . А пострашнее ты ничего не придумал?

П у т н и к . Или гроза и вихрь в горах? Это тоже ведь страшно?

Г а и я т р и . Друг, есть вещи страшнее, если ты любишь бояться. Тебе надо в город спешить. Там много страхов.

П у т н и к . А если убьют?

Г а и я т р и . Смотри, тамаринд на тебя упадет!

П у т н и к (*отскочил*). Где? И который?

Г а и я т р и . Друг, осторожней. Здесь бездонная яма.

П у т н и к (*отскочил*). Ты меня изведешь.

Г а и я т р и . Друг... Прочно стоят тамаринды. Крепка, как скала, здесь земля. Мирны здесь птицы, и звери здесь ласковы. Страхов здесь не найдешь. В город иди. Там страхи собрались. За спиною стоят. Шепчут через плечо. Дуют на шею. Полном скрипят. Бедные люди! Столько страха у них. Столько хлопот им страх доставляет. Бедные!

П у т н и к . Ты шутник! Наговоришь тут. А к вечеру, когда приду в харчевню или на хуторе я заночую, и начнет казаться. Тебе тут хорошо! (*Проходит*)

Г а и я т р и (*смеется вслед*). Не страшно со зверями и боязно за стенами харчевни. Люди! Когда звенят призывные песни птичьи, когда звенит все нечеловеческое и хранит дубрава звон священный, тогда думаю о людях.

М о л и т в а Г а и я т р и : Птицы Хомя прекрасные. Вы не любите землю. Вы на землю никогда не опуститесь. Птенцы ваши рождаются в облачных гнездах. Вы ближе к солнцу. Размыслим о нем, сверкающем. Но Дивы земли чудотворны. На вершинах гор и на дне морей прилежно ищи. Ты найдешь славный камень любви. В сердце своем ищи Вриндаван — обитель любви. Прилежно ищи — и найдешь. Да проникнет в нас луч ума. Тогда все подвижное утвердится. Тень станет телом. Дух воздуха возвратится на сушу. Сон в мысль превратится. Мы не будем уносимы бурей. Сдержим крылатых коней утра. Направим порывы вечерних ветров. Слово Твое — Океан истины. Кто направляет корабль наш к берегу? Майи, не ужасайтесь. Ее непомерную силу и власть мы преждем.

Слушайте! Слушайте!

Вы кончили споры и ссоры?

Вот молитва моя!

Порази в корень нищету моего сердца.

Песня, которую должен я спеть,
еще остается неспетой.

Ты призвал меня на праздник
этого мира, и тем благословенна
жизнь моя.

Могу ли я принести Тебе
мое безмолвное поклонение?

Мою молитву без слов,
без песнопения?

Мою молитву, которую будешь знать
только Ты?

Я пополнию сердце свое
Твоим молчанием и претерплю его.
Но придет солнце и утро, и Твое слово
вознесется песнею над каждым
птичьим гнездом. И Твои напевы
расцветут во всех лесных чашах.

В дубраве — призывы.

Уже приходят. Ушла тишина. Благодать ушла. Зовут. Призывают. Отозваться
нужно. *(Зовут.)* Как на зверя — загоном идут.

Перекликаются.

Старейшины. Гайятри! От камней города ушел ты под сень Араньяни... В
благодатной тишине ты остался... Тебя мы зовем.

Гайятри. Куда?

Старейшины. Брань воздвиглась. Противу знания безумцы восстали. Они
замыслили разбить священный сосуд. Мудрость Нильгири погибнуть должна. Гхат
и Кхунда хребты поникнут теперь. Город Гайя погибнет. Фальгу река зарастет.
Старейшины. Нет средств ужас разбить. Огонь и стрелы. Яд и смертельные
громы льются и сверху и снизу. Летят черные птицы. Враги заняли город. Школы
разбиты. Те, кто стремится к знанию, убиты, замучены.

Старейшины. К тебе приступаем. Люди в беде. Ждем твою помощь. Требуем
помощь. Покинуть их ты не можешь.

Старейшины. Забудь благую молитву. Ищи Смертное слово. Смертный глас
ты найди. Проси заклать победы.

Гайятри *(поникнув)*. Прощай, Араньяни. Прощай, серебро и золото неба.
Прощай, дубрава тишайшая.

Старейшины. Гайятри, наши зовы услышь. Мы к тебе приступили...

Старейшины. Молящиеся, сражающиеся, трудящиеся, служащие! Все ждут
тебя, Гайятри. Все просят. Все надеются.

Старейшины. Все гибнут...

Гайятри. Араньяни! Араньяни! Пою я хвалу Араньяни! Матери дикого зверя,
благоуханной, пряно-душистой, всех наделяющей пищей...

Старейшины. Не отступим! *(Следуют за Гайятри.)*

Картина третья

Заклинание на вершине горы. Лилово-синяя. Молния серебряная. Лучи на Гайятри голубые. Небо далекое. Потом сгущается туча. На вершине — круг белых камней. Гайятри ходит внутри круга, бросает стрелы острием наружу и поет заклать. Сожигает травы по кругу и поет второе заклать. Выходит на камень посередине и поет третье заклать. Стоит в молчании, полный сил и воли. Над головой вспыхивают три голубых луча. Гайятри опускается на колени. Всею силою молит.

Гайятри. Лев и лебедь! Орел и, олень! Бык, лев, орел! Бог земли, Бог звезд и
луны! Бог света и солнца! Индра! Не дай черный век! Истопились силы. Уснул
священный алмаз! Не отражает блуждающих духов. Не отвращает врагов. Дай
заклать на злобу! Дай заклать на силу! Заговор на победу! Дай врагов отразить!

Скажи слова Нагаима. Дай силу Екзола. Дай смертное слово! Глаз смертный открой. Якшазы открыли сокровища людям. Ракшазы людей возносили. Самьяза, вождь сынов неба, бог-змий и тот учил силе. Азазиель и тот научил оружие ковать. Амазарака и тот открыл тайные силы трав и корней. Они темные, злые. Ничтожные. А Ты можешь. Сила в Тебе!

Аллелу! Аллелу! Аллелу! Ты бесконечный. Ты ведущий. Ты — пришедший в молчании. Не дай погибнуть. Мудростью вершин соверши испытанье. Я неотступен. Аллелу! Аллелу! Аллелу!

*Сгущается туча. Гайятри остается в земном поклоне, как изваяние.
Молния без грома.*

Г о л о с (сверху). Не дам тебе ни Екзола, ни Нагаима. Ни против войска, ни для удачи. Не дам тебе Заадотота, ни Аддивата — ни против вражды, ни для отмщенья. Не дам тебе ни Каальдеба, ни Альсибена, ни против злобы — ни для вреда и разрыва. Не дам тебе смертное слово. Смертный глаз не открою. Заклятья все собираю.

Альшиль! Альзелаль! Алаальма! Ашмех! Каальдальбала! Каальда! Кальдебда! Оставлю! Забуду!

Анакс! Алюксер! Атаия! Атарс! Покончу! Покину! Дам другое. Вот — имеет отражения силу. Власть никому не откроет. Слушай! Идет один. Идет мирным. Идет в белой одежде. Идет без меча. Все сделанное тебе на них обратится. Все желаемое тебе да получат. Зло и добро. Хотящий зло да получит. Хотящий добро да примет. Воздастся каждому. Иди. Не медли. Испытание конца я свершу. Альм! Альм! Альгарфельмукор!

*Во время гласа — узоры молнии по небу.
Серебро по лиловому.*

Картина четвертая

*Широкий коридор со сводами. Наверху — круглые окна. У стен расположился народ. С имуществом. С детьми. Старики лежат. Из глубины потом выходит старейшина. Некоторые работают.
Другие лежат.*

Ж е н щ и н а . Кладов-то сколько опять захоронено. Будут искать!

С т а р и к . Я, как только услышал, что идут, сейчас сложил монетки в горшочки и закопал... Поставил значки...

В т о р а я ж е н щ и н а . А кто их найдет?

С т а р у х а . Сосед наш. Тот сложил золотые в котелок и в озеро опустил. Заметил все камни. Там где-то около Морды...

Т р е т ь я ж е н щ и н а . А если вода убудет? На озере?

М у ж ч и н а . Или зальет все знаки?

В т о р о й м у ж ч и н а . Кому эти все клады?

С т а р и к . Как полегчает, так и выроем их. Сами возьмем.

М у ж ч и н а . Сами ли?

В т о р о й с т а р и к . Слышали, что корабль, который первым бунт поднял, на скалу налетел. Потонул. Все утонули.

Ж е н щ и н а . Они шли без начальника. Мудрено ли?

В т о р о й с т а р и к . Тут не начальник! Тут перст! Указанье.

С т а р у х а . Мы сами тут на корабле.

М у ж ч и н а . На обломках...

С т а р и к . Здесь все-таки тепло. Мы и не знали, что в скале так много помещений.

Ж е н щ и н а . Мы вообще ничего не знаем. Скоро даже забудем, сколько дней мы здесь затворились. Отрезаны.

Д р у г о й с т а р и к . А пища хороша. Обильно кормят. Только надолго ли. А потом вдруг перестанут. Да выгонят. Откуда тогда возьмешь. И не выйти отсюда.

В т о р а я ж е н щ и н а . К ним пойдешь.

Т р е т ь я ж е н щ и н а . А мне все кажется, что наши не сумели согласиться. Еще бы раз поговорить. По-хорошему.

Ч е т в е р т а я ж е н щ и н а . Чего там изгонять знание! Да у нас и без того знания мало. Что мы знаем?

П я т а я и ш е с т а я ж е н щ и н ы . Ничего мы не знаем.

Т р е т и й с т а р и к . Я говорил. Давно говорил, чтобы не напирали так уж на школы. Все учены. В наше время учились меньше, а знали, пожалуй, столько же.

В о с ь м а я ж е н щ и н а . И долго ли нас будут здесь держать?

Д е в я т а я ж е н щ и н а . Да уж они знают лучше нас.

В о с ь м а я ж е н щ и н а . Ты всегда за них.

С т а р и к . И вообще пусть нам скажут.

Т р е т ь я ж е н щ и н а . Пусть все скажут. Мне кажется, они что-то скрывают. Всегда что-то прячут.

Д е с я т а я ж е н щ и н а . Они любят таиться.

М у ж ч и н а . Зла мы от них не видали.

В т о р о й м у ж ч и н а . Все, что они показали, полезно.

М о л о д а я ж е н щ и н а . И учат они хорошо.

В т о р а я м о л о д а я ж е н щ и н а . Ласково учат. От их учителей дурного слова не услышишь. *(Спрашивает мальчика.)* Хорошо тебе там, в школе?

М а л ь ч и к . Хорошо. Ух хорошо! И объясняют здорово. А тот у нас толстый, такой добрый. И другой, нестриженный...

С т а р и к *(перебивает)*. Насчет ученья все-таки хорошо. А только мы не знаем ничего.

Ч е т в е р т а я и п я т а я ж е н щ и н ы *(вместе)*. Да-да, не знаем.

С т а р у х а . Надо бы спросить их толком.

С т а р и к . На что у них надежда?

В т о р о й с т а р и к . А то от смерти да в тюрьму попали.

С т а р у х а . Свету-то не видишь.

Ш е с т о й с т а р и к . А главное, надолго ли? Надолго ли?

М у ж ч и н а . Они знают. Не надо мешать им.

Т р е т и й м у ж ч и н а . Вестники говорят, что еще очень беспокойно.

Ч е т в е р т ы й м у ж ч и н а . Утром говорили, что битва еще идет. О каких сроках думать?

С т а р и к . Все ждем. И счет дням потеряли. Вести все хуже и хуже. Мы умрем с голода.

В н у к *(подросток)*. Дедушка, а если нам взять деньги от тех, тогда мы не умрем. Многие взяли их деньги и живут весело. У них песни и пляски. Мне говорили...

С т а р и к . Замолчи. Тут оглупеть с вами. Тоже сказал: взять деньги. Их деньги жгутся.

Ж е н щ и н а . Многие взяли и не обожглись.

С т а р и к . Но зато мы охраняем знание. Так нам сказали.

С т а р у х а . Оглупел ты со своим знанием.

С т а р и к . Но все-таки пусть нам скажут.

С т а р у х а . Ведь можем же спросить.

Другой старик. А? Хорошо бы узнать.
Шестая, седьмая и восьмая женщины *(вместе)*. Правда, спросим?
Третья старуха. Пошлем кого потолковей.
Четвертая старуха. Пусть мужчина этот сходит.
Старик. И я схожу. Узнаем.
Старуха. А то сомнение все.

Те идут по коридору.

Четвертая старуха. Пусть пошли. Тут недолго.
Шестая старуха. Тоже не знаем... Что вышло с нашими? Где они остались?
Когда затворялись, не видать их было. Рассеялись! Точно ветром раздуло.
Девятая старуха. Может быть, тоже схоронились где-нибудь.
Старик. Тут такое обширное помещение, что мы не знаем толком, кто здесь собрался! Пускали с разных ворот.
Старуха. Эти наши, хоть и женщины, а тоже воевать собрались. Снарядились. Ворота охраняли.
Мужчина. И охраняли храбро. Такие подобались расторопные.
Десятая старуха. А как они захватили моего мальчика, потащили, он-то бьется! Кричит во весь голос. А они-то копьями по головке так и норовят... Продались им наши начальники...
Женщина *(под черным покрывалом)*. А мой-то! Мой мальчик!
Все *(шепчут)*. Не трогайте ее... Она поклялась мстить.
Мужчина. Сколько мстителей! Страна содрогнется от мести.
Старуха. А разве мы забудем? Еще увидишь, как припомним.
Другой старик. Не забуду!

По коридору идут старейшина и посланные. По пути старейшина останавливается, наклоняется к лежащим, возлагает руки. Все копошатся и двигаются за ним.

Старейшина. Братья! Вы хотели, чтобы я сказал вам. Будьте спокойными. Кто здесь затворился — выйдет спасенным. Приняты меры. Вам здесь не угрожает ничто. Запасы наши велики. Защищены наши входы. Злодеи сюда не проникнут. Вы здесь в обители знания. Помните и теперь и после, всегда: вас защитит только знание.
Старик. А долго ли нам здесь оставаться?
Старейшина. Это не знаю. Вокруг нашей твердыни кипит еще битва. Конца я не вижу. Но знайте: вас здесь брань не коснется. Отсюда ваш путь только во благо.
Десятая старуха. Еще позволь поспросить. А будет казнь злодеям? Такая, чтобы земля содрогнулась.
Двенадцатая старуха. Почернели бы горы.
Восьмая старуха. На деревьях листья б свернулись.
Старик. Злодеев казните? Будем ли мы избавлены от всех разрушавших храмы? Только когда их не будет, можно вздохнуть. А ты начнешь подозревать невиновных... Не ты? Не ты ли? Не был ли с ними?
Старуха. Нам нужно знать, что их уже больше нет. Не существует.
Старик. Тогда мы успокоимся.
Старейшина. Будет суд справедливый. От суда они не уйдут. Все будет ко благу.

(Уходит.)

Старик. Слышали, как грозно сказал: «Будет суд!»?

Старуха. Там их рассудят!

Десятая старуха. Я бы так рассудила, чтобы по всему свету помнили казнь.

Другой старик. В старину убийцам и грабителям заливали горло свинцом, а перед тем отрубали обе руки.

Третий старик. Их надо заклеить. Вот так на лбу надо выжечь — «убийца» и гнать по свету.

Женщина. Кормить и гнать. Подлечить и гнать. Чтобы не имели ни минуты покоя.

Мужчина. Чего тут возиться! Отрубить головы.

Старуха. Вот так, просто срубить голову. Что же это за казнь. А вот выдергать их волосенки, осмолить, обвалить пухом и возить по базару.

Старик. В клетках держать!

Второй мужчина. Велику клетку надо построить, чтобы вместить убийц.

Четвертый старик. Еще тут с клеткой трудиться. Повесить! Подержать, подержать, да отпустить. Да опять вздернуть!

Вторая молодая женщина. Сколько злобы-то. Злоба-то велика.

Шестая старуха. Нет, слушайте. Вот я скажу: ослепить их. Да вывихнуть руки, так и пустить бродить их по свету. Вспомнят тогда на досуге все свои гадости.

Вторая старуха. Еще тут кормить их придется. Будут шлаться, канючить...

Народ зла долго не помнит, начнут с ними возиться...

Женщина. Только всех объедят. Будут таскаться...

Старик. Мелких преступных пускали с клеймом и без ушей. А всех убийц и злодеев казнили смертью. Скоро казнили. А казнь была по заслуге. Рубили помост. Видный для всех. Палачи на нем и казнили. Народу всегда ходило много...

Пятый старик. Все началось, когда отменили смертную казнь. Я сразу тогда говорил, что не к добру. Как же человеку без казни прожить?

Старуха. Мы вот все соберемся, когда будут судить. И подадим прошение. Скажем, чтобы была смертная казнь. Чтобы судили по-божески, без слабостей человеческих.

Четвертый старик. И подадим. Приступим крепко. Так и напишем, как в старину: поднявший меч от меча да погибнет. Так всегда говорили.

Третья старуха. Справедливо. Весьма справедливо. Напишем и подадим. Приступим крепко.

Пятая, шестая и седьмая старухи *(вместе)*. Неотступно приступим.

Восьмой и девятый старики. Мы не сдадим.

Десятый, двенадцатый и четырнадцатый старики. Наша воля.

Картина пятая

Старейшины

В башне. Огневое освещение. Сидят около стен и работают. Пишут. Чертят. Складывают листы рукописей и изображений. Работают углубленно и спешно.

Женщина-воин *(контральто или альт, поет за сценой)*.

Огни на горах зажигайте!

Те, что на нас поднялись,
Назад уже не вернуться.
Жгите светлые огни,
Осветите им путь последний.

После пения — молчание. Шелестят листы свитков.

Одиннадцатый старейшина. Тишина-то какая! Ведь мы забыли о ней. Творить. Складывать. Узнавать. Какая радость!

Двенадцатый старейшина. Откуда в народе зверь поднялся? Когда не видишь народа. Так к нему тянет. Так хочется учить его. Но и Пророк говорил: дурным людям кланяйтесь издали.

Второй старейшина. А когда вместо человека выходит зверь. И мы не знаем его речи. И он не понимает слов человеческих. Тут уж не близко и не далеко. Просто нет сообщения.

Третий старейшина. Неужели это все нужно? Неужели нужны крупницы зла, которых так много разлетелось? Гибельно осядут они на народе. Мы можем уйти. Они ведь не могут уйти...

Седьмой старейшина. Надолго, надолго мрак!

Восьмой старейшина. Но и звери не грызут друг друга!

Десятый старейшина. Нельзя себе ничего представить. Воображение бессильно. Откуда эта подкупность? Откуда кровожадность? Грабительство откуда? И глупость и мерзость — все вместе.

Второй старейшина. И сколько подвигов! Точно ненужных... Сколько героизма и силы проявилось наряду со зверством. И точно ни к чему.

Третий старейшина. Кто знает. Мы ничего не знаем.

Второй старейшина. Главное — работайте. В том, что мы делаем сейчас, столько прелести. Все это не для нас. Нам это все не нужно. Все это безымянное передается кому-то нам неизвестному. И он никогда не будет знать, какие люди это творили. Была ли у них радость, могли ли чувствовать они горе. Познающий будет считать нас, кто знает, какими мудрецами...

Старейшина. А мы ученики...

Четвертый старейшина. Работники без дня, без срока...

Пятый старейшина. Научится когда-нибудь народ работать? В жизни столько облегчений внесено, а все становится труднее и сложнее. И перед нами непочатая работа. Все сначала.

Третий старейшина. Смертельно жаль сокровищ творчества. Уже века они прожили, радость получали — и для того, чтобы погибнуть от темных рук. Другие люди, те, что были раньше, — те стражи были лучше. Их сберегли они. А нам досталась судьба предать их черни.

Десятый старейшина. Мы много ужасов еще не знаем.

Восьмой старейшина. Страшней вестей воображение не вмещает. Разграблены сокровища Кремля. И храмы сожжены. И стенопись тончайшая погибла. Нерукотворная резьба смелась незаменимо. Подумайте — незаменимо! Подумайте, как языки огня лизали стены храма. И в пламени испепелялись лики. А нимбы в пламени сияли. Чтобы исчезнуть. Невозможно верить таким вестям.

Второй старейшина. А тот безумец или глупец еще писал: сложить все достояния в кучу. Грабьте. На всех вас хватит. К кому он обращался? Кого он призывал? Безумец старый. Не знал он ничего. Не знал он человека. Не знал путей... Был темен дух его...

Девятый старейшина. Вызвать силы может всякий. Заклясть их, обернуть в пределы — на это нужно знание.

Восьмой старейшина. Разгромлены сокровища Кремля! Ужасно знать! Второй старейшина. Еще страшней, стыдней, что все узнают. Зачем такой народ наш? Нигде я не читал, чтобы народ уничтожал свое все достояние сам. Чтобы свое могущество рассеял сам.

Двенадцатый старейшина. Всем странам на презренье. Нигде я не читал, нигде народ своими руками не уничтожил достояние свое. И, наконец, своих вождей они схватили и их же мучали. Пытались сжечь. Сварить в котлах хотели.

Десятый старейшина. Безумие. Позорное безумие. Разве это люди?

Старейшина. Перед победой знания всегда возможен бунт дикой черни. Мрак борется со светом. Все бои последние — всегда страшнее! В этом движении учения не ищите. Тут бунт! Грабеж! Захваты! Стремление личное к обогащению. К власти. Малое знание страшней всего. Доносят нам, что вожаки восставших уже в бессилии стремятся скрыться, уйти от власти.

Второй старейшина. Какая власть, когда и хлеба они достать не могут. Опять мы хлеб достанем. Чем заменить его, мы знаем. Лишь бы не замерла душа народа. Ее восстановить задача долгая. Чтобы учение тела не взяло верх над духом... *(работают)*.

Старейшина. Опять мы за работой. Точно ничто не случилось. Дни безумия уже кажутся далекими. Их отделяет от нас воскрешаемое знание. Кое-что мы успели записать. И сохранить. Наши тайники никому не известны. Подземные ходы стали сказкою. Уже давно не живут построившие их.

Второй старейшина. Но о ходах все еще говорят.

Старейшина. Говорят, но ничего не знают. Остались молва, сказки. Но найти их еще нельзя. Сквозь эти скалы ни глаз, ни рука, ни сердце еще не проникнет. Еще нужны тайны.

Восьмой старейшина. Мне напомнила наша работа, как мы и еще те, которых нет с нами, так же трудились, когда кончали наш главный тайник.

Третий старейшина. Многое, что мы опять подтверждаем, уже внесено в тайники.

Второй старейшина. Наверно! Но лучше подтвердить. И потом в этой работе время идет незаметно.

Девятый старейшина. Я утратил состав лучей для знаков Урану. Те, что для Сатурна, недостаточно сильны.

Двенадцатый старейшина. Не забудь о Кассиагене.

Старейшина. Сколько еще записать необходимо. Конечно, жаль Александрийские свитки, но содержание их нам известно. А формулы в них неточными бывали. Не знаем, которым из списков мы владели.

Седьмой старейшина. Я записал последнее пророчество. Так ли помню его: «Слушайте, гнушающиеся правосудием и искривляющие все прямое, созидающие город кровью и царство преступлением. Там, где судят за подарки, и поучают за плату, и порицают за деньги. За вас дома будут распаханы плугом, и гора храма станет лесистым холмом. Выйдет чудовище. И наполнит город. И пожрет самое себя».

Старейшина. Последнее иначе: «И возникнет чудовище. И наполнит землю! И воздаст себе!» Пророк так говорил. Но время пророчества, установить трудно. Думается, что оно к безумию нашему...

Пятый старейшина. Как знать! Мы ничего не знаем.

Второй старейшина. Ведь это было последним указанием. После него Пророк удался.

Восьмой старейшина. Ничего равного нашему безумию нигде не возникало теперь.

Десятый старейшина. А это старое пророчество. Помните? *(Находит*

список и читает.) «Близок день, близок — и весьма поспешает. Горько возопиет тогда и самый храбрый. День гнева,— день тот, день скорби и тесноты, день опустошения и разорения, день тьмы и мрака, день облака и мглы, день трубы и бранного клича против всех укрепленных городов и всех высоких башен. И стесню я людей, и приведу их в трепет, и они будут ходить, как слепые, потому что они согрешили, и разметана будет кровь их, как прах, и плоть их — как помет. Ни серебро их, ни золото их не спасет их в день гнева, и огнем пожрана будет вся эта земля, ибо смерть и истребление свершится над всеми жителями земли». Не к нам оно?

Третий и второй старейшины. Кто знает!.. Это давнее.

Старейшина. И всегда будут повторять его. Еще непрочно знание. И еще много раз отступит оно от мира. И бесчисленно раз предаст мир знание. Укрепим тайники наши и утвердим сокрытые ходы. Они еще нужны. Еще долго нужны.

Третий старейшина. Исчезнет все разбираемое нами. Испепелятся листы. Камень прочнее всего. На каменных плитах надо запечатлеть знание и раскидать по вершинам. Или сложить в тайниках храма...

Пятый старейшина. Все тайники. А когда же праздник знания? Когда можно будет доверить знание людям?

Второй старейшина. И будет, когда наследие наше вынесут всенародно и безопасно для знания!

Третий старейшина. Как знать! Мы ничего не знаем.

Восьмой старейшина. Будет все-таки... Будет свет... Будет радость. И наша страна не погибнет!

Старейшина. Это ясно, и твердить об этом не следует. От нас зависит приблизить праздник Духа.

Третий старейшина. Заметили вы? Гонцы приносят вести противоречивые. Не знаем, чему верить. Оставшиеся с нами начали верить всему. Каждую минуту им нужна новая весть. Они упиваются грозой. Мне кажется, что они будут долго страшиться тишины. Сколько зла в воздухе! Как оно подавляет ум народа!

Седьмой старейшина. Вот и еще нам защитник. Последний защитник.

Вождь. Там ослабели. Стрелки за башней остались. Камнеметатель разрушен. Спросите. Кажется, жидкий огонь на исходе. В ворота «Гоненья» впустите всех меченосцев. С ними немного лучников еще оставалось. И затворите ворота. И сдвиньте скалу. Сюда не взойдут. Не выйдем и мы. Впрочем, я уже уйду. Меченосцев хвалите. Такую защиту вы никогда не имели. Мне трудно. Наложите руки. Легче. Отгоните. Или не успею сказать. У верхних зубцов хранился жидкий огонь. Сверху можете лить. Если бы тот не солгал. Если бы пленных не отпустил, все было бы иначе. Я ведь не хотел... Я говорил... Вы знали...

Старейшина *(возлагает руку)*. Брат, мы знаем. Ты идешь героем. Ты приготовил себе путь славный. А здесь? Никто не живет вечно, брат, и ничто не длится долго. Помни это и радуйся. Знание драгоценно для нас, потому что никогда не достанет у нас времени им овладеть. Все завершается в вечных небесах. Но земные цветы мечты вечно цветут. Брат, помни это и радуйся... Он радуется уже не с нами. Героя в храм отнесите. Все будет так, как должно быть.

Врач *(старейшине)*. Острие я не вынул. Это продлило на минуту жизнь его. Он хотел вас увидеть.

Старейшина. Все будет так, как должно быть. Опять ждем мы. Не будет соглашения. Мы будем долго отрезаны. Разве нет у нас очага? И кто ожидает возврат наш? Очага, услажденного ласковыми заботами? И свет очага погас ради знания.

Десятый старейшина. Мы мало знаем.

Седьмой старейшина. Ничего мы не знаем. Мы еще не умеем исчезать. Мы не имеем смертного глаза.

Третий старейшина. Мы еще не можем строить словом. Сдвигать жезлом громады и скалы.

Старейшина. Но вы уже знаете, что это все бывает. Разве это не знание? Мешала вам боязливость. Мешала приверженность толпе и земле. Но все-таки и вы уже можете распознавать содержание земной глубины. Вы творите пищу. Вы уже куετε ковкое стекло. Вы уже знаете омываемые огнем несгораемые одежды... Вы сносите с планетами... Многое, что уже знаете. Могли бы знать уже несравненно больше.

Самый древний (*бормочет*). Агламид, повелитель змия, Артан, Арион, слышите вы?... Лев пустынного поля... Сгинь, пропади, лихой...

Старейшина. Зачем зря повторяет? То, что имеет иное значение?

Восьмой старейшина. Нам надо пытаться. А если Гайятри не придет? Его не найдут? Если он удалился в пустыню? Или скрылся в камне? Надо пытаться. Надо самим призывать силы. Кроме нашего знания, мы не знаем много.

Третий, четвертый и девятый старейшины. Не знаем. Не знаем.

Второй старейшина. И все-таки что-то уже близко.

Третий старейшина. Началось, когда из жизни ушла тишина.

Одиннадцатый старейшина. Но можно ли было думать, что опять в жизнь войдет разрушение?

Двенадцатый старейшина. Если уничтожались древние царства, если стирались города до земли? То отчего не могло опять придти разрушение? Знание еще не совершенно.

Второй старейшина. И потом, эти чужие. Зачем пришедшие? Знание они всегда презирали. Их наука была так бедна и ничтожна. Дальше ничтожных границ тела они не пытались идти. А зло несовершенства породило уродство.

Старейшина. С высокой ступени сверглось человечество. Когда поднимется вновь?

Второй старейшина. Чем поднимется?

Третий старейшина. Кто остановит безумство?

Двенадцатый старейшина. Пути — в пророчествах. Трудно понять их. Но теперь поняли мы, о чем сказано было: и возникнет чудовище! И наполнит землю! И воздаст себе! Так? Что это значит? «И воздаст себе».

Второй старейшина. И все-таки что-то уж близко. (*Слушает.*)

Третий старейшина. Надо открыть окно.

Старейшина. Не открывайте. При огне соединим наши желания. Сделаем круг. Сомкнитесь. Желайте. Если мы, умертвив желания, все пожелаем сразу, это создаст чудную силу.

В башне вихрь колеблет пламя. Стук в дверь.

Старейшина. Надо спросить...

Женщина (*вооруженная*). Чудо! Чудо! Откройте!

Старейшина. Кто пришел? Войди!

Женщина. Чудо! С башни Духа заметили мы странное. Какая-то весть обежала врагов. И смутила. К бою прибрались они. Ожидали. Но от нас отвернулись. Вдали уже бой разгорелся. Мы слышали рев. Камнеметы гремели. Целые полчища выли. Кому-то грозили. И устремлялись куда-то. От близости чуда мы трепетали. И ждали. И вот замечаем. Идет там один. Идет мирным. Идет в белой одежде. Идет без меча.

Старейшина. Что случилось?
Женщина. Идет. Идет белый и тихий. Без копья и меча. Без зла и угрозы.
Старейшина. Что случилось?
Женщина. Пустили враги в него стрелы, натертые ядом. И стрелы обратились, их самих поразили. Другие метнули копья в него. И упали пронзенными. Ядом плеснули — и попадали в корчах.
Старейшина. Что случилось!
Женщина. Пустили жидкий огонь — и вспыхнули все. Полчища гибнут своею рукою. Злобою дух преисполнен. Местью сердце раздулось.
Старейшина. Что случилось!
Женщина. Рушат и жгут. Отравили озера и реки. Бросили огненный дождь. Прокричали проклятья. Горят и тонут. В корчах чернеют. Режут и душат сами себя.
Старейшина. Что случилось! Забыли добро. Добрый глаз затемнили. Вот случилось!
Женщина. Гибнут безумные. Силой врагов проходит он город. Прошел селенья, врата и мосты. Гибнут безумцы. Он стоит. Велико его знание. Он близко. Идите. Встречайте.
Второй старейшина. Пришло!
Старейшина. Зло замолчало. Он — Гайятри пришел.

Спешат.

Картина шестая

Заключенные

Подземелье. На первом плане — силуэты многих узников. Звяканье цепей. Сзади — мутная тепло-зеленоватая стена. Через нее потом появляется Гайятри.

Первый осужденный. Он человек противу всех пошел.
Второй осужденный. Сила у него. Если бы ему на пути попались, не были бы мы здесь.
Третий осужденный. И здесь нас не помилуют. Вот увидите. Придумают что-нибудь.
Четвертый осужденный. На рудники пошлют.
Девятый осужденный. А мы убежим.
Пятый осужденный. Всякий надеется убежать. В этом сила. Только без головы ноги не побегут. А голову-то нам снимут. Не убежать!
Шестой осужденный. Снимут голову! Ох снимут!
Второй осужденный. К диаволу этого колдуна. Испортил все дело. Власть была за нами. Все было наше. Имущества были наши.
Восьмой осужденный. Почти. Старейшины и иноземцы нас не признали.
Шестой осужденный. К диаволу иноземцев. Нам на них не жениться. А вот нам головы срубят.
Четвертый осужденный. Все бы дал, чтобы утечь, избежать.
Десятый осужденный. Боюсь смерти! Всегда боялся.
Третий осужденный. Если кто вызволит, поклонюсь земно.
Пятый осужденный. Все отдам! Обещаю уйти далеко.
Правда, уйду! Диавол с ним! Пусть остаются, лишь бы отпустили.
Десятый осужденный. Только не отпустят.

В с е . Не отпустят.

Г а й я т р и *(появляется через стену)*. Хотите, чтобы вас здесь не казнили?

О с у ж д е н н ы е . Он, он! Осторожней!

(Шепчут.)

Т р е т и й о с у ж д е н н ы й . Господин, просим тебя нас избавить и помиловать.

В с е . Помилуй от казни.

Ш е с т о й о с у ж д е н н ы й . В могуществе своем пощади нас.

В о с ь м о й о с у ж д е н н ы й . Только бы нас отпустили живыми.

П е р в ы й о с у ж д е н н ы й . Если не избежать рудников, это ничего. Мы отработаем.

Г а й я т р и . И убежим. Думаешь ты.

В с е . Мысли знает... Осторожней.

Г а й я т р и . Как мыслить осторожней? Зло скроете в словах, но в мыслях зло явно. От казни здесь освободить могу вас. Если вы хотите. Если вы решили просить об этом. Скажите.

В с е . Господин, мы просим... Смиренно просим... Убереги от казни... Помилуй...

Только бы нас отпустили... А мы уйдем. Поклянемся. Ты будь спокоен.

Г а й я т р и . От казни здесь я вас освобождаю — сказал я. Но только здесь людская казнь вас минет. Так, решено, если вы сами захотели. Вольным путем идете вы. Теперь я покажу вам, что в жизнях будущих вас ожидает. *(Показывает картины.)* О с у ж д е н н ы е . Кто эти прокаженные?... У них отваливаются члены.

Г а й я т р и . Это вы!

О с у ж д е н н ы е . Их кормит девушка!.. Она из знатных.

Г а й я т р и . Вы ее замучали теперь.

О с у ж д е н н ы е . Какие слепцы. Они голодны. Они грызут кость. Отняли у собаки.

Г а й я т р и . Это вы!

О с у ж д е н н ы е . Смотрите — тонут. И ледяные волны... За лед схватились и коченеют... Ужасные лица.

Г а й я т р и . Это вы!

О с у ж д е н н ы е . Один схватился. Кажется, спасется.

Г а й я т р и . Он тоже согрешил, но был убит. Его судьба не так жестока.

О с у ж д е н н ы е . Волки разрывают человека. Глаза вырвали. А жив он. Изгрызли ноги. В грудь впились. Другому перегрызают горло.

Г а й я т р и . И это вы!

О с у ж д е н н ы е . Мальчишки гонят человека. Бросают камни. Голову пробили. Подшибли ногу.

Г а й я т р и . Он из вас!

О с у ж д е н н ы е . Мятежные полки на копья поднимают. В ров бросили. Живых. Друг друга давят. Как черви шевелятся!

Г а й я т р и . И это вы!

О с у ж д е н н ы е . Сгоревшие в пожаре! Отравленные ядом! Бесконечные муки! Смотреть нельзя. Не надо.

Г а й я т р и . Вы многого не знаете еще, что вам грозит. Определено вам. И неизбежно. Вы слышите: для вас все это неизбежно. Сковали крепко вы эти ваши цепи. Ничто их не разрушит. Я показал судьбу вам. От казни вы просили вас избавить. Я поклялся вам. Избавлю вас. Чтобы свою судьбу вы претворили в жизнь.

О с у ж д е н н ы е . Не уходи! Скажи, ведь ты устрашал нас? Мы знаем, что ты устрашал. И устрашил. Стало так тяжело. Не знаем, как останемся, когда уйдешь.

Мы изменим судьбу. Мы убьем друг друга.

Г а й я т р и . Судьбу измените вы. Ухудшите ее безмерно. И новые века страданий вы призовете на себя. Подумайте: века! Необъяснимые страдания, без выхода, без облегчения. Без оправдания! Вы будете искать спасения, не помня, что закрыли путь к нему вы сами. Только сами. Строители несчастные! А будете изливать печали и жалобы на всех. Вы созданы свободными и сами куете каждый шаг при жизни вашей. Вы — кузнецы! Себе сковали цепи! (*Исчезает.*)

Осужденные воют.

Картина седьмая

Суд

Портик перед площадью. Яркое утро. Небо золотое. Богатое. Вдали — вершины башен. Золотятся. Внизу, на площади,— невидимый народ. Чуть видны руки осужденных в цепях, когда они их поднимают. Видны острия копий и знамена. По сторонам сидят старейшины. Снизу, с площади, всходят выборные цехов.

П и с е ц (*оканчивая чтение акта*)... Народному суду повинны. Казнь изберут по голосам от цехов избранные. Если повелит голос избранных помиловать преступных — так будет. Если изберут род казни через лишение жизни — и это будет.

С т а р е й ш и н а (*страже*). Скажите, пусть выйдут цехи.

С т р а ж н и к (*сходит с лестницы*). Идите. Кто выборные. Судить идите.

Слышны звуки рогов. По лестнице поднимаются выборные. Каждый цех отдельно, со значком. Становятся посередине.

С т а р е й ш и н а . Пусть совершится суд человеческий. Вы помните слова Пророка: «Мне отмщение, воздам я». И помните, что жизнь дана не нами. Мы даем лишь тело. И прекращает жизнь сам рок, в его законах слепо наше зрение. Его велений не уловит слух. Мы обещали вам предоставить суд. Возможность эту теперь мы вам вручили по вашей просьбе неотступной. Судите.

П е р в ы й в ы б о р н ы й . Такого преступления никто из нас не помнил и не знал. На этот раз считаем мы необходимым воздвигнуть казнь смертную. Чтоб помнили ее. Чтоб поколения наши знали, что есть гнев народа. Приговорили мы преступных четвертовать. Рубить сначала руки, затем уж ноги. Проколоть язык и голову срубить. (*Подает старейшине лист и отходит.*)

В т о р о й в ы б о р н ы й . Поручено мне передать наш голос, постановивший злодеев по базарам всем прогнать плетью. Потом по городам повесить и месяц не снимать. Такое наше слово.

Т р е т ь и й в ы б о р н ы й (*священник*). Помыслили в собраньи мы: изгнать злодеев, а буде кто вернется — тогда лишить уж жизни.

Внизу — недовольство народа.

Ч е т в е р т а я в ы б о р н а я . Мы поклялись им отомстить. Должны вы их клеймить клеймом позорным и нам отдать на полный произвол. Или заставим их работать за убитых, или вольны предать их смерти. А смерть мы изберем.

П я т ы й в ы б о р н ы й . Казнь наименьшая — лишение головы. Но, помня о злодейском преступлении, постановили мы усилить казнь. Послать на рудники на

время, не меньше трех лет. Чтобы тягчайшая работа производилась не меньше двадцати часов подряд. Но чтобы жизнь не прекращалась. А там уж после срока работ казнить лишением головы.

Шестой выборный. Мы избрали короче казнь. На барках всех вывезти далеко в море и утопить.

Седьмой выборный. Избить плетями и головы срубить. Но перед тем их выставить народу, чтоб гнев народный мог излиться.

Восьмой выборный. Всегда мы были против казни, но на этот раз решили казнь возобновить. Род казни пусть изберут старейшины.

Девятый выборный. Род казни нам безразличен, но требуем казнь смертную.

Гайятри (*появляется впереди выборных в белой одежде*). Остановитесь, мечтавшие о казнях. Я победил, и мне принадлежит назначить казнь. Велико преступление. Казнь должна быть велика. Ваши казни ничтожны. И кратки. Я наложу казнь жесточайшую. Перед ней все ваши измышления погаснут. Противу знания преступление тяжело. После него молчит милосердие. Вот! Пусть живут те. Цепи с них снимите. На свободу отпустить. Они уже сковали судьбу свою. И знают, что их ожидает. Вы знайте одно: их жизнь берегите. Всякое лишение жизни улучшит их судьбу. А если помыслят себя убить, тем хуже им...

Народ. Он отпустил злодеев! Как знать? Он знает. Он победил. Мы не можем. Он сильный.

Гайятри. Я победитель. Казнь я назначаю. Я избрал жесточайшую казнь. Не будем противиться их жизни. (*Громче.*) Вы там! Вы останетесь живы! Вас никто не тронет. Все, что сковали вы, исполнится теперь. Снимите цепи. Стража! Снимите. Сюда несите цепи. Цепи людей не нужны.

Внизу снимают цепи. Груды цепей вносят и складывают на полу. Внизу — неясный гул. Неразборчивые речи. Лучи солнца проходят по Гайятри.

Стражник. Злодеи просят тебя!

Гайятри. Пусть! Я знаю.

Преступники (*вздывают руки*). Гайятри, казни нас. Так нельзя. Мы боимся. Все это к нам приходит. Ночью приходит. Каждую ночь мы не спим. Открыть глаза боимся. Убитые стоят. И шепчут что-то. Не знаем, что делать. Пусть возьмут головы. Ты знаешь. Ты показал нам...

Гайятри. К вам не выйду. Меня не найдете. Будете жить. В страхе или смятении. И смятем следы их шагов.

Преступники воют. Народ шелестит шепотом.

Гайятри (*народу*). А вы пойдете мирно. Будете трудиться. Будете слагать свою судьбу. Домохозяева, послушайте! Вам очень трудно быть праведными. Препятствия во всем. Вы знаете их хорошо: болезни, горе, бедность и несогласия в домах! Но люди иногда должны уединяться, жить в одиночестве, бороться изо всех сил, чтобы постигнуть Духа. Иногда полезно ненадолго оставить дом, ответственность, тревогу и заботу. Не быть среди людей и о делах, так нужных миру, не думать. Жить одному или увидеть окрепшего, святого человека. Ищите подвиг. Работать научитесь. Признайте единую власть знания. Власть светлую, ведущую без страха и ужаса. Учитель есть! Бог есть! Творящий Дух. Во всем умейте узнать его блестящий облик. (*Тише.*) Думайте. Углубитесь. Когда я шел сюда, никто добром и не помыслил. Сколько было притворства. Крался согбенный

старик и пытался кинжалом ударить. Прекрасная женщина молила остановиться для того, чтобы ядом плеснуть. Юноша казался больным, чтобы метнуть копье. Тогда они уже догадались, что их удары безвредны для меня. Но все же пытались. И ни одной попытки добра. (*Задумывается.*) Обострили свою всю силу на вред мне.

О с у ж д е н н ы е . Казни!

Г а й я т р и . Нет, будете жить. Ваши вожди уже истреблены. Они истребили сами себя. Они не нашли в себе благой силы. А вы, что в темноте с ними встали, будете жить. И будете — помнить. И будете — знать.

О с у ж д е н н ы е . Казни! (*Воют.*)

Г а й я т р и . Нет!

О с у ж д е н н ы е . Казни!

Г а й я т р и . Нет.

О с у ж д е н н ы е . (*Воют.*)

Г а й я т р и . Когда сердце начнет ожесточаться, ты, Знающий, повели облаку благодати низко спуститься с вершины.

Старейшины встают и воздевают руки.

Дай силу высоко вознести
дух над уловками жизни.

Дай не преклонить колени
перед дерзким владычеством.

Когда желание ослепит дух ложью и прахом, приди, Бодрствующий, с молнией и громом. Пошли Твою бурю, полную ужаса и смерти, если так угодно Тебе, и мечами молнии потряси мир от края до края.

Слушай, Слышащий. Молю.

Источник слов моих знаешь.

Где мудрость страха не знает.

Где мир не размельчен
ничтожными домашними стенами.

Где знание свободно.

Где слова исходят из правды.

Где вечно стремление к совершенству.

Где Ты приводишь разум
к священному единству.

В тех небесах свободы, Могущий,
дай проснуться, моей Родине.

Солнцу.

Как увидим Твой лик?! Все сияет светом Его. В темноте сверкают крупницы Твоего сияния. И в моих закрытых глазах брезжит чудесный Твой свет.

Занавес

Наставление ловцу, входящему в лес

Дал ли Рерих из России —
примите.
Дал ли Аллал-Минг-
Шри-Ишвара ²³⁴ из Тибета —
примите.
Я — С НИМ.

В час восхода я уже найду
тебя бодрствующим, Ловец!
Вооруженный сетью, войдешь
ты в лес. Ты приготовился.
Ты умыт и бодр. Тебя
не стесняет одежда. Ты
препоясан. И свободны
мысли твои. Да, ты
готовился! И простился
с хозяином дома. Ты,
ловец, лес полюбил. И
ловом твоему роду благо
ты принесешь. Затрубить ты готов.
Большую добычу ты наметил
себе. И не убоился тягости
ее. Благо! Благо! Вступивший!
Крепки ли сети твои?
Ты их укреплял долгим
трудом? Испытал их
пробными ударами? Ты
весел? И если смех твой
устрашит часть добычи —
не бойся. Но не греми оружием
и не окликай громко ловчих.
Ах, при неумении, из ловца
тебя сделают загонщиком.
И даже ловчий будет хозяином
твоим. Собери знание. Соблюди
путь твой. Почему ты
озираешься?
Под красным камнем залег
красный змей. И зеленый мох
скрыл зеленую змейку. Но
ее жало также остро. Уже
с детства тебе твердили
о змеях и о скорпионах.
Целое учение страха! Но
много щебечущих и свистящих
полетит за тобою. И шорох
переползет тропу твою. И
завывание пронзит твое

²³⁴ Аллал-Минг-Шри-Ишвара — одно из имен махатмы Мориа.

ухо. Из червей вырастают
киты. И крот становится
тигром. Но ты знаешь
сущность, ловец. Это все —
не твое. Твоя — добыча!
Спеш! Не медли! Вступивший!
Не истрать сети твои на
шакалов. Добычу знает
только ловец.

Иногда тебе кажется, что
ты уже многое знаешь. Но
все-таки ты не знаешь, кем
положены круги камней на
опушке? Что они значат?
И кого предостерегает знак
на высокой сосне? Ты даже
не знаешь, кто наполнил
черепами овраг, в который
ты заглянул? Но если и ты
подвергнешься опасности —
не спускайся в овраг и не
скройся за деревом. У тебя
пути без числа и только
один у врага. Из преследуемого
сделайся ты нападающим.
Как сильны нападающие и
как бедны оправдывающиеся.
Оставь защищаться другим. Ты
нападай.

Ибо ты знаешь, для чего
вышел ты. И почему ты
не утрашился леса. Священный,
и страшный, и благословенный
лес. Дай ловцу пройти тебя.
Не удержи его. Не скрой
пути и тропинки. И не
испугай. Я ведь знаю, ты
многоголосный. Но я слышал
твои голоса. И ловец мой
возьмет добычу свою. И ты,
ловец, путь свой знай сам.
Не верь зовущим и не
обращайся к сообщающим.
Ты, только ты, знаешь
добычу твою. И не предпочтешь
малую добычу, и препятствиями
не огорчишься.
Удивляющийся уже открыт
для врага. Впавший в раздумье
теряет сети свои. А
потерявший возвращается
назад в поисках. Но пойдешь

ты вперед, ловец! Все
оставленное позади — не твое.
И ты знаешь это так же,
как я. Ибо ты знаешь все.
И припомнить все можешь.
Ты знаешь о мудрости.
Ты слышал о смелости.
Ты знаешь о нахождении.
И ты проходишь овраг
только для всхода на холм.
И цветы оврага — не твои
цветы. И ручей ложбины не
для тебя. Сверкающие водопады
найдешь ты. И ключи родников
освежат тебя. И перед
тобой расцветет вереск
счастья. Но он цветет —
на высотах.
И будет лучший загон не
у подножья холма. Но твоя
добыча пойдет через хребет.
И, пылая на небе, поднимаясь над
вершиной, она остановится.
И будет озираться. И ты не
медли тогда. Это твой час.
И ты и добыча будете на
высотах. И ни ты, ни добыча
не пожелаете спуститься
в лощину. Это твой час.
Но, закидывая сеть, ты знаешь,
что не ты победил. Ты
взял только свое. Не считай
себя победителем. Ибо все —
победители, но точно не
припомнят.
Я привел тебя к широким
рекам и необъятным
озерам. И я тебе показал
океан. Видевший бесконечное
не потеряется в конечном.
Ибо нет бесконечного леса.
И каждую топь можно обойти.
Ловец! Мы вместе плели твои
сети. Мы вместе ловчих искали.
Мы вместе избирали места
наилучшего лова. Мы вместе
избегали опасности. Вместе
мы утверждали наш путь.
Без меня не познал бы ты
океана. Без тебя не узнаю
радость твоего счастливого
лова. Я люблю тебя, мой

ловец! И Сынам Света я
лов представляю твой.
И если бы ты даже ошибся.
Если бы временно спустился в
ложбину. Если бы даже оглянулся
на черепа. Если бы смехом
отстранил часть добычи. Но
я знаю, что не переставая идешь
ты для лова. Не смущаешься
и не потеряешь пути. Ты
знаешь, как по солнцу путь
находить. И как по вихрю
обернуться к дороге. А кто
зажег его — Солнце? И кто
пригнал его — Вихрь? Но
из области Солнца говорю
с тобою. Твой друг и
наставник и спутник.
Ловчие и загоновожатые пусть
будут друзья. И после лова,
отдыхая на холме, призови
ловчих и загоновожатых.
Расскажи им, как ты шел
до холма. И почему ловец
не должен ждать по оврагам.
И как на гребне встретил
добычу. И как ты будешь знать,
что эта добыча — тебе. И
как надо миновать малую
добычу. Ибо кто идет
к ней, тот с ней и
пребудет.
Расскажи также, как ловец
несет на себе все признаки
лова. И как он, только он,
знает уменье и добычу свою.
Не разгласи о лове не знающим
о добыче. В час огорченья, в час
бедности они наймутся
загонщиками и через заросли
примут участие в лове. Но
пойми, ловец, пойми ты ловчих.
С ними испей воду у костра
отдыха. Пойми, понимающий.
И, кончая ловлю, почини сети
твои и задумай лов новый.
Не пугайся и не пытайся
пугать. Ибо если не испугаешь,
страх обернется на тебя
еще больший. Задумывай просто.
Ибо все просто. Все прекрасно
прекрасномысленное.

Всякий страх ты победишь
непобедимою сущностью
твоею. Но если задрожешь, то
пораженный, уничтоженный,
ни кричащий, ни молчащий,
утративший сознание времени,
места и жизни — лишишься
остатков воли. И куда
пойдешь ты?

А если кто из утомленных
загоновожатых скажет тебе
против ловли. Не слушай его,
мой ловец! Размягчающие!
Эти заслонившие себя
сомнением! Какова будет
их ловля? И что они
принесут своим близким?
Снова пустую сеть? Снова
желания без исполнений?
Потерянные, как утеряно
их бесценное время. Ловец —
для лова. Не внимай часам
утомления. В эти часы ты
не ловец. Ты — добыча! Вихрь
пройдет. Промолчи. И опять
возьмешь рог свой. Не опаздывая,
не бойся опоздать. И, настигая,
не оберни голову. Все понятное
непонятно. И все объясненное
необъяснимо. И где предел
чудесам?

И еще последнее, о ловец
мой! Если в первый день
лова ты не встретишь
добычу, не сокрушайся.
Добыча уже идет для тебя.

Знающий ищет. Познавший —
находит. Нашедший изумляется
легкости овладения. Овладевший
поет песнь радости.

Радуйся! Радуйся! Радуйся!

Ловец

Трижды позванный.

1921 г.,
Чикаго

Толковый словарь

Аватара (санскр. — нисхождение, сошествие) — в индуистской мифологии нисхождение божества на Землю, его воплощение в смертное существо ради спасения мира, восстановления «закона» (дхармы) и добродетели.

Агни Йога (от санскр. Агни — огонь) — учение гималайских *Махатм*, основы которого были собраны и опубликованы в Улан-Баторе, Париже и Риге Еленой Ивановной Рерих в 14 книгах: «Листы Сада Мории» (т. 1 — «Зов», т. 2 — «Озарение»), «Община», «Агни-Йога», «Беспредельность» (т. 1, 2), «Иерархия», «Сердце», «Мир Огненный» (т. 1, 2, 3), «Напутствие вождю», «Аум», «Братство».

Адамантиус (адамант) — алмаз.

Армагеддон — в Библии («Откровение Иоанна») последнее поле битвы светлых ангельских сил под предводительством Архистратига Михаила с темным воинством «врага рода человеческого». Аллегорически символизирует решающую битву сил света и тьмы.

Архат (санскр. — достойный) — в буддизме — святой, достигший высшего человеческого совершенства и стоящий на пороге *нирваны*, готовый стать *буддой* или *боддхисатвой*.

Атлантида — легендарный континент в Атлантическом океане, трагически погибший в результате катаклизма, вызванного тем, что негативный духовный потенциал его народа превысил определенные рамки. *Живая Этика* утверждает наличие непосредственной связи между духовно-психическим состоянием масс и сейсмической активностью.

Атман — одно из центральных понятий индуизма, индивидуальное (субъективное) духовное начало Вселенной и человека.

Аура (греч. — веяние) — комплекс энергетических излучений человека, животного, растения или объекта неживой природы. У человека характеризует его физическое и психическое состояние.

Беловодье — русский вариант названия легендарной *Шамбалы*, обитель святых старцев в горах на Востоке.

Беспредельность — в *Живой Этике* термин, обозначающий Вселенную, *космос* во всей совокупности многообразных аспектов этого понятия, характеризующий один из наиболее фундаментальных принципов организации жизни и всего мироздания, а также их эволюции.

Бикху — монах в южном буддизме.

Благословенные — см. *Иерархия*.

Бодхисатва — *архат*, достигший *нирваны*, но отказавшийся от нее ради помощи страждущему человечеству.

Брама — в индуизме божество, составляющее вместе с Вишну и Шивой божественную троицу (тримурти).

Брамин — в Индии представитель индуистского жречества, составляющего высшее сословие.

Будда (санскр. — просветленный) — в буддизме *архат*, достигший *нирваны*.

Веды (санскр. — священное знание) — древнейшие памятники индийской религиозной литературы (конца 2-го — начала 1-го тысячелетия до н. э.), сборники гимнов и жертвенных формул.

Великое Служение — в *Живой Этике* жертвенное беззаветное служение на благо мира и человечества.

Владыка — определительный эпитет высокого иерарха (см. *Иерархия*).

Гомункулус (лат. — человек) — по представлениям средневековых алхимиков, существо, подобное человеку, которое можно якобы получить искусственно. Существо,

внешне походящее на человека, но не являющееся таковым в действительности (лишенное человеческой души).

Грааль — в западноевропейских средневековых легендах таинственная чудодейственная святыня, сокровище мира, хранимое братством святых рыцарей. В одном варианте легенды Грааль предстает чашей, в которой совершил первое таинство евхаристии сам Иисус Христос на тайной вечере и в которую собрал его кровь Иосиф Аримафейский. В другом варианте Грааль — камень, обладающий чудесной силой, принесенный с небес на землю ангелами.

Гуру (санскр.) — духовный наставник, учитель.

Далай-лама — первосвященник ламаистской церкви в Тибете, являвшийся также в период независимости Тибета главой государства.

Дальние миры — в *Живой Этике* иные планеты и звезды во Вселенной, а также «тонкие» энергетические миры.

Дхарма — одно из центральных понятий индуизма и буддизма, имеющее несколько значений: вечный моральный закон, нравственно-социальное установление для «праведной жизни», первичные элементы бытия и психофизические элементы жизнедеятельности личности.

Дэвы — божества древнеиндийской мифологии.

Евхаристия — одно из таинств христианской церкви. По церковным представлениям, при совершении священником евхаристии хлеб и вино претворяются в тело и кровь Христа.

Живая Этика — одно из названий Учения *Махатм Шамбалы*, характеризующее один из основных аспектов этого учения.

Знамя Мира — белый стяг с красным знаком трех кругов, заключенных в окружность, символизирующий прошлые, настоящие и будущие достижения человечества в круге вечности. Предложен Н. К. Рерихом как флаг и эмблема *Пакта* международной охраны культурных ценностей.

Иерархия — в *Живой Этике* 1) закон взаимозависимости низшего с высшим (более совершенным и эволюционно развитым); 2) соборное определение светлых сил мироздания, стоящих выше человека на эволюционной лестнице.

Иерофант — руководитель, наставник, посвящавший учеников-неофитов в таинства мистерий.

Каббала (древн.—евр.— предание) — мистическое течение в иудаизме, соединившее неоплатонический пантеизм с гностицизмом и иудейской традицией аллегорического толкования Библии.

Карма (санскр.,— деяние, поступок) — 1) закон причинно-следственных связей, согласно которому судьба человека складывается как результат всех его добрых и дурных дел, намерений и стремлений; 2) судьба человека, складывающаяся по закону кармы.

Коран — главная священная книга мусульман, собрание проповедей, молитв, притч и установлений пророка Мухаммеда.

Космос (греч.— строение, упорядоченность, надлежащая мера, мировой порядок, мироздание, красота) — мироздание в единстве всех аспектов этого понятия (как, например, макрокосмос — внешняя Вселенная, микрокосмос — человек и т. д.). Целостная, упорядоченная, «проявленная», то есть организованная из *хаоса* в соответствии с определенным законом, Вселенная. Древнегреческий космос подчеркивает идею эстетичности устройства мироздания, где красота выступает первейшим признаком и критерием совершенства.

Кундалини — «змеиная сила», в индийской йоге творческая психическая сила, дремлющая у обычного человека в латентном состоянии. Управляемая йогом, она способствует раскрытию *центров-чакр* и творческому преображению всей нервно-психической деятельности человека.

Лама (букв, учитель) — буддийский монах в северной Индии, Тибете и Монголии.

Логос — одно из основных понятий древнегреческой философии; одновременно «Слово» и «Смысл». Введено Гераклитом как универсальная осмысленность, ритм и соразмерность бытия, тождественная первостихии огня. В стоицизме — эфирно-огненная душа космоса. В христианстве Логос отождествлен с Христом.

Магия (от греч. *mageia*) (колдовство, волшебство) — обряды, связанные с механическими манипуляциями особыми предметами, словесными и письменными формулами с целью установления связи с миром духов и воздействия на события в окружающем мире.

Майя — философская категория в индуизме и буддизме, причина видимого физического мира, сила, посредством которой единый абсолют предстает конечным, множественным и изменчивым в виде материальной вселенной, жизни. Понятие майи характеризует также «иллюзорность» физического мира, скрывающую стоящую за ней высшую реальность.

Материя *Матрикс* — космическая первоматерия, материал построения физического мироздания.

Матерь Мира — в древнейших мифологиях женский аспект божества, подательница и хранительница жизни, покровительница человечества.

Махатма (санскр.— великая душа) — в индийской философии душа мира, олицетворяющая высшее бытие и высшую истину. Дается как своеобразный титул особо выдающимся, духовно развитым людям, соединившимся в своем сознании с высшей мировой душой (архаты, бодисатвы, риши...), а также используется как определенный эпитет учителей гималайского братства *Шамбалы*.

Мистерия (греч.— тайна, таинство) — в Древнем Египте, Вавилонии, Греции, Риме... тайные религиозные обряды, в которых участвовали только посвященные — мисты.

Монсальват — в средневековой Европе легендарная священная гора, венчающаяся замком тамплейзов — братства рыцарей святого *Грааля*. Символ духовной чистоты, святости, совершенствования и преданности.

Музыка сфер — пифагорейский термин, связанный с представлением о звучании небесных сфер (звезд и планет в их движении), образующем величественную симфонию мироздания.

Нирвана (санскр.— угасание) — центральное понятие буддийской философии, означающее сверхчеловеческое бытие, не поддающееся описанию в человеческих понятиях. Достигается с угасанием эгоистических желаний и страстей, то есть с освобождением от пут майи и посвящением себя на служение миру. В *Живой Этике* нирвана рассматривается как одна из ступеней развития жизни в *космосе*.

Новый Мир — в *Живой Этике* грядущая эпоха культуры, духовности, разума и мировой общины.

Огонь — 1) главенствующая стихия в представлениях о мироустройстве в древних философиях. Лежит в основе проявленного *космоса*; 2) в *Живой Этике* фигурирует и как основное качество «психической» энергии человека, откуда и происходит другое название этого учения — *Агни Йога*.

Окультизм (от лат. *occultus* — тайный, сокровенный) — общее название учений, признающих существование скрытых сил в человеке и космосе, доступных для познания и овладения в результате духовного подвижничества и специальной психофизической тренировки или же механического развития воли и магических манипуляций (в соответствии с чем окультизм разделяется на «светлый» и «темный»).

Перевоплощение — закон развития мира, являющийся важнейшей частью философских систем Древнего Востока. В Европе был принят в братствах орфиков, пифагорейцев, гностиков... Признавался в раннехристианских общинах и утверждался некоторыми отцами церкви (напр., Ориген). Согласно закону перевоплощения (или реинкарнации), человеческий дух в ходе своего развития проходит через ряд земных

жизней.

Прана (санскр.— дыхание, жизнь) — в индуизме жизненная энергия, разлитая в природе.

Пранаяма — система дыхательных упражнений для регулирования притока *праны*.

Пураны (буквально — древние сказания) — сложившиеся в IV—XIV веках эпические сказания, включающие космогонические мифы о богах и Вселенной, а также исторические предания о глубокой древности.

Пустынный Лев — название одной из высших степеней духовного развития в *Агни Йоге*.

Раввин — в иудаизме руководитель общины верующих, служитель культа.

Риши — в индуизме великие святые, подвижники, давшие людям *Веды*.

Садху — в индуизме нищий монах-подвижник.

Самадхи (санскр.) — в индуизме высшее экстатическое состояние духовного подвижника.

Скит — келья отшельника.

Стигмат (греч.) — укол, рубец, пятно, знак.

Тао (Дао) — одна из основных категорий китайской философии. В конфуцианстве — путь идеального правителя, нравственного совершенствования, совокупность морально-этических норм. В даосизме — закономерность всего сущего, порождающее и организующее начало. Мир рассматривается как «воплощение» Дао.

Телепатия (от теле- и греч. *pathos* — чувство) — парапсихологический феномен передачи мыслей и чувств на расстояние.

Темные (силы) — в терминологии *Живой Этики* антиэволюционные человеконенавистнические силы, замкнутые на эгоизме и властолюбии.

Теософия (от греч. *theos* — бог и *sophia* — мудрость) — религиозно-философское и оккультно-мистическое направление, основными чертами которого является стремление к органическому синтезу религий на основе их *эзотерического* содержания (при критическом отношении к экзотерическим догматам) в соединении с оккультно-мистическим знанием. Теософской традиции прилежат гностицизм, неоплатонизм, религиозно-мистические учения Я. Беме, Парацельса, Розенкрейца, а также Е. П. Блаватской.

Терафим — охранительный, укрепляющий талисман, существующий в виде энергетического образования в астральном мире или «намагнетизированного» психической энергией предмета.

Тонкое тело — оккультный термин, аналогичный понятию «душа».

Трансмутация — эволюционное преображение, переход к более высокой форме организации.

Третий глаз — в западном и восточном *оккультизме*, нервный центр, дающий возможность видеть скрытое обычному глазу (напр., *ауру*).

Трипитака (санскр.) — три корзины (закона) — каноническое собрание священных текстов буддизма.

Упанишады (санскр.— сокровенное знание) — заключительная часть *Вед*, их завершение («веда-анта»); основа религиозно-философских систем Индии. Содержание упанишад являет собой учение о духовном восхождении человека, «освобождении» духа. Период создания упанишад VII в. до н. э.— XV в. н. э.

Учитель — обобщающий многогранный термин, включающий представления о высшем «Я» человека, высшей душе мироздания, *Махатмах Шамбалы*; а также непосредственном духовном наставнике, старце, духовном отце, обрести которого в жизни должен стремиться каждый человек. Таким образом, понятие Учителя полностью охватывает представления о цепи духовного водительства, именуемой *иерархией*.

Флюиды (лат.— текучий) — энергетические излучения живых существ и физических предметов, образующие их *ауру*.

Хаос — в древних мифологиях беспредельное недифференцированное первовещество, не имеющее никакой организации, из которого некая божественная первопричинная сила созидает проявленный *космос*.

Центры (человека) — в *Живой Этике* нервно-психические узлы, потенциальные силы и функции которых мало освоены человеком (исключая святых и духовных подвижников). В терминологии классической индийской йоги — чакрамы (*чакры*).

Чакры (санскр.) — то же, что *центры*.

Чела (санскр.) — ученик духовного наставника (*гуру*).

Шамбала (санскр.) — буддийское наименование места пребывания в Гималаях общины великих *Махатм*. Представления об обители святых и праведников в горах на Востоке распространены по всей Азии (Шамбала, Калапа, Долина бессмертных...), а также России (Беловодье) и Европе (Рипейские горы, Братство *Грааля*, Царство пресвитера Иоанна...). Второе значение термина Шамбала в буддизме — это олицетворение грядущей эпохи добра и истины (см. *Новый Мир*), века Майтрейи.

Эзотерический (греч.) — «внутренний», предназначенный для посвященных, в отличие от экзотерического (внешнего). Как правило, любая крупная религия имеет экзотерическую сторону, предназначенную для большинства верующих, и эзотерическую — для монашества и служителей культа, а также еще более глубокую (как бы субэзотерическую), исповедуемую высшими духовными подвижниками и богословами-философами.

Юга (санскр. — период, эра) — по индуистской концепции планета и человечество развиваются по закону спирального прохождения мировых циклов, в которых выделяются по четыре периода — юги (Крита или Сатья — совершенная юга, «золотой век», Трета, Двапара, Кали — черная юга, «железный век»). *Живая Этика* относит наше время к переходному этапу от Кали Юги, эры войн, падения нравственности и угнетения человека человеком, к Сатья Юге, эре мира, культуры и справедливости.

Библиография

1. Прижизненные издания произведений Н. К. Рериха на русском языке

Собрание сочинений, кн. 1.— М., 1914.
Цветы Мории.— Берлин, 1921.
Пути Благословения.— Нью-Йорк, 1924.
Сердце Азии.— Нью-Йорк, 1929.
Держава Света.— Нью-Йорк, 1931.
Твердыня Пламенная.— Париж, 1932 (1933).
Священный дозор.— Харбин, 1934.
Врата в будущее.— Рига, 1936.
Нерушимое.— Рига, 1936.

2. Сборники произведений Н. К. Рериха, изданные в СССР

Из литературного наследия.— М., 1974.
Алтай-Гималаи.— М., 1974.
Зажигайте сердца.— М., 1990.
Избранное.— М., 1979.
Стихотворения. Проза.— Новосибирск, 1989.